

ПОРТРЕТ Н. Я. БИЧУРИНА В КИТАЙСКОЙ ОДЕЖДЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С 132/59
2 вкл

Н.Я. БИЧУРИН
(ИАКИНФ)

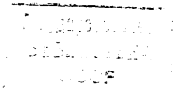
СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ, ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

I

1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА – ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. П. ТОЛСТОВ

Редакция текста,
вступительные статьи, комментарий
А. Н. БЕРНШТАМА и *И. В. КЮНЕРА*

ОТ ИНСТИТУТА

Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР переиздает труд выдающегося русского ученого-китаиста Никиты Яковлевича Бичурина, известного под монашеским именем о. Иакинфа. Являясь одним из ярчайших представителей русского востоковедения XIX в., Бичурин создал в конце своей жизни книгу «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», намного опередившую по охвату материала и качеству перевода современных ему авторов и не уступающую аналогичным переводам позднейших авторов.

Труд Бичурина давно стал библиографической редкостью, а между тем он является и поныне незаменимым пособием для историков народов СССР. Учитывая значение этой книги, Институт этнографии переиздает ее, одновременно отмечая этим 100-летие со времени выхода книги в 1851 г. и наступающую в 1953 году 100-летнюю дату со дня смерти этого замечательного русского ученого.

Переиздание, сделанное по тексту 1851 г., снабжено вступительными статьями: доктора исторических наук проф. А. Н. Бернштама «Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» и доктора исторических наук проф. Н. В. Кюнера «Работа Н. Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В текст внесены необходимые уточнения, выправлены опечатки первого издания, сделаны ссылки на источники и включен минимальный пояснительный комментарий. Перевод снабжен указателями: племенных и географических названий, исторических имен и специальных терминов. Они исполнены Г. А. Гловацким (ч. I и III) и Е. Т. Дубровиной (ч. II). А. Н. Бернштам и Н. В. Кюнер дали в указателях

комментарии, касающиеся отождествления древних названий и современных, и отметили главнейшие соответствия китайской транскрипции с общеупотребительными произношениями племенных и географических наименований.[1] Иллюстрации к переизданию подобраны А. Н. Бернштамом и Л. П. Потаповым. А. Н. Бернштамом составлены и пояснительные карты. Перевод названий на китайских картах, подобранных А. Н. Бернштамом из китайского сочинения XVIII в. Циньдин Хуанюй Сиюй Тучжи, сделан Н. В. Кюнером. Библиографию трудов Бичурина и материалы к биографии составила под руководством А. Н. Бернштама научный сотрудник Архива АН СССР Б. А. Малькевич. Все приложения выделены в специальную часть в третьем томе.

Как уже было указано выше, в текст Бичурина внесены минимальные изменения. Без оговорок исправлены явные опечатки, в квадратных скобках даны пропуски и исправление описок Бичурина. Комментарии редакции к тексту и указателю также даны в квадратных скобках. Комментарии в тексте относятся только к собственно китайским событиям. Все остальные пояснения перенесены в указатели, где они даны в круглых скобках.

Расположение материала и оглавление частей сохранены в том виде, как это было дано в первом издании.

На полях курсивом указаны соответствующие страницы первого издания и полужирным даны из того же издания даты к тексту.

[1] Вводные статьи в указатели не включены.

А. Н. Бернштам

Н. Я. БИЧУРИН (ИАКИНФ) И ЕГО ТРУД «СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ, ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА»

I. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКИТЫ ЯКОВЛЕВИЧА БИЧУРИНА

(1777 — 1853)

Выдающийся человек своего времени, Никита Яковлевич Бичурин, известный и под своим монашеским именем отца Иакинфа, представлял весьма колоритную фигуру.

Крупнейший ученый, намного опередивший свое время, «вольнодумец в рясе», Бичурин был связан с А. С. Пушкиным, декабристом Н. А. Бестужевым, такими передовыми людьми, как А. А. Краевский, В. Ф. Одоевский, К. М. Шегрен, И. А. Крылов, И. И. Панаев, А. В. Никитенко и др., с общественностью литературной Москвы, группировавшейся вокруг журнала «Московский телеграф».

Нетерпимый к проходимцам в науке и подлецам в политике, неутомимый в работе и остро реагировавший на события внутренней и международной жизни, Бичурин и при жизни, и много лет спустя после своей смерти вызывал самые разноречивые отзывы. Его нелицеприятие и резкость, активная защита своих убеждений, любовь к отечественной науке и высмеивание пресмыкавшихся перед иностранщиной, фактический атеизм, несмотря на клобук и монашескую рясу, — все это вызывало к нему любовь и уважение, с одной стороны, ненависть и злобствующие выпады, с другой.

Биограф Бичурина Н. Щукин, лично знавший его, писал: «О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское: борода редкая, клином, волосы темнорусые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на о; характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий: беда тому, кто приходил к нему в то время, когда

он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принялся за турецкий язык, но оставил потому, что сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный. Так по крайней мере он говорил. Любил общество и нередко ночи просиживал за картами, единственно потому, что игра занимала его. Долговременное пребывание за границей отучило его от соблюдения монастырских правил, да и монахом сделался он из видов, а не по призванию».[1]

Дополняют эту характеристику воспоминания известного болгарского ученого и общественного деятеля Ю. Венелина, который, посетив в 1839 г. ученого монаха в его келье в Александро-Невской лавре, писал, что Бичурин «вежлив, приветлив и приятен до чрезвычайности. Единственный в своем роде из всех петропольских ученых».[2]

Монахом Бичурин сделался не по призванию.

Николай Малиновский, живший вместе с Бичуриным в ссылке в Валаамском монастыре, отмечал атеизм Бичурина. «Он (Бичурин. — *А. Б.*), — говорил Малиновский, — сомневался в бессмертии души».[3] Атеистические убеждения Бичурина отмечают многие биографы, и не случайно один из них в списке литературы о Бичурине, наряду с трудом П. В. Знаменского «История Казанской Духовной Академии» (т. II, стр. 496 и 513) назвал и ... «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова.[4]

Родился Никита Яковлевич 29 августа 1777 г. в селе Бичурине (по-чувашски Шинях) Чебоксарского уезда Казанской губернии, в семье дьячка, именовавшегося «дьячек Иаков» и даже не имевшего, якобы, фамилии, поскольку он был крестьянского происхождения.[5] На восьмом году жизни Никита поступил

[1] ЖМНП, сентябрь 1857, стр. 125. Ср. также биографические данные у Д. П. Пантелеева: Иакинф Бичурин к 150-летию со дня рождения (библиографические материалы). «Вестник Маньчжурии», 1927, 5, стр. 101—104. См. Библиографический бюллютень КВЖД, № 1—6, 1927, стр. 59—62. На эту статью Д. П. Пантелеева обратил наше внимание М. А. Сергеев.

[2] Отечественные записки, 1839, т. VII, стр. 33; Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III, стр. 131—133.

[3] Prace Komisyi do Badan nad historia literatury i oswiaty, т. 1, Варшава, 1914, стр. 144—145. Ср. М. П. Алексеев. Пушкин и Китай, Сб. А. С. Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937.

[4] Православная богословская энциклопедия, т. VI, СПб., 1905, стр. 11.

[5] Главнейшие материалы по биографии Бичурина: О. Иакинф Бичурин (Автобиографическая записка), изд. П. Савельевым (Ученые записки АН по I и III отделениям, 1855, т. III); И. Н. А[дорат ский]. Отец Иакинф Бичурин, Казань, 1886 (Православный собеседник, 1886, № 2, 3, 5, 7, 8); Н. Щукин. Отец Иакинф Бичурин, СПб. ведомости, № 130, 14 июня 1853, стр. 535—536, повторено в расширенном виде «Иакинф Бичурин», ЖМНП, август 1857, стр. III и сл.; Н. И. Веселовский. Иакинф, Русский биографический словарь, т. И — К,

三字經

САНЬ-ЦЗЫ-ЦЗИНЪ

ИЛИ

ТРОЕСЛОВІЕ

СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ

КИТАЙСКИМЪ ТЕКСТОМЪ.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ КИТАЙСКАГО

Монахомъ Іакинѳомъ.

Александру Сергеевичу Пушкину

От переводчика

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Х. Гинца.

1829.

Титульный лист книги Бичурина „Сань-Цзы-Цзинь или Троесловие“, преподнесеной автором А. С. Пушкину с собственноручной надписью

в училище нотного пения в г. Свияжске, а в 1785 г. перешел в Казанскую семинарию, где и получил фамилию Бичурин, по селу, в котором родился. Блестяще окончив ее в 1799 г. он обратил на себя внимание главы казанской епархии Амвросия Подобедова. Бичурина убедили принять сан священника, и в 1800 г. он получил место учителя высшего красноречия в преобразованной в Академию той же Казанской семинарии, где учился сам.

В 1802 г. Бичурин, приняв монашество, был назначен архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь и там же определен ректором семинарии. Однако «блестящая» карьера его кончилась через год. Биографы перечисляют много причин окончания деятельности Бичурина в Иркутске и последовавшей затем ссылки в Тобольский монастырь преподавателем риторики в семинарии. Основными поводами к этому послужили нарушение Бичуриным монастырского устава и конфликт с семинаристами.

При отправлении очередной (девятой) духовной миссии в Китай синод назначил Бичурина начальником ее и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине. История назначения и выезда Бичурина в Кяхту продолжалась с 1805 по 1807 г. Только 17 сентября 1807 г. Бичурин отправился из Кяхты в Пекин, куда прибыл 17 января 1808 г.; с этого года и следует начинать его научную биографию.

В Китае Бичурин с поразительной энергией принялся за изучение китайского разговорного, а затем письменного языка. Для этого он сам составил словарь, который за 14 лет его упорного труда достиг объема современных больших словарей. Трудоспособность Бичурина характеризуется такой частностью: этот словарь он лично переписал четыре раза. Но составление словаря было не единственной работой Бичурина. Биографы Бичурина уже неоднократно отмечали объем проделанной им за те же 14 лет работы. За это время им были

СПб., 1897, стр. 153 и сл.; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II, СПб., 1910, стр. 511; *Воспоминания и мемуары.* И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о В. Г. Белинском, СПб., 1876, стр. 117—118; Н. С. Моллер. И. Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки, Русская старина, 1888, август, стр. 271—300; сентябрь, стр. 524—560; А. В. Никитенко. Записки и дневник (1826—1877), СПб., 1893, стр. 36—38; В. Миротворцев. К биографии Бичурина, Православный собеседник, 1888, № 8, стр. 410—426; Переписка о Бичурине А. Н. Голицына и К. В. Нессельроде, Русская старина, август 1888, стр. 301—304; Н. С. Лесков. Таинственные предвестия, гл. VIII, Собр. соч., изд. Маркса, т. XX, стр. 74 и сл. (На последнюю книгу мое внимание любезно обратил М. М. Дьяконов). *Письма И. Бичурина*: Русская старина, декабрь 1871, стр. 680, Маяк, 1842, т. VI, кн. 9, отд. V, стр. 15; Библиография Востока, вып. 24 (1933), Л., 1934, стр. 89.

написаны все основные труды, впоследствии изданные в России, или подготовлены для них исчерпывающие материалы. [1]

Миссия и монастырь мало привлекали внимание Бичурина, хотя в архиве Синода и хранятся его донесения и рапорты по делам службы. Хозяйство миссии, не получавшей помощи от русского правительства, отвлеченного событиями 1812 г., пришло в упадок. Сменивший Бичурина Каменский столь образно охарактеризовал в своем донесении запустение в деятельности духовной миссии, что по возвращении в Россию в 1821 г. Бичурин был сослан в Валаамский монастырь со снятием сана, где и провел четыре года.[2]

Помимо огромного количества личных научных материалов, Бичурин привез в Россию целый караван из 15 верблюдов (около 400 пудов) ценнейших китайских книг и в монастыре занимался переводами и обработкой накопленных в Китае материалов.

На этот раз Бичурина выручило блестящее знание китайского языка. В человеке с такими знаниями нуждалось Министерство иностранных дел. Вызволил его из ссылки известный китаевед Е. Ф. Тимковский.[3] В 1826 г. Николай I

---

[1] Н. Я. Бичурин дал обзор основных своих работ в статье «Современные русские писатели». Отец Иакинф. Москвитянин, 1849, № 7, кн. 1, ст. IV. Критика и библиография, стр. 88 и сл. Здесь приведены тринадцать названий, т. е. все книги, кроме последней —«Собрание сведений...» Его работы обычно перечисляются в некрологах, указанных выше. Основная литература приведена в энциклопедических статьях Н. И. Веселовского и С. А. Венгерова. Очень плохо учтены его журнальные статьи. Приводим ниже журналы, где были напечатаны главнейшие статьи, использованные для настоящей работы.

Северный архив, 1828, № 2 и 7.

Московский телеграф, 1828, ч. 21, № 2; ч. 22, № 13; 1830, ч. 32, № 7; 1831, ч. 39, № 9 и 10; 1831, ч. 39, № 23.

Журнал Министерства народного просвещения, 1837, ч. 16, стр. 227; 1838, № 5—6, стр. 1—72.

Отечественные записки, 1839, т. VII; 1840, т. V, № 5; 1841, т. XIV; 1841, т. XV; 1841, т. XIX.

Русский вестник, 1841, № 7; 1841, т. II, стр. 697—723; 1841, т. III, вып. 9.

Сын отечества, 1843, т. III; т. V, кн. 1; т. V, кн. 2; т. VII.

Финский вестник, 1847, № 5.

Москвитянин, 1844, ч. III, 3; ч. II, 4; 1844, ч. V, 9; 1845, ч. XVIII, 7—8; 1849, кн. 1, вып. 8; 1849, кн. 1, вып. 9; 1850, ч. VI; 1851, ч. I.

Bulletin Scientifique, т. III, № 19.

[2] Материалы, касающиеся его ссылки, см. в вышеуказанных биографиях, особенно в Русской старине (1888, стр. 301—304). Там же—донесения Иркутского генерал-губернатора Пестеля, письмо кн. А. Н. Голицына (27 августа 1823 г.) и отношение вице-канцлера Нессельроде и. д. обер-прокурора св. синода (29 мая 1831 г.).

[3] Большинство биографов отмечают, что покровителем Бичурина был известный деятель Министерства иностранных дел в Петербурге Шиллинг фон Канштадт. Однако, судя по воспоминаниям А. В. Никитенко, вызволил Бичурина из ссылки Е. Ф. Тимковский, автор изве-

«начертал» резолюцию: «Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту». Бичурин почти не посещал Азиатский департамент; он заперся в келье Александро-Невской лавры и принялся за реализацию своих трудов.

С выходом в свет в 1828 г. «Записок о Монголии» началась кипучая деятельность Бичурина как по завершению научных трудов, в значительной степени подготовленных в Китае, так и по публикации законченных работ. Фактически он развернул эту работу после возвращения из ссылки, т. е. с 1826 г.

Известный археолог и историограф Н. И. Веселовский писал об этом периоде жизни Бичурина: «С этого времени (1826 г.) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже и иностранный ученый мир. Клапрот прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

В 1828—1830 гг. Бичурин опубликовал 6 книг и многочисленные статьи, которые он помещал в «Северном архиве», «Московском телеграфе», позднее в «Москвитянине», «Сыне отечества», «Отечественных записках» и других журналах. Командировка Бичурина в Забайкалье в 1830 г. обогатила русские фонды собранием тибетских и монгольских книг, а также коллекцией бурханов и других принадлежностей ламаистского культа, ныне хранящихся в Институте востоковедения и в Музее антропологии и этнографии при Институте этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Вторично Бичурин оторвался от своих занятий в 1835—1837 гг., когда он ездил в Кяхту для организации там училища китайского языка. Для этого училища он написал и издал в 1835 г. грамматику китайского языка, которая была удостоена полной демидовской премии и переиздавалась четыре раза. Кстати отмечу, что Бичурин получил четыре демидовских премии: в 1834 г. — за «Историческое обозрение ойратов...» (не переводный, а самостоятельный исторический труд), в 1838 г. — за упомянутую «Китайскую грамматику», в 1842 г. — за «Статистическое описание Китайской империи с географическими картами» и наконец в 1851 г. — за переиздаваемый ныне труд «Собрание сведений...».

После возвращения из Кяхты в 1837 г. Бичурин больше не покидал Петербурга, целиком уйдя в научные занятия. В этот период развивается также его публицистическая, литературная деятельность. Бичурин чутко относился к важнейшим

стного сочинения «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824). В Китае Е. Ф. Тимковский подружился с Бичуриным, который дал в его распоряжение ряд исторических материалов, использованных Е. Ф. Тимковским в своем труде.

общественно-политическим событиям своего времени, откликаясь на них прежде всего статьями в научных и литературных изданиях.

После выхода из Валаамского монастыря Бичурин устанавливает дружескую связь с А. С. Пушкиным, которому в 1828 г. дарит свою книгу «Описание Тибета» с надписью «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828 г. Переводчик Иакинф Бичурин» и в 1829 г.—«Сань-Цзы-Цзин» («Троесловие». Энциклопедия XII в.) с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».

Погодин, вспоминая об известном литературном салоне князя Одоевского, замечает, что здесь «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин) с китайскими, сузившимися глазками».[1]

Вполне справедливо пушкинисты полагают, что интерес Пушкина к Китаю был возбужден Бичуриным. Так, Н. О. Лернер писал: «Интерес Пушкина к Китаю был не случайный. В его библиотеке сохранились книги о Китае, подаренные ему известным Иакинфом Бичуриным, знатоком и поклонником китайской культуры»,[2] а известный пушкинист Б. Л. Модзалевский заметил, что «в начале 1830 г. о. Иакинф как раз ехал в Китай (Кяхту.— *А. Б.*) и мог соблазнить Пушкина на путешествие с собой».[3] Находясь в командировке в Кяхте в 1831 г., Бичурин не порывает связи с Пушкиным. Из Иркутска он высылает Пушкину очерк «Байкал (письмо к О. М. С[омову])» для альманаха «Северные цветы» (1832 г.).[4]

В этом альманахе Бичурин, пожалуй, единственный раз подписался инициалами своего гражданского, а не монашеского имени — Н[икита] Б[ичурин].

Пушкин знал Бичурина и как ученого. Напомню, что Пушкин читал работы Бичурина и использовал их в своих исторических трудах, прежде всего в «Истории Пугачева». Пушкин писал: «самым достоверным и беспристрастным известием о набеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие

---

[1] М. П. Погодин. В память о кн. В. Ф. Одоевском. М., 1869, стр. 56; ср. Н. С. Моллер. Указ. соч., стр. 535. Вспоминает о встречах в салоне В. Ф. Одоевского Иакинфа Бичурина, Белинского, Сахарова и других А. И. Герцен (см. его Былое и думы, ГИХЛ, Л., 1947, стр. 223). На это воспоминание наше внимание любезно обратил Н. А. Кисляков.

[2] Н. О. Лернер. Пушкин и его современники, вып. IX—X, № 267, 347, ср. также № 139, 531, 591, 596, 756, 1426, 1491, стр. 362.

[3] Б. Л. Модзалевский. А. Пушкин. Письма, т. II (1826—1830), ГИЗ, Л., 1928, стр. 363. Ср. Русский архив, 1882, кн. II, стр. 139; Литературная газета, 1830, № 1, стр. 5—6 и № 28, стр. 226.

[4] Северные цветы, стр. 66 и сл.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОЙРАТОВЪ

ИЛИ

КАЛМЫКОВЪ

СЪ XV СТОЛѢТІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНО

Монахомъ Іакинѳомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА

МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1 8 5 4.

Титульный лист первого крупного сочинения Н. Я. Бичурина «История ойратов».

познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках».[1]

Речь идет о книге Бичурина «Исторический обзор ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», которая частично печаталась несколько ранее в журнале Министерства внутренних дел.[2]

Пушкин читал также «Описание Чжунгарии», «Описание Пекина», «Историю Тибета и Хухунора» и другие основные труды Бичурина.

Связь Бичурина с передовой общественно-политической и литературной средой проходит красной нитью через его биографию. Она началась с поднесения им своей книги «Описание Тибета» Пушкину и закреплена была дружбой с поэтом и связью с декабристом Н. А. Бестужевым, с которым он встретился в 1830 г. во время посещения Забайкалья. Н. А. Бестужев подарил ему сделанные из кандалов четки, которые Бичурин с большой любовью хранил всю жизнь и подарил затем своей внучатной племяннице Н. С. Моллер. Бестужевым же был написан маслом портрет Бичурина, хранящийся в Кяхтинском музее.

Повидимому под влиянием встречи с декабристом Бестужевым Бичурин решил окончательно порвать со своим монашеским званием. В 1831 г. он подал прошение в синод о снятии с него духовного сана, поддержанное обер-прокурором Мещерским и Министерством иностранных дел. Однако, несмотря на согласие синода, Николай I «в 20 день сего мая (1832 года) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество».

Очевидно, по мнению Николая I, Бичурина было уже опасно выпускать из поля зрения, а за одиночной кельей Александро-Невской лавры, где жил монах, симпатизировавший декабристам, было легче следить. Действительно, литературные связи, а главное, литературная деятельность Бичурина внушали правительству серьезные опасения. Достаточно сказать, что Бичурин сотрудничал почти в двадцати периодических изданиях: «Сыне отечества», «Московском телеграфе», «Телескопе», «Современнике», «Отечественных записках», «Журнале Министерства народного просвещения», «Северном архиве», «Русском вестнике», «Финском вестнике» и др. О Бичурине писали регулярно по меньшей мере те же двадцать русских журналов,

---

[1] А. С. Пушкин. Собр. соч., т. IX, вып. 1.

[2] Журнал Министерства внутренних дел, 1833, № 5, 7 и 8.

ОПИСАНІЕ

ТИБЕТА

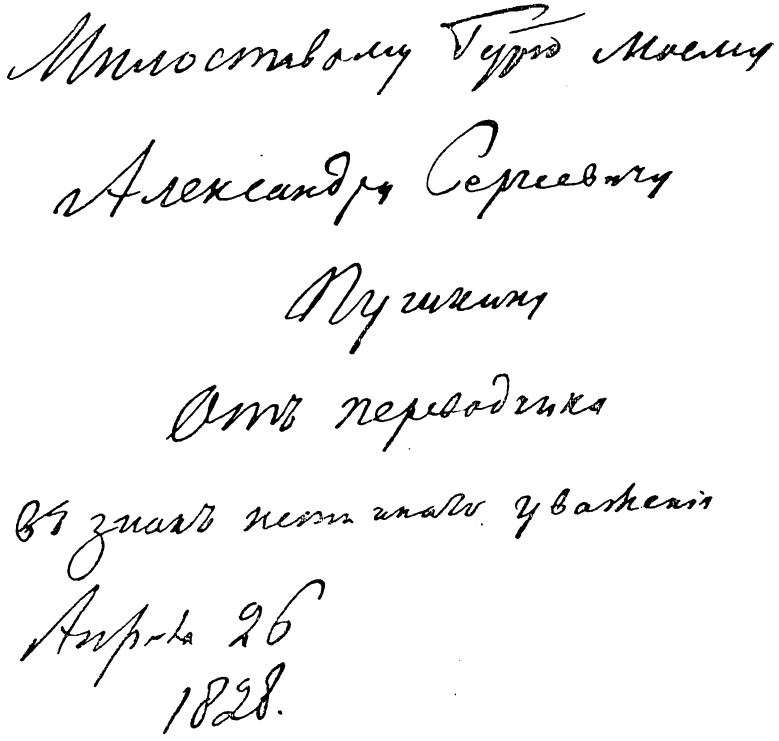
ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ.

Съ картою дороги изъ Ченъ-ду до Хлассы.

Переводъ съ Китайскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.
1828.

Титульный лист книги Н. Я. Бичурина «Описание Тибета».

Автограф Н. Я. Бичурина на книге «Описание Тибета», подаренной автором А. С. Пушкину.

из которых, пожалуй, только один занимал по отношению к нему враждебную позицию (имею в виду возглавлявшуюся Сенковским — бароном Брамбеусом — «Библиотеку для чтения»).

С 1844 г. здоровье Бичурина сильно ухудшается. Он отрывается не только от круга знакомых, ученых и литераторов, но даже от прямых обязанностей по Азиатскому департаменту и, чувствуя большой упадок сил, дарит в 1849 г. почти всю свою богатейшую библиотеку и рукописи библиотеке Казанской духовной Академии.

Последний творческий подъем Бичурина относится к 1846 г., когда он приступил по поручению Академии Наук к созданию «Истории народов Средней Азии», оконченной им в 1848 г. и изданной в 1851 г. После этого Бичурин не возвращался к научной работе. Он скончался 11 мая 1853 г. в 5 ч. утра у себя в келье, одинокий и забытый, и 12 мая был похоронен в ограде лавры. На памятнике по-китайски было совершенно справедливо написано: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами».

Характерен один штрих. Накануне смерти Бичурина к нему пришел один из миссионеров, чиновник Азиатского департамента. Сначала Бичурин молчал, но «посетитель заговорил с ним по-китайски. Вдруг старец как бы выздоровел, — заблистали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык, — и, безмолвный прежде, говорил беспрерывно на любимом языке своем».

Такова в общих чертах биография этого замечательного русского ученого.

Известен Бичурин стал в 1828 г. после выхода в свет его первой же большой книги «Записки о Монголии». Расцвет публицистической и научной деятельности падает на 1839—1844 годы.

Труды Бичурина не могли не привлечь к нему внимания русской научной общественности и получили высокую оценку. В 1828 г. (17 декабря) он был избран членом-корреспондентом Академии Наук.

Отношение к трудам Бичурина было весьма неоднородно в русской прессе. И до Бичурина Россия выдвинула немало крупных и оригинальных ученых в области китаеведения (например, Леонтьева), но Бичурин был намного выше своих предшественников. Этого не могла не видеть научная и литературная общественность. Большинство рецензентов и редакторов журналов, где он печатался, наделяли его лестными отзывами и эпитетами.

Высоко оценивала труды Бичурина русская передовая литературная общественность. Так «Телескоп» писал: «Трудолюбивый о. Иакинф не перестает разрабатывать обширные поля, на которых у нас не только не имеет соперников, но даже людей,

которые б могли ценить его заслуги, любоваться, гордиться ими».[1]

«Отечественные записки» называли Бичурина прямым и единственным теперь источником достоверных сведений о Китае,[2] а «Сын отечества» справедливо писал о нем как о «почтенном синологе, известном всей ученой Европе, пролившем совершенно новый свет на изучение Китая».[3]

Интересно отметить отношение к трудам Бичурина за границей. Еще в 1831 г. он был избран членом Азиатского общества в Париже; через год вышли во французском переводе его «Записки о Монголии» в Nouveau Journal Asiatique, переведенные также на немецкий язык. На французском языке сначала в том же журнале за 1829—1830 гг., а затем в 1831 г. отдельной книгой в переводе Ю. Клапрота вышло его «Описание Тибета». Переведены были также на немецкий язык «Описание Чжунгарии» и на французский—«Описание Пекина». Еще более значительными по количеству были пересказы работ Бичурина и рецензии на его работы.[4] Здесь кстати будет отметить ожесточенную полемику Бичурина с Клапротом. Последний широко пользовался его работами и в то же время подвергал их критике, на которую ему достаточно резко отвечал Бичурин. Однако ученые Западной Европы высоко ценили авторитет Бичурина. Чрезвычайно характерно в этом отношении обращение к Бичурину такого выдающегося французского синолога того времени, как Станислав Жюльен. Жюльен раскритиковал один из переводов своего соотечественника Потье. Последний резко ему ответил. Тогда Жюльен обратился к Бичурину как арбитру. Опубликовав свое критическое выступление против Потье, Жюльен воспроизвел и литографию письма на французском языке Бичурина от 12 ноября 1841 г., который в частности писал: «Знаете ли, почему г. Потье впадает в ошибки, переводя с Китайского. От того, что он имеет ложное понятие о строении этого языка и старается недостаток сведений заменить своими догадками».[5] В предисловии к своей книге Жюльен писал: «И кто, даже из незнающих языка, не убедится в ложности переводов г. Потье, когда о. Иакинф Бичурин, один

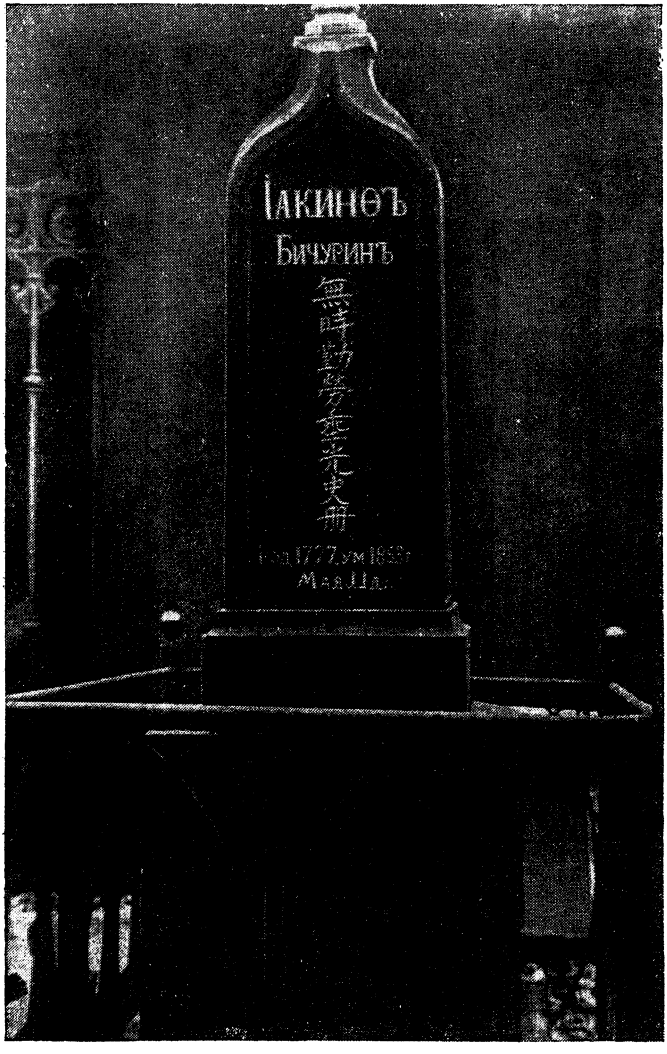
[1] Телескоп, 1836, № 46 в рецензии на труд Бичурина «Историческое обозрение ойратов...».

[2] Отечественные записки, т. XV, отд. II, стр. 1.

[3] Сын отечества, т. V, кн. 1, отд. IV, прим. ред. к ст. Иакинфа «Очерк истории Китая».

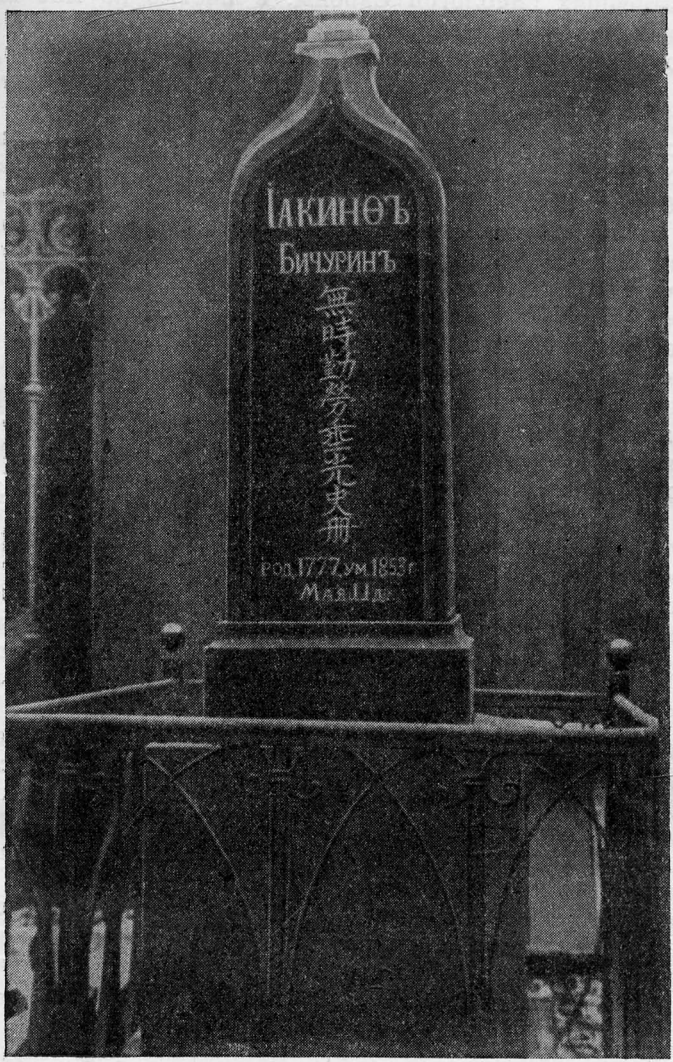
[4] H. Cordier. Bibliotheca Sinica, 1881, стр. 54, 56, 125, 674, 700, 768.

[5] См. Савельев. Спор двух парижских синологов, решенный синологом русским, Маяк, 1842, т. VI, кн. 9, отд. V, стр. 13. Там же литература и французский текст письма Бичурина.

Могила Н. Я. Бичурина.

Китайскими иероглифами написано: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами».

Могила Н. Я. Бичурина.

Китайскими иероглифами написано: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами».

из опытнейших синологов Европы, в письме ко мне вполне порицает систему его переводов».[1]

Этот эпизод подчеркивает авторитет русского ученого, особенно если учесть, что Франция была одним из крупнейших и старейших центров китаеведения.

Любопытно, что когда известный английский писатель, переводчик и лингвист Джордж Барроу (1803—1881) жил в Петербурге в 1833—1835 гг., он брал у Бичурина уроки китайского языка. Британская энциклопедия, отмечая посещение Барроу Петербурга и знание им китайского языка, «скромно» замалчивает этот факт.[2]

Достоинства трудов Бичурина несомненны; однако он справедливо подвергался и критике современников. Об этом будет сказано ниже.

Бичурин, будучи человеком гуманным, резко реагировал на всякое проявление крепостнического произвола. Об этом говорят не только данные его биографии, но и такая, например, характеристика, данная его внучкой (упомянутой выше Н. С. Моллер):

«Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником перед отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущался до глубины души и приходил в большое негодование».[3]

Бичурин высмеивал библейские теории происхождения народов вообще (следовательно, и китайцев), резко выступал в защиту Китая от грабительских вторжений европейских держав, особенно в период опиумной войны.[4] Развернутую точку зрения он изложил в 1848 г. в своем труде «Китай», где заявлял, что «европейцам есть чему поучиться у китайцев».

Это «наступление» на европейскую культуру вызвало ожесточенные нападки на него со стороны реакционной критики, которую возглавлял Сенковский. Достойно внимания, что Сенковский ополчился на Бичурина за то, что последний писал

---

[1] Exercices pratiques d'analyse de syntaxe et de lexicographie chinoise, Paris, 1842.

[2] The Encyclopaedia Britannica, т. IV, стр. 275, ср. стр. 276.

[3] Н. С. Моллер. Указ. соч., стр. 286.

[4] Обозрение приморских пунктов в Китае, служащих ныне театром для военных действий в Китае, Отечественные записки, т. XV, 1841; Сведения о Европе, сообщенные китайцам католическими вероисповедниками. Там же, т. XI, 1845; Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства в 1816 г. Северный архив, 1825, т. XVI; 1828, т. XXXII и XXXIV.

Lettre adressée à M. Stanislas Julien, par le P. Hyacinthe Bitchourin,
à l'occasion de L'EXAMEN CRITIQUE

A Mr Stanislas Julien

S. petersbourg 12 déc 1841.

Monsieur

Vous voudrez bien m'excuser de ce que j'ai tardé à repondre à vos deux lettres. Mon âge joint au climat fait que je suis souvent malade, de manière que depuis plus de deux mois je n'ai pas quitté ma chambre. J'avais lu depuis longtemps votre Examen critique. Je rends pleine justice à l'exactitude de votre traduction, surtout dans les endroits les plus difficiles .....

Savez-vous pourquoi M Pauthier se trompe en traduisant du chinois? C'est qu'il a une fausse idée du mécanisme de cette langue, et qu'il s'efforce de suppléer à ce qui lui manque de connoissance, au moyen de ses conjectures.

Veuillez agréer, Monsieur, l'assurance de la considération la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Votre très humble et très obéissant
Serviteur Hyacynthe

Письмо на французском языке Н. Я. Бичурина Ст. Жюльену, напечатанное в Exercices pratiques d'analyse de syntaxe et de lexicographie chinoise. Paris, 1842.

свои труды на русском языке. «Мы часто сожалеем, читая труды почтенного отца Иакинфа, что он не издает сочинений по-французски или английски. Русский язык до сих пор оставался и долго еще останется вне круга ученых европейских прений о предметах восточных, и самая запутанность, в которую повергнуты эти предметы гипотезами известных ориенталистов, еще увеличивается от появления нового диспутанта, изъясняющегося на языке, не получившем права гражданства в ориенталистике».[1] И далее Сенковский писал: «...и все это потеряно для науки, потому что писано на языке, который еще не имеет прав на известность в ученом свете».[2]

Если в начале своей научной деятельности Бичурин имел в качестве основного противника Юлиуса Клапрота, то теперь он нашел ожесточенного врага в Сенковском.

Для группы критиков типа Сенковского Бичурин был прежде всего «врагом европейской цивилизации». Их взгляды были схожи с теми, которые В. И. Ленин иронически называл взглядами «передовой» Европы, которая кричит «о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве».[3]

В своем ответе критикам — Клапроту, а в основном Сенковскому — Бичурин отвергал все предъявленные ему обвинения, в частности в пристрастном отношении к Китаю.[4]

Бичурин был патриотом и высоко ценил отечественную науку. Достаточно напомнить несколько его высказываний. Критикуя одну из географических работ о Средней Азии, напечатанную в «Отечественных записках» за 1843 г. (№ 11), Бичурин писал: «Если бы мы, со времен Петра Первого доныне, не увлекались постоянным и безразборчивым подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения. Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чем-либо. Эта же мысль останавливает наши успехи на поприще образования в разных науках. Если слепо повторять, что напишет француз или немец, то с повторением таких задов всегда будем назади, и рассудок наш вечно будет представлять в себе

---

[1] О. И. Сенковский. Собр. соч., т. VI, СПб., 1859, стр. 27 Статья «Калмыки. Ойраты. Уйгуры (по поводу сочинения о. Иакинфа «Историческое обозрение ойратов или калмыков», 1835).

[2] Там же, стр. 28.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XVI, Отсталая Европа и передовая Азия, стр. 396.

[4] Современные русские писатели. Отец Иакинф. Москвитянин, 1849, № 9, кн. 1, отд. критики и библиографии, стр. 1 и сл.

отражение чужих мыслей, часто странных и нередко нелепых».[1] Совершенно аналогичную мысль он высказывает и в другой статье, когда, вмешавшись в спор о монгольской надписи времен Мункэ хана, защищая русского ученого Аввакума от критики его Шмидтом, он заявлял по поводу некоторых русских историков, державших сторону Шмидта: «Привычка руководствоваться чужими, готовыми мнениями, неумение смотреть на вещь своими глазами, неохота справляться с источниками, особенно изданными на отечественном языке: своему-то как-то не верится; то ли дело сослаться на какой-нибудь европейский авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле».[2]

Эти заявления Бичурина были основаны на тщательном изучении трудов его современников, например того же Клапрота. Напомним, что Бичурин прекрасно владел древними языками, греческим и латинским, хорошо знал немецкий и французский, изучал монгольский и турецкий.

Его критический ум и научная требовательность ярко сказались еще в первые годы научной деятельности. Ответы Бичурина на критику его работ Клапротом, в газете Ausland (1828 г.), а также критика Бичуриным работ самого Клапрота сделаны подробно и основательно. Бичурин поставил перед собой задачу «пересмотреть прежние его (Ю. Клапрота. — *А. Б.*) упражнения, в которых вообще недостает ни точности в переводе, ни основательности в суждениях».[3] Первое выступление Бичурина против Клапрота в журнале «Московский телеграф» имело место в 1829 г.; в том же году статья эта была издана на французском языке в Петербурге.[4] Продолжил свою полемику с Клапротом Бичурин разбором критических статей последнего в Nouveau Journal Asiatique за 1830 г., перевод которых был опубликован в «Московском телеграфе» за 1831 г. (№ 7 и 8). Ответ Бичурина «Г-ну Клапроту» затронул не только упомянутые статьи, но и его знаменитые Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1825).

Защищая свою точку зрения, Бичурин резко выступал против своих противников. Так, он высмеивал пангерманские теории в отношении племен Тянь-Шаня — усунь, в которых западноевропейские, главным образом немецкие, ученые того времени видели прагерманские племена и в которых, по выражению Бичурина, «...даже запаху германского не было». По этому

---

[1] Москвитянин, 1844, ч. II, № 3, стр. 170.
[2] Финский вестник, 1847, № 5, разд. IV, стр. 3.
[3] Московский телеграф, М., 1831, ч. 39, № 9 и 10.
[4] Observations sur les traductions et les critiques littéraires de M. de Klaproth, par le R. P. Hyacinthe Bitchourine. СПб., 1829. Об этой дискуссии см. в письме Н. Я. Бичурина к Н. А. Погодину от 19 марта 1831, Русская старина, 1871, т. IV, стр. 680.

поводу он писал: «но ученые Западной Европы еще обоняют в Чжунгарской атмосфере запах германизма... До каких нелепых заключений не доводит нас тщеславное стремление к открытиям при руководстве мечтательных предположений».[1]

Широко ратовал Бичурин за включение в научный обиход данных восточных источников, за использование текста источника, а не предвзятого мнения мнимых авторитетов.

В критике допущенных ошибок для Бичурина не имели значения приятельские отношение или личные соображения. Так, например, отвечая своему противнику Клапроту, который критиковал труды Бичурина даже до выхода их в свет,[2] он принимал справедливые упреки; с другой стороны, он не посчитался с долголетними дружескими отношениями с Н. Полевым, в журнале которого «Московский телеграф» он долгое время сотрудничал, и резко критиковал его четвертый том «Истории Русского народа».[3] Не менее острой критике Бичурин подверг работу и другого историка — Устрялова.[4]

Эту требовательность и высокую принципиальность Бичурина неоднократно отмечали в «Примечаниях от редакции» к его статьям. Так, тот же Полевой, отмечая, как Бичурин старательно «выправляет ошибки» ученых, заключал: «после сего не должно ли сказать, что о. Иакинф должен быть поставлен в пример всем нашим литераторам и ученым людям».[5]

Однако исторические взгляды Бичурина страдали рядом ошибок. Он идеализировал Китай и «азиатчину». Он не понимал, что Китай того времени был образцом стран векового застоя, что перед Китаем — грядущее пробуждение от «спячки», его неизбежное обновление. Он не мог видеть того грядущего, о котором писал В. И. Ленин: «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории».[6] Эту былую отсталость старого Китая и перспективы развития нового Китая отмечал недавно вождь китайского народа, глава коммунистической партии Китая, Мао Цзе-дун: «Мы должны также стремиться превратить Китай, который при господстве старой культуры был отсталым и

---

[1] Москвитянин, 1844, ч. I. стр. 162.

[2] См. Le Globe, 1829.

[3] Молва, № 151. Ср. Н. П[олевой]. Поверка замечаний о. Иакинфа на IV том Истории Русского народа, Московский телеграф, январь, 1834, ч. 55, № 1.

[4] Замечание на статью в русской истории г. Устрялова под названием: Покорение Руси монголами, Москвитянин, 1845, ч. IV, № 7—8.

[5] Н. П[олевой]. Рец. на труд И. Бичурина «Описание Чжунгарии...», Московский телеграф, февраль 1828, стр. 533.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. XVI, Пробуждение Азии, стр. 384.

невежественным, в просвещенную, передовую нацию при господстве новой культуры».[1]

Современники часто подчеркивали увлечение Бичурина всем китайским. И. И. Панаев писал, что когда Бичурин приходил в гости, то «начинал ораторствовать о Китае, превознося до небес все китайское».[2] Современник и друг Бичурина Е. Тимковский говорил, что «вообще он питал какую-то страсть к Китаю и ко всему китайскому».[3]

В воспоминаниях Н. С. Моллер, далекой от научных интересов Бичурина, он также выступает как человек, фанатически влюбленный во все китайское и даже шире — азиатское. Н. С. Моллер приводит многочисленные факты из его личной жизни, начиная от излюбленных тем разговоров и занятий, вплоть до обстановки его кельи и личного одеяния,[4] которые говорят об его увлечении Китаем. Современники шутили, что он не только думает, но «даже бредит во сне по-китайски».[5]

Высоко ценил труды Бичурина В. Г. Белинский. В своих обзорах русской литературы он выделял его работы в качестве «примечательных» [6], которые «вероятно были особо замечены»,[7] как «самое утешительное и отрадное явление» [8] и т. д.

Кроме упоминаний о трудах Бичурина в обзорных критических статьях, Белинский написал в «Современнике» рецензию на книгу Бичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении».[9]

Однако В. Г. Белинский резко критиковал идеализацию Бичуриным исторического прошлого и общественного строя Китая. «Почтенный отец Иакинф показывает нам более Китай официальный, в мундире и с церемониями».[10]

Белинский подчеркивал реакционную сущность феодального Китая, о чем умалчивал Бичурин, и одновременно высоко оценивал значение фактического материала о Китае, который

---

[1] Мао Цзе-дун. О новой демократии. Цит. по статье Лу Дин-и «Просвещение и культура в новом Китае», газ. «За прочный мир, за народную демократию», 31 марта 1950 г., № 13.

[2] И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб., 1876, стр. 117.

[3] А. В. Никитенко. Записки и дневник (1826—1877), СПб., 1893, стр. 38.

[4] Н. С. Моллер. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки, Русская старина, 1888, т. 59, стр. 271 и сл.; стр. 425 и сл.

[5] Там же, стр. 281.

[6] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. XIII, стр. 21.

[7] Там же, т. V, «Русская литература в 1840 г.».

[8] Там же, т. VII, стр. 60.

[9] Современник, 1848, т. VII, № 1 отд. III, стр. 44—49; В. Г. Белинский. Собр. соч., т. VII, стр. 153—158.

[10] В. Г. Белинский. Указ. соч., стр. 156.

Бичурин сделал доступным для русского читателя. Такая оценка в известной степени применима ко всем работам Бичурина, в том числе и к труду «Собрание сведений».

* * *

Советские ученые провели большую работу по изучению литературного наследства Н. Я. Бичурина, подготовляя тем самым материалы к его научной биографии, составление и издание которой весьма назрело. Таковы труды С. А. Козина [1] и А. А. Петрова,[2] связанные с выявлением его рукописного наследства. Первая попытка в советской литературе дать характеристику его как ученого синолога принадлежит Л. В. Симонивской.[3]

Рукописи трудов Бичурина хранятся в основном в двух местах — в Казани и Ленинграде. В Казани они находятся в Центральном архиве АТССР и библиотеке Казанского университета. Значительное количество рукописей находится на хранении в Институте востоковедения АН СССР (фонд № 7).[4] Часть архива Бичурина только в феврале 1929 г. поступила в Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.[5] Библиографические материалы о Бичурине сосредоточены также в архиве б. синода,[6] Архиве Академии Наук СССР [7] и в отдельных ее Институтах, например, в Пушкинском доме.

Разработка наследства Бичурина продолжается почти 100 лет. И чем больше времени отдаляет нас от времени творчества Бичурина, тем более рельефно выступает значение его трудов для потомков, его вклад в науку. К числу таких трудов относится и переиздаваемый ныне том «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

---

[1] С. А. Козин. О неизданных работах Иакинфа Бичурина, Изв. АН СССР, сер. ООН, 1929, стр. 399—412; Ср. его же, Азиатский архив при Институте востоковедения АН СССР. Библиография Востока, вып. 5—6 (1934), Л., 1935, стр. 61.

[2] А. А. Петров. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета. Библиография Востока, 10 (1936), М.—Л., 1937, стр. 139—155.

[3] Л. В. Симонивская. Бичурин как историк Китая, Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, в. VII, 1948 г.

[4] В значительной степени описан С. А. Козиным (см. выше).

[5] Краткий отчет Рукописного отдела Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг., Л. 1940, стр. 39—40.

[6] Библиография Востока, вып. 2—4 (1933), Л., 1934, стр. 79—90.

[7] Отдельные упоминания в протоколах по историко-философскому отделению и в протокольных бумагах. См. Архив АН, ф. 1, оп. 1. См. приложения, составленные Б. А. Малькевич.

II. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «СОБРАНИЯ СВЕДЕНИЙ» ДЛЯ КИТАЕВЕДЕНИЯ

Содержание переведенных Бичуриным текстов «Собрания сведений» исключительно разнообразно. В них нашла свое отражение история народов Азии, а именно: Маньчжурии и Кореи (ч. II — «О восточных иноземцах», разделы о племенах ухуань, кидань, кумохи, сяньби в ч. I), Монголии (в основном ч. I, разделы о гуннах, жужанах, тугю, хойху), Южной Сибири (главным образом глава о хакасах в ч. I), Восточного Туркестана (Повествование о Западном Крае, ч. III), Средней Азии (там же).

Опубликованные Бичуриным переводы охватывают период времени главным образом со II в. до н. э. вплоть до середины IX в. н. э., хотя в отдельных случаях приведены более ранние свидетельства, например о гуннах — большей частью легендарного характера — и более поздние — до X в., например о киданях.

Как бы продолжением книги Бичурина явились переводы и изложение китайских источников X—XIII вв. академика Васильева,[1] а также работавшего в Петербурге Бретшнейдера. Бретшнейдер расширил хронологические рамки, опубликовав сведения из китайских источников Юаньской и Минской эпох вплоть до XVII в.[2]

Однако перевод Бичурина стоит на первом месте как по объему, так и по точности и полноте извлечений. Поэтому именно труды Бичурина являлись опорой в исследованиях для позднейших русских ученых,—напомню хотя бы имена В. Григорьева, В. Радлова, Н. Веселовского, В. Бартольда, К. Иностранцева, Г. Грумм-Гржимайло, не говоря уже о десятках других, менее крупных ученых.

Тема переиздаваемого ныне труда Бичурина, завершенного первым изданием в 1851 г., не была для него нова. Этой темой — историей Центральной и Средней Азии, по данным, заключенным в китайских летописях, Бичурин интересовался с первых дней своей научной деятельности. Его первыми крупными печатными работами были «Записки о Монголии» (1828), «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» (1829), «Описание Тибета в нынешнем состоянии» (1828) и «История Тибета и Хухэнора, с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. по Р. Х.» (1833), «Исторический обзор ойратов

---

[1] Древности Восточной и Средней Азии, ТВО, т. IV.

[2] Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1910. (Имеются четыре издания, начиная с 1888 по 1937 г.).

или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (1834), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829).

Бичурин был в такой же степени историком Центральной и Средней Азии, как и историком Китая, о чем говорят его труды: «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840), «Статистическое описание Китайской империи» (1842), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848).

Тема «О народах, обитавших в Средней Азии», была темой начала и конца его научной деятельности.

В 1846 г. Бичурин получил задание от Академии Наук написать сочинение на тему «История древних среднеазиатских народов». [1] Напомним, что в 1847 г. русские войска начали наступление на Среднюю Азию и для Академии Наук составление такого труда имело особо актуальное значение. Для составления этой работы Бичурин предпринял огромный труд по извлечению материалов из китайских источников. Даже скептически относившийся к нему биограф Н. Щукин [2] писал: «Последним трудом о. Иакинфа была «История народов, обитавших в Средней Азии». Он употребил на нее четыре года постоянного труда и расстроил здоровье».

Непреходящая ценность этого труда Бичурина состоит в том, что он дал исследователю тексты во всей их полноте и многообразии, в достаточно точном переводе и со всеми разночтениями. Бичурин сделал впервые то, что в Западной Европе лучшие ученые начали делать в полном объеме намного позднее.

Получив в 1846 г. задание написать «Историю народов Средней Азии», Бичурин уже в 1848 г. представил свой труд в Академию Наук.

Материалы, извлеченные из Архива Академии Наук, свидетельствуют, что в значительной мере инициатива в создании названного труда принадлежала самому Бичурину.

В январе 1846 г. Бичурин обратился к непременному секретарю Академии Наук Фуссу со следующим письмом:

«Ваше превосходительство Милостивый Государь
Павел Николаевич.

«Китайская история содержит в себе сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена; нередко касается южной Азии и южных пределов Европы, а чаще южных пределов Сибири от Бухтармы к востоку. Сии сведения при всей своей краткости могут, по моему мнению, принести пользу истории, когда будут: 1) собраны в одно целое, 2) изложены в точном переводе текста и 3) пояснены историческими и географическими примечаниями, что для опыта сделано мною в приложенной у сего статьи

---

[1] Ученые записки Изв. АН по I и III-му отделениям, т. III, вып. 5, СПб., 1855, стр. 671.

[2] ЖМНП, сентябрь 1857 г.

о Коканде. Но подобный труд, по известным у нас причинам, не может быть предпринят без определенной цели: посему осмелюсь просить Ваше превосходительство представить статью о Коканде на рассмотрение Императорской Академии Наук; и если Академия, судя по сей статье, признает мое предложение полезным для науки, то я изъявлю готовность продолжать предположенный труд в пользу Академии, а в вознаграждение издержек желаю только получить с ее стороны уверение в награде, какую мера и польза моего уже оконченного труда заслуживать будет...».

Ожидая Вашего, Милостивый Государь, содействия в новом моем предположении, имею честь быть с истинным почтением и совершенной преданностью Вашего Превосходительства покорнейший слуга м[онах] Иакинф.

Январь 21 1846 г.».

Уже 30 января 1846 г. Бичурин передал на рассмотрение Академии Наук в качестве образца будущего произведения пробный перевод китайского источника (Шицзи) о Коканде, т. е. «Повествование о Давани» Чжан Цяня, легшее в основу одной из глав работы китайского историка Сы-ма Цяня «Исторические записки».

Протокольная запись (на французском языке) заседания третьего отделения (историко-филологического) Академии Наук гласит, что Бичурин «полагал», что краткие заметки истории Китая о разных народах, населявших его, могли бы служить источником для исторических обследований, если б они были: «1) точно переведены, 2) соединены в одно целое, 3) снабжены и разъяснены историческими и географическими примечаниями». Отделение постановило передать представленный Бичуриным образец перевода на рассмотрение академику Броссе. [1]

В июне 1846 г. Броссе дал блестящий отзыв об этом образце работы, которую, как следует из протокольной записи, Бичурин предполагал назвать «Исторические сведения о народах, населявших Среднюю Азию и южные пределы Сибири от древнейших времен до IX в. по Р. Х.».[2] Броссе остановился в своем отзыве на некоторых весьма существенных деталях. Суть его замечаний сводилась к следующему.

Отметив характер намеченной Бичуриным работы о Джунгарии, Тибете, независимой Татарии и Китае, он указал, что текст, переведенный Бичуриным в качестве образца, уже был в 1826 г. переведен на французский язык Абелем-Ремюза и опубликован в Nouveau Journal Asiatique (т. II, стр. 498 и сл.). На основании опыта французского перевода Броссе считал необходимым:

1) безукоризненное знание переводчиком китайского языка и снабжение перевода критическим комментарием путем дополнительной выборки из других китайских текстов;

---

[1] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 74, Протокол от 30 января 1846, § 31 по III-му отделению.

[2] Там же, Протокол от 5 июня 1846, § 126.

2) хороший литературный язык перевода, точный перевод всех титулов и терминов, точное указание тома и страницы источника, обозначение дат не только по годам христианской эры, но и по «няньхао», т. е. китайскому летосчислению.

Броссе, учитывая прошлые труды Бичурина, выражал уверенность, что последний сможет все это сделать, в частности дать «Статистическое описание Китая». Далее Броссе высказал пожелание о снабжении работы картами с древними и современными названиями.

Отмечая 20-летнюю работу Бичурина над этой темой и подчеркивая его авторитет, Броссе, однако, предостерегал переводчика от вольного перевода и приводил отдельные примеры унификации Бичуриным терминов, не соглашаясь, например, с употреблением термина «воевода». Броссе считал также необходимым давать текст полностью и не опускать казавшиеся Бичурину не интересными детали. «В истории, — заключает Броссе, — нет ненужных указаний».[1]

Наконец Броссе рекомендовал перевод делать не на русский язык, поскольку им не пользуются ученые, а, например, на латинский.

Эти замечания, за исключением совета переводить на латинский язык, были приняты Бичуриным и его благодарность за советы была отмечена в протоколе на французском языке как благодарность за instructions. Постепенно эти советы коллеги стали восприниматься как инструкция-программа. Тем самым как бы снижалась исследовательская роль самого Бичурина. Так, в ответе заместителя непременного секретаря ординарного академика Буняковского сообщалось:

Г. члену-корреспонденту Академии Наук
отцу Иакинфу.

В январе месяце сего года Вы изволили препроводить к г. Непременному Секретарю Академии Наук для представления на рассмотрение ее, статью о Коканде, с изъявлением готовности, если Академия, судя по этой статье, признает Ваше предположение на счет собрания сведений о Китайской Империи полезным для науки, продолжать предположенный труд в пользу Академии, причем в вознаграждение издержек Вы изъявляли только желание получить со стороны Академии уверение в награде, какую мера и польза Вашего уже оконченного труда заслуживать будет.

Г. Броссе, коему историко-филологическим отделением Академии было поручено рассмотрение Вашей статьи, в донесении своем, представленном Отделению, вполне одобряет предложенную Вами себе задачу и находит только необходимым дать Вам некоторые у к а з а н и я и обратить Ваше внимание на некоторые меры, которые бы Вам надлежало принять для большего усовершенствования Вашего труда и в особенности для соделания его более полезным для ученых, более достойным одобрения

[1] «En histoire nulle indication n'est inutile».

Докладная записка Н. Я. Бичурина Академии Наук об издании «Собрания сведений» (начало).

должать предположенных трудов в пользу Академии, а в вознаграждение издержек малое только получить в оба стороны увеличение в жалованье какую-нибудь пользу и только, что этого труда замуживать будут.

Отлучая Вашего Милостивого Государя, сообщаю в надежде моего предположения, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга Бичурин

Января 26
1826

Докладная записка Н. Я. Бичурина Академии Наук об издании «Собрания сведений» (окончание).

Академии, которая, в таком случае, будет иметь возможность удостоить такой труд Ваш желаемым поощрением и необходимым для оного воспомоществованием, к чему установленные г. Демидовым награды представляют Академии столь большие средства. Историко-филологическое отделение Академии Наук, одобряя со своей стороны таковое представление, постановило препроводить к Вам оное в засвидетельствованной копии для будущих соображений. Статья Ваша при сем также возвращается.

За непр. Секр. Орд. акад. *Буняковский*».

Подчеркнутое мною слово Буняковского «указания» было в протоколе превращено в инструкцию, а биографами (Н. Щукиным, Н. Веселовским) — в программу. Правда, и сам Бичурин, не придавая особого значения этому термину, употребил его в своем предисловии.[1]

Приступив к обработке своих материалов, собранных очевидно еще в Пекине,[2] Бичурин уже в декабре 1847 г. докладывал Академии:

«В продолжении минувших двух лет собирание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, приведено к концу. Остается пояснить сии сведения замечаниями и составить географическую карту, что требует еще не менее двух лет. Но чтобы напрасно не терять время в сем остальном труде, нужным считаю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, представить Академии Наук предисловие с изложением порядка, которого я держался при переводе текста, по возможности придерживаясь данной мне программы касательно строгой буквальности в изложении; и если Академия не найдет препятствия допустить сей порядок, то я решусь немедленно приступить к окончательной отделке истории древних народов в Средней Азии.

Честь имею быть с истинным к Вашей особе уважением и совершенною преданностью

Вашего Превосходительства Милостивый Государь,
покорнейший слуга м[онах] *Иакинф*».

Предисловие Бичурина было отослано в Казань на отзыв крупнейшему востоковеду того времени О. Ковалевскому.

26 мая 1848 г. Ковалевский представил в Академию «Записку о предисловии о. Иакинфа к новому его сочинению о среднеазиатских народах».[3]

В этой записке Ковалевский, высоко оценивая труд Бичурина, отмечал лишь отрицательное отношение Бичурина к античным авторам, в частности к Геродоту, и «его намерение китайцев пояснить китайцами». О. Ковалевский указал, что не всегда и китайцы были правы в своих исторических свидетельствах.

В заключение своего краткого отзыва Ковалевский писал, что сочинение Бичурина «историкам открывает новые богатые

---

[1] Собр. свед., ч. 1, стр. II. См. настоящее издание, стр. 8. «Предуведомление».

[2] Там же, стр. I.

[3] Ф. 1, оп. 2, ИФ, § 126, на записке № 631.

материалы для критической обработки, а нашему отечеству принесет честь первенства в поощрении столь полезного и колоссального труда».

Бичурин, не согласившись с замечаниями Ковалевского, сохранил в основном свой текст, и вскоре работа была представлена в Академию.

17 апреля 1849 г., когда обсуждалось присуждение демидовских премий, Ковалевский дал развернутый отзыв на эту работу Бичурина.[1]

Отзыв Ковалевского, к которому присоединился востоковед И. Войцеховский, был весьма благожелательным для Бичурина. Ковалевский называл работы Бичурина «дорогими подарками». Он отмечал, что «Собрание сведений» — плод 20-летнего труда и является прежде всего источником, данном в прекрасном переводе. Ковалевский писал, что Иакинф «старался передавать их (сведения.— *А. Б.*) буквально, и, может быть, слишком буквально. Намерение нашего синолога быть посредником между древней летописью Китая и нами исполнено добросовестно. И если бы, кажется, мы успели склонить переводчика к литературной отделке его книги, а именно к сглаживению угловатостей выражений, в русском переводе верно исчез бы характер китайской летописи. Но как сборник, приготовленный к изданию, имеет в виду послужить только материалом для будущего историка Средней Азии и, следовательно, предназначается для ученых, то, по нашему мнению, он должен остаться в нынешнем своем виде, без значительного изменения».[2]

Трудно возразить против этой оценки. Справедливы были и пожелания Ковалевского, в частности о необходимости развить указатель. Правильны замечания о недостатках книги, — слабости критического аппарата.

Выход книги Бичурина в свет вызвал много рецензий и откликов. К печати Бичурин представил именно «Собрание сведений», а не «Историю», впоследствии часто упоминавшуюся биографами Бичурина. «Историю» он подготовлял, но текст ее, судя по розыскам С. А. Козина,[3] остался не напечатанным. Однако возникает предположение, что «История» и «Собрание» — два варианта одного и того же сочинения. Не случайно некоторые экземпляры издания имеют на переплете в начале названия термин «История», а на титуле — «Собрание».

---

[1] О. Ковалевский. Разбор сочинения о. Иакинфа под заглавием «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 17 апреля 1849 г., СПб., 1849 г., стр. 91—101.

[2] О. Ковалевский. Указ. соч., стр. 98.

[3] Изв. АН СССР, сер. ООН, 1929, № 5, стр. 405.

СОБРАНІЕ СВѢДѢНІЙ

О

НАРОДАХЪ,

ОБИТАВШИХЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СЪ КАРТОЮ НА ТРЕХЪ БОЛЬШИХЪ ЛИСТАХЪ,

сочиненіе монаха Іакинѳа.

УДОСТОЕННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ДЕМИДОВСКОЙ ПРЕМІИ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

1851

Титульный лист первого издания «Собрания сведений»

Издание книги началось во второй половине 1849 г. В письме Бичурина от 27 июня 1849 г. сообщалось, что «рукопись прошла цензурный комитет и что теперь ничто не препятствует приступить к печатанию, а литографирование карты надобно отложить до следующего марта».[1]

По данным Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, II и III части (о первой сведений нет) труда Бичурина поступили в цензуру 12 октября 1849 г. и были рассмотрены цензорами Алагиным и Срезневским 16 и 17 октября того же года.[2]

В письме от 8 июня 1850 г. Бичурин хлопочет перед непременным секретарем Академии Наук академиком П. Н. Фуссом об отпуске средств для завершения издания III части и литографирования карты, причем из этого письма следует, что I и II части уже напечатаны.[3] 1 марта 1851 г. Петербургский цензурный комитет выдал билет на выпуск из типографии отпечатанной книги Бичурина в трех частях.[4]

* * *

Остановимся на суждениях современников о последней работе Бичурина. Наиболее крупные рецензии на труд «Собрание сведений» появились в «Журнале Министерства народного просвещения» (Н. Щукина)[5] и в «Отечественных записках» (Мирза А. Казембек).[6]

Н. Щукин писал: «Наш знаменитый синолог о. Иакинф, несмотря на преклонные лета и слабость, не перестает дарить нас книгами о Китае. Желая сколь возможно объяснить историю народов, обитавших в Средней Азии, он выбрал из двух Китайских Историй все, что казалось ему заслуживающим внимания, и перевел на русский язык. Академия Наук снабдила его пособием из Демидовского капитала, при помощи которого книга вышла в свет и обогатила нашу историческую литературу.

Взыскательным читателям кажется упущением, что о. Иакинф ограничился только IX столетием по Р. Х.; другие скажут, почему он не написал Истории полной, а издал только отрывки в виде материалов. На это можно отвечать уже тем, что подобный труд не по силам человеку, перешагнувшему за 70 лет своей жизни. Довольно и того, что сделано. Осуждать берется каждый, но сделать могут не многие. Мы уверены, что каждый

---

[1] Ф. 2, 1849, № 14—830.
[2] Справка ЛОЦИА от 29 апреля 1949 г.
[3] Архив АН СССР, ф. V, оп. 1 Б, № 737.
[4] Справка ЛОЦИА от 29 апреля 1949 г.
[5] ЖМНП, 1854.
[6] Отечественные записки, 1852, т. 84, отд. V, стр. 1—34.

ИСТОРІЯ О НАРОДАХЪ,

ОБИТАВШИХЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СЪ КАРТОЮ НА ТРЕХЪ БОЛЬШИХЪ ЛИСТАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Бакунина,

УДОСТОЕННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ДЕМИДОВСКОЙ ПРЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санктпетербургъ

1851.

Обложка первого издания «Собрания сведений».

истинно ученый, жаждущий познаний исторических, найдет в сочинении о. Иакинфа неисчерпаемый родник».[1]

«Современник» ограничился краткой аннотацией.[2] Отметив, что книга является собранием переводов с китайского, рецензент писал: «Светский человек не найдет в ней занимательности, о дамах мы и не говорим; но ученый, особенно посвятивший себя русской истории, переберет все ее листочки от доски до доски. К величайшему удивлению он узнает, что южная Сибирь имела обитателей еще до Р. Х., что по ту и по сю сторону Байкала обитал народ, который китайцы называли динлин, к западу от них в Енисейской губернии жили лагасы (хакасы.—*А. Б.*), что в нынешней пустынной Монголии задолго до Р. Х. образовалось ханство Сюн-ну, или, по южному китайскому произношению, Хун-ну, увлекшее отца Дегиня во мнение, что гунны, опустошившие Римскую Империю, были монголы. Основатель государства сунну, Модо-хан, по западным азиатским писателям — Агусхан (Огуз-хан.—*А. Б.*), распространил свои завоевания далеко на Север в нашей Сибири».

Судя по этой цитате, рецензент слабо разбирался в специальных вопросах, затронутых книгой, о чем говорят искаверканные, по сравнению с текстом Бичурина собственные имена.

Сам Бичурин написал нечто вроде автореферата,[3] где он объясняет систему работы — перевод китайских подлинных сочинений, ибо, по его мнению, есть три пути исследования: прямой, косвенный и мечтательный (фантасмагорический).[4] Бичурин ратовал за «прямой путь».

Бичурин резко критикует расистскую теорию Ю. Клапрота, который указывал, что усуни —финского происхождения, на том основании, что они «имели русые волосы и голубые глаза».

Далее он защищает монгольскую теорию, в частности происхождение тюрков-тугю и уйгуров, и отмечает кратко историю создания своего труда и его структуры. Бичурин также сообщает, что он сам изъявил желание собранные им сведения издать в Академии Наук. Предложение (вероятно, имеется в виду Ковалевский) дополнить эти сведения данными греческих и западных (арабско-персидских) авторов Бичурин отвергал на том основании, что китайские сведения — это сведения официальные, а греческие и «азиатские» еще сами требуют разъяснения.

В заключение Бичурин сожалеет, что не успел сделать на основе изданных им материалов три исследования:

---

[1] ЖМНП, 1851, ч. 71, отд. VI, стр. 7.
[2] Современник, 1851, т. XXVI, отд. V, стр. 33—39.
[3] Москвитянин, 1851, ч. I, стр. 179—198.
[4] Там же, стр. 181.

1) о торговых отношениях «северо-каспийских татар» с Римом;
2) о пути гуннов из Монголии в Европу;
3) разъяснить древнее расселение тунгусских племен.

По поводу этих тем он писал: «желательно, чтобы со временем наши ориенталисты обратили должное внимание и на сии предметы, не страшась труда, сколько бы ни был он велик и тягостен; а труд этот немало времени требует для внимательного соображения».[1] Отметим, что эти темы рассматривались востоковедами и в дальнейшем, как темы особо актуальные.

Остановившись на уйгурской проблеме, ставшей в те годы в русском востоковедении (в связи, в частности, с работой известного русского востоковеда Мирзы А. Казембека «К вопросу об уйгурах»[2]) одной из животрепещущих тем, Бичурин привлек, пожалуй, первый из синологов, тексты из истории династии Лян, только почти через пятьдесят лет упомянутых известным востоковедом О. Франке.[3]

Много внимания уделил работе Бичурина Казембек, который вообще высоко ценил труды его, а «Записки о Монголии» называл «превосходным сочинением».

Казембек справедливо отмечал необходимость критически относиться к китайским текстам и указал на недостаток работы — отсутствие комментария и сопоставления с другими источниками. Казембек подошел к труду Бичурина как к «Истории о народах», а так как, по его мнению, в рецензируемой работе нет истории, то он предлагал для нее даже другое заглавие — «Исторические материалы для изучения народов Средней Азии». По поводу переводов Бичуриным китайских текстов Казембек писал: «никак не могу вместе с о. Иакинфом слепо верить авторитету китайских летописей и историков, всякий рассказ их считать актом и фактом историческим, не допускать критической обработки этой истории» и т. д.[4]

Далее, сопоставив данные Бичурина с известиями западных источников, рецензент справедливо упрекает его за отсутствие комментария: «Все это было бы полезно объяснить, и никто лучше о. Иакинфа не мог бы этого сделать; но о. Иакинф предоставил самую трудную и интересную часть другим».[5]

Сравнивая параллельно текст «Собрания сведений» с текстом «Записок о Монголии», Казембек отмечает разночтения в переводах Бичурина, особенно в разделах о тюрках-тугю, кагане Далобяне и др.

---

[1] Москвитянин, 1851, ч. I, стр. 192.
[2] ЖМНП, 1841.
[3] O. Franke. Eine Chinesische Tempelinschrift aus Ydikutšahri bei Turfan (Turkistan), Anhang zu den Abhandlungen d. PAW 1907.
[4] Указ. соч., примечание на стр. 15.
[5] Указ. соч., стр. 31.

Среди других замечаний Казембека отметим его критику карты и указателя Бичурина, по мнению Казембека не облегчающих пользование трудом.

Выше мы касались других рецензий. Критика единодушно упрекала Бичурина в идеализации Китая и всего китайского, «монголизации» ряда древних народов, в слабости комментария и вспомогательного материала.

В целом мы и сейчас разделяем оценку, данную еще в 1851 г. «Собранию сведений»: это был «новый важный труд нашего знаменитого ученого и новое блистательное право на давно приобретенную им известность, как первого хинолога в Европе».[1] Но такая оценка не снимает с нас обязанности отметить и недостатки труда и метода Бичурина.

Мы говорили выше об идеализации Китая автором. Здесь мы остановимся на конкретных научных ошибках Бичурина, связанных главным образом с трудом «Собрание сведений». Бичурин отождествлял этническую принадлежность древних народов с этнической принадлежностью современного населения тех же районов. Так как на территории расселения монгольских племен действовали до господства монголов различные племена — гунны, сяньби, жужане, тюрки-тугю, уйгуры и другие, то они, по Бичурину, являлись не чем иным, как монгольскими племенами. И Бичурин — страстный поклонник и защитник теории монгольского происхождения всех этих народов. Он монголизирует тюрок-тугю, называя их дулга и этимологизируя их имя из монгольского языка, и один из тюркских народов-уйгуров, выступающих в древне-китайских текстах под именем хойху, которых он отождествлял с племенем монгольского происхождения — ойхор. В данном вопросе Бичурин уступал в правильности суждений своим современникам — Клапроту и Казембеку, — установившим, в частности, тюркоязычный характер хойху-уйгуров.

Защите теории монгольского происхождения указанных народов Бичурин посвятил немало труда, и по существу нет такой работы, в которой он не возвращался бы к этому вопросу. Развернутую аргументацию он дал в одной из своих журнальных статей в 1850 г. Он писал: «Китайская статистика И-тхунчжы показывает восемь единоплеменных владетельных домов, от которых монголы в продолжении двадцати столетий получали народные названия, последовательно одно за другим. Сии дома были: хунну, ухуань, сяньби, жужаны, дулга, ойхор. сйэяньто, кидань».[2]

---

[1] Москвитянин, 1851, ч. II, стр. 522.

[2] О. Иакинф. Кто таковы были монголы. Москвитянин, 1850, ч. IV. изд. Науки и художества, стр. 86.

Далее он отмечал: «Итак происхождение монгольского народа и дома монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи совершенно различные между собою. Начало монгольского народа восходит слишком за 25 столетий до Р. Х.; дом монгол, напротив, возник в начале IX, усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII столетия по Рождестве Христове».[1]

Указание на различное происхождение имени народа и самого народа говорит о первом отдаленном приближении Бичурина к правильной постановке проблем этногенеза.

Бичурин был выдающимся этнографом своего времени, о чем говорят прежде всего его «Записки о Монголии», письма во время путешествий, его труды, посвященные земледелию в Китае и ряд других. Однако он выступает в них как исследователь, теряющий историческую перспективу, идею развития.

Быть может в этом сильней всего сказались корни его образования, его среда, против богословского мировоззрения которой он сам выступал всю свою жизнь.

Ошибки Бичурина заключались в том, что он переносил этнографическую характеристику современных народов данной территории (Монголии) на глубокую древность. Здесь сказывались его антиисторические взгляды.

Та же причина привела Бичурина и к другой ошибке: в районах Восточного Туркестана и Средней Азии, где уже в его время господствовали уйгуры, узбеки, казахи, китайский термин «ху» — варвары, т. е. «не китайцы», он отождествлял с именем тюрок. Однако китайцы, особенно в этих районах, как правило (за немногими исключениями), под этим термином понимали как раз не тюркские племена, а оседлое, не китайское, главным образом с о г д и й с к о е население, что со всей определенностью выявили труды последующих китаеведов.

Таковы эти наиболее главные ошибки Бичурина в его сочинении «Собрание сведений», возникшие в результате некритического восприятия китайских источников и вытекавшие из его общей исторической концепции.

Бичурин допускал и фактические неточности в комментариях, особенно в племенных и географических названиях. Отчасти это связано с приурочиванием большинства событий к территории Монголии. Он был увлечен монгольской этимологией имен. Ошибки его отчасти объясняются уровнем исторических знаний, данными исторической географии того времени. Эти неточности давно уже были подмечены прежде всего русскими учеными. Укажем, например, на указанное Васильевым

[1] Указ. соч., стр. 91.

и Позднеевым неверное толкование Бичуриным термина Ханьхай, который он отождествлял с Байкалом, когда китайские анналы называли так пустыню Гоби (буквально «Песчаная пустыня»); укажем на безоговорочное отождествление древнеферганского города Эрши с Кокандом, современным Бичурину центром Ферганы, и т. п.

Подобного рода неточности не снижают значения переводов Бичурина, блестяще передающих смысл китайского подлинника и, как правило, без существенных и больших пропусков.

Следует оговорить, что Бичурин не ставил перед собой специальных задач узкого филолого-лингвистического плана. Он допускал в переводе унификацию ряда терминов и выражений. Так, например, он сплошь и рядом унифицировал понятия чжан, дачэнь, гуйжэнь и другие, переводя их словом «старейшина», хотя в китайском подлиннике понятия эти не идентичны. Укажу, что Бичурин, как правило, переводит обозначение оседлых поселений термином «город», хотя в китайском тексте часты существенные различия (чэн, чэнго, ванду, уши и т. п.), а термин «чэн», чаще всего употребляемый источниками, имеет в разные эпохи разное содержание. Имеет место у Бичурина вместо точной китайской терминологии некоторая унификация, например, многочисленных названий лошадей (тяньма, шаньма, шэньма и т. п.) термином «аргамак», который китайцы начали употреблять с XV в. Аналогичные неточности встречаются в передаче титулов и терминов родства, изредка в транскрипции собственных имен («Хынлос» вместо «Талас» и т. п.).

Таким образом, Бичурин, максимально точно придерживаясь смысла текста, не всегда был точен в передаче специальных терминов, обращая в то же время внимание на аутентичную передачу географических названий и собственных имен. Из этого следует необходимость осторожно пользоваться специальной терминологией его переводов, беря ее только в большом контексте. Мало в этом случае помогает сличение переводов разных авторов, хотя, несомненно, это путь к некоторому предупреждению ошибок. Больше пользы приносит комментаторская литература (основные названия которой приводятся в нашем предисловии, а основные выводы ее учтены в указателях).

Сам Бичурин постоянно улучшал свои переводы. Он продолжал улучшать и свой последний труд. Н. С. Моллер писала: «В том же году (1851. — *А. Б.*) вышло в свет его последнее сочинение: «О народах, обитавших в Средней Азии», удостоенное Академией Наук Демидовской премии. Надо думать, что он еще успел просмотреть его до болезни, потому что на находящихся у меня печатных экземплярах этого издания сохранились

маленькие поправки, сделанные карандашом и чернилами его рукой».[1]

Однако болезнь, начавшаяся еще с зимы 1850 г., не позволила, видимо, довершить эту работу, а то, что было сделано, до нас не дошло.

Недостатки работы Бичурина, таким образом, очевидны. Некоторые недочеты в части транскрипции имен, отдельных толкований их и т. д. устраняются в настоящем издании.

Для того, чтобы выявить значение переиздаваемого труда Бичурина, проследим основные этапы развития аналогичной литературы, переводной и реферативной, обобщающей и исследовательской, по темам, затронутым в «Собрании сведений». Литература эта огромна. Она может быть исчислена многими десятками имен и сотнями названий, не говоря уже о рецензиях, откликах, об использовании ее данных в смежных дисциплинах и родственных сюжетах исследования, например, в нумизматике, археологии, этнографии.

Большую известность, несмотря на их крупные недочеты, получили труды француза Дегиня, который в своей «Генеральной истории гуннов, тюрок и прочих татар», вышедшей еще в 1756 г.,[2] фактически дает только пересказ (а не переводы) китайских источников. От него мало чем отличаются Клавдий Висделу в своей «Истории Татарии»[3] и Эрбело в «Восточной библиотеке».[4]

Если упомянуть еще Майя [5], который, собственно, сделал перевод маньчжурской версии (а не китайского текста) Тунцзяньганму — погодной летописи, посвященной истории Китая (до XII в.), положенной в основу многих поздних историй страны, например Кордье,[6] то этим можно ограничить перечень названий для XVIII в.

Тогда еще оставались неизвестными современникам труды русских исследователей Китая XVII—XVIII вв. (Спафарий, Унковский и др.).

Первая половина XIX в. связана с именами Абеля-Ремюза [7] и Юлиуса Клапрота.[8] Труды первого были ближе к китайским подлинникам, чем второго. Абеля Ремюза больше интересовали проблемы Восточного Туркестана, а основу его трудов составляли

---

[1] Указ. соч., стр. 552.

[2] Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, Paris, 1756—1758.

[3] Histoire de la Tartarie.

[4] Bibliothèque Orientale, A la Haye, 1777.

[5] Histoire générale de la Chine, Paris, 1777.

[6] H. Cordier. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, Paris, 1920.

[7] Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820.

[8] Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1825.

главным образом китайские же сводки и энциклопедии типа Ма Дуань—линя.[1] Полиглот Ю. Клапрот опирался также на переводы и сводки, давая в своих трудах главным образом пересказы и рефераты или переводы трудов других ученых, например того же Бичурина.[2]

Современники Бичурина — Шмидт[3] и Шотт,[4] а позднее Габелентц и другие, хотя и опирались иногда на подлинный китайский текст, предпочитая маньчжурские переводы, по существу пересказы,[5] но ограничивали свои интересы в этой части, главным образом, исследованием одного из народов, например, монголоязычных киданей или тюркоязычных кыргызов-хакасов.

Бичурин был первым европейским ученым, вставшим последовательно на путь публикации переводов китайских подлинников. Уже в этом его огромная заслуга перед русской и мировой наукой.

Уже после Бичурина на путь исследования китайского подлинника стал Станислав Жюльен с серией своих переводов сочинений Сюана Цзана [6] или об уйгурах,[7] но и он опирался на китайские же сводки весьма позднего времени, вроде раздела об иноземцах («бянь-и-дянь» из Тушуцзичэн XVII в.), извлечения из Ма Дуань—линя (XIV в.)[8] или сочинения Сиюйвэнь-цзяньлу (XVIII в.).[9]

Накопленные в первой половине XIX в. материалы давали возможность перейти к истолкованию текстов. Среди авторов XIX в. выступают многочисленные интерпретаторы, они же порой являлись и переводчиками текстов.

Так, например, Плат,[10] Пфицмайер,[11] Вайли[12] продолжали переводить тексты о гуннах, Паркер о «скифо-тюркских племенах».[13] Последний подвизался на поприще историка с весьма заумными и для того времени теориями.[14]

Кингсмилл и Хирт [15] вели длительный спор по интерпретации данных китайских источников. Хирту принадлежат круп-

---

[1] Abel Remusat. Histoire de la ville de Chotan, Paris, 1827.
[2] О них мы пишем ниже.
[3] См. например, его Einwürfe gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klaproth. Ueber die Sprache und Schrift der Uiguren.
[4] Ueber die Ächten Kirgisen, Abhandlungen KAW zu Berlin, 1864.
[5] См., например, Geschichte der Grossen Liao, СПб., 1877.
[6] Memoire sur les contrées occidentaux, Paris, 1857, ср. JA, 1853.
[7] Journal Asiatique, 1864.
[8] Journal Asiatique, 1847 (о путешествии Ван-Яньдэ 981 г.).
[9] Ср. Journal Asiatique, 1846.
[10] SKAW zu München, т. 4, 1874.
[11] SKAW zu Wien, т. 45, 1864, т. 44, 1863.
[12] History of the Heung Noo in their Relations with China, JAJ, т. V.
[13] The Turco-Skythian Tribes. China Review, тт. XX—XXV.
[14] A thousand years of the Tartars, Shanghay, 1895.
[15] Труды первого JRAS, т. XIV, 1882, China Review т. XXV, 1900—1901 гг., там же т. VII, 1878—1879.

ные работы на темы, разработанные Бичуриным в «Собрании сведений».[1]

Открытие русским ученым Ядринцевым в 1889 г. древнетюркских стел на Орхоне и изучение их двумя экспедициями — финляндской (1890) и русской (1891) — снова оживили интерес к этим проблемам. Историографический обзор этих работ уже имел место в советской печати. [2]

Частным проявлением интереса к этим проблемам было возобновление работы над переводами китайских текстов, и труд Бичурина оказывал помощь исследователям.[3] Рефераты и отдельные извлечения о тюрках принадлежали Ф. Хирту, а основная сводка, напечатанная в трудах Российской Академии Наук[4] — Э. Шаванну. Несмотря на существенные достоинства перевода и комментария, а также привлечение новых текстов, пороком труда Шаванна является замалчивание им русских исследований. Труд Бичурина к этому времени насчитывал почти 50-летнюю давность, что было уже отмечено В. В. Бартольдом.[5]

«Несмотря на все преимущества, — писал он, — которые дают автору основательное изучение китайских источников и несомненный талант к историческим обобщениям, пассив его труда, как мы постараемся показать, значительно превышает актив: вопрос о том, заслуживала ли эта часть книги (Общий обзор истории западных тюрок. — *А. Б.*) чести быть напечатанной в изданиях Академии Наук, представляется нам по меньшей мере спорным. Каковы бы ни были недостатки русских работ, едва ли можно утверждать, что для изучения истории входящих в пределы России областей в России сделано так мало, а в Западной Европе так много, чтобы Академия Наук имела основание печатать в своих изданиях работу западноевропейского ученого, для которого все написанное на русском языке как бы не существует».[6]

Открытие на Орхоне рунических стел вновь оживило интерес к предшественникам древних тюрок — гуннам и связанным с последними народам. В прямой связи с этим развертывается

---

[1] См. например JAOS, т. 37, сентябрь, 1917; SKAW zu München, т. II; China and Roman Orient, London, 1882 и др. Ср. его полемику с Кингсмиллом в JAOS, т. XXX, 1909, а также Kingsmilliana. Leipzig, 1910.

[2] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. (восточно-тюркский каганат и кыргызы), Л., 1946.

[3] Inscriptions de l'Orchon, recueillies par l'expedition finnoise, 1890, Societe Finno-Ougrienne, Helsingfors, 1892. Об этом см. В. Бартольд. Томсен и история Средней Азии, сб. Памяти В. Томсена, Л., 1928, стр. 6.

[4] Documents sur les Tou-kiue Occidentaux, СПб., 1903.

[5] ЗВО, т. XV, стр. 162 и след.

[6] Указ. соч., стр. 174.

новый цикл работ по гуннской тематике того же Кингсмилла, Хирта, Шаванна, Ширатори, Галуна, Пелльо, из русских ученых — Иловайского, Погодина, Веселовского, Панова и многих других, в значительной степени нашедших свое библиографическое отражение в известной сводке К. Иностранцева.[1]

Импульсом для оживления интереса к китайским источникам о народах и странах «большой» Средней Азии явился успех экспедиций в Синьцзян. Русские первооткрыватели древностей Синьцзяна — Чокан Валиханов (1856), Регель (1879), Петровский (1882), Клеменц (1898) возбудили интерес русской и западноевропейской науки.[2] Многочисленные открытия заставили вновь обратиться к китайским текстам. Работы К. Юара об оазисах и народах Синьцзяна,[3] О. Франке о сакогуннских племенах и их миграциях,[4] Херманна о торговых путях,[5] переводы Э. Шаванна,[6] С. Леви[7] о паломниках типа Ицзин и Укун, переиздания трудов Била[8] и Бретшнейдера[9] и т. д. охватывают большое количество проблем по истории народов этих стран.

Все сильнее и явственнее выступают в этих работах империалистические захватнические стремления, обоснование расистской, пангерманистской точки зрения, развиваемой особенно активно в связи с тохарским вопросом. Наиболее откровенные заявления по этому вопросу принадлежат немецким ученым — от Э. Мейера до А. Херманна.[10]

Характерной чертой этих исследований являлось сопоставление данных китайских источников с данными западных авторов, античных, древнеперсидских и других. Этим, кроме указанных авторов, занимался раньше Маркварт, работы которого еще В. Тураев характеризовал как «соединение огромной эрудиции с запутанностью изложения и недостатком критики».[11]

---

[1] Хунну и Гунны, Труды Туркологического семинария, ЛИЖВЯ, Л., 1926. Дополнение см. у нас, например, СВ, т. 1.

[2] А. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана, ВДИ, 2, 1947.

[3] Recueil de documents sur l'Asie Centrale, Paris, 1881.

[4] Beiträge aus chinesische Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens, Berlin, 1904.

[5] Die Seidenstrassen zwischen China und Syrien, 1910.

[6] BEFEO, июль, сентябрь 1903; Voyages des Pélerins Bouddhistes, Paris, 1894. См. также его дополнения в T'oung Pao, т. VI, 1905 и др.

[7] JA, 1895.

[8] Buddist of the Western World, London.

[9] Mediaeval researces from Eastern Asiatic Sources, London, 1910; Berlin, 1937.

[10] См. особенно A. Hermann. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike, Leipzig, 1939.

[11] Христианский Восток, III, 215.

В согласии с этой оценкой были замечания В. Розена[1] и В. Бартольда.[2]

В содружестве с Марквартом работал Де Гроот, выпустивший два тома переводов китайских текстов о гуннах до н. э.,[3] весьма скептически встреченных Цахом, заявившим, в частности, что «транскрипция Гроота не имеет значения, точнее прямо фальшива».[4]

В 1917 г. в американском востоковедном журнале появился новый перевод Ф. Хирта о путешествии в Фергану Чжан Цяня.[5] В Америке же была напечатана монография М. Говерна,[6] претендовавшая на общую историческую сводку китайских известий в объеме, равном труду Бичурина, но не учитывавшая его.[7] Подобные же недостатки свойственны были и последней работе аналогичного плана, выпущенной Эберхардтом в Турции,[8] что было нами отмечено в специальной рецензии.[9]

Широкое использование китайских источников по переводам, стоявшим по уровню во всяком случае не выше, если не ниже бичуринских, отмечу, например, у Тарна,[10] Ростовцева[11] и у других, концепции которых были подвергнуты критике в советской печати.[12]

Проблемы, затрагиваемые в переиздаваемом труде Бичурина, получили развитие в исследованиях советских ученых. Напомним, что достаточно много внимания было уделено его труду в связи с работой над историей народов СССР. Широко пользовались трудами Бичурина В. Бартольд и Н. Кюнер. История гуннов и тюрок Средней Азии, отчасти северных народов, на основе источников, привлеченных Бичуриным, и некоторых дополнений к ним, отражена в наших работах.[13] Проблемы истории народов Средней и Центральной Азии неоднократно освещались

---

[1] ЗВО, т. XVI, стр. XXXI.
[2] Русский исторический журнал, 7, 1921, 139.
[3] Die Hunnen der Vorchristlichen Zeit, Berlin, 1921—1926.
[4] Asia Major, т. I, вып. 1, январь, 1924.
[5] JAOS, сентябрь, 1917, т. 37.
[6] The Early Empires of Central Asia, The University of North Carolina Press, 1939.
[7] См. нашу рецензию в журнале: ВДИ, 3—4, 1940.
[8] Çinin Şimal Komşuları bir kaynak kitabi, Анкара, 1942.
[9] Вопросы истории, № 7, 1946.
[10] The Greeks in Bactria and India, Кембридж, 1938.
[11] The Social and Economic History of the Hellenistic World, Oxford, 1941.
[12] См. С. П. Толстов. Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока, ВДИ, 1940, № 3—4, ср. критику теорий Ростовцева у Б. Рановича, ВИ, 1945, № 2.
[13] См., например, статьи Изв. АН СССР, сер. ООН, 4, 1937; СВ, т. I, 1940; СЭ, 2, 1947; там же, 4, 1948; ВИ, 11—12, 1946.

в работах С. П. Толстова.[1] В связи с историей Китая и Синьцзяна прежде всего следует отметить дополнения к переводам Бичурина в работах Л. Думана. [2] По истории Сибири и Средней Азии к переводам Бичурина обращались и обогащали их критическими сопоставлениями с археологическим материалом и другими источниками С. В. Киселев, А. П. Окладников, М. П. Грязнов, Л. П. Потапов, Л. А. Мацулевич, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, Н. В. Пигулевская и многие другие.

Мы пытались в этих предельно сжатых выборочных данных показать развитие тематики, поднятой работой Бичурина.

История науки показала непереходящее значение его труда. По настоящее время имеют силу слова Н. Веселовского, сказанные о трудах Бичурина: «Он в полном смысле слова положил у нас начало изучению китайской империи и ее вассальных земель, возбудив интерес в обществе к крайнему востоку, показал, какую возможность имеет для изучения Средней Азии богатейшая китайская литература, проложил путь для работ другим синологам. К этому надо прибавить, что труды Иакинфа доселе почти не устарели и ни один исследователь прошлого Средней и Северо-Восточной Азии не может обойтись без них. Масса новых сведений, внесенных в науку отцом Иакинфом, и отличное знание многих вопросов вполне искупают те недостатки, от которых его труды не свободны, которые к тому же были до известной степени общими всем ученым работам того времени».[3]

С высокой оценкой Бичурина выступал В. Бартольд, который в 1923 году писал, что благодаря трудам Бичурина «русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую. Этим переводом почти исключительно пользовались ученые, писавшие в России, хотя бы на иностранных языках».[4]

Были, правда, русские ученые и при жизни Бичурина и после его смерти, которые не оценили в полной мере его трудов, предпочитая обращаться за помощью к «заморским» авторитетам. И среди некоторой части советских ученых мы наблюдаем недооценку трудов Бичурина. Редко, скупо, всего два раза, да и то по отдельным трудам, оценен Бичурин в сборнике «Китай».[5] Как справедливы слова самого Бичурина, который с горечью

---

[1] См. прежде всего С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948.

[2] Л. Думан. Аграрная политика Цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. Труды ИВ, XX, 1936.

[3] Русский биографический словарь, т. И — К, СПб., 1897, стр. 154.

[4] Анналы, 1923, стр. 261.

[5] Сб. Китай, М.—Л., 1940, стр. 279: «Деятельности членов этой миссии, среди которых были и замечательные русские ученые, сыгравшие крупную роль в развитии китаеведения (как, например, Иакинф Бичурин), царское правительство обязано было хорошей информацией о Китае». Ср. стр. 288 — «первый крупный русский синолог».

писал: «Привычка руководствоваться чужими, готовыми мнениями, неумение смотреть на вещь своими глазами, неохота справляться с источниками, особенно изданными на отечественном языке; своему-то как-то не верится; то ли дело сослаться на какой-нибудь европейский авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот так же не имел понятия о деле».[1]

Однако прогрессивные русские ученые, и тем более советские ученые, с уважением относилась и относятся к Бичурину, беспрестанно обращаясь к его трудам, особенно к «Собранию сведений».

Так, С. П. Толстов в специальном экскурсе в своей книге «Древний Хорезм», сравнивая с китайским подлинником переводы Бичурина, Жюльена и Шаванна, приходит к выводу о несомненном преимуществе переводов Бичурина.[2]

III. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «СОБРАНИЯ СВЕДЕНИЙ» ДЛЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Тексты, приведенные в труде Бичурина, содержат гигантский материал по истории народов Средней и Центральной Азии, Маньчжурии и Восточного Туркестана, Южной Сибири и Среднего Востока: Афганистана, Ирана, Малой Азии и Северной Индии. Особенно важное значение они имеют для истории народов СССР.

Характер текстов, имеющих отношение к истории народов СССР, весьма разнообразен; заключены эти тексты в разных частях сочинения. Темы их следующие:

I. Тексты, повествующие о племенных и государственных образованиях, имевших то или иное отношение к истории народов СССР в древности; таковы разделы о гуннах, сяньби, жуань-жуанях, тюрках-тугю, хойху, киданях и некоторые «прибавления» о гаогюйских племенах, племенах шато и других. Центром этих образований была в основном Монголия, отчасти (в единичных случаях) Маньчжурия и Восточный Туркестан.

II. Второй группой текстов являются извлечения, касающиеся собственно истории племен и народов СССР. Надо указать, что большинство общих названий племенных и географических уже давно отождествлено учеными с современными географическими пунктами и именами народов и тем самым ясно выделяется группа текстов, имеющих непосредственное отношение к истории нашей страны. Отмечая ниже эти отождествления, мы, тем самым, облегчаем пользование книгой

---

[1] Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Мункэхана, Финский вестник, 1847, № 5, май, разд. IV, стр. 3.

[2] Древний Хорезм, стр. 254—255.

Бичурина. Однако в этой области сделано еще далеко не все, и целый ряд географических названий еще не имеет твердо установившихся интерпретаций, многие из них еще даже не привлекли к себе достаточного внимания.

Непосредственное отношение к истории народов СССР имеют данные, связанные либо с походами, организованными названными племенами и государственными образованиями на нашу территорию, либо с походами наших племен и народов против них в степи Монголии или оазисы Восточного Туркестана. Для древнего периода походы гуннов, сяньби, отчасти жужан в пределы современной территории СССР отмечаются либо племенными названиями, либо географическими. Наиболее употребительны для севера Южной Сибири указания: о динлинах и гяньгунь (Южная Сибирь), Бэйхай (Байкал), Цзинь шань (Алтай). Часто сам Бичурин дает в примечаниях эти отождествления. Кроме того, разнообразные транскрипции в названиях племен, народов и стран даны в нашем указателе.

Приведем наиболее главные отождествления.

Походы в Среднюю Азию отмечены указаниями о проникновении в страну Усунь (Тяньшань), Давань (Фергана), Кангюй (Хорезм, Согд, Сыр-Дарья), Большие Юечжи (Бактрия, Среднеазиатское междуречье), Дася (Грекобактрия — Южный Таджикистан), Аньси (Парфия), которую не следует смешивать с Аньси в области Турфана и китайской области Аньси.

Для средневековья, т. е. для текстов, связанных с историей тугю (вар тукюе-тюрок) и хойху (уйгуров), особенно употребительна терминология районов севера Южной Сибири: хакас — кыргызы (Енисей), Шивэй (Забайкалье, верховье Амура), Цзинь шань (Алтай), байегу (племена байырку), доланьгэ (теленгуты), тйеле (толесы), сйеяньто (сиртардуши).

Для Средней Азии: Хао, Иеда, Идань — эфталиты; западные тюрки (Семиречье), из них дулу — междуречье Чу-Или и нушеби — Чу-Талас и Тяньшань. Этот же район с 704 г. заселяли тюргеши — туциши, с 766 г. — карлуки — гэлолу. До 766 г. карлуки обитали на Западном Алтае.

Из племенных названий отметим: цзюешэ — кыпчаки, худэ — остяки, сяньби — эвенки, шивэй — тунгусы (?), динлины — енисейские остяки. Кангюй — Хорезм, Согд и Сыр-Дарья; да-юечжи — массагеты, гюаньду — кумеды.

Из этнических терминов и географических названий зарубежных стран и народов наиболее важными в Монголии являются следующие:

Ханьхай — пустыня Гоби, но не Байкал, как местами у Бичурина; тугю — тюрки, но не «дулга» и не монголы, как у Бичурина; хойху — уйгуры, но не ойхоры и не монголы, как у Бичурина; Ху — варвары, «не китайцы» и чаще всего согдийцы,

но не всегда тюрки, как полагал Бичурин; Туло — Тола; Солин — Селенга; Цюлуянь — Керулэн.

В Восточном Туркестане: Шаньшань — Лоулань (совр. Лобнор — Пухай), цяны — тибетцы, Туфань — Тибет, Юйтянь — Хотан, Согюй — Яркенд, Сулэ — Кашгар, Яньки (-Акини) — Карашар, Гуйцы — Куча, Гаочан — Турфан и Караходжо, Бэйтин — Бешбалык, Иву — Хами, озеро Пулэй — Баркуль, Янсо — Юлдуз, Гйепаньто — Сырыкол (Таш-Курган).

Из других названий отметим: Гибинь (Гэшили) — Кашмир или Каписа, Ганьду — Гандара, Даши — арабы, Босы — Персия, Большая Фулинь — Сирия, Дацинь — восточно-римские владения в Малой Азии, Фаньянь (Ванянь) — Бамиан, Ниполо — Непал, Ухоань — Кундуз, Шеми — Читрал, Тяньду — Индия, Тяньшань (Семиречье и Тяньшань), Басими — басмал. Оседлые оазисы Средней Азии: Боханьна (а также Полона, Лона, Нинъюань) — Фергана, Кан — Самарканд (он же Самоцянь) — Согд, Холисими и Юегянь (Ургенч) — Хорезм; Гудо — Хуталян, Шумань — Шуман и Тухоло — Тохаристан соответствуют Таджикистану; Памило, Бами и Бохо — Памир; Хуми, Хокань — Вахан; Шини — Шугнан, Цзюми — Кумед; Дамо — Термез.

Кроме того, часто употребление термина Суйе (Чуйская долина, Семиречье) и Сули (Согд, иногда с включением Семиречья). Последний термин следует отличать от Сулэ, которым назывался Кашгар.

Отдельные районы Средней Азии назывались: Ташкентский оазис (Ши, Чжеше, Юени), Осрушана (Цао восточное), Иштихан (Цао западное или Шетилян), Маймург (Ми), Бухара (Ань, Бухало, Даан), Нахшеб (Ши, Кише, Насеба), Мерв (Унагэ), Касан (Гесай), Катта-Курган — древняя Кушания (Гуйшуан), Кулан (Цзюлань).

Наиболее крупные реки в этих источниках выступают под именами: Енисей — Кем (Гянь); Иртыш (Уту?); Или (Или); Чу (Суйе); Талас (Таласе, иногда в старом издании ошибочно Хынлос), Нарын — Сыр-Дарья (Чженьчжу и Шеше), Пяндж — Аму-Дарья (Уху — Оксус, Гуйшуй), Вахш (Хуши, Уши), Зерафшан (Нами), Кашка-Дарья (Тумо).

Аральское море выступает под именем Вынаньша, Лэйчжоу, Северное море; Каспий — чаще всего под именем Циньхай, Иссык-Куль — Жехай или Тинчи.

Менее точно отождествлены такие названия, как города Средней Азии: Ю-Узген, Эрши (Мархамат, по Бичурину — Коканд), Сигянь — Ахсыкет; Бэйшуй — Испиджаб, Гидуцючжо — Гургандж, Цзюбило — Сайрам.

Широко употребляется в текстах транскрипция тюркских титулов: кэхань — каган, катунь — хатун, дэлэ — тегин,

шеху — ябгу, ша — шад, тутунь — тутук, дагань — таркан, бе — бек, мохэ — бага, мохэду — багадур, гудулу — кутлук, бигя — бильга, дынли — тенгри и т. п.

Изменены в китайской транскрипции собственные имена: Асилань — Арслан, Сулимань — Сулейман, Кюе — Кюль, Исесе — Иездегерд, Гусахэ — Хосроу, Истачжи — Ардешир, Ими Цюйдибо — Эмир Кутейба, Улеге — Гурек, Фохумань — Вахшуманъ и т. д. и т. п.

Весьма важным является изменение в китайской транскрипции названия одного и того же народа. Так, например, некоторые народы имели в китайской исторической литературе множество названий, т. е. несколько транскрипций. Укажем главнейшие: кыргызы Енисея — гяньгунь (цзяньгунь), гэгу, цигу (кигу), йегу, хакас, хакяньсы, киликицзы; уйгуры — гаогюй, хойху, вэйвуэрр.

Не китаеведу порой бывает трудно разобраться в этих разночтениях и транскрипционных различиях, особенно при пользовании различными западноевропейскими переводами. В этих случаях следует пользоваться конкордансом транскрипций, имеющимся в нескольких изданиях. Отметим, например, конкорданс, составленный коллективом русских китаеведов — К. Вебером, А. Ивановым, Вл. Котвичем и А. Рудневым «К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов» (Записки Восточного отделения русского археологического общества, т. XVIII, в. 1, СПб., 1907, стр. 74—95) или в китайской грамматике П. П. Шмидта (Владивосток, 1915) и более полный — Bernhard Karlgren, A Mandarin Phonetic Reader in the Pekinese dialect with an introductory essay on the Pronunciation: Archives d'Études Orientales, т. XIII, в. 1, 1917.

Пользование этими пособиями облегчает чтение специальных названий, транскрибированных в разных изданиях, особенно в западноевропейской литературе, и обеспечивает правильное их написание, необходимое для аутентичного понимания перевода.

Восстановление же соответствия китайской транскрипции иноземного для Китая слова его звучанию в древности является делом специалиста, и всякие догадки в этой области, не опирающиеся на древнюю фонетику, или твердые историко-географические заключения, как бы они ни были соблазнительными, чаще всего являются ненаучными. Для этих целей следует обращаться к литературе вопроса. Большое количество таких названий отождествлено и расшифровано, но далеко еще не все и не с достаточной полнотой. Количество авторов, подвизавшихся в этой области, весьма велико, в частности большинство тех, которые были упомянуты выше. Известную сводку этих отождествлений редакторы отразили в указателях, где китайской транскрипции собственного имени или географиче-

ского названия соответствует, где это было возможно, либо восстановление подлинного звучания, либо бесспорное отождествление. Из наиболее авторитетных работ может быть рекомендована прежде всего работа E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue Occidentaux, СПб., 1903 (Сб. Трудов орхонской экспедиции, в. VI), а также работы П. Пелльо, которые, однако, представляют трудности для использования, так как его замечания разбросаны по различным статьям и рецензиям, главным образом в «Journal Asiatique» и «T'oung Pao».

Значительная часть историко-географических и племенных названий, особенно по Монголии и отчасти Восточному Туркестану и Южной Сибири правильно объяснена в труде Г. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский Край» (Л., 1926, т. II).

Основные отождествления, достаточные для первоначальной ориентировки в тексте, мы привели выше.

Значение китайских источников для истории Средней Азии в «доисламский» период особенно велико. В самом деле, те письменные источники, которые содержат исторические данные о Средней Азии с периода VI в. до н. э. до VI—VIII вв. н. э. и приведены в известность, несмотря на их разнообразие, весьма немногословны. Мы имеем в виду ахеменидскую клинопись, античные источники (Геродот, Страбон, Птолемей и др.), более многословные для времени Александра Македонского (Квинт Курций, Арриан), византийских и армянских авторов (типа Менандра Протектора, Прокопия, Феофилакта Симмоката), сирийские источники (Иешу Стилит, Захарий и другие), некоторые сасанидские тексты (надпись Пайкули, надпись Шапура) и связанную с ними литературу на пехлевийском языке (Авеста, Бундахишн), древнетюркские рунические тексты (Кюльтегина, Тоньюкука и т. п.).

Особую, но весьма еще немногочисленную группу составляют тексты, происходящие из Средней Азии, прежде всего: согдийский архив (личный архив Гурека), древнехорезмский (видимо, хозяйственный) архив, отдельные рунические надписи типа древнетюркских, многочисленный эпиграфический материал.

Значительную ценность представляет арабо- и персоязычная литература, отчасти также сакские, тохарские и тибетские источники, в которых, однако, сведения, касающиеся Средней Азии в древний период (до VII—VIII вв.), единичны и зачастую содержатся в текстах намного позже того времени, которое ими описывается. Это прежде всего относится к арабо- и персоязычной литературе.

Китайские источники прежде всего позволяют составить основную хронологическую канву для истории античного и

дофеодального периодов истории Средней Азии. В самом деле, древнейшие упоминания о Средней Азии восходят к путешествию Чжан Цяня 138—126 гг. до н. э., сообщения которого были использованы отцом истории Китая Сы-ма Цянем для составления «исторических мемуаров» Шицзи. Личное посещение Чжан Цянем Средней Азии сказалось на конкретности повествования Сы-ма Цяня, особенно в отношении Ферганы.

Дополнительные сведения по сравнению с Сы-ма Цянем имел очевидно Бань Гу, автор династийной истории «Старшей Хань». Следуя буквально иероглиф в иероглиф за Шицзи Сы-ма Цяня, он включал в свой текст и дополнительные данные. Характерным примером является включение письма Модэ-Шаньюя китайской императрице Гаохэу, отсутствующее в тексте Сы-ма Цяня. Наблюдаются изменения в иероглифике племенных названий, особенно по Южной Сибири при описании похода Модэ в 209—201 гг. до н. э.: например, цайли вместо синли и т. п.

Весьма любопытны извлечения о Средней Азии из Хоуханьшу. Основой информации здесь был поход Бан Чао 94—96 гг. н. э. В качестве специального «разведчика» по Средней Азии был Гань Ин, посланный до Циньхая — Каспийского моря. Судя по тексту в Хоуханьшу, значительное количество сведений поступало о Средней Азии в Китай через китайских наместников оазисов Восточного Туркестана. Однако поздняя редакция Хоуханьшу (V в.) привела к тому, что главный автор, по существу, редактор древних текстов — Фаньхуа недооценил многих сведений и составил Хоуханьшу, исходя из современных ему событий и состояния народов Средней Азии. В связи с этим в Хоуханьшу совершенно опущена такая значительная территория, как область усуней Тяньшаня, хотя несомненно, что их история не могла катастрофически оборваться в 8 г. н. э., до которого их доводит Бань Гу (автор Цяньханьшу). Если исходить из того факта, что гунны в этот период владычествовали на Тяньшане, то все равно усуни не исчезли, ибо, во-первых, сведения об усунях сообщал Бань Чао, во-вторых, абсолютное владычество западных гуннов на Тяньшане и в Фергане относится к более позднему периоду, особенно ко II в. н. э., но и с них также приведены весьма скудные сведения.

Для Вэйской истории особое значение имело, в части информации о Средней Азии, посольство Тун Юана и Гао Мина середины V в. н. э., посетивших многие районы Средней Азии. Надо сказать, что вообще в Вэйский период Китай был больше, чем в предшествующий период, связан и с Центральной Азией — Монголией и Восточным Туркестаном. История Вэйской династии содержит весьма распространенные сведения об иноземных народах. Авторитет повествований Вэйской истории был

настолько велик, что ее рассказы об этих народах были положены в основу соответствующих статей в более поздних энциклопедиях, например, у Ма Дуан—линя (XIV в.).

Сходные по содержанию главы краткой истории Суйской династии и затем Танской, в части сведений, выбранных Бичуриным, восходят, очевидно, к общим источникам. Кроме обычных источников этих сведений, следует особенно подчеркнуть описание Восточного Туркестана и Средней Азии в путешествиях буддийских паломников Фасяня (400 г.), Сун Юна (518—522), Вэйцзе (605—616), особенно Сюаньцзана (629—648), Ицзина (673—695), Хойчао (723—729), Укуна (751—790).Особенно большим авторитетом пользовался Сюаньцзан: описание его жизни и путешествия, в частности последнее, широко цитируется текстом истории Танской династии.

Распространенная версия истории Танской династии — Синь-Таншу, составленная позже краткой версии Цзю-Таншу, основывалась на включении в текст прямой речи послов и текстов писем и обращений, адресованных правителям областей и народов от имени Китайского двора, и ответов на них. Достоверность этих текстов вызывала вполне законный скепсис некоторых ученых (В. Бартольд) и впредь до их документальной проверки по первоначальным источникам остается под знаком вопроса.

Для истории Танской династии (Цзю-Таншу и Синь-Таншу), в известной мере и для Суйских анналов, характерна новая точка зрения в оценке более древних событий на территории Средней Азии: древние названия племен и территорий увязываются с современными (танскими) именами и названиями. История Танской династии пытается объяснить происхождение названий, следуя китайской исторической традиции о неизменяемости предшествующих исторических образований, о постоянстве пребывания народов на одном и том же месте. Эта историческая концепция приводит к ряду по меньшей мере спорных выводов, например, что страна Кан (Самарканд — Согд) — это древняя страна кангюй. Если в целом ряде случаев эта преемственность с древними образованиями имеет солидную аргументацию (происхождение тюрок-тугю, уйгуров-хойху и т. п.), то в других случаях она почти ничем не обоснована и к такого типа заключениям следует подходить критически.

Наряду с этими текстами, легшими в основу сборника Бичурина, он воспользовался китайскими комментаторскими сведениями для своих примечаний, а в целях уточнения политических событий широко привлекал данные из погодной сводной истории Тунцзянь-ганму (XII в.). Текст перевода этой истории в 17 томах был им подготовлен к печати, но и поныне хранится в рукописи (Институт востоковедения). Отметим, что

единственный перевод на европейский язык этого сочинения был проделан иезуитом Майя еще в XVIII в. (12 томов) не с китайского оригинала, а с сокращенного маньчжурского варианта, что, однако, не помешало позднейшим западноевропейским историкам Китая писать на основе этого неполноценного перевода многочисленные истории «Поднебесной империи». Бичурин перевел китайский оригинал Ганму, к сожалению, не увидевший свет.

Наши критические замечания источниковедческого порядка не должны восприниматься как умаление достоинства китайских текстов, касающихся Средней Азии. Они имеют своей целью только обратить внимание на необходимость критического пользования этими текстами, с учетом наиболее ранних информаций китайских авторов и времени составления окончательного текста. На последнее обратил внимание в своем предисловии Бичурин. Напомним, что описание состава китайских исторических источников в Западной Европе было выполнено Вайлем намного позже Бичурина, а описания, подобного данному Бичуриным, особенно в части исторических сочинений, китаеведение не знает и до сих пор, кроме истории китайской литературы Васильева.

Значение переведенных Бичуриным текстов для истории народов СССР, прежде всего Южной Сибири и Средней Азии, трудно переоценить. Для Южной Сибири китайские источники в отношении древнего периода являются единственными письменными источниками. Значительна их роль также и для раннего средневековья, когда появляются сначала древние тюркские и кыргызские, затем западноевропейские средневековые и русские тексты.

Благодаря китайским текстам вскрываются имена племен, населявших Южную Сибирь в древности, становится возможным разрабатывать этногенетические проблемы, отчасти нарисовать политическую историю, правда, больше в плане внешнеполитических событий (связь с Монголией, в отдельных случаях со Средней Азией). Широко представлены эти тексты в трудах советских исследователей, прежде всего С. В. Киселева и Л. П. Потапова, которые использовали эти тексты при создании истории Южной Сибири и Алтая.

Привлечение китайских источников для интерпретации археологических материалов характерно для более широкого круга советских исследователей, что мы уже отмечали выше. Немногочисленны пока дополнительные исследования этих текстов специально в отношении Северной Азии. [1]

[1] См., например, А. Н. Бернштам. Заметки по этногенезу народов Северной Азии, „Советская этнография“, 1947, № 2, стр. 60—66.

Китайские тексты в переводе Бичурина широко использовались для составления истории Средней Азии как в дореволюционном, так и советском востоковедении. Особое значение в дореволюционном востоковедении, занимавшемся Средней Азией, имели эти тексты в части исторической географии и прежде всего этногенеза. Напомню, что такие, например, работы, как работа Бронникова по исторической географии или Аристова по этногенезу, иногда в значительной степени, а иногда и целиком опирались на переводы Бичурина. С большим доверием к этим переводам относились и такие крупные русские ученые, как В. Григорьев, Н. Веселовский, В. Бартольд, К. Иностранцев, Г. Грумм-Гржимайло.

Важнейшую роль сыграли эти тексты для решения общих проблем советского востоковедения, особенно в вопросе о характере общественных отношений в домусульманский период. Рассмотренные в свете марксистско-ленинской теории, обогащенные данными других источников и археологических изысканий, они позволили С. П. Толстову выдвинуть теорию об общинно-рабовладельческих отношениях в Средней Азии в домусульманский период. Как уже было отмечено выше, и другие советские востоковеды широко пользовались ими в своих исторических исследованиях как общего, так и частного порядка, особенно в связи с историей Согда, тюрок Семиречья и т. п. Переводы Бичурина проверены временем, испытаны почти столетним развитием китаеведения, доказавшим их непреходящую ценность. Нет сомнения, что этот великолепный труд русского ученого еще много лет будет служить на пользу советской науке.

Н. В. Кюнер

РАБОТА Н. Я. БИЧУРИНА (ИАКИНФА) НАД КИТАЙСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ ДЛЯ «СОБРАНИЯ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ, ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА»

Замечательный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» давно уже сделался, в связи с богатством содержания и систематичностью изложения, настольной книгой для всех исследователей происхождения и истории народов, выступавших с глубокой древности на обширной территории Средней Азии. Последняя в понимании нашего прославленного синолога включает не только Центральную Азию, но и прилегающие области Сибири и современной Средней Азии, а также Маньчжурию с Приамурьем и Приморьем. Изучение этих народов выдвигает в первую очередь необходимость знакомства с китайской литературой, которая содержит наиболее полные фактические материалы об указанных народах с ранних времен установления между ними и Китаем связей — торговых, политических и культурных. Труд Бичурина, состоящий в основном из переводов китайских материалов, открывал возможность близкого ознакомления с этим важнейшим источником сведений о народах центральной, северной, северо-восточной и западной Азии в их давнем прошлом.

Значение труда Бичурина сохраняется целиком и поныне, так как после его издания ни у нас, ни за границей не появлялось труда, равного по объему и качеству перевода «Собранию сведений». Издавались лишь частичные продолжения его переводов (В. П. Васильев и Брейтшнейдер у нас) или сборники переводов китайских исторических текстов на специальные темы, отнюдь не заменявшие труда Бичурина. Работа Эрве де С. Дени, по плану и содержанию приближающаяся к труду Бичурина, значительно уступает ему по масштабу и качеству выполнения.

Таким образом, настоящий труд Бичурина переходит в советскую научную литературу, как наиболее ценная часть старого востоковедного наследства.

Возникает естественный вопрос, в какой мере рассматриваемый труд Бичурина, как переводный, удовлетворяет современным повышенным требованиям, предъявляемым к переводу с китайского оригинала, и в какой мере достоинства переводов Бичурина, засвидетельствованные многими исследователями, обращавшимися к ним, в том числе и специалистами-китаистами, могут удовлетворить запросы развивающейся советской науки.

При оценке переводов Бичурина, вошедших в настоящий труд, надлежит в первую очередь подчеркнуть, что его перевод с китайского не является просто дословным переводом, — это перевод, стоящий на высоком для своего времени уровне в литературном отношении; переводчик, схватывая смысл оригинала, нередко отступает от буквальной передачи китайского текста, делая его более понятным и доступным для русского читателя. Эти литературные достоинства перевода Бичурина сохраняют свое значение и для современного, советского читателя, несмотря на устарелость отдельных слов и грамматических оборотов, которые оговорены и пояснены в своем месте.[1] Во вновь издаваемый текст внесены лишь отдельные вставки в тех местах, где были пропуски, намеренные или случайные, неизбежные в любом переводе с китайского, исправлены мелкие неточности, которых вообще немного и, наконец, даны необходимые пояснения к переводу на основании позднейших или оставшихся неизвестными переводчику материалов и сведений. Такие материалы обнаруживаются через более полное, чем было возможно во времена Бичурина, изучение китайской литературы в свете новейших научных данных. Для пояснения могут служить параллельные редакции текстов, переведенных самим Бичуриным. Приводимые в данном переиздании разночтения или иные варианты и примечания к ним, неиспользованные переводчиком, дополняют тексты переводов Бичурина.

---

[1] Вот некоторые примеры устарелых слов, встречающихся у Бичурина в рассматриваемом труде: *поверхность* — верх, верхняя сторона; *в довольное время* — в достаточное или изрядное время; *нечувствительно* — незаметно; *прозвание* — фамилия; *проименование* — фамилия, имя, прозвище; *частно* — негласно, под рукою; *прегради* — предместье; *сверх чаяния* — неожиданно; *в самой вещи* — в самом деле; *впрочем* — вообще, затем, однако; *доправить плату* — взыскивать плату (стоимость, убытки, долг); *трость, тросточка* — камышевые палочки для письма; *лошак* в смысле мула — животное от жеребца и ослицы (сейчас под этим термином разумеется животное от осла и кобылы); *предлежит* — предстоит; *отводный караул* — отдельный, особый, в стороне от стана (лагеря), караул; *конец* — штука (кусок) ткани, холста; *испытывать* — дознать, осведомиться; *окоп* — окопанное место для загона скота и других целей; *притин* — место, где ставится часовой; *продолжение* в смысле: продолжительность; *приличные* (слова) — подходящие; *облежание* — осада.

Все эти исправления и дополнения взяты в квадратные скобки, как исходящие от редакции настоящего переиздания.

В старом издании 1851 г. «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» обнаружено немалое количество опечаток, на которые уже указывали первые рецензенты этого труда 50-х годов прошлого столетия, в том числе Казембек, — как не вызывающие сомнения, они исправлены.

Большинство рецензентов или исследователей, пользовавшихся переводами Бичурина, высоко отзывались о достоинствах их. Как исключение, высказывалось мнение, будто его переводы содержали прямые ошибки. Н. И. Веселовский, высоко ценивший труды Бичурина, так суммирует высказанные некогда упреки к автору, как переводчику: «переводы отца Иакинфа во многих случаях представляют сокращения китайского оригинала, иногда трудные места переданы у него наугад, без соответствующих оговорок, иногда встречаются длинные пропуски, которые затемняют связь событий. От этих недостатков не свободен и самый капитальный труд, один из последних его трудов, «Собрание, сведений о народах Средней Азии».[1]

Чтобы отвести навсегда столь несправедливое обвинение и решить окончательно вопрос об истинных достоинствах перевода Бичурина, необходимо было сличить его перевод с китайским подлинником, хотя бы в выборочном порядке. Сличать в этих целях весь рассматриваемый труд с массою китайских текстов, значило бы проделать вновь огромную работу, которая потребовала от Бичурина многих лет усиленного труда и его исключительных знаний. Но возможно ограничиться выборочной проверкой некоторых частей его труда, представляющих каждая в отдельности законченное целое. Так как характер перевода во всем труде одинаков, то, очевидно, проверка отдельных частей позволит правильно судить о переводе в целом. Пишущий эти строки имел случай в разное время сличать перевод Бичурина с китайским оригиналом по ряду частных тем и убеждаться в несомненных достоинствах перевода, при наличии некоторых частичных пропусков и иных отступлений от оригинала или мелких неточностей в отношении передачи отдельных китайских выражений.[2] В связи с настоящим переизданием был сличен перевод главы «Повествование о Давани». Результат этой проверки вполне подтверждает преж-

---

[1] Русский биографический словарь, т. И — К, СПб., 1897, стр. 154.

[2] Были проверены следующие части перевода Бичурина: О хагясах, стр. 442—452 второго отделения первой части «Собрания сведений», взятые из Таншу; о восточном доме Дулга (тюрок — тугю), стр. 291—304 второго отделения первой части (из Таншу); о Мохэ, стр. 114—117 второй части (из Суйшу); о Бохай, стр. 178—179 второй части (из Таншу;

ние наши выводы о безусловных достоинствах перевода и, следовательно, полной неосновательности единичных обвинений в произвольности и неточности переводов Бичурина.

Приводим данные об итогах произведенной проверки «Повествования о Давани» (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, часть III, стр. 1—32 первоиздания), сличенного с оригинальным китайским текстом в Ши-цзи (Исторических записках) Сы-ма Цяня, цзюань 123, стр. 1а—20а и комментариями к ним.

Название «Давань»: китайско-русский словарь Палладия и Попова (т. II, стр. 601) читает это название Даюань; комментарий Соинь (поиски сокровенного) Сы-ма Чжэна также дает чтение Юань (через рассечение Юй-юань). Далее в самом тексте переводчиком пропущено указание комментария «чжэн'и» (исправление смысла), что юэчжи находились раньше в Лян: «Ганьсуйская область Гуа-ши и прочие области — первоначальные земли государства Юэчжи».

Страница 2,

строка 1 — часто сожалели; в китайском тексте: постоянно гневались на Сюнну (Хунну);

строки—3—4 — уничтожили хуннов; в китайском тексте: ху (хусцев);

строка 9 — Тан'и Хуну-ганьфу, в китайском тексте: по фамилии Тан'и, бывший Хуну-ганьфу.

Страница 3,

строка 5 — Хунны убили; в тексте: ху (хусцы);

строка 6 — старшего сына; в тексте: тайцзы, что обычно переводится: наследник престола, как это переведено дальше самим Бичуриным;

строка 16—Чжуки—князь восточной страны; в тексте: левый (восточный) князь (ван) Гули;

строка 19 — Со своей женою; в тексте: с хуской (т. е. хуннуской) женою;

строка 23 — иностранцы; в тексте: Мань-и (южные и восточные иноземцы).

Страница 4,

строка 5 — запад; в тексте: юго-запад;

строка 6 — почти за 10 000 ли от границы прямо на запад; в тексте: отстоит от Хань (Китая) почти за 10 000 ли прямо на запад.

Страница 6,

строка 2 — отказались от поездок в орду Хуннов; в тексте: не соглашались отправляться на съезды при дворе (хуннов);

строка 14 — почти в 3000 ли; в тексте: две-три тысячи ли.

здесь из оригинала Бичуриным было взято только начало); о Гаогюйли, стр. 38—42 второй части (из Наньши); об Илэу, стр. 18—20 второй части (из Хоуханьшу); о Гаоли, стр. 54—70 второй части (из Бэйши); о Гаоли, стр. 20—22 второй части (из Хоуханьшу); об Уцзи, стр. 82—87 второй части (из Бэйши) и др.

Страница 7,

строка 5 — река Гуйшуй — добавить: сделал двором (столицей) князя (вана);

строка 7 — в южных горах; надо с заглавной буквы, так как это известные горы Нань-шань (Южные горы) в северо-западном Китае;

строки 16—17 — сухим путем и водою; в тексте: употребляли телеги и лодки;

строки 18—19 — имеют серебряную монету; в тексте: из серебра делают монету.

Страница 7,

строки 20—29— отливают монету с лицом нового государя; в тексте: меняют монету, подражая лицу князя (вана);

строка 23 — Тяочжи: Бичурин выделяет это слово курсивом; в китайском тексте это название напечатано с новой строки и крупным шрифтом.

Страница 8,

строки 2—3 — много небольших владетелей, которые хотя зависят от Аньси, но считаются иностранными владетелями; в тексте: повсеместно имеются малые удельные правители (цзюньчжан), и Аньси походами подчиняло их, считая за иностранные государства;

строка 14 — то они поддались дому Дася; в тексте: все подвластные собрались в Дася;

строка 18 — иначе Иньду; в китайском тексте Сы-ма Цяня этого имени нет, в комментариях даны написания: Хэду, Цяньду, Цзиду.

Страница 10,

строка 6 — местоположение низменное; в тексте: но (страна) низменна и влажна (далее эта фраза так и переведена Бичуриным);

строка 22 — от Шэньду на север; в тексте: на север от них (т. е. Давань, Дася и Аньси);

строка 2 снизу — Он в восхищении поверил; в тексте: Сын неба с радостью поверил словам.

Страница 11,

строка 4 — Цюн и Цзи; в китайском тексте: Цюн и По (для «По» дано чтение «Пэй»).

Страница 12,

строка 5 — избавился от смерти с потерею чинов и достоинства; в китайском тексте: откупившись, сделался простолюдином;

строка 7 — В 121 г. перед Р. Х. китайский полководец Хокюйбин разбил Западную стену у хуннов; в тексте: В этом году послали бяоци (воеводу из императорских родичей) разбить западную стену (Си-чен) у хуннов.

Страница 13,

строки 7—8 — Гуньми со своим народом отделился и отказался от поездок; в тексте: Гуньми со своим народом далеко переселился, сделался самостоятельным и не соглашался являться на съезды к хуннам;

строка 14 — остаются незаселенными; в китайском тексте — опустели и безлюдны;

строка 14 — кочевые; в тексте: маньи (южные и восточные иноземцы);

строки 17—18 — вступить в брачное родство; в тексте: завязать братские узы.

Страница 14,

строки 3—4 — снабдил большим количеством разных дорогих вещей; в китайском тексте: снабдили деньгами и шелковыми тканями несколько тысяч;

строки 9—10 — необразованных иноземцев; в тексте: маньи (южные и восточные иноземцы), как и выше.

Страница 14,

строки 18—19 — был удален от Китая. Он еще не знал, что служащие при нем долго находились в зависимости от хуннов; в китайском тексте: будучи удален от Китая, еще не знал, велик или мал он. Привык подчиняться Сюнну (хуннам), что установилось уже давно.

Страница 15,

строка 13 —отправил своих помощников с посланниками; в китайском тексте нет «с»: отправил своих помощников посланниками (очевидно, это опечатка, которых немало в старом издании «Собрания сведений».—*Н. К.*);

строка 17— с ним отправил небольшое посольство с несколькими десятками лошадей, назначенных китайскому двору; в китайском тексте: Чжан Цянь согласился, чтобы Усунь отправил посольство в несколько десятков человек и лошадей несколько десятков голов для выражения благодарности;

строки 20—21 — поручил своему посланнику высмотреть китайский двор и узнать великость его; в тексте: приказал разведать Хань (т. е. Китай), узнать, обширен ли он.

Страница 16,

строка 20 — пропущено: В начале сын неба открыл, что книги Шу (цзин) и И (цзин) говорят, что священные лошади должны прибывать с северо-запада. Получив усуньских лошадей, он назвал их за добротность «небесными лошадьми». Когда получил лошадей с кровавым потом, еще более крепких, то переменил имя, назвав усуньских лошадей «западный предел», даюаньских же лошадей назвал «небесными лошадьми».

Страница 18,

строка 19— пропущено: Эти посланники и служители также вновь умножились. Исчисляя имения иностранных государств, в отношении тех, о которых (ему) докладывали, как о больших, (сын неба) давал (посланникам) бунчуки, а в отношении тех, о которых докладывали, как о малых, делал помощниками (вторыми посланниками). Поэтому попусту докладывали. Указанные посланники были детьми бедняков. Своекорыстные уездные чиновники, снабжая вещи, желали дешевого рынка, т. е. купить подешевле, чтобы присвоить выгоду от них (вещей) с иностранных государств.

Страница 19,

строка 8 — хотел напасть на хуннов, но хунны уклонились от него; в китайском тексте: хотел напасть на ху'сцев (хуннов), но ху'сцы все ушли;

строка 11— взял владетеля в плен; в тексте: Лоуланьского князя (вана);

строка 20 — Усуньский государь; в тексте просто: Усунь.

Страница 20,

строка 1 — Усуньский государь Гуньмо; в тексте: Усуньский князь (ван) Гуньмо;

строки 2—3 — младшая супруга, старшая супруга; в тексте: правая и левая.

Страница 21,

строка 17 — пропущено: На запад от Даюань (Давань) все (владения); естественно, вследствие дальности еще были самовольны и наслаждались миром. Еще не могли согнуть их, но церемониями влияли на них и так оставили.

Страница 22,

строка 3 — Жители любят вино, так как лошади любят траву му-су. В китайском тексте: жители любят вино, (как) лошади любят (траву) му-су. Очевидно слово здесь «так» и «как» надо разделить запятою.

строка 21 — Посольства наиболее состояли из низших чинов, исключая лиц, известнейших Сыну Неба. В китайском тексте: А посылаемые от Хань (Китая), коль скоро отправляли в большом числе, то из мелких сопровождающих вообще было много красноречиво говоривших (т. е. известных) Сыну неба.

Страница 24,

строки 8—9 — конницу из зависимых владений и молодых негодяев из Китая; в китайском тексте: конницу вассальных владений (шуго) и (из) китайских провинций (цзюньго), (щ) дурную молодежь (шаонянь).

Страница 25,

строка 6 — не более двух из десяти человек; в тексте: не более одного-двух из десяти.

Страница 26,

строка 8 — ослов, лошаков и верблюдов; в китайском тексте: ослов (люй), мулов (ло) и верблюдов (тото);

строка 23 — в большей части малых владений, лежащих по пути, встречали его со съестными припасами; в китайском тексте: войск было много, и малые владения, куда прибывали, непременно встречали и выдавали съестные припасы;

строка 24 — Луньту; надо Луньтоу.

Страница 27,

строки 11 и 14 — Старейшины; в китайском тексте: именитые люди (гуйжэнь). Государь Мугуа; в китайском тексте князь (ван) Мугуа (оговорка насчет написания Угуа, очевидно, относится к погрешности издания, которым пользовался Бичурин);

строки 17—18 — Теперь, говорили они, сами выдадим аргамаков; прибавить из китайского текста: сами убьем Мугуа и выдадим отличных лошадей (аргамаков у Бичурина);

строка 21 — Такое мнение было всеми одобрено. Итак поручили одному из старейшин; в китайском тексте: (Да) Юаньские именитые люди все одобрили это. Сообща убили своего князя (вана) Мугуа и с его головою послали именитого человека к Эршийскому вкратце сказать.

Страница 28,

строки 21—22 — старого даваньского вельможу Моцая; в китайском тексте: второго из Да-юаньских именитых людей Мо-Цай.

Страница 29,

строка 1— Ван Шеньшэн; в китайском тексте дополнено: Гу Хунлу, Ху Иньго с прочими;

строка 2 — Правитель города; в китайском тексте — чэн-шоу — начальник города (комендант);

строки 5—6 — не ставили отводных (т. е. отдельных) караулов; в китайском тексте: высматривали, но пренебрегали этим;

строка 7 — между тем, высмотрев лагерь, в сумерке выступили в числе 3000 человек и ночью весь отряд истребили; в китайском тексте: подсмотрев, узнали, что (Ван) Шэньшэна войска ежедневно уменьшаются; рано утром, напав (числом) 3000 человек, умертвили (Ван) Шэньшэн и других;

строки 11—13 — Офицер Шаньгуаньгйе, отряженный Эршийским, взял город Ю; владетель города бежал в Кангюй, куда и Шаньгуаньгйе пришел вслед за ним; в китайском тексте: Эршийский приказал соусудувэй (заведующему продовольствием и казною) Шан Гуаньцзйе отправиться напасть и взять город Ю. Князь (ван) города Ю убежал в Канцзюй; (Шан Гуань) Цзйе в погоне прибыл в Канцзюй.

Страница 31,

строка 3 — ратникам в награду роздано сорок тысяч; в китайском тексте: офицеров и солдат (шицзу) наградили как раз 40 000 серебра, что соответствует 4 миллионам чохов. Следовательно, примечание 1 из Ганму ошибочно (или неточно переведено);

строки 5—6 — даваньским государем; в китайском тексте: князем (ван);

строка 6 — даваньские старейшины; в китайском тексте: именитые (знатные) люди (гуйжэнь);

строки 9 и 12 — Жишань; надо — Шань (Чань) Фын;

строка 9 — на престол возвели; в китайском тексте: поставили князем (ваном);

строка 17—поставлен гарнизон; в китайском тексте: (поставлен) дувэй;

строка 18 — учреждены военные посты; в китайском тексте: тин; Луньту (в другом месте Луньтхэу); надо одинаково: Луньтхэу;

строка 20 — пристав; в китайском тексте: шичжэ — уполномоченный.

Сличение данного перевода Бичурина с китайским текстом современного издания Ши-цзи показало также, что многие из комментариев к оригинальному тексту Ши-цзи, помещенные в позднейших изданиях Исторических записок Сы-ма Цяня, были оставлены переводчиком без перевода. Этих комментариев три рода: пояснения (буквально: собранные пояснения—цзицзйе) — автор Пэй Инь, сюда включены и пояснения Сюй Гуана; толкования (буквально: поиски сокровенного—соинь) — автор Сыма Чжен, и исправления (буквально: исправления смысла — чжэн-и)—автор Чжан Шоуцзйе.

Из перечисленных комментариев Бичурин берет только некоторые и притом краткие, наиболее же пространные, заключающие многочисленные дополнения географического, исторического и этнографического содержания, не были использованы им для перевода.

Настоящая проверка показала, как и можно было ожидать, точность и правильность перевода Бичурина. Два-три допущенных им пропуска не имеют существенного значения для понимания оригинала, пропущенный текст содержал мелкие подробности (возможно, характерные). Некоторые термины, употребляемые переводчиком (государь, старейшины и другие), имеют более общий смысл, тогда как в китайском тексте

употреблены в каждом случае конкретные наименования: ван — вассальный или удельный князь, гуйжэнь — именитые (знатные) люди и т. д. Единственной прямой ошибкой в данном отрывке перевода оказалась передача имени Даюаньского вана через Жишань вместо Шань (Чань) фын, но в последующем переводе (из Цяньханьшу) в той же третьей части «Собрания сведений» (стр. 60) дано правильное чтение этого имени: Чаньфын.

Чтобы дать представление о литературных достоинствах перевода Бичурина, достаточно привести следующий отрывок его перевода (из той же третьей части, стр. 2—3):

«Даваньский владетель давно слышал о богатствах дома Хань и желал открыть сообщение с ним, но не мог.

Увидя Чжан Кянь, он обрадовался и спросил: каким образом можно ему достигнуть своего желания? Чжан Кянь сказал на это: «Быв отправлен в Юэчжы посланником от дома Хань, я задержан хуннами и ныне бежал от них; прикажи, государь, вожакам проводить меня и, если я, сверх чаяния, возвращусь в отечество, то дом Хань пошлет тебе несметное количество даров».

Перевод буквальный:

«Да-юань, услышав об обильных богатствах Хань, желал сноситься, но не мог. Увидав (Чжан) Цянь, обрадовался и спросил: Если желаем (сноситься), то как поступить? (Чжан)Цянь отвечал: Я был сделан от Хань посланником к юечжи, но остановлен сюнну (хуннами). Теперь убежал. Только пусть князь (ван) пошлет людей проводить меня. Если по правде я смогу добиться возвращения в Хань, то в качестве подарков от Хань будут посланы князю (вану) богатства в неисчислимом количестве».

Данный пример показывает, что переводы Бичурина обладают необходимыми качествами, чтобы принять их за основу при систематических работах по изучению прошлого народов, охватываемых широкими рамками рассматриваемого труда.

Но разнообразные китайские материалы, использованные в данном труде Бичуриным, как они ни значительны, еще не составляют всей китайской литературы, в которой найдется немало других сведений о тех же народах. В свое время Бичурин сделал исключительно много для ознакомления всех интересующихся с китайской исторической литературой как в этом своем труде, так и во многих других и оказал бесценные услуги многим поколениям ученых, успешно использующих его переводы; но для современного исследователя постепенно становится доступной китайская историография в целом, где многие сочинения могут послужить полезным дополнением к переводам, уже сделанным Бичуриным и позднейшими переводчиками.

Древней Китайской истории

Тетрадь 15-я

571

Во начальное лето Чжоусина в иные Лю́ивана
съ 1 мцъ погребенъ в Князь Цзянъванъ

Чженское войско воевать цунъ Чженский Ге́нгунь
спомогала сынъ Хуа́ньзанъ преемствовалъ, изгнать
подъ именемъ Сяцуна Войско Цзинносцы, Войско
Сунское. Вэйский Нинхаи нападаетъ на Чженъ
Цзинъский Сяньинъ, Сунский Хуатанъ, Лусский
Гжунчуньмынь, Вэйский Сунъминьфу, Цайсцы
и Чжусцы соединяются съ Ци Цзинъский Сяньинъ,
Цзисский Цуйшу, Сунский Хуатанъ, Лусский Гжун-
чуньмынь, Вэйский Сунъминьфу, Цайсцы, Чжусцы,
Цзинцы, и Сюйцы и Мало-Чжусцы соединяются
съ Ци, послѣ сего освобождаетъ стѣнной крѣпостъ
Хуа́о

Цзосши пишетъ Чженцы нападали на Сунъ по
повелѣнію Чусина Двора Чженский Ге́нгунь заня-
малъ Принцъ Сы просилъ его прекратить вой
ну съ Цзинъцами. Князь спросилъ ему. Чуский го-
сударь за Чженское пожалованіе спрашивалъ, что
нибудь отплату за что для меня а не для другаго
кого. Изъяснилъ ему будто государственная
любезность и тогда что повергнуться
нибудь Чженский князь спомогалъ послѣ сего Принц
Хань
Сы принялъ резиденство, Принцъ Сы опредѣленъ к
государственнымъ, а Принцъ Го военнымъ. Цзин
цзиролъ Цзинъская армія напала на Чженъ
Чженъ сильнымъ желая принять сторону Цзинъ
ную. Принцъ Сы спасалъ, что нѣтъ нужды
сударя — Свои Собранъ во Цзи, чтобъ совѣщаться
сношать о Чженской пожалованіи Мы полагаемъ
предложить обвести Хуа́о стѣной, этой притъ

Автограф перевода Н. Я. Бичурина

Бесспорно, что труд Бичурина составляет основу нашего знакомства с китайскими сообщениями касательно народов северо-восточной, северной, центральной и западной Азии в ранний период (III в. до н. э.— X в. н. э.), но уже теперь можно наметить план дальнейшего расширения и углубления этой основы через привлечение дополнительных китайских источников, оказавшихся вне научного кругозора Бичурина и потому им не использованных, в том числе некоторых, имеющих крупное значение.

В самом деле, рассматриваемый труд Бичурина, как видно из его «Предуведомления» («Собрание сведений», ч. 1, стр. I—XXVIII, в частности стр. VII и XIII—XX), явился переводом почти исключительно китайских многотомных историй двенадцати династий, взятых в последовательном порядке от «исторических записок» Сы-ма Цяня до истории Танской династии включительно, причем материал заимствуется переводчиком из важного раздела этих историй — «Повествования об иноземных народах». Династийные истории, действительно, составляют важнейший элемент китайской историографии и могут служить незаменимым источником при изучении истории Китая и связей его с другими странами и народами. Однако имеется большое количество не менее объемистых китайских трудов и обширных энциклопедий, в которых династийные истории пополняются и расширяются многими независимыми от династийных историй данными или вариантами сообщений из династийных историй. Приводимый ниже аннотированный список таких сочинений, не вошедших в круг династийных историй, может дать наглядное представление о богатстве и разнообразии материала, использование которого способно дополнить замечательный труд Бичурина, придав ему еще бóльшую полноту и конкретность.

В общем итоге возможно рассматривать вновь указываемую дополнительную литературу по той же тематике, как своего рода расширенный комментарий к основному тексту перевода Бичурина, рядом с более отрывочными выборками из уже известных комментариев, которые он использовал в своих примечаниях или разъяснениях, помеченных как «примечания историка» или просто П. И.

Об этих примечаниях уже говорилось выше; можно добавить, что Бичурин, заимствуя из указанного раздела династийных историй нужный материал об иноземных народах, ограничивался переводом китайского текста в том виде, в каком он его находил в одном из изданий династийных историй, которым пользовался; только местами он пополнял переведенный текст также переводом имевшегося китайского комментария, отмечая соответствующим образом источник (автора) комментария

и помещая самый комментарий в одно из подстрочных примечаний к основному тексту перевода. Обнаруживая по ходу изложения событий в содержании династийных историй пробелы, Бичурин, широко начитанный в китайской истории, считал необходимым их восполнить, обращаясь к помощи хорошо известного труда Сы-ма Гуана Цзычжи-тунцзянь, особо ценимого в Китае. Этот труд, написанный в форме летописи, о которой также говорит Бичурин в упоминаемом «Предуведомлении» (стр. XXXI—XXXII), и переработанный Чжу Си в более удобном плане Тунцзянь-ганму, цитируется переводчиком на страницах «Собрания сведений» просто под заглавием «Ганму». Из этой летописи Бичурин обычно брал отдельные краткие справки в несколько строк, а в некоторых случаях более пространные выдержки и целые описания в несколько страниц (в одном случае даже свыше 25 страниц), например, прибавление о Лю и Ши («Собрание сведений», ч. 1, первое отделение, стр. 148—151), прибавление о Сяньбийских домах Муюн и Тоба, ч. 1, первое отделение, стр. 175—203; прибавление о поколениях Юйвынь и Дуань, ч. 1, второе отделение, стр. 240—246.

Если говорить о возможных и желательных дополнениях к уже использованным Бичуриным в «Собрании сведений» историческим материалам, то в первую очередь следует указать, что и оба основных источника, использованных Бичуриным, - династийные истории и Тунцзянь-ганму, могли быть использованы более широко. Сам Бичурин показал этому пример, переведя полностью Ганму, но его перевод в 16 томах пока остается в рукописи. Что касается династийных историй, то имеются различные редакции некоторых из них. Так, знаменитая Таншу (История Танской династии) существует в двух редакциях, старой и новой — Цзю-Таншу и Синь-Таншу, взаимно друг друга дополняющих. В списке династийных историй, составленном Бичуриным («Предуведомление», стр. XVIII—XIX), упомянуты обе редакции, но фактически Бичурин использовал одну (Новую Танскую историю); поэтому многие интересные подробности, включенные в старую редакцию, остались за пределами «Собрания сведений». В этом легко можно убедиться, сравнивая текст сводной редакции обеих Танских историй, известной под заглавием: Цзюсинь-Таншу-хэчао, с текстом перевода Бичурина из новой Танской истории, в разделе о народе Дулга (Тукюе) («Собрание сведений», второе отделение первой части). Вот подходящий образец для сравнения обоих текстов.

Текст перевода Бичурина (часть 1, отделение 2, стр. 293): «Случилось, что три дня сразу шел снег; в орде в полночь слышан был большой крик, и людей вовсе не видно было. После сего хан занемог. Царевна дала ему принять снадобье. Вдруг открылась желтуха, от которой хан умер. Сын его Юеше-ше

по причине слабого сложения был обойден, и младший брат ханов Дуби наследовал престол под наименованием Хйели Хана».

Тот же текст в переводе из Цзюсинь-Таншу-хэчао (цзюань 255, стр. 75):

«Случилось, что небо изливало кровь в течение трех дней. В орде собаки ночью стаями выли, искали их, но не нашли. Затем была болезнь (хана). Царевна (его китайская супруга) дала снадобье уши (пять камней). Внезапно появилась опухоль, (хан) умер. Принцесса Ичэн, вследствие того, что его сын Юеше-шэ был безобразен и слаб, отвергла и не возвела на престол, затем поставили младшего брата Чуло, Дуби. Это был хан (каган) Сйели».

И далее — перевод Бичурина (там же, стр. 293—294):

«Хйели-хан прежде был Мохэду-шэ. Он поставил орду от Ву-юань прямо на север. Сйе Гюй, по взятии города Пьхинлян, заключил союз с ним. Император, озабоченный сим происшествием, отправил сановника Юйвынь Хань подкупить Хйели хана, чтобы он прекратил связь с Сйе Гюй. Чжан Чансунь, правитель области Ву-юань от дома Суй, поддался неприятелю с пятью городами. Юйвынь Хань присовокупил, чтобы по возвращении Ву-юань излить милости и сверх того выставить войско. Гюй и Чансунь со своими войсками присоединились к князю Цинь-ван. Наследник Гянь-чен положил бросить Фынчжèу и уступить землю в Юйлинь. После сего Чуло-ханов сын Юеше-Ше с 10 000 юрт своего аймака вступил в Ордос, и округ Линчжèу поставил границей».

То же в переводе из Цзюсинь-Таншу-хэчао (там же, стр. 7б—8а): «Хан (каган) Сйели был третьим сыном хана Циминь. Вначале он был Мохэду-шэ. Поставил ставку прямо на север от Уюань. Когда Гаоцзу вступил в Чан'ань, Сйе Цзюй еще удерживал Лун'ю. (Гаоцзу) послал своего полководца Цзун Лохоу напасть. Он потерпел поражение на севере у Пинлянцзюнь. (Сйе Цзюй) вступил в связь с Сйели. Гаоцзу опечалился, отправил сановника гуан-лу Юйвэнь Синь, послав с ним золото и шелковые ткани, чтобы подкупить Сйели. (Юйвэнь) Синь переговорил с ним, убедил прекратить связь с Сйе Цзюй. Вначале, при Суй, Уюаньский тайшоу Чжан Чансунь, вследствие смуты, с подчиненным городом Уюань, подчинился тукюе. (Юйвэнь) Синь также сказал Сйели отправить (Чжан) Чансунь явиться ко двору (китайскому) и вернуть нам (Китаю) землю Уюань. Сйели также согласился. Поэтому отправил тукюеское войско и армию (народ) (Чжан) Чансуня вместе встретиться в военной ставке Тайцзуна (у Бичурина: князя Циньвана, какой титул носил до вступления на престол Тайцзун). Наследник престола Цзяньчэн решил (предложил) упразднить Фынчжоу и вместе

с тем отрезать (уступить) земли Юйчжун. В это время сын Чуло Юешешэ вместе с подвластными 10 000 палаток вступил (в Китай) и поселился на юг от (Желтой) реки (в Ордосе?). Заставой (границей) сделал Линчжоу».

Приводимый образец показывает, что использование обеих редакций Танской истории способствует значительному пополнению или уточнению хода событий в сношениях между Китаем и тукюе через новые подробности, иногда весьма характерные и нужные. Будущий исследователь обязан считаться с такой возможностью значительного обогащения материала и использовать ее в этом и других случаях, когда он имеет перед собой выбор различных редакций или просто версий и даже изданий одного и того же сочинения, разнящихся между собою. Наличные комментарии во всех редакциях или изданиях также должны быть учтены полностью: они приводят разночтения и пояснения темных мест основного текста, дают ссылки на параллельные тексты в других сочинениях, отмечают ошибки или опечатки и прочие погрешности в разных изданиях. В этом заключается важность точного указания используемых изданий. Таких сведений Бичурин в «Собрании сведений» не приводит, и представляется трудным выяснить данный вопрос без специальных изысканий. Лишь подробное изложение истории работы Бичурина над «Собранием сведений» позволило бы определить объем и состав китайского фонда, использованного им в работе, а пока приходится ограничиться некоторыми догадками, как в данном случае, когда речь идет о двух редакциях Танской истории, притом существующих в разных изданиях.

Пока это не будет сделано, ниже приводимый аннотированный список дополнительной китайской литературы, поясняющий и расширяющий тематику рассматриваемого труда Бичурина, может предварительно ориентировать исследователей, работающих по той же тематике и нуждающихся в еще неиспользованных китайских материалах. В этот список включены и те из династийных историй, которые были использованы Бичуриным в «Собрании сведений» не полностью или в других изданиях. В скобках поставлены номера, под которыми перечисленные сочинения значатся в Библиографии китайской литературы о народах Севера, Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии, составленной пишущим эти строки (2-е дополненное издание 1947 г., рукопись архива Института этнографии АН СССР в Ленинграде). Эта Библиография цитируется под сокращенным обозначением БНС (т. е. Библиография народов Севера).

1. (БНС № 233) Шицзи — Исторические записки.

Автор Сы-ма Цянь (II—I в. до н. э.) при старшей Ханьской династии; комментарий к этому труду писали: Сы-ма Чжэн,

его потомок, живший при Танской династии, Чжан Шоудзйе (также при Танской династии) и Пэй Инь при Сунской династии.

4 тома, 130 цзюаней.

Этот знаменитый труд «отца китайской истории» — первая из династийных историй и образец для последующих, имеет много изданий; одним из лучших считается издание 1903 г.

Аннотация: Бичурин использовал два важнейших повествования из труда Сы-ма Цяня: повествование о Сюнну и повествование о Давани (Западном крае), включив во вторую часть «Собрания сведений» также более короткое повествование о Чаосяни, взятое оттуда же; но и в других разделах труда Сы-ма Цяня можно найти ценные данные по соответствующей тематике.

Полный разбор и характеристика содержания всего труда были даны в Историческом очерке развития китайских основ материальной и духовной культуры Китая, выпуск 1 (Владивосток, 1909), стр. 140—162, составленном пишущим эти строки. Имеется французский перевод значительной части труда Сы-ма Цянь, сделанный Шаванном, далеко не доведенный, однако, до тех цзюаней его, которые были переведены Бичуриным.

2. (БНС № 206) Цяньханьшу — История ранней Ханьской династии или просто Ханьская история.

Автор Бань Гу при младшей Ханьской династии; примечания Янь Шигу.

Много изданий, из которых одним из лучших является издание 1903 г.

4 тома, 120 цзюаней.

Аннотация: цзюань 94—повествование о Сюнну, как важнейшая часть сообщений об иноземных народах, упоминаемых в названной династийной истории; она тесно связана с обширным повествованием о Западном крае, также имеющимся в этой истории. Сообщения о так называемых восточных иноземцах (повествование о Чао-сяни) также заслуживает внимания.

Весь этот материал был широко использован Бичуриным, но кое-что нуждается в уточнении при помощи китайских комментаторов, работавших над текстом Цяньханьшу.

3. (БНС № 112) Сихань-хуйяо — Обозрение Западной (Старшей) Ханьской династии.

Автор Сюй Тяньлинь при Сунской династии.

2 тома, 70 цзюаней, издание 1774.

Аннотация: обработка по плану таких обозрений (хуйяо) Цяньханьшу. В цзюанях 68 по 70 описаны иноземные народы: Сюнну, Чаосянь и Западные страны (Сиюй).

4. (БСН № 167) Хоуханьшу — История позднейшей (младшей) Ханьской династии.

Автор Фань Хуа при династии Лю-Сун (V в.), примечания Ли Сянь при Танской династии.

4 том, 120 цзюаней, издание 1703 г. и более ранние.

Аннотация: цзюань 115 — восточные иноземцы; цзюань 117 — западные цяны; цзюань 118 — Сиюй (Западные страны); цзюань 119 — южные Сюнну; цзюань 120 — Ухуань, Сяньби (Ухуань-Сяньбичжуань).

5. (БНС № 103) Саньгочжи — обозрение трех династий, одновременно правивших в Китае с 220 по 264 г. (Шухань, У и Цао-Вэй).

Автор Чжэнь Шоу (V в.), толкование Пэй Сунчжи при династии Лю-Сун.

2 тома, 85 цзюаней.

Аннотация: цзюань 1 по 30 — Вэйчжи или обозрение династии Цао-Вэй; цзюань 31 по 45 — обозрение династии Шу-Хань и цзюань 46—55 — обозрение династии У.

В 30-й цзюани имеются сведения о Сяньби и Ухуань; о восточных иноземцах: Фуюй, Гаогюйли, Восточный Воцзюй, Илоу, Махань, Чэньхань, Бяньхань, Вожэнь (Япония).

Для изучения ранних народов Сибири и Средней Азии настоящее сочинение приобретает особое значение через комментарий Пэй Сунчжи, содержащий многочисленные выдержки из утраченного сочинения Вэйлё (см. ниже № 6).

Хотя Саньгочжи входит в число династийных историй, он остался неиспользованным Бичуриным и не упоминается им в списке династийных историй.

6. (БНС № 9) Вэйлё — Вэйское обозрение.

Автор Юй Хуань при династии Цао-Вэй.

30 цзюаней.

Сочинение полностью утрачено, сохранились выдержки, приводимые Пэй Сунчжи в комментариях на историю Троецарствия (Саньгочжи), в особенности, в конце 30-й цзюани первой части названной истории под заглавием Вэйчжи (история династии Цао-Вэй).

Аннотация: сведения о народе цзяньгунь (Енисейских киргизов, предков хагасов), о динлинах северных и прибайкальских, гэгунь (другое имя цзянгунь), соседей динлинов; о разных народах на север от Канцзюй и т. д.

7. (БНС № 192) Цзиньшу — История династии Цзинь 265—419 г. н. э.

Автор Фан Цяо при Танской династии.

1 том, 130 цзюаней.

Аннотация: сообщения в разделе «цзайцзи» о различных владениях на севере и западе Китая с 305 г. н. э., особенно в 97 цзюани.

8. (БНС № 126) Суншу — История династии Лю-Сун 420—479 гг. н. э.

Автор Чэнь Ио при династии Лян.

4 тома, 100 цзюаней.

Аннотация: 96 цзюань Сяньби, Туюйхунь; 97 цзюань восточные иноземцы: Гаогюйли, Боцзи, Во (Япония).

9. (БНС № 92) Нань Цишу — История династии Южной Ци (479—501).

Автор Сяо Юйсянь при Лянской династии.

59 цзюаней.

Аннотация: 57 цзюань Вэй-лу (пленники из Вэй, т. е. царства Юаньвэй).

58 цзюань: Жужу-лу (пленники из Жуаньжуань).

10. (БНС № 68) Лян-шу — История Лянской династии (502—556 н. э.); автор Яо Сылань при Танской династии.

56 цзюаней.

Аннотация: цзюань 54 — повествование о восточных иноземцах (Дун-и-чжуань), Гаогюйли, Боцзи, Синьло, Во (Япония), Вэньшэнь (татуированные), Дахань, Фусан; повествование о северо-западных жунах: Гаочан, Сйебаньто, Жужу (Жуаньжуань).

11. (БНС № 227) Чэньшу — История династии Чэнь 557—588 и т. д.

Автор Яо Сылинь, составивший также Ляншу.

1 том, 36 цзюаней.

Новая редакция была составлена в 1826 г.

Аннотация: Бичурин упоминает об этом труде, но неизвестно, пользовался ли он Чэньшу и каким изданием, так как новое издание вышло после отъезда его из Китая.

12. (БНС № 93) Наньши — Южная история или история династий, правивших в Южном Китае: Лю-Сун, Наньци, Лян и Чэнь.

Автор Ли Яньшоу. 80 цзюаней.

Аннотация: цзюань 79—повествование о Фусан, царство женщин (Нюйго) и страна татуированных (Вэньшэньго).

13. (БНС № 10) Вэйшу — История династии Юаньвэй.

Составлена при династии Северной Ци, пересмотрена при династии Сун, 4 тома, 114 цзюаней.

Цзюань 97—103 озаглавлено сыи, т. е. народы и государства с 4 сторон (Китая).

Аннотация: цзюань 99, стр. 6а — 8б Сяньби; 8б — 19а Сяньби Туфа (Тоба).

Цзюань 100, стр. 1а — 5а Гаогюйли; 5а — 8б Уцзи; 9б — 10б Шивэй; 10б Доумолоу; 10б — 11а Дидоугань (Дидоуюй?); 11а — 12а Кумоси; 12а — 12б Кидань; 12б — 13а Улохоу.

Цзюань 101, стр. 1а — 7а ди (иноземцы Цян в северо-западном Китае); 7а — 16а Тугухунь; 16а — 17б Дансян; 17б — 20а Гаочан.

Цзюань 102, стр. 1а — 3б Сиюй; 3б — 4б Шаньшань; 4а — 4б Цзюймо; 4б и далее Яньци; 9а Гумо; 9б Вэньсу; 9б — 10а Усунь; 10а — 11а Юэбань; 11 — 11б Чжэчжиби; 11б Мими; 12а — 14а Босы; 15б — 16а Большие Юэчжи; 16а — 17а Дацинь; 17а — 17б Малые Юэчжи; 18б — Южный Тяньчжу; 20а — Йеда; 21а — 22а государство Кан.

Цзюань 103, 1а — 17б Жуаньжуань; 17б — 19а Сюнну, Юйвэнь; 21б — 28а Гаоцзюй.

14. (БНС № 121) Суйшу — Суйская история или История Суйской династии.

Автор Вэй Чжэн при Танской династии.

4 тома, 85 цзюаней, издание из более новых — 1903 г.

Аннотация: Цзюань 81 — восточные иноземцы (дунъи): Гаоли, Мохэ; цзюань 84 — северные иноземцы (бэйди): Туцзюэ, Си, Цидань; приложение — Шивэй.

15. (БНС № 4) Бэйши — Северная история, т. е. история династии Юаньвэй, Северной Ци, Северной Чжоу и Суй (автор Ли Яньшоу при Танской династии), 4 тома, 100 цзюаней.

Аннотация: цзюань 94, стр. 1а — 11а Гаоли (включая Сушэнь, Фуюй, Гаогюйли, Уцзи (Мохэ); 16а — 18б Си; 19б Кидань; 21б — 24а Шивэй; 23а — 23б Доумолоу; 23б — 24а Дидоугань; 24а — 24б Улохоу, 30а — 31а заключение.

Цзюань 96, стр. 8а — 20б Туюйхунь.

Цзюань 97, стр. 1а — 4б Сиюй; 4а — 4б Шаньшань; 4б — 5а Цзюймо; 5а — 6б Юйтянь; 7а — 7б Чэши; 7б — 11а Гаочан; 11а — Цзюймо; 11а — 13б Яньци; 13б — 14б Гуйцы; 14б — 15а Усунь; 15а — 16а Юэбань; 16б Чжэчжиби; 17а — 19а Босы; 18а Аньси; 23а — 23б Тяочжи; 24а — 25б Тухоло; 26а — государство Кан; 31а — 31б заключение.

Цзюань 98, стр. 1а — 20а Жуаньжуань (и Туцзюэ); 20б — 22б — Сюнну, Юйвэнь; 22а — 24а Тухэдуань; 24б — 31б Гаоцзюй (упоминание о Жуаньжуань); 31б заключение.

Цзюань 99, стр. 1а — 20б Туцзюэ; 21а — 23б Тйеле; 21а — 23б заключение.

16. (БНС № 196) Цзю-Таншу — Старая Танская история.

Автор Ли Сюй при династии Хоу-Цзинь в период Удай (X в.), использовавший ранние материалы.

6 томов, 200 цзюаней, издание 1703 г.

Аннотация: цзюань 194—I и II части Туцзюэ; цзюань 195—Хойхэ; цзюань 198 — о западных тукюэ, включая Гаочан, Туюйхуань; цзюань 199 — часть I, восточные иноземцы: Гаоли, Боцзи, Синьло, Во и Жибэнь (Япония под двумя наименованиями); цзюань 199, часть II — северные иноземцы: Тйелэ,

Цидань, Си (Хи), Шивэй, Мохэ, Бохай-Мохэ, Си (другой народ), Улохунь.

17. (БНС № 143) Танхуйяо — Обозрение Танской истории.

Автор Ван Го при Сунской династии (X в.).

4 тома, 100 цзюаней.

Издание XIX в. (сочинение не сохранилось вполне; в позднейшем издании имеются пропуски и вставки).

Аннотация: в настоящем сочинении имеется против текста Танской истории немало новых и ценных подробностей, что придает сочинению особое значение. Следует выделить следующие главы: цзюань 94 — северные Туцзюэ, западные Туцзюэ, Туцзюэ шато, Туюйхунь.

Цзюань 95: Гаочан, Гаогюйли, Боцзи, Синьло; цзюань 96 — Цидань, Си, Шивэй, Мохэ, Бохай, Тйелэ, Сйеяньто; цзюань 98 — Хойхэ, Байегу; цзюань 99 — Восточное женское царство, Улохунь, женское царство; цзюань 100 — Гулигань, Сяи (айны).

18. (БНС № 117) Синь-Таншу или просто Таншу — Новая Танская история или Танская история.

Автор Оу Янсю при Сунской династии (XI в.).

Издание 1836 (имеются более ранние и позднейшие издания).

6 томов, 225 цзюаней.

Аннотация: 215 цзюань (из двух частей) Туцзюэ; 217 цзюань (из 2 частей) Хойхэ; цзюань 218 Шато; цзюань 219 (под общим заглавием бэйди — северные иноземцы): Кидань, Си, Шивэй, Хэйшуй-Мохэ, Бохай; цзюань 220 (под общим заглавием дун'и — восточные иноземцы): Гаоли, Бо-цзи, Синьло, Жибэнь (Япония), Люгуй.

Цзюань 221: Сиюй — Западные страны, как общий заголовок, включает Дун-Нюйго (восточное женское царство), Гаочан, Туюйхунь, Яньци, Гуйцы, Сулэ, Юйтянь, Тяньчжу, Цзими; во второй части — Кан, Большой Болюй, Тухоло, Суби, Босы, Фулинь, Даши.

19. (БНС № 142) Синьцзю-Таншу-хэчао — Сводная копия Танской истории.

Автор Чэнь-Бинчжэн в годы Юнчжэн (1723—1735) при Маньчжурской династии.

10 томов, 260 цзюаней.

Аннотация: соединение текстов Цзюй Таншу и Синь Таншу, приводимых параллельно различным шрифтом.

255 цзюаней в 2 частях Туцзюэ; 257 цзюань, первая часть Хойхэ, вторая часть Шато; цзюань 258, вторая часть — Гаочан, Туюйхунь; цзюань 259, первая часть, восточные иноземцы: Гаоли, Боцзи, Синьло, Во (Япония), Жибэнь (также — Япония под позднейшим наименованием), Люгуй; во второй части — северные иноземцы: Тйелэ, Цидань, Си (Хи), Шивэй, Мохэ, Бо-

хай-Мохэ, Си (другой иероглиф), Улохунь, Байегу, Пугу, Доланьгэ, Адйе, Гэлолу, Басими, Сяцзясы (Хагас).

20. (БНС № 266) Юйгун-чжунчжи—Изыскания об Юйгунъе—главе из Шуцзина (классической книги истории), о которой упоминает Бичурин.

Автор Ху Вэй (1633—1714 гг. н. э.).

21 цзюань, издание 1791 г.

Аннотация: на приложенной карте показано на севере государство Сушэнь и их преемников при младшей Ханьской династии—Илоу; в центре обозначены Сюнну с их более ранними наименованиями до Ханьской династии и их преемники Туцзюэ при Танской династии. На севере отсюда дана надпись о народе Гулигань.

21. (БНС № 164а) Фогоцзи — Описание буддийских государств.

Краткие записки монаха Фа Сянь, совершившего между 399 и 424 гг. н. э. путешествие из Китая через Центральную Азию в Индию, откуда он вернулся на родину морским путем.

Аннотация: рассказ путешественника содержит любопытные, хотя и краткие, описания посещенных стран (в частности, местностей Центральной Азии) и более подробные о виденных буддийских святынях и найденных священных книгах. Этот труд многократно переводился и издавался с подробными комментариями. На русском языке имеется подробная рецензия И. И. Минаева в Записках Восточного отделения Русского археологического общества, т. IV, стр. 310—317.

Записки Фа Сянь могут служить полезным комментарием к сообщениям об Индии, которые приведены Бичуриным в «Собрании сведений».

22. (БНС № 116д) Сиюйцзи — Описание западных стран.

Описание путешествия знаменитого буддийского паломника Сюань Чжуан или Сюань Цзан из Китая в Индию через Центральную Азию в 629—645 гг.

В этом описании, как и в другом китайском сочинении, посвященном ему (жизнеописании), имеются ценные замечания относительно виденного им по пути и в самой Индии на священных местах буддизма. Замечания эти имеют важное значение для изучения истории народов Центральной Азии в VII в.

23. (БНС № 111) Си-туцзюэ-шиляо — Материалы по истории западных туцзюэ.

Китайский перевод, с дополнениями переводчика из Цэфуюаньгуй (об этой энциклопедии см. ниже), сделанный Фын Ченцзюнь с французского текста Ed. Chavannes, Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux. — СПб., 1900.

24. (БНС № 147) Цзычжи-тунцзянь-ганму, или Цзычжи-тунцзянь с основными заголовками (ганму).

Труд Сы-ма Гуана, переработанный Чжу Си, с добавлением от начала Сунской династии до конца Юаньской, составленным при Минской династии.

20 томов, 160 бэнь (книжек). Издание 1808.

[Возможно, что Бичурин использовал как раз это издание для своих дополнений к тексту династийных историй, но перевел весь труд целиком (остался в рукописи) по другому изданию (так называемой Тунцзянь-ганму-саньбянь—третьей части Тунцзянь-ганму) с дополнением для Минской истории, издание 1746 г. в 20 цзюанях (БНС № 148).]

25. (БНС № 64) Юйпи-лидай-тунцзянь-цзилань. — Свод Тунцзянь, проведенный по всем династиям, с замечаниями императора годов правления Цяньлун. Составлен по Тунцзянь-ганму с позднейшими добавлениями.

6 томов, 120 цзюаней, 1768 г.

Аннотация: цзюань 12 по 27; обе династии Хань; цзюань 28—29 Шу-хань; цзюань 30—36 Цзинь и Юань Вэй; цзюань 37 по 46 южные и северные династии; цзюань 46 по 68 Суй и Тан.

26. (БНС № 150) Тунчжи — Общее описание (историческая энциклопедия).

Автор Чжэн Цяо при Сунской династии.

Имеется несколько изданий 1751, 1859 и 1935 г. [20 томов, 200 цзюаней].

Аннотация: цзюань 194 по 200 имеют общий заголовок Сыичжуань «Повествование о народах 4 стран света (вокруг Китая)», цзюань 194 — восточные иноземцы: Чаосянь, Маханъ, Чэньханъ, Бяньханъ, Боцзи, Синьло, Фуюй, Гаогюйли, восточный Воцзюй, Илоу, Уцзи, Фусан, женское царство, Вэньшэнь — татуированные; цзюань 195 — Тугухунь; цзюань 196 — западные Цян, Цзюйши (Чэши); цзюань 199 — Сюнну; цзюань 200 — Ухуань, Юйвэнь, Жуаньжуань, Гайоцзюй, Цзиху (отрасль Сюнну), западные Туцзюэ, Тйэле, Си (Кумоси), Цидань, Шивэй, Димоюй, Улохоу, Си (другой иероглиф), Басими.

В настоящей энциклопедии материал излагается до 600 г. н. э. При Маньчжурской династии в 1767 г. было издано продолжение, охватывающее по тому же плану исторический материал с 600 г. по 1644 г. под заглавием Циньдин-Сюй-тунчжи — продолжение Тунчжи, высочайше утвержденное, 24 тома, 527 цзюаней (издание 1886 г.), см. БНС № 151.

27. (БНС № 138) Тайпин-хуаньюй-цзи — Описание мира (вселенной) годов правления Тайпин 976—983 гг. при Сунской династии.

Автор Лйеши.

6 томов, 200 цзюаней, издание 1793 г. (имеется позднейшее в 5 томах).

古 之 法 不 可 用 於 今
gu chжи фа бу кэ юн юй цзинь

Древния учреждения не можно употреблять в настоящее время.

猶 今 之 法 不 可 用 於 古 也
ю цзинь чжи фа бу кэ юн юй гу е

так как и настоящие законы не можно обыкновенно употреблять в древности

§ 57 Будущее время познается из того, когда речь идет о том либо ином случившемся или при сказали находятся каковые означающие будущее время нар

不 奪 農 時 則 百 姓 富
бу дуо нун ши цзэ бай синь фу

если не отнимать время у земледелия, то народ будет богат

國 必 大 傷 矣 го би да шан и
государство без сомнения потерпит обильный вред

明 天 客 來 мин тянь кэ лай Завтра гости приедут
吾 將 思 之 у цзян сы . чжи я подумаю

§ 58 Когда глагол стоить в начале речи или перед ним поста вленное союз 毋 у же (noli) в разговорном слог 別 бе или после него 巴 ба, то по большой части разумеется далеко повелительное наклонение нар

敬 天 地 禮 神 明
цзин тянь ди ли шэнь мин

благоговей предъ небом и землею, повиновайся духам

所 忠 於 上 . 毋 以 使 下
со чжун юй шанъ у и шы ся

что неугодно в высших, того не делай низшим.

所 惡 於 下 毋 以 使 上
со у юй ся у и шы шанъ

что ненавидишь в низших, того не делай высшим

別 動 這 個 бе дун чжэ-ге Не трогай это
出 去 巴 чу цюй-ба Поди вон

§ 59 Вообще глаголы имеют числа, лица и роды в отношении к подлежащему нар.

Автограф китайского текста Н. Я. Бичурина.

Аннотация: цзюань 172 из серии 4 цзюаней под общим заголовком дун'и—восточные иноземцы: Чаосянь, Вэй, Боцзи, Саньхань; цзюань 173 Гаогюйли; цзюань 174 Синьло, Во, Фуюй; цзюань 175 восточный Воцзюй, Илоу, Уцзи, Фусан, Дахань, Люцю; цзюань 180 (из серии 9 цзюаней, под общим заголовком Сижун — западные жуны) Цзюйши (Чэши у Бичурина), впоследствии Гаочан; цзюань 185 Цзяньгунь, Динлин, Короткие люди (Дуань-жэнь); цзюань 188 Туюйхунь; цзюань 189 по 200 имеют общий заголовок Бэйди — северные иноземцы, из них цзюань 189 по 192 описывают Сюнну; цзюань 193 Сяньби, дом Тоба, Жуаньжуань; цзюань 194 Юйвэнь, дом Муюн, Гаоцзюй; цзюань 194 (в конце) по 197 Туцзюэ; цзюань 198 Тйеле, Сйеяньто, Гэлолу, Пугу, Байегу, Кумоси; цзюань 199 Цидань, Шивэй, Дидоуюй, Улохоу, Басими, Люгуй, Хойхэ; цзюань 200 — Гулигань.

В данной энциклопедии тексты, взятые из династийных историй, пополнены позднейшими вставками, разночтениями, вариантами, давая, таким образом, более цельное изложение и уточняя первоначальный текст.

28. (БНС № 205) Цэфу-юаньгуй — Большая черепаха (на которой гадали в древности) императорской библиотеки.

Историческая энциклопедия нравоучительного характера, составленная особой комиссией в 1005—1013 гг. при Сунской династии в годы Цзиндэ, отсюда полное наименование энциклопедии: Цзиндэ-Цэфу-юаньгуй.

40 томов, 1000 цзюаней.

Аннотация: вся энциклопедия по содержанию, изложенному в хронологическом порядке, разбита на 31 отдел и 1104 меньшие подразделения. Наибольший интерес для изучения иноземных народов в плане «Собрания сведений» Бичурина представляет последний раздел энциклопедии, озаглавленный Вайчень-бу, т. е. раздел внешних (иностранных в переводе Бичурина) подданных; к этому разделу относятся 45 цзюаней с 956 по 1000.

Внутри каждой цзюани содержание разбито на меньшие подразделения под особыми тематическими заголовками, которые даются для каждого народа, история которого включена в названный раздел.

Перечень этих народов, в соответствии с содержанием «Собрания сведений» Бичурина: Сюнну, Дунху, Сяньби, Ухуань, Жуаньжуань, Туцзюэ, Хойху, Тйеле, Сйеяньто, Шато, Гаоцзюй, Цзюйши, народы и страны Западного Края, включая Гаочан, Канцзюй, затем Кидань, Си, Шивэй, Гулигань, Байегу, народы восточных иноземцев: Гаогюйли, Боцзи, Синьло, три Хань, Вэймо, Гаоли, Мохэ, Уцзи, Сушэнь, Фуюй и многие другие; почти о каждом народе или племени, упоминаемом в

«Собрании сведений», можно подобрать в настоящей энциклопедии разнообразный конкретный материал.

Тематически этот материал распределяется по отмеченным подразделениям таким образом: общая классификация народов и обзор сношений Китая с народами востока, севера, запада и юга; государства и владения; народные обычаи; наименования чинов; пожалование грамот и титулов; наследование званий, представление дани (это одна из главнейших тем, охватывающая ряд цзюаней); набеги и карательные походы; награды и выговоры; договоры о родстве; клятвенные союзы; покорение и оборона; сношения и переводчики, петиции и прибытие на аудиенции, подавление роста и уничтожение; перечень исчезнувших народов, как заключение ко всему обзору исторических сношений между Китаем и иноземными народами.

В таком систематизированном виде материал не дается ни в каком другом китайском труде.

29. (БНС № 11) Вэньсяньтункао — Сводные обозрения. Автор Ма Дуань-линь (начало XIV в.).

16 томов, 348 цзюаней (в издании 1748); имеется современное издание (европейского типа) 1936 г. в 2 томах.

Аннотация: цзюань 340—341 Сюнну; цзюань 342 Жуаньжуань, Гаоцзюй; цзюань 343 Туцзюэ 1 и 2 части; цзюань 344 Туцзюэ 3 часть, Дубо, Байегу, Доланьгэ; цзюань 345 Кидань 1 часть; цзюань 346 Кидань 2 и 3 части; цзюань 347 Басими, Хойху; цзюань 348 Шато, Гулигань, Гэлолу.

30. (БНС № 78) Циньдин — Маньчжоу-юаньлю-као — высочайше утвержденное исследование о происхождении манчжур. Составлено в годы правления Цяньлун.

20 цзюаней, издание 1893 г.

Свод известий о народах, обитавших в Маньчжурии с древнейших времен.

Аннотация: Цзюань 1: Маньчжу, Сушэнь, Фуюй.

Цзюань 2: Илоу, три Хань, Уцзи.

Цзюань 3: Боцзи.

Цзюань 4: Синьло.

Цзюань 5: Мохэ.

Цзюань 6: Бохай.

Цзюань 8: границы: расселение отдельных племен в территориальных границах с историческими изменениями: Сушэнь, Фуюй, Илоу, три Хань, Воцзюй, Вэй (Вэймо), Уцзи, Боцзи, Синьло, Мохэ, Тйели.

Цзюань 10: государственные границы Бохай и его столицы.

Цзюань 11: границы Ляодун.

31. (БНС № 34) Дацин-итунчжи — Общее обозрение Дацинской (Маньчжурской) империи.

24 тома, 356 цзюаней в издании 1744 г.; 500 цзюаней в издании XIX в.

Аннотация (по изданию 1744 г.); цзюани 344 по 356 — внешние владения маньчжурской империи с указанием древностей и исторических племен на территории Сибири и Средней Азии: сюнну, усунь, гяньгунь, динлин, байегу и пр.

На это сочинение имеются ссылки у Бичурина во второй части «Собрания сведений».

32. (БНС № 116в) Сиюй-шуйдао-цзи — Описание вод в Западном крае.

Автор Сюй Сун, 1813.

Один том, 6 цзюаней.

Аннотация: сообщаются сведения о древних памятниках и водных бассейнах в стране от Булунцзира и Лобнора на запад до озера Зайсан и р. Иртыш, что пополняет географический указатель Бичурина в «Собрании сведений».

33. (БНС № 238) Шофан-бэйчэн — Полная запись (летопись) Шофана (Северного района).

Автор Хэ Цютао; предисловие датировано 1859 г., но составление труда было закончено еще в 1851 г., а издание осуществлено только в 1881 г.

Аннотация: настоящий труд трактует преимущественно северную границу Китая, смежную с Россией, но в исторических главах касается более ранних народов и племен, обитавших на этой границе и на территории Сибири. Это показывает следующий краткий перечень содержания отдельных глав: цзюань 30 — исследование о племени Усунь («предков русских»); цзюань 31 — повествование о северных границах при Ханьской и Вэйской (Юань-вэй) династиях; цзюань 32 — повествование о северных границах при династиях Северной Чжоу, Северной Ци, Суй и Тан; цзюань 35 — повествование о походах и полководцах при разных династиях, начиная с Ханьской. Среди отдельных таблиц, помещенных в труде, имеется таблица изменений северной границы и смена народов и государств, начиная с Ханьской династии. Эта таблица составляет 63-ю цзюань. В цзюани 67-й показана другая таблица — смена старшин северной границы от Усунь до русских чинов.

68 цзюань состоит из 24 современных и исторических карт северной границы, из которых необходимо отметить в хронологических рамках «Собрания сведений» следующие карты: 5) северной границы при старшей Ханьской династии; 6) при младшей Ханьской династии; 7) в период Троецарствия; 8) при Цзиньской династии; 9) при династии Юаньвэй; 10) при династии Суй и 11) при династии Тан.

34. (БНС № 256) Юйчжи-Юаньцзянь-лэйхань — высочайше исполненное, бездонное зеркало энциклопедий; составлено

в 1716 г. ученым комитетом по образцу энциклопедии Танлейхань—танское (в смысле: китайское) вместилище энциклопедий, составленной Юй Аньци при Минской династии, как сводки 6 более ранних энциклопедий. К Юаньцзянь-лэйхань присоединены многочисленные дополнения в виде извлечений из всех предшествующих (включая позднейшие после Тан-лэйхань) энциклопедий. До издания Тушу-цзичэн (см. ниже) это был наиболее полный труд такого рода, в котором большое место отведено пограничным вопросам и сношениям с другими народами.

Аннотация: цзюань 230—231—защита границ; цзюань 232—234 — восточные иноземцы, включая Чаосянь, Вэй, три Хань, Боцзи, Синьло, Сушэнь, Бохай, Фуюй, Доумолоу, Гаогюйли, Фусан, Женское царство, государство татуированных; цзюань 235—236 — западные Цяны, Туюйхунь; цзюань 236—237 — западные Жуны, Гаочан; цзюань 238—239— Канцзюй, Короткие люди и т. д.; цзюань 239—240 —Сюнну; цзюань 240—241 Ухуань, Сяньби, Юйвэнь, Муюн, Жуаньжуань, Гаоцзюй и Туцзюе; цзюань 241—242 — Туцзюе (продолжение), Сйеяньто, Байегу, Пугу, Тунло, Доланьгэ, Гулигань, Улухунь, Сяцзясы (хагасы), Кумоси, Кидань, Хойхэ, Шивэй, Дидоуюй, Люгуй, Датань, Улянха.

Материалы настоящей энциклопедии служат важным дополнением к «Собранию сведений» Бичурина (например, в отношении употребления лыж на охоте хагасами) и уточняют известные уже данные об этом народе, как показал пишущий эти строки в статье «Новые материалы по этнографии хагасов (кыргызов) VIII в.».

35. (БНС № 27) Циньдин-Гуцзинь-Тушу-цзичэн — высочайше утвержденное, полное собрание картин и книг старых и новых времен.

1748 г.; 309 томов, 10 000 цзюаней.

Состоит из 6 частей, 32 разделов, 6169 подразделений.

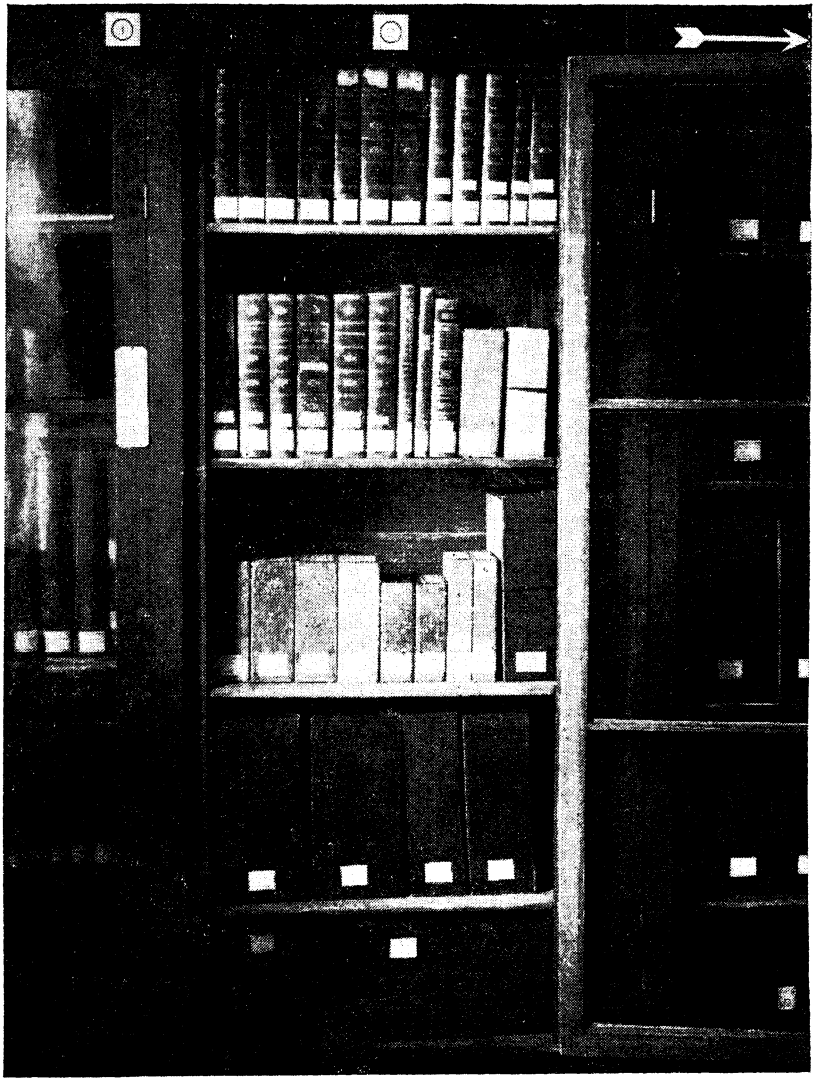
Аннотация: в 8-м разделе — о границах и смежных странах (бянь-дянь)— состоящем из 18 томов и 140 цзюаней, приведены данные об иноземных народах, включая народы Центральной и Западной Азии, взятые из всех предшествующих историй и излагаемых в хронологическом порядке. Подробности см. Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899 (стр. L—LIII).

* * *

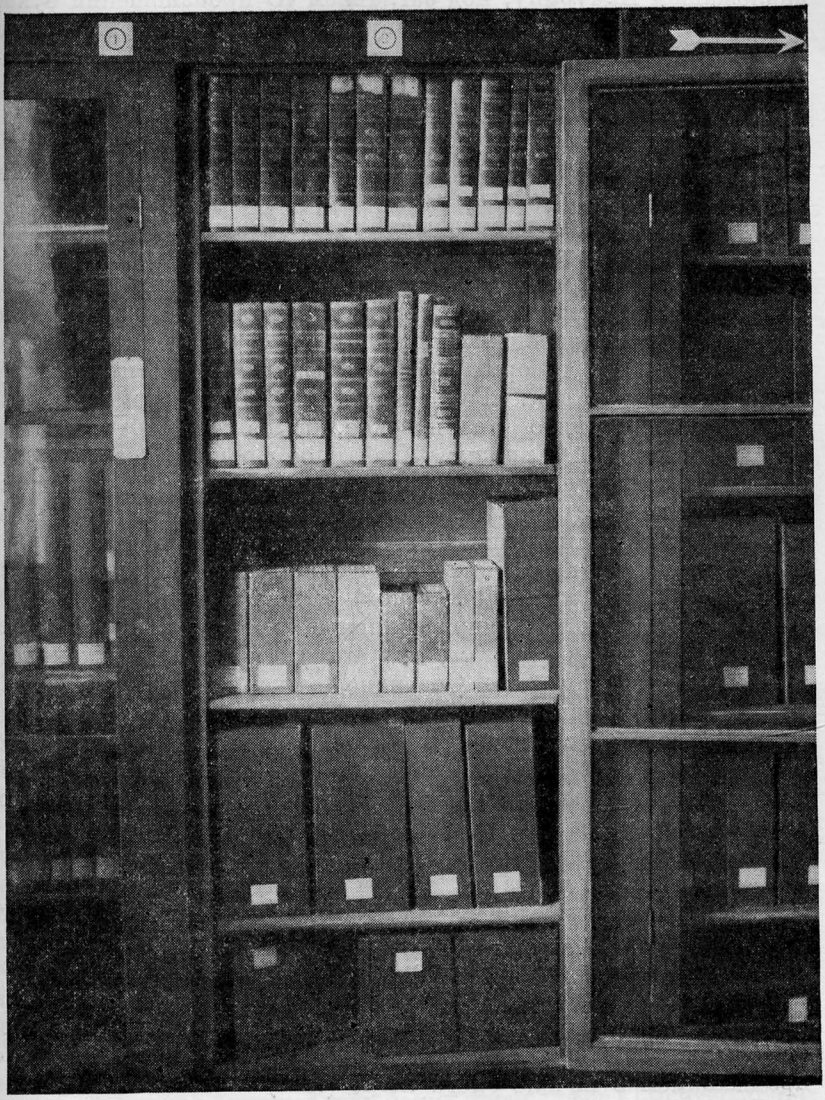
Список дополнительной китайской литературы, приведенный выше в помощь будущим исследователям, работающим на основе незаменимого труда Бичурина «Собрание сведений», носящего на обложке более наглядное заглавие: «История

о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», заключает в себе только важнейшие китайские труды, далеко не исчерпывая всего богатого наличия китайской литературы по соответствующей тематике. Но даже беглое ознакомление с этой литературой позволяет еще более оценить исключительное значение труда Бичурина, который нашел путь к освоению богатства недоступной многим китайской литературы.

Настоящее переиздание труда Бичурина воспроизводит его текст без изменения, исправлены лишь заведомые опечатки, — поэтому переиздание оставляет принятую им транскрипцию китайских названий. Уже давно, однако, было обращено внимание исследователей на то, что эта транскрипция во многих частностях значительно разнится от той, которой следовали позднейшие русские синологи (Васильев, Палладий, Ивановский и другие) и современные, советские, в соответствии с пекинским произношением мандаринского диалекта. Для сравнения достаточно указать в транскрипции Бичурина написание «пьхин» вместо современного *пин*, *тхан* вместо *тан*, *тху* вместо *ту*, *хи* вместо *си*, *хын* вместо *син*, *гюй* вместо *цзюй*, *кянь* вместо *цянь*, *кхай* вместо *кай*, *чжсе'у* вместо *чжоу*, *хе'у* вместо *хоу* и т. д. Некоторыми авторами, работавшими над трудами Бичурина (эта транскрипция применяется им и в других трудах) высказывалось предположение об ошибочности ее и несоответствии столичному (пекинскому) произношению даже в то время. Можно считать теперь доказанным, что транскрипция Бичурина в точности следовала тогдашнему произношению мандаринского языка в столице. Об этом можно судить по тем примерам, которые дают образцы китайского произношения иероглифов, записанных корейцами с помощью собственного фонетического алфавита. Действительно, легко видеть, что формы транскрипции, которыми пользуется Бичурин в данном и других своих сочинениях, почти целиком совпадают с произношениями тех же иероглифов в корейском издании известного китайского сочинения — Тысячесловия (Цяньцзы-вэнь), где под каждым иероглифом, рядом с корейским произношением, отличным от китайского, и корейским словом, которым передается значение китайского иероглифа (слова) для корейцев, обозначено китайское произношение иероглифов корейскими буквами. Это показывает, что Бичурин не случайно или произвольно устанавливал принятую им транскрипцию китайских слов и названий, но руководствовался определенными соображениями при выработке этой транскрипции. Этому помогало знание им разговорного китайского языка, в частности мандаринского диалекта, для которого им была составлена китайская грамматика, изданная в С.-Петербурге в 1835 г.

Труды Н. Я. Бичурина в рукописном отделе
Института востоковедения АН СССР

Труды Н. Я. Бичурина в рукописном отделе
Института востоковедения АН СССР

В этой грамматике и в кратком дополнении к ней, также принадлежащем Бичурину, под заглавием «О произношении букв, входящих в состав китайских звуков» (Журнал Министерства народного просвещения за 1839 год, том 21, январь), автор излагает правила произношения отдельных китайских букв, что соответствует современному понятию звуков (гласных и согласных) в тех случаях, когда это произношение отличается от произношения соответствующих русских звуков, изображаемых буквами нашего алфавита, и таким образом устанавливает порядок транскрипции произношения китайских слов (слогов или фонем), изображаемых иероглифами. Эти правила произношения и самый порядок транскрипции Бичурин применяет с некоторыми поправками в «Собрании сведений» при передаче многочисленных китайских названий, слов и терминов. Сам он по этому поводу говорит в «Предуведомлении» к названному труду буквально так: «Голосовое начертание китайских звуков частью принято французское, наиболее употребляемое учеными западной Европы». Указанное французское начертание китайских звуков или французская система транскрипции китайских знаков (иероглифов) помещена в виде особой таблицы в «Китайской грамматике» Бичурина, вслед за таблицей русского начертания китайских знаков с обозначением их ударений (так называемых китайских тонов), и показывает, откуда идут формы транскрипции, употребляемые им: *хи* вместо *си*, *хя* вместо *ся*, *хянь* вместо *сянь*, *хин* (*хын*) вместо *син*, как и *хяо*, *хе'у* и прочие в этом роде. Очевидно также, что из французской системы транскрипции китайских слов (иероглифов) Бичурин взял *к* (вместо *к* с апострофом) для передачи *ц* и *г* (вместо *к* без апострофа) для передачи *цз*. Влиянием французской транскрипции объясняется и передача Бичуриным китайских слогов на *оу* через *эу* (*гэу*, *дэу*, *чэу*, *шэу*), слога *у* через *ву*.

Что касается передачи Бичуриным *т* через *тх* и *тьх*, *п* через *пх* и *пьх*, *к* через *кх*, то эти формы транскрипции были установлены им самостоятельно в соответствии с произношением в Пекине мягкого *к*, как *кх*, мягкого *п*, как *пх* и *пьх*, и мягкого *к*, как *кх*, мягкого *т*, как *тх* и *тьх*. Им же было замечено глухое произношение *е* (*э*) в середине слова, приближающееся к *ы* (*лын* вместо *лэн*, *нын* вместо *нэн*, *бын* вместо *бэн*, *мын* вместо *мэн*, *вын* и *вынь* вместо *вэн* и *вэнь*) и произношение *е* (*э*) с придыханием в начале слога *нгэнь* (*вэнь*) вместо *энь*.

Следуя за китайскими филологами, Бичурин видит в буквах *я*, *ю* и *ять*, которые применялись в русской транскрипции китайских слов (иероглифов) самостоятельно и в соединении с согласными, двугласные звуки и приводит примеры рассечения этих двугласных звуков в китайских грамматиках на сочетания: *и* — *а* для *я*, *и* — *у* для *ю* и *и* — *е* для *ять*, т. е. *йе*. Следовательно,

после исключения буквы *ять* из русского алфавита, во всех формах прежней русской транскрипции для китайских слов (названий), где ставилась буква *ять*, надлежит употреблять не просто *е*, а *йе*, например, *дйе*, *лйе*, *мйе*, *сйе*, *бйе* и т. д. вместо прежних *дѣ*, *лѣ*, *мѣ*, *сѣ*, *бѣ* и т. д.

Это важное указание Бичурина, вполне совпадающее с мнением и практикою пишущего эти строки, было использовано в настоящем переиздании «Собрания сведений»: в самом тексте книги и, в особенности, в указателе, где проставлены иероглифы, соответственно транскрибируемые, всюду, в китайских словах и названиях, написанных в первом издании согласно старой транскрипции через *ять*, эта буква заменена не *е*, а *йе*.

Для наглядности мы помещаем сравнительную таблицу русской транскрипции китайских слов (названий, иероглифов) в трех параллельных столбцах[1]. В первом столбце показана транскрипция, принятая Бичуриным и взятая из его Китайской грамматики, где она озаглавлена «Таблица русского начертания китайских знаков с означением их ударений» (стр. 155—165); во втором столбце дана китайская транскрипция иероглифов в корейском издании «Тысячесловия», сделанная с помощью корейского алфавита (в данном случае транскрибированного русскими буквами) в качестве доказательства близости обеих транскрипций — Бичурина и корейской — и, следовательно, соответствия транскрипции Бичурина тогдашнему пекинскому произношению китайских иероглифов. Наконец, в третьем столбце приведена современная русская транскрипция мандаринского диалекта, уже отошедшая от первоначального образца, каким являлась транскрипция Бичурина.

В отношении китайской транскрипции, воспроизводимой с помощью корейского алфавита, необходимо учесть, что этот алфавит, один из простейших в мире, достаточно точно передает фонетику собственно корейского языка, но мало пригоден для передачи в корне отличной китайской фонетики: в нем нет букв для передачи столь обычных в китайском языке звуков *ж*, *ц*, *цз*, *ш*, *чж* (имеется лишь *ч*, которое в середине слова иногда звучит, как *чж*), нет букв *б*, *д*, *г*, и только *п*, *т* и *к*, которые лишь в середине слова (в некоторых диалектах также в начале слова) приобретают звучание *б*, *д* и *г*. Эти особенности корейского алфавита препятствуют точности передачи им китайской фонетики и создают видимое расхождение в некоторых случаях транскрипций корейскими буквами китайских иероглифов «Тысячесловия» и транскрипции Бичурина, которое на деле отсутствует. Для наглядности в том же втором столбце проставлены китайские иероглифы, взятые из текста Цянь-цзы-вэнь, соответствующие

[1] Таблицу транскрипций см. в III томе настоящего издания.

иероглифическому написанию китайских названий. Вместе с тем, для облегчения сравнения, китайские иероглифы проставлены также в двух остальных столбцах таблицы, причем в первом столбце иероглифы даются для транскрипции целых названий и терминов, встречающихся в «Собрании сведений» и взятых из переводимых Иакинфом Бичуриным китайских текстов, а в третьем столбце, кроме основного источника — Китайско-русского словаря Палладия и Попова, иероглифические написания взяты из таблицы, приложенной к статье К. Вебера, А. Иванова, Вл. Котвича и А. Руднева: «О транскрипции китайских иероглифов» в Записках Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVIII (1907), стр. 074—095 (таблица помещена на стр. 083—095).

Таким образом, в трех основных столбцах нашей таблицы, разбитых на параллельные колонки, собран весь необходимый материал для суждения о таком важном вопросе, как транскрипция Иакинфа Бичурина для китайских слов и названий, в последующее время вызывавшая ряд нареканий на автора. Приводимый в нашей таблице материал, однако, свидетельствует, что как в переводах, так и в применяемой им системе транскрипции Бичурин не допускал ничего произвольного, а исходил из определенных теоретических установок, основанных на глубоком изучении китайского языка и фонетики.

Некоторые отступления первоначального текста от указанного общего правила, обнаруживаемые в переиздаваемом труде Н. Я. Бичурина, имели случайный характер или объясняются техническими недочетами первого издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

ОТ РЕДАКЦИИ

При переиздании текста редакторы сохранили пунктуацию Бичурина, поскольку она отражает ритм китайского текста. Знак ѣ — «ять» заменен в транскрипции буквами «йе», что соответствует произношению тех иероглифов, которые Бичурин транскрибировал «ятью» (см. вступительную статью Н. В. Кюнера). Оставлены сокращения Бичурина: в. — восточный, з. — западный. Сокращение В. — «великий», раскрыто в настоящем издании, чтобы читатель не смешивал с сокращением в. — «восточный». Племенные названия, вопреки Бичурину, даны со строчной, что, впрочем, несистематично делал и сам Бичурин. В остальном употребление прописных оставлено по Бичурину и по возможности унифицировано написание, не всегда соблюденное в первоиздании.

В максимально возможной степени сохранен язык Бичурина. Выправлена орфография главным образом в падежах, но оставлены вполне допустимые старые обороты, раздельное написание наречий и т. п., что было свойственно языку его времени.

Читателю следует также учесть, что многие некитайские этнические, географические названия, имена и титулы не разъяснены еще полностью в специальной литературе и поэтому не всегда получали свое пояснение в прилагаемых указателях.

Вопросительный знак комментария означает спорность предлагаемого объяснения.

В отдельных случаях, когда не представлялось возможным точно определить принадлежность слова, является ли оно специальным термином, именем или племенным названием, оно вносилось только в один из указателей, преимущественно в именной. Сложные имена с титулами дублировались в именном указателе и в указателе специальных терминов.

* * *

Принятые Н. Я. Бичуриным сокращения

П. И.— Примечания историка
Ч.— чин
В. К.— Великий князь
В. К.— восточный князь
З. К.— западный князь
у. г.— уездный город
на кит.— на китайском языке
зн.— значит

Общее указание.

Ссылки в примечаниях Н. Я. Бичурина на Справочный указатель относятся к «Алфавитному указателю собственных имен, находящихся в трех частях Истории», стр. 34—38 первого тома первоиздания.

Н. Я. БИЧУРИН
(ИАКИНФ)

СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ, ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

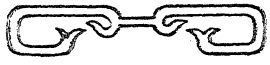
В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЮЖНАЯ СИБИРЬ]

(ОТДЕЛЕНИЯ I-III)

ОГЛАВЛЕНИЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПЕРВОГО ОТДЕЛЕНИЯ*

Предуведомление 8

[Дополнения к предуведомлению] 17

[I]

I. Исторические записки, Шы-Цзи 17
II. История старшего Дома Хань, Цянь-Хань-Шу 18
III. История младшего Дома Хань, Хэ́у-Хань-Шу 18
IV. История Дома Цзинь, Цзинь-Шу 19
V. История Дома Вэй, Вэй-Шу 19
VI. Северная История Бэй-Шу 19
VII. История Дома Суй, Суй-Шу 20
VIII. История Дома Тхан, Тхан-Шу 20
IX. История династии Сун, [Сун-Шу] 21
X. История династии Ци, [Ци-Шу] 21
XI. История династии Лян, [Лян-Шу] 21
XII. История династии Чень, [Чень-Шу] 21

[II]

[Перечень удельных владений] 21
Порядок монархических династий 25

[III]

[Составление Истории] 27

[IV]

[Содержание Исторических Записок] 28

[V]

История Старшей династии Хань 29
[Тхун-гянь-Ган-му] 29

* В первом издании труда Бичурина оглавление первой части первого отделения не вполне соответствует заголовкам в тексте. В настоящем издании квадратные скобки в оглавлении корректируют это несоответствие. (*Ред.*).

[Особенности в отношении перевода текста] 30

Введение к первой части 32

Алфавитный указатель имен собственных 34

Отделение I

Хунну [Шицзи, гл. 110, Цяньханьшу, гл. 94а и 94б; Хоуханьшу, гл. 119] 39

I. *От древних времен Дома Хуннов до его возвышения, в 209 году пред Р. Х.* 39

II. *От возвышения Дома Хуннов в 209 [году] до его подданства Китаю* 46

I. Шаньюй Модэ 47
II. Лаошан-Гиюй-Шаньюй 57
III. Гюнь Чень Шаньюй 61
IV. Ичисйе Шаньюй 64
V. Увэй Шаньюй 68
VI. Эрр Шаньюй Ушилу 70
VII. Гюйлиху Шаньюй 71
VIII. Цзюйдихэу Шаньюй 72
IX. Хулугу Шаньюй 74
X. Хуаньди Шаньюй 77
XI. Хюйлюй-Цюанькюй-Шаньюй 82
XII. Уянь-Гюйди-Шаньюй 84

III. *От подданства хуннов Китаю до их разделения на Домы Южный и Северный* 86

XIII. Хуханье-Шаньюй 86
XIV. Фучжулэй-жоди-Шаньюй 97
XV. Сэусйе-жоди-Шаньюй 98
XVI. Гюйя-жоди-Шаньюй 98
XVII. Учжулю-жоди-Шаньюй 98
XVIII. Улэй-жоди-Шаньюй Хянь 109
XIX. Шаньюй Юй 111

IV. *От возвышения Южных хуннов до их падения* 113

I. Шаньюй Бя 113
II. Шаньюй Мо 123
III. Шаньюй Хань 124
IV. Шаньюй Ди 124
V. Шаньюй Су 124
VI. Шаньюй Чжан 124
VII. Шаньюй Сюань 126
VIII. Шаньюй Туньтухэ 127
IX. Шаньюй Аньго 129
X. Шаньюй Шицзы 130
XI. Шаньюй Тхань 132

XII. Шаньюй Ба 133
XIII. Шаньюй Хюли 133
XIV. Шаньюй Дэулэучу 136
XV. Шаньюй Гюйгюйр 136
XVI. Шаньюй такой-то 137
XVII. Шаньюй Хучжен 137
XVIII. Шаньюй Кянкюй 137
XIX. Шаньюй Юйфуло 138
XX. Шаньюй Хучуцуань 138
I. Дом Лю Юань 139
II. Дом Ши Лэ 140

Отделение II

Ухуань [Хоуханьшу, гл. 120] 142

Отделение III

Сяньби [Хоуханьшу, гл. 120] 149
I. Дом Муюн [Гунцзянь-Ганму] 159
II. Дом Тоба [Гунцзянь-Ганму] 167

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

I ||По возвращении из Пекина в 1820 году, в продолжение почти двадцати пяти лет, я, между прочим, постоянно занимался собранием сведений о древних сношениях Китая с сопредельными народами. Из сих сведений постепенно открывалось, что Китай с давних времен имел связи с теми народами, которые ныне сопредельны с азиатскою Россией по всей южной границе ее. Тунгусы задолго до Р. Х. слились в Корее с выходцами из Китайского государства.[1] Монголы с незапамятных времен смешанно жили с китайцами на северных пределах Китая.[2] С небольшим за 100 лет до Р. Х. Китай тесно сблизился с тюркскими племенами, обитавшими на западе его.[3] Я имел намерение сии сведения о древних среднеазийских народах — по окончании прочих трудов — привести в исторический порядок и издать в свет; но так как для сего требовались издержки выше моих сил; то я обратился к Императорской Академии Наук с предложением принять мой труд под свое покровительство, причем представил и образец
II перевода в статье о || Давани, что̀ ныне Кокандское ханство. Академия Наук благосклонно обратила внимание на мое предложение, и дала программу, с которою мне надлежало сообразоваться. Сим образом исторический мой труд доведен до желанного конца. Но для того, чтобы и другие могли с пользою читать историю, еще неизвестную в ученом мире, надобно предварительно познакомить

[1] *Ци-цзы* с выходцами из Китая основал Корейское царство за 1120 лет до Р. Х.

[2] По истории — со времен государя Хуан-ди, т. е. слишком за двадцать пять веков до Р. Х.

[3] Китайский посланник Чжан Кянь за 126 лет до Р. Х. прошел через Монголию и Тюркистан до Хивы.

читателей с нею, т. е.: 1) объяснить повод к изданию ее в свет, 2) изложить сущность ее содержания, 3) обратить внимание на источники и 4) показать образ ее изложения.

Повод к изданию. Предлагаемое сочинение: *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, есть точный, более буквальный перевод с китайского языка. Китайская история содержит в себе известия о народах, которые издавна обитали в смежности с Китаем с севера. Сии известия не подлежат сомнению, потому что извлечены из актов китайского правительства, современных событиям.

Ученые западной Европы давно уже начали заниматься исследованием происхождения среднеазийских народов: но их мнения по сему предмету не согласны с китайскими известиями; и это не покажется удивительным, когда основательно вникнем в образ их исследований. Обозревая отдаленный и малоизвестный им предмет, они шли двояким путем. Первоначально руководствовались греческими историками и географами; а с того времени, как познакомились с Китаем, начали разрабатывать и китайские источники. И этот двоякий путь, естественно, должен был произвести несходство между сказаниями западно-европейских ученых. Древние греческие писатели не все описываемое ими могли сами видеть; а если и видели что̀, то мимоходом. Ве‖роятнее, что они многое заимствовали от *III* странствующих торгашей, которые обыкновенно дают новым для них народам и странам названия произвольные, или точные, но искаженные произношением; часто сообщают известия сбивчивые, неверные, и передают народные басни за истину. Положим, что тогдашние сведения греков о народах Средней Азии в свое время были довольно верны: но впоследствии война, смешение народов, время и разные другие обстоятельства, раздробляя состав древних государств, и мало по малу разобщая единство племен и языков, обычаев и законов, не могли не изменить самую сущность современных известий, и таким образом и ясное потемнить для последующих веков. В Средней Азии искони господствовала удельная система правления, т. е. государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, то сливались, то снова дробились, и переобразовались в новые государства. Монгольский народ сверх сего получал народное название от господствующего Дома. Сим образом один и тот же народ под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга [Тукюе]— дулгасцами; под Домом Монгол назвался монголами,

и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его и сообщит ему свое, другое народное, название. Сии два обстоятельства не были известны грекам. Ученые западной Европы упустили из виду первое, и не обратили внимания на последнее; и потому напали на ложные понятия о народных именах. Принимая части за целое, или один народ за другой, они видели какой-то непонятный для них прилив и отлив народов. Усиливаясь согласить древних греческих писателей с китайскою историею, они прибегли к догадкам, осно-
IV ||вываемым на созвучии слов, правдоподобии и вероятности, и выводимыми отсюда заключениями — вместо прояснения — еще более затемнили их. Точно таким же образом они поступили и с китайскими источниками. При сбивчивых понятиях о древних народах в Средней Азии представляя себе вещи в превратном виде, они находили в китайской истории много темноты и странностей там, где все было ясно и естественно; и наконец единогласно заключили, что китайцы, по своему невежеству, перепутали древнюю историю Средней Азии.

Читая китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиятского невежества, ясно видишь, как современные очерки среднеазийских государств, уцелевшие на скрижалях китайской истории,[1] оттеняют один народ от другого, и указывают их местопребывание, нередко даже с определением расстояния одних мест от других: почему не без основания можно заключить, что таковые сведения могут даже до известной степени пояснить древних греческих историков и географов, если будут: 1) собраны в одно целое, 2) изложены в точном переводе текста и 3) пополнены примечаниями с указанием на обычаи и установления Китая. Вот что̀ влекло меня приступить к сему труду!

Сущность содержания. Содержание сей истории составляют сведения о среднеазийских народах в продолжение десяти веков, с начала второго века пред Рождеством до девятого по Рождестве Христове. Китай
V искони имел в соседстве народы другого проис||хождения с ним. Древняя история Шу-гин еще в царствование государей Я́о и Шунь упоминает о сих народах под китайскими названиями: *Мань*, *И*, *Ди*, *Жун*. Название *Мань* дано было разным поколениям индийского происхождения, обитавшим от реки Ханьгян на юг, в нынешних

[1] Китайцы в древности вырезывали буквы на бамбу́ковых таблицах.

губерниях Ху-бэй и Ху-нань. Потомки их и доныне живут на древних землях, но по своему местопребыванию не входят в нашу историю. Название «*И*» китайская история усвоила тунгусским племенам, населявшим Корею и южную Маньчжурию. Они еще назывались *Дун-и* восточные *И*, и *Дао-и* островские *И*. *Ди* было общее название разным поколениям монгольского происхождения, кочевавшим на севере Китая, в нынешней южной Монголии, почему китайцы еще называли их *Бэй-ди*, северные Ди. Название *Жун* принадлежало тангутам, обитавшим от Хухэнора на восток, от Китая на запад: почему китайцы еще называли их *Си-жун*, западные Жуны. Тунгусы и тангуты искони находились под зависимостью Китая; почему в древней китайской истории Шугин ясно означены пути, которыми они ходили в столицу Китая для поклонения главе империи; и показаны приносимые в дань местные произведения каждой страны.[1] Но Китай в глубокой древности не имел близких связей с сопредельными народами; и посему история изредка и притом вскользь упоминает о них. С десятого века до Рождества Христова нападения монголов и тангутов на Китай становятся значительнее. В смутное время разноцарствия, Ле-го [Лие-го], т. е. в продолжение междоусобия между удельными владетелями, они || утвердились в разных местах внутри северного Китая. В период брани царств, Чжань-го, когда Китай преобразовался в семь сильных царств, монголы и тангуты не могли удержаться в завоеванных землях и оставили Китай. Монголы удалились в Халху, тангуты к Хухэнору. Цинь Шы-хуан-[ди], утвердив единодержавие в империи, отделился от них Великою стеною, но Дом Цинь во втором колене погиб от внутренних неустройств. Дом Хань заступил место его; но только что он вступил на престол империи, как с севера пришли хунны в больших силах, и хан Модэ наложил дань на Китай. Дом Хань заключил с ханом мир на условии считаться братьями, и выдавать за хана царевну с ежегодным отправлением даров. Тяготясь унизительным для империи условием о дани, Дом Хань видел необходимость употребить сильные меры против севера, и в 140 году до Р. Х. отправил посольство в Хиву, чтобы склонить хана к нападению на хуннов с тыла. Посланник Чжан Кянь по прошествии тринадцати лет возвратился в отечество и доставил правительству первые сведения о народах, обитавших от Китая и хуннов к западу до Каспийского

VI

[1] См. в *Ганму* под 2278 годом главу Юй-гун.

моря. После сего китайские войска в первый раз осмелились выступить за северную границу. Они овладели в. Тюркистаном. Брачный союз с Сэским Домом Усунь и удачный поход на Коканд далеко пронесли имя Китая на запад. Царевны со своими агентами раскрыли внутреннее состояние хуннов, а завоевание Кореи в 108 году до Р. Х. открыло Китаю восточную часть Средней Азии. Вот каким обстоятельствам мы обязаны китайскими известиями о на-
VII родах, обитавших в Средней Азии в древние времена. || Из сих известий, не смотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве. Здесь важно заметить, что Китай, со времени открытия монголов, тунгусов и тюрков, доныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами, и всегда отличал один народ от другого.

И с т о ч н и к и. Китайцы имеют историю и летопись. История называется *Шу*, т. е. историческое описание династии. Такая история отдельно составляется для каждой династии и потому называется династийною историею, *Гошу*. Летопись называется *Ган-му*, содержание и описание. Содержание состоит из краткого предложения, обозначающего событие чего-либо; в описании излагаются подробности события. Предлагаемые известия о древних среднеазийских народах заимствованы из династийных историй, а пояснения на сии известия заимствованы из летописи. Полные сведения о династийных историях, из которых почерпнуты известия о древних среднеазийских народах, изложены в дополнениях к предисловию под числом I. Ясность в истории требовала присовокупить к сим сведениям перечень династий и уделов, входящих в историю среднеазийских народов. Сей перечень необходим для указания главных точек, где происходили важные события; почему и он помещен в дополнениях под числом II.

О б р а з и з л о ж е н и я. Образ изложения, по
VIII особен||ным свойствам китайской истории, заключает в себе пять предметов, которые советую читателю со вниманием предварительно заметить. Сии предметы суть: составление и расположение истории, слог, титулование, летосчисление.

Составление истории. Китайцы составляли и ныне составляют историю своего государства образом отличным

от правил, по которым в настоящее время в Европе пишут и общие и частные истории народов. Китайское правительство искони положило вести запись своих современных событий и в сию запись вносить и заграничные происшествия, по которым оно имело политические связи с иностранцами. Таковые записи в свое время сообщались Историческому обществу, которое составляло из них летопись. Сим образом написана была история, названная *Шу-гин*, в которой собрание древнейших исторических актов правительства расположено по порядку времени, а не по разрядам предметов. История, разделенная на части по предметам, в первый раз написана была в последнем столетии пред Р. Х.: и посему сочинитель ее Сы-ма Цянь получил титул Отца Истории *Тхай-шы-гун*. Ныне полное собрание династийных историй содержит в себе 23 истории, под общим заглавием: *нянь-сань-шы*,[1] и первое между ними место занимают Исторические записки, Шы-цзи, сочинение историографа Сы-ма Цянь. О составлении истории в настоящее время см. в дополнениях под числом III.

Расположение. Расположение предметов единообразно во всех династийных историях. Одни только исторические записки, по различным изменениям в древнем государственном управлении, имеют порядок в расположении предметов несколько отличный от принятого в династийных историях. См. в дополнениях числа IV и V. IX

Слог. Древняя история писалась обыкновенным слогом. В начале V века до Р. Х., Кхун-цзы, для подавления возникших неустройств в империи, ввел в свою летопись, под заглавием Чунь-цю, Весна и Осень, *слова с исключительным значением*; Чжу-цзы, один из знаменитых писателей XII века, в своей летописи Тхун-гянь Ган-му распространил сей слог на девятнадцать разных политических предметов, входящих в династийную историю. Сочинители такой же летописи, изданной императором правления Кхан-хи в 1701 году, неуклонно держались пути, указанного учеными Кхун-цзы и Чжу-цзы. Исторические слова с исключительным значением оттеняют самые качества событий; и если заменить сии слова другими; то каждое замененное слово нужно будет пояснить, а без пояснения событие теряет существенную часть качественной своей истины; напр. если кончина императора последовала при единодержавии *И-тхун*, то пишется *преставился, бпын*; если он умер, не сделавшись полным

---

[1] *Нянь-сань-шы*, от слова в слово значит: двадцать три истории.

государем, *бучен-гюнь*,[1] то пишется *упокоился, хун*; если умер после потери царского сана, *Ши-цзунь*, то пишется *скончался, цзу*. О кончине китайских вельмож и зависимых
X от Китая || иностранных владетелей пишется *скончался, цзу*; о кончине независимых от Китая владетелей, также о смерти крамольников пишется *Сы, умер*.[2]

Титулы. Употребление титулов, по запутанности, производимой ими в слоге, наиболее достойно замечания. В продолжение первых трех династий, Хя, Шан и Чжѐу, глава империи титуловался *Ван, Великий князь*; из удельных князей первостепенные титуловались *Гун* и прочие *Хэ́у*. Цинь Шы́-хуан-[ди], сделавшись в 221 году до Р. Х. единовластителем в империи, принял титул *Хуа́н-ди, император*. С сего времени титул *Ван* предоставлен князьям царствующего дома, титул *Гун* для награждения гражданских, титул *Хэ́у* для награждения военных заслуг. В истории император титулуется *Шан*, Его Величество, и *Тьхянь-цзы*, Сын Неба. Царствующая вдовствующая императрица пишется *Хуа̀н-ди*, император; а нецарствующая пишется родовым прозванием и титулом *Хэ́у*, напр. Га́о-хэ́у, императрица Га̀о. Князья царствующего Дома пишутся одним титулом и именем, а прозвание опускается потому, что по титулу Ван видно, что они принадлежат к императорскому Дому. Дочери императора и князей Дома его пишутся одними титулами. Из прочих придворных лиц женского пола и замужние и вдовы пишутся прозванием мужа, которое удерживают и по выходе за иностранца. Князья из Дома минувшей династии и другие лица, при первом их появлении в статье какой-либо, пишутся титулом достоинства или должности, прозванием [фамилией] и именем; а далее, но
XI только в том же || периоде, пишутся одним именем или проименованием [прозвищем]. Иностранцы пишутся и прозванием и именами без разбора.

Летосчисление. Образ исторического летосчисления в Китае отличен от летосчисления прочих народов. Еще в глубокой древности введены для сего знаки, называемые пнями, *Гань*, и ветвями, *Чжы*. Пней считается десять, и названия их означают цвета разных красок. Ветвей

---

[1] По кончине императора преемник его до нового года управляет империею под прежним названием правления, и потому говорится: *не сделался полным государем*: т. е. еще не обнародовал названия своему правлению, и посему не вступил в личное полное управление государственными делами.

[2] *Сы* значит: в отношении к человеку *умереть*, в отношении к животным *издохнуть*, к растениям — *на корню посохнуть*.

считается двенадцать, и названия их имеют значение разных зверей, домашнего скота и пресмыкающихся. Китайцы спаривают названия пней с названиями ветвей, начиная с первых, и оканчивают, когда названия первого пня и первой ветви опять сойдутся, что приходится ровно по истечении шестидесяти лет; и сие продолжение времени в Европе назвали циклом, а в Китае Гя-цзы, названиями первого пня и первой ветви. Китайские историки употребляют цикловые знаки при непрерывном последовании государей одного за другим или когда означены династия и год правления какого-либо государя. В противном случае, невозможно по цикловым знакам определить точный год какого-либо происшествия, потому что цикловое название года встречается один раз в каждом шестидесятилетии, а исторические происшествия иногда отделяются одно от другого целыми столетиями. По сей причине в подлиннике, с которого перевод сделан, цикловые названия годов не приняты; а летосчисление ведено в древней истории по династиям и царствованиям государей, а со 140 года до Р. Х., по династиям и названиям правлений, что и в переводе соблюдено, с присовокуплением годов по христианскому летосчислению.

Изложение ясных понятий о свойствах китайской исто‖рии вполне может утвердить в читателях доверен- *XII*
ность к актам и фактам историческим и устранить все, что наиболее может затруднить их при чтении. Теперь остается сказать несколько слов о самом переводе предлагаемого сочинения. Буквальный перевод с китайского языка не везде возможен, а особенно в словах, которые имеют относительное значение: напр. *Фу* значит область, областной город, областное правление. Точный буквальный перевод с китайского языка более состоит в том, чтобы существенный смысл речи или выражения передать на переводном языке, не уменьшая, не увеличивая подлинного значения слов. Титулы и названия достоинств и должностей, как слова самые трудные для чистого и плавного перевода, с точностью переданы в голосовом переложении китайских звуков, а для устранения затруднения в чтении они наиболее отдельно писаны внизу.

С особенною также точностью переданы на китайском языке древние названия стран и народов, владений и городов, гор и рек. Это нужно было потому более, что голосовое переложение собственных иностранных имен завлекло западных ориенталистов в важные погрешности касательно древних народов в Средней Азии. Китай в древности окружен был необразованными народами,

и китайцы полагали, что все другие народы, обитавшие от полудиких соседей их далее, находились в подобном же невежестве, почему, из презрения к ним, приняли за правило голосовые слоги собственных иностранных имен перелагать на свой язык звуками знаков, заключавших в своем смысле какую-либо насмешку. От сего-то собственные иностранные имена, вошедшие в древнюю китайскую
XIII историю, || далеки от правильного выговора их. В последней половине XVIII столетия в Пекине учрежден был комитет из ученых пяти разных народов,[1] который собственные иностранные имена, вошедшие в китайскую историю, исправил и снова переложил знаками, ближайшими к правильному выговору их; но сие исправление простиралось только по истории династий Гинь, Ляо и Юань, царствовавших в Китае в продолжение 916—1368 годов.

Древняя история народов Средней Азии, касательно собственных иностранных имен, осталась неисправленною и посему-то способ ориенталистов западной Европы прояснить темные места в китайской истории догадками, основанными на созвучности слов, был ошибочный. Китайская история, при описании народов, обитавших в Средней Азии в древние времена, ясно означает народное происхождение поколений и указывает на места исторических событий. Вот на что должно было обратить внимание, а не на созвучность слов!

В отношении к переводу текста еще находятся разные особенности, которые могут несколько затруднять читателя, почему особенности сии приложены в дополнениях под числом VI.

[1] Маньчжуров, китайцев, монголов, тюрков и тибетцев.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЮ

I

Династийные истории, из которых заимствованы сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, суть: ||

XIV

1. Исторические записки, от древних времен до 98 года до Рождества Христова.
2. История Старшего Дома Хань, с 202 года до Р. Х. до 25 по Р. Х.
3. История Младшего Дома Хань от 25 до 265 года.
4. История Дома Цзинь от 265 до 420 года.
5. Северная история.
6. История Дома Вэй, от 386 до 581 года.
7. История Дома Суй от 581 до 618 года.
8. История Дома Тхан от 618 до 907 года.

I. Исторические записки, Шы-Цзи. Сочинитель Исторических Записок есть *Сы-ма цянь*, по проименованию *Цзы-чжан*. Еще отец его, Сы-ма Тхан, член Исторического общества, занимался собранием материалов для истории. В третий год по смерти отца Сы-ма Цянь сделан президентом Исторического общества, и сие место поставило его выше министров. Он обратил внимание к продолжению трудов своего отца и уже приводил их к концу, как по несчастию, случившемуся с полководцем Ли Лин, прекратил работу.[1] Сие случилось в 99 году. По смерти его нашли сочиненную им, но не совершенно конченную историю под заглавием Шы-цзи, что от слова до слова значит Исторические записки. Они начаты с Хуа́н-ди[2] и доведены до Вў-ди, пятого государя из старшего Дома Хань.

[1] Ли Лин, см. в справочном указателе.
[2] Хуа́н-ди, см. в справочном указателе.

При Сю-ань-ди, вступившем на престол в 73 году до Р. Х., *Янь Юнь*, внук историографа Сы-ма Цянь по дочери, занялся окончанием записок и издал их в свет. Впоследствии
XV *Чжу Шао-сун*, ученый младшего Дома Хань, || пополнил сию историю, а *Пхэй Инь*, ученый династии Лю-Сун,[1] написал пояснения.

II. История старшего Дома Хань, Цянь-Хань-Шу. Сочинитель истории старшего Дома Хань есть *Бань-гу*, по прозванию *Мын-гянь*, один из ученейших мужей младшего Дома Хань. Отец его Бань Бо́у занимался исследованием неясных мест в прежних историках; Бань Гу стал продолжать его исследования с тонким суждением. Последовал донос, что Бань Гу *частно* сочиняет историю государства, и он посажен был в темницу. Младший его брат Бань Чао явился к государю и объяснил содержание продолжаемого труда, а начальство представило самую историю в подлиннике. Государь чрезвычайно был удивлен и определил Бань Гу историографом с тем, чтобы он непременно кончил свой труд. Сим образом Бань Гу сделался очень известным Двору. Но как он, несмотря на благоволение Двора, очень медленно повышался в чинах, то решился поступить гостем в службу к могущественному министру До́у Хянь. В сие время До́у Хянь получил верховное начальство над армиею, выступившею на север против Хуннов, и определил Бань Гу членом Военного Совета. Вскоре До́у Хянь пал и предан казни, а Бань Гу, как гость его, заточен в темницу, в которой и умер в 92 году по Р. Х. Но как сочиненная им история старшего Дома Хань еще не совершенно была отделана, то государь указал зятю его кончить ее. *Янь Шы-гу*, живший в половине VII века, издал пояснения на сию историю.

III. История младшего Дома Хань, Хо́у-Хань-Шу.
XVI Сочинитель истории младшего Дома Хань есть *Фань* || *Хуа*, по прозванию *Юй-цзун*, ученый династии Лю-сун. В начале правления Юань-гя, в 424 году, он из палаты чинов повышен в должность областного правителя, но как дальнее повышение медленно шло, то он, сократив разных историков, написал историю младшего Дома Хань, о которой сам отозвался, что содержание ее, в отношении к предметам, важно и обдумано здраво. После сего он сделан был членом наследничьего правления и здесь умышлял с Кхун Хи-сянь произвести возмущение, почему взят под стражу и всенародно предан казни.

---

[1] Лю-Сун, см. в справочном указателе.

IV. История Дома Цзинь, Цзинь-Шу. История Дома Цзинь сочинена династии Тхан государем *Тхай-цзун*, в бытность его князем. Он вступил на престол в 627 году.

V. История Дома Вэй, Вэй-Шу. Сочинитель истории Дома Вэй, иначе Юань Вэй, есть *Вэй Шéу*, по прозванию *Фу-чжу*, ученый северной династии Ци. Он был младшим министром. Во второе лето правления Тьхяньбáо, в 550 году, указано ему написать историю Дома Вэй. При появлении его истории в свет показалось множество подметных писем, в которых единогласно называли его историю нечистою. Вэй Шéу не имел сыновей, почему, по падении северного Дома Ци, раскопали могилу его и оставили кости открытыми.[1] Вынь-ди, первый государь из Дома Суй, указал ученому Вэй Дань вновь написать историю Дома Вэй, но сия история в погрешностях[2] превзошла историю, сочиненную ученым Вэй Шэ̀у, и так же, как истории Дома || Вэй, сочиненные учеными ди- *XVII*
настии Тхан: Чжан Да-со и Пхэй Ань, ныне совершенно забыты. Одна история ученого Вэй Шèу принята в основание.

VI. Северная история Бэй-Шу. Сочинитель Северной истории есть *Ли Янь-шèу*, по прозванию *Гя-лин*, ученый династии Тхан. Еще отец его начал писать сию историю, но он смешал в империи Домы Сун, Ци, Лян, Чень, Вэй, Ци, Чжèу, Суй; в южных странах под севером разумел северные страны под кочевыми народами; в северных странах под югом разумел островитян Южного Океана; сверх сего, он более распространялся о своем государстве, а историю прочих государств кратко писал. Впрочем он умер, не кончив своего труда, коего продолжение Ли Янь-шèу принял на себя. Отделив четыре северных Двора от четырех южных, он начал историю первых, первым годом правления Дын-го, 386, кончил вторым годом правления И-нин, 618, и назвал сие творение северною историею, Бэй-шы, т. е. историею четырех северных Дворов: Вэй, Чжèу, Ци, Суй. Сия история содержит в себе 12-ть глав записок о государях и 88 разных повествований. Историю южных Дворов он начал первым годом правления Юн-чу, 420, кончил третьим годом правления Чжен-мин, 589-м. Сие творение содержит в себе 10 глав записок о государях, 70 разных повествований и названо

---

[1] Дом Юань Вэй происходил из монголов. Вот причина ненависти.

[2] Погрешностями считаются неправильное употребление исторических слов с исключительным значением.

южною историею, Нань-шы, т. е. историею четырех южных Дворов. В обеих историях всего 180 глав, и расположение в них довольно правильно.

VII. История Дома Суй, Суй-Шу. Сочинитель истории Дома Суй есть *Вэй Чжен* по проименованию *Юань-чен*, XVIII ученый династии Тхан. В правление Чжен-гуань, || 627—650, указано было ученым Янь Шы-гу и Кхун Ин-да обработать историю династии Суй под главным руководством ученого Вэй-чжен, который сам написал предисловие и замечания на политические происшествия. Вся история состоит из 85 тетрадей, т. е. глав. *Янь Шы-гу*, по проименованию *Цзю-лю*, был потомок второго по совершенном,[1] *Кхун Ин-да*, по проименованию *Чжун-да*, был потомок совершеннейшего.[2] Вэй Чжен скончался в самом начале 643 года. Тхай-цзун высоко ценил нравственные его достоинства и с наследником посетил его в болезни, а когда скончался, то приказал всем чинам провожать его, идти пред гробом придворной музыке с царскими регалиями; похоронить на царском кладбище.[3] Но Пхэй-шы, супруга покойного, сказала, что муж ее вел скромную жизнь и великолепное погребение не согласно с образом его мыслей. Таким образом она отклонила высокие погребальные почести, и гроб везли на простой телеге. Вэй Чжен был учителем наследника престола, и государь столько уважал его, что при донесении о кончине обратился к чинам и сказал: люди, смотрясь в зеркало, поправляют одеяние на себе; в зеркале древности усматривают возвышение и падение царств, в зерцале человека видят свои совершенства и недостатки. С потерею Вэй Чжен я лишился зеркала.

VIII. История Дома Тхан, Тхан-Шу. Сочинитель ис- XIX тории Дома Тхан есть *Эу Ян-хю*, по проимено||ванию *Юн-шу*, ученый династии Сун. Государь Жень-цзун[4] указал ему обработать историю династии Тхан и исправить прежнюю историю сей династии, сочиненную ученым *Сун Ки*. Как Сун Ки жил прежде Эу Ян-хю, то последний неприличным счел уничтожить имя его; почему жизнеописание обоих внесено в историю. История, сочиненная ученым Эу Ян-хю, содержит в себе 225 тетрадей. Династия

[1] Титул второго по совершенном, на кит. Фу-шен, дан ученому *Янь-юань*, первому ученику мыслителя Кхун-цзы. .

[2] Титул совершеннейшего на кит. *Чжи-шен*, дан мыслителю *Кхун-цзы*.

[3] В Китае каждый государь еще при своей жизни строит отдельное кладбище для себя.

[4] На престол вступил в 1023 году.

Тхан имеет две истории, старую и новую. Сочинитель старой истории есть *Лю Хэй*, ученый младшей династии Тхан.[1] И старая и новая приняты классическими.[2]

В смутные времена Китайской империи, когда в северном Китае отдельно царствовали три династии [Юань Вэй, Бэй-ци и Бэй-чжоу], южный Китай находился под владычеством четырех династий. Сии династии суть: 1. Сун, 420—479, всего 59; 2. Ци, 479—502, всего 23; 3. Лян, 502—557, всего 55; 4. Чень, 557—581, всего 24 года. Они царствовали в южном Китае и потому названы *четырьмя южными Дворами*. Каждая из четырех южных династий имеет свою частную историю.

IX. История династии Сун, [Сун-Шу]. Сочинитель сей истории есть *Шень Ио*, ученый династии Лян, по проименованию *Хю-вынь*; жил в самом начале VI века. Его история состоит из 100 тетрадей, или отделений.

X. История династии Ци, [Ци-Шу]. Сочинитель истории династии Ци есть *Сяо Цзы-хянь*, ученый династии Лян, внук князя Сяо И, потомка сей же династии. *Шень Ио*, сочинитель истории династии Сун, составил записки династии Ци. Сяо Цзы-хянь представил Ву́-ди, XX
первому государю из династии Лян, сочиненную им историю династии Ци, заключающую в себе 59 отделений или тетрадей. Недостает отделений об астрономии и народонаселении — по неизвестности сих предметов историку. Он жил в конце V и в начале VI столетия.

XI. История династии Лян, [Лян-Шу] и

XII. История династии Чень, [Чень-Шу]. Сочинитель двух сих историй есть Яо Сы-лянь, ученый династии Тхан, живший в последней половине VI века. При династии Суй он служил учителем во дворе князя Ян Ю. Гао-цзу, основатель династии Тхан, принял его в службу к своему Двору. Первая из его историй содержит в себе 56, а вторая 36 тетрадей или отделений.

II

[ПЕРЕЧЕНЬ УДЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ]

Ву-Ван, по покорении Дома Шан в 1122 году до Р. Х., дал пятнадцать уделов ближайшим своим родственникам, сорок уделов потомкам древних государей, начиная с Хуа́н-ди, и 1800 уделов разным князьям, сподвижникам

[1] Младший Дом Тхан царствовал с 926 до 939 года.

[2] Новая история отличается пополнениями; напр. столица Тибетская еще в начале VIII века называлась Хлассою, на кит. Ло-са.

его при завоевании империи; но с постепенным упадком Дома Чжéу и число удельных владений уменьшалось. Сильные удельные князья вышли из повиновения законам империи и начали посягать на владения малосильных князей.

Китайские историографы ввели в историю династии Чжéу два периода, занимающие почти пять столетий. Сии периоды известны под названиями *Лйе-го*, разноцарствия, *Чжань-го*, Брань царств. Период разноцарствия представляет одни междоусобия удельных князей с 722 до 480 года; сей период иначе назван периодом Весны и Осе‖-
XXI ни. Период Брани царств содержит в себе историю междоусобных войн между сильными удельными князьями, продолжавшихся с 480 до 223 года. В конце периода Весны и Осени из 1855 уделов было только 124 удельных владетелей, а в период Брани царств осталось семь независимых друг от друга Домов, из которых Дом Цинь, покорив остальные шесть царств, ввел единодержавие в Китае.

В период Весны и Осени знаменитейшие уделы были:

I. *Лу*. Первый владетель в уделе Лу был *Бо-цинь*, сын князя Чжеу-гун. В сем Доме в продолжение 874 лет было 34 государя; столица находилась в губ. Шань-дун в уезде *Кюй-фэу-хянь*.

II. *Вэй*. Родоначальник Дома Вэй был *Кхан-шу Фын*, младший брат В. К. [великого князя] Ву-Ван. В сем Доме в продолжение 905 лет были 41 государь; столица находилась в губернии Хэ-нань в городе *Вэй-хой-фу*.

III. *Цзинь*. Родоначальник Дома Цзинь был Тхан-хэ́у *Шу-юй*, сын В. К. [великого князя] Ву-Ван. Чен-Ван возвел его в достоинство Хэ́у в удел Тхан; и посему назван был Тхан-хэ́у. В сем Доме в продолжение 735 лет было 38 государей.

IV. *Чжен*. Родоначальник Дома Чжен был *Хуань-гун Ю*, сын В. К. [великого князя] Ли-Ван, вступившего на престол в 878 году. Сюань Ван в 827 году дал Ю достоинство Бо. В сем Доме в продолжение 432 лет было 23 государя. Столица находилась в губ. Хэ-нань в городе *Чжен-чжéу*.

V. *Янь*. В сем Доме в продолжение 901 года было 42 государя. Столица находилась в Пекине, который в то время назывался *Ги-чен*.

VI. *Цао*. Родоначальник Дома Цао был *Шу-чжень-и*,‖
XXII сын В. К. [великого князя] Вынь-Ван. Ву-Ван дал ему достоинство Бо. В сем Доме в продолжение 636 лет было 25 государей. Столица находилась в губ. Шань-дун в городе Цао-чжеу-фу.

VII. *Цай*. Родоначальник Дома Цай был *Шу-ду*, младший брат В. К. [великого князя] Ву-Ван. В сем Доме

в продолжение 676 лет было 25 государей, столица находилась в губ. Хэ-нань в у. г. *Цай-хянь*.

VIII. *В у. Чжеу-чжан*, родоначальник Дома Ву, происходил из Дома Чжéу. Ву-Ван дал ему удел Ву с достоинством Цзы. В сем Доме в продолжение 650 лет были 21 государь; столица находилась в Гян-нань в г. *Су-чжэ̀у-фу*.

IX. *Т х ы н. Шу-сю*, родоначальник Дома Тхын, был сын В. К. [великого князя] Вынь-Ван. Ву Ван возвел его в достоинство Хэ́у. Из сего Дома было 25 государей. Продолжение [продолжительность] его неизвестно. Столица находилась в губ. Шань-дун в у. г. *Тхын-хянь*.

X. *Ю й. Юй-чжун*, родоначальник Дома Юй, был младший брат родоначальника Дома Ву. Из сего Дома было 12 государей. Продолжение его неизвестно. Столица находилась в губ. Хэ-нань в у. г. *Юй-хянь*.

XI. *С у н. Вэй-цзы*, родоначальник Дома Сун, был старший побочный брат последнему государю из Дома Шан. Ву-Ван дал ему достоинство Гун для продолжения жертв государям минувшей династии. Из сего Дома в продолжение 828 лет были 32 государя. Столица находилась в губ. Хэ-нань в г. *Гуй-дэ-фу*.

XII. *Ц и*. Родоначальник Дома Ци Тхай-гун Ван, по имени *Шан*, по прозванию *Цянь*, был потомок Сыио, который помогал государю Юй в приведении рек в естественный порядок и за услуги награжден был ‖ уделом *XXIII* Люй. Потомок его Шан оказал услуги государям Вынь-Ван и Ву-Ван в покорении династии Инь, за что получил удел Ци с достоинством Хэ́у. Из сего Дома в продолжение 744 лет было 30 государей; столица находилась в губ. Шань-дун в у. г. *Линь-чжы-хянь*.

XIII. *Ч е н ь*. Родоначальник Дома Чень *Ху-гун Мань*, по прозванию *Гуй*, был потомок государя Шунь. Ву-Ван нашел его, женил на старшей своей дочери и дал ему удел Чень, с достоинством Хэ́у. Из сего Дома в продолжение 644 лет было 24 государя; столица находилась в губ. Хе-нань в г. *Чень-чжэ̀у*.

XIV. Родоначальник Дома *Чу Хюн-и*, по прозванию *Мйе*, был потомок государя Чжуа̀нь-юй, за услуги предков его в войне с Домом Инь пожалован уделом Чу с достоинством Цзы. Из сего Дома в продолжение 893 лет было 41 государь. Столица находилась в Ху-гуан.

XV. *Ц и н ь*. Родоначальник Дома Цинь был Фэй-цзы, по прозванию *Ин*. Нюй сю,[1] внук государя Чжуа̀нь-юй

[1] Нюй-сю значит внук по дочери.

по дочери,[1] родил Да-йе, Да-йе родил Да-фэй. Это был князь Бо-и, который помогал государю Юй в водопроводах при осушении земель и в награду за услуги получил родовое прозвание.[2] Фэй-лянь, внук его в 14 колене, родил Ву-лай. Фэй-цзы, праправнук последнего, заведывал лошадьми при Хяо-Ван[3] и за свою службу получил ленное владение Цинь. Сян-гун оказал услуги империи в войне с тангутами, и Пьхин-Ван произвел его удельным
XXIV князем в достоинстве || Бо. Из сего Дома в продолжение 642 лет было 35 государей; столица находилась в Шаньси в г. *Хян-ян*. Дом Цинь пресекся с кончиною Чжуансян-Ван в 247 году до Р. Х. В. К. [великий князь] Чжен, основатель единодержавия в Китае, был сын вельможи Люй Бувэй.

Семь царств, на которые Китай разделился в период Брани царств, суть:

1. *Я н ь*. В сем Доме от И-ван до Ван-хи было семь великих князей.

2. *Ч у*. В сем Доме от Сюань-Ван до Ван Фэу-цзэ было восемь великих князей.

3. *Ц и н ь*. В сем Доме от Хой-вынь-Ван до Чжуансян-Ван было пять великих князей.

4. *Ци*. Князь Тьхянь-хэ был потомок государя Шунь. Вань, сын владетеля в уделе Чень, бежал в Ци, и не желая прозываться прежним княжеским прозванием Чень, прозвался Тьхянь. Ву-юй, потомок его в пятом колене, усилился, а сын его Тьхянь-хэ похитил престол у князя Хуань-гун. В сем Доме в продолжение 158 лет было семь государей.

5. *Ч ж а о*. Дом Чжао, по летописи удельных владетелей, имеет одного родоначальника с Домом Цинь. Фэй-лянь родил двух сыновей. Старший назывался Ву-лай, младший Цзи-шен. Цзи-шен родил Мын-цзэн, Мын-цзэн родил Хын-фу, Хын-фу родил Цзао-фу, которому В. К. [великий князь] Му-Ван пожаловал поместье Чжао. В седьмом колене от него родился Чжао-дай. Он служил при Дворе Цзинь, и с сего времени Дом Чжао утвердился в царстве Цзинь. Далее в пятом колене родился Чжао-ву; еще чрез семь колен родился Цзянь-цзы Ин;
XXV Ин родил Ву-сюй, || который служил министром при Дворе Цзинь. *Цзи*, внук министра Ву-сюй, разделил удел Цзинь с владетелями уделов Хань и Вэй и получил от В. К. [великого князя] Вэй-ле-Ван достоинство удельного

[1] Царствование государя Чжуань-юй, по преданиям, полагается 2513—2435.

[2] Т. е. сделан родоначальником своего Дома.

[3] Хяо-Ван вступил на престол в 909 году до Р. Х.

князя. Из сего Дома в продолжение 187 лет было 11 государей; столица находилась в губ. Чжи́-ли в г. *Гуан-пьхин-фу*.

6. *Вэй*. Вэй-лйе-Ван дальнего потомка из Дома Чжéу пожаловал удельным князем в Вэй. Из сего Дома в продолжение 200 лет было 8 государей. Столица в губ. Хэ-нань в г. *Вэй-хой-фу*.

7. *Хань*. Вэй-лйе-Ван дальнего потомка из Дома Чжèу, по имени *Кянь*, пожаловал удельным князем в Хань. Из сего Дома в продолжение 179 лет было 11 государей; столица находилась в губ. Хэнань в области Наньян-фу.

ПОРЯДОК МОНАРХИЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ

I. Цинь. Родоначальник сей династии был князь *Бо-и*, по прозванию *Ин*, Ши́-хуан, по имени Чжен, сам принял себе прозвание *Чжáо*. Уничтожив прочие шесть царств, он ввел единодержавие в Китае. Столицу основал в губ. Шàнь-си в г. *Хян-ян*. Два колена из сего Дома царствовали 15 лет, 221—206 до Р. Х.

II. Хань. *Гáо-ди*, основатель Дома Хань, по прозванию *Лю*, по имени Бан, был потомок некоего Лю Лэй. Он получил престол империи по уничтожении Дома Цинь; столицу основал в *Чан-ань*, что ныне главный в губ. Шáнь-си город Си-ань-фу. Двенадцать колен из сего Дома царствовали 228 лет, с 206 до Р. Х. до 25 года по Р. Х. В сие время было единовластие в Китае, и потому сказано: *получил престол империи*. ||

III. Восточный Дом Хань. Основатель восточного Дома Хань, по имени *Фа*, был потомок десятого сына императора Цзин-ди.[1] Собрав войско, он истребил престолохищника Ван Ман, укротил мятежи и восстановил династию Хань. Столицу имел в *Ло-ян*. Двенадцать колен из сего Дома царствовали 196 лет, 25—221. Династия Хань делится на два Дома: Старший *Цянь-хянь*, и Младший *Хэу-хань*; а по столицам, которые они занимали, еще называются старший западным *Си-хань*, а младший восточным *Дун-хань*. *XXVI*

IV. Последняя династия Хань, Хэу Хань [точнее: Шухань]. Основатель последнего Дома Хань император Чжао-лйе был потомок князя Шен, девятого сына императора Цзин-ди. Он вступил на престол в Шу́; столицу имел в И-чжéу, что ныне в губ. Сы-чуань главный город Чэнду-фу. Два колена из сего Дома царствовали 43 года, 221—264. Период последней династии Хань составляет

[1] Цзин-ди вступил на престол в 156 году до Р. Х.

время троецарствия [Шухань, Вэй и У], в которое не было единодержавия в Китае; и посему сказано: *вступил на престол.*

V. Вэй. Основатель Дома Вэй, по прозванию *Цáо*, столицу имел в Йе, что ныне в губ. Хэ-нань обл. город *Джан-дэ-фу*. Он похитил престол у государя Хянь-ди в 220 году. Пять колен из сего Дома царствовало 45 лет, 220—265. Сия династия еще по имени своего основателя называется *Цáо-Вэй*.

VI. Цзинь. Основатель Дома Цзинь, по прозванию *Янь*, был потомок полководца Сы-ма Гюнь; столицу имел в *Ло-ян*. Минь-ди, четвертый государь из сего Дома, по смутным обстоятельствам в империи, перенес столицу
XXVII из Ло-ян в Чан-ань, где с потерею престо ‖ ла и жизни потерял северную половину Китая. Родственник его утвердился на престоле в южном Китае; столицу имел в Гянькхан, что ныне главный в губ. Гян-су город *Гян-нин-фу*. По сим столицам и династия разделяется на два Дома: западный *Си-цзинь* и восточный *Дун-цзинь*. В западном Доме четыре колена царствовали 52 года; в восточном Доме одиннадцать колен царствовали 103 года, всего 155 лет, 265—400 [ошибка, надо: 420].

VII. Сун. Основатель Дома Сун, по прозванию *Лю*, получил престол после династии Цзинь; столицу имел в Гянь-кхан. Восемь колен из сего Дома царствовали 59 лет, 420—479. Сия династия еще по прозванию своего основателя называется *Лю Сун*.

VIII. Ци. Основатель Дома Ци, по прозванию *Сяо* по имени *Дао-чен*, престол получил после династии Сун; столицу имел в Гянь-кхан. Четыре колена из сего Дома царствовали 23 года, 479—502.

IX. Лян. Основатель Дома Лян, по прозванию *Сяо*, по имени *Янь*, получил престол после династии Ци, столицу имел в Гянь-кхан. Четыре колена из сего Дома царствовали 55 лет, 502—557.

X. Чень. Основатель Дома Чень, по прозванию Чень, по имени *Бо*, получил престол после династии Лян; столицу имел в Гянь-кхан. Пять колен из сего Дома царствовали 24 года, 557—581.

XI. Вэй, иначе Юань-Вэй. Основатель Дома Вэй был монгол по прозванию *Тоба*. Дом Тоба вначале имел столицу в Чен-ло, потом в Пьхин-чен, что ныне в Сань-си в обл. Да-тхун-фу у. г. Хуай-жень-хянь; наконец переселился в Ло-ян. При династии Цзинь, в 11 лето правления
XXVIII Тхай-юань, 386 Дом Тоба присвоил ‖ себе титул императора; по прошествии двенадцати колен, в 534 году, он разделился

на восточный и западный, из коих в первом было одно, а во втором три колена. Царствовали 172 года, 386—558. Сей Дом в 440 году принял название *Юань*, и потому иногда называется *Юань-Вэй*.

XII. Бэй-Ци. *Бэй-ци* значит: Северный Дом Ци. Основатель сего Дома, по прозванию *Га́о*, по имени *Ян*, в 550 году похитил престол у восточ. Дома Вэй; столицу имел в Йе. Шесть колен из сего Дома царствовали 26 лет, 550—577.

XIII. Бэй-Чжеу. *Бэй-чжеу́* значит Северный Дом Чжеу́. Основатель сего Дома, по прозванию *Юй-вынь*, по имени *Цзио*, в 557 году похитил престол у западного Дома Вэй. Пять колен из сего Дома царствовали 26 лет, 557—583.

XIV. Суй. Основатель Дома Суй, по прозванию *Ян*, по имени *Гянь*, получил престол от северного Дома Чжèу; столицу имел в *Чан-ань*. Три колена из сего Дома царствовали 37 лет, 581—618.

XV. Тхан. Основатель Дома Тхан, по прозванию *Ли*, по имени *Юань*, получил престол империи от Дома Суй, столицу имел в *Чан-ань*. Двадцать колен из сего Дома царствовали 289 лет, 618—907.

III

[СОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ]

Ныне в Пекине находится Комитет придворных журналистов и общество историческое. Существование их восходит слишком за двадцать три века до Р. Х.: но древний состав сих мест и порядок занятий мало известны. При настоящей династии Цин Ко‖митет журналистов состоит из 22, а общество историческое из 62 членов. *XXIX* Журналисты занимаются составлением дневника в следующем порядке: впервых вписывают именные указы, потом доклады палат и приказов, далее доклады из губерний, наконец донесения гражданских и военных начальников. Происшествия вносятся в дневник с означением года, месяца и числа, прозваний и имен дежурных журналистов. Сей дневник пишется ежемесячно в двух книжках, что в продолжение года составляет 24 книжки. Каждая книжка пересматривается старшими журналистами, а потом подается управляющему Сио-ши на рассмотрение и утверждение. В конце года все 24 книжки представляются в государственный кабинет, где Сио-ши обще с журналистами снова пересматривают их и сдают в архив. Из сих-то журналов историческое общество по частям приготовляет

историю царствующей династии. Но самая история в порядок приводится уже при следующей династии особливым комитетом под распоряжением историографа, назначаемого верховною властью, и наконец издается правительством в свет;[1] почему ни частно вновь составлять историю которой либо династии, ни писать критические замечания на изданную правительством династийную историю не дозволяется. Ученым предоставлено только сокращать или пополнять династийные истории пояснениями на места, которые от времени становятся темными, но изменять текст ни в каком случае не дозволяется, что ясно видно в повторениях при переходе из одной истории
XXV в другую; || напр. из исторических записок в историю династии Хань.

IV

[СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК]

Исторические записки содержат в себе пять отделений:

I. Коренную летопись *Бэнь-цзи*, пяти ди; династии Хя, Инь, Чжèу и Цинь, императора Шы́-хуан[-ди], князя Хянь-юй, императора Гàо-ди, императрицы Люйхóу, императоров Вынь-ди, Цзин-ди, Вы́нь-ди, Ву-ди. Сие отделение называется двенадцатью коренными летописями.

II. Частные летописи, *Биао*: а) летопись первых трех династий от Хуáн-ди до конца династии Чжéу; б) летопись двенадцати удельных княжеств: Лу, Ци, Вэй, Цинь, Чу, Сун, Вэй, Цáо, Чжен, Янь; в) летопись шести царств: Вэй, Хань, Чжáо, Чу, Янь, Ци; г) летопись царств Цинь и Чу, продолжавшуюся с десятой луны 206 до десятой же луны 202 года до Р. Х.; д) летопись удельных князей со времени династии Хань; е) летопись заслуженных вельмож и князей, жалованных при Гáо-цзу; ж) летопись князей, жалованных со времени правления Гянь-юань, со 140 года до Р. Х.; з) летопись князей, жалованных при следующих четырех императорах; и) летопись князей царствующего Дома со времени правления Гянь-юань; к) летопись знаменитых полководцев и министров со времени династии Хань.

III. Восемь описаний, *Бпа-шу*, как-то: описание обрядов, музыки, мер и весов, времясчисления, разрядов

[1] Сказывают, что настоящая династия Цин издала в свет историю двухвекового своего царствования.

чинов, жертвоприношений, рек и каналов, государственного хозяйства.‖

IV. Тридцать наследственных родов, *Ши-гя сань-ши*. *XXXI*

V. Семьдесят повествований, *Лйе-чжуань ци ши*, о знаменитых родах и владетельных иностранных Домах.

V

[ИСТОРИЯ СТАРШЕЙ ДИНАСТИИ ХАНЬ]

История старшей династии Хань заключает в себе:

I. Летопись двенадцати императоров сей династии, *Ди-цзи ши-эрр*.

II. Восемь описаний, *бпа-шу*, как-то: родословная князей инофамильных, князей царствовавшей династии, княжеских сыновей, заслуженных вельмож первых четырех императоров, заслуженных вельмож следующих восьми императоров, окняженных побочных родственников, вообще сановников, древних и новейших мужей.

III. Десять коренных описаний *бэнь-цзи-ши*, как-то, описание мер и весов, обрядов и музыки, уголовного законоположения, государственного хозяйства, жертвоприношений в предместьях, астрономии, естественных явлений, политического разделения государства, каналов, наук и художеств.

IV. Семьдесят повествований, *Лйе-чжуань ци ши*, как-то: повествования о знаменитых полководцах, министрах, князьях царствовавшей династии, родственниках сей династии с женской стороны, сделавшимися известными по своим заслугам; известия об иностранных государствах по народам.

[ТХУН-ГЯНЬ-ГАН-МУ]

Летопись, называемая *Тхун-гянь-Ган-му*. Сия летопись представляет исторические происшествия в строгом порядке по времени их события, и потому без связи предыдущих статей с последующими; но вместо сего излагает каждое происшествие со всеми его обстоятельствами, а обстоятельства представляет в таком виде, в котором отражаются следы, ведущие к благоустройству или беспорядкам в государственном управлении; почему полное название сей летописи состоит из слов *Цзы-чжи Тхунгянь Ган-му*, содержание и описание светлого зерцала содействующего к благоуправлению, а короче: историческое зерцало государственного управления. Содержание *XXXII*

состоит из краткого предложения, указывающего одно какое-либо происшествие; а в описании излагаются подробности, при которых событие последовало. Под описанием подробностей помещены побочные обстоятельства, изъяснены местные выражения и древние обычаи, указаны даже страны и места событий. Под некоторыми статьями приобщены нравственно-политические замечания на события, или исторические указания на время других подобных же событий.

VI

[ОСОБЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА]

I. В Китае искони до ныне государство не имеет постоянного названия, а заимствует его от царствующего Дома, и носит сие название только в продолжение царствования его, а с падением его принимает название следующей династии. Сим образом Китай и в истории называется именем династии, современной событиям, а в названии династии заключается и Двор, т. е. царствующий Дом.
XXXIII Для избежания странности в слоге, || подобные места наиболее заменены общими словами: *Китай*, *Китайский Двор*.[1]

II. В дипломатических сношениях владетельные лица (первое и второе лицо) говорят между собою в третьем лице; заменены местоимения *я* и *ты* титулами, а в частных сношениях разными учтивыми словами, которые обычай сделал постоянными. Подобные места, встречающиеся в сем сочинении везде, где переведены буквально, отмечены курсивом.

III. В китайской истории о иностранных народах два только лица действуют: *мы* и *они*, т. е. Китайский Двор и иностранцы. Историк есть постороннее лицо, которое рассказывает о событиях за границею в отношении к своему отечеству; напр.: если написано *отложившиеся хунны произвели набег*, то положительно должно так разуметь: отложившиеся от Китая хунны произвели набег на сие государство.

IV. Пополнительные пояснения по большой части извлечены из летописи Тхун-гянь Ган-му, и писаны наряду с текстом, с небольшим отступлением от него.

---

[1] Русское слово *Китай*, а тюркское *Хытай* взяты от слова *Китат*, монгольского названия Китаю. Китат есть собственное имя, не имеющее другого значения.

V. Иностранные названия мест, искони до ныне удержавшие первоначальное имя, переведены нынешним правильным их названием, а древнее название, испорченное произношением, для справки помещено в географическом указателе.

VI. Китайцы писаны прозванием и именем, которые для различия одно от другого поставлены с надстрочными буквами, напр. Чжан Кянь, Сыма Цянь, Ли Гуан-ли. || Здесь *Чжан* есть однословное прозвание, *Кянь* имя; *Сыма* есть двусловное прозвание, *Цянь* имя; *Ли* есть прозвание, *Гуан-ли* двусловное имя. *XXXIV*

VII. Имена лиц и название титулов и должностей — для справки — помещены в справочном указателе слов.

VIII. Голосовое начертание китайских звуков частью принято французское, наиболее употребляемое учеными западной Европы.

IX. Знак ударения, т. е. возвышения голоса над слогом, постоянно ставлен, исключая слов с ударением на последнем слоге.

X. Китайские слова как неудобные к изменению по правилам русской грамматики, оставлены неизменяемыми, а для ясности в слоге прибавлены к ним приличные [подходящие] слова.

XI. Примечания и пояснения из китайских историков писаны внизу.

XII. Примечания и пояснения, без указания на сочинение или сочинителя, писаны самим переводчиком.||

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

I ‖Первая часть содержит в себе историю древних среднеазийских народов одного монгольского племени; племена тунгусов и Тюрков отделены к второй и третьей части. Монголы, по сопредельности с Китаем, издревле имели связи с государством сим, но китайские историки не обращали внимания на них; почему образ древнего правления у монголов, их народные обычаи, порядок господствовавших у них поколений долго оставались неизвестными. Китайские историки заметили только, что Шуньвэй, сын последнего государя из династии Хя, удалившийся в Монголию в 1764 году до Рождества Христова, почитается основателем первой монгольской династии Хунну. Уже в начале третьего столетия, когда Хунны сильно потрясли Срединное царство, китайцы узнали, что монголы незадолго пред тем временем находились под верховною властью двух единоплеменных Домов, хунну и Дунху. Хунну, по азиатским историкам Дом Могулл-хана, царствовал в западной половине Монголии; орда его сто-
II яла под Хангаем (близ Орхона); ‖ владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу до Тарбагатайских гор. Дун-ху, по азиатским историкам Дом Татар-хана, господствовал в восточной Монголии; орда его находилась в средоточии сей страны (в Ка́рцинь); владения его простирались на запад до Калгана, на север до Хинганского хребта. Дун-ху, по выгодному положению занимаемой им страны, в силе превосходил хуннов; но по излишней самонадеянности, в 209 году пред Рождеством Христовым неожиданно пал под сильным ударом хуннов. Потомки обоих сих Домов взаимно возвышались и упадали, и сим образом в двух линиях попеременно господствовали в Монголии тринадцать сто-

летий. В продолжение столь длинного периода из Дома Хуннов произошли Жужань, Дулга [Тукюэ], Ойхор [Хойху]; из Дома Дун-ху произошли Ухуань, Сяньби, Кидань; Муюн и Тоба считались отраслями Дома Дун-ху. С падением Дома Кидань пресеклась первая монгольская династия Хунну, продолжавшаяся в родовых поколениях с 1864 года до Р. Х. до 1115 года по Р. Х. Место его, после краткого промежутка (31 года) заступил Дом Монгол, доныне продолжающийся в поколениях монгольских князей.

С третьего столетия пред Рождеством Христовым до осьмого столетия по Р. Х. азиатские историки в главном, от‖носящемся до древних событий в Средней Азии, согласны с китайцами. Известно, что китайская история писана и пишется правительством с актов и фактов современных. В этом отношении очень любопытно знать, из каких источников азиатские историки заимствовали свои сведения о древних событиях? или они сами писали, основываясь на заключениях, выводимых из соображения исторических данных, современных описываемым событиям? Основательное исследование сих двух вопросов может прояснить древнюю историю Азии; но при исследовании должно быть устранено указание на созвучие и авторитеты. Первое почти всегда обманчиво, а последние сами требуют тщательной поверки. ‖ *III*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРЕХ ЧАСТЯХ ИСТОРИИ

[Составлен Н. Я. Бичуриным к первому изданию]

	часть	стр.*
А		
Агэуцян	III	174
Амэй	II	118
Ань	II, III	62, 183, 196
Аньгюйчу	II	114
Аньси	III	53, 114, 172
Аньси	III	7
Ань-юань-хэ́у	III	16
Арачул	III	47
Афотайхань	III	170
Б		
Бадэу, Бадиянь	III	177
Бай-шань-бу	II	114
Баймэй-хан Хулун фу	I	339
Баркюль. Пулэй задний	III	87
Биги-хан Могилянь	I	332
Биги-Гудулу-хан	I	338
Билу	III	86
Бо-ван-хэу [титул Чжан Цяня]	III	11
Богу	II	57, 107
Боду	II	114
Болу	III	175
Большой Юечжы	III	6, 54, 118, 172
Босы	III	162, 205
Бохань	III	186, 202
Бохо	III	180
Бо-цзи	II	42, 71, 108, 160
Бочжи	III	180
Бугя-хан Дату	I	287
Булалик, см. Гйе		
Бейци	I	XXVIII
Бэй-чжеу	I	XXVIII
Бяньчень	II	30
В		
Ван [удельный князь]	I	X
Ван Кхой [Ван Ман]	III	18
Восточн. Боцзюй [Восточная сторона хуннов]	II	26
Воцзюй	II	26
Ву, назв. удела	I	XXII
Ву-ван	I	4
Выньсу, Аксу	III	77, 162
Вэй	I	27
Вэй [Шáо]	I	26
Вэй назв. империи [см. Юань Вэй]	I	XXVI
Вэй. Цао-Вэй [220—265]	I	XXVI
Вэй Юань-вэй [386—555]	I	XXVI
Вэй Гуан	III	17
Вэйгун	II	57, 99
Вэй Мань	II	1
Вэй Цин	I	36, 48
Вэй Шань	II	4
Г		
Гао	II	56, 99, 123
Гао-гюй	I	248
Гаогюйли	II	20, 38, 59
Гао Хай-чжеу	II	142
Гао Лянь	II	40
Гао ли	II	54, 98, 123
Гао Янь-шеу	II	141
Гаофу	III	56, 119
Гай Сувынь	II	129
Гайгинь	II	129
Гапэй	III	171

* [Страницы первого издания].

	часть	стр.
Гашени	III	170
Гинь Чжен-пьхин	[II	81, 112]
Гибинь	III	48, 175
Гкйепаньто	III	179
Го-шу [Государственная династийная история]	I	VII
Го-чан	III	17, 149, 191
Гудулу	I	322
Гуйцы, Куча	III	77, 200, 218
Гумо	III	76, 161
Гун	II	23, 57
Гун	I	X
Гйе. Булалик в Турфане	III	88
Гйефынь	I	189
Гэна Тоба	I	193
Гэжогай хан Ху-люй	I	210
Гэшенгай-хан Датань	I	212
Гэулэу	II	56
Гюаньду	III	62
Гюйли	II	22
Гюйлиху Шаньюй	I	48
Гюйя Жоди Шаньюй	I	87
Гюньчень Шаньюй	I	32
Гя-цзы	I	XI

Д

Давань	III	4, 60
Датунь	I	159
Дахя	III	8
Дацинь	III	115, 173
Дидэугань	II	96
Долгая стена	I	9
Доди	II	15
Дуань	I	243
Дулга [Тукюе]	I	256
Дулань хан Юн-юйлюй	I	283
Дунли	III	121
Дунмин	II	66, 108
Дэжо	III	114
Дэудай	I	209

Ж

Женское Царство	III	184, 198
Жокян	III	17
Жуаньжуань	I	205
Жужань	I	206
Жули	II	56
Жунлу	III	44

З

Зависимые владения	I	75
Западный Дом Тугю	I	340
Западная сторона [хуннов]	III	5

И

Ижань Хан	I	337
Иимо	II	57
Илу, Тоба Илу	I	190
Илэу	II	18
Ими-хан Тумынь	I	266
Иминишусилиби Хан Сымо	I	313
Инай, см. Ингасар	III	47
Исюнь	III	43
Исторические записки [Шицзи]	I	XXX
История Старшего Дома Хань [Цяньханьшу]	I	XV
История Младшего Дома Хань [Хоуханьшу]	I	XVII
История Дома Вэй [Вэйшу]	I	XVI
История Дома Цзинь [Цзиньшу]	I	XVI
История Северная [Бэйши]	I	XVII
История Дома Суй [Суйшу]	I	XVII
История Дома Тхан [Таншу]	I	XVIII
История Дома Сун [Суншу]	I	XIX
История Дома Ци [Наньцишу]	I	XIX
История Дома Лян [Ляншу]	I	XX
История Дома Чэнь [Чэньшу]	I	XX
Ито, Тоба Ито	I	190
Ифули	II	59
Ичжы	III	131
Ичисйе Шаньюй	I	36

Йе

Йеда	III	177

К

Кан	III	181, 195
Кангюй	III	6, 56
Кара Корум, см. Хара-Хоринь	II	[26]
Киби Хэли	II	140
Кидань	I	[458]
Кюйсо	III	147
Кюйлэ	III	147
Кяньто	III	181

Л

Лигань	[III	7, 9]
Ли Лин	I	50

	часть	стр.
Ливэй	I	181
Ли Цзин	I	304
Лона	III	166
Лу, назв. удела	I	XXI
Лу Гуань	II	2
Лю гин	I	19
Люйда	II	99
Лйе-го [Отделившиеся уделы или Разноцарствие]	I	[XX]
Лэйвуло	III	177
Лян, назв. удела	I	XXVII

М

Май	II	22
Мао	I	287
Махань	II	30
Ми	III	186, 203
Миши	III	165
Мо	II	22, 112
Модэ, Модо	I	11, 12
Молай	II	56, 99
Мочжо	I	324
Му	III	188, 203
Мугюлюй	I	205
Муюй-хан Кигинь	I	287
Муюн	I	176
Муюн Шегуй	I	176
Муюн Хой	I	176
Муюн Хуан	I	179
Муюн Гюнь	I	187
Мэучжи	I	170

Н

Наньду	III	47
Нань Тяньчжу	III	176
Нигю Чулохан Домань	I	134
Нили-хан	I	340
Ниполо	III	207
Ношеболо	III	171
Нюйми	III	165

О

Ойхор [Хойху]	[1	247]

П

Пишань, Пишинай	III	45
Пулэй	III	131
IV ‖ Пулэй задний или Баркюль	III	87
Пулэй или Урумци	III	87
Пишань	III	147
Пхых лай	II	37
Пхэйшуй	II	1
Пьхин Хун	II	[40]

С

Сиваньгин	III	165
Сигюйбань	III	147
Синь [династия, основанная Ван Маном]	II	[45]
Синьло	III	46
Сийе Юлъэрек	I	187
Сот хэу	I	28
Суй, Империя	[III указ.	55]
Суйчен	III	166
Судэ	III	86
Субеси, Юйлици	III	63, 162, 200, 224
Сулэ Кашгар	I	XXII
Сун, назв. удела	I	XXVII
Сун, назв. Импер. Дома	II	33
Сумашы	II	114
Сушень	II	348
Сыби-Хан Мохэду	I	[XXVIII]
Сев. Ци, см. Бэй-ци	I	XXVIII
Сев. Чжеу, см. Бэй Чжеу	III	46
Сэрлык, см. Пули	I	87
Сэусйе Жоди Шаньюй	II	111
Сюань	II	36, 168
Сюй-фу	II	3
Сюнь Чжи	I	161
Сяньби	I	189
Сянь Хуан-ди	III	73
Сяовань		

Т

Танмеуло	II	112
Танъифу	III	3
Тахань-хан Футу	I	222
Таньшихай	I	168
Тоба	I	187
Тоба Гйефынь	I	189
Тоба Ливэй	I	189
Тоба Силу	I	189
Тоба Лугуань	I	190
Тоба, назв. Импер. Дома	I	190
Тоба Илу	I	190
Тоба Юйлюй	I	193
Тоба Хэуну	I	193
Тоба Гэна	I	193
Тоба Шеигюнь	I	194
Тоба Гуй	I	195
Тобо-хан	I	274
Тугю	I	256
Туйинь	I	189
Тули-Хан	I	311
Туньюйгу	I	332
Тун Шеху хан	I	346
Тухуло	III	176, 186, 202
Тхын [Тэн удел]	I	XXII
Тхан, назв. Импер. Дома	I	XXVIII
Тхан	II	64, 99
Тяньчжу	III	119
Тяочжи	III	114

часть стр.

У

Увэй-Шаньюй . . . . . I 42
Угп . . . . . II 82
Угэшаньли . . . . . [III 98]
Уйгур . . . . . I 247
Улохэу . . . . . II 97
Улэй, Цитер . . . . . III 77
Улэй, см. Арачул . . III 47
Улэй Жоди Шань-юй хан I 104
Уми . . . . . III 44
Унагэ . . . . . III 188, 205
Урумци, Пулэй . . . . III 87
Усунь . . . . . III 5, 32, 162
‖ Уто . . . . . III 45
Утаньцыли . . . . . III 86
Ухуань . . . . . I 151
Учап . . . . . III 180
Учжюдю Жань Шаньюй I 87
Уянь-Гюйди Шаньюй I 67

Ф

Фонйе . . . . . II 114
Фудиша . . . . . III 171
Фугудунь-хан-Дэулунь I 221
Фусан . . . . . II 50
Футай . . . . . II 18
Фухо . . . . . III 176
Фуый . . . . . II 15, 18, 68
Фуюй Чжан . . . . . II 162
Фучжулэй Жоди Шань-юй . . . . . I 86
Фынба . . . . . I 211

Х

Хан Мао . . . . . I 187
Хан Туйинь . . . . . I 188
Хан Будучжень . . . . I 211
Хан Чеуну . . . . . I 223
Хан Анахуань . . . . I 225
Хан усу-миши . . . . . I 339
Хан Далобянь . . . . . I 340
Хань . . . . . I 30, 42
Хань, Царство . . . . . I XXV
Хань, назв. Империи . I XXV
Хань, Восточн. Империя . . . . . I XXVI
Хань, последний дом империи Хань . . . I XXVI
Халга-Аманъ . . . . . III 85
Харашар . . . . . III 85
Хай-си-хэу . . . . . III 29
Хара-Хоринь . . . . . I 26
Хи [Си] . . . . . II 87
Хисюнь . . . . . III 61
Хо Кюй-бин . . . . . I 38, 40

часть стр.

Хойху . . . . . I 246
Хотон, см. Чен-кхо Хоцинь . . . . . I 18
Хой Хэу . . . . . III 19
Хуаньди Шаньюй . . . I 59
Хуан и Пять ди . . . . I 90
Хуан-ди . . . . . I X
Хулугу Шаньюй . . . I 51
Хунну . . . . . I, III 1, 2
Хусыми . . . . . III 170
Хуханье-Шаньюй . . . I 69
Хуху, Пичан . . . . . III 88
Хйели-хан Дуби . . . I 293
Хэ . . . . . III 188, 204
Хэбо . . . . . I 54, 98
Хэу [княж. титул] . . I XX
Хэу [титул императрицы] I X
Хэу Цзин . . . . . II 42
Хэуцифуфа Кучжи хан I 221
Хэй-шуй-бу . . . . . II 114
Хюйлюй Цюанькюй Шаньюй . . . . . I 64
Хя-Хэу-Шы . . . . . I 3

Ц

Цай, назв. удела . . I XXII
Цао . . . . . III 187, 204
Цао, назв. удела . . . I XXI
Царство Малорослых . II 76, 49
Царство Чернозубых . II 76, 49
Царство Нагих . . . . . II 49
Цзан Гаоцзан . . . . . II 130, 132
Цзинь, назв. Импер. Дома . . . . . I XXVI
Цзингюе . . . . . III 44
Цзинь назв. удела . . I XXI
‖ Цзюйдихэу Шаньюй . I 49
Цзюйло . . . . . III 43
Цзюйми Восточный и Западный . . . . . III 87
Цзюйми Восточный . III 132, 158
Цзюймо . . . . . III 143
Цзыхэ, Кукьяр . . . . III 113
Ци Цзы . . . . . I 7
Ци, назв. удела . . . . I XXII
Ци, назв. царства . . . I XXIV
Ци, назв. Импер. Дома I XXVII
Цинь, назв. удела . . I XXIII
Цинь, назв. царства . I XXIV
Цинь, назв. Импер. Дома I XXV
Цюань . . . . . II 131

Ч

Чагань-Тунгйе, Вэй-сюй III 85
Чаосянь . . . . . II 1

V

VI

	часть	стр.
Чен	II	63
Чен-ккхо	I	65
Ченьхань	II	30
Чень, назв. удела	I	XXIII
Чень, назв. Импер. Дома	I	XXVIII
Чеби-хан	I	317
Чешы	III	147
Чешы передний	III	88, 132
Чешы задний	III	89, 132
Чжан	III	III
Чжань-го	I	XX
Чжао	II	52
Чжао Пхо-ну	I	47
Чжао, назв. Царства	I	XXIV
Чжао Лйе-ди	II	99
Чженьлин	II	170
Чженьдэ	II	171
Чжечжыба	III	165
Чжен, назв. удела	I	XXI
Чжеуху	II	33
Чжачжи Шаньюй	I	72
Чжугюй	III	179
Чжумын	II	55, 98
Чжунь	II	33
Чилянь хан Уди	I	215
Чу, назв. удела	I	XXIII
Чу, царство	I	XXIV
Чуло-хан	I	292
Чуло-хан Тухэ-чжень	I	317
Чуло-хан Дамань	I	340

Ш

	часть	стр.
Шаболио-хан Нету	I	276
Шань-дэ	II	171
Шань-Жун	I	7
Шань-го	III	88
Шаньшань	III	38, 142
Шаньюй Юй	I	107
Шаньюй Би	I	109
Шаньюй Мо	I	125
Шаньюй Хань	I	225
Шаньюй Ди	I	126
Шаньюй Су	I	126
Шаньюй Чжан	I	126
Шаньюй Сюань	I	128
Шаньюй Туньтухэ	I	130
Шаньюй Аньгу	I	133
Шаньюй Шицзы	I	135
Шаньюй Тюань	I	138
Шаньюй Ба	I	139
Шаньюй Хюли	I	140
Шаньюй Дэулэучу	I	143
Шаньюй Гюйгур	I	143
Шаньюй Такой-То	I	145
Шаньюй Хучжен	I	145
Шаньюй Кянкюй	I	146
Шаньюй Юйфуло	I	147
Шаньюй Хучуцуань	I	147
Шегуй, см. Тоба Гуй	I	
Шефуй-хан	I	346
Шеигянь	I	194
Шеми	III	180
Шень-юань-ди	I	189
Шень-юань Хуан-ди	I	189
Шеуло Бучжень хан Юйчен	I	219
Шечжихянь	III	170
Шеху-хан Чулохэу	I	282
Ши	II	114
Шиби-хан Дуги	I	201
Ши	III	184, 197
Шивэй	II	92
Ши лэ	I	149
Шо-йе Хэу	I	47
Шу-гин	I	III
Шы	III	187, 203
Шйе Хэ	II	3

Э

	часть	стр.
Эрр Шаньюй Ушылу	I	46
Эршыский полководец	I	52
Эуто	I	58

Ю

	часть	стр.
Юань	II	69, 103
Юебань	III	163
Юйгютай	II	17
Юйвынь	I	240
Юйли-Халга-амань	III	85
Юй, назв. удела	I	XXII
Юйту, назв. удела	III	64, 162
Юйтянь	III	44, 144, 201
Юйчан	III	108
Юлъэрек, см. Сийе	III	46
Юкюй	II	3

Я

	часть	стр.
Ян Пху	II	3
Янь	II	63
Янь, назв. удела	I	XXI
Янь, назв. царства	I	XXIV
Янь	III	121
Яньцай	III	6, 121
Яньки	III	130
Яньфогйе	III	172
Япония	II	34, 44, 117

Отделение I

ХУННУ

|| Сие отделение извлечено из исторических записок; 1
заключает в себе события 1) от древних времен Дома Хуннов до его возвышения, в 209 году пред Р. Х.; 2) от возвышения до его подданства Китаю в 57 году пред Р. Х.; 3) от подданства до его разделения на Домы южный и северный, в 25 году по Р. Х.; 4) от возвышения южных хуннов до их падения, в 215 году.

I. ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДОМА ХУННОВ ДО ЕГО ВОЗВЫШЕНИЯ, В 209 ГОДУ ПРЕД Р. Х.

[*Шицзи, гл.* 110]

Предок хуннов[1] был потомок Дома Хя-хоу-шы,[2] по имени Шунь-вэй. Еще до времен государей Тхан и Юй[3] находились поколения *Шань-жун, Хяньюнь и* || *Хуньюй.*[4] Обитая за северными пределами Китая, переходят 2
со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков

[1] *Хунну* есть древнее народное имя монголов. Китайцы, при голосовом переложении сего слова на свой язык, употребили две буквы: *Хун* злый, *ну* невольник. Но монгольское слово *Хунну* есть собственное имя, и значения китайских букв не имеет.

[2] В *Хань-шу Инь-и*, замечания на историю Дома Хань, сказано: *Хун-ну Шы-Цзу*, что зн. родоначальник хуннов.

[3] *Тхан* есть государь Яо, *Юй* есть государь Шунь, прозванные так от уделов, вначале им данных. Первый вступил на престол империи в 2357, второй в 2255 году до Р. Х.

[4] *Цзинь Чжо* пишет: «во времена государя Яо назывались *Хунь-юй*», при династии Чжоу *Хяньюнь*, при династии Цинь *Хунну*; т. е. Хуньюй, Хяньюнь, и Хунну суть три разные названия одному и тому же народу, известному ныне под названием монголов.

и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отделенный участок земли. Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверков; а несколько подросши стреляет лисиц и зайцев, и употребляют их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотою, и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное их оружие есть лук с стрелами, короткое оружие сабля и копье.[1] При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают. Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками
3 после них. Молодых и крепких уважают; || устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований не имеют.[2]

Историческое пояснение. *Хя-хэ́у-шы*, есть историческое прозвание царей первой китайской династии Хя. *Хя-хэ́у* значит царь из дома Хя, *шы* значит прозвание; от слова в слово: по прозванию Хя-хэ́у. Цзе-кхой, последний государь из сей династии, умер в ссылке в 1764 году до Р. Х. Сын его *Шунь-вэй* в том же году со всем своим семейством и подданными ушел в северные степи, и принял образ кочевой жизни. Китайская история полагает сего князя праотцем владетельных Монгольских Домов.

При упадке закона[3] в Доме Хя, Гун-лю лишен был должности главного попечителя земледелия.[4] Он претворился в западного жуна, и построил городок Бинь. По прошествии слишком 300 лет Жун-ди стали нападать на

---

[1] Короткое копье с железною ручкою, по-кит. *Шянь*.

[2] В Истории *династии Хань* сказано: Шаньюй прозывается *Луань-ди*.

[3] Под законом *дао* разумеется порядок и благоустройство в государств. [енном] управлении.

[4] *Сюй Гуан* пишет: это праправнук князя Хэу-ги.

Большого Князя Шань-фу.[1] Шань-фу бежал к горе Цишань. Жители страны Бинь последовали за Шань-фу, и построили город, чем положили основание Дому Чжèу.

Историческое пояснение. После великого, известного по истории, наводнения в Китае, князь Ги, сотрудник князя Юй, за восстановление земледелия получил, в 2277 году до Р. Х., наследственную должность главного попечителя земледелия под названием *Хэу-ги*. Гун-лю, потомок его в десятом колене, лишенный сей должности, удалился в страну Бинь, где || поселившись в соседстве с Жун-ди, переменил оседлую жизнь на кочевую. Это случилось в 1797 году до Р. Х. Шань-фу, потомок его, теснимый теми же Жунами, из Бинь переселился к горе Ци-шань, в 1327 году до Р. Х. 4

Еще по прошествии около 200 лет Си-бо Чан воевал поколение Гуань-и, 1140.[2] После сего по прошествии 10 лет 1140
Вý-ван, низвергнув Чжеу-синь, основал город Ло-и; опять поселившись в Фы́н-хáо он прогнал Жун-и от Гин и Ло[3] на север. По временам Жун-и представляли дань под названием степной повинности, *хуан-фу*.

Историческое пояснение. *Си-бо Чан* от слова в слово: *западный управляющий Князь Чан*; это наместник западной половины Китайской империи и впоследствии основатель династии Чжèу. В. [великий] князь Вынь-ван. Вý-ван был сын его, получивший престол империи после династии Шан, в 1122 году до Р. Х. *Ган-му* [из Тунцзянь-ганму].

По прошествии 200 лет закон Дома Чжéу начал ослабевать. В. [Великий] князь Мý-ван ходил воевать поколение Гуаньжунов; получил от них четыре волка белых и четыре оленя белых и возвратился. С этого времени степные повинности прекратились. По прошествии около 200 лет после Му Ван, В. [Великий] князь из Дома Чжеу Ю-ван принял к себе наперстницу Бао-сы, и чрез то рассорился с князем Шень-хэ́у.[4] Шень-хэ́у рассердился и, соединившись с Гуань-жунами, напал на В. [Великого]

---

[1] *Сюй Гуан* пишет: потомок князя Гун-лю в девятом колене.

[2] *Шы гу* пишет: Си-бо Чан есть Вынь-ван, Гуань-и суть Гуань жуны; еще называются Гуань-и [в китайском написании разные иероглифы].

[3] Название двух рек. См. в Географ. указателе Ло-шуй и Гин-шуй.

[4] *Шень-хэу* кит. слова, знач. Шень-князь, т. е. князь удела Шень. В. [Беликий] князь был женат на его дочери, которую оставил для наперстницы Бáо-сы.

5 771 князя Ю-‖ван, и убил его у горы Ли-шань,[1] 771 г. Вследствие сего Гуань-жуны заняли страну Цзяо-ху, принадлежавшую Дому Чжеу, засели между реками Гин и Вэй-шуй, и продолжали утеснять Срединное царство. Сян-гун, князь удела Цинь,[2] подал помощь Дому
770 Чжэу; почему Пьхин-ван оставил, 770, Фын-хáо и переселился на восток в Ло-и. В сие время Сян-гун, прогнав Жунов до Ци-шань, впервые встал в ряду удельных князей.[3] По прошествии 65 лет Горные Жуны перешли через удел Янь, и произвели нападение на удел Ци. Хи-гун, князь удела Ци, имел сражение с ними под стенами
706 своей столицы, 706. Еще по прошествии 44 лет Горные Жуны произвели нападение на удел Янь. Князь сего удела просил помощи в уделе Ци. Хуань-гун, князь удела Ци, пошел на север против Горных Жунов. Горные Жуны ушли.

662 Историческое пополнение. В 662 году Жуны произвели набег на удел Хин: но глава Сейма князь Хуань-гун ускорил помощью. В 660 г. Жуны простерли набеги до Желтой реки, разорили удел Вэй, и самого князя убили. В 650 году они завоевали удел Вынь, которому В. [Великий] князь не подал помощи в свое время. В 644 году произвели набег на удел Цзинь, коего князь был главою Имперского союза. В 642 году, когда князь удела Ци был разбит соединенными войсками Имперского союза, Жуны приняли сторону князя, и в пользу его произвели нападение на удел Вэй. *Ганму* [из Тунцзянь-ганму].

6 ‖Еще по прошествии двадцати лет Жун-ди пришли к городуЛо-и,и напали на В.[Великого]князя Сян Ван.В.[Великий] князь бежал в Фань-и, городок удела Чжен. За год пред сим В. [Великий] князь Сян Ван, замышлял войну с
637 уделом Чжен, 637, почему женился на княжне из поколения Жун-ди, и соединившись с сим поколением воевал Чжен: но вскоре после сего выслал от себя в. [Великую] княгиню. Княгиня огорчилась. Мачеха В. [Великого] князя Сян-Ван, именуемая Хой-хэ́у, хотела возвести сына своего князя Дай: почему Хой-хэ́у, В. [Великая] княгиня из Дома Жун-ди и князь Дай приняли сторону Жун-ди в столице, и отворили ворота им. Сим образом

---

[1] *Вэй-шйо* пишет: после Жуны поселились при этой горе и потому были названы Ли-жун.

[2] *Сян* есть имя, *Гун* название княжеского достоинства, полученного им за отражение Жунов.

[3] Составлявших имперский Сейм, членами коего были только ближайшие родственники великокняжеского Дома и потомки древнейших китайских государей.

Жун-ди вошли в столицу, изгнали В. [Великого] князя Сян Ван, и князя Дай поставили Сыном Неба, 636. Вследствие сего Жун-ди засели в Лу-хунь,[1] на восток простерлись до удела Вэй,[2] грабили Срединное государство. Срединное государство страдало.[3] В. [Великий] князь Сян Ван, прожив четыре года вне своих владений, наконец отправил посланника просить помощи в уделе Цзинь. Вынь Гун, князь сего удела, только что по вступлении на престол начал домогаться первенства на Сейме. Собрав войско, он выгнал Жун-ди, казнил князя Дай, и ввел В. [Великого] князя Сян Ван в Ло-и. В это время уделы Цинь и Цзинь считались уже сильными государствами. Вынь Гун, князь удела Цзинь, прогнал Жун-ди, поселившихся в Хэ-си между рек Инь-шуй и Ло-шуй,[4] под названиями *Чи-ди* и *Бай-ди*. Му-гун,‖ князь удела Цинь, привлек к себе Ююй, и восемь владений западных жунов добровольно покорились Дому Цинь: по сей причине от Лун на запад находились поколения Гуньчжу, Гуань-жун, Ди-вань,[5] от гор Ци и Лян, от рек Гин-шуй и Ци-шуй на север находились жуны поколений *Икюй*, *Дали*, *Учжы*[6] и *Сюйянь*;[7] от удела Цзинь на север находились жуны поколений *Линьху* и *Лэуфань*;[8] от удела Янь на север находились поколения *Дун-ху* и *Шань-жун*.[9] Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться.

636

7

Шань-жун, в переводе Горные Жуны, есть название монгольского поколения, до второго века пред Р. Х., обитавшего на землях занимаемых ныне Аймаками Аохань, Наймань и Ко́рцинь. Сие же поколение называемо было *Бэй-жун*, северные Жуны. *Шань* гора, *Бэй*

---

[1] *Сюй Гуан* пишет: Лу-хунь еще назывался *Лу-и*, т. е. городок Лу.

[2] Вэй-хой-фу в губ. Хэ-нань.

[3] Здесь опущено пять стихов из Мао-шы, из коих видно, что Монголы были прогнаны от Желтой реки на север до Ордоса.

[4] *Сюй Гуан* пишет: Ин в Си-хэ, *Ло* протекает между Шангюнь и Пхын-юй.

[5] Сии три поколения обитали в областях Гун-чан-фу и Ланьчжеу-фу и принадлежат к смешанным монголо-тангутским поколениям.

[6] *Сюй Гуан* пишет: в Ань-дин.

[7] *Сюй Гуан* пишет: в Бэй-ди.

[8] *Линьху* и *Лэуфань* кочевали на землях от Ордоса на восток, столица Лэуфаньского князя находилась в городке, лежавшем в 40 с небольшим ли от города Дай-чжэ́у на восток.

[9] *Шы-гу* пишет, что поколения *Дун-ху* и *Шань-жун* суть предки Дома Ухуань, впоследствии сделавшегося известным под названием Сяньби.

север суть китайские слова. От них на запад до Чахара обитали Дун-ху, что значут восточные Ху. Древняя китайская история когда слова *Жун* и *Ху* придает к племенам, обитавшим на севере Китая, то разумеет одних монголов; а когда применяет сии названия к народам на западе Китая, то под словом *Жун* разумеет
8 Хухэнорских тангутов, а || под словом *Ху* разумеет племена тюркского и персидского семейства. Жун-и, Гуань-и и другие поколения, ниже приводимые, кочевали в нынешней китайской губернии Гàнь-су, и состояли из монголов, перемешавшихся с тангутами; почему в истории Тибета и Хухэнора сии же самые поколения признаются тангутскими. Но здесь, так как ниже и в других поколениях монголы составляли главную силу: почему история и причисляет их к составу монгольского народа. Самый побег их от Желтой реки на север к Ордосу обличает в них монголов: потому что в это время главные силы монголов находились в Ордосе и на восток от Ордоса. Тангутские поколения, напротив, поражаемые китайцами, всегда отступали к Хухэнору, как к средоточию сил их.

После сего еще по прошествии ста лет Дáо-гун, князь
569 удела Цзинь, заключил мир с поколением жун-ди, 569. Жун-ди явились к его Двору.

Еще по прошествии ста лет Сян Цзы, князь из удела Чжао, перешел Гэу-чжу и разбил войско удела Цзинь, овладел страною Дай, и сблизился с поколением Сумо; потом, соединившись с уделами Хань и Вэй, покорил удел Цзинь, и разделили земли сего удела между собою. По сему разделу удел Чжаó получил земли от Дай и Гэу-чжу на север, удел Вэй приобрел Си-хэ и Шан-гюнь, в смежности с жунами. После сего Икюйские жуны, для ограждения себя, построили города, которые удел Цинь исподволь покорил себе. Впоследствии Хой Ван, В. [Великий] князь удела Цинь, взял у Икюйцев 25 городов, потом воевал с уделом Вэй, и отторгнул у него Си-хэ и Шан-гюнь. В царствование Чжáо Ван, В. князя из Дома Цинь, владетель Икюйских жунов вступил в любовную связь с
9 вдовствующею великою княгинею Сюань || Тхай-хэ́у;[1] и беззаконно прижил с нею двух сыновей: но Сюань-тхай-хэ́у[2] коварно убила владетеля Икюйских жунов в дворце Гань-цюань: в след за сим отправлено войско в Икюй, и

---

[1] *Фу Цянь* пишет: с матерью В. [Великого] князя Чжáо Ван.

[2] *Сюань* есть посмертное наименование, *Тхай-хэ́у* вдовствующая государыня.

царство сие уничтожено. Сим образом Дом Цинь приобрел Лун-си, Бэй-ди и Шан-гюнь, и для ограждения себя от Ху построил Долгую стену. Ву-лин В. [Великий] князь из Дома Чжа́о, в 307 году ввел в своих владениях одеяние 307
кочевых ху, и начал обучать своих подданных конному стрелянию из лука. Он разбил на севере поколения: Линьху и Лэуфань, построил Долгую стену при подошве хребта Инь-шань от Дай и Бан до Гао-кюе и открыл области Юньчжун, Яй-мынь и Дайгюнь. После сего в царстве Я́нь явился искусный полководец Цинь Кхай, бывший заложником у ху. Ху возымели большую доверенность к нему. Цинь Кхай, по возвращении в отечество, внезапным нападением разбил дун-ху и распространил владения Дома Янь на 1000 ли. Цинь Вуян с Цин Кхэ заколовший В. [Великого] князя царства Цинь, был внук полководца Цинь Кхай. Дом Янь также построил Долгую стену, простиравшуюся от Цзао-Ян[1] до Сян-пьхин[2] и для защиты от ху открыл области: Шан-гу, Юй-ян, Ю-бэй-пьхин, Ляо-си и Ляо-дун. В сие самое время Китай разделился на семь взаимно враждебных царств, и три из них граничи‖ли с хуннами. *10*
Далее при жизни Ли Мо́у, полководца в царстве Чжа́о, хунны не смели вторгаться в пределы сего царства. Впоследствии, когда Дом Цинь покорил прочие шесть царств, Шы-Хуа̀н-ди отправил на север против ху полководца Мынтьхянь с 100 000 войска. Мын Тьхянь обратно завоевал Ордос, и положил Желтую реку границею; построил по берегу реки 44 уездных города, и населил их гарнизонами из преступников; провел прямую дорогу от Гююань до Юнь-ян; исправил в пограничных горах, где возможность дозволяла, отвесные ущелья от Линь-тха́о на северо-восток до Ляо-дун почти на 10 000 ли; 214. Наконец перешел 214
за Желтую реку, и занял Бэй-гя у гор Ян-шань.

Дегинева история о хуннах, тюрках и монголах и Клапротовы Записки об Азии от начала до конца наполнены превратными понятиями о древних народах монгольского племени: потому что ни Дегинь, ни Клапрот не читали китайской истории во всей ее обширности; почему и то, что читали без связи в целом, не все ясно и правильно понимать могли.

---

[1] *Хань Чжа́о* пишет: название места в Шан-Гу.

[2] Три звена древней Великой стены, основанные тремя царствами: Цинь, Чжа̀о и Янь задолго до построения Великой стены полководцем Мын Тьхань, простирались от юго-восточного угла Ордоса на восток до реки Ляо-хэ. Два западные звена лежали по южную сторону гор, окружающих Ордос, по направлению левого берега Желтой реки.

II. ОТ ВОЗВЫШЕНИЯ ДОМА ХУННОВ В 209 [ГОДУ] ДО ЕГО ПОДДАНСТВА КИТАЮ В 57 ГОДУ ПРЕД Р. Х. В ПРОДОЛЖЕНИЕ 152 ГОДОВ ВОСЕМЬ ХАНОВ

[*Шицзи 110*; *Цяньханьшу, гл. 94*^{a}]

В сие время Дом Дун-ху был в силе. Дом Юечжы в цветущем состоянии. У хуннов Шаньюй[1] назывался Тумань.[2] Тумань не мог устоять против Дома Цинь[3] и переселился
11 на север. По прошествии ‖ десяти лет Мын Тьхянь умер; удельные князья восстали против Дома Цинь. Срединное царство пришло в смятение, и гарнизоны из преступников, поставленные Домом Цинь по границе, все разошлись. После сего хунны почувствовали льготу; мало по малу опять перешли на южную сторону Желтой реки, и вступили в прежние межи с Срединным царством. Шаньюй имел наследника, по имени Модэ;[4] после от любимой Яньчжы родился ему меньшой сын; Шаньюй хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжы заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжы, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжы. Юечжы хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него, и ускакал домой. Тумань счел его удальцом, и отделил ему в управление 10 000 конницы.[5] Модэ сделал свистунку[6] и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову; кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно нестрелявшим в аргамака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись, и не смели стре-
12 лять. Модэ и сим отрубил головы. Еще по про‖шествии

---

[1] В *Ханъ-шу Инь-и* сказано: *Шаньюй* значит величайший, на кит. *Сян-тьхань*.

[2] *Томань* близко к монгольскому слову *Тумынь* 10 000 с калмыцкого произношения *Тюмень*.

[3] Из сего места ясно видно, что Дом Хунну в южной Монголии владел пространством земель от Калгана к западу включительно с Ордосом, а в северной Монголии принадлежали ему Халкаские земли к западу.

[4] В тексте *Мао-дунь*. *Лю Бо-чжуан* пишет: Маодунь выговаривается *Мо-дэ*. *Ган-му* 201 год до Р. Х.— Модэ близко к монгольскому слову *Модо*, лес.

[5] Т. е. дал ему в удел 10 т. юрт, или семейств.

[6] *Хань Чжао* пишет: свистункою называется стрела, на полете производящая свист.

некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в Шаньюева аргамака. Приближенные все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем.[1]

I. Шаньюй Модэ. В то время, как Модэ вступил на престол, [дом] Дун-ху был в силе и цветущем состоянии. Получив известие, что Модэ убил отца и вступил на престол, Дун-ху отправил к нему посланца сказать, что он желает получить тысячелийного коня,[2] оставшегося после Туманя. Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелийный конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать. К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелийного коня. По прошествии некоторого времени Дун-ху полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек; требует Яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них? И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к *13* Дун-ху. Владетель в Дун-ху еще более возгордился. В хуннуских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1 000 ли необитаемая.[3] На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам,[4] не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем, советовавшим

---

[1] *Сюй-гуан* пишет: это случилось в 1-е лето Эр-ши (т. е. второго колена, в 209 году до Р. Х.).

[2] На кит. *Цянь-ли-ма*, что знач. тысячелийный конь, т. е. могущий пробегать по 1000 ли в день.

[3] Песчаная степь в Монголии от Калгана на юго-запад.

[4] *Фу-кянь* пишет: караульные посты суть землянки для караулов.

отдать землю отрубил головы. Модэ сел верхом на лошадь и отдал приказ — отрубить голову каждому, кто отстанет. После сего он пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху. Дун-ху прежде пренебрегал Модэ и потому не имел предосторожности. Модэ, прибыв с своими войсками, одержал совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом. По возвращении он ударил на западе на Юечжы и прогнал его, на юге покорил Ордосских владетелей Лэуфань и Байян, и произвел поиски на Янь и Дай; обратно взял все земли, отнятые у хуннов полководцем Мын Тьхянь, и вступил с Домом Хань в границы в Ордосе, при Чао-на и Лу-ши;[1] после сего снова произвел поиски на Янь и Дай. — В сие время войска Дома Хань были в борьбе с
14 Хян-юй;[2] Срединное царство изнемогло под || тяжестью войны; и это обстоятельство дало Модэ возможность усилиться. Он имел под собою более 300 т. войска. — От Шунь-вэй до Туманя — в продолжение слишком тысячи лет — Дом Хуннов то возвышался, то упадал, то делился, то разсевался: и посему порядок прежнего преемственного наследования у них невозможно определить. При Модэ Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору; почему названия наследственных государственных чинов можно еще описать. Установлены были: 1) Восточный и Западный Чжуки — князь;[3] 2) Восточный и Западный Лули — князь;[4] 3) Восточный и Западный великий предводитель;[5] 4) Восточный и Западный великий Дуюй;[6] 5) Восточный и Западный великий Данху;[7] 6) Восточный и Западный Гуду-хэу́.[8] У хуннов муд-

---

[1] *Сюй Гуан* пишет: в Шан-гюнь.

[2] *Хян-юй*, он же *Хан-цзи*, соперник полководца Лю Бань, основателя династии Хань, родился в губ. Гян-су в области Хуай-ань-фу. Он ростом был восьми футов и обладал необыкновенною силою.

[3] На кит. *Хянь-ван*. Хотя здесь слова *Восточный* и *Западный* заимствованы от стран света, но вместе с тем содержат в себе смысл слов *Старший* и *Младший*. И в Монголии, так как в Китае, левая сторона считается старшею. [Левая или восточная сторона. Восточной стороной считается левая, потому что кочевник садится на юг, в какую сторону обращен и вход в юрту; у китайцев ныне почетной стороной считается южная, но в древности восточная, и китайцы садились лицом на восток.]

[4] *Лули* монг. слово, значение неизвестно.

[5] На кит. *Да-гян*.

[6] На кит. *Да-дуюй*.

[7] Значение слова *Данху* неизвестно.

[8] *Гуду* суть вельможи не из Шаньюева рода. П. И.

рый называется *Чжуки*; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем. От Восточного и Западного Чжуки-князей до Данху, высшие имеют по 10 т., а низшие по нескольку тысяч конницы. Всего двадцать четыре старейшины, которые носят общее название темников.[1] Вельможи вообще суть наследствен||ные сановники. Хуянь, Лань[2] и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома. Князья и предводители Восточной стороны занимают Восточную сторону против Шан-гу и далее на восток до Су-мо и Чао-сянь; князья и предводители Западной стороны занимают западную сторону против Шан-гюнь и далее на запад до Юечжы, Ди и Кянов. Шаньюева орда находилась прямо против Дай и Юнь-чжун.[3] Каждый имел отдельную полосу земли, и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Восточный и Западный Чжуки-князья, Восточный и Западный Лули-князья считались самыми сильными владетелями. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении.[4] Каждый из 24 старейшин — для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкюев.[5] В первой луне нового года старейшины не в большом числе съезжаются в храм при Шаньюевой орде.[6] В пятой луне все собираются || в Лун-чен, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам. Осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются

15

16

---

[1] На кит. *Вань-ки*, что зн[ачит] 10 000 конницы.

[2] *Хуянь* и *Сюйбу* всегда были в брачном родстве с Шаньюем. Сюйбу имел должность государственного Судьи. П. И. Обычай брать для Хана девиц постоянно из одних домов сохраняем был и в Чингис-хановом доме. П. И.

[3] Монголия от востока к западу разделена была на три части. Впоследствии сие политическое разделение Монголии долго соблюдалось.

[4] Из сего разделения явствует, что члены Хуннуского царствующего Дома не имели родовых, т. е. отделенных в потомственное владение, уделов, а уделы давались каждому с должностью, соответствующею степени его родства с царствующим Домом: по смерти же удел переходил к тому, кому по степени родства получить должность следовало.

[5] И ныне Монгольские князья имеют такое же право поставлять чиновников у себя, исключая Тосалакчи, которых император утверждает.

[6] *Орда* есть монгольское слово *Ордо*, значит местопребывание, ставка Хана. Китайцы на своем языке выражают словами *Ван-тьхин*, что значит местопребывание владетеля. Мы приняли употребление слова *Ордо*, для отличения кочевой столицы от столиц оседлых владений; в Европе, напротив, под словом *Ордо* разумеют кочевой народ.

обходить лес, причем производят поверку людей и скота. Законы их: извлекшему острое оружие и фут[1] — смерть: за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные — смерть. Суд более десяти дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек. Шаньюй утром выходит из лагеря покланяться восходящему солнцу, ввечеру покланяться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу. Дни уважаются первые в месяце под названиями *Сюй* и *Сы*, в первый раз в месяце встретившиеся под сими буквами. Покойников[2] хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от ста до нескольких сот человек.[3] Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают. Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу.
17 Пленные и мужчины и женщины поступают в неволю;[4] и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью. Искусно заманивают неприятеля, чтоб обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеваются. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его. Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин,[5] Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и
201 признавали его мудрым.[6] В сие время, 201, Дом Хань только что утвердил спокойствие в Срединном государстве, и перевел князя Ха́нь Синь в Дай с пребыванием в Ма́-и. Хунны в больших силах осадили Ма́-и, и князь Ха́нь Синь

---

[1] Футом называется военное железное орудие, имеющее вид палки, длиною около $1^1/_2$ фута и короче.

[2] Здесь описываются похороны Хана.

[3] В древности это был общий обычай в восточной Азии — для пышности похорон; а в Китае и ныне изредка случается, но только при провожании князей императорского Дома.

[4] Сей обычай и доныне удержан в законах Китая, Маньчжурии и Монголии.

[5] Хуннуское поколение *Динлин* занимало земли от Енисея на восток до Байкала, по левую сторону Ангары.

[6] Кит. слово *Хянь*, мудрый, заключает в себе значение слов: способнейший, образованнейший и добродетельнейший.

покорился им.[1] Хунны, получив Хань Синь потянулись с войском на юг; перешед через хребет Гэучжу, они осадили Тхай-юань, и подошли к Цзинь-ян. Гáо-ди сам повел войско против них, 200. Зимою случились сильные морозы 200
и снега. Около трети из ратников отмо||розили пальцы 18
у рук.[2] Почему Модэ притворился побежденным, и, отступая, заманивал гнавшееся за ним китайское войско. Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему все китайское войско, состоявшее из 320 т. наиболее пехоты, устремилось за ним. Гáо-ди прежде других прибыл в Пьхин-чен; а пехота еще не вся пришла. Модэ с 400 т. отборной конницы окружил Гáо-ди в Бай-дын.[3] В продолжение семи дней китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей. Гáо-ди отправил лазутчиков подкупить Яньчжы. Яньчжы сказала Модэ: два государя не должны стеснять друг друга. Ныне ты, приобрев земли Дома Хань, не можешь жить на них; сверх сего государь Дома Хань есть человек умный.[4] Обдумай это, Шаньюй. Модэ назначил время, в которое Ван Хуан и Чжáо Ли, предводители князя Хань Синь, должны были придти к нему, и не пришли: почему начал подозревать, что они вступили в договор с Домом Хань; сверх сего принял в соображение слова своей Яньчжы. И так он открыл в одном углу проход: Гáо-ди отдал своим войскам приказ — с натянутыми в стороны луками идти прямо чрез открытый угол, и сим образом соединился с главными силами. Модэ пошел в обратный путь. Гáо-ди также прекратил войну и отправил Лю Гин заключить договор, основанный на *мире* и *родстве*.[5]

---

[1] Т. е. вступил в подданство хуннов. У китайцев наши слова: *сдался*, *покорился*, *поддался* имеют одно значение: ибо сдача города и покорность народа без подданства или зависимости не допускаются. Китайская история наполнена примерами самоубийств при потере сражения или города, и этот обычай и ныне вполне соблюдается. В минувшую войну с Англиею и гражданские и военные высшие чиновники — после потери города — со всем семейством добровольно предавали себя смерти.

[2] В подлиннике 2/10 или 3/10.

[3] *Шы-гу* пишет: Бай-дын лежит в 10-ти ли от Пьхин-чен на юго-восток.

[4] В подлиннике: Шень, что знач. гениальный.

[5] Договор, основанный на *мире* и *родстве*, по кит. *Хо-цинь*, состоял в том, что китайский Двор, выдавая царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров.

19 ‖ *Гáо-ди*, он же *Гáо-хуан-ди* и *Гáо-цзу*, основатель династии Хань, прозывался *Лю*, по имени *Бан*, по проименованию *Цзи*. Родился в нынешней губернии Гя́н-су в области Сюй-чжеу-фу. Он имел орлиный нос, широкий лоб, был прост и одарен обширным соображением.

Впоследствии князь Хàнь Синь, занявший место полководца у хуннов, Чжáо Ли и Ван Хуан несколько раз нарушали договор, опустошали области Дай и Юнь-чжун. Спустя несколько времени Чень Хи,[1] подняв бунт и соединившись с Хань Синь, умышлял произвести нападение на Дай. Китайский Двор выставил войско под предводительством полководца Фань Кхуай, который обратно взял Дай, Яй-мынь и Юнь-чжун; но не выступал за границу. В сие время военачальники Дома Хань один за другим передавались хуннам; почему Модэ часто приходил грабить страну Дай, и это беспокоило Дом Хань.

В это время Лю Гин подал следующий голос: спокойствие в Империи только что восстановлено; войска изнурены войною, и оружием подчинить хуннов невозможно. Модэ убил отца, женился на мачихе, и силою наводит страх; убедить его милостью и справедливостью невозможно; а можно упрочить это дело хитростью, и даже потомков его сделать вассалами. Если выдать за него старшую царевну, то он непременно полюбит ее и возведет в
20 Яньчжы; сын от нее непремен‖но будет наследником престола. По временам года будем посылать наведываться и внушать им правила благоприличия. Модэ при жизни своей будет сыном и зятем, а по смерти его Шаньюем будет внук по дочери. Сим образом без войны можно покорить их. Хорошо, сказал император и хотел отправить старшую царевну; но Люй-хэ́у воспротивилась. И так дочь придворного вельможи выдали за Шаньюя с титулом царевны. Лю Гин послан для заключения договора о мире и родстве. *Ган-му 198 год.*

198 Гáо-ди отправил, 198, Лю Гин препроводить княжну своего Дома с названием царевны в Яньчжы Шаньюю с ежегодным определенным количеством шелковых тканей, хлопчатки, вина, риса и разных съестных вещей, и постановить в договоре считаться братьями,[2] на основании мира и родства. Это несколько приостановило Модэ.

[1] *Чень-хи* был заслуженный военачальник, определенный приставом, т. е. надзирателем войск в уделах Чжáо и Дай. По *Ган-му* он замыслил бунт в 197, а в 195 году разбит и предан казни.

[2] Т. е. равными.

Впоследствии Лу Гуань, владетель княжества Янь, взбунтовался и с несколькими тысячами своих сообщников, поддавшись хуннам, начал обеспокоивать земли от Шангу на восток, 195. Наконец, Гао-цзу преставился, 195. 195
В царствование императрицы Хяо-хой Люй Тхай-хэу[1] Дом Хань только что утвердился: почему хунны гордились, и Модэ послал к императрице Гáо-хэу письмо, 192, напи- 192
санное в дерзких выражениях.

Модэ отправил посланника к Гáо-хэу с письмом следующего содержания: «сирый и дряхлый государь, рожденный посреди болот, возросший в степях между 21
лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего неимею».[2] Гáо-хэу пришла в сильный гнев, и позвала к себе министров; она полагала казнить посланника и объявить войну хуннам. Дайте мне сто тысяч войска, сказал Фань Кхуай, и я вдоль и поперек пройду земли хуннов. Но Ги-бу сказал на это: надобно отрубить голову Фань Кхуай. Когда Чень-хи возбунтовался в Дай, тогда китайское войско состояло из 320 000 и Фань Кхуай был верховным предводителем. В то время хунны окружили Гáо-ди в Пьхин-чен и Фань Кхуай не в силах был избавить его. В Империи в песнях пели: под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука. Ныне отголосок этой песни еще слышен; раненые только начинают приподниматься, а Фань Кхуай хочет снова потрясти Империю. Сверх сего кочевые иноземцы подобны птицам и зверям;[3] их добрыми словами не следует восхищаться; их обидными словами не следует огорчаться. Хорошо, сказала Гао-хэу, и приказала Чжан Цзэ написать следующий ответ: Шаньюй не забыл ветхой столицы[4] и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх, и, вычисляя дни, заботится о себе.

---

[1] Вдовствующая супруга основателя династии Хань; она же *Гао-хэу*. *Хяо-хой*, отцепочтительная и милостивая, есть почетное наименование, данное ей по смерти, *Люй* есть родовое ее прозвание, *Хэу* императрица, *Гао* высокий, есть почетное ее наименование по супругу.

[2] Т. е. хотел по монгольскому обычаю взять ее за себя со всем китайским государством.

[3] Т. е. бессмысленным животным.

[4] Т. е. меня. В сем месте удержан слог китайской дипломации.

Она состарелась, силы ослабели; волосы линяют, зубы выпадают; в ходу теряет размер в шагах. Шаньюй ослышался, а этим нельзя запятнать себя. Ветхая сто-
22 лица не сделала преступ‖ления; надлежит оказать ей снисхождение. Имею представить тебе две царские колесницы и две четверни лошадей. Модэ по получении письма еще отправил посланника принесть благодарность и сказать, что он еще не имел случая видеть вежливость Срединного государства. К счастию государыня извинила его. (Заимствовано из истории старшей династии Хань).

Га́о-хэ́у думала объявить ему войну, но полководцы сказали ей, что покойный Га́о-ди был умный государь и воин, но и он стеснен был под городом Пьхин-чен. И так Га́о-хэ́у удержалась, и подтвердила мир и родство с хун-
179 нами. Хя́о Вы́нь-ди, по вступлении на престол, 179, опять подтвердил договор о мире и родстве, но в пятой луне
177 третьего лета, 177, хуннуский западный Чжуки-князь перевел свои кочевья в Ордос, и начал разорять границу в области Шан-гюнь; инородцы убивали и в плен уводили жителей. Почему Хя́о-Вынь-ди указал министру Гуань Ин с 85 000 конницы и колесниц идти в Гао-ну против западного Чжуки-князя, но западный Чжуки-князь ушел за границу. Вы́нь-ди предпринял путешествие в Тхай-юань; но в это самое время Цзи-бэй Ван взбунтовался.[1] Вынь-ди возвратился и отозвал войска, посланные на хуннов.
176 В следующий год, 176, Шаньюй прислал китайскому Двору письмо[2] следующего содержания: «поставленный небом хуннуский Великий Шаньюй почтительно вопрошает[3] Хуан-ди [император (китайский)] о здравии. В прошлое
23 время Хуан-ди писал о мире и родстве. Де‖ло сие, к взаимному удовольствию, кончено согласно с содержанием письма. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжуки-князя, и он без представления (ко мне) по совету Илу-хэу Наньчжы и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственною державою. Получено от Хуанди два письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не возвратил-

[1] *Цзи-бэй* есть титул: значит помогавший на севере. Его прозвание *Хин*, имя *Гюй*. Он поднял бунт в 177 году. *Ган-му*.

[2] Монголы не имели письма, а писцами при Хане служили пленные китайцы.

[3] Т. е. желает здравия.

ся, и это было причиною взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников,[1] то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе; они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений.[2] Жители сих владений поступили в ряды Хуннуских войск, и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетные растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Но как еще не получено мнение Хуáн-ди, || то отправляя Лан-чжун[3] *24*
Сидуцяня с письмом, осмеливаюсь с ним представить одного верблюда, двух верховых лошадей и две четверни. Если не угодно Хуàн-ди, чтоб хунны приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границы».[4] Посланный по прибытии тотчас был обратно отправлен и в шестой луне приехал в Чайвань.[5] По получении сего письма при китайском Дворе держали совет: что выгоднее, война или мир и родство? Государственные чины были того мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим Юечжы, трудно воевать; сверх того, земли хуннов, состоящие из озер и солончаков, неудобны для оседлой жизни, почему считали выгоднее держаться мира и родства. Хя̀о Вы́нь-ди согласился на их мнение, и в шестое лето, переднего счисления,[6]
174, отправил к хуннам письмо следующего содержания: **174**
«Хуан-ди почтительно вопрошает хуннуского великого Шаньюя о здравии. В письме доставленном мне Ланчжун Сидуцянем сказано: Западный Чжуки-князь без

---

[1] Здесь под низшими чиновниками разумеются подданные.

[2] Это говорится о завоевании В. Тюркистана и Ср. Азии на запад до Каспийского моря, что происходило в продолжение 177 года пред Р. Х.

[3] Название китайского чина.

[4] Сия грамота и нижеследующий ответ писаны по китайской дипломатике, т. е. вместо второго употреблено третье лицо единственного числа.— *Хуан-ди*.

[5] Название пограничного урочища.

[6] Вы́нь-ди вступил на престол в 179 году, а в 163 году опять начал считать время своего царствования с первого года. Посему первая половина царствования названа *передним*, Цянь-юань, а вторая *последующим счислением*, Хэ̀у-юань.

дозволения, а по совету Илу-хэ́у Наньчжы нарушил договор, заключенный между двумя государями, прервал братское согласие между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственною державою. Но
25 как нарушение договора по||следовало от низших чиновников, то Западный Чжуки-князь в наказание послан был на Запад на Юечжы, и он покорил сие владение. Теперь желательно прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее, и подтвердить прежний договор, чтоб доставить пограничным жителям спокойствие; пусть малолетные растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Я очень одобряю это: ибо так мыслили древние святые государи. Дом Хань договорился с Домом хуннов быть братьями, и потому посылает Шаньюю чрезвычайное количество даров. Нарушение договора и разрыв братского согласия всегда происходили со стороны хуннов. Впрочем, как дело Западного Чжуки-князя уже покрыто прощением, то прошу Шаньюя не простирать гнева далее; и если Шаньюй желает поступать согласно с содержанием письма, то пусть объявит своим чиновникам не нарушать договора, а действовать согласно с письмом Шаньюя. Посланный сказывал, что Шаньюй лично предводительствовал в Западной войне и переносил великие трудности. Почему посылаю надеваемый[1] вышитый кафтан на подкладке, длинный парчевой кафтан, золотой венчик для волос, пояс золотом оправленный и носороговую пряжку к поясу золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки, и 40 кусков щелковых тканей, темномалинового и зеленого цвета.[2] Отправляю сановника для личного представления». Вскоре после
б 174 этого Модэ умер, 174. Сын || его Гиюй поставлен под наименованием Лаошан[3] Шаньюя.

Историческое примечание. Модэ известен в азиятских историях под громким именем *Огуз-хана*, сына Караханова. Хондемир пишет, что Карахан, кочевавший на Каракуме,[4] узнав, что сын его

---

[1] Т. е. лично им носимый.

[2] И ныне любимые монголами цвета.

[3] *Сюй Гуан* пишет: Гиюй был *вторый Шаньюй*. Впоследствии все идут по числительному порядку.

[4] Под Хангаем по левую сторону Орхона, где и Чингис-хан утвердил свое местопребывание. Здесь же и хунны имели главное пребывание, по переселении с юга на север, что видно из походов китайцев на Ханскую орду. Вероятно, что *Каракум* и *Харахоринь* суть два названия одному и тому же урочищу: первое

поклоняется богу по новой вере, пошел на него войною, с намерением убить его: но правоверная жена Огуз-Ханова немедленно известила его о том. Карахан погиб в сражении; а Огуз-хан приняв престол по нем, и в течение 73 лет своего царствования покорил весь Тюркистан. — Абюль-кази-Хан, в своей истории о Тюркских племенах, также представляет Огуз-хана образцом правоверия. Он пишет, что Кара-хан, отец Огуз-ханов, предпринял убить сына своего за введение новой веры, и в то время, когда Огуз Хан был на охоте, пошел на него с многочисленным войском, но не смотря на то проиграл сражение, и на побеге умер от раны стрелою. Огуз-хан, объявив себя ханом, во—первых, пошел войною на Татар-хана [Дунху], который кочевал близ границы Китая и победил его; потом покорил Китайскую Империю, город Чжурчжут и Тангутское царство; после сего завоевал все владения, лежащие от Монголии на юг до Индии, на запад до Каспийского моря.— Не смотря на несходство собствен||ных имен, *27*
исторический очерк Модэ Шаньюя под именем Огуз-хана и порядок главных событий во времени довольно верны, особенно у Абюль-кази-Хана. И по китайской истории Модэ покорил восточных монголов; после сего подчинил себе Китай и Тангут, и потом покорил весь Тюркистан от Хами до Каспийского моря.

II. Лаошан-Гиюй-Шаньюй. По вступлении Лаошан-Гиюй-Шаньюя на престол Хя̀о Вы̀нь Хуа́н-ди еще отправил в Яньчжы Шаньюю княжну из своего рода с титулом царевны, а для препровождения ее назначен евнух Чжунхин Юе, уроженец страны Янь. Юе не хотелось отправиться, но император силою послал его. Юе сказал: я поеду непременно на беду Дому Хань. Юе по прибытии тотчас передался на сторону Шаньюя, и Шаньюй весьма полюбил его. Прежде хунны любили китайские шелковые ткани, хлопчатку, разные снедные вещи. Юе говорил Шаньюю: численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные, и не зависят в этом от Китая. Ныне, Шаньюй, ты изменяешь обычаи, и любишь китайские вещи. Если Китай употребит только $^1/_{10}$ своих вещей, то до единого хунна будут на стороне Дома

есть название тюрское, и зн. черные пески; второе есть монгольское, и зн. 20 черных. От последнего и столица Чингис-Ханова называлась Хара-хорынь

Хань.[1] Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его, и тем показывайте, что вы
28 сыр и молоко предпочитаете им. После сего || Юе научил Шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество. Китайский Двор писал грамоты к Шаньюю на дщице $1\,^{1}/_{10}$ фута длиною. Грамота начиналась словами: *Хуан-ди почтительно вопрошает Хуннуского Великого Шаньюя о здравии.* Отправленные вещи и пр. и пр. Чжун-хин Юе научил Шаньюя писать грамоты к китайскому Двору на дщице в $1^{2}/_{10}$ фута длиною, печать и оболочку употреблять в большом размере, а грамоту начинать словами: *Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною, Хуннуский Великий Шаньюй почтительно вопрошает Китайского Хуан-ди о здравии. Посланные вещи и пр. и пр.* Хунны, сказал Юе, обыкновенно питаются мясом скота, пьют его молоко, одеваются его кожами, скот питается травою, пьет воду; смотря по временам переходят с места на место; и посему в скудное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся. Законы их легки и удобоисполнимы. Государь с чинами просто обращается, и управляет целым государством как одним человеком. По смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтоб не пресекся род; и посему хотя есть кровосмешение у хуннов, но роды не прекращаются. Ныне в Срединном государстве хотя постановлено по смерти отцов и братьев не брать жен их за себя, но родственники столь далеки между собою, что нередко убивают друг друга и даже переменяют родовые прозвания, и все это отсюда происходит. Сверх того, излишество церемониальных обрядов производит взаимное неудовольствие между высшими и низшими; при множестве
29 общественных работ исто||щаются силы народа.[2] Народ упражняется в земледелии и шелководстве, чтобы снискивать одеяние и пищу; строит города, чтобы обезо-

---

[1] *Вэй-Шао* пишет: зн. что если десятая часть китайских вещей поступит в земли хуннов, то хунны передадутся Дому Хань.

[2] *Шы-гу* пишет: при недостатке искренности и верности верх берут церемониальные учтивости; а это, наконец, производит взаимное неудовольствие и ненависть. При общественных работах потребно множество материалов, что тягостно для народа и потому силы истощаются. (Заимствовано из истории Старшей династии Хань).

пасить себя, почему при неурожае он не имеет времени заниматься воинскими упражнениями; при урожае заботится о своем состоянии. К чему же служит образованность? После сего, когда китайские посланники хотели рассуждать, Юе говорил им: Г. посланник! не нужно много говорить: посмотри лучше, чтобы шелковые и бумажные ткани, равно снедные вещи, от китайского Двора представленные, были в полном количестве, притом добротные и лучшие. К чему много говорить? Если представляемое без недостатка и добротно, то и довольно; а если недостаточно, и притом худого качества, то в наступающую осень пошлем конницу потоптать хлеб на корню. Так Юе денно и ночно внушал Шаньюю выжидать худых обстоятельств. В четырнадцатое лето царствования Хя̀о-Вынь Хуа̀н-ди, 166, 166
хуннуский Шаньюй со 140 т. конницы вступил в Чао-на и Сяо-гуань, убил в Бэй-ди военачальника Цюн,[1] захватил великое множество народа, скота и имущества; после сего, подошед к Пхын-ян,[2] послал отряд конницы сожечь дворец Хой чжун-гун. Конные разъезды приближались к Гань-цю-ань.[3] По сей причине Вынь-ди для предупреждения нападения от хуннов, собрал под Чан-ань 1 000 30
колесниц и 100 000 конницы и три корпуса в областях Шан-гюнь, Бэй-ди, Лун-си. Таким образом двинулось большое войско из колесниц и конницы для нападения на хуннов. Шаньюй пробыл в пределах Китая около месяца, и пошел обратно. Китайцы выгнали его за границу, и возвратились, но ни одного Хунна убить не могли. Хунны день ото дня гордее становились и ежегодно производили вторжения в границы. Они побили множество жителей, разграбили имущество и скот, особенно в Юньчжун и Ляо-дун; до 10 000 человек приходило в Дайгюнь. Китайский двор беспокоился, и отправил к хуннам посланца с письмом. Шаньюй также послал Данху с благодарным ответом, и снова предложил о мире и родстве. Хя̀о Вынь-ди во второе лето последующего счисления,[4] 162, отправил к хуннам посланника с письмом сле- 162
дующего содержания: «Хуа̀н-ди почтительно вопрошает Хуннуского великого Шаньюя о здравии. Посланных с Данху-Цзюй-кюй Дя̀о Кюйнань и Лан-чжун Хань Ля̀о двух лошадей, я с глубочайшим почтением принял. В силу

---

[1] *Сюй Гуан* пишет: по прозванию *Сунь*; сын его *Дань* получил княж[еское] достоинство Бин-хэу.

[2] *Сюй Гуан* пишет: в Ань-дин.

[3] В 36-ти верстах от столицы.

[4] См. выше 174 год. В *Ганму* 163.

постановлений[1] покойных государей кочевые владения, лежащие от Долгой стены на север, должны принимать повеления от Шаньюя; обитающими внутри Долгой стены шляпопоясными я управляю, и пекусь, чтоб миллионы народа пропитывались земледелием, ткачеством и звериным промыслом; отцы не разлучались бы с сыновьями. Ныне слышу, что неблагонамеренные из народа, увлекаемые видами корысти, нарушают справедливость, разрывают договор, играют судьбою миллионов народа,
31 поселяют вражду || между двумя государями. Впрочем все это относится к прошедшим делам. В письме[2] сказано: по заключении мира и родства между двумя государствами, государи предадутся радости; прекратят войну, дадут льготу ратникам, отдых коням; из рода в род будут веселиться, как будто начали новую жизнь. Я очень одобряю это. Благоразумные мужи ежедневно обновлялись, и пеклись о доставлении новой жизни, чтоб старики были покойны, малолетные росли, каждый, охраняя жизнь свою, достигал бы конца лет, Небом ему определенных. Сим путем я и Шаньюй шествовать должны. Если соответствуя воле Неба пещись о подданных, и это из рода в род будет продолжаться в бесконечные веки, то все в поднебесной будут счастливы. Хань и Хунну суть два смежные и равные государства. Хунну лежит в северной стране, где убийственные морозы рано наступают; почему указано чиновникам посылать ежегодно известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей. Ныне глубокая тишина царствует в поднебесной, миллионы народа наслаждаются миром. Я и Шаньюй почитаемся отцами своих подданных. Представляя в уме минувшие события, полагаю, что маловажные вещи и мелочные дела, ошибки в соображениях министров не достаточны возмутить братское согласие. Известно, что и небо не все покрывает, и земля не все содержит. Я и Шаньюй также должны оставить прошедшие мелочи, и, шествуя по великому[3] пути, забыть минувшие неудовольствия, чтоб упрочить будущее. Пусть народы двух
32 государств составят || одно семейство. Цари и народы, плавающие в воде и пернатые в воздухе, ходящие[4] и пресмыкающиеся все ищут спокойствия и пользы, уклоняются от опасностей и вреда: и посему не задерживать идущее[5]

[1] Т. е. статья мирного договора с хуннами.
[2] В Ханской грамоте [Шаньюя].
[3] Поступая по великому закону.
[4] Т. е. животные.
[5] Не пресекать жизнь насильственно.

есть закон Неба. Предав забвению прошедшее, я простил своих подданных, бежавших к вам. Шаньюй также не должен упоминать о Чжанни и прочих. Известно, что древние государи, постановив статьи договора, не нарушали данного слова. Шаньюй должен обратить внимание на поднебесную. По восстановлении всеобщей тишины и купно мира и родства Дом Хань не упредит нарушением. Представляю это рассмотрению Шаньюя. Как скоро Шаньюй условился о мире и родстве, то я указал Юйшы написать: Хуннуский Великий Шаньюй в доставленном мне письме уже утвердил мир и родство. Беглецы не могут умножить населенности земли. Пусть хунны не входят в границы, а китайцы не выходят за границу. Нарушителей сего постановления предавать смертной казни. Сим средством можно упрочить сближение. О чем для всеобщего сведения обнародовать по империи». В третье лето, 161,[1] Лаошан Гиюй Шаньюй умер. Сын его Гюньчень 161
поставлен Шаньюем.

III. Гюньчень Шаньюй. Как скоро поставлен Гюньчень Шаньюй,[2] то Хя́о Вы́нь Хуа́н-ди снова подтвердил мир и родство. На четвертом году по вступлении Гюньчень Шаньюя на престол, 158, хунны опять прервали мир и 158
родство, и вторглись в области Шан-‖гюнь и Юнь-чжун, *33*
в каждую в 30 000-х конницы. Они произвели большое убийство и грабительство и ушли. Вследствие сего набега китайский Двор назначил трех полководцев; армия расположена была в Бэй-ди, в Дай при Гэ́у-чжу, в Чжа́о при Фэй-ху-кхэ́у; по границе, для предосторожности от хуннуских набегов, также поставлены охранные войска. Еще поставлены были три полководца: от Чан-ань на западе в Си-лю, в Ги-мынь по северную сторону реки Вэй и в Ба́шан. Когда хуннуская конница, вторгну́вшаяся в Дай, вступила в горы Гэу-чжу, то пограничные вестовые огни уже дошли до Гань-цюань и Чан-ань. Чрез несколько месяцев пришли к границе китайские войска, но хунны уже были далеко от границы. Китайские войска также обратно пошли. Чрез год с небольшим, 157, Хя́о-вынь 157
преставился, и Хя́о-Цзи́н-ди вступил на престол, 156. 156
В след за сим князь удела Чжао тайно отправил посланника к хуннам. Князья в уделах Ву и Чу взбунтовались и умышляли, соединившись с Чжа́о, вступить в границу, 154; но князь в Чжа́о был окружен китайскими войсками 154

---

[1] Последующего счисления. (См. выше 174 год).

[2] *Сюй Гуан* пишет: поставлен во второе лето последующего счисления, 162.

и разбит, что и хуннов остановило. После сего Хя̀о Цзин-ди снова подтвердил мир и родство с хуннами, открыл пограничный торг, послал дары хуннам, и в силу
152 прежнего договора отправил царевну, 152. В царствование Хя̀о Цзи́н-ди часто случались небольшие грабежи, но больших нашествий не было. Ныне Император[1] по вступ-
140 лении на престол, 140, подтвердил договор о мире и родстве,
34 послал значительные дары и открыл || пограничный торг. Хунны, начиная с Шаньюя, сблизились с Китаем, и часто приходили к Долгой стене. Китайский Двор, желая заманить Шаньюя в границы, научил Нѝе II, жителя города Ма́-и, тайно вывозить хуннам запрещенные вещи, и вызваться предать им город Ма́-и, Шаньюй поверил ему и, зарясь на богатства города Ма́-и, со 100 т. конницы вступил в
133 пределы Китая при Ву-чжэ́у, 133. Двор скрыл в окрестностях города Ма-и 300 т. войск. Министр[2] Хань Ань-го назначен начальником охранного корпуса для прикрытия четырех полководцев, в засаде ожидавших Шаньюя. Шаньюй, по вступлении в пределы Китая, еще за сто ли до Ма̀-и увидел в поле множество бродящего скота; но ни одного пастуха при нем не было, и это изумило его. Он напал на один военный пост. В это время Юй-шы[3] из Яй-мынь, проезжавший по границе, захотел прикрыть угрожаемый нападением пост. Он знал о плане китайских войск. Шаньюй, получив [захватив] сего офицера, хотел убить его. Юй-шы открыл Шаньюю расположение китайских войск.[4] Шаньюй ужаснулся, и сказал самому себе: я крепко подозревал. И так он возвратился с своими войсками. По выходе за границу сказал: Небо послало мне этого Юй-шы: почему дал ему титул *Небесного князя* Тьхянь-Ван. В плане китайских войск предположено напасть на Шаньюя по вступлении его в Ма́-и; но как
35 ||Шаньюй не дошел до города, и потому они ничего не получили [не добились]. Китайский полководец Ван Кхой должен был с своим корпусом выступить из Дай и напасть на обоз хуннов; но по получении известия об уходе Шань-

---

[1] Это *Ву́-ди*, в царствование которого Сы-ма Цянь писал сию историю.

[2] На кит. *Юй-шы Да-фу*.

[3] *Шы-гу* пишет: по уложению династии Хань в пограничных областях на каждой сотне ли определены были один Юй и по два Ши-шы и Юй-шы, и на них возложена была обязанность осматривать границу.

[4] *Шы-гу* пишет: Юй-шы был на пестовой башне военного поста. Хунны хотели заколоть его копьем. Юй-шы от страха сам сошел на низ и открыл замысл китайцев. (Заимствовано из истории Старшей династии Хань)

юя большая часть войск не смела выступить. Как Ван-Кхой составил план войны, и не пошел вперед, то Двор предал его казни.[1] После сего хунны прервали мир и родство, нападали на границу при проходах, и весьма часто производили большие грабительства в самых пределах Китая. Впрочем, хунны не переставали приезжать на пограничные рынки, и много брали китайских произведений. Китайский Двор, в угождение им, также не закрывал пограничных рынков. Но в пятую осень после похода в Мѐ-и, 129, китайский Двор назначил четырех полководцев, каждого с десятью тысячами конницы, напасть на пограничные рынки хуннов. Вэй Цин выступил из Шан-гу,[2] дошел до города Лун-чен, и в плен взял до 700 человек. Гун-сунь Хэ выступил из Юнь-чжун, и ничего не получил; Гун-сунь Ао выступил из Дай-гюнь, и был разбит хуннами с потерею 7 000 человек; Ли Гуан выступил из Яй-мынь, и на пограничном сражении взят хуннами в плен, но впоследствии нашел случай бежать, и возвратился в Китай. Оба последние полководца преданы были суду и лишены чинов. В эту зиму хунны несколько раз производили набеги на границу, и особенно в Юй-ян. Двор, для отражения хуннов, предписал полководцу Хань Ань-го расположиться в Юй-ян. Осенью следующего года, 128, хунны с 20 т. конницы вторглись в пределы Китая в Ляо-си, убили областного начальника и увели до 2 000 человек; потом они вступили в Яй-мынь, побили и в плен увели до 1 000 человек. Почему китайский Двор предписал полководцу Вэй Цин выступить из Яй-мынь с 30 000 конницы, а Ли Си выступить из Дай-гюнь. Они ударили на хуннов, и взяли в плен несколько тысяч человек. В следующем году, 127, Вэй Цин опять выступил из Юнь-чжун на запад, и дошел до Лун-си. Он ударил на князей Лэу-фань и Байян в Ордосе, взял несколько тысяч человек в плен, и увел до миллиона штук крупного и мелкого рогатого скота. После сего китайский Двор оставил под собою Ордос, построил в нем город Шо-фан, возобновил древнюю границу, устроенную династии Цинь полководцем Мин Тьхянь, и укрепил ее по берегу Желтой реки, но уступил хуннам в Шан-гу в уезде Дэу-би страну Цзао-ян. Это случилось во второе лето правления Юань-шо, 127. В следующую зиму, 126, умер Гюньчень

129 128 127 126

[1] *В повествовании о Хянь Чжан-жу* сказано, что Ван Кхой сам себя предал смерти.

[2] Поход предпринят был по случаю, что хунны в этом году вступили в область Шан-гу. *Ганму.*

Шаньюй; младший брат его Восточный Лули-князь Ичисйе сам объявил себя Шаньюем.

IV. Ичисйе Шаньюй. Ичисйе разбил Шаньюева наследника Юй би на сражении. Юй би бежал, и поддался Китаю. Он получил от китайского Двора княжеское достоинство Ше-ань-хэу; и чрез несколько месяцев умер. Только что Ичисйе Шаньюй вступил на престол, то хунны летом в нескольких десятках тысяч конницы вступили в Дай-гюнь [область Дай], убили областного начальника Гун Цзи, и увели в плен до 1 000 человек; осенью хунны еще вступили в Яй-мынь, и также побили и увели в плен до
37 125 1 000 человек. В следующем ‖ году, 125, хунны опять вступили в области Дай-гюнь, Дин-сян и Шан-гюнь, в каждую в 30 000 конницы, убили и в плен увели несколько тысяч человек. Западный Чжуки-князь досадуя, что китайский Двор отнял Ордос и построил Шо-фан, несколько раз производил набеги на границы Китая; а когда вступил в Ордос, то ограбил Шо-фан, и множество чиновников и народа убил и в плен увел. В следующем году весною,
124 124, китайский Двор назначил Вэй Цин верховным вождем,[1] и поручил ему 100 000 конницы, под начальством шести полководцев. Вэй Цин выступил против хуннов из Шо-фан на Гао-кюе. Западный Чжуки-князь не предполагал, чтоб китайские войска могли дойти до него, и предался пьянству. Китайское войско, по выступлении за границу, прошло около 700 ли, и ночью окружало Западного Чжуки-князя. Западный Чжуки-князь в большом испуге один бежал; отборная конница его в след за ним по частям пошла. Китайцы взяли в плен до 15 000 обоего пола и до десяти низших князей из Чжуки-князева удела. Осенью хунны в 10 000 конницы вступили в Дай-гюнь, убили военного начальника Чжу Ин, и до 1 000
123 человек увели в плен. Весною следующего года, 123, китайский Двор опять отправил верховного вождя Вэй Цин с 100 000 конницы под начальством шести полководцев. Вэй Цин в двукратный поход из Дин-сян отходил несколько сот ли для нападения на хуннов; взял в разные времена до 19 000 человек в плен; но Китай также потерял двух полководцев и до 3 000 конницы,[2] спасся один Гянь
38 Дэ, ‖ начальник западной дивизии, а передовой дивизии начальник Хи-хэу Чжáо Синь не имел выгоды, и покорился хуннам. Чжáо-синь был из низших хуннуских князей,

---

[1] На кит. Да-гян-гюнь, что зн. главный, Большой предводитель.

[2] *Сюй Гуан* пишет: в сложности до 3 000 конницы.

покорившийся Китаю. Китайский Двор дал ему княжеское достоинство Хи-хэ́у, и назначил его начальником передовой дивизии. Он шел в соединении с западною дивизиею; но несколько отделился, когда встретился с войском под предводительством самого Шаньюя; и потому потерял всю дивизию. Шаньюй, получив Хи-хэ́у, дал ему второе по себе княжеское достоинство, женил его на своей сестре, и советовался с ним о китайских делах. Чжа́о Синь советовал Шаньюю переселиться за Песчаную степь [Шамо] на север, чтобы заманивать туда усталые китайские войска, и потом брать их в удалении от границы. Шаньюй последовал его мнению. В следующем году, 122, хунны 122
в 10 000 конницы вступили в Шан-гу, и убили несколько сот человек. Весною следующего года, 121, полководец[1] 121
Хо Кюй-бин с 10 000 конницы выступил из Лун-си, прошел более 1 000 ли за горы Янь-чжы-шань, и, напав на хуннов, взял до 18 000 конницы в плен. При сей победе он получил в добычу золотой истукан, которому Хючжуй-князь жертвы приносил.[2] Летом тот же полководец и Хэ-ки-хэ́у с несколькими десятками тысяч конницы, выступили на хуннов из Лун-си и Бэй-ди, и прошли на северо-запад около 2 000 ли. || Миновав Гюй-янь, атако- 39
вали горы Цилянь-шань, и взяли в плен до 30 000 хуннов, в том числе до 70 низших князей и предводителей. В это время хунны также произвели вторжение в Дайгюнь и Яймынь, побили и в плен увели несколько сот человек. Двор предписал Бо-ван-хэ́у[3] и полководцу Ли Гуан выступить из Ю-бэй-пьхин против хуннуского восточного Чжуки-князя. Ли Гуан с четырехтысячным отрядом окружен был Восточным Чжуки-князем, и более половины потерял убитыми и в плен взятыми; но почти столько же и у неприятелей убито было. К счастию, Бован-хэ́у подоспел с своею дивизиею, и спас Ли Гуан от плена. Китайский корпус потерял несколько тысяч человек. Хэ-ки-хэ́у и Бо-ван-хэ́у за умедление против срока, назначенного полководцем Хо Кюй-бин, приговорены к

---

[1] Пьхиао-ки Гян-гюнь, предводитель легкой конницы. Один только Хо Кюй-бин имел сей титул. Иногда сокращенно употребляется Пьхиа̀о-ки.

[2] В *Хань-шу Инь-и* сказано: хунны приносили жертву небу в Юньян у горы Гань-цюань шань. Когда дом Цинь отнял у них сие место, они перенесли сие жертвоприношение в западную сторону Хючжуй-князя: по сей причине Хючжуй-князь имел золотого кумира, пред которым приносили жертву Небесному жителю.

[3] Это княжеский титул известного путешественника Чжан Кянь.

смерти, от которой откупились с потерею достоинств и чинов. Осенью Шань-юй рассердившись, что Хуньше-князь и Хючжуй-князь, стоявшие в битвах в западной стороне, потеряли с китайцами несколько десятков тысяч человек убитыми и пленными, хотел вызвать их и казнить. Хуньше-князь и Хючжуй-князь в предстоящей опасности решились поддаться Китаю.[1] Китайский Двор отправил Хо Кюй-бин принять их. Хуньше-князь, убив Хючжуй-князя, овладел его народом, и поддался Китаю — всего с 40 000 человек — под названием ста тысяч. Как скоро китайский Двор получил Хуньше-князя, то в Лун-си, Бэй-ди и Хэ-си набеги хуннов нарочито уменьшились.
40 Бедных жителей из Гуань-дун переве‖ли в отнятый у хуннов в Ордосе Синь-цинь-чжун для заселения, и вполовину уменьшили гарнизоны от Бэй-ди к западу.
120 В следующем году, 120, хунны вступили в области Ю-бэй-пьхин и Дин-сян, в каждую в нескольких десятках тысяч конницы, убили и в плен увели до 1 000 человек.
119 В следующем году, 119, китайский Двор принял новый план войны. Хи-хэ̀у Чжао-синь подал Шаньюю мысль переселиться на север за Песчаную степь, чтоб китайские войска не могли дойти до него: почему китайский Двор выставил сто тысяч конницы с откормленными лошадьми, да частных заводных лошадей было до 140 000 голов, не включая в сие число обозы с съестными запасами. Войско сие разделено на две части, под предводительством Верховного вождя Вэй Цин и полководца Кюй-бин. Верховный вождь выступил из Дин сян, Кюй-бин выступил из Дай. Они условились напасть на хуннов, по переходе через Песчаную степь. Хуннуский Шаньюй, получив известие о сем, удалил свой обоз, а сам с̀ отборным войском ожидал их по северную сторону Песчаной степи. Он встретился с китайским Верховным вождем Вэй Цин, и сражался целый день. Ввечеру поднялся сильный ветер. Китайское войско растянуло крылья, и окружило Шаньюя. Шаньюй расчисляя, что он не в силах удержаться против китайских войск, с несколькими стами лучшей конницы прорвал цепь их на северо-запад, и бежал. Китайские войска в темноте ночи не могли преследовать его. Они побили и в плен взяли до 19 000 человек, дошли до городка Чжа̀о Синь чен[2] у гор Дянь-янь-шань, и пошли в обратный
41 ‖ путь. После Шаньюева побега войска его то и дело ме-

---

[1] *Сюй Гуан* пишет: во второе лето правления Юань-сэ̀у, 121.
[2] *Жу-шунь* пишет: Чжа́о Синь пред сим поддался хуннам. Хунны построили город для его пребывания.

шались с китайскими, и следовали за Шаньюем. Впрочем, Шаньюй долго не мог собрать своей большой армии. Кюй-бин отошел от Дай около 2 000 ли, и, встретившись с восточным Чжуки-князем, вступил в сражение. Китайцы в плен взяли до 70 000 хуннов. Полководцы Восточного Чжуки-князя бежали. Кюй-бин построил жертвенник на горе Лангюйси, принес жертву на Гуяни, подходил к Хань-хай.[1] После сего хунны далеко уклонились, и по южную сторону Песчаной степи уже не было княжеских стойбищ. Китайский Двор, перешед за Желтую реку, от Шо-фан на запад до Лин-гюй повсюду провел каналы для орошения полей, поселил до 60 000 военнопашцев, и мало по малу к северу отбирал земли у хуннов. В начале два китайские полководца с большими силами окружили Шаньюя, убили и в плен увели до 90 000 человек; но и китайский Двор потерял несколько десятков тысяч человек убитыми, более 100 000 лошадей погибло. Хотя обессиленные хунны далеко уклонились, но и китайцы, по недостатку в лошадях, не в состоянии были предпринимать походов. Хунны,[2] по совету князя Чжао Синь, чрез посланника просили о мире и родстве в учтивых выражениях. Сын Неба предоставил это рассмотрению чинов. Некоторые из них предлагали возобновить мир и родство, другие находили возможность привести хуннов в зависимость. Жень Чан, правитель дел у первого министра, говорил, что хуннов, недавно приве‖денных в тесное *42*
положение, надлежало бы сделать пограничными вассалами, и просил отправить его на границу. Китайский Двор отправил Жень Чан к Шаньюю. Шаньюй, выслушав предложение Жень Чан, пришел в крайний гнев, и удержал его у себя. До сего времени китайский Двор имел уже несколько задержанных посланников из хуннов. Шаньюй также удержал у себя равномерное число китайских посланников. В сие время китайский Двор опять начал набирать войско и лошадей. Но случилось, что полководец Хо Кюй-бин умер; почему китайский Двор долго не мог предпринять на север похода на хуннов. Чрез несколько лет умер Ичисйе-Шаньюй на 13 году царствования; сын его Увэй поставлен Шаньюем. Это случилось в 3-е лето правления Юаньдин, 114. **114**

---

[1] *Жу-шунь* пишет: *Хань-хай* есть название северного моря.— Хань-хай, по кит. словарю, есть название только одного озера Байкала; но ученые иногда под словом Хань-хай разумеют монгольскую песчаную степь.

[2] Т. е. Хан и его князья.

V. Увэй Шаньюй. При вступлении Увэй-Шаньюя на престол, в Китае Сын Неба в первый раз предпринял путешествие для обозрения государства. После сего, хотя он покорил на юге обе страны Юе, но не воевал с хуннами. И хунны с своей стороны не производили набегов на пределы Китая. На третьем году царствования
112 Увэй-Шаньюева, 112, китайский Двор, по покорении Юе на юге, отправил на хуннов 15 000 конницы, под предводительством бывшего министра Хэ.[1] Войско выступило из Гю-юань, прошло более 2 000 ли и возвратилось, не встретив ни одного хунна. В то же время князь[2] Чжао Пхо-ну выступил с 10 000 конницы. Он из Лин-гюй проник в земли хуннов несколько тысяч ли, дошел до реки Хунну-хэ,[3] и возвратился, также не встретив ни одного
43 хун||на. В сие время Сын Неба, обозревая границу,
110 110, прибыл в Шо-фан, где собрано было 180 000 конницы для смотра. Он отправил Го Ги известить об этом Шаньюя. Когда Го Ги прибыл к хуннам, то Шаньюев церемониймейстер спросил его о цели прибытия. Го Ги с вежливою уклончивостью сказал, что он желает лично открыть это Шаньюю. Шаньюй допустил его к себе. Го Ги сказал ему: «голова владетеля южного Юе, уже висит пред северными вратами китайского дворца. Если Шаньюй в состоянии предпринять поход и воевать с китайскою державою, то Сын Неба с войском сам ожидает тебя на границе; а если не в состоянии, то должен стать лицом к югу[4] и признать себя вассалом Дома Хань. К чему удаляться и скрываться на севере песчаных степей? В холодной и бесплодной стране нечего делать». Только что Го Ги кончил речь, как Шаньюй в сильном гневе отрубил церемониймейстеру голову, а посланника Го Ги удержал, и отправил его на северное море.[5] Со всем тем Шаньюй не был расположен к произведению набегов на границы Китая. Он дал льготу ратникам, отдых лошадям, занимался звериною охотою. Несколько раз отправлял посланников к китайскому Двору с учтивыми предложениями о мире и родстве. Китайский Двор отправил Ван Ву высмотреть положение дел у хуннов. У них соблюдалось обыкновение вводить китайского посланника в юрту к Шаньюю, если он оставит
44 бунчук за дверью и разрисует лицо себе || тушью. Ву, как

[1] Гун-сунь Хэ.
[2] Цзун-пьхиао-хэу.
[3] *Чен Цзянь* пишет: название реки в 1000 ли от Лин-гюй.
[4] Т. е. к столице Китая, как местопребыванию императора.
[5] На Байкал, обыкновенное тогда местопребывание задержанных хуннами китайских посланников.

уроженец области Бэй-ди, хорошо знал обычаи хуннов. Он оставил бунчук, разрисовал себе лицо, и был принят в юрте. Хан полюбил его. Ву в ласковых словах предложил Шаньюю отправить наследника к китайскому Двору в заложники, и сим образом восстановить мир и родство. Китайский Двор отправил к хуннам Ян-синь. В сие время на востоке он превратил Сумо́ и Чао-сянь в области,[1] на западе открыл область Цзю-цюань, чтоб преградить хуннам пути к сообщению с Кянами. Сверх сего китайский Двор на западе открыл сообщение с Юечжы и Дахя, и выдал царевну за Усуньского владетеля, чтоб отделить от хуннов союзные государства на западе; распространил казенное хлебопашество до Чжяньлюй.[2] Хунны не смели ни слова возразить. В сем году умер Хи-хэу Синь.[3] В Китае государственные чины полагали, что хуннов, при настоящей их слабости, можно склонить в подданство. Ян Синь был человек твердый, прямой; и как он имел средний чин, то Шаньюй не ласково обошелся с ним. Шаньюй хотел принять его в юрте, но Синь не согласился оставить бунчук за дверью; почему Шаньюй принял его сидя вне юрты. Синь, представ пред Шаньюя, сказал ему: «Шаньюй, ежели желаешь мира и родства, то отправь наследника к китайскому Двору в заложники». «Это противно, отвечал Шаньюй, прежнему договору. По прежнему договору китайский Двор обыкновенно в знак мира и родства посылал царевну с шелковыми || тканями, хлопчаткою и раз- 45
ными съестными вещами, хунны же с своей стороны не беспокоили границ Китая; а теперь вы желаете, чтобы я вопреки прежнему договору послал своего наследника в заложники». Хунны ввели в обычай: ежели китайский посланник не имеет высокого чина, а ученый, остановлять его красноречивость; а если молодой, то колкостями возбуждать в нем запальчивость. На каждое посольство, отправленное китайским Двором к хуннам, хунны также отвечали посольством. Ежели китайский Двор задерживал хуннуских посланников, то и хунны задерживали китайских посланников, и притом в равном числе против своих задержанных, в Китае. Как скоро Синь возвратился от хуннов, то Китайский Двор отправил Ван Ву. Шаньюй, желая более получить подарков, льстил ему по прежнему; даже изъявил желание ехать к китайскому Двору представиться

---

[1] Т. е. покорил под свою власть.

[2] В *Хань-шу Инь-и* сказано: Чжянь-лэй [Чжан лэй] есть название страны, лежащей от Усуня на севере.

[3] Князь Чжа́о Синь.

Сыну Неба, и лично условиться быть братьями.[1] Ву, по возвращении донес Двору, и Двор приказал построить в Чан-ань подворье для Шаньюя. Хуннуский посланник знатного происхождения прибыл к китайскому двору, занемог и умер. Двор, назначив Лу Чун-го посланником к хуннам, дал ему печать с шнурами, 2 000 мешков жалованья, и поручил ему проводить покойника, и богато похоронить, на что дано несколько тысяч[2] серебра. Шаньюй сказал: это китайский вельможа; а китайский Двор уморил нашего посланника из вельмож. И так он удержал Лу Чун-го. Шаньюй, что ни говорил к Ван Ву, только обманывал его, а ехать к китайскому Двору, и наследника
46 отправить в || заложники вовсе не имел намерения. После сего хунны несколько раз посылали отряды для набегов на границы Китая. Для предосторожности от хуннов от Шо-фан на восток китайский Двор поставил двух полководцев: Го Чан[3] и Шойе-хэ̀у.[4] На третьем году пребывания Лу Чун-го у хуннов Шаньюй умер. Увэй Шаньюй умер на 10 году царствования. Сын Ушылу поставлен Шаньюем, и, как малолетный, назван Эрр Шаньюй.[5] Это было
105 шестое лето правления Юань-фын, 105 до Р. Х.

VI. Эрр Шаньюй Ушылу. Эрр Шаньюй уклонился еще далее на северо-запад; войска восточной стороны расположены были прямо против Юнь-чжун, войска Западной стороны против областей Цзю-цюань и Дунь-хуан.[6] Как только Эрр Шаньюй вступил на престол, то китайский Двор отправил двух посланников: одного для утешения Шаньюя, другого для утешения Западного Чжуки-князя, предполагая сим поселить несогласие в царствующем доме. Но посланников, по вступлении их в земли хуннов, обоих препроводили в орду. Шаньюй рассердился, и обоих китайских посланников удержал у себя. Хунны в разные времена удержали у себя до десяти китайских посольств; но такое же число хуннуских посольств и
104 китайский Двор задержал у себя. В сем году, 104, китайский Двор отправил Эршыского полководца. Гуан-ли[7]
47 на запад воевать Давань, и, сверх сего, предпи||сал Инь-

[1] Т. е. равными.

[2] Т. е. лан.

[3] *Ба-ху Гян-гюнь*, от слова в слово поражающий хуннов полководец.

[4] *Сюй Гуан* пишет: это Чжа̀о Пхо-ву; Шойе-хэ̀у есть княж[еский] его титул.

[5] *Эрр* кит. слово: зн. дитя мужеского пола.

[6] Прежде хуннуские войска восточной стороны стояли против Шан-гу, а войска западной стороны против Шан-гюнь. *Ганму.*

[7] *Ли* Гуан-ли.

гань Гян-гюнь Áо[1] построить Шеу-сян-чен. Зимою в земле хуннов выпал глубокий снег; почему от стужи и голода много скота пало. Эрр Шаньюй был молод, и вместе с тем склонен к убийству и войне,[2] почему многие из вельмож беспокоились о будущем. Великий Ду-юй Восточной стороны умыслил убить Шаньюя, и поддаться Китаю; почему и отправил лазутчика объявить китайскому Двору, что он хочет убить Шаньюя и поддаться Китаю, а приступит к исполнению своего предприятия, как скоро придут китайские войска для принятия его. Вследствие сего известия китайский Двор, по причине отдаленности, построил Шеу-сян-чен. Весною следующего года, 103, китайский Двор отправил Шойе-хэ́у Пхо-ну с 20 т. конницы.[3] 103
Сей полководец выступил из Шо-фан, прошел на северо-запад около 2 000 ли, в срок пришел к горам Сюньги,[4] и пошел в обратный путь. Восточный Великий Дуюй только что хотел приступить к делу, как открыли умысел его. Шаньюй казнил его, и отправил войска Восточной стороны на Шойе. Шойе-хэ́у в продолжение похода взял несколько тысяч человек в плен; но на обратном пути за 400 ли до Шеу-сян-чен окружен был 80 тысячами хуннуской конницы. В ночи Шойе-хэ́у выехал искать воды, и схвачен был хуннускими лазутчиками; вслед за сим хунны немедленно произвели нападение на его корпус,[5] и весь взяли в плен. Эрр Шаньюй крайне обрадовался, и отправил часть войск взять Шеу-сян-чен, но хунны
не могли взять сей крепости; почему произвели набег на *48*
границу, и ушли. В следующем году, 102, Шаньюй сам 102
хотел осаждать Шеу-сян-чен, но на дороге занемог и умер. Эрр Шаньюй умер на третьем году своего царствования. По малолетству сына его хунны Шаньюем поставили младшего дядю его, меньшего брата Увэй Шаньюева, Западного Чжуки-князя Гюйлиху.[6] Это случилось в 3-е лето правления Тхай-чу, 102, до Р. Х.

VII. Гюйлиху Шаньюй. По вступлении Гюйлиху Шаньюя на престол сановник[7] Сюй Цзы-вэй по предпи-

---

[1] Гун-сунь Ао [*Гунь сун* двойная фамилия]; *Инь-гань Гян-гюнь* есть титул должности его.

[2] Т. е. был кровожаден.

[3] Сей полководец послан для принятия Великого Дуюй.

[4] *Шы-гу* пишет: Сюньги лежит от Ву-вэй на север.

[5] Здесь опущена целая строка.

[6] *Гюйлиху* есть имя его. Произносится и Хюйлиху. *Ганму*. Из сего явствует, что и в древности уже существовало различие в произношении некоторых букв [звуков] в северной и южной Монголии.

[7] *Гуан-лу* [звание]. Сей сановник построил укрепленную линию

санию китайского Двора выступил за границу из Ву-юань на несколько сот ли, и построил крепостцы и притины до Лугюй[1] на расстоянии до 1 000 ли. Полководец[2] Хань Юе, и князь[3] Вэй Кхан расположились в боковых с ним линиях; военачальник[4] Лу Бодэ занялся земляными работами при озере Гюйянь-цзэ. Осенью хунны в больших силах вступили в Дин-сян и Юнь-чжун, убили и в плен увели несколько тысяч человек, разбили несколько сановников с 2 000 мешков жалованья и ушли, но на об-
49 ратном || пути разорили все крепостцы и притины, построенные сановником Гуàн-лу. Западный Чжуки-князь вступил в Цзю-цюань и Чжан-йе и увел несколько тысяч человек в плен; но к счастию подоспел Жень Вынь[5] и отбил у хуннов всю добычу. В этом году Эршыский полководец разбил Давань, казнил тамошнего владетеля, и пошел в обратный путь. Хунны хотели преградить ему дорогу, но не могли; зимою они предполагали осаждать Шеу-сян-чен, но Шаньюй занемог, и умер. Гюйлиху царствовал только один год. Хунны поставили Шаньюем младшего брата восточного Великого Дуюй Цзюйдихóу.

VIII. Цзюйдихóу Шаньюй. Когда китайский Двор покорил Давань, то слава его оружия потрясла иностранные государства. Это было 4-е лето правления Тхай-чу,
101 101. Цзюйдихóу Шаньюй по вступлении на престол освободил всех китайских посланников, непокорившихся хуннам, и Лу Чун-го с прочими возвратился. В следую-
100 щем году, 100, китайский Двор отправил Чжун-лан-гян Су Ву с богатыми дарами для Шаньюя.[6] Шаньюй тем более возгордился, и увеличил свой придворный церемониал, чего китайский Двор не ожидал от него. Шойе-хэ̀у Пхо-ну бежал от хуннов и возвратился в Китай: почему в следую-
99 щем году, 99, китайский Двор отправил Эршыского полководца Гуан-ли в поход с 30 т. конницы. Он выступил из Цзю-цюань, напал на западного Чжуки-князя у Не-

---

на северной границе, известную в древней истории под названием *Гуан-лу-сай*. Она состояла из земляного вала с крепостями и притинами или караулами, при которых находились башенки для вестовых огней. Таковые башенки и ныне видны внутри вала, составлявшего основание древней Великой стены. Они имеют вид усеченной пирамиды, построенной из кирпича, и принадлежат XVI и XVII столетиям [при Минской династии].

[1] *Лугюй* есть название урочища и гор в хуннуской земле.

[2] Ю-цзи Гян-гюнь.

[3] Чан-пьхин-хóу.

[4] Цян-ну Ду-юй. Титул военной должности.

[5] В *Хань-шу Инь-и* сказано: китайский военачальник.

[6] В соответствие доброму его расположению к освобождению китайских посланников. *Ганму*.

бесных гор, взял до 10 т. человек в плен и пошел обратно;
хунны в больших силах окружили Эр‖шыского и он 50
едва спасся, потеряв до 7 000 человек убитыми. Китайский Двор отправил Инь-гань Гян-гюнь Ао. Он выступил из Си-хэ, и соединился с Цян-ну Ду-юй[1] у гор Шойе, но ничего не получили. Еще послан Ки-ду-юй Ли Лин с 5 000 пехоты и конницы. Он отошел от Сюйянь на север около 1 000, и, встретившись с Шаньюем, вступил в сражение с ним. Хунны потеряли уже до 10 т. убитыми и ранеными; но у китайцев вышли и съестные и боевые припасы, и Ли Лин хотел предпринять обратный путь; но хунны окружили китайцев, и Ли Лин должен был покориться им. Таким образом погиб корпус его, из которого не более 400 человек возвратилось на границу.

Ли Лин был внук полководца Ли Гуан, искусный в конной стрельбе из лука. В 99 году, когда Эршыский Ли Гуан-ли выступил против хуннов, Ли Лин с 5 000-м отрядом отборной пехоты отдельно пошел. Оставя Сюйянь, он дошел до гор Сюньги, как Хан противостал ему с 30 000 конницы. Хунны, видя малость китайских войск, устремились на их лагерь. Ли Лин вступил в рукопашный бой и, преследуя хуннов, убил до 10 т. человек. Хан призвал до 80 000 конницы из окрестных мест, и Ли Лин начал отступать на юг. В продолжение нескольких дней он еще убил до 3 000 человек. Хан думал, что Ли Лин заманивает его к границе на засаду, но один офицер из задних войск, сдавшийся хуннам, открыл, что Ли Лин ни откуда не имеет помощи. Хан усилил нападения. Китайцы издержали все стрелы, и Ли Лин, видя невозможность сопротивляться, приказал своим ратникам спасаться, а сам сдался хуннам. Государственные чины единогласно обвиняли Ли Лин; один Сы-‖ма Цянь с твердостью 51
защищал сего полководца. Но император не уважил доводов его, и указал, в замену смертной казни, сделать ему другое наказание. Ли Лин остался у хуннов, и получил во владение Хягас, где потомки его царствовали почти до времен Чингис-Хана.

Шаньюй оказал Ли Лин должное уважение, и женил
его на своей дочери. По прошествии двух лет, 97, Эршы- 97
ский снова выступил из Шо-фан, имея под своим начальством 60 000 конницы и 100 000 пехоты. К нему присоединился Цян-ну Ду-юй Лу Бо-дэ с 10 000. Ю-цзи Гянгюнь Юе[2] выступил из Яймынь с 10 000 конницы и 30 000 пехоты. Хунны, получив известие о сем, удалили свои

[1] Лу Бо-дэ.
[2] Хань Юе.

семейства на северный берег реки Сйе-ву-шуй, а Шаньюй со 100 000 конницы ожидал на южном берегу, где и вступил в сражение с Эршыским полководцем. Эршыский начал отступать, и дрался с Шаньюем десять дней: но в это время он получил известие, что семейство его обличено в волховании, и род его предан казни: почему, собрав свои войска, покорился хуннам. В Китай возвратились один или два человека из тысячи. Ю-цзи Юе[1] ничего не получил; Инь-гань Ао[2] имел невыгодное сражение с восточным Чжуки-князем, и отступил. В этом году китайские войска, ходившие на хуннов, не имели больших успехов. Только сказано: семейство Эршыского полководца предано казни, и это побудило его покориться хуннам.

Извлечено из Исторических Записок
Историографа Сы-ма Цянь

[Шицзи, гл. 110;
далее следует извлечение из Цяньханьшу, гл. 94[a]]

52 **IX. Хулугу-Шаньюй.** Цзюйдихэу имел двух сыновей; из них старший был Восточным Чжуки-князем, второй Восточным великим предводителем. Пред смертию завещал, чтоб Восточный Чжуки-князь вступил на престол под наименованием Хулугу-Шаньюя; Восточного великого предводителя постановил Восточным Чжуки-князем. Чрез несколько лет Хулугу-Шаньюй умер от болезни. Сын его Сяньсяньчань не мог быть преемником престола, а сделан Жичжо-князем, а Жичжо-князь по достоинству ниже Восточного Чжуки-князя. Шаньюй дал последнее место сыну своему. На шестом году по вступлении Шаньюя
90 на престол, 90, хунны произвели нашествие на области Шан-гу и Ву-юань, побили и в плен увели чиновников и народ. В том же году они вторично вторглись в области Ву-юань и Цзю-цюань и убили двух военных начальников. Почему китайский Двор отправил Эршыского полководца [3] из Ву-юань с 70 000, министр[4] Цио-чен выступил из Си-хэ с 30 000, князь[5] Ман Тхун выступил из Цзю-цюань с 40 000 конницы. Они прошли около 1000 ли. Шаньюй, получив известие о походе китайцев в больших силах, весь свой обоз отправил из городка Чжао-синьчен на север к реке Чжигюй. Восточный Чжуки-князь собрав свой народ, переправился через реку Сйеву, и

[1] Хань Юе.
[2] Гун-сунь Ао.
[3] Ли Гуан-ли.
[4] Юй-шы Да-фу.
Чун-хэ-хэу,— титул князя Ман Тхун.

отошед до 700 ли, остановился у гор Дэу-сянь-шань. Шаньюй принял начальство над отборным войском. Восточный Аньхэ́у перешел за реку Гуцзюй. Юй-шы Да-фу преследовал их боковыми путями, но никого не видал и пошел обратно. Но хуннуский Великий предводитель и Ли Лин с 30 000 конницы преследовали китайское войско до
гор Сюньги, и сражались девять дней. Китайское войско 53
понесло значительную убыль в людях, и наконец дошло до реки Пуну. Здесь хунны невыгодно сражались, и пошли обратно. Чун-хэ-хэ́у с своим корпусом дошел до Небесных гор. Великий предводитель Янькюй и Хучжи-князья Восточный и Западный посланы с 20 000 конницы остановить китайское войско; но Янькюй, увидев многочисленность его, ушел. Чун-хэ-хэ́у ни выиграл, ни потерял ничего. В то время китайский Двор опасался, чтобы Чешыское войско не преградило дороги предводителю Чун-хэ-хэ́у; почему Кхай-лин-хэ́у отправлен был обложить Чеши. Кхай-лин-хэ́у взял в плен Чешыского владетеля и весь народ его, и возвратился. Пред выступлением Эршыского полководца за границу, хунны отрядили Западного Великого Дуюй и Вэй Люй с 5000 конницы напасть на китайское войско в урочище Фу-янь в ущельи горы Гюй-шань. Эршыский отрядил 2 000 конницы из зависимых владений.[1] Завязалось сражение и войска хуннов рассеялись, потеряв несколько сот человек убитыми и ранеными. Китайское войско, пользуясь одержанною поверхностью [ве́рхом], преследовало хуннов на север, до городка Фань-фужинь-чен. Хунны бежали, и не смели сопротивляться. Случилось, что семейство Эршыского предано суду за волхование. Эршыский, по получении известия о сем, пришел в страх. Один из служащих при нем, следовавший за армиею для избежания наказания, сказал ему, что его супруга с семейством под судом; и ежели он и сам, по возвращении, взят будет под суд, то уже не увидит страны от Чжи-гюй
на се‖вер.[2] После сего Эршыский предался сомнению, и 54
решился, чтоб отличиться заслугами, идти далее. Подаваясь на север он пришел к реке Чжигюй; но хунны уже ушли; он переправил 20 000 конницы за реку Чжи-гюй. В один день Восточный Чжуки-князь и Восточный В. [Великий] предводитель с 20000 конницы встретились с китайцами, и вступили в сражение. Хунны лишились Восточного В. [Великого] предводителя и множества людей убитыми и

---

[1] Тюркистанской.

[2] *Жу Шунь* пишет: как скоро будет приговорен к казни, то хотя бы и пожелал поддаться хуннам, но уже не возможно будет.

ранеными. Правитель дел в совете с прочими предводителями говорил: главнокомандующий питает противный умысел, и желает выслужиться с видимою опасностью для войска, что наверное поведет к проигрышу; почему советовались взять Эршыского под стражу. Эршыский, узнав об этом, отрубил правителю голову, и вступил в обратный путь. Он подошел к горам Янь-жань-шань в Сусйеву.[1] Шаньюй узнал, что китайское войско изнурено, и с 50 000 конницы пресек дорогу Эршыскому. С обеих сторон очень много было убитых и раненых. В ночи хунны провели пред китайским войском ров, глубиною в несколько футов, и произвели стремительное нападение с тыла. Китайское войско пришло в большое замешательство, и Эршыский покорился. Шаньюй давно уже знал, что Эршыский был из лучших китайских полководцев, и притом вельможа; почему женил его на своей дочери, и благоволил к нему
89 более нежели к Вэй Люй. В следующем, 89, году Шаньюй послал китайскому Двору письмо следующего содержания: «На юге царствует великий Хань, на севере царствует
55 сильный Ху. Ху есть гордый Сын Неба, который не обращает внимания на мелкие придворные обряды. Я ныне желаю растворить пограничные проходы в царство Хань, и взять дочь из Дома Хань в супруги себе, с тем, чтоб Дом Хань — на основании прежнего договора — ежегодно доставлял мне десять даней лучшего вина,[2] 50 000 ху рису и 10 000 кусков разных шелковых тканей. После сего не будет взаимных грабительств на границе». Эршыский прожил у хуннов не более года, как Вэй Люй подорвал Шаньюеву благосклонность к нему. Случилось, что занемогла мать Янь-чжы:[3] Вэй Люй приказал волхву по вдохновению покойных Шаньюев сказать, что хунны прежде, принося жертвы воинам, всегда говорили, что получив Эршыского, должно принести ему жертву. Ныне для чего же не исполняете? Когда взяли Эршыского, то он в гневе сказал: я по смерти погублю Дом хуннов. После сего закололи Эршыского, чтоб принести жертву ему. Случилось, что сряду несколько месяцев шел снег, и это произвело падеж на скота, заразительные болезни между людьми, и хлеб на полях не созревал.[4] Шаньюй пришел в страх, и построил храм для жертвоприношения Эршыскому. С погибелью Эршыского китайский Двор лишился

[1] *Шы-гу* пишет: *Сусйеву* есть название места.
[2] Квашеного из риса.
[3] *Шы-гу* пишет: Шаньюева мать.
[4] *Шы-гу* пишет: в северных странах стужа рано настает; и хотя не удобно сеять просо, но в земле хуннов сеяли.

верховного вождя и нескольких десятков тысяч войск, и более не предпринимал походов. По прошествии трех лет Ву́-ди преставился, 87. В продолжении минувших 87
двадцати лет китайские войска, преследуя хуннов, далеко проникали во внутренность земель их. Хунны пришли в
|| совершенное истощение. Шаньюй и прочие всегда по- 56
мышляли о возобновлении мира и родства. По прошествии трех лет Шаньюй хотел просить о мире и родстве, но впал в болезнь и умер. У покойного Шаньюя был младший брат от другой матери. Он имел достоинство великого Дуюй, и был доброй души; почему старейшины обратили внимание на него. Мать Яньчжы опасалась, что Шаньюй не поставит ее сына, а поставит Восточного В. [Великого] Дуюй, и потому самовольно велела убить его. Старший единоутробный брат Восточного В. [Великого] Дуюй оскорбился, и перестал ездить в Шаньюеву орду. Сверх сего заболевший Шаньюй пред самою смертью в завещании вельможам сказал: Сын мой по малолетству не может управлять государством, постановить моего младшего брата Западного Лули-князя. Но по смерти Шаньюя Вэй Люй с прочими и Яньжы Чжуань Кюй утаили смерть Шаньюя, ложно именем его заключили клятву с старейшинами, и на престол возвели сына Восточного Лули-князя под наименованием Хуаньди-Шаньюя. Это было второе лето правления Ши-юань, 85. 85

X. Хуаньди Шаньюй. По вступлении Хуаньди-Шаньюя на престол, хунны намекнули[1] китайскому посланнику о заключении мира и родства. Восточный Чжуки-князь и Западный Лули-князь, недовольные устранением их от престола, собрали свой народ, и хотели идти на юг поддаться Китаю; но опасаясь, что одни не в силах будут сделать сего, пригласили Хючжуй-князя склонить Усуньцов к нападению на хуннов с запада. Хючжюй-князь донес Шаньюю, и Шаньюй послал людей исследовать дело о неповиновении Западного Лули-
||князя: но в этом пре- 57
ступлении обвинили Хючжуй-князя, что произвело негодование в старейшинах. После сего оба князя остались в своих местах, и более не ездили в Лун-чен на собрание.[2] По прошествии двух лет хунны произвели набег на Дай-гюнь и убили военного начальника.[3] Шаньюй вступил на престол малолетным, а мать Яньчжы была сомнительного поведения. В царствующем доме произошли

---

[1] *Шы-гу* пишет: намекнули, т. е. не прямо сказали.

[2] *Шы-гу* пишет: каждый остался жить в своем владении, и более не являлся в Лун-чен для жертвоприношения.

[3] *Ду-юй*.

несогласия, и всегда опасались внезапного нападения со стороны Китая: почему Вэй Люй подал Шаньюю совет выкопать колодцы, построить город и двухэтажные магазины для содержания хлеба, а хранение хлеба поручить китайцам династии Цинь.[1] Тогда хотя и придут китайские войска, ничего сделать не могут. Уже выкопано было несколько сот колодцев, срублено несколько тысяч бревен, как некоторые представили, что хунны не могут защищать городов, и собранный хлеб достанется китайцам. И так Вэй Люй остановился, а вместо сего принял намерение поддаться Китаю, и отпустил неподдавшихся хуннам посланников Су Ву и Ма Хун. Последний был товарищем сановника[2] Ван Чжун, отправленного посланником в западные царства. Они были задержаны хуннами. Чжун убит на сражении, а Хун взят в плен, и не хотел поддаться хуннам: почему хунны и возвратили двух человек, предполагая сим расположить китайцев к себе. В это время минуло три года царствованию Шаньюя.

58 80 В следующем году, 80, 20 000 || хуннуской конницы из восточных и западных аймаков в одно время четырьмя отрядами произвели набеги на пределы Китая. Китайские войска, преследуя их, убили и в плен взяли до 9 000 человек, в том числе князя пограничных караулов;[3] но сами никакой потери не потерпели. Хунны, видя, что князь пограничных караулов в руках китайцев, опасались, чтоб он не взялся быть вожаком: почему уклонились далее на северо-запад, и не смели при перекочевках подаваться на юг; на пограничных караулах поставили людей; а в

79 следующем, 79, отправили 9 000 конницы стоять под Шеу-сян-чен; для предосторожности же от китайцев построили мост через реку Сйе-ву, на случай отступления на север. В сие время Вэй Люй уже умер. При жизни своей он часто говорил о выгодах мира и родства, но хунны не верили ему. По смерти его войска их не раз были в тесном положении; государство наипаче обеднело. Шаньюев младший брат, Восточный Лули-князь, вспомнил слова Вэй Люй, и желал предложить о мире и родстве, но опасался, что китайский Двор не согласится на его предло-

---

[1] *Шы-гу* пишет: при династии Цинь китайцы перебегали в земли хуннов. Ныне потомки их также называются китайцами династии Цинь.

[2] Гун-лу Да-фу.

[3] На кит. Эуто-Ван. *Фу-Кянь* пишет: Эуто значит землянка. Хунны строили их на границе для наблюдения китайцев. *Шы-гу* пишет: строение для пограничного караула называется Эуто. *Ганму*. 80 год.

жение; долго не хотел прежде вызваться, и часто подсылал своих приближенных намекать об этом китайским посланникам. Впрочем набеги еще реже становились, а китайских посланников принимали лучше, желая чрез то приблизиться к миру и родству. И Двор китайский также не упускал случаев к обузданию их. После сего Восточный Лули-князь умер. В следующем году, || 78, Шаньюй 78 59
отправил Ливу-князя высмотреть китайскую границу. Князь доносил, что в Цзю-цюань и Чжан-йе гарнизоны слабы, и советовал отправить войско для попытки; не можно ли возвратить сии земли? Китайцы узнали о сем намерении от хуннов прежде поддавшихся, и Сын Неба предписал принять по границе меры предосторожности. В непродолжительном времени Западный Чжуки-князь и Ливу-князь с 4 000 конницы, разделенной на три отряда, вторглись в Жи-лэ, Ву-лань и Фань-хо.[1] Правитель области Чжан-йе совершенно разбил их. Спаслось только несколько сот человек. Тысячник зависимых владений Икюй-князь с своею конницею застрелил Ливу-князя. В награду роздано 200 лан золота, 200 лошадей; князю дано достоинство Ливу-князя; Го Чжун, пристав зависимых владений, получил княжеское достоинство Чен-ань-хэ̀у. После сего хунны не смели входить в Чжан-йе. В следующем году, 77, 77
хунны с 3 000 конницы вступили в Ву-юань; они убили и увели несколько тысяч человек. Вслед за сим они в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотою близ границы, нападали на пограничные посты, и уводили чиновников и народ в плен. В то время в пограничных китайских областях зажигали вестовые огни, при которых далеко видно было, почему хунны мало выгоды получали от набегов, и реже стали нападать на границу. Сверх сего китайский Двор получил от поддавшихся хуннов сведение, что ухуаньцы раскопали могилы покойных хуннуских Шаньюев. Хунны огорчились и отправили 20 т. конницы для наказания ухуаньцев. Верховный вождь Хо Гуан хотел выслать войско на встречу хуннам и спросил || мнения у Ху-гюнь Ду-юй[2] Чжа́о-Чун-го. Чун-го 60
сказал ему: «Недавно ухуаньцы несколько раз нападали на границу Китая, и теперь для нас выгодно, что хунны нападут на них; притом хунны реже производят набеги на северную границу, и мы, к счастию, спокойны. В то время, когда иноземцы дерутся между собою, если выставить войско против них, значит накликать неприятелей и

[1] *Шы-гу* пишет: три уезда в Чжан-йе.
[2] Военный чин.

заводить дело, это худой расчет». Хо Гуан еще спросил Чжун-лан-гян[1] Фань Мин-ю. Мин-ю уверил в возможности напасть на хуннов; почему Мин-ю назначен предводителем с титулом Ду-ля̀о Гян-гюнь,[2] и с 20 000 конницы выступил из Ляо-дун, но хунны, получив известие о выступлении китайских войск, обратно ушли. Чтоб не попустому предпринять поход, Хо Гуан наказал Мин-ю, в случае ухода хуннов, напасть на ухуаньцев. Тогда ухуаньцы только что потерпели поражение от хуннов. По уходе Хуннов, Мин-ю, пользуясь расстроенным положением ухуаньцев, снова напал на них, порубил до 6 000 человек, взял трех князей в плен, и возвратился. Он получил княжеское достоинство Пьхин-лу Хо́у. После сего хунны не могли предпринять похода, а отправили в Усунь посланника с требованием выдать им китайскую царевну. Они напали на Усунь, и овладели урочищем Чеянь-ушы. Усуньская царевна представила донесение. Дело о помощи отдано на рассмотрение государственных чинов, и они еще не решили его, как Чжа́о-ди преставился.

61 **73** По вступлении Сюань-ди на престол, 73, усуньский Гуньми еще представил донесение, в котором писал, что хунны то и дело обрезывают земли его, и он Гуньми вызывается выставить с половины своего государства 50 т. отборной конницы для нападения на хуннов, только бы Сын Неба выслал войско из жалости помочь царевне. Во второе лето правления Бэнь-шы, 72, китайский Двор выставил легких, лучших ратников из Гуань-дун, выбрал в областях и уделах трех сот мешковых предводителей,[3] крепких, искусных в конном стрелянии из лука, и всех поместил в походную армию. Министр Тьхянь Гуан-мин назначен Циляньским полководцем.[4] Предписано: ему выступить из Си-хэ с 40 000 конницы, главному хуннускому приставу Фань Мин-ю выступить из Чжан-йе с 30 000 конницы; передового корпуса начальнику Хань Цзэн выступить из Юнь-чжун с 30 000 конницы; начальнику заднего корпуса Чжа̀о Чун-го, наименованному Пулэйским полководцем, выступить из Цзю-цюань с 30 000 конницы, области Юнь-чжун правителю Тьхянь-Шунь, наименованному Ху-а Гян-гюнь, выступить из Ву-юань с 30 000 конницы. Сии пять полководцев в сложности имели более 160 т.

72

---

[1] Титул *Чжун-лан-гян* носили хуннуские приставы, заведывавшие хуннами от Калгана за Ордос. Приставы были в чинах, равных нашему чину 4-й степени.

[2] Ду-ляо Гян-гюнь был титул главного хуннуского пристава.

[3] Низшие офицеры.

[4] Юй-шы Да-фу.

конницы. Каждый из них, по выступлении за границу, прошел более 2 000 ли. Пристав[1] Чан Хой послан наблюдать за Усуньскими войсками. Усуньский Гуньми и князья его с 50 т. конницы вступили с западной стороны. Когда хунны получили известие о || великом походе китайцев, 62
то старые и малолетные бежали, собрали все имущество и скот, и далеко уклонились; почему пять полководцев мало добычи получили. Главный хуннуский пристав отошел от границы около 1 200 ли, дошел до реки Пулихэу, порубил и в плен взял до 700 человек, и в добычу получил до 10 000 голов лошадей, волов и овец. Начальник передового корпуса также отошел до 1 200 ли, доходил до Уюни,[2] порубил и в плен взял у гор Хэу-шань около 100 человек, в добычу получил до 2 000 штук лошадей, быков и овец. Корпус Пулэйского полководца должен был соединившись с усуньцами напасть на хуннов близ озера Пулэй-цзэ: но усуньцы прежде пришли, и опять ушли, и китайский корпус не мог соединиться с ними. Пулэйский полководец отошел от границы около 1 800 ли, от гор Хэу-шань пошел далее на запад, взял в плен Шаньюева посла Пуинь-князя и пр. всего до 300 человек, в добычу получил до 7 000 штук лошадей и разного рогатого скота. По получении известия, что неприятели ушли, и сам он, не дождавшись срока, возвратился. Сын Неба не обратил внимания на его проступок и милостиво простил его. Циляньский полководец прошел за границею около 1 600 ли, дошел до гор Гичи, порубил и в плен взял 19 человек, в добычу получил до 100 штук разного скота. Он встретился с китайским посланцем Жань Хун, возвращавшимся от хуннов. Посланец сказал ему, что по западную сторону гор Гичи расположилось множество неприятеля. Циляньский наказал посланцу говорить, что нет неприятеля, и решился идти обратно. Юй-шы[3] 63
Гун-сунь И-шèу удерживал его от обратного похода. Циляньский не послушал его, и предпринял обратный путь. Ху-а Гян-гюнь отошел от границы до 800 ли, дошел до реки Даньюйву и остановился. Он порубил и в плен взял до 1 000 человек, в добычу получил до 70 000 штук лошадей, быков и овец, и потом пошел в обратный путь. Как Ху-а Гян-гюнь не дождался срока, и ложно увеличил

[1] На кит. *Сяо-юй*, начальник отдельного отряда. При династии Хань сей титул имели *приставы* восточных и западных инородцев. Восточные приставы заведывали делами восточных монголов и тунгусов, западные делами тангутов и тюркистанцев.

[2] *Шы-гу* пишет: *Уюнь* есть название урочища.

[3] Название высшей гражданской должности.

число пленных и добычи, а Циляньский, зная, что неприятель впереди, медлил и не шел вперед; то Сын Неба обоих предал суду, и они кончили жизнь самоубийством. Гун-сунь И-шѐу повышен в Дай-юй-шы, пристав Чан Хой и усуньцы подошли к стойбищу западного Лули-князя, в плен взяли Шаньюева тестя, невестку Гюйцы, высшего князя Ливу, Дуюй, тысячников и проч. всего до 39 000 человек; в добычу получили до 700 000 штук лошадей, быков и овец, ослов и верблюдов. Император пожаловал Чан Хой княжеским достоинством Чан-ло-хэ̀у. Впрочем и удалившиеся хунны чрезвычайную понесли убыль и в людях и в скоте, и вследствии сего ослабели. Негодуя на Усунь, Шаньюй зимою с несколькими десятками тысяч конницы произвел нападение, и, захватив несколько старых и бессильных, обратно пошел. Но случилось, что в продолжение одного дня выпал снег глубиною до десяти футов. От мороза столько погибло и людей и скота, что и десятой части не возвратилось. Почему Динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы с запада.
64 || Сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек, и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец. Сверх сего, $^{3}/_{10}$ и людей и скота от голода погибло. Хунны пришли в крайнее бессилие. Подвластные им владения отложились от них, и хунны не в состоянии были производить набегов. После сего китайцы выступили с 3 000 конницы, и вошли в земли хуннов тремя дорогами. Они забрали в плен несколько тысяч человек и возвратились; и хунны не смели отплатить набегом с своей стороны; напротив, тем более желали мира и родства, и на границе менее стало беспокойствий. Хуаньди Шаньюй на семнадцатом году царствования умер. Младший брат его, Восточный Чжуки-князь, вступил на престол под наименованием Хюйлюй-Цюань-
68 кюй-Шаньюя. Это был второй год правления Дицзйе, 68.

XI. Хюйлюй-Цюанькюй-Шаньюй. Хюйлюй-Цюанькюй-Шаньюй, по вступлении на престол, дочь западного Великого предводителя поставил первою Яньчжы, а любимую покойным Шаньюем Яньчжы Чжуанькюй отставил. Отец Чжуанькюй-Яньчжы Восточный Великий Цзюй-кюй начал питать злобу к нему. В сие время хунны уже не могли производить набегов на границы Китая: почему китайский Двор оставил попечение о заграничных городах,[1] чтобы дать отдых народу. Шаньюй, услышав о сем,

[1] Поддерживание крепостей, построенных за границею.

обрадовался, и пригласил старейшин на совет о возобновлении мира и родства с Китаем. Восточный Великий Цзюйкюй, умышляя повредить этому делу, сказал: прежде, когда китайский Двор, отправлял || посланника к 65
нам, в след за ним выступали войска. Теперь и нам должно, подражая китайскому Двору, отправить посланника к нему: почему и просил, чтоб ему и Хулуцы-князю, каждому с 10 000 конницы, произвести облаву подле китайской границы, и будто бы нечаянно встретившись вместе, вступить в пределы Китая. Они еще не дошли, как трое конников бежали, и, поступив в подданство Китая, объявили, что хунны умышляют произвести набег: почему Сын Неба указал двинуть пограничную конницу и расставить в важных местах, а верховному вождю указал с корпусным приставом, всего четырем человекам выступить за границу с 5 000 конницы, разделенной на три отряда. Каждый из них по выходе за границу прошел несколько сот ли, поймал несколько десятков неприятелей, и возвратился. В это время хунны, по причине бегства трех конников, не смели вступить в пределы Китая, и обратно ушли. В сем году в земле хуннов был голод, в продолжение которого погибло до $^{6}/_{10}$ и народа и скота; сверх сего выставили в двух местах по 10 000 конницы для предосторожности от китайцев. Осенью хунны покорили поколение Сижу,[1] обитавшее в восточной земле. Старейшины сего поколения с несколькими тысячами народа, собрав имущество и скот, вступили в сражение с пограничными караулами, весьма многих убили и ранили, и наконец, двинувшись на юг, поддались Китаю. В следующем году, 67, оседлые[2] Западного края со||единенными 67 66
силами ударили на хуннов, завоевали Чешыское владение, и самого владетеля с народом увели с собою. Шаньюй поставил владетелем в Чешы Дзумо, родственника Чешыскому владетелю, собрал остатки рассеянного народа и переселил на восток, а на прежних землях не смел оставить их. Китайский Двор отправил военнопашцев для заселения Чешыских земель, и разделил им пахотные земли. В следующем году, 66, хунны, досадуя, что За- 66
падные владения соединенными силами напали на Чешы, отправили восточного и западного Великих предводителей, каждого с 10 000 конницы, для заведения земледелия в

[1] *Мын Кхан* пишет: Сижу есть отрасль Хуннуского Дома.

[2] На кит. *Чен-кхэ* [Чэн-го в современном чтении], что зн. города и предместия, т. е. в городах живущие, оседлые. И ныне монголы оседлых тюркистанцев для отличия от кочевых называют на своем языке Хотон, что зн. горожане, в городах живущие.

Западной стороне, чтоб впоследствии стеснить Усунь и
64 Западный край. Чрез два года, в 64 году, хунны еще
отправили восточного и западного Юегяней каждого с
6 000 конницы. Они с восточным Великим предводи-
телем дважды нападали на Чешыские города, занятые
63 китайцами, но не могли взять. С следующего года, 63,
динлины сряду три года производили набеги на земли
хуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек,
угнали множество лошадей и рогатого скота. Хунны по-
сылали за ними 10 000 конницы, но без всякого успеха.
62 В следующем году, 62, Шаньюй со 100 000 конницы про-
изводил облаву близ китайской границы, и хотел вступить
в пределы Китая: но еще не дошел, как Тичукюйтан, один
из подданных его, бежал в подданство китайское, и объ-
явил о его предприятии. Китайский Двор дал Тичукюй-
тану княжеское достоинство Лусилу-хэ́у, и отправил Чжао
67 Чун-го, начальника зад|него корпуса с 40 000 конницы
расположиться — для предосторожности от неприятелей —
по границе девяти областей. Но Шаньюй чрез месяц за-
немог кровотечением из рта: по сей причине не пошел в
Китай, а возвратился, и, прекратив войну, отправил
в Китай посланника с предложением о мире и родстве.
Ответа не было. Вскоре Шаньюй умер. Это было второе лето
60 правления Шен-цзио, 60. Хюлюй Хуанькюй Шаньюй умер
на девятом году царствования своего. Он сначала поста-
новил, а потом отставил Чжуанькюй-Яньчжы, которая
вскоре после сего вступила в любовную связь с западным
Чжуки-князем. Западный Чжуки-князь хотел ехать в
Лун-чен на собрание. Чжуанькюй-Яньчжы сказала ему,
что Шаньюй опасно болен, и советовала не удаляться.
Чрез несколько дней Шаньюй умер. Хэсу-князь Синвэйян
разослал нарочных для приглашения старших князей:
но князья еще не собрались, как Чжуанькюй-Яньчжы с
младшим своим братом восточным Великим Цзюйкюем
Дулунки западного Чжуки-князя Туцитана возвела на
престол под наименованием Уянь-Гюйди Шаньюя.

XII. Уянь-Гюйди-Шаньюй. Уянь-гюйди-Шаньюй на-
следственно по отцу получил достоинство Западного Чжу-
ки-князя. Он был потомок Увей Шаньюев. Уянь-гюйди
Шаньюй по вступлении на престол опять начал стараться
о возобновлении мира и родства, и отправил младшего
своего брата Иньюжо-князя Шенчжы к китайскому Двору
с дарами. Шаньюй в самом начале царствования начал
бесчеловечно поступать; казнил всех вельмож, управлявших
делами при покойном Хюлюй-Цюанькюй-Шаньюе,
как-то: Синвэйяна и пр., а удостоил своей доверенности

Дулунки, брата Чжуанькюй-Яньчжы; сверх || сего, всех 68
близких родственников покойного Шаньюя отставил от должностей, а на их места определил своих родственников. Гихэушянь, сын Хюлюй-Цюанькюй-Шаньюя, не получив престола, ушел к тестю своему в Ушаньму. Ушаньму было небольшое владение, лежавшее между владениями Усунь и Кангюй. Владетель нередко терпел притеснения от соседей; почему с несколькими тысячами своего народа поддался хуннам. Хулугу-Шаньюй женил его на сестре родственника своего Жичжо-князя и поставил правителем его народа в западной стороне. Жичжо-князь назывался Сяньхяньшань; отец его, Восточный Чжуки-князь, имел право на престол, но уступил это право Хулугу-Шаньюю, а Хулугу-Шаньюй дал слово сделать его преемником по себе: посему-то вельможи громко говорили, что Жичжо-князь должен быть Шаньюем. Жичжо-князь был в разладе с Уянь-гюйди Шаньюем, почему с несколькими десятками тысяч своего народа поддался Китаю, а китайский Двор дал ему княжеское достоинство Гуй-дэ-хэу, а Шаньюй на его место Жичжо-князем определил родственника своего Босюйтана. В следующем году, 59, хан 59
еще убил двух младших братьев Сяньхяньшаня. Ушаньму просил за них, но Шаньюй не послушал, и Ушаньму остался недоволен. После сего умер Восточный Югянь-князь; Шаньюй определил на его место своего малолетнего сына и оставил в орде. Югяньские старейшины с общего согласия поставили своим князем сына покойного князя и перекочевали на восток. Шаньюй отправил западного министра с 10 000 конницы для нападения на них, но министр без пользы потерял несколько тысяч человек. Шаньюй уже
два года цар||ствовал и еще продолжал свои жестокости. 69
В государстве возникли неудовольствия против него. Когда же наследник престола Восточный Чжуки-князь несколько раз обидел старейшин Восточной стороны, то старейшины вознегодовали. В следующем году, 58, ухуань- 58
цы на восточной границе напали на Гуси-князя и увели много народу. Шаньюй рассердился. Гуси-князь, для избежания опасности, пристал к Ушаньму и старейшинам Восточной стороны, и с общего с ними согласия на престол возвел Гихэушяня под наименованием Хуханье-Шаньюя, потом собрав от 40 000 до 50 000 войска, пошел на запад на Уянь-гюйди Шаньюя. Когда ж пришел на северную сторону реки Гуцзюй, то еще до сражения войско Уянь-гюйди Шаньюя обратилось в бегство. Он послал гонца к младшему своему брату, Западному Чжуки-князю, с известием, что хунны [восточной стороны] соединенными

силами напали на него, и просил его придти с своими войсками на помощь ему. Западный Чжуки-князь сказал ему в ответ, что он из ненависти к людям убивал родственников и старейшин, то пусть один и умирает, а не замешивает его. И так Уянь-гюйди-Шаньюй с досады сам себя предал смерти; Дулунки бежал к западному Чжуки-князю, а подданные до единого признали Хуханье-Шаньюя.
58 Это было четвертое лето правления Шень-цзио, 58, до Р. Х., Уянь-гюйди Шаньюй погиб на третьем году своего царствования.

III. ОТ ПОДДАНСТВА ХУННОВ КИТАЮ В 57 ПРЕД Р. Х., ДО ИХ РАЗДЕЛЕНИЯ НА ДОМЫ ЮЖНЫЙ И СЕВЕРНЫЙ В 25 ГОДУ ПО Р. Х. В ПРОДОЛЖЕНИЕ 81 ГОДА СЕМЬ ХАНОВ

[*Цяньханьшу, гл. 94б*]

XIII.* Хуханье-Шаньюй. Хуханье-Шаньюй чрез несколько месяцев по возвращении в орду отпустил
70 войска на их прежние места; нашел старшего своего брата Хутууса в числе простолюдинов и поставил его Восточным Лули-князем; потом послал приказ старейшинам Западной стороны, чтобы они убили своего Чжуки-князя.[1] В ту зиму Дулунки и Западный Чжуки-князь, с общего согласия, Жичжо-князя Босюй-тана поставили Чжуки-Шаньюем. Они собрали несколько десятков тысяч войска и пошли на восток на Хуханье-Шаньюя. Войско Хуханье-Шаньюя было разбито и обратилось в бегство. Чжуки-Шаньюй, по возвращении из похода, поставил старшего своего Дутууса Восточным, а младшего сына Гумэулуту Западным Лули-князем и оставил их в своей орде. Осенью
57 следующего года, 57, Чжуки-Шаньюй, для предосторожности против Хуханье-Шаньюя, отправил Жичжо-князя Сяньханьшяня и старшего брата Югянь-князя, каждого с 20 000 войска, расположиться по Восточной стороне. В сие время приехавший Хуге-князь Западной стороны согласился с Вэйли-данху оклеветать Западного Чжуки-князя, что он замышляет объявить себя Уцзи-Шаньюем. Чжуки-Шаньюй Западного Чжуки-князя с сыном предал смерти, но после узнал о его невинности и казнил Вэйли Данху, почему Хуге-князь пришел в страх и отложился.

---

[1] Младшего брата Уянь-гюйди-Шаньюева.

* [В настоящем издании подразделы XIII—XIX соответствуют подразделам XV—XXI первого издания].

Он объявил себя Хуге Шаньюем. Западный Юйди-князь, получив известие о сем, тотчас объявил себя Чели-Шаньюем. Уцзи Дуюй также объявил себя Уцзи-Шаньюем. Всего стало пять Шаньюев. Чжуки-Шаньюй сам пошел на восток против Чели-Шаньюя; а Дулункия отправил против Уцзи-Шаньюя. Уцзи и Чели оба были разбиты и бежали на || северо-запад. Они присоединились к Хуге-Шаньюю 71
и составили сорокатысячный корпус войск. Уцзи и Хуге сложили с себя достоинство Шаньюя и решились совокупными силами поддерживать Чели-Шаньюя. Чжуки-Шаньюй, получив известие о сем, приказал Восточным: Великому предводителю и Дуюю — для предосторожности против Хуханье-Шаньюя — расположиться по Восточной стороне с 40 000 конницы, а сам с 40 000 конницы пошел на запад на Чели-Шаньюя. Чели-Шаньюй был разбит и бежал на северо-запад. Чжуки-Шаньюй пошел на юго-запад и
остановился в урочище Ундунь. В следующем году, 56, 56
Хуханье-Шаньюй отправил младшего своего брата западного Лули-князя с прочими на запад для нападения на Чжуки-Шаньюя. Он побил и в плен взял до 10 000 человек. Чжуки-Шаньюй, извещенный о сем, тотчас выступил в поход с 60 000 конницы, чтобы ударить на Хуханье-Шаньюя. Он прошел около 1 000 ли, но не дошед до урочища Нугу, встретился с войском Хуханье-Шаньюя, простиравшимся до 40 000, и вступил в сражение. Войско Чжуки-Шаньюя не устояло, и он предал себя смерти. Дулунки с младшим Чжукиевым сыном Западным Лули-князем Гумэулуту бежал к китайскому Двору, а Чели-Шаньюй на востоке покорился Хуханье Шаньюю. Хуханье-Шаньюев Восточный Великий предводитель Улигюй и отец его Хусулэй Улиманьдунь,[1] видя смятения в доме хуннов, собрали несколько десятков тысяч своего народа и на юге поддались Китаю. Они получили княжеские достоинства, Улигюй
достоинство Синь-чен-хэ́у, Улиманьдунь достоин||ство 72
И-ян-хэ́у. В это время сын полководца Ли Лин вторично объявил Уцзи-дуюй Шаньюем: но Хуханье Шаньюй поймал сего Шаньюя, и отрубил ему голову; а после сего опять возвратился в орду. Впрочем он лишился нескольких десятков тысяч подданных. Чжуки-Шаньюев родственник Сюсюнь-князь, имея до 600 своей конницы, напал на Восточного Великого Цзюйкюя и убил его; потом присовокупив войско его к своему, пришел в Западную сторону и объявил себя Жуньчень-Шаньюем на западной границе. Вслед за сим старший брат Хуханье-Шаньюев, Восточный

[1] *Хусулэй* есть название чина. П. И.

Чжуки-князь Хутуус, объявил себя Чжичжы-гудуху Шаньюем на восточной границе. По прошествии двух лет Жуньчень Шаньюй пошел с своим войском на восток на Чжичжы-Шаньюя, но Чжичжы-Шаньюй убил его на сражении, и, присовокупив войско его к себе, напал на Хуханье-Шаньюя. Последний был разбит; войско его обратилось в бегство, и Чжичжы-Шаньюй остался жить в орде. После поражения Хуханье Шаньюя, Восточный Ичжицзы-князь подал Шаньюю совет поддаться китайскому Двору, просить у него вспоможения, и таким образом восстановить спокойствие в Доме Хуннов. Хуханье Шаньюй отдал сие дело на мнение старейшин. «Это не возможно, говорили старейшины. Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны пред всеми народами. Мы еще не оскудели в отважных воинах. Теперь два родные брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай как ни могуществен, не в состоянии
73 поглотить все владения хуннов: для чего || же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами Дома Хань значит унизить и постыдить покойных Шаньюев и подвергнуть себя посмеянию соседственных владений. Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем владычествовать над народами». Я иначе думаю, сказал на это Восточный Ичжицзы: могущество и слабость имеют свое время. «Ныне Дом Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом Хуннов со времен Цзюйдихэу Шаньюя день ото дня умаляется и не может возвратить прежнего величия. Сколько он ни силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят единственно от подданства Китаю; без сего подданства он погибнет. Какой другой совет может быть лучше предлагаемого мною?» Старейшины при столь затруднительном обстоятельстве долго не могли решиться. Хуханье склонился на предложение Ичжицзы, и, взяв свой народ, подошел на юге к Долгой стене. Он отправил сына своего, Западного Чжуки-князя Чжулэй-кюйтана, к китайскому Двору в службу. И Чжичжы-Шаньюй также послал сына своего западного Великого предводителя Гюйюйлишу, к китайскому Двору в службу. Это было пер-
53 вое лето правления Гань-лу, 53, до Р. Х. В следующем
52 году Хуханье Шаньюй подошел к китайской границе в Ву-юань и предложил о своем желании чрез каждые два года в третий являться к китайскому Двору в первой

луне.[1] Китайский Двор отправил военачальника[2] Хань Чан, чтоб он, в ‖ проезд чрез семь областей, в каждом обла- 74
стном городе встречал Шаньюя, выстроив для почести по сторонам дороги 2 000 конницы. Шаньюй в первый день первой луны представлен был Сыну Неба в загородном дворце Гань-цюань и принят отличным образом. Он занял место выше всех князей. Возглашали его вассалом, но не именем. После сего государь пожаловал ему шляпу, пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать с желтыми шнурами, меч, осыпанный дорогими камнями, поясной нож, лук и четыре выпуска[3] стрел, десять чеканов с чехлами, колесницу, узду, пятнадцать лошадей, двадцать гинов золота, 200 000 медной монеты, семьдесят семь перемен одежды, 8 000 кусков разных шелковых тканей, 6 000 гинов бумажной ваты. По окончании церемонии государь приказал прежде проводить Шаньюя в Чан-пьхин ночевать; а сам из Гань-цюань отправился ночевать в Чи-ян-гун и не приказал представлять ему Шаньюя[4] при вступлении в Чан-пьхин. Приближенные Шаньюя получили дозволение видеть церемонию; иностранные владетели и князья в числе нескольких десятков тысяч человек встретили государя у моста Вэйцяо, выстроившись по обеим сторонам дороги. Когда государь вступил на помянутый мост, то все возгласили: Вань-суй.[5] Шаньюй более месяца прожил в подворьи, и потом отпущен в свои владения. Он сам просил, чтоб ему дозволили остаться близ погранич‖ной укрепленной линии Гуан-лу-сай[6] 75
и в опасное время охранять китайский Шеу-сян-чен. Китайский Двор отрядил князя[7] Дун Чжун и военачальника[8] Хань Чан с 16 000 конницы и 1 000 ратников из каждой пограничной области проводить Шаньюя за границу чрез укрепленную линию Ги-лу-сай в области Шо-фан.[9]

---

[1] *Шы-гу* пишет: при большом выходе с поздравлением на новый год.

[2] *Че-ки Ду-юй*; в переводе: начальствующий над колесницами и конницею.

[3] *Фу Кянь* пишет: один выпуск содержит 12 стрел.— *Хань Чжао* пишет: по обряду три приема в стрелянии из лука; в каждый прием пускали четыре стрелы.— И так, четыре выпуска составляли 48 стрел.

[4] *Шы-гу* пишет: уволить от поклонения.

[5] Что буквально зн. 10 000 лет.

[6] *Шы-гу* пишет: построенной полководцем Сюй Цзы-вэй.

[7] Гао-чан-хэу.

[8] Че-ки Ду-юй.

[9] *Шы-гу* пишет: в Шо-фан, на северо-запад от уездного города Юйхунь-хянь.

Указано Чжун и прочим охранять Шаньюя и содействовать ему в наказании непокоривых. На содержание отправлено с границы в разные времена 34 000 ху проса, риса и высушеного вареного риса.

Ниже часто будут встречаться слова: инородцы поддавшиеся, инородцы покорившиеся, инородцы зависимых владений. *Поддавшимися* называли тех инородцев, которые, для устранения трудных каких-либо обстоятельств, добровольно поступали в китайское подданство. В сем случае китайский Двор наиболее действовал подкупами. *Покорившимися* считались взятые в плен в военное время. И те и другие размещаемы были за пограничною чертою не под управлением своих начальников, но под главным надзором китайского правительства. Они обязаны были служить пограничною стражею, а китайское правительство с своей стороны производило им содержание. Когда же сии условные подданные ходили на войну против своих соплеменников, то сверх содержания получали награды. И поддавшиеся и покорившиеся вообще назывались *инородцами зависимых владений.*

В этом же году и Чжичжы-Шаньюй отправил посланника для представления даров. Император весьма благосклонно принял их. В следующем году, 50, оба Шаньюи
50 76 прислали к Двору посланников с дарами. || Китайский Двор Хуханье-Шаньюева посланника принял с большим отли-
49 чием. В следующем году, 49, Хуханье-Шаньюй опять приехал к Двору; принят и награжден был как в прошедший раз. Прибавлено 110 перемен одеяния, 9 000 кусков шелковых тканей и 8 000 гинов бумажной ваты. Как он имел постоянное охранное войско, то и не посылали конницы для препровождения его. В начале Чжичжы-Шаньюй полагал, что Хуханье-Шаньюй хотя и поддался Китаю, по слабости своих войск не может возвратиться на прежние земли; почему пошел с своим войском на запад, чтобы утвердить Западную сторону под своею властью. Младший брат Чжуки-Шаньюев, служивший при Хуханье-Шаньюе, также бежал в Западную сторону, где собрал войско, оставшееся после двух его старших братьев, и, сим образом получив несколько тысяч человек, объявил себя Илиму-Шаньюем: но по дороге встретился с Чжичжы-Шаньюем и вступил в сражение с ним. Чжичжы убил его и до 50 000 войск его присоединил к своим войскам; и как он получил известие, что китайский Двор помогает Хуханье-Шаньюю и войсками и хлебом, то и остался жить в

Западной стороне. Расчисляя, что он собственными силами не в состоянии утвердить спокойствие во владениях хуннов, подался далее на запад к Усуню, и, желая соединиться с ним, отправил посланника к малому Гуньми Уцзюту. Уцзюту, зная, что Китай поддерживает Хуханье-Шаньюя, а Чжичжы-Шаньюй близок к погибели, хотел, в угождение китайскому Двору, напасть на него: почему убил посланника Чжичжы-Шаньюева и отправил голову его в местопребывание наместника; а для встретения Чжичжы-Шаньюя выслал 8 000 конницы. || Чжичжы, видя, что Усуньских войск много, а его посланник еще не возвращался, выставил свое войско и, ударив на усуньцев, разбил их; отселе, поворотив на север, ударил на Угйе. Угйе покорился, и Чжичжы при помощи войск его разбил на западе Гянь-гунь; на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь, и всегда одерживал верх. Гянь-гунь от Шаньюевой орды [1] на запад отстоит на 7 000 ли, от Чешы на север [2] 5 000 ли. Здесь Чжичжы утвердил свое местопребывание. По вступлении Юáнь-ди на престол, 48, Хуханье-Шаньюй представил, что народ его находится в стесненном положении. Китайский Двор указал доставить ему из Юнь-чжун и Ву-юань 20 000 ху проса. Чжичжы-Шаньюй, находясь в толикой отдаленности и досадуя, что китайский Двор покровительствует Хуханье, отправил посланника с представлением, которым просил об увольнении сына его, находившегося в службе при Дворе. Китайский Двор отправил Гу Ги проводить сына его. Чжичжы убил Гу Ги. Китайский Двор не имел никаких известий о Гу Ги; но поддавшиеся хунны разведали от пограничных караулов, что он убит. Когда приехал посланник от Хуханье-Шаньюя, то Двор письменно сделал ему очень строгий выговор. В следующем году, 47, Двор отправил военачальника [3] Хань Чан и сановника [4] Чжан Мын препроводить сына Хуханье-Шаньюева, и препоручил им разведать о Гу Ги; после сего простил Шаньюя и вывел его из || сомнения.[5] Чан и Мын видели, что народ Хуханье-Шаньюев умножился, и что близ границ совершенно нет птиц и зверей, и Хуханье-Шаньюй в состоянии охранять себя, не опасаясь Чжичжы. Они

77 48 47 78

[1] Здесь под ордою разумеется главное ханское стойбище у Хангайских гор.

[2] В обоих местах должно разуметь на северо-запад.

[3] Че-ки Дуюй.

[4] Гуан-лу Да фу.

[5] *Шы-гу* пишет: Шаньюй подозревал, что Двор думает объявить ему войну.

слышали, что большая часть старейшин советовала Шаньюю возвратиться на север;[1] и опасались, что по уходе на север трудно будет содержать его в повиновении; почему заключили с ним следующую клятву: «отныне впредь Хань и Хунну будут составлять один Дом; из рода в род не будут ни обманывать друг друга, ни нападать друг на друга. Если случится воровство, то взаимно извещать и производить казнь и вознаграждение;[2] при набегах неприятелей взаимно вспомоществовать войском. Кто из них прежде нарушит договор, да восприимет кару от Неба, и потомство его из рода в род да постраждет под сею клятвою». Чан, Мын, Шаньюй и его старейшины взошли на Хуннускую гору по восточную сторону реки Но-Шуй[3] и закололи белую лошадь. Шаньюй взял дорожный меч [4], и конец его омочил в вино; это клятвенное вино пили из головного черепа Юечжыского Государя, убитого Лаошан Шаньюем. Чан и Мын по возвращении донесли о сем импе-
79 ратору. Государственные чины в || совете полагали, что «Шаньюй, обязавшийся охранять границу Китая, хотя бы и принял намерение уйти на север, не может быть опасен. Чан и Мын самовольно подвергли потомков Дома Хань заклинательной присяге с иноземцами и подали Шаньюю повод в оскорбительных выражениях жаловаться на государя Небу, нанесли стыд Двору, унизили достоинство Империи. Надлежит отправить посланника к хуннам принесть жертву Небу о разрешении клятвы. Чан и Мын худо выполнили возложенное на них поручение, и учинили величайшее преступление». Но государь счел их преступление маловажным, указал им откупиться и не предписал разрешить клятву. После сего Хуханье действительно ушел на север в прежнюю орду. Народ мало по малу возвратился к нему, и при Дворе его утвердилось спокойствие. Чжичжы, убивший китайского посланника, сознавал свою вину пред китайским Двором; сверх сего, слыша, что Хуханье усилился, опасался нечаянного нападения от него и хотел уклониться далее. Случилось, что Кангюйский владетель, часто стесняемый усуньцами,

[1] *Шы-гу* пишет: близ укрепленной границы уже не было ни пищи, ни зверей; и посему нечего было промышлять на охоте; притом не боялись Чжичжы; почему хотели возвратиться на север, на прежние места.

[2] *Шы-гу* пишет: если китаец учинит воровство в земле хуннов, или хунн учинит воровство в Китае, то взаимно давать знать о сем; и потом наказывать и вознаграждать.

[3] *Шы-гу* пишет: *Но-шуй* есть река Но-чжень-шуй, протекающая ныне в Дӯлгаской [Тукюеской] земле.

[4] *Ин-шà* пишет: дорожный меч есть драгоценный меч у хуннов.

в совете с своими старейшинами[1] полагал, что хунны составляли большое государство, а Усунь зависел от них. Теперь Чжичжы-Шаньюй вне отечества и находится в тесных обстоятельствах; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь, и здесь поставить его владетелем;[2] тогда не для чего опасаться хуннов. Тотчас отправили в Гяньгунь посланника сооб‖щить 80
это Чжичжы. Чжичжы опасался и сверх того досадовал на Усунь, почему когда услышал о намерении Кангюйского владетеля, крайне обрадовался; заключил союз с ним и пошел с своим войском на запад. Кангюйский владетель навстречу Чжичжы отправил старейшин с несколькими тысячами верблюдов, ослов и лошадей. Чжичжы в походе потерял много людей, погибших от мороза; только 3 000 человек пришли в Кангюй. Впоследствии наместник Гань Янь-шèу и помощник его Чень Тхай пришли в Кангюй с войсками и казнили Чжичжы. См. о сем в повествовании о Гань Янь-шèу. Хуханье-Шаньюй, получив известие о погибели Чжичжы, чувствовал и радость и страх. Он в представлении Двору писал: «я всегда желал видеть Сына Неба, но пока Чжичжы находился в западной стороне, я опасался, чтоб он, соединившись с усуньцами, не напал на меня: по сей причине я не мог прибыть к Двору. Теперь Чжичжы уже истреблен, и я желаю явиться к Двору». В первое лето правления Цзин-нин, 33, Шаньюй, опять 33
приехал к Двору, принят и награжден попрежнему. Ему дано одежд, шелковых тканей и бумажной ваты вдвое более против прошлого раза.[3] Шаньюй изъявил желание сблизиться с Китаем через женитьбу на девице из Дома Хань.[4] Государь выдал за Шаньюя принятую во дворец при Юань-ди благородную девицу Ван Цян, по проименованию Чжаò-гюнь. Восхищенный Шаньюй представил государю, что он желает вечно охра‖нять китайскую 81
границу от Шан-гу на запад до Дунь-хуан [5] и просил снять пограничные гарнизоны, чтоб успокоить Сына Неба и народ его. Сын Неба отдал это на рассмотрение чинов. В совете почти все признали такое предложение выгодным; только Лан-чжун [6] Хэу Ин, основательно знавший

[1] На кит. *Хи-хэ́у*, низшие князья.

[2] *Шы-гу* пишет: совокупными силами уничтожить Дом Усунь, а земли его предоставить Чжичжы для местопребывания.

[3] См. выше 49 год.

[4] *Шы-гу* пишет: говорится, что желает взять девицу из Дома Хань и сделаться зятем сего Дома.

[5] *Шы-гу* пишет: сам просил предоставить ему охранение от набегов и грабительств.

[6] Название среднего чина.

пограничные дела, говорил, что согласиться на это невозможно. Государь потребовал объяснения, и Хэу Ин в ответ написал: «Со времен династий Чжèу и Цинь хунны неистовствовали, грабили и опустошали пограничные места. Дом Хань, при восстании своем, особенно потерпел от них. Известно, что по северной границе до Ляо-дун лежит хребет под названием Инь-шань, простирающийся от востока к западу на 1 000 слишком ли. Сии горы привольны лесом и травою, изобилуют птицею и зверем. Модэ Шаньюй, утвердившись в сих горах, заготовлял луки и стрелы и отсюда производил набеги. Это был зверинец его. Уже при Хяо̀ Ву-ди, выступили войска за границу, отразили хуннов от сих мест и прогнали их за Шо-мо на север; основали укрепленную пограничную линию и открыли по ней караулы и дороги; сбили внешнюю стену и снабдили ее гарнизонами для охранения. После сего уже увидели на границе некоторое спокойствие. От Шо̀-мо на север [1] земли ровные, лесов и травы мало, но более глубокие пески.[2] Когда хунны предпринимают произвести на-
82 беги, то мало имеют скрытных мест для || убежища. От укрепленной границы на юг лежат глубокие горные долины, трудные для прохода. Пограничные старики говорят, что хунны, после потери хребта Инь-шань, не могут без слез пройти его. Если снять гарнизоны, поставленные на границе для предосторожности, то покажем, что мы не в силах против больших преимуществ на стороне иноземцев. Вот первая причина невозможности. Второе: ныне хунны осенены милостями нашего Двора; спасенные от погибели, они с преклонением головы назвались вассалами. Но чувства иноземцев таковы: в тесных обстоятельствах они унижаются и покорствуют; усилившись, гордятся и противоборствуют. Сии свойства врожденны им. Вместо уничтожения внешней стены и уменьшения караулов, ныне достаточно отменить сторожевые маячные огни. В древности и в спокойное время не упускали опасностей из виду. Вот вторая причина, по которой не должно отменять меры предосторожности. В Срединном государстве есть понятие о приличии и справедливости, есть уложение о наказаниях; и при всем том глупый народ нарушает запрещения. Что же сказать о Шаньюе? может ли он наверное удержать свой народ от нарушения договора? Вот

---

[1] Т. е. от южной окраины Песчаной степи.

[2] Хэу Ин не имел верных сведений о Халхе, которая изобилует и лесом и травами; а песчаных мест и ныне весьма мало. Почва везде из самого мелкого гравия.

третья причина. С того времени, как Срединное государство [1] нужным нашло построить крепости и заставы для обуздания удельных князей и пресечения властолюбивых видов их, завели пограничные укрепления, поставили гарнизоны, но не для хуннов только, а и для жителей зависимых владений, бывших подданных хуннуских, чтоб они, соскучась по ро‖дине, не вздумали бежать. Вот *83* четвертая причина. Ближние Западные Кяны, охраняя укрепленную линию, вступили в связь с китайцами. Чиновники и простолюдины, увлекшись корыстолюбием, отнимали у них скот, имущество, жен и детей. Отсюда возникли неудовольствия и ненависть, бывшие причиною долговременных замешательств.[2] Если ныне оставить границу без караулов, то мало по малу возродятся пренебрежение и споры. Вот пятая причина. В прошлое время многие из следовавших при армии без вести пропали и не возвратились; семейства их остались в бедности и нужде. Не могут ли они бежать за границу к своим родственникам? Вот шестая причина. Невольники и невольницы у пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить, и не смотря на бдительность караулов иногда перебегают за границу. Вот седьмая причина. Разбойники, воры и другие преступники, в крайних обстоятельствах, скрываются бегством на север за границу; и там не возможно поймать их. Вот восьмая причина. Уже более ста лет прошло, как основали укрепленную границу. Она не вся состоит из земляного вала; местами по гребням гор каменья и валежник, по ущельям и долинам водяные ворота мало по малу изгладились. Ратники занимались построением и поддерживанием сей границы. Такие труды стоили многого времени и великих издержек. Кажется, что в Совете поверхностно смотрели на предприятие и цель, и думали только о со‖кращении караулов. В предбудущее время, *84* может быть, случится какой-нибудь переворот, а укрепленная линия будет в развалинах, караулы уничтожены. Тогда потребуется снова высылать гарнизоны и возобновлять линию; а труд нескольких десятков лет не возможно вдруг привести в прежнее состояние. Вот девятая причина. По снятии гарнизонов и уменьшении караулов если Шаньюй сам будет возобновлять укрепленную линию, то он,

---

[1] Разумеется Двор главы империи [Центральный удел Чжунбон].

[2] Сия война Хухэнорских тангутов с Китаем началась с 107, кончилась в 117 году. См. Историю Тибета и Хухэнора, I, 38—48.

считая это большою услугою Китаю, непременно будет представлять одни за другими разные требования; и если в малейшем чем либо не будет удовлетворен, то невозможно будет проникнуть в его мысли. Неприязнь с иноземцами всегда сопряжена со вредом для Срединного государства. Мнение Совета не представляет постоянного средства к долговременному сохранению глубокой тишины и к обузданию иноземных народов страхом». На сие объяснение Сын Неба указал: прекратить дело о пограничной укрепленной линии, и препоручил военачальнику [1] Хэй Гя [2] словесно передать от него Шаньюю следующий ответ: «Шаньюй [3] в представленном докладе изъявил желание, чтоб сняты были гарнизоны по северной границе, и принимает на себя и преемников своих охранять укрепленную линию. Порываемый любовию к благоприличию и справедливости, он предложил самое прочное к облегчению народа средство, которое я очень одобряю. Срединное государ-
85 ство со всех четырех сторон имеет крепости и за‖ставы не для предосторожности только со вне, но и для обуздания неблагомыслящих и своевольствующих жителей Срединного государства, которые, переходя за границу, производят грабительства; и потому для ограждения народного спокойствия предприемлю законные меры. Я ни мало не сомневаюсь в искренности Шаньюева желания; но чтоб Шаньюй не удивлялся, почему не снимают гарнизонов, то я препоручил военачальнику Хэй Гя объявить Шаньюю волю мою». Шаньюй, благодаря его, сказал: «я не дальновиден в расчислении; к счастию Сын Неба через вельможу удостоил меня благосклоннейшего ответа». Ван Чжао-гюнь, получившая титул Нин-ху [4] Яньчжы, родила сына Итучжясы. Он был западным Жичжо-князем.

31 Во второе лето правления Гянь-шы, 31, Хуханье умер на двадцать восьмом году царствования. Вначале Хуханье полюбил двух дочерей Хуань-князя, старшего брата восточного Ичжицзы. Старшая дочь Чжуанькюй Яньчжы родила двух сыновей; старший назывался Цзюймогюй, младший Наньчжияс. Младшая дочь была старшею Яньчжы и родила четырех сыновей. Старший назывался Дяотаомогао, второй Цзюймисюй, оба были старее Цзюймогюя; а младшие два брата Сянь и Ло оба моложе Наньчжияса.

---

[1] Да-сы-ма Че-ки Гян-гюнь.

[2] *Шы-гу* пишет: Хэй Гя (*Хэй* прозвание, *Гя* имя).

[3] Здесь третье лицо употреблено вместо второго — для удержания буквальности в переводе.

[4] *Шы-гу* пишет: хунны с принятием ее успокоились (Нин-ху кит. слова; зн. Успокоившая хуннов).

От других Яньчжы он имел более десяти сыновей. Чжуанькюй-Яньчжы пользовалась уважением; Цзюймогюй был любимый сын. Хуханье, пред смертью, заболев, хотел объявить его преемником престола. Мать его Чжуанькюй-Яньчжы сказала ему: десять лет беспрерывно продолжались замешательства в Доме Хуннов, и единственно при содействии Дома Хань вос‖становлено спокойствие. Еще не- *86*
давно прекратились смятения, и народ разорен войною. Притом же Цзюймогюй малолетен, и народ еще не имеет приверженности к нему. Опасно, чтобы царство снова не подверглось бедствиям. Я с первою Яньчжы из одного дома, и дети наши общие.[1] Лучше на престол возвести Дяотао-могао. Цзюймогюй, сказала первая Яньчжы, хотя малолетен, но при нем вельможи могут управлять государственными делами. Теперь если обойти высокого по происхождению и возвести низкого, то впоследствии произойдут замешательства отсюда. Шаньюй решился на мнение Чжуанькюй-Яньчжы и наследником престола объявил Дяотао-могао, с тем, чтобы он передал престол младшему брату. И так, по смерти Хуханье, Дяо-тао-могао возведен на престол под наименованием Фучжулэй-жоди-Шаньюя.

XIV. Фучжулэй-жоди-Шаньюй. Фучжулэй-жоди-Шаньюй, по вступлении на престол, сына своего, западного Чжилур-князя Хайтунхэу, отправил к китайскому Двору в службу, а Цзюймисюйя поставил Восточным Чжуки-князем, Цзюймогюйя Восточным Лули-князем, Ичжияса Западным Чжуки-князем. Фучжулэй Шаньюй опять женился на Ван-цян и прижил с нею двух дочерей. Из них старшая называлась Сюйбу Гюйцыюнь,[2] младшая Даньюй Гюйцыюнь. В первое лето правления Хэ-пьхин, 28, Ша- **28**
ньюй отправил Западного Гаолинь-князя Исйемояня с прочими к Двору ‖ с дарами на новый год. В следующем году *87*
Шаньюй докладом представил о своем желании явиться к Двору, а в четвертое лето правления Хэ-пьхин, 25, явил- **25**
ся к Двору в новый год и получил в награду 20 000 кусков разных шелковых тканей и 20 000 гинов бумажной ваты, а прочих вещей против правления Цзин-нин.[3] Фучжулэй Шаньюй умер на десятом году царствования в первое лето правления Хун-гя, 20, младший его брат Цзюймисюй **20**

---

[1] *Шы-гу* пишет: под одним домом разумеется, что они родные сестры, под общими детьми разумеется, что в любви к родившимся от них детям не должно иметь различия.

[2] *Ли ки* пишет: Гюйцы есть женский титул, как на кит. языке *Гун-чжу* царевна. *Вын Ин* пишет: Сюйбу есть знаменитый Хуннуский Дом.

[3] См. выше 33 год.

возведен на престол под наименованием Сэусйе-жоди-Шаньюя.

XV. Сэусйе-жоди-Шаньюй. Сэусйе-Шаньюй, по вступлении на престол, послал сына своего Чжудухань-князя Хэйлюсыхэу к Двору в службу, а Цзюймогюя поставил Восточным Чжуки-князем. Сэусйе Шаньюй, на девятом
12 году царствования, 12, поехал к Двору, но еще до вступления в границу умер от болезни. Младший брат его Цзюймогюй вступил на престол под наименованием Гюйя Жоди Шаньюй.

XVI. Гюйя жоди Шаньюй. Гюйя Шаньюй, по вступлении на престол, сына своего Юйтучедань-князя отправил к китайскому Двору в службу, Наньчжияса поставил Восточным Чжуки-князем. Гюйя Шаньюй умер на четвертом году царствования в первое лето правления
8 Суй-хо, 8; младший брат его Наньчжияс возведен на престол под наименованием Учжулю-жоди Шаньюя.

XVII. Учжулю-жоди Шаньюй. Учжулю-Шаньюй, по вступлении на престол, второй Яньчжы сына Ло поставил Восточным Чжуки-князем, пятой Яньчжы сына Юй за-
88 падным Чжуки-князем,[1] а своего сына, запад‖ного Гунукнязя Удияса, отправил к Двору в службу. Китайский Двор отправил хуннуского пристава Хя-хэу Фань и помощника его [2] Хань Юн посланниками к хуннам. В это время императорский шурин Ван Гынь,[3] был президентом Сената. Некто представил ему, что у хуннов есть угол земли, вдавшийся в пределы Китая прямо против области Чжан-йе. На этом клине растет очень хороший лес, годный на древки для стрел, и водятся орлы,[4] коих перья употребляются на опушку стрел. Весьма бы выгодно было для границы приобрести это место. Гынь доложил государю о выгодах этого места, и государь нужным нашел потребовать этот угол от Шаньюя; но опасался, чтоб отказом со стороны Шаньюя не унизить своего достоинства.[5] Гынь сообщил волю государя посланнику Фань и препоручил ему потребовать этот угол будто бы от себя. Фань, по прибытии к хуннам, предложил об этом Шаньюю. Это, сказал Шаньюй, есть повеление Сына Неба, только от твоего

---

[1] *Шы-гу* пишет: сии два князя суть Учжулюевы младшие братья. Вторая Яньчжы есть вышеупомянутая старшая Яньчжы. Пятая Яньчжы также есть Хуханье-Шаньюева Яньчжы.

[2] На кит. Фу-сяо-юй, помощник пристава.

[3] Да-сы-ма Пьхиаоки Гян-гюнь.

[4] *Шы-гу* пишет: из рода больших орлов с желтою головою и красными глазами.

[5] *Шы-гу* пишет: опасался, что повеление его не будет исполнено.

имени, г. посланник, предложенное. Точно, отвечал Фань, есть воля моего государя; но я подаю тебе Шаньюй совет. Шаньюй сказал на это: «Покойные государи Сюань-ди, 73—49, и Юань-ди, 48—33, отечески милосердовали к Хуханье Шаньюю, и все, что лежит от Великой стены к северу, предоставили Дому Хуннов. Упомянутый тобою угол земли принадлежит караульному Вынь-князю. Я || не *89*
имею сведений ни о положении, ни о произведениях этого угла. Позволь отправить нарочного для разведания».[1] Посланники оба возвратились в Китай; но после, когда вторично были отправлены к хуннам, они потребовали землю, о которой переговоры были. Шаньюй сказал: «отцы и братья [2] уже пять раз передали престол, и Двор не требовал этой земли, а ныне, узнав о ней, начал требовать. По сведениям, доставленным мне от караульного Вынь-князя, удельные владетели западных хуннуских земель [3] единственно с сих гор пользуются лесом для юрт и телег. Сверх сего я не смею отдавать земель, оставленных мне предками». Фань по возвращении определен правителем в Тхайюань, а Шаньюй через посланника донес о его требовании Двору, от которого в ответ получил, что Фань самовольно от имени своего государя требовал землю у Шаньюя, и по законам надлежало бы казнить его, но по случившимся двум милостивым манифестам прощен и переведен от северной границы областным правителем в Цзиюань. В следующем году умер Шаньюев сын, бывший заложником при Дворе, и возвращен для погребения. В четвертое лето правления Гянь-пьхин, 3, Шаньюй в предста- *3*
вленном докладе изъявил желание явиться к Двору. В пятое лето, 2, Ай-ди сделался болен. Некоторые представили, *2*
что приезды хуннов с верховых мест [4] убивают людей: ||
ибо в правление Хуан-лун и Цзин-нин в 49 и 46 годах *90*
до Р. Х., когда Шаньюй приезжал в Срединное государство, случились великие потери при Дворе. Посему государь затруднился и потребовал мнения от государственных чинов. Чины положили — для сокращения

---

[1] *Шы-гу* пишет: под произведениями разуметь должно находящиеся в горах растения и деревья, птиц и зверей, идущих на употребление.

[2] У хуннов престол передавали более родным братьям и племянникам от родных братьев.

[3] *Шы-гу* пишет: низшие князья, в сообразность китайскому выражению, названы удельными владетелями.

[4] *Фу Кянь* пишет: Желтая река течет с северо-запада; и поэтому сказано: с верховых мест. *Шы-гу* пишет: с верховых мест сказано вообще в отношении к положению страны; не для чего относить к Желтой реке.

бесполезных издержек—отказать Шаньюю. Посланник уже принял отпуск у Двора, но еще не выехал, как придворный чиновник[1] Ян Хун подал государю представление, в котором изложил опасные последствия, могущие произойти от необдуманного отказа Шаньюю.

Китайцы, по преданиям, древнейшими своими государями полагали *трех Хуан* и *пять Ди*. Первое сведение о трех Хуан показалось в обрядах династии Чжèу.[2] Частные историки, писавшие о трех Хуан и пяти Ди, не показывали имен их. Уже ученые династии Цинь положили, что три Хуан были Небесный, Земной и Человеческий, и сообщили самые нелепые понятия о них. Кхун Ань-го, ученый династии Хань, первый государей *Фу-хи*, *Шень-нун* и *Хуàн-ди* назвал тремя *Хуан*, государей *Шаò-Хаò*, *Чжуàнь-юй*, *Гао-син*, *Яо* и *Шунь* пятью Ди: но неизвестно, из какого источника он почерпнул это. Кхун-цзы в своем сочинении Гя-юй всем государям, начиная с Фу-хи, придает титул Ди. И так до дин. Цинь никто государей Фу-хи, Шень-нун и Хуàн-ди не называл тремя Хуан: почему Ву-фын Ху-шы, ученый династии Сун, основываясь на пространном изъяснении книги Перемен мыслителя
91 Кхун-цзы, решительно положил, что го‖сударей Фу-хи, Шень-нун, Хуан-ди, Яо и Шунь должно считать пятью Ди, что впоследствии и принято учеными.

Сын Неба из сего представления увидел свою ошибку; приказал возвратить хуннуского посланника, и, переменив ответную грамоту, дозволил Шаньюю приехать к Двору; а чиновнику Ян Хун за представление пожаловал 50 кусков шелковых тканей и десять гинов золота. Но Шаньюй еще до отъезда занемог и вновь отправил посланника с донесением, что он желает приехать в следующем году. До сего времени Шаньюй во время приездов к Двору имел при себе именитых князей и прочих не более двух сот человек: но в сей раз он еще представил, что по мудрым распоряжениям Сына Неба народ его пришел в цветущее состояние, и он желает явиться к Двору с свитою из 500 человек, дабы выказать сим блистательные доброты Сына Неба. Государь на все согласился. Во второе лето
1 до Р. Х. правления Юань-шèу, 1, Шаньюй явился к Двору. Как планета Юпитер подавляет все пересиливающее, то государь поставил Шаньюя в виноградном дворце в

---

[1] Хуань-мынь-хан.

[2] Обряды дин Чжèу, по-кит. Чжэу-лй, суть собрание гражданских законов, написанных за 1110 лет до Р. Х.

Шан-линь-юань [1] с таким приветствием, что сие сделано из особенного уважения к Шаньюю. Государь пожаловал ему 370 одежд, 30 000 кусков шелковых тканей, 30 000 гинов бумажной ваты; прочих вещей против первого года правления Хэ-пхин.[2] По окончании всего послан пристав Хань Хуан препроводить Шаньюя. В первое лето правления Юань-шы, 1, вступил на престол Пьхи́н-ди. По малолетству его, вдовствующая государыня-бабка объявле‖на правительницею. Синь-ду-хэу Ван Ман,[3] управлявший государственными делами, хотел польстить вдовствующей государыне-бабке, что величество и добродетели ее несравненно блистательнее против прошедших времен: почему намекнул Шаньюю, чтобы княжну Сюйбу Гюйцыонь [4] прислал в службу при Дворе. Вдовствующая государыня осыпала ее наградами. Случилось, что задний Чешыский владетель Гэугу и Кюй-ху-лай [5] Князь Танду по ненависти к наместнику и приставу, забрав свои семейства и людей, бежали и поддались хуннам. Шаньюй принял их и поселил на земле Восточного Лули-князя, а о принятии их донес Двору докладом, с прописанием обстоятельств. Отправлены хуннуские приставы сказать Шаньюю, что Западный край состоит в подданстве Китая; почему Шаньюй не должен принимать людей [6] и обязан отправить их.[7] Шаньюй в ответ на это сказал: «Государи Сюа̀нь-ди, 73, и Юа̀нь-ди, 48, по милосердию своему включили в договор, что от Долгой стены на юг все должно принадлежать Сыну Неба, а от Долгой стены на север — Шаньюю. Если нападут на укрепленную линию, то доносить Двору; желающих поддаться не принимать. Мне известно, что родитель Хуханье-Хан, беспредельно облагодетельствованный,[8] пред смертию сказал: кто из Срединного государства пожелает поддаться, не принимать, ‖ а из признательности к великим милостям Сына Неба препровождать до укрепленной линии. А сии люди из

1 по Р. Х.

92

93

---

[1] Виноградный дворец на кит. Пху-тхао-гун; *Шан-линь-юань* есть название зверинца.

[2] Против 28 года. См. выше 28 год.

[3] *Синь-ду-хэу* есть княж[еский] титул престолохищника Ван Ман.

[4] *Гюйцыонь*, дочь княгини Ван Чжа́о-гюнь [иначе Ван Цян]. См. выше на стр. 86 [переиздания 97].

[5] *Шы-гу* пишет: он оставил хуннов и поддался Дому Хань, от чего и титул княжеский.— *Кюй-ху*, на кит. зн. оставил хуннов; *Лай* зн. пришел, т. е. от хуннов пришел поддаться Китаю.

[6] *Шы-гу* пишет: как скоро поддались Дому Хань, то не могут уже быть вассалами хуннов.

[7] *Шы-гу* пишет: обратно отослать.

[8] Китайским Двором.

иностранных владений; я мог принять их». У хуннов, возразил посланный, возник раздор между кровными, и Дом их едва не пресекся; только по великой милости Срединного Двора он избежал опасности, и опять продолжается; семейство в целости и наслаждается спокойствием; преемствие из колена в колено не прекращается. Надобно быть признательну к великим милостям. Шаньюй, поклонившись, извинился, задержал обоих поддавшихся и представил посланному. Указано хуннускому приставу Ван Мын встретить и принять их в Западном крае, на меже урочища Эдуну.[1] Шаньюй отправил посланника препроводить их, а между тем просил помиловать их. Посланник донес Двору, но указано отказать в просьбе. Собраны все владетели Западного края, и в присутствии их отсекли виновным головы. Вслед за сим в прежний договор с хуннами введены четыре новые статьи:[2] 1) жителей Срединного государства, бежавших к хуннам, 2) беглых усуньцев, желающих поддаться хуннам, 3) жителей Западного края, получивших от Срединного государства печати с кистями и желающих поддаться хуннам, 4) ухуаньцев, желающих поддаться хуннам, не принимать. Отправлены хуннуские приставы доставить хуннам четыре статьи, положенные в один конверт с прочими бумагами[3] и вручить Шаньюю для исполнения. Почему прежний договор, заключенный государем Сюàнь-ди, обратно взят в кон-
94 ‖верте. В это время Ван Ман представил, чтобы запретить употреблять в Срединном государстве двусловные имена: почему отправлен был посланник намекнуть Шаньюю, чтобы он представил государю о своем желании принять однословные[4] имена, за что Двор щедро наградил его. Шаньюй последовал сему внушению, и в представлении Двору написал: «Имея счастие служить вассалом, я восхищаюсь глубоким миром и мудрым правлением. Прежнее мое имя было Нан-чжи-я-сы, отныне буду называться Чжи».[5] Ван

---

[1] *Фу Кян* пишет: *Эдуну* есть название долины в Западном крае.

[2] *Шы-гу* пишет: вновь составленные по сему обстоятельству.

[3] *Шы-гу* пишет: с грамотою за государственною печатью.

[4] Т. е. односложные. В китайском языке — в отношении к европейским языкам, есть двусложные слова: наприм. Гуан, Суань: но считают их односложными, потому что во всех подобных сим словам две гласные слитно выговариваются, а собственно двусложных слов, напр. небо, камень, нет в китайском языке. Здесь под двусложными разумеются имена, состоящие из двух букв [знаков].

[5] Избранная им кит. буква Чжи зн. знаю. С сего места ниже хуннуские Шаньюи и князья назывались однословными, т. е. односложными именами.

Ман был чрезвычайно доволен; почему доложил вдовствующей императрице, чтоб отправить посланника с ответною грамотою и богатою наградою. По введении новых четырех статей в договор с хуннами, китайский пристав в Ухуаньском аймаке объявил ухуаньскому народу не давать хуннам ясак холстами и кожами. Хунны отправили, как прежде водилось, комиссара требовать ясак с ухуаньцев; за ним поехало множество людей обоего пола для торговли. Ухуаньцы отказали им, ссылаясь на указную статью Сына Неба, запрещающую давать хуннам ясак. Хуннуский комиссар рассердился и повесил ухуаньского старшину [1] вверх ногами. Раздраженные родственники старшины пришли к хуннускому комиссару и чиновникам его, отняли ‖ женщин, лошадей и волов. Шаньюй, *95*
получив известие о сем происшествии, предписал войскам Восточного Чжуки-князя идти в Ухуань и потребовать отчета в убиении комиссара. Чжуки-князь напал на ухуаньцев, и они рассеялись; одни бежали в горы, другие к защите восточной границы. Хунны много убили людей, и в плен увели до 1 000 женщин, девиц, слабых и малолетных, и поместив их в Восточной стороне,[2] сказали ухуаньцам, чтобы приезжали с скотом, кожами и холстами выкупать пленных. Около 2 000 ухуаньцев приехали со скотом и вещами для выкупа. Хунны взяли откуп, а пленных не отдали.

[Хоуханьшу, гл. 119]

Ван Ман, похитив престол, в первое лето правления Гянь-го, 9, отправил военачальника [3] Ван Гюнь с пятью **9**
военными чиновниками и большим количеством золота и шелковых тканей, чтобы задарить Шаньюя, и препоручил объявить Шаньюю о принятии им престола от Дома Хань и при сем случае переменить прежнюю печать Шаньюеву. На прежней Шаньюевой печати были вырезаны китайские слова *Хун-ну Шань-юй-си*,[4] что зн. государственная печать хуннуского шаньюя; на новой же печати Ван Ман велел вырезать слова: *Синь Хун-ну Шань-юй чжан*, что значит новый знак хуннуского шаньюя.[5] Посланники по

[1] Князька.
[2] В своем аймаке.
[3] Ву-вэй Гян-гюнь.
[4] *Си* есть название государственной печати, которую государственные чины с известными обрядами подносят новому императору при его вступлении на престол. При сдаче престола он торжественно печать сию передает своему преемнику.
[5] Такая печать в Китае давалась удельным князьям и высшим чиновникам с надписью *Мэу-Гуань-чжы Чжан*, что значит такого-то чиновника *знак*. *Ганму* 9-й год.

прибытии тотчас вручили Шаньюю печать с шнурами, а
96 ‖прежнюю именем государя обратно потребовали. Шаньюй, принимая указ, учинил двукратное поклонение. Посланник еще до перевода указа хотел развязать и взять прежнюю печать. Шаньюй, подняв ее обеими руками вверх, хотел подать посланнику, но Восточный Гуси-хэ̀й Су со стороны сказал Шаньюю, что, не увидев надписи на новой печати, не должно возвращать старой. Шаньюй, остановясь, раздумал отдать, и просил посланника посидеть в ставке. Шаньюй хотел прежде учинить поклонение: но посланник объявил ему, что прежнюю печать с шнурами должен немедленно отправить к государю. Шаньюй согласился и опять обеими руками поднял печать. Переводчик Су опять сказал ему, что, не увидев надписи на печати, пока не отдавать. К чему переменять надпись, сказал ему Шаньюй, и отдал прежнюю печать, а новую принял от посланника не посмотревши. После сего открыт пир, продолжавшийся до ночи. Младший товарищ Чень Жа̀о сказал прочим членам посольства: Гуси-хэ̆у, сомневаясь в надписи на печати, едва не принудил Шаньюя не отдавать прежней печати. Теперь же, рассмотрев перемену надписи на новой печати, не преминут потребовать прежнюю, и мы ни под каким предлогом отказать не можем. Получив прежнюю печать, опять лишиться ее, есть величайшее посмеяние государеву указу. Лучше разбить прежнюю печать и пресечь повод к неприятностям. Посла̀нники колебались и не соглашались. Чень Жа̀о был человек решительный и мужественный. Он взял чекан и разбил печать. На другой день Шаньюй действительно прислал западного Гудухэ̀у доложить посланнику, что печать, пожалованная Шаньюю Домом Хань, названа была *Си*, а не
97 ‖*чжан*, и сверх того нет китайских букв: а *князьям* и *прочим* давалась печать с надписью *Чжан*, и что на новой вместо буквы Си прибавлена буква *Синь*, что Шаньюя ни мало не отличает от его подданных; и посему потребовал возвратить ему прежнюю печать. Посланник, указывая на прежнюю печать, сказал: новый Дом, действуя по изволению Неба, производит учреждения: посему-то мы сами разбили прежнюю печать. Шаньюй! повинуясь определению Неба, ты должен поступать по уложению нового Дома, и возвратить печать. Шаньюй видел, что невозможно помочь делу, притом же получил множество подарков; и так отправил с посланником к Двору младшего своего брата Западного Чжуки-князя Юй с лошадьми и волами, и в представлении просил дать ему прежнюю печать. Посланник на возвратном пути прибыл в земли

восточного Ливу-князя Хяня, где увидел множество ухуаньцев, и спросил князя об них. Хянь объяснил ему. Посланник сказал, что вследствие новых четырех статей не следовало принимать поддавшихся ухуаньцев, и теперь надлежит немедленно возвратить их. Я поспешу, сказал Хянь, донести о сем Шаньюю, и по получении ответа не премину возвратить их. Шаньюй приказал Хяню спросить посланника: как возвратить их, внутри или вне укрепленной линии? Посланник не смел решить этот вопрос, а донес государю. Государь указал принять их вне укрепленной линии.

Вначале Шаньюй отказал Двору в уступке земли, которую Хя-хэ̀у Фань просил; после того просил дозволения собирать ясак с ухуаньцев и, не получив желаемого, ограбил их. Отсюда родились первые неудовольствия, усиленные впоследствии || переменою надписи на печати: почему *98*
Шаньюй, в негодовании отправил Западного Великого Цзюйкюйя Пухулу-цзы, всего до десяти человек с 10 000 конницы, под предлогом препровождения ухуаньцев,[1] и сии войска расположились близ укрепленной линии под Шò-фан. Правитель области Шò-фан донес государю. В следующем году Сюйчжили, владетель заднего Чешы **10**
в Западном крае, умыслил поддаться хуннам. Наместник Дань Цинь отсек ему голову. Старший владетелев брат Хуланьчжы, взяв своих людей до 2000 человек, забрав имущество и скот, со всем родом ушел и поддался хуннам. Шаньюй принял его. Хуланьчжы, соединившись с хуннами, напал на Чешы, убил Хэученского[2] владетеля, ранил наместникова Сы-ма и возвратился к хуннам. В сие время Сюй И, пристав Чень Лян, Чжун Дай, Сыма-чен Хань Юань и младший Цюй-хэ̀у Жень Шан, видя, что Западный край очень наклонен к бунту, а хунны приготовляются к великому нашествию, опасались, чтобы всем не погибнуть: почему умыслили захватить несколько сот офицеров и ратников, соединенными силами убить пристава Дя̀о-Хо и дать знать об этом Южному хуннускому Ливу-князю и Южному предводителю. Хуннуский Южный предводитель с 2000 конницы вступил в Западный край для принятия Чень Лян с прочими. Чень Лян и прочие захватили всех офицеров и ратников, бывших при Сюйи Сяо-юй, всего до 2 000 душ обоего пола, и ушли к хуннам. Хань Юань и || Жень Шан остались у Южного *99*

[1] *Шы-гу* пишет: говорили, что для препровождения ухуаньцев, а в самой вещи для произведения набегов.

[2] *Шы-гу* пишет: *Хэу-чен* есть небольшое княжество.

предводителя, а Чень Лян и Чжун-дай приехали в Шаньюеву орду. Люди особо поселены по реке Лин-ву-Шуй для хлебопашества. Чень Лян и Чжун Дай получили от Шаньюя титул ухуаньских Дугян-гюнь и остались жить при нем. Шаньюй нередко приглашал их к своему столу. Наместник Дань Цин донес Двору, что хуннуский Южный предводитель и Западный Ичжицзы произвели нападение на владения Западного края: посему Ван Ман предпринял разделить земли хуннов на 15 владений и отправил хуннуского пристава Хо Бай и помощника его Дай Цзи с 10 000 конницы и множеством дорогих вещей для подарков. Прибыв к укрепленной линии в Юнь-чжун, они пригласили к себе родственников [1] Хуханье-Шаньюя и хотели их по порядку произвести. Они отправили переводчика за границу позвать Западного Юлихань-князя Хяня.[2] Когда Хянь с двумя его сыновьями Дын и Чжу приехал, то силою произвели его Хя̀о-Шаньюем и подарили ему колесницу, литавру и колясочку, 1 000 лан золота, 1 000 кусков разных шелковых тканей и десять трезубцов с значками; сына его Чжу также произвели Шунь-Шаньюем, дали ему 500 лан золота, и вместе с братом Дын препроводили в Чан-ань. Шаньюй, получив известие о сем, с гневом сказал: «прежние Шаньюи получали милости от Сюань-ди; нельзя оказаться неблагодарным. Нынешний Сын Неба не есть потомок государя Сюань-ди; по какому он праву получил престол?» И так он отправил Восточного Гуду-хэ́у, Западного Ичжицзы-князя Ху-‖луцзы и Восточного Чжуки-князя Ло с войсками произвести набег на укрепленную линию И-шеу-сай в Юнь-чжун. Они побили великое множество чиновников и жителей. Это было третье лето правления Гянь-го, 11. После сего Шаньюй предписал всем восточным и западным пограничным князьям и начальникам родов грабить китайскую границу. Большие партии содержали в себе до 10 000, средние по нескольку тысяч, малые по́ нескольку сот человек. Они убили областных правителей и Ду-юй в Яймынь и Шо-фан, награбили скота и имущества и в плен увели чиновников и жителей великое множество. Пограничные места совершенно опустели. Ман Синь [3] по вступлении на престол, надеясь на богатство казнохранилищ и хлебных магазинов, решился показать страх и назначил двенадцать корпусных начальников, потребовал лучшие войска со всего государства,

100

11

---

[1] Т. е. сыновей и внуков.

[2] *Юлихань* есть титул княжеский, *Хянь* — имя князя. *Ганму.*

[3] Ван Ман.

взял лучшее оружие из арсеналов и каждому корпусу назначил известное место для сбора, предписал свозить хлеб на границу. В совете положено составить армию из 300 т. человек, снабдить ее жизненными припасами на десять месяцев; выступить всей армии в одно время десятью дорогами и загнать хуннов в Динлин.[1] После сего разделить земли хуннов и поставить пятнадцать Шаньюев из потомков Хуханье-Шаньюя. Полководец Янь Ю [2] подал представление следующего содержания: «известно, что хунны искони наносят нам вред, но не видно, чтоб в древние времена ходили войною на них. В последую‖щие времена *101*
три Дома: Чжèу, Цинь и Хань, воевали с ними, но ни один из помянутых Домов не имел лучшего плана. Дом Чжèу имел средний, Дом Хань последний, а Дом Цинь никакого плана не имел. В царствование Сюань-ван из Дома Чжèу Хяньюни вторглись в Китай, и прошли до Гинь-ян. Полководцы, отправленные против них, преследовали их до границы и возвратились. В то время набеги кочевых считали за укушение или жаление комаров; довольствовались только согнанием. Империя считала такую меру благоразумною, и это был средний план. Вỳ-ди, государь из дома Хань, избрал полководцев и обучил войска, которые при легкости одеяния и съестных запасов, далеко заходили во внутренность неприятельских земель, и хотя одерживали победы и получали добычи, но хунны тем же отплачивали, и бедствия войны продолжались более 30 лет. Срединное государство изнурилось, истощилось, но и хунны получили глубокие раны. Империя считала план государя Вỳ-ди последним. Цинь Шы-хуан-ди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только что кончилось укрепление границы, как Срединное государство внутри совершенно истощилось в силах, и Дом Цинь потерял престол. Вот что значит, что Дом Цинь не имел плана. Ныне империя страдает от неурожая, сряду несколько лет продолжающегося — особенно на северо-западных пределах. Чтоб собрать 300 т. войск, изготовить для них съестные запасы на десять месяцев, для сего надобно заимствоваться на востоке с ‖ моря, на юге получать с рек Гян [Янцзы] *102*
и Хуай[3]; иначе невозможно изготовить. Расчисляя

---

[1] *Шы-гу* пишет: загнать хуннов с земли динлинов.

[2] Янь Ю назначен был верховным вождем всех корпусов, собранных на северной границе.

[3] Т. е. потребуется доставка хлеба морем и каналами из дальних стран южного Китая

по расстоянию мест, едва ли в продолжение целого года можно привести это к концу. Ратники, прежде пришедшие, будут жить под открытым небом. Войска потеряют первый жар, оружие попортится и сделается негодным к употреблению. Вот первое затруднение. Коль скоро пограничные места истощатся, то не могут снабжать войска съестными припасами; а если доставлять из внутренних областей и уделов, то невозможно доставить к одному времени. Вот второе затруднение. Если положить, что для содержания одного человека на десять месяцев потребно 18 ху, [1] то нужен один вол для провоза такого количества; надобно еще прибавить два ху для прокормления вола, что составит тяжесть в двадцать ху. У хуннов почва земли песчаная и солонковатая, во многих местах нет ни травы, ни воды. Если судить по прошедшим опытам, то не более, как чрез три месяца от выступления войск за границу, волы подохнут, а съестных запасов еще останется столь много, что люди не смогут нести на себе. Вот третье затруднение. У хуннов осенью и зимою весьма холодно бывает, а весною и летом сильные ветры. Если взять с собою множество ведер и котлов, дров и дровяных угольев, то будет безмерная тяжесть. Если употреблять высушенный вареный рис и пить воду целый год, то опасно, что появятся в армии повальные болезни; почему в прошлое время вели войну с хуннами не более ста дней — не потому, чтобы
103 || не хотели долее, но не доставало возможности к тому. Вот четвертое затруднение. Если обоз пойдет за армиею, то мало будет легких и лучших войск, потому, что невозможно будет скоро идти. Неприятели мало по малу будут уклоняться, и догнать их будет невозможно. Если по случаю наткнемся на неприятелей, то мы еще будем связаны обозом. Если встретим опасные и трудные проходы, то голова с хвостом должны следовать нераздельно,[2] и неприятели могут запереть нас с лица и с тыла. Тогда невозможно будет определить меру опасности. Вот пятое затруднение. И при чрезвычайном напряжении народных сил не всегда выгодно оканчивают войну, вот о чем я беспокоюсь. В предстоящей войне прежде пришедшие войска надлежит отправить, чтобы, проникнув далее во внутренность и внезапно ударив на хуннов, могли привести их в расстройство». Ван Ман не послушал его. Сбор войск и своз съест-

---

[1] Вероятно, в сем месте есть ошибка: ху поставлено вместо дэу.

[2] Т. е. удило лошади за хвостом другой лошади, негде ни телеге проехать, ни коннице выстроиться. *Ганму.*

ных запасов попрежнему продолжали. Империя приведена была в движение. Хянь, получив от Ван Ман титул Хя̀о-Шаньюя, наскоре выехал за границу и, возвратясь в орду, донес Шаньюю о невольном произведении его. Шаньюй напротив дал ему достоинство Юйсучжичжы-хэ̀у. Это низшая должность у хуннов. Впоследствии Чжу умер от болезни, и Ван Ман достоинство Шунь-Шаньюя дал брату Дыну. Военачальник [1] Чень Цинь и военачальник [2] Ван-сюнь расположились в Юнь-чжун при укрепленной линии Гэ-сйе-сай. В сие время хунны несколько раз производили набеги на границы Китая; уби‖вали предводителей *104*
и ратников, грабили народ и угоняли скот в великом множестве. Схваченные неприятельские языки единогласно объявляли, что Го, сын Хяо Шаньюя Хя̀ня, несколько раз производил набеги. Оба полководца донесли о сем Двору.
В четвертое лето, 12, Ван Ман в присутствии инородцев **12**
Дыну, сыну Хя̀о-Шаньюя [т. е. Хяня], отсек голову на площади в Чан-ань. Со времен государя Сюа̀нь-ди, в продолжение нескольких колен, не видали на северных границах Китая тревог от маячных огней. Народонаселение умножилось; пастбища покрылись лошадьми и рогатым скотом. Но как скоро Ван Ман произвел замешательства и вступил в неприязненные сношения с хуннами, то многие пограничные жители побиты, рассеялись или уведены в плен. Сверх того, армия, состоявшая из двенадцати корпусов, долго стояла, не выступая в поход. Предводители и ратники пришли в расстроенное положение. Северная граница в продолжение нескольких лет совершенно опустела. В полях валялись непогребенные кости. В пятое лето
правления Гянь-го, 13, умер Учжулю-Шаньюй, на два- **13**
дцать первом году царствования. Хуннуский вельможа, управлявший государственными делами, западный Гудухэ̀у Сюйбудан и женившийся на Имо-гюйцыюнь, дочери княгини Ван Чжао-гюнь, был зять Юнев. Юнь всегда желал заключить с Китаем мир и родство; притом прежде он был в тесной связи с Хянем; и как Ван Ман уже произвел Хяня Шаньюем, то Сюйбудан, обошед Юйя, возвел Хяня на престол под наименованием Улэй-Жоди Шаньюя.

XVIII. Улэй-жоди Шаньюй Хянь. Улэй-жоди Шаньюй Хянь, по вступлении на престол, младшего сво‖его брата *105*
Юйя поставил Восточным Лули-князем, Сутухубэня, сына Учжулю-Шаньюева, восточным Чжуки-князем, младшего

[1] Йе-нань Гян-гюнь.
[2] Чжень-ди Гян-гюнь.

его брата Лухуня, рожденного от Чжуки-Яньчжы, Западным Чжуки-князем. При жизни Учжулю-Шаньюя померло несколько восточных Чжуки-князей. По сему обстоятельству наименование *Чжуки* признано несчастливым, и восточному Чжуки-князю дали наименование Хюуй. Хюуй означает превосходительного, и сей должен был наследовать достоинство Шаньюя, почему Учжулю Шаньюй дал старшему своему сыну наименование Хюуй, в намерении доставить ему престол. Хянь, досадуя на Учжулю-Шаньюя за понижение достоинства его, не хотел передать престол сыну покойного Шаньюя и понизил его Восточным Чжуки-князем. Юньдан советовал Хяню заключить
14 мир и родство. В первое лето правления Тьхянь-фын, 14, Юньдан отправил нарочного в Си-хэ к границе Чжэ-лу-сай в Ху-мын[1] известить пограничных военных начальников, что он желает видеться с Хо-цинь-хэ̀у. Хо-цинь-хэ̀у был племянник княгини Ван Чжа̀о-гюнь, сын старшего ее брата. Ду-юй среднего аймака донес Двору, и Ван Ман отправил Ван Хи поздравить Шаньюя со вступлением на престол. Ван Хи предложил богатые подарки, состоящие в золоте, одеждах и шелковых тканях; обманом сказал, что Дын, сын его, еще жив, а потом убедил выдать военных чиновников Чень Лян, Чжун Дай и пр. Шаньюй собрал четырех человек и Чжи Инь убийцу пристава Дя̀о Ху,
106 с семействами, всего 27 человек, выдал их послан‖нику в клетках и отправил Чувэйгуси-князя Фу с 40 человеками препроводить Ван Хи и Ван Фын в Китай. Ван Ман сожег их живых на площади. Он отозвал полководцев с границы, а оставил гарнизоны под начальством Ю-цзи и Ду-юй.[2] Шаньюй льстился на подарки от Ван Ман, и потому по наружности не хотел разорвать прежних связей с Китаем, но внутренно желал набегов и грабительств; сверх сего, узнав от возвратившегося посланника, что сын его Дын уже умер, наипаче вознегодовал. Набеги и грабительства с восточной стороны непрерывно продолжаемы были. Посланник спросил Шаньюя о причине набегов. Хунны и ухуаньцы,[3] отвечал Шаньюй, не имеют причины, а негодяи из народа обще производят набеги на границы, подобно как мятежники поступают в Китае. Хянь по вступлении на престол еще не снискал доверенности и ува-

---

[1] *Шы-гу* пишет: *Ху-мын* есть название уезда, на меже коего лежала укрепленная линия Чже-луй-сай.

[2] В сие время на границе случился великий голод, так что люди друг друга ели. *Ганму.*

[3] Т. е. владетели из домов хуннуского и ухуаньского.

жения в своем народе, и потому всеми мерами старался воспрещать набеги, и не смел двоедушествовать. Во 2-е лето правления Тьхянь-фын в пятой луне, 15, Ван Ман еще 15
отправил Ван Хи, Вувэй-гян Ван Хянь, Фу-янь, Дин Йе, всего шесть человек, препроводить западного Чувэйгуси-князя; а при сем случае возвратил тела казненного Шаньюева сына Дына и бывших при нем вельмож на обыкновенных телегах. Когда сие посольство подошло к границе, Шаньюй отправил Юньданова сына Нянь, великого Цзюйкюйя Ше для встретения Ван Хянь с прочими. Посланники предложили Шаньюю богатые подарки в золоте и дорогих вещах, и при сем внушили ему переменить на||именование *107*
Хунну на *Гунну*, Шàньюй на Шаньюй.[1] Пожалована ему печать с шнурами. Гуду-хэ̀у Юньдан получил княжеское достоинство Хэу-ань-гун, Юньдановы сыновья Нань и Ше получили княжеское достоинство Хэу-ань-хэ̀у. Шаньюй, зарясь на дорогие подарки от Ван Ман, беспрекословно на все соглашался, но набеги и грабительства попрежнему продолжались. Ван Хянь и Ван Хи отдали Юньдану подарки за выдачу Чень-лян с прочими и препоручили ему раздать по его усмотрению. В двенадцатой луне посланники возвратились на границу.—Ван Ман крайне был доволен и наградил Ван Хи двумя миллионами.[2] Шаньюй Хянь умер на пятом году царствования, в пятое лето правления Тьхянь-фын, 18. Младший брат его, Восточный 18
Чжуки-князь Юй, возведен на престол под наименованием Худурши Да́о-га́о Жоди Шаньюя. Хуннуское слово *Жоди* значит почтительный к родителям. Со времен Хуханье, сблизившегося с домом Хань, Шаньюй, видя, что китайские государи придают к своим именам слово Хя́о, что значит почтительный к родителям, полюбили сие слово и начали писаться *Жоди*.

XIX. Шаньюй Юй. Худурши Шаньюй Юй, по вступлении на престол, льстясь на выгоды и награды, отправил великого Цзюйкюйя Ше с прочими[3] посланником в Чан-ань для поднесения даров. Ван Ман послал Хо-цинь-хэ̀у Ван Хо, чтобы он, с князем || Ше и прочими, на укре- *108*
пленной линии Чже-лу-сай увиделся с Юньданом[4] и

---

[1] Слово *Хун-ну* в кит. буквах [знаках] значит злой невольник; *Гун-ну* в кит. буквах зн. почтительный невольник. Здесь изменено не подлинное народное название монголов, а голосовое переложение названия на кит. язык. В слове Шаньюй прежняя буква Шàнь, не имевшая значения, заменена буквою Шань, добрый.

[2] Чохов, что = 2 000 лан серебра.

[3] Сокращено исключением собственных имен.

[4] Сюйбу-дан.

силою привез его в Чан-ань. Младший Юньданов сын нашел случай бежать с границы и возвратился к хуннам, а Юньдан приехал в Чан-ань. Ван Ман произвел его Сюйбу-Шаньюем и хотел выставить большую армию, чтоб возвести его на престол. Войска еще не собрались, а раздосадованные хунны соединенными силами вторглись в северные пределы Китая, и северная граница была опустошена. Случилось, что Юньдан умер от болезни. Ван Ман выдал свою побочную дочь Лу-лу Жень за Хэу-ань-гун Ше,[1] почему чрезвычайно любил и уважал его, и непременно хотел выставить войско, чтоб возвести его на престол. Случилось, что китайские войска убили Ван Ман. Юнь-ше также умер.

26 В конце второго года правления Гын-шы, 26, китайский Двор отправил к хуннам хуннуского пристава князя [2] Цзунь-и и военачальника[3] Чень Цзунь дать Шаньюю прежнюю государственную печать с шнурами, князьям простые печати с шнурами, и при сем случае препроводить родственников и старейшин, сопровождавших Юньдана. Шаньюй Юй возгордился и в разговоре с Цзунь Ли сказал: «Дом Хунну прежде считался с Домом Хань братьями. С продолжением времени у хуннов возникли смятения. Сюàнь-ди содействовал Хуханье-Шаньюю получить престол: посему Хуханье из уважения к Дому Хань наимено-
109 вался вассалом. Ныне в || Дому Хань также произошли великие замешательства от того, что Ван Ман похитил престол; почему хунны также подняли оружие на Ван Ман, и очистили пограничные места. Ныне империя волнуется, помышляя о Доме Хань. Что наконец Ван Ман погиб, и Дом Хань опять восстал, сим вы обязаны моим силам, и на оборот должны уважать меня». Цзунь спорил против сего, но Шаньюй остался при своем мнении. Цзунь
27 летом следующего года, 27, возвратился. Но случилось, что краснобровые [4] вступили в Чан-ань, и Гын-шы погиб.

Извлечено из Истории старшего Дома Хань.

---

[1] *Ли Ки* пишет: *Лу-лу* есть название городка. Ман переменил кит. слово *Гун чжу* царевна на жень. Ше имел достоинство *Хэу*. Ман, женив его на своей дочери, возвел в достоинство *Гун. Хэу-ань Гун* есть титул достоинства.

[2] Гуй-дэ-хэу.

[3] Да-сы-ма Ху-гюнь.

[4] В 18 году в губ. Шань-дун появились шайки разбойников. К концу года они соединились и обратили на себя внимание правительства. В 27 году сии мятежники, чтоб распознавать свои войска от императорских, положили киноварью подкрашивать брови себе, от чего и прозваны *краснобровыми*, *Чи-мэй*.

IV. ОТ ВОЗВЫШЕНИЯ ЮЖНЫХ ХУННОВ В 25 ГОДУ ДО ИХ ПАДЕНИЯ В 215 ГОДУ, В ПРОДОЛЖЕНИЕ 189 ЛЕТ ДВАДЦАТЬ ХАНОВ

В Истории старшего Дома Хань прямо сказано: *повествования о хуннах*, без разделения Дома их на северный и южный. Здесь хунны названы южными, и тем ясно предположено существование северных хуннов. Но как южные Шаньюи более были преданы Китаю, то в похвалу их покорности, заглавие отделения названо *повествованиями о южных хуннах*. В *Дунгуань-цзи* [название сочинения] сие отделение названо повествованиями о хуннуских южных шаньюях. Фань Хуа [автор Хоу хань шу, откуда взято это известие] откинул слово Шаньюй. П. И.

[*Хоуханьшу, гл. 119*]

I. Шаньюй Би. Хилошы Чжоди-Шаньюй южных хуннов, по имени Би, был внук Хуханье Шаньюя.

‖ В Истории старшей династии Хань сказано: Шаньюй *110*
значит: величайший, т. е. в великости подобный Небу. Хуханье был потомок Модэ-Шаньюя в восьмом колене; сын Хюйлюй Цюаньюй-Шаньюя, по имени Гихэу-Шянь. В записках под заглавием *Дун-гуань-цзи* сказано: Шаньюй (Би) был потомок северного хунна Туманя в 18 колене. От Тумань-Шаньюя до Би в продолжение первых десяти колен престол переходил от отца к сыну, а Шаньюев, следовавших один за другим, было 18 колен. П. И.

Сын Учжулю Жоди Шаньюя.

На языке хуннов отцепочтительный называется *Жоди*.

С того времени как Хуханье-Шаньюй поддался, хунны тесно сблизились с Домом Хань. Видя, что китайским императорам по смерти придают наименование *Хяо*, почтительный к родителям, они полюбили сие наименование; и сын его Фучжулэй-Шаньюй, а по нем и прочие все именовались *Жоди*. Южный Шаньюй Би, а по нем и прочие именовались *Ди*. П. И.

После Хуханье сыновья его по порядку наследовали престол. Младший Биев дядя по отце Шаньюй Юй поставил Бия Западным Югянь-жичжо-князем, с управлением поколениями по южной границе и ухуаньцами. В первое лето правления Гянь-ву, 25, когда Пхын Чун поднял бунт в Юй-ян, Шаньюй, соединившись с ним, признал Лу Фан императором и хотел ввести его в Ву-юань.

По запискам *Дун-гуань-цзи* Лу Фан был уроженец области Ань-дин. Несколько тысяч тюркистанцев в зависимых владениях подняли бунт в Сэньмани. Лу Фан, последуя за ними, ложно принял прозвание Лю [1]
111 и княжеский титул.[2] Случилось, что хун‖нуский Гэулинь-князь покорил Сэньманьских тюрков. Лу Фан вместе с ними ушел в земли хуннов и прожил там несколько лет. Как спокойствие в Срединном государстве еще не было утверждено, то Шаньюй принял на себя содействовать Лу Фан к получению престола. Он отправил Мулэйцзюй-князя в Ву-юань, чтобы вступил в переговоры по сему делу с мнимым полководцем Ли Хин и прочими. Ли Хин поехал на север в Шаньюеву орду для принятия Лу Фан. Лу Фан за границею имел опору в хуннах, а в Китае в полководце Ли Хин с прочими: и посему мог усилиться в северных областях. П. И.

Гуан-ву в первые годы своего царствования наиболее старался восстановить спокойствие в Китае и не имел времени заниматься заграничными делами. Уже в шестое лето,
30 30, отправлен был князь [3] Лю Ли посланником к хуннам; в соответствие сему и хунны прислали посланника с дарами. Двор еще отправил хуннуского пристава Хань Тхун с ответом и множеством золота и шелковых тканей, чтоб склонить Шаньюя к возобновлению прежнего дружества.

Под прежним дружеством разумеется союз мира и родства, заключенный императорами Сюань-ди и Ходи с хуннами. П. И.

Шаньюй принял гордый вид, сравнивая себя с Модэ,

Модэ был сын хуннуского шаньюя Туманя, потомка царей династий Хя. Родоначальник Дома их назывался Шунь-вэй. От Шунь-вэй до Туманя считается более 1 000 лет. Модэ в царствование государя Шы-хуан, 209, до Р. Х., застрелил Туманя свистункою и вступил на престол по нем. Он имел более 300 000 войска
112 и по своему могуще‖ству равнялся с повелителями Китая. Поступая высокомерно, он привел Гао-цзу в тесное положение и оскорбил императрицу Люй-хэу. См. в Истории старшего Дома Хань. П. И.

и с презрением выражался в разговоре с китайским посланником.

---

[1] *Лю* было прозвание царствовавшего тогда в Китае Дома Хань.

[2] Си-пьхин-ван.

[3] Гуй-де-хэу.

По Истории старшего Дома Хань, во второе лето правления Гын-шы, 24, зимою отправлены были хуннуский пристав князь[1] Лю Ли и военачальник[2] Чень Цзунь для вручения Шаньюю печати с шнурами, сделанной по образцу китайской государственной печати. Шаньюй возгордился и в разговоре с Лю Ли сказал: «Дом Хуннов считался с Домом Хань братьями. С продолжением времени у хуннов возникли внутренние замешательства. Хя̀о-сюа̀нь-ди содействовал Хуханье-Шаньюю получить престол: почему Хуханье из уважения к Дому Хань признал себя вассалом его. В Доме Хань также ныне произошли великие беспокойствия от того, что Ван Ман похитил престол; почему хунны также подняли оружие на Ван Ман, и очистили пограничные места. Ныне империя волнуется, помышляя о Доме Хань. Что Ван Ман погиб, и Дом Хань опять восстал, сим вы обязаны моим силам; и на оборот должны уважать меня». Сколько Цзунь ни старался возражать Шаньюю, он остался при своем мнении. Сюда относятся слова: с *презрением выражался*. П. И.

Император в отношении к Шаньюю вел себя попрежнему, и обыкновенные сношения через посольства не прерывались. Но хунны и Лу Фан несколько раз нападали на северные пределы. В девятое лето, 33, отправлен против 33
них военачальник[3] Ву Хань с прочими, но он в продолжение целого года не имел || успехов; хунны, напротив, уси- 113
лились и день ото дня усугубляли свои грабительства и неистовства. В тринадцатое лето, 37, они произвели набег 37
на Хэ-дун, и областные начальники не в силах были остановить их: почему мало по малу переселили пограничных жителей из областей Ю́-чжэ́у и Бин-чжэ́у на земли, лежащие от крепостей Чан-шань-гуань и Гюй-юн-гуань[4] на восток, и хунны восточного аймака опять поселились в пределах Китая. Правительство беспокоилось и умножило пограничные войска несколькими тысячами в каждой области; везде построило притины и возобновило вестовые огни (маяки). Хунны известились, что китайский Двор желает взять от них Лу Фан; почему, льстясь получить подарки, отправили его в Китай, и ожидали наград, 40. Но Лу 40
Фан, желая выслужиться добровольною покорностью, не

---

[1] Гуй-дэ-хэу.
[2] Да-сы-ма Ху-гюнь.
[3] Да-сы-ма.
[4] По Истории Старшей династии Хань в Дай-гюнь есть крепость *Чан-шань-гуань*, в Шан-гу есть крепость *Гюй-юн-гуань*. П. И.

объявил, что он хуннами послан. Шаньюй посовестился открыть обман; и потому не получил ожидаемой награды.[1] После сего он сильно вознегодовал и далеко простер на-
44 беги во внутренность Китая. В двадцатое лето, 44, он доходил до Шан-дан, Фу-фын и Тьхянь-шуй; в двадцать пер-
45 вом году зимою, 45, еще произвел набеги на Шан-гу и Чжун-шань, побил, ограбил и в плен увел великое множество. На северной границе [2] ни одного спокойного года не видали. Прежде сего, младший Шаньюев брат Западный Лули-князь Иту-чжясы по порядку должен был занять
114 место восточного Чжуки-князя, а восточный Чжу||ки-князь считался преемником Шаньюя. Но Шаньюй хотел доставить престол сыну своему, почему убил Чжясы. Чжясы был сын княгини Ван Чжа́о-гюнь. Сия княгиня имела проименование Цян, родилась в южных областях.[3] Еще в царствование государя Юа́нь-ди при выборе благородных девиц принята во дворец. В то время Хуханье приехал к Двору. Император приказал подарить ему пять девиц из внутреннего дворца. Чжао-гюнь поступила во дворец несколько лет тому назад и еще не была представлена государю, почему в досаде просила перевесть ее в загородный дворец. Во время большого собрания при Дворе, бывшего по случаю прощального отпуска Хуханье-Шаньюя, император призвал пять девиц для показа. Чжа́о-гюнь явилась в числе их в пышном наряде и всех поразила своею красотою. Император, взглянув на нее, чрезвычайно изумился и хотел было оставить, но посовестился нарушить данное слово. Чжа́о-гюнь в доме хуннов родила двух сыновей. По смерти Хуханье на престол вступил сын старшей Яньчжы и хотел жениться на Чжа́о-гюнь. Княгиня просила у государя дозволения возвратиться в Китай, но Чэ́нди предписал ей сообразоваться с обычаями народа, почему она сделалась Яньчжы следующего хана. Би, получив известие, что Чжясы убит, в негодовании сказал: по братней линии Западный Лули-князь, а по сыновней я, как старший сын покойного Шаньюя, должен наследовать престол. Сим образом он предался сомнению и начал уклоняться от поездок в орду на собрания. Почему
115 и Шаньюй начал || подозревать Бия и отправил двух Гудухэ́у для надзора за войсками его. В двадцать второе лето,
46. 46, Шаньюй Юй умер, и сын его, Восточный Чжуки-князь

[1] Лу Фан в 42 году опять ушел к хуннам, и там умер от болезни. *Ганму.*

[2] Говорит, что в пограничных областях не было спокойного года. П. И.

[3] Китая.

Удадихэ̀у, возведен на престол. Но вскоре умер, и младший брат его, Восточный Чжуки-князь Пуну, поставлен Шаньюем. Би, не получив престола, сильно вознегодовал. Между тем в земле хуннов сряду несколько лет были засухи и саранча; земля на несколько тысяч ли лежала голая. Деревья и травы посохли. Голод произвел заразу, которая похитила большую половину [1] народа и скота. Шаньюй опасался, чтоб китайский Двор не воспользовался бедственным его положением, почему отправил посланника в Юй-ян просить о мире и родстве, а посему поводу и Двор отправил хуннуского пристава Ли Мáо с ответом. Между тем Би тайно послал к Двору с китайцем Го Хын карту хуннуских земель, а в двадцать третие лето,
47, сам явился к областному начальнику в Си-хэ, и объя- 47
вил желание вступить в китайское подданство. Оба Гудухэ̀у ясно видели его намерение; и в пятой луне, когда приехали на собрание в Лун-цы, донесли Шаньюю, что Югянь Жичжо редко является на собрания и, повидимому, замышляет недоброе. Если не будет казнен, то произведет смятения в государстве. В сие время Биев младший брат Цзяньгян-князь, находившийся близ Шаньюевой ставки, слышал о доносе и наскоро поехал известить Бия. Би испугался; почему собрал от 40 до 50 000 человек, принадлежавших к восьми поколениям на южной границе, бывших под его управлением, и ожидал возвращения двух Гуду-‖хэ̀у, *116*
чтоб убить их. Гуду-хэ̀у по возвращении скоро узнали об умысле Бия и налегке ускакали, чтоб донести Шаньюю. Шаньюй послал 10 000 конницы для нападения на Бия, но предводитель, видя превосходство сил против него, не смел приблизиться к Бию и возвратился. В двадцать четвертое лето, 48, старейшины восьми поколений советова- 48
лись между собою объявить Бия Хуханье-Шаньюем; и как предок его нашел спокойствие под покровительством Китая, то желали, чтоб он получил и прежний титул его. После сего они пришли к границе в Ву-юань и объявили желание вечно быть оплотом для отражения северных хуннов. Император, по совету военачальника Гын Го, согласился на их желание. Тою зимою Би объявил себя Хуханье-Шаньюем.[2] В двадцать пятое лето, 49, весною, Шаньюй Би по- 49
слал младшего своего брата Восточного Чжуки-князя Мо

---

[1] Большая половина на кит. языке *да-бань* значит: две трети. П. И.

[2] В записках *Дун-гуань-цзи* сказано: в 12-й луне, Кхой-чеу, хунны разделились на ханства южное и северное. [Год под циклическим знаком Кхой-чеу (Гуйчоу) соответствует не 49, а 53 г.]

с 10 000 конницы на северного Шаньюя. Мо напал на младшего Шаньюева брата Югянь Восточного Чжуки-князя и взял его в плен; потом ударил на Шаньюево стойбище; взял до 10 000 человек его народа, в добычу получил 7 000 лошадей и до 10 000 штук разного рогатого скота. Северный Шаньюй пришел в страх и подался назад на 1 000 ли. Из северных хуннов Югянь Гуду-хэ́у и Западный Гуду-хэ́у с 30 000 народа поддались южному Шаньюю. Южный Шаньюй еще отправил посланника к Двору. Он именовал себя пограничным вассалом, послал Двору разные дорогие вещи и просил посланного доставить; сверх сего отправил сына в заложники для возобновления прежнего
117 50 договора. В || двадцать шестое лето, 50, Двор отправил хуннуского пристава Дуань Чень и товарища Ван Ю объявить южному Шаньюю, чтобы он поставил свою орду в Ву-юань в 80 ли от межи Западного аймака. Шаньюй встретил посланника вдали от стойбища.[1] Посланник сказал, что Шаньюй должен принять указ, преклонившись до земли. Шаньюй несколько времени посмотрел и потом, преклонившись до земли, назвал себя вассалом. По окончании поклонения сказал посланнику чрез переводчика, что он, как недавно поставленный, истинно стыдится приближенных своих и просит посланника не унижать его в собрании. Гуду-хэ́у и прочие, смотря на него, прослезились. Дуань Чень, вопреки императорскому предписанию, дозволил южному Шаньюю поселиться в Юнь-чжун. Шаньюй отправил посланника с донесением и при сем случае представил Двору двух верблюдов и десять полосатых лошадей.[2] Летом взятый южным Шаньюем в плен Югянь восточный Чжуки-князь с своим народом и пять Гуду-хэ́у из южных поколений, в числе 30 000 человек, взбунтовались и бежали; они остановились за 300 ли от северной орды и с общего согласия объявили Югянь Чжуки-князя Шаньюем, но чрез месяц начали междоусобную войну. Пятеро Гуду-хэ́у пали на сражениях, а восточный Чжуки-князь сам себя предал смерти. Сыновья павших Гуду-хэ́у оградились каждый своими войсками. Осенью южный Шаньюй отправил своего сына к Двору в службу. Как скоро при
118 Дворе получили || доклад его, император указал пожаловать Шаньюю шляпу, пояс, одеяние, золотую государственную печать с пурпуровыми шнурами, покойную колясочку, перяный парасоль [зонтик], четверню лошадей, дра-

[1] Ныне монгольские князья таким же образом встречают посланников с указом от кит. Двора.

[2] По изъяснению ученого Ду-юй, чубарая лошадь называется полосатою. П. И. О цвете шерсти ничего не сказано.

гоценную саблю, лук, стрелы, три черных бунчука, двух заводных лошадей, 10 000 кусков парчи и разных шелковых и бумажных тканей, 10 000 гинов ваты бумажной, музыкальные орудия, литавру, копья, латы, столовую посуду; сверх сего отпустить из Хэ-дун 25 000 мешков высушенного вареного риса и 36 000 штук крупного и мелкого рогатого скота. Предписано хуннускому приставу определить чиновников и дать им 50 вооруженных человек из освобожденных от наказания — препроводить все в орду, тщательно входить в спорные дела и наблюдать за движениями. В конце года Шаньюй послал донесение и отправил своего сына в службу при Дворе. Хуннуский пристав отрядил военного чиновника проводить его. Двор отправил нарочного проводить прежнего заложника обратно в Шаньюеву орду. Братья встретились в дороге. В новый год, по окончании придворных поздравлений и поклонений в храме предкам, император с нарочным послал Шаньюю 1 000 кусков шелковых тканей, четыре куска парчи, десять гинов золота, разных дворцовых припасов, апельсинов, померанцев, лун-янь и ли-чжи [названия южных китайских фруктов], еще послал 10 000 кусков шелковых тканей Шаньюевой матери, всем Яньчжы и Шаньюевым сыновьям, Восточному и Западному Чжуки-князьям, Восточному и Западному Лули-князьям и отличившимся заслугами Гуду-хэ́у. Сверх сего постановил такое же число подарков ежегодно посылать хуннам. У хуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лун-
|| цы [1] [Лун-сы], где в первой, пятой и девятой луне в день, *119*
под названием сюй, приносили жертву Духу неба. Южный Шаньюй, со времени своего подданства Китаю, присовокупил четвертое жертвоприношение китайскому императору. На сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конскою скачкою и бегом верблюдов. Из старейшин почетнейшими считались Чжуки-князь и Лули-князь Восточные, за ними Чжуки-князь и Лули-князь Западные. Они назывались *четырьмя рогами*. Далее следовали Восточный и Западный Жичжо-князья, далее Восточный и Западный Выньюйди-князья, потом Восточный и Западный Чжань-гян-князья. Сии назывались *шестью рогами*. Это — все Шаньюевы сыновья и младшие братья, которые по порядку имели право на Шаньюев престол. Вельможи из посторонних родов были Восточный и Западный Гуду-хэ̀у, потом Восточный и Западный Шычжо-Гуду-хэ̀у; прочие чиновники

[1] На кит. языке: *храм дракону*.

под названиями Жичжо-Цзюйкюй и Данху различались в степенях по преимуществу власти и числу своих людей. Шаньюй прозывался Хэйляньди;[1] из знаменитейших при Дворе посторонних родов считались четыре: Хуань, Хэйбу, Циолинь и Лань.[2] Сии четыре Дома считались знаменитыми при Дворе и всегда были в брачном родстве с Шаньюем.[3] Дом Хуань считался старшим, Домы Лань
120 и || Хэйбу младшими. Решения спорных дел, поступавшие жалобы и приговоры к наказанию представляемы были Шаньюю словесно; не было ни письма, ни письмоводителей. Зимою сыновья прежде взбунтовавшихся пяти Гудухэ́у с 3 000 душ своего народа обратно пошли к южным поколениям, но конницею, посланною северным Шаньюем в погоню за ними, весь отряд их взят в плен. Отряд войск, посланных южным Шаньюем, вступил в упорное сражение, но не имел успеха, почему император указал Шаньюю опять переселиться в Си-хэ в Мэй-ги, а главный пристав Дуань Чень и товарищ его Ван Жо получили предписание остаться в Си-хэ для охранения и открыть канцелярию для письменных дел. Правителю области Си-хэ предписано ежегодно посылать 2 000 конницы и 500 освобожденных от наказания преступников для содействия приставу охранять Шаньюя. Войскам назначено только стоять зимою, а летом оставлять караулы, и это осталось непременным постановлением. По возвращении всех восьми пограничных областей южный Шаньюй поселился в Си-хэ и разместил своих князей для содержания охранных гарнизонов в восьми областях. Все они с своими поколениями служили объездными караулами для областей и уездов. Северный Шаньюй видел опасность и возвратил почти всех пленных китайцев, желая тем показать доброе свое расположение. Каждый раз, когда северные хунны приходили для набегов на южные поколения, на обратном пути проходя мимо пограничных караулов, говорили, что они приходили для нападения на бежавшего Юйгянь-Жичжо,[4] а нападать на
121 51 китайцев не смеют. || В двадцать седьмое лето, 51, северный Шаньюй отправил посланника в Ву-вэй просить о мире

---

[1] По истории Старшего Дома Хань Шаньюй прозывался *Люаньди*, а титуловался *Ченли Хуту*. На языке хуннов *Ченли* значит небо, *Хуту* сын. Здесь прозвания не согласны. П. И.

[2] При Модэ-Шаньюе три знаменитых Дома было: Хуань, Лань и Хюйбу. П. И.

[3] Шаньюй из помянутых только четырех Домов брал девиц для себя. Сей обычай существовал и в царствование Чингис-хановой династии в Китае.

[4] Шаньюя Би.

и родстве. Сын Неба поручил государственными чинам рассмотреть это, но в Совете ничего не решили. Только наследник престола в представлении государю писал, что «Южный Шаньюй недавно поддался, и северные хунны опасаются войны, почему внимательно прислушиваются и наперерыв желают обратиться к долгу справедливости. Теперь мы не в состоянии предпринять похода и, напротив, думаем вступить в связь с северными хуннами. Должно опасаться, чтоб южный Шаньюй не возымел противных мыслей; в таком случае северные хунны, уже покорившиеся, более не придут к нам». Император нашел представление наследника основательным и указал правителю области Ву-вэй не принимать посланников от северного Шаньюя. В двадцать восьмое лето, 52, северные 52
хунны еще прислали посланника к Двору; представили лошадей, меха и снова просили о мире и родстве; еще просили прислать музыкальные орудия и дозволить при их посольстве гостям из владений Западного края представляться с дарами. Император отдал это на рассмотрение министрам, и в Совете положено было согласиться на предложения. Но Сы-тху [1] Янь Бань-бу подал следующее представление: «Известно, что Хя́о Сюа́нь Хуан-ди в предписании военным пограничным начальникам сказал: хунны составляют великое государство, очень непостоянны и коварны. Если в сношениях с ними приобрести их приверженность, то оставляют неприязнь и силятся соответствовать истинною предан‖ностью; а если попасться 122
в их расчисления, то, напротив, низко думают и обманывают. Ныне северные хунны, видя, что южный Шаньюй поддался нам, опасаются покушения на их государство и потому несколько раз просили о мире и родстве. Сверх сего, изда́ли пригоняют волов и лошадей для торга с Китаем; дважды присылали к Двору высших князей со множеством даров. Все это для того делают, чтобы, выказывая богатство и силу, обмануть нас. По моему мнению, большое количество их даров доказывает большую бедность, а повторяемое желание сблизиться есть знак большого страха. Но как мы еще не совершенно оградили юг, то пока не должно разрывать связь с севером. Имея в виду привязывать их, невозможно не отвечать учтивостью, т. е. надобно нарочито увеличить награды, чтоб они соразмерностью равнялись их приношениям, и в самом ясном виде представить им прежние действия правительства в

[1] Титул президента Палаты Финансов.

отношении к Хуханье и Чжичжы.[1] В ответе должно употребить выражения, которые бы наиболее целили на внешние обстоятельства: почему в черновой бумаге надобно еще присовокупить: Шаньюй, помня благодеяния Дома Хань и древний договор предков, желает возобновить мир и родство, чтоб обезопасить себя и доставить спокойствие своему государству. Намерение очень благоразумное и делает честь Шаньюю. В прошедшие времена у хуннов часто
123 происходили внутренние смя||тения. Хуханье и Чжичжы враждовали друг против друга. Хя́о Сюа́нь-хуан-ди простер к ним свою милость и обоих спас; почему оба послали своих сыновей к Двору в заложники и, назвавшись вассалами, обязались охранять укрепленную границу. Впоследствии Чжичжы своим ожесточением заградил источник императорских милостей; Хуханье, напротив, приверженностью разительнее доказал верность и сыновнее повиновение. Хань уничтожил Чжичжы.[2] Сим образом Хуханье, сохранив престол, передал его преемнику, и потомки его наследственно царствовали. Ныне южный Шаньюй с своим народом обратился к югу, подошел к укрепленной границе и вступил в подданство. Он, как законный и старший в роде Хуханьевом, по порядку родства должен быть Шаньюем; но лишенный достоинства престолохищником, взаимно питает недоверчивость; почему просит войска, чтобы, возвратившись, очистить северную орду. Сие обстоятельство уже в тонкость обдумано со всех сторон, но еще не желаем исключительно принять одну сторону. Сверх сего, на прошедших годах северный Шаньюй представлял дары, с изъявлением желания заключить мир и родство, но мы не дали согласия,[3] в ожидании, чтоб утвердилось в Шаньюе чувство верности и сыновнего повиновения. Хань управляет народами в мире — страхом и верностью.[4] Все живущие под солнцем
124 и луною суть подданные его. В || народах с различными обыкновениями он, руководствуясь справедливостью, не отличает ближних от дальних; покорных награждает, непокорных наказывает. Хуханье и Чжичжы суть доказа-

---

[1] Хуханье-Шаньюй, став вассалом, получал награды; Чжичжы, сделавшись нам врагом, был уничтожен. Сии-то два действия представить в ясном виде. Чжичжы был старший брат Хуханье-Шаньюев Хутуус, провозгласил себя Шаньюем, поразил Хуханье-Хана. П. И.

[2] В царствование государя Юа́нь-ди Чжичжы убил посланника Го Ги. Наместник Гань Янь-ше́у и помощник его Чень Тхан с войсками западного края, уничтожили его. П. И.

[3] Т. е. на представление южного Шаньюя.

[4] Страхом наказания, верностью в исполнении обещаний.

тельства последствий добра и зла. Ныне Шаньюй желает возобновить мир и родство. Искренность покорности уже изъявлена; но для чего домогаться представлять дары вместе с владениями Западного края.[1] Владения Западного края под властью ли хуннов, или под властью Китая находятся, в этом нет никакого различия. Шаньюй несколько раз имел войну, видел внутренние смятения; государство истощено. Дары посылаются для изъявления учтивости. К чему представлять лошадей и меха? Ныне посылаю Шаньюю 500 кусков разных шелковых тканей, лук, сайдак, колчан и четыре выпуска стрел. Сверх сего в награду за представленных лошадей жалую Восточному Гудухэу и Западному Лули-князю по 400 кусков разных шелковых тканей и по одному конепосекающему мечу.[2] Шаньюй прежде доносил, что музыкальные орудия, подаренные покойными императорами Хуханье-Шаньюю, испортились и просил о присылке новых. Ныне спокойствие в Шаньюевом государстве еще не восстановлено, и на каждом шагу военные заботы. В сих обстоятельствах хорошие луки, острые сабли нужнее музыкальных орудий; и потому последние не посланы. Я || не люблю мелочей, а желаю 125
дать, что нужнее для Шаньюя. Прислать донесение по почте». Император одобрил все без изъятия. В двадцать девятое лето, 53, пожаловал южному Шаньюю несколько 53
десятков тысяч овец. В тридцать первое лето, 55, северные 55
хунны попрежнему еще прислали посланника. Двор отвечал им грамотою за государственною печатью и пожаловал шелковыми тканями, но своего посланника не отправил. Шаньюй Би на девятом году царствования скончался.[3] Главный пристав Дуань Чень отправился с военным отрядом для утешения и жертвоприношения и повез для сего вино и рис под военным прикрытием. Возведен младший покойного брат Восточный Чжуки-князь Мо.

II. Шаньюй Мо. Император отправил посланника, чтобы с грамотою за государственною печатью вручить хану государственную печать с шнурами; послал ему шляпу, пояс, три бесподкладных пурпуровых кафтана, детский, т. е. небольшой поясной нож и тканый пояс; еще

---

[1] Владения Западного края, т. е. Восточный Тюркистан, находились под державою северных хуннов, и хан, под предлогом представления даров от них, имел в виду более получать подарков от китайского Двора: а кит. Двор счел представление ханново укоризною для себя.

[2] *Конепосекающим мечем* называется острый палаш, которым можно рубить лошадей. П. И.

[3] В тексте о смерти южных ханов писано: *успокоился*, *Хун.*

пожаловал 4000 кусков шелковых тканей для раздачи князьям, Гудухэу и прочим, и положил законом впредь по кончине Шаньюя всегда посылать такое же количество вещей как для жертвоприношения, так и для утешения.[1] Кюфэуюди Шаньюй Мо скончался в первое лето правления Чжун-
56 юань, 56, по однолетнем царствовании. На престол возведен младший брат его Хань.

III. Шаньюй Хань. Ифаюйлюйди Шаньюй Хань по-
57 ставлен во второе лето правления Чжун-юань, 57. Во
126 59 ‖второе лето правления Юн-пьхин, 59, из северных хуннов Хэюйсю с 1000 человек своих людей поддался Китаю. Шаньюй южных аймаков на втором году царствования скончался. На престол возведен Ди, сын Шаньюя Би.

IV. Шаньюй Ди. Итуншы-чжохэу Ди Шаньюй Ди поставлен во второе лето правления Юн-пьхин, 59. В пя-
62 тое лето, 62, зимою северные хунны в шести или семи тысячах конницы вступили в укрепленную границу в Вуюань; вследствие сего произвели набег на Юнь-чжун и проникли на юг за Юань-ян.[2] Южный Шаньюй отразил их, и когда Ма Нан, правитель области Си-хэ, подоспел к нему на помощь, то неприятели обратно пошли. Шаньюй Ди на четвертом году царствования скончался; возведен Су, сын Шаньюя Мо, под проименованием Кючугюйлиньди Шаньюя.

V. Шаньюй Су. VI. Шаньюй Чжан. Шаньюй Су чрез несколько месяцев скончался. Возведен Чжан, младший брат Шаньюя Ди. Хусйешы Чжоху-ди Шаньюй Чжан
63 поставлен в шестое лето правления Юн-пьхин, 63. В сие время северные хунны опять усилились и несколько раз производили набеги на пределы Китая. Правительство беспокоилось. Случилось, что северный Шаньюй пожелал открыть торг с Китаем[3] и отправил посланника просить о мире и родстве. Сянь-цзун полагая, что с открытием сообщения набеги прекратятся, согласился на представле-
65 ние. В восьмое лето, 65, император отправил военачальника,[4] Чжен Чжун на север с ответом. Южный Хэйбу,
127 Гудухэу и про‖чие узнали, что китайский Двор вступил в связь с северными неприятелями, предались сомнению и замышляли отложиться, почему тайно просили северных хуннов прислать войско для принятия их. Чжен Чжун по выступлении за границу, взял подозрение о за-

[1] Дары посылаются для жертвоприношения покойному и для утешения вновь поставленному Шаньюю. П. И.

[2] *Юань-ян* есть название уезда в области Юнь-чжун. П. И.

[3] В 64 году. *Ганму.*

[4] Юе-ки Сы-ма.

мыслах и начал примечать. Он действительно поймал людей, посланных от Хэйбу, и донес государю, что нужно еще поставить главного вождя для наблюдения, чтобы северные и южные хунны не вступили в связь между собою. После сего впервые поставлен был наблюдательный лагерь, а управление лагеря поручено главному приставу Ву Тхан.[1] Под ним помощник Лай Миао, старший Сяо-юй Янь Чжан, младший Сяо-юй Чжан Го с отрядом из корпуса Ху-а-ин в Ли-ян поставлены в Мань-бо в области Ву-юань;[2] еще Ки-дуюй Цинь Пхын поставлен с отрядом в Мэй-ги. В сем году осенью северные хунны действительно послали 2 000 конницы для наблюдения в Шо-фан, а для переправы отложившихся из южных поколений приготовлены были лодки из лошадиных кож. Но как со стороны китайской взяты были меры предосторожности, то они обратно ушли и снова несколько раз ограбили пограничные области, сожгли города и селения, побили и в плен увели великое множество людей. Города в Хэси и днем были затворены [на случай внезапного нападения]. Император беспокоился. В шестнадцатое лето, 73, он двинул пограничные войска в большом числе и предписал полководцам выступить 73
‖за границу против хуннов четырьмя дорогами. Неприятели, *128*
получив известие о походе китайских войск, ушли чрез Шо́мо на север. Пхын и Тхан оба обвинены в том, что не дошли до Шойе, и уволены от должностей, а Лай Миао поручено исправлять должность главного пристава южных хуннов. В восьмое лето, 83, Гилюс Саньмулэуцзы, старейшина 83
из северных хуннов, прикочевал к границе в Ву-юань и поддался Китаю. Он привел с собою 38 000 человек, 20 000 лошадей и более ста тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. В первое лето правления Юань-хэ, 84, Мын Юнь, 84
правитель области Ву-вэй, донес государю, что северный Шаньюй опять желает открыть торг с Китаем. Указом предписано правителю Юнь отправить гонца с уведомлением. И так северный Шаньюй послал Великого Цзюйкюя Имоцзы-князя пригнать до 10 000 штук быков и лошадей и открыть меновой торг с китайскими купцами. Некоторые из князей и старейшин прежде пришли в назначенные области и уезды, чтоб приготовить подворья — в ожидании наград от Двора. Южный Шаньюй, как скоро узнал об этом, выслал из Шан-гюнь легкую конницу,

[1] Наблюдательный лагерь на кит. *Ду-ляо-ин*. Главный пристав *Ду-ляо Гян-гюнь* был начальник лагеря.

[2] В *Хань-гуань-и* сказано: Гуан-ву с войсками из обл. Ю-чжéу, Цзи-чжéу и Бин-чжéу восстановил спокойствие в империи: почему учредил в Ли-ян корпус для себя из 1000 конницы.

которая отбила приведенный скот и угнала его в границу.
85 В первый месяц второго года, 85, старейшина из северных хуннов Гюйличжобин и другие, всего 73 рода, бежали в пределы Китая. В это время северные хунны ослабели, потому, что единомысленные пришли в несогласие и разделились. Южные поколения напали на них с лица; динлины произвели набеги с тыла; сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края с западной сторо-
129 ны.[1] После сего || северные хунны не могли сами собою востать и далеко уклонились. Шаньюй Чжан на двадцать третьем году царствования скончался. На престол возведен Сюань, сын Шаньюя Хань.

VII. Шаньюй Сюань. Иту Юйлюй-ди Шаньюй Сюань
85 поставлен во второе лето правления Юань-хэ, 85. Зимою Мын Юнь в представлении государю писал: северные хунны пред сим заключили мир и родство; а южные хунны опять произвели у них грабительство, почему северный Шаньюй считает поступок нашего правительства обманом и замышляет напасть на пределы Китая. Справедливость требует успокоить Шаньюя возвращением скота, пограбленного южными хуннами. Су-цзун, по совету министра Юань Ань, согласился на представление и в указе по сему обстоятельству сказал: «Искони Яньюнь и Хуньюй[2] были врагами Срединного государства. В прошедшее время хотя и были мир и родство, но мы от того и на волос пользы не видали. Защитники теснин часто погребены были в прахе. Отец сражался впереди, сын умирал назади, слабые женщины стояли на пограничных притинах, малолетные дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теням [т. е. к богам] павших в песчаных степях. Не жалостна ли эта картина? Ныне у нас с хуннами определены права государя и вассала.
130 Выражения не противны,[3] договоры ясны. Дары || Двору всегда доставляются. Следует ли после сего нарушать верность и добровольно навлекать негодование на себя? Предписать главному приставу южных хуннов и военачальнику Пхан Фынь вдвойне вознаградить северных хуннов за скот, отнятый у них южными хуннами; а южным хун-

---

[1] Нанятые Китаем.

[2] При династии Чжéу назывались *Яньюнь*, во времена государя Яо назывались *Хуньюй*, при династии Цинь *Хунну* П. И., т. е. Яньюнь, Хуньюй и Хунну суть названия одного и того же народа, ныне называющегося *Монгол*.

[3] Т. е. хунны в дипломатических переговорах с Китаем изъяснялись, как подданные пред государем.

нам выдать награды, положенные за убитых и в плен взятых ими». После сего южный Шаньюй опять послал Югянь-жичжо-князя Шицзы за границу с несколькими тысячами конницы. Князь, неожиданно напав на северных хуннов, побил и в плен увел до тысячи человек. Северные хунны ясно видели, что китайский Двор покровительствует южные поколения; притом слышат, что ежегодно по нескольку тысяч из них [1] переходят в подданство Китая. В первое лето правления Чжан-хо, 87, сяньбийцы вступили в 87
восточные земли, одержали совершенную победу над северными хуннами, убили Юлю-Шаньюя, содрали кожу с него и возвратились. В северной орде произошло большое смятение. Гюелань, Чубину, Дусюй, всего пятьдесят восемь поколений, в коих считалось 200 т. душ и 8 т. строевого войска, пришли в Юнь-чжун, Ву-юань, Шо-фан и Бэй-ди и поддались. Сюань на третьем году царствования скончался; Туньтухэ, младший брат Шаньюя Чжан, возведен на престол. Хулáнь-Шычжохэ́у ди Шаньюй Туньтухэ поставлен на второе лето правления Чжан-хо, 88. 88

VIII. Шаньюй Туньтухэ. В сие время у северных неприятелей происходили великие замешательства, к которым присоединился голод от саранчи. То и дело приходили желающие вступить в подданство. Южный Шаньюй имел в виду овладеть северною ордою; || но в это время *131*
Су-цзун преставился, и вдовствующая императрица Дэ́у Тхай-хэ́у приняла правление. В сéдьмой луне текущего года Шаньюй подал ей представление, чтобы объявить северным хуннам войну и уничтожить Дом их.

Вдовствующая императрица последовала его мнению.— В первое лето правления Юн-юань, 89, Чен, назначенный 89
предводителем западной армии, и товарищ его, полководец Дэ́у Хянь, выступили из Шо-фан с 8 000 китайской и 30 000 конницы южного Шаньюя и наблюдательного лагеря. Они напали на северных неприятелей и одержали совершенную победу. Северный Шаньюй бежал. В плен взято неприятелей до 200 т. человек. Это событие описано в повествовании о Дэ́у Хянь. Во второе лето, 90, весною Дын 90
Хун повышен в Дахун-лу. Хуан Фу-лын, правитель области Дин-сян, назначен исправлять должность главного пристава у южных хуннов. Южный Шаньюй снова просил уничтожить северную орду, почему отправил восточного Лули-князя Шицзы с 8 000 конницы из аймаков восточного и западного. Князь выступил из Шо-фан чрез

[1] Т. е. из северных хуннов.

Ги-лу-сай.[1] Пристав[2] Гын Тхань послал своего помощника прикрывать его. Оставя обоз у гор Шойе, они разделились на две колонны из легкой конницы и пошли вперед двумя дорогами. Левая колонна, на севере минуя западное море, пришла на северную сторону урочища Хэюнь;[3] правая колонна, следуя западною стороною реки Хуннухэ, обогнула Небесные горы [Тяньшань] и переправилась через реку
132 Ганьвэй на юг. Здесь обе колонны || соединились, и в ночи окружили северного Шаньюя. Шаньюй в большом испуге с 1 000 человеками отборного войска решился на сражение. Обессилев от ран, он упал с лошади, но опять сел и с несколькими десятками легкой конницы бежал. Сим образом он спасся. Получили нефритовую государственную печать его; взяли в плен Яньчжы с семейством из пяти человек обоего пола, порубили до 8 000, в плен увели несколько тысяч человек и возвратились. В сие время южные хунны одержали сряду несколько побед, получили великое множество пленных и покорившихся. Южный Шаньюй имел 34 т. семейств, 237 300 душ, 50 170 человек строевого войска: почему вместо одного поставили двух приставов в помощники главному приставу: но как число вновь покорившихся было велико, то Гын Тхань представил, чтобы еще прибавить
91 двенадцать помощников к приставам. В третие лето, 91, северный Шаньюй еще был разбит западным приставом Гын Кхой и бежал, неизвестно куда. Младший его брат, Западный Лули-князь Юйчугянь, объявил себя Шаньюем и с прочими князьями и старейшинами в нескольких тысячах человек остановился при озере Пху-лэй-хай, откуда отправил посланника на китайскую границу. Верховный вождь Дэу Хянь представил об утверждении Юйчугяня северным Шаньюем. Двор согласился на представление и отправил Гын Кхой вручить государственную печать; сверх сего посланы ему четыре дорогие сабли и четыре параселя перяных. Пристав Жень Шан назначен с бунчуком охранять Шаньюя, занимая пост в Иву, по прежнему примеру с южным Шаньюем. Правительство располагалось содействовать Шаньюю возвратиться в северную орду,
133 но || случилось, что Дэу Хянь предан был казни; а в
93 пятое лето, 93, Юйчугянь отложился и обратно пошел на север. Император предписал правителю военной канцелярии Ван Фу с 1 000 конницы вместе с Жень Шан преследо-

---

[1] *Ги-лу-сай*, укрепленная граница в области Шо-фан, от у. г. Юйхунь на севере.

[2] Чжун-лан-гян.

[3] *Хэюнь* есть название урочища в земле хуннов. П. И.

вать его. Они убедили Шаньюя возвратиться, и убили его, а войско уничтожили.[1] Шаньюй Туньтухэ на шестом году царствования скончался; Аньго, младший брат Шаньюя Сюань, возведен на престол. Шаньюй Аньго поставлен в пятое лето правления Юн-юань, 93.

IX. Шаньюй Аньго. Шаньюй Áньго прежде был Восточным Чжуки-князем и ни чем не был известен. Напротив, Восточный Лули-князь Шицзы был храбр, с большими сведениями. Покойные Шаньюи Сюань и Туньтухэ любили его за решительность и несколько раз отправляли с войском за границу для нападения на северную орду, а по возвращении награждали его. Сын Неба также отличал его; почему в орде все уважали Шицзы, а Шаньюю Аньго не повиновались. Аньго возненавидел его и искал случая убить. Шицзы часто грабил вновь покорившихся хуннов, когда они еще жили за границею; почему большая часть из них с неудовольствием смотрела на него. Аньго, пользуясь нерасположением их к Шицзы, вступил в заговор с ними. Когда Аньго возведен был на престол, то Шицзы по порядку занял место Восточного Чжуки-князя. Шицзы видел, что Шаньюй вступил в заговор с вновь покорившимися хуннами, почему откочевал на границу в Ву-юань. Когда Шаньюй от‖крывал в орде собрание *134*
для совещания о делах, то Шицзы сказывался больным и не бывал там. Хуан Фу-лын знал это и не посылал, а напротив охранял его; Шаньюй еще более досадовал. В шестое лето, 94, весною, Хуан Фу-лын был уволен; военачальник [2] 94
Чжу-вэй определен к исправлению должности главного пристава. В сие время Шаньюй был в разладе с хуннуским приставом Ду Чун и донес государю на него. Ду Чун намекнул правителю области Си-хэ отнять у Шаньюя средство к пересылке бумаг к Двору, а сам с Чжу Вэй представил государю, что Шаньюй Аньго начал удаляться [от] старых хуннов и, сблизившись с вновь покорившимися хуннами, умышляет убить Восточного Чжуки-князя Шицзы и Восточного Цзюйкюя Люли. С ним соумышляют покорившиеся из западного аймака и побуждают Аньго поднять оружие и отложиться. Он просит, чтоб для безопасности его отдали ему область Си-хэ, Шан-гюнь и Аньдин. Хо́-ди передал это на рассмотрение государственных чинов. В Совете вообще полагали, что «по непостоянству,

---

[1] Здесь кончилось царствование Северного Дома хуннов. Потомки его имели небольшие уделы на северо-западных пределах Монголии. Из сих потомков был знаменитый Дом Дулга [Тукюе].

[2] Титул военного чина его Чжи-гинь-ву.

свойственному инородцам, хотя трудно определить что-либо в будущем; впрочем, если собрать войско, то они едва ли произведут какое либо движение. Теперь нужно отправить ревизора в Шаньюеву орду и поручить ему вместе с Ду Чун, Чжу Вэй и правителем области Си-хэ обозреть положение хуннов. Если нет перемены в мыслях, то предписать Ду Чун и пр. ехать к Аньго, собрать старейшин из его поколения и объявить им, что за своеволие, угро-
135 жающее границе опасностью, они все будут каз‖нены. А если не послушают, то, смотря по обстоятельствам, принять меры, и по окончании дела произвести награды как гостям.[1] Это также достаточно поселит страх в инородцах». Император согласился на их мнение; почему Чжу Вэй и Ду Чун пошли в Шаньюеву орду с войском. Аньго в ночи получил известие о приходе китайских войск и от великого испуга бросил стойбище и уехал; после сего, собрав свое войско и вновь покорившихся, хотел казнить Шицзы. Но Шицзы прежде узнал об этом и с своими людьми ушел в город Мань-сян-чен. Аньго преследовал его до самого города, но не мог проникнуть в город, потому что ворота уже были затворены. Чжу Вэй отправил чиновников помирить их; но Аньго не послушал; и как он не мог взять города, то отступил с своим войском и расположился в Ву-юань. Ду Чун и Чжу Вэй собрали конницу из поколений и тесно преследовали его. Народ его пришел в ужас. Гудухэ́у Сивэй, дядя Шаньюя Аньго с матерней стороны, и прочие, видя, что всем не миновать казни, убили Аньго. Аньго царствовал один год; на престол возведен Шицзы, сын покойного Шаньюя Ди. Тиндушы Чжоху-ди Шаньюй Шицзы возведен на престол в шестое лето правления Юнюань, 94.

X. Шаньюй Шицзы. От пяти до шести сот покорившихся хуннов в ночи неожиданно напали на Шицзы. Аньцзиянь-князь Тянь, имея под собою охранные войска, вступил в сражение и разбил их. После сего вновь покорившиеся хунны пришли в страх, и пятнадцать поколений, со-
136 державших в себе до ‖ 200 000 человек, взбунтовались. Они Западного Югянь-Жичжо-князя Фынхэ́у, сына покойного Шаньюя Туньтухэ, против воли его постановили Шаньюем; потом побили и в плен забрали пограничных чиновников и жителей, сожгли притины, почтовые дворы и юрты и, забрав свое имущество, пошли в Шо-фан, в намерении уйти на северную сторону́ степи. После сего военачальник [1] Дын Хун, военачальник Пхын-Чжу [2], глав-

[1] Т. е. посредственно наградить вещами.

ный пристав Чжу Вэй с пограничными войсками, Женьшан с ухуаньцами и сяньбийцами, всего с 40 000, выступили против мятежников. В сие время южный Шаньюй и хуннуский пристав Ду Чун стояли в городке Мэу-шы-чен. Фынхэ̀у с 10 000 конницы атаковал их, но не мог взять городка. Зимою Дын Хун пришел в Мэй-ги, а Фынхэ̀у по льду перешел чрез ущелье в долину Мань-и-гу. Сын южного Шаньюя с 10 000, Ду-чун с 4 000 конницы и Дын Хун ударили на Фынхэ̀у на укрепленной границе Да-ченсай; побили до 3 000, забрали скот, до 10 000 человек из покорившихся в плен увели. Пхын Чжу, также преследовавший Фынхэ́у, напал на другое его поколение и побил до 4 000 человек. Жань Шан с 8 000 ухуаньской и сяньбийской конницы ударил на Фынхэ́у в долине Мань-и-гу и совершенно разбил его. Фынхэ́у во всех сражениях потерял 17 000 человек убитыми; почему с своим народом ушел за границу, и китайские войска не могли догнать его. В седьмое лето, 95, в первый месяц, китайские войска возвратились. 95
Пхын Чжу с корпусом Ху-а-ин остановился в Ву-юань. Сяньбийцы, ухуаньцы и тангуты отпущены.
Субахой возведен в княжеское достоинство с титулом Шуай-чжун-ван и награжден золотом и шелковыми тканями. *137*
Дын Хун по возвращении в столицу обвинен в потерях, происшедших от его медленности в действиях, и умер в тюрьме.[3]
После император узнал, что Чжуй Вэй и Ду Чун, нарушив доброе согласие с хуннами, преградили им путь к подаче представлений и чрез то довели их до возмущения; почему оба преданы суду и умерли в тюрьме. Пхан Фынь, правитель области Яй-мынь, назначен исправлять должность главного пристава южных хуннов.. Фынхэ̀у по выходе за границу разделил людей на две колонны; сам с западною колонною расположился у гор Шойе, а восточная колонна остановилась от Шо-фан на северо-запад в нескольких стах ли от первой. В восьмое лето, 96, зимою, 96
хунны восточной колонны, по взаимной недоверчивости, взбунтовались и возвратились на границу в Шо-фан. Пхан Фынь ласково принял их. В сей колонне считалось до 4 000 войска и до 10 000 слабых и малолетков. Все они покорились и размещены в областях по северной границе.
Западный Выньюйду-князь Угюйчжань[4] участвовал в

---

[1] Че-ки Гян-гюнь [в тексте Н. Бичурина сноска не помечена].
[2] Юе-ки Сяо-юй [в тексте сноска не помечена].
[3] По военным законам за умедление и трусость определено отсечение головы. П. И.
[4] Угюйчжань есть имя Выньюйду-князя. П. И.

заговоре с Аньго, и южный Шаньюй хотел допрашивать его чрез пытки; почему Угюйчжань с несколькими тысячами своих людей опять взбунтовался, вышел за границу в горные долины и оттуда беспокоил пограничных жителей. Осенью Пхан Фынь и Пхын Чжу с войсками из разных поколений ударили на Угюйчжаня, и народ его покорился; почему народ его вместе с прочими, опять покорившимися,
138 в числе 20 000 || слишком человек, размещены в Ань-дин и Вэй-ди. Пхын Чжу возвратился и переведен к другой должности. Народ, удалившийся с Фынхэ̀у, много страдал от голода, сверх сего терпел нападения от сяньбийцев, и не знал, куда ему приютиться; почему одни за другими бежали обратно в китайскую границу. Шаньюй Шицзы скончался на четвертом году царствования; на престол возведен Тхань, сын Шаньюя Чжан. Ваньшышы Чжоди Шаньюй Тхань поставлен в десятое лето правления
98 Юн-юань, 98.

104 **XI. Шаньюй Тхань.** В шестнадцатое лето, 104, северный Шаньюй [1] прислал посланника с дарами и с просьбою о мире и родстве — на основании древнего договора с Хуханье; но как он и прежде не в состоянии был выполнить требуемого приличием, то Хо́ди [император] не согласился на просьбу, а щедро наградил и посланника его отпустил без ответа. В первое лето правления Юань-син,
105 105, северный Шаньюй вторично отправил посланника в Дунь-хуан с дарами для Двора, причем посланник извинился, что Шаньюй по бедности не может выполнить требуемого приличием, а просит отправить к нему посла, с которым сын его приедет к Двору в заложники. Вдовствующая императрица Дын Тхай-хэ̀у, бывшая в сие время правительницею, также отпустила посланника без ответа, а только щедро наградила его. В первое лето правления
114 Юань-чу, 114, ухуаньский пристав Дын-Цзунь определен главным приставом у южных хуннов. Дын-Цзунь был родственник вдовствующей императрицы; и потому он
139 первый определен действительным начальником.[2] В ||
117 четвертое лето, 117, Фынхэ̀у претерпел поражение от сяньбийцев. Люди его рассеялись и ушли к северным хун-
118 нам. В пятое лето, 118, Фынхэ̀у с сотнею конников обратно

---

[1] По истории неизвестно, где он имел пребывание.

[2] С того времени, как учреждена должность главного пристава южных хуннов, все временно исправляли сию должность. Дын Цзунь (как родственник вдовствующей императрицы) первый определен был действительным начальником; а после него уже все были действительные. П. И.

бежал на границу в Шо-фан и покорился приставу Дын-Цзунь. Он поселен в области Инь-чуань.[1] В первое лето правления Гянь-юань, 121, Дын-Цзунь уволен от должности, 121
и Гын Кхой опять занял место главного пристава у южных хуннов. В то время сяньбийцы производили набеги на пределы Китая, почему Гын Кхой и Выньюйду-князь Хугювэй с вновь покорившимися каждый год выходили за границу для нападения на сяньбийцев; а по возвращении опять каждый располагался в крепких местах по границе.[2] Но Гын Кхой делал тягостные распоряжения; почему вновь покорившиеся ненавидели его и умышляли взбунтоваться. Шаньюй Тхань скончался на двадцать седьмом году царствования; младший его брат Ба возведен на престол. Гын Кхой опять уволен от должности; на его место определен Фа Ду, правитель области Тхай-юань. Угихэушы-чжоди Шаньюй Ба вступил на престол в третье лето правления Янь-гуан, 124. 124

XII. Шаньюй Ба. Пред сим укрепленная граница от Шо-фан на запад во многих местах запущена была; *140*
почему сяньбийцы часто производили набеги. В южных поколениях убили Цзяньгюн-князя.[3] Шаньюй, предвидя опасность, в первое лето правления Юн-гянь просил Двор возобновить укрепленную границу, и Шуньди согласился. И так корпус, стоявший в Ли-ян, перевели на северную межу области Чжун-шань;[4] усилили число войск в пограничных областях, расставили их по укрепленной линии, и предписали упражнять их в стрелянии из лука. Шаньюй Ба скончался на четвертом году царствования, на престол возведен младший его брат Хюли Кюйдэ Жошы Чжоди. Шаньюй Хюли вступил на престол в третие лето правления Юн-гянь, 128. 128

XIII. Шаньюй Хюли. В пятое лето правления Юн-хо, 140, в восточном аймаке южных хуннов Гэулун-князь 140

---

[1] *Фынхэ́у* был сын покойного Шаньюя Туньтухэ, Западный Югянь-жичжо-князь. Около 10 000 покорившихся хуннов силою поставили его Шаньюем. Когда же он был разбит сяньбийцами, то народ его рассеялся. Ежели бы Фынхэ́у был оставлен между хуннами, то они могли бы опять собраться; и потому он переведен в Инь-чуань. П. И.

[2] По возвращении расставляли вновь покорившихся в важных местах по границе. П. И.

[3] Хунны имели восточного и западного Цзяньгюн-князей.

[4] Прежде в Ли-ян поставлен был отряд войск, но как южный Шаньюй просил опять перевести его на укрепленную границу, то, опасаясь новых набегов и смятений, поставили сей отряд на северной меже области Чжун-шань. Чжун-шань ныне называется Дин-чжэ́у, а Дин-чжэ́у лежит в Хэ-бэй. П. И.

Усы и Гюйню отложились, и с 3 000 конницы произвели набег на Си-хэ; почему опять склонили Западного Чжуки-князя с семью или восемью тысячами конницы обложить Мэй-ги; они убили правителей в Шо-фан и Дай-гюнь. Хуннуский пристав Лян Бин и ухуаньский пристав Ван Юань, соединив до 20 000 ухуаньской, сяньбийской, тангутской и пограничной китайской конницы, напали на мятежников и разбили их; после сего Усы перешел на другие места и взял некоторые города. Сын Неба отправил чиновника
141 сделать выговор || Шаньюю и предложил милости убеждающим других к покорности. Шаньюй ни мало не участвовал в заговоре; почему вышед из юрты и сняв шляпу предстал пред Лян Бин с извинением. Лян Бин по болезни был отозван. Чень Гуй, правитель области Ву-юань, заступил место главного пристава. Чень Гуй вообразил, что Шаньюй не может обуздывать своих подчиненных,[1] почему начал притеснять его. Шаньюй и младший его брат Восточный Чжуки-князь сами себя предали смерти. Шаньюй Хюли царствовал 13 лет. Чень Гуй еще хотел перевести ближних родственников Шаньюевых во внутренние области, и покорившиеся еще более предались сомнению. Чень Гуй предан суду и умер в тюрьме.[2] Верховный вождь Лян Шан думал, что тангуты и хунны недавно возмутились, и сообщники только что соединились с ними; почему трудно их усмирить оружием, а надобно убеждениями склонять к покорности. И так он в представлении писал: «Хунны, производя набеги и возмущения, понимают великость преступления. Птицы в крайности и звери в опасности знают спасаться от смерти; кольми паче возможно ли совершенно истребить многочисленное скопище. Ныне доставка военных потребностей день ото дня возрастает; три армии изнурены войною; истощать внутренность для содействия за
142 || границею— это не выгодно для Срединного государства. По моему усмотрению Май Сюй, главный пристав у хуннов, имеет дальновидное соображение; сверх сего, давно управляет делами на границе; основательно знает положение военных дел. Каждое его донесение согласно с моими предположениями. Надобно предписать ему углубить рвы и возвысить окопы, милостями и верностью склонять

---

[1] *Усы* с прочими брал город. Шаньюй хотя и не принимал участия в убийствах, но не мог обуздать подчиненных ему; и по сему Чень Гуй считал его неспособным занимать место Шаньюя. П. И.

[2] Чень Гуй принудил Шаньюя и младшего его брата к самоубийству; еще хотел переселить родственников его, чем и возбудил в них подозрение. В этом Чень Гуй судом был обвинен. П. И.

к покорности; обнародовать о подкупах и наградах, ясно изложить условия. Сими средствами можно преклонить непокоривых, и правительство освободится от забот». Император одобрил представление и указал Сюй склонять возмутившихся к покорности. Сверх сего Шан писал к Сюй с прочими: «Срединное государство спокойно и давно уже не знает войны. Противопоставив неприятелю лучшую конницу в поле, под тучею стрел решать победу — вот в чем в настоящее время состоит преимущество кочевых иноземцев, а слабость Срединного государства. С тугим самострелом сидя на городской стене, или в крепком окопе упорно держаться и выжидать, пока неприятель ослабеет — вот в чем состоит преимущество Срединного государства, а слабость кочевых иноземцев. Надобно более стараться о том, в чем преимуществуем, и смотреть на последствия; установить подкупы, открыть награды и обнародовать это для раскаивающихся; не ищите отличиться мелкими услугами, чтоб не расстроить важных предположений». Сюй и правители областей с точностью выполнили наставления министра. После сего до 13 000 человек из поколения Западного Чжуки-князя одни за другими пришли в Ма Сюй и покорились. Осенью Гэулун Усы с прочими поставил Гэулун-князя Гюйню Шаньюем. На во- *143*
стоке они склонили к себе ухуаньцев, на западе приняли тангутов и хуннов, и в нескольких десятках тысяч разбили столичный корпус Ху-а-ин; убили в Шан-гюнь Ду-юй и Гюнь-сы-ма; [1] после сего ограбили четыре области: Бин-чжэ́у, Ля́н-чжэ́у, Ю́-чжэ́у и Цзи-чжэ́у. И так перевели правление области Си-хэ в Ли-ши,[2] правление области Шан-гюнь в Хя-ян, правление области Шо-фан в Ву-юань. Зимою хуннуский пристав Чжан Гын с войсками ухуаньскими из Ю́-чжэ́у и других областей напал на возмутившихся Гюйню с прочими. Сражение происходило под Ма-и. Мятежники лишились более трех тысяч убитыми, исключая в плен взятых, множества рогатого скота и оружия. Гюйню с прочими старейшинами и Гудухэ́у покорился; но Усы с своим поколением и ухуаньцами еще продолжал набеги и грабительства. В шестое лето, 141, весною, Ма Сюй с 5 000 **141**
сяньбийской конницы напал на него под Гу-чен и убил несколько сот человек. Чжан Гын был мужествен и отважен, умел привлекать солдат к себе; в армии все усердно ему служили. Он совершенно разбил ухуаньцев, порубил

[1] Названия военных чинов.
[2] *Ли-ши* есть название уезда в Си-хэ. П. И.

предводителей их, возвратил пленных китайцев, забрал скот и имущество неприятелей. Летом Ма Сюй опять уволен от должности, и Чен Ву, начальник городских ворот,[1] занял место главного хуннуского пристава. В первое лето правления Хань-ань, 142, осенью Усы с Юйгянь-Тайки-Цзюйкюем-Бодэ и прочими опять ограбил область Би́н-чжо́у.

141 **XIV. Шаньюй Дэулэучу.** Хулань-жошы-чжогю || Шаньюй Дэулэучу прежде жил в столице; на ханство возведен во второе лето правления Хань-ань, 143. Сын Неба вышел на крыльцо. Церемониймейстер с бунчуком в руке передал Шаньюю государственную печать с шнурами и повел его в тронную. Император пожаловал ему темносерого коня, колесницы, верховую лошадь, нож и саблю, разные вещи из нефрита, две тысячи кусков шелковых и бумажных тканей; Шаньюевым Яньчжы с прочими также сделал богатые подарки и послал военного сановника с бунчуком препроводить Шаньюя в южную орду; указал чиновникам из Тхай-чен и Дан-ху-лу с заложниками из разных владений угостить Шаньюя за воротами Гуан-ян-мынь,[2] где при играний музыки представлены были разные игры в виде сражения животных. Шу́нь-ди сам смотрел на это из загородного дворца Ху-тхао-гун. Зимою хуннуский пристав Ма Ши убил Гэулун Усы чрез подкупленных злодеев и голову его препроводил в Лоян [столица в то время]. В первое лето правления Гянь-кхан, 144, он ударил на остальных сообщников и убил до 1 200 человек. Ухуаньцы в 700 000 душ явились к Ма Ши и покорились. При них было неимоверное множество обоза и скота. Шаньюй Дэулэучу на пятом году царствования скончался. Илиншы Чжо-ди Шаньюй Гюйгюйр вступил на престол в первое лето правления Гянь-хо, 147.

XV. Шаньюй Гюйгюйр. В первое лето правления Юншэ́у, 155, хуннуский Восточный Юйгянь Тайки Цзюйкюй Бодэ и прочие опять взбунтовались и огра*145*||били зависимые владения в Мэй-ги и Ань-дин. Ду-юй Чжан Хуань разбил и покорил их. Сие событие описано в повествовании о Чжан Хуань. В первое лето правления Янь-хи, 158, все поколения южного Шаньюя взбунтовались и, соединившись с ухуаньцами и сяньбийцами, произвели набег на девять пограничных областей. Чжан Хуань назначен главноначальствующим для усмирения

[1] Т. е. начальник крепости.

[2] *Гуан-янь-мынь* есть название юго-западных ворот города Ло-ян. П. И.

их. Аймаки Шаньюевы все покорились. Чжан Хуань, находя Шаньюя неспособным к управлению государственными делами, задержал его.[1] Государь Шаньюем поставил восточного Лули-князя.[2] Сим образом Шаньюй Гюйгюйр, отставленный скончался на двадцать пятом году царствования. На престол возведен сын его *такой-то*.[3] Тудэ-жошычжогою Шаньюй *такой-то* вступил на престол в 1-е лето правления Хи-пьхин, 172. 172

XVI. Шаньюй такой-то. В шестое лето, 177, Шаньюй 177
и хуннуский пристав Цзан Минь выступили из Яй-мынь против сяньбийского Таньшихая и были совершенно разбиты. Шаньюй по возвращении из похода в том же году скончался; на престол возведен сын его Хучжен. Шаньюй Хучжен возведен на престол в первое лето правления Гуан-хэ, 178. 178

XVII. Шаньюй Хучжен. Во второе лето, 179, хун- 179
нуский пристав Чжан Сю поссорился с Шаньюем и самовольно казнил его, а на его место Шаньюем поставил Западного Чжуки-князя Кянкюя. Как || Чжан Сю без *146*
представления государю самовольно казнил Шаньюя, то привезен был в столицу в клетке и приговорен к смерти. Шаньюй Кянкюй возведен на престол во второе лето правления Гуан-хо, 179.

XVIII. Шаньюй Кянкюй. В четвертое лето правления Чжун-пьхин, 187, взбунтовался Чжан Шунь, бывший 187
правитель области Чжун-шань, и, соединившись с сяньбийцами, произвел набег на пограничные области. Лйн-ди указал выслать войска южных хуннов и присоединить их к Лю Юй, правителю области Ю-чжéу. Шаньюй отправил в Ю-чжеу Восточного Чжуки-князя с конницею. Но старейшины опасались, что Шаньюй часто будет посылать войска. В пятое лето, 188, в западном аймаке Ило с про- 188
чими в числе 100 000 человек взбунтовались и убили Шаньюя. Шаньюй Кянкюй умер на десятом году царствования; по нем на престол возведен сын его, Западный Чжуки-князь Юйфуло.[4] Чичжишы-чжоху Шаньюй Юйфуло

---

[1] Т. е. арестовал.

[2] Чжан Хуань в представлении просил Шаньюем поставить восточного Лули-князя. П. И.

[3] При слове *такой-то* надобно знать, что историки опустили имя Шаньюя: у кочевых нет письма; следовательно нет ни законов, ни указов; и потому слово *такой-то* поставлено вместо имени.

[4] *Юйфуло* есть родоначальник славного *Лю Юань-хай*, основателя старшей династии Чжáо. Династия Чжáо царствовала в Китае в 304—330 годах. Юань-хай был главою смятений при династии Цзинь.

возведен на престол в пятое лето правления Чжунпьхин, 188.

XIX. Шаньюй Юйфуло. Вельможи, убившие отца Шаньюева, взбунтовались и с общего согласия поставили Шаньюем Хюйбу Гудухэ̀у, а Юйфуло явился к Двору с доносом на себя. В это время император Лйн-ди скончался. В Империи возникли великие замешательства. Шаньюй с несколькими тысячами конницы присоединился к мятежникам в Бай-бо и произвел набеги на области в Хэ-нэй. В сие время народ укрепился в окопах, и грабительства не доставляли пользы, а ратники, претерпевая неудачи,
147 желали возвратиться в домы, || но старейшины не приняли их; и так они остановились в Хэ-дун.[1] Хюйбу Гудухэ́у Шаньюй по прошествии года умер, и южная орда опустела. Старший князь заступил его место в управлении делами. Шаньюй Юйфуло умер на седьмом году царствования; на престол возведен младший его брат Хучуцуань.[2]

XX. Шаньюй Хучуцуань. Шаньюй Хучуцуань вступил
195 на престол в первое лето правления Гян-ань, 195; но будучи изгнан старшим своим братом, не мог возвратиться в орду и был несколько раз ограблен сяньбийцами. В сем году император Сяньди возвратился из Чан-ань на восток.[3] Западный Чжуки-князь Кюйби с Хань Ло, предводителем мятежников в Бай-бо,[4] охранял Сына Неба и сражался с полководцами Ли-кио и Го-Фань. Когда же Сын Неба возвратился в Ло-ян и переведен был в Хэй, то Кюйби возвратился в свою орду в Пьхин-ян.[5] В два-
215 дцать первое лето, 215, Шаньюй приехал явиться к Цáоцáо, который и удержал его в Йе;[6] а Кюйбия отправил для управления его ордою.

Извлечено из Истории младшего Дома Хань. ||

---

[1] В Хэ-дун в области Пьхин-ян. П. И.

[2] Юйфуло был предок князя Лю Юань-хай; следовательно Хучуцуань был ему дед в побочной линии.

[3] В Ло-ян, восточную столицу. В сие время военные губернаторы, управлявшие и гражданскими делами, вели жестокую войну между собою, силясь взять императора в плен; потому, что тот из них, кто имел императора в плену, управлял государством. Северный Китай был театром сих междоусобий.

[4] *Бай-бо* есть название долины в Си-Хэ. Хань Ло прежде был предводителем мятежников в сей долине. *Ганму* 190.

[5] В Пьхин-ян в Хэ-дун. П. И.

[6] Шаньюй Хучуцуань задержан в Йе, а Кюйби обратно послан в Пьхин-ян для управления оставшимися в орде пятью поколениями.

Прибавление о Лю и Ши, двух Домах из южных хуннов, впоследствии царствовавших в северном Китае. 148

[*Тунцзянь-Ганму*]

Лю Юань, по проименованию *Юань-хай*, был сын Восточного Чжуки-князя Лю-Бáо. Еще в детстве обнаружились в нем необыкновенные дарования. Воспитываясь при китайском Дворе, он приобрел большие успехи в китайской словесности; как военный, обучался и тактике, имел большую силу, исполинский рост. В 279 году, по смерти отца, поставлен начальником восточного аймака, а в 290 году определен главнокомандующим всех пяти хуннуских аймаков, размещенных внутри северного Китая. С 290 года в царствующем Доме Цзинь начались семейные раздоры, которые оканчивались убийством, а с 300 года завязалась кровопролитная война между князьями царствующего Дома, и смятение разлилось по всему Китаю. В сие время начальники пяти хуннуских аймаков предприняли оружием возвратить утраченные права, и на общем собрании в 304 году объявили князя Лю Юань-хай Великим Шаньюем. Лю Юань-хай в сем же году объявил себя государем с титулом *Ван*, и дал своей династии название *Хань*, [ниже переименована в Чжао] и открыл войну с Китаем. В следующем году перенес столицу в Пьхин-ян-фу, и объявил себя императором. В 310 году скончался, и сын его *Лю Хо* вступил на престол. Князья внушали ему подозрение на младшего брата Лю Цун и напали на него в лагере, но не успели в предприятии: напротив, войска князя Лю Цун ворвались в дворец и убили Лю Хо. Лю Цун вступил на престол по нем. В 311 году хунны взяли обе китайские столицы Хэ-нань-фу и Си-ань-фу; а после сего воевали с переменным счастием; почему со всеми силами обратились на север: но здесь полководец их Лю Ио претерпел великое поражение от || сяньбийского Тобы Илу. Лю 149
Цун скончался в 318 году: сын его *Лю Цань* вступил на престол. Сей государь предался утехам; почему Цзинь Чжун,[1] замысливший овладеть престолом, убил его; некоторым отсек головы на площади и объявил себя государем с титулом *Ван*; но в конце года и сам убит от своих сообщников. Князь *Лю Ио* прибыл из Си-ань-фу и вступил на престол. В 319 году он перенес столицу в Си-ань-фу, и династии своей принял название *Чжáо*. Между тем полководец

[1] Родом китаец.

его *Ши Лэ* объявил себя государем с титулом *Ван*, династию свою назвал *младшею* [*Хоу*] *Чжа́о*, а столицу утвердил в восточной половине северного Китая в городе Шунь-дэ-фу. Сим образом северный Китай разделился на два государства, оба под владением южных хуннов. Желтая река была рубежом между ними. Лю Ио в 323 году довершил свои завоевания на западе, между тем Ши Лэ то же сделал на востоке. В 327 году Лю Ио и Ши Лэ начали войну между собою, и продолжали ее с переменным счастием до 328 года, в котором Ши Лэ, победив Лю Ио под стенами города Хэ-нань-фу, убил его. В следующем году Ши Ху, по поражении хуннов в Шан-ин, взял в плен наследника Лю Сю с 3 000 князей и вельмож из хуннов и всех предал смерти. Здесь совершенно пресекся Дом хуннов, царствовавших на юге в северном Китае. Царствование их продолжалось 26 лет. [На смену его пришло второе царство южных хуннов под названием младшего дома Чжоу, основанного домом Ши].

Ши Лэ родом был хунн сделался полководцем, а в 330 году объявил себя императором. Под его владычеством находился почти весь северный Китай. Он умер в 333 году; сын его *Ши Хун* вступил на престол: но брат Ши Ху заточил сего государя. В конце 334 года Ши Хун
150 низведен с || престола, а Ши Ху объявил себя правителем государства. В 338 году он победил сяньбийского князя Дуань Ля́о, и завоевал земли его в Шунь-тьхянь-фу и Сюань-хуа-фу [область Пекина]: но Муюн Хуан, другой сяньбийский князь, вероломным образом разбил войско его, посланное для принятия поддавшегося Дуань Ляо: почему Ши Ху в 340 году вступил во владения Муюна Хуан с полумиллионом войска. Муюн Хуан зашел в тыл ему, истребил военные и съестные припасы, и тем ниспроверг его предприятие. В 349 году Ши Ху объявил себя императором; но чрез три месяца умер. Пред смертью государя Ши Ху государыня Лю Шы, воспользовавшись помрачением его ума, произвела замешательство при Дворе и по смерти его объявила государем сына своего Ши Ши. Но князь *Ши Цзунь* убил Ши Ши с матерью, и сам вступил на престол. Князь Ши Минь [1] ревностно содействовал ему к получению престола, за что Ши Цзунь дал слово объявить его наследником по себе: но по достижении желаемого объявил наследником сына своего Ши Янь, и положил в тайном совете погубить Ши Минь. Князь Ши Цзянь открыл сию тайну, и Ши Минь, как верховный полководец, приказал

[1] Родом китаец.

войскам взять Ши Цзунь с наследником Ши Янь под стражу, и потом обоих предал смерти, а князя *Ши Цзянь* возвел на престол. Сей государь видел, что Ши Минь опасен для него, и хотел погубить его. *Ши Минь* отразил двукратное нападение и наконец взял Ши Цзянь под стражу. В 350 году он убил сего государя, и объявил себя императором. В 352 году он пошел на север против Муюна Цзюнь, овладевшего Пекином: но взят в плен на сражении, и предан казни. Сим образом рушилось второе царство южных хуннов в северном Китае, продол‖жавшееся *151*
22 года под названием Младшего Дома *Чжао*. Сяньбийский Дом Муюн заступил место его.

Обе высшие статьи Лю и Ши извлечены из Ганму.

Отделение II

УХУАНЬ

[*Хоуханьшу, гл. 120*]

Ухуань есть Дун-ху. В начале династии Хань хуннуский Модэ уничтожил Дом Дун-ху. Остатки его осели при Ухуаньских горах, от которых приняли и название себе.

В кратком очерке происхождения Ухуаньского Дома открывается, что Дом Ухуань есть продолжение Дома Татар-Ханова, Дома Дун-ху, в *прямой линии*; Дом Сяньби составлял боковую линию его. Ухуаньцы начали усиливаться за 80 лет до Р. Х., совершенно поражены китайцами в 206 году по Р. Х.

Ухуаньцы искусны в конной стрельбе из лука; занимаются ловлею зверей и птиц. Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде; постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс; одежду делают из разноцветных шерстяных тка-
152 ней. Они по природе муже‖ственны, но глупы. В гневе убивают один другого, но никогда не посягают на мать; потому, что от матери зависит продолжение потомства. Отец и старшие братья не враждуют и не мстят друг другу. Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами;[1] наследственного преемствия нет у них. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину.[2] Если старейшине нужно призвать кого, то для верности употребляет вырезанный деревянный жеребеек [бирка], и хотя

[1] Т. е. главными начальниками родов.
[2] На кит. *Бу*, на монг. *Аймак*.

нет букв на нем; совсем тем никто в общине не смеет ослушаться. Постоянных прозваний не имеют; а имя сильного старейшины обращают в прозвание.[1] От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение. Кто хочет жениться, старается сойтись с девушкой [2] за три месяца и даже за полгода до брака; потом посылают сговорные дары, состоящие из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота; а после сего переселяется в женнин дом. В семействе женнина дома, ежедневно всем по утру кланяется, но не делает поклонения пред отцом и матерью. Когда он проработает в женнином доме год или два, то тесть щедро отпускает его и отдает все вещи, находившиеся в жилище его дочери.[3] В обычай введено жениться на мачехах, || брать жен после братьев; по смерти мужа они *153* возвращаются в дом прежних мужей. В каждом деле следуют мнению жен;[4] одни военные дела сами решают. Отец и сын, мужчина и женщина при взаимной встрече приседают друг пред другом. Брить голову считают облегчением. Женщины пред замужеством начинают отрощать волосы и разделяют на два пучка; накладывают головной убор из золота и нефрита изумрудного цвета, подобный древней повязке китайской с трясульками и привесками.[5] Женщины умеют вышивать шелками по коже и ткать шерстяные материи; мужчины умеют делать луки с стрелами, седла и узды; плавят золото и железо для оружия. Почва хороша для посева неклейкого проса и дун-цян. Дун-цян походит на растение пхын-цáо, а зерна сходны с просом. Он созревает в 10-й луне.[6] Четыре времени года различают по рождению птиц и зверей. Войну ставят важным делом. Покойников кладут в гроб и производят плач по них; но гроб провожают с песнями и плясками. Берут одну откормленную собаку и ведут ее на цветном снурке; также

---

[1] Надобно разуметь в *название общине или роду*. Это искони доныне есть общее обыкновение в Монголии.

[2] *Ду-юй*, последуя *Цзочуань*, так поясняет это: ищет взять ее незаконным средством.

[3] Т. е. дает приданое за нею.

[4] В Монголии и ныне домашнее хозяйство предоставлено женщинам; мужчины занимаются только военным ремеслом.

[5] В *Сюйхань Юй-фу-чжы* сказано: супруги князей и вельмож носили шелковые повязки. Говорят, что это был головной убор императриц. На нем были привески из жемчуга, которые при ходьбе приходили в сотрясение. Сюй-Хань Юй-фу-чжы есть название книги: значит дополнительное описание экипажей и одеяния при династии Хань.

[6] Юго-восточные монголы искони доныне частию занимались и земледелием.

берут лошадь, на которой покойник ездил, его одеяние и вещи и все это сожигают, и несут за гробом для препо-
154 ручения собаке, чтобы она охраняла душу умерше‖го до горы Чи-шань. Чи-шань лежит в нескольких тысячах ли от Ляо-дун на северо-восток.[1] Подобно сему души умерших китайцев возвращаются на гору Тхай-шань.[2] Почитают духов, приносят жертвы небу, земле, солнцу, луне, звездам и покойным старейшинам, которые прославились своими подвигами. В жертву приносят быков и баранов. По окончании обряда все сожигают. По их законам неповинующийся приказаниям старейшины приговаривается к смерти. По воровству и убийству между прочим дозволяется селениям самим делать возмездие, а не доводить жалоб до старейшин.[3] От смерти дозволено откупаться платою лошадей и овец. Беглых и изменников, старейшиною преследуемых, никто в стойбищах не должен принимать. Все таковые изгоняются в гибельную страну, лежащую в Песчаной степи. Там много ехидн. Сия страна лежит от динлинов[4] на юго-запад, от усуньцев на северо-восток.[5] С того времени, как Модэ поразил ухуаньцев, сей народ пришел в бессилие. Он постоянно находился в подданстве у хуннов и ежегодно платил им ясак воловьими и лошадиными кожами и овчинами. Кто не представлял ясака в срок, у тех отбирали жену с детьми. Когда же по ководец [6] Хо Кюй-бин, посланный государем Ву́-ди, разбил Восточную сторону хуннов, то поселил ухуаньцев за
155 границею пяти областей: Шан-гу, Юй-‖ян, Ю-бэй-пьхин и Ляо-дун,[7] чтоб они подсматривали за движениями хуннов. Старейшины их ежегодно однажды являлись к Двору; почему поставлен ухуаньский пристав в чине 2 000 мешков жалованья. Ему поручено обуздывать ухуаньцев и не допускать их иметь сообщение с хуннами. В царствование Чжа́о-ди, 86—75, ухуаньцы мало по малу усилились и раскопали могилы хуннуских Шаньюев в отмщение Модэ. Хунны, сим крайне раздраженные, пошли на восток и разбили ухуаньцев. Верховный вождь Хо Гуан, по получе-

[1] По указанию близ устья Амура; но точное местоположение неизвестно.

[2] См. в статистическом описании Китайской Империи, т. I, стр. 18.

[3] Т. е. дозволялась баранта.

[4] В *Цянь* [*Хань*]-*шу Инь-и* сказано: динлины составляют отрасль хуннов. П. И.

[5] По описанию это есть песчаная степь между Небесными [Тяньшань] и Алтайскими горами.

[6] Пьхиа́о-ки Гян-гюнь.

[7] Пятая область опущена в подлиннике.

нии известия о сем, предписал главному приставу Фань Мин-ю выступить из Ляо-дун с 20000 конницы для преследования хуннов; но неприятели уже ушли; и как ухуаньцы недавно претерпели поражение, то Мин-ю, пользуясь сим обстоятельством, пошел на ухуаньцев, порубил у них до 6 000 человек, получил три головы княжеских, и возвратился. После сего ухуаньцы опять произвели набег на Ю-чжéу; но Мин-ю разбил их. В царствование Сюань-ди они частию прикочевали к границе и покорились. Ван Ман, похитив престол, принял намерение воевать хуннов: почему при составлении двенадцати корпусов войск, динлинов и ухуаньцев поставил в области Дай-гюнь под начальством военачальника [1] Янь Ю, а семейства их взяты в областные и уездные города в заложники. Ухуаньцы, несвыкшиеся с климатом, боялись, что долго будут задержаны на стоянке; почему несколько раз просили отпустить их, но Ван Ман не хотел отпустить; почему они самовольно ушли, и на возвратном пути произ‖вели грабительства, а в областях предали смерти *156*
всех заложников их. Это произвело в ухуаньцах неудовольствие против Ван Ман. Хунны, пользуясь сим, склонили предводителей их в службу к себе; а прочих всех подчинили своей власти. В начале царствования Гуан-ву[-ди] ухуаньцы, соединившись с хуннами, производили набеги. Места от Дай-гюнь на восток наиболее пострадали от них. Кочевавшие по близости к границе по утру снимали юрты, а к сумеркам подходили к городам.[2] Жители пяти областей [3] почти все потерпели; областные и уездные города были разрушены, и народ рассеялся. Самые сильные и богатые кочевали за границею области Шан-гу у Белых гор.
В двадцать первое лето правления Гянь-ву, 45, предпи- **45**
сано было военачальнику [4] Ма Хуань выступить из Вуюань-гуань [5] с тремя тысячами конницы для нападения на ухуаньцев: но ухуаньцы заблаговременно узнали о сем и одни за другими ушли. Китайцы, преследуя их, убили до ста человек, и пошли в обратный путь. В это время ухуаньцы напали на Ма Хуань с тыла, и он в ночи бежал обратно в границу. У него пало до тысячи лошадей. В двадцать второе лето, 46, в Доме хуннов произошли смяте- **46**
ния. Ухуаньцы, пользуясь слабостью их, напали на них

---

[1] На кит. *Дун-юй-гян*, что зн. предводитель восточного края.
[2] Это относится к ухуаньцам.
[3] Т. е. пограничных. См. выше.
[4] Фу-бо Ган-гюнь.
[5] Крепость Ву-юань-гуань в Дай-гюнь. П. И.

и разбили. Хунны уклонились далее на север [1] на несколько тысяч ли, и земли лежащие от песчаной степи на юг опустели. Император подкупал ухуаньцев и деньгами
49 и тканями. В двадцать пятое лето, 49, в Ляо-си ухуань-
157 ский старей‖шина Хэдань с прочими, всего 922 человека, с своими подчиненными, обратились к долгу справедливости, и явились к Двору с данью. Они представили невольников, невольниц, волов, лошадей, тигровые и леопардовые кожи, соболей. В это время иностранцы со всех четырех стран, одни за другими, съехались к Двору с поздравлениями.[2] Сын Неба повелел сделать для них большой пир и одарить дорогими вещами. Некоторые из ухуаньцев пожелали остаться в службе при Дворе: почему 81 человек из их предводителей [3] пожалованы разными княжескими достоинствами и поселены внутри укрепленной линии в пограничных областях. Им поручено и прочих родовичей склонять в подданство и наделять их одеждою и пищею. После сего ухуаньцы служили в пограничных караулах и вспомоществовали Китаю в войне с хуннами и сяньбийцами. В то время министр Янь Бань-биáо в представлении [4] государю писал: «Ухуаньцы по природе легкомысленны и лукавы; очень наклонны к воровству и грабежу. Если надолго оставить их на свободе без главного надзора, то они не преминут по прежнему грабить местных жителей, а временные начальники едва ли будут в состоянии управлять поддавшимися. По моему мнению опять надобно определить ухуаньского пристава. Это истинно будет полезно для поддавшихся, и сократит беспокойствия правительства о границе». Император одобрил его мнение: почему опять поставлен пристав в Шан-гу в городе Нин-
158 чен.[5] ‖ Он открыл войсковую канцелярию, которая купно заведывала награждением сяньбийцев, их заложниками и временною торговлею по границе.[6] В царствование трех государей: Мúн-ди, Чжáн-ди и Хó-ди ухуаньцы спокойно охраняли границу. При Áнь-ди, в третие лето правления
109 Юн-чу, 109, летом, ухуаньцы в Юй-ян, соединившись с тысячью хуннов из Ю́-бэй-пьхин, произвели набег на области Дай-гюнь и Шан-гу, а осенью ухуаньцы в Яймынь под предводительством их князя Ухэ, соединившись

---

[1] В западную половину Иркутской губернии.
[2] На новый год.
[3] Т. е. князцов.
[4] По поводу вступления ухуаньцев в подданство.
[5] *Нин-чен* есть название у. города в Шан-гу. П. И.
[6] Пограничный меновой торг.

с сяньбийским старейшиною Кюлунем и с Гудухэ́у южных хуннов, в 7 000 конницы, произвели набег на Ву-юань и вступили в сражение с областным правителем в Гю-юань[1] в долине Гао-кюй-гу. Китайское войско было совершенно разбито, и областные чиновники побиты: почему отправлены были военачальник [2] Хэ Си и хуннуский главный пристав Лян Цзинь. Они одержали совершенную победу над ухуаньцами. Ухэ просил принять в подданство, а сяньбийцы обратно потянулись за укрепленную линию.

В пятое лето правления Юн-хо, 140, взбунтовались ухуаньский старейшина Ягянь Кянкюй и Гэулун-Усы из восточного аймака южных хуннов, хуннуский пристав Чжан Гынь разбил их и обоих убил, а остальные все покорились. **140**

При Сюа́нь-ди в правление Юн-ше́у, 155—158, ухуаньцы в Шо-фан взбунтовались вместе с Хючжоту; но хуннуский пристав Чжан Хуань усмирил их. В девятое лето правления Янь-хи, 166, ухуаньцы с сяньбийцами и южные хунны с сяньбийцами взбунтовались и произвели набег на девять пограничных областей. Чжан Хуань || выступил для усмирения их, и они все ушли за укрепленную линию. **155—158** **166** *159*

В начале царствования Лин-ди, 168, ухуаньские старейшины: в Шан-гу Наньлу с поколением из 9 000 кибиток, в Ляо-си Кюлигюй с поколением из 5 000 кибиток, объявили себя князьями; еще объявили себя в Ляо-дун Супуянь с 1 000 кибиток Цяо-князем, в Ю-бэй-пьхин Уянь с 800 кибиток Ханьлу-князем. В четвертое лето правления Чжун-пьхин, 187, взбунтовался Чжан Шунь, правитель области Чжун-шань, он ушел в кочевья Кюлигюя и объявил себя князем под наименованием Митьхяньань-дин-ван. Сим образом он сделался верховным вождем всех ухуаньских поколений, и произвел грабительства в четырех областях: Цин-чжеу, Сюй-чжеу, Ю-чжеу, Цзи-чжеу. В пятое лето, 188, Лю Юй назначен губернатором в Ю-чжеу. Лю Юй убил Чжан Шунь чрез подкупленных убийц и тем утвердил спокойствие в северных областях. При Сянь-ди в правление Чу-пьхин, 190—193, Кюлигюй умер. Сын его Лэубань был малолетен: почему родственник Датунь, одаренный военными способностями, поставлен владетелем. Он занимал три области, в которых жители все повиновались его определениям. В первое лето правления Гянь-ань, 195, Юа́нь Ша́о, губернатор в Цзи́-чжеу́, стоял с войском против бывшего военачальника **168** **187** **188** **190—193** **195**

[1] Гю-юань есть название уезда в области Ву-юань. П. И.
[2] Че-ки Гян-гюнь.

Гун-сунь Цзань. Датунь отправил в Юа́нь Ша́о посланника с просьбою о мире и родстве, а после сего послал ему вспомогательное войско. Гун-сунь Цзань был разбит, и Юа́нь Ша́о, от имени императора, пожаловал Датуню, Наньлу, Супуяню и ухуаньскому Уяню шаньюйские [1]
160 ‖печати с шнурами. Впоследствии Наньлу и Супуянь с своими подчиненными объявили Лэубаня Шаньюем, Датуня князем: но Датунь брал верх над Шаньюем в соображениях. Я́нь Же́у, уроженец области Гуан-ян, с детских лет жил между ухуаньцами и сяньбийцами, и приобрел их доверенность. Сей Я́нь Же́у при содействии сяньбийцев убил ухуаньского пристава На Гюй, и занял его место. Юа́нь Ша́о по сей причине начал для успокоения северной границы более благоволить к нему, и когда Юань Шан, сын Юа́нь Ша́о, бежал к Датуню, то более 100 000 чиновников и народа из областей Цзи́-чжо́у и Ю́-чжо́у бежало к ухуаньцам. Юа́нь Шан, в надежде на силы войск своих, хотел снова покуситься на Срединное государство. Но случилось, что Ца́о Ца́о усмирил Хэ-бэй, а Я́нь Же́у с ухуаньцами и сяньбийцами поддался Китаю. Ца́о поставил Же́у
206 приставом. В двенадцатое лето правления Гянь-ань, 206, Ца́о Ца́о под личным своим предводительством совершенно разбил Датуня под Лючен; побил и в плен взял до 200 000 человек. Юа́нь Шан, Лэубань и Уянь бежали в Ляо-дун, где Гун-сунь Кхан, правитель области, всем отрубил головы и препроводил к Цао. Остальные ухуаньцы в числе 10 000 семейств поселены внутри Китая.

Извлечено из Истории младшего Дома Хань. ‖

[1] Т. е. ханские.

Отделение III

СЯНЬБИ

[*Хоуханьшу, гл. 120*]

‖ Сяньбийцы также составляют отрасль[1] Дома Дун-ху, *161* отдельно осевших при горах Сяньби-шань: почему от них и название себе приняли.

Сяньбийцы, после их рассеяния, осели в восточной Монголии на землях, ныне занимаемых небольшими аймаками Аохань, Наймань и Калка, на южной стороне Шара-мурэни, которая в то время по кит. называлась Жао-лэ-шуй. Они начали усиливаться с 93, упали в 181 году. П. И.

Язык и обычаи сяньбийцев сходны с ухуаньскими; только пред браком прежде обривают голову. В последнем весеннем месяце[2] собираются при реке Жао-лэ[3] [Шарамурэнь]; и когда кончится пиршество, то соединяются браком. Там звери и птицы отличны от зверей и птиц Срединного царства. Водятся тарпаны, степные бараны, рогастые волы.[4] Из их рогов делают луки, назы‖ваемые *162* роговыми. Еще водятся соболи, обезьяны, хорьки. По мягкости шерсти меха их считаются в Китае превосходными. В начале династии Хань сяньбийцы также поражены были Шаньюем Модэ и далеко уклонились за укрепленную линию в Ляо-дун. Они жили в смежности с ухуаньцами, и не имели сообщения с Срединным государством.

---

[1] Т. е. боковую линию.

[2] В апрельской луне.

[3] Река Жао-лэ от Ин-чжэу на севере. П. И.

[4] В *Го-пху-чжу Эрр-я* сказано: степный баран, *юань-ян*, походит на обыкновенного барана, но имеет большие рога. Водится в западной стороне. В *Цянь-шу Ин-и* сказано: рогастый вол, *годуаньню*, походит на вола; из рогов его можно делать луки для стреляния. П. И.

В начале царствования Гуан-ву[-ди] хунны усилились и, присоединив к себе сяньбийцев и ухуаньцев, опустошали северные пределы, убивали и в плен уводили чиновников и народ. Не было ни одного года спокойного. В двадцать
45 первое лето правления Гянь-ву, 45, сяньбийцы в соединении с хуннами вступили в Ляо-дун. Цзи Юн, правитель сей области, разбил их и почти всех побил или в плен взял. Сие событие описано в повествовании о Цзи Юн. С этого времени распространился страх между сяньбийцами; когда же южный Шаньюй покорился Дому Хань, то северные неприятели[1] остались одни и пришли в бессилие.
49 В двадцать пятое лето, 49, сяньбийцы открыли первое сообщение с Китаем чрез гонцов. После сего главный их старейшина Бяньхэ с прочими явился к Цзи Юн, и предложил Китаю свои услуги: почему и велено ему произвести нападение на северных хуннов. Он напал на восточное поколение Иньюйцы и порубил до 2 000 человек. Впоследствии Бяньхэ ежегодно выступал в поход и нападал на северных хуннов: а по возвращении из похода являлся в Ляо-дун с головами убитых для получения награды
54 за них. В тридцатое лето, 54, сяньбийские старейшины Юйчеупынь и Маньту с родовичами своими явились
163 к Двору с по‖здравлением, и объявили желание, по долгу справедливости поддаться Китаю. Император дал Юйчеупыню княжеское достоинство *Ван*, а Маньту княжеское достоинство *Хэ́у*. В сие время от гор Чи-шань [есть другие горы Чишань близ устья Амура в связи с описанием ухуаньцев], что в Юйян [название области], ухуанец Иньчжибэнь с прочими несколько раз производил набеги на Шан-гу. В первое лето правления Юн-пьхин,
58 58, Цзи Юн опять подкупил Бяньхэ напасть на Ичжыбэня, и последний был убит на сражении. После сего сяньбийские старейшины поддались Китаю, и все вместе явились в Ляо-дун для получения наград. Области Цин-чжéу и Сюй-чжéу ежегодно обязаны были платить по 270 миллионов чохов.[2] В царствование императоров Мин-ди и Чжáн-ди они спокойно охраняли границу. При Хó-ди в правление Юн-юань, по распоряжению верховного вождя Дэ́у Хянь, западный пристав[3] Гын Кхой напал на хуннов и разбил их.
93 Северный Шаньюй бежал, 93, и сяньбийцы, пользуясь сим обстоятельством, заняли земли его. Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами *при-*

[1] Т. е. северные хунны.
[2] Что = 270 000 лан серебра. Вероятно, есть ошибка в цифрах.
[3] Т. е. тангутский.

няли народное название Сяньби.[1] С сего времени сяньбийцы начали усиливаться. В девятое лето, 97, сяньбийцы 97
в Ляо-дун напали на город Фэй-жу-хянь.[2] Областный правитель Цзи Сэнь предан суду за поражение при реке Гюйшуй и умер в тюрьме. В тринадцатое лето, 101, сяньбийцы 101
из Ляо-дун произвели набег на Ю-бэй-пьхин, и вступили в Юй-ян; но пра‖вителем сей области были разбиты. *164*
При Ань-ди в правление Юн-чу, 110, сяньбийский ста- 110
рейшина Яньчжиян явился к Двору с поздравлением. Дын-хэ́у пожаловала Яньчжияну княжескую печать с шнурами, красную колесницу в три лощади; указала поместить его при ухуаньском приставе под городом Нинчен, открыть торг с кочевыми и построить подворье для помещения заложников из поколений северного и южного.[3] Из ста двадцати родов сяньбийских каждый представил Двору заложника. После сего сяньбийцы то отлагались, то покорялись, то воевали с хуннами и ухуаньцами. Во
второе лето правления Юань-чу, 115, осенью сяньбийцы 115
в Ляо-дун обложили Ву-люй-хянь.[4] Областные войска, по соединении, крепко держались в полях, и сяньбийцы ничего не могли получить.[5] Еще напали на лагерь в Фули[6] и побили чиновников. В четвертое лето, 117, Ляньхю, 117
сяньбиец из Ляо-си, сожег пограничные ворота[7] и произвел набег на жителей. Ухуаньский старейшина Юйчжигюй, бывший в ссоре с Ляньхю, соединившись с областными войсками, устремился на него и разбил совершенно; он убил 1 300 человек, а остальных всех в плен взял и получил в добычу весь скот и имущество их. В пятое
лето, 118, осенью,[8] сяньбийцы в Дай-гюнь в 10 000 кон- 118
ницы перешли чрез укрепленную линию для ‖ грабежа *165*
и порознь нападали на города. Они сожгли дворцы и

---

[1] Здесь пресекается владычество Дома Хуннов в Монголии. Место его на время заступает Дом Сяньби, и монголы, называвшиеся до сего места *хуннами*, принимают народное название *сяньбийцев*.

[2] Древний город *Фэй-жу-хянь* лежит в нынешнем округе Пьхинчжéу. П. И.

[3] Построено подворье для принятия заложников от покорившихся. П. И.

[4] Уезд *Ву-люй-хянь* находился в ведомстве области Ляо-дун. П. И.

[5] Т. е. сносили имущество в поля и не допускали до разграбления. П. И.

[6] Уезд *Фу-ли-хянь* принадлежал зависимым владениям в Ляодун. Древний город лежал от нынешнего Ин-чжéу на восток. П. И.

[7] В пограничной стене, отделяющей область Цзинь-чжéу от Монголии.

[8] В ноябре. *Ганму.*

присутственные места, побили чиновников и ушли: почему двинуты пограничные латные войска, отряд стоявший в Ли-ян, и поставлены в Шан-гу для предосторожности. Зимою сяньбийцы вступили в Шан-гу и осадили крепость Гюй-юн-гуань: почему опять двинуты из пограничных областей *Ли-ян* и *стрельцов* до 20 000 пехоты и конницы,
119 и расставлены в важных проходах. В шестое лето, 119, осенью сяньбийцы перешли укрепленную линию Ма-чен-сай[1] и побили чиновников. Главный хуннуский пристав Дын Цзунь с 3 000 стрельцов и войсками пристава Ма Сюй, южного Шаньюя и областей Ю-бэй-цьхин и Ляо-си выступил за границу, догнал сяньбийцев и совершенно разбил их; он много взял в плен и в добычу получил большое количество рогатого скота и имущества. В первое лето
120 правления Юн-нин, 120, Улунь и Цичжигянь, сяньбийские старейшины в Ляо-си, явились с своим народом к Дын Цзунь, и покорились. Они представили Двору дары; почему указано облечь обоих в княжеские достоинства[2] и с таким же различием награждены шелковыми тканями.
121 В первое лето правления Гянь-гуан, 121, Цичжигянь опять отложился, и произвел набег на Гюй-юн. Чен Янь, правитель области Юн-чжун, выступил против сяньбийцев, но отряд его был разбит и разбежался. Офицер Ян Му заслонил Янь собою и вместе с прочими пал на сражении. После сего сяньбийцы окружили ухуаньского пристава
166 Сюй Чан в Ма-чен. Главный хуннуский при‖став Гын Кхой и Пхан-сэнь, правитель области Ю́-чжэ́у, для освобождения Чан, двинули войска из областей Гуан-ян, Ли-ян и Чжо-гюнь, и разделили их на две колонны. Чан в ночи скрытно вышел из города, и, соединившись с Кхой и прочими, произвел нападение. Неприятели сняли облежание. Как сяньбийцы часто убивали областных правителей, то смелость в них день ото дня возрастала. Они имели несколько десятков тысяч конницы. В первое лето правления
122 Янь-гуан, 122, зимою они еще произвели набег на Яй-мынь и Дин-сян, после сего напали на Тхай-юань, ограбили
123 и побили жителей. Во второе лето, 123, зимою, Цичжигянь с 10 000 конницы вступил в Дун-лин, послал разъезды на несколько дорог и осадил южных хуннов в Маньбо.[3] Югянь-жичжо-князь пал на сражении, потеряв до 1 000

---

[1] Уезд Ма-чен-хянь лежал в Дай-гюнь. П. И.

[2] Первый получил титул *Шуай-чжун-ван*, что зн. царь, предводительствующий народом; второй получил титул *Шуай-чжун-хэ́у*, что зн.: князь, предводительствующий народом.

[3] Уезд *Мань-бо-хянь* лежал в области Ву-юань. П. И.

человек убитыми. В третье лето, 124, осенью, опять произвели набег на Гао-лю и, разбив южных хуннов, убили Цзянгян-князя. При Шун-ди в первое лето правления Юнгянь, 126, осенью, сяньбийский Цичжигянь произвел набег на Дай-гюнь. Областной правитель Ли Чáо пал на сражении. В следующем году, 127, весною, хуннуский пристав Чжан Го отрядил своего помощника за укрепленную линию с 10 000 пехоты и конницы Южного Шаньюя. Сяньбийцы разбиты были, и потеряли до 2000 телег с имуществом. В сие время около 6 000 сяньбийской конницы также производили набеги в Ляо-дун и Хюань-тху, ухуаньский пристав Гын Йе с войсками пограничных областей и сяньбийцами князя Шуай-чжун-ван напал на них за укреп‖ленною линиею, порубил несколько сот человек и *167* в добычу получил великое множество пленных, рогатого скота и имущества. После сего сяньбийские роды в числе 30 000 человек пришли в Ляо-дун, и изъявили желание вступить в подданство. В третие и четвертое лето, 128, 129, сяньбийцы то и дело производили набеги на Юй-ян и Шо-фан. В шестое лето, 130, осенью, Гын Йе отправил за укрепленную линию Сы-ма с несколькими тысячами хуннуской конницы. Сяньбийцы были разбиты. Зимою правитель области Юй-ян еще выслал за границу ухуаньское войско, которое побило до восьмисот человек, и в добычу получило множество людей и скота. Ухуаньский храбрый и сильный наездник Фусогуань в каждом сражении с сяньбийцами первый устремлялся на неприятеля: почему указано наградить его титулом Шуай-чжун-гюнь.[1] В первое лето правления Ян-гя, 132, зимою, Гын Йе отправил ухуаньского пристава[2] Юн Чжу-сэ́у и князя[3] Хэудогуя напасть на сяньбийцев за укрепленною линиею. Они нанесли последним великое поражение, получили большую добычу и возвратились. Догуй и прочие пожалованы достоинствами Шуай-чжун-ван, Хэ́у и старейшин и соответственно заслугам награждены шелковыми тканями. После сего сяньбийцы произвели набег на зависимые владения в Ляо-дун: почему Гын Йе перешел с своими войсками в Ляо-дун, не считая нужным защищаться в стенах. Во второе лето, 133, весною, хуннуский пристав Чжá Чжéу отправил за укрепленную линию своего помощника с Фужуном, Гудухэ́у южных хуннов. Они ‖ разбили сяньбийцев; побили множество людей, и получили *168*

124 126 127 128 129 130 132 133

[1] Кит. слова: царь, предводительствующий народом.
[2] На кит. Цинь-хань Ду-юй.
[3] В тексте: Шуай-чжун-ван. См. выше 120 год.

большую добычу. Указано дать Фужуну золотую печать с пурпуровыми шнурами и наградить шелковыми тканями, а прочих каждого по заслугам. Осенью сяньбийцы перешли через укрепленную линию и вступили в Ма-чен. Правитель области Дай-гюнь напал на них, но без успеха. После сего с смертью Цичжигяня сяньбийские грабительства стали реже. В царствование Сюáнь-ди, 147—167, у сяньбийцев явился Таньшихай.[1] Отец его Тулухэ́у[2] прежде три года служил в войске хуннов. В это время жена его дома родила сына. Тулухэ́у по возвращении изумился и хотел убить его. Жена сказала ему, что однажды днем, идучи по дороге, услышала громовой удар; взглянула на небо, и в этот промежуток упала ей в рот градинка. Она проглотила градинку, и вскоре потом почувствовала беременность, а в десятый месяц родила сына. Надобно ожидать чего-то необыкновенного, и лучше дать ему подрости. Тулухэ́у не послушал ее и бросил; но жена тайно приказала домашним воспитывать сие дитя, и дала ему имя Таньхишай.[3] На четырнадцатом и пятнадцатом году он храбростью, телесною силою и умом удивил старейшин поколения. Однажды в матернином доме пограбили рогатый скот. Таньшихай погнался за грабителями на верховой лошади, рассеял их и обратно взял все пограбленное. С сего случая все поколение стало уважать его. Таньшихай положил законы для решения спорных дел, и никто не смел нарушать их. После сего избрали его старейшиною.
169 Таньшихай по‖строил дворец у горы Даньхань при реке Чжочéу, в 300 с небольшим ли от Гао-лю на север. Он имел многочисленную конницу. Все старейшины на востоке и западе поддались ему. Почему он на юге грабил пограничные места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, реками и соляными
156 озерами. Во второе лето правления Юн-шéу, 156, Таньшихай с тремя или четырьмя тысячами конницы произвел набег на Юнь-чжун. В первое лето правления Янь-хи,
158 158, сяньбийцы произвели набег на северную границу. Зимою хуннуский пристав Чжан Хуань выступил с южным Шаньюем за границу и убил двести человек. Во вто-
159 рое лето, 159, сяньбийцы опять вступили в Яймынь, убили несколько сот человек, произвели великое грабитель-

[1] В кит. подлиннике *Тхань-ши-хуай*.
[2] В подлиннике *Тхэу-лу-хэ́у*.
[3] Это принадлежит к числу вымыслов, в Азии обыкновенно составляемых о рождении знаменитого человека.

ство и ушли. В шестое лето, 163, около тысячи конников 163
произвели набег на зависимые владения в Ляо-дун.
В девятое лето, 166, несколько десятков тысяч конницы, 166
разделившейся на отряды, произвели набег на девять пограничных областей; учинили убийства, ограбили чиновников и народ: почему Чжан Хуань опять послан с войском, и сяньбийцы обратно ушли за укрепленную линию. Двор очень беспокоился, и не мог отвратить: почему отправил к Таньшихаю посланника с предложением ему печати с титулом *Ван* и союза на основании мира и родства. Таньшихай не согласился принять, а набеги и грабительства наипаче усилены. И так он сам разделил свои владения на три аймака. От Ю-бэй-пьхин на восток до межей фуюйской и вэймоской в Ляо-дун двадцать слишком родов составляли || восточный аймак. От Ю-бэй-пьхин *170*
на запад в Шан-гу более десяти родов составляли средний аймак; от Шан-гу на запад до Дунь-хуан и Усуня более двадцати родов составляли западный аймак.[1] В каждом аймаке поставлен был старейшина для управления, и все они состояли под властию Таньшихая. Со вступления Лйн-ди на престол, с 168 года, пограничные поколения в 168
трех областях: Ю-чжéу, Бин-чжéу и Лян-чжéу ежегодно были раззоряемы набегами сяньбийцев. Неисчислимое множество жителей побито и в плен уведено. В третие лето правления Хи-пьхин, 174, сяньбийцы вступили[2] 174
в Бэй-ди. Областной правитель Хя Юй и Хючжотугэ догнали и разбили их. Юй повышен переводом к должности ухуаньского пристава. В пятое лето, 176, сяньбийцы про- 176
извели набег на Ю-чжéу. В шестое лето, 177, летом, сянь- 177
бийцы произвели набег на три границы. Осенью Юй[3] [Хя Юй] в представлении государю писал: «Сяньбийцы с начала весны до сего времени произвели более тридцати набегов на границы. Смею представить, чтоб войска из всех округов областей в Ю́-чжéу раз зимою и два раза весною отправлять за границу для нападения на сяньбийцев. Сим образом, можно совершенно обессилить их». Правительство не согласилось на это. Пред сим тангутский пристав Тьхянь Янь, за несправедливый приговор, присужденный к лишению чинов, желал загладить вину заслугами и просил придворного сановника[4] Ван Фу

---

[1] Это есть древнее разделение Монголии, введенное ханом Модэ.

[2] Вместо *вступили* надобно написать *произвели набег*. *Ганму*.

[3] Ухуаньский пристав. *Ганму*.

[4] На кит. *Чжун-чан-сы*.

171 исходатайствовать ему место предводителя. Ван Фу ‖ представил, чтобы отправить Тьхянь Янь вместе с Хя Юй; почему император определил Тьхянь Янь сяньбийским приставом. Большая часть государственных чинов была несогласна в мнениях: почему указано всем чинам постановить мнение в совете министров. Советник[1] Цай Юн подал следующее мнение: «Древняя История упоминает о беспокойствиях, которые некогда южные инородцы причиняли Китаю. Тхан[2] ходил воевать Гуй Фан.[3] Дом Чжéу имел войну с Хяньюнями и в Мань-цзин. Дом Хань имел дела в Дяньянь и Ханьхай.[4] Война имеет разные виды и ценится по качеству причин. Впрочем во времени есть сходство и различие, в обстоятельствах есть возможность и невозможность: посему и в предположениях случаются удачи и ошибки, в делах бывает успех и потери. Уравнять все невозможно. Ву-ди имел обширные предположения. Он хотел распространиться во все четыре страны. На юге уничтожил Бо-юе, на севере ходил против могущественных хуннов, на западе воевал Давань, на востоке покорил Чáо-сянь: посему-то скопленное государями Вы́нь-ди и Цзин-ди [предшественники императора Ву-ди] пролило изобилие на империю; а в продолжение нескольких
172 десятков лет[5] правительство и народ исто‖щились. И так установили продажу соли, вина и железа от казны, удвоили цену монеты.[6] От Гуань на восток[7] возникли смятения, и дороги сделались непроходимыми.[8] В одно время выступили сыщики в вышитом одеянии и поимщики с але-

---

[1] *И-лан*.

[2] Основатель династии Шан.

[3] Древняя история Шу-гин, в главе *Шунь-дянь* говорит: Мань И развращают Хя, т. е. Китай. Народ Мань обитал на полосе земли между реками Хуай и Гян. Гао-цзун воевал Гуй-фан, и через три года победил их. Под Гуй-фан разумеется отдаленная страна. П. И.

[4] При Ву-ди верховный вождь Вэй Цин, воюя с хуннами, доходил до гор Дяньянь и порубил до 10 т. человек. Хо Кюй-бин, воюя с хуннами, воздвиг жертвенник на горе Лангюйсюй и подходил к Байкалу [в Ханьхай]. П. И.

[5] Которые вел император Ву-ди в четырех странах смежных.

[6] Ву-ди указал запретить в империи частную продажу соли и железа и отливание денег; а одну связку денег считать за две, т. е. тысячу считать двумя тысячами. Связка денег есть нитка или веревочка, на которую чохи нанизываются. Продажа вина производилась от казны. П. И.

[7] В губ. Шань-дун.

[8] При Ву-ди, во второе лето правления Тьхянь-хань, 99, до Р. Х., появились толпы разбойников по горам Тхай-шань и Лан-йе-шань. Они заперли горные проходы, осадили города, и дороги сделались непроходимыми. П. И.

бардами: но вскоре правительство усмотрело свою погрешность: почему прекратило войну, министрам дан княжеский титул: *Фу-жинь-хэ́у*.[1] Посему князь Фу-янь сказал, что еще не случалось, чтобы при победах и совершенном знании военного дела не раскаивались.[2] При воинственном духе государя Ши-цзун и храбрости его предводителей, при полном достатке в вещественных средствах, могли далеко распространиться, и при всем том раскаивались; кольми паче ныне, когда положение народа гораздо в худшем состоянии против прежнего. С того времени, как хунны удалились, усилились сяньбийцы, и овладели прежними землями их. Они имеют 100 000 войска, известны крепостью телесных сил, возрастают в образовании. Присовокупите к тому, что строгость на пограничных заставах ослаблена, и много проходит сквозь сеть запрещений. ‖ Неприятели получают от нас чистое зо- 173
лото, превосходное железо. Бежавшие китайцы служат им советниками. У них оружие острее и лошади быстрее, нежели у хуннов. В прошлое время Дуань Ин был хороший полководец, знаком с войною, искусен в боях. Он более десяти лет имел дело с западными кянами. Хя Юй и Тьхянь Янь в знании военного дела едва ли превосходят Дуань Ин. Сяньбийские роды многочисленны, не слабее против прежнего времени. Вот уже два года, как мы не можем придумать средств. Мы обещаем успех себе: но если несчастие последует за несчастием, и война продлится, можем ли отдохнуть на половине пути? Должно будет опять набирать войска, беспрерывно доставлять съестные припасы, и таким образом истощать Срединное государство, чтоб усилить инородцев.[3] Беспокойствия на границах подобны чесотке на руках и ногах; узы на Срединном царстве, злый веред на спине или на груди. Если в настоящее время мы не в состоянии прекратить разбоев по областям и уездам, то будем ли в состоянии покорить гадких дикарей? В древности Гао-цзу великодушно перенес стыд в Пьхин-чен; Лю́й-хэ́у[4] пренебрегла посрамление на письме. Они более имели средств против нынешнего времени. Небо положило горы и реки; Дом Цинь построил

---

[1] Министрам дан титул *Фу-жинь-хэ́у* в знак льготы, которою правительство помышляло поправить расстроенное состояние народа. Фу-жинь-хэ́у кит. слова зн. князь обогащения народа.

[2] В царствование Ву-ди это сказал князь Фу-янь, когда отсоветывал войну с хуннами. П. И.

[3] В подлин. *Мань-и*, южные инородцы.

[4] *Гао-цзу* основатель династии Хань, *Лю́й-хэ́у* [Гао-хоу] супруга его.

великую стену; Дом Хань провел укрепленную линию, чтобы отделить отличные внешние обычаи от внутренних.[1] Ежели положение дел не доведет Двор до раскаяния, то
174 еще можно; но стоит ‖ ли подобно муравьям ходить взад и вперед с оружием в руках? Положим, что мы разобьем их; но можно ли истребить до единого, чтоб Двор и министры хотя поздно вечером улучили время поужинать? Для облегчения народа иногда целые области оставляют. Что же сказать о землях за укрепленною линиею, искони необитаемых? Ли Мэ́у искусно располагал средствами к охранению границ.[2] Янь Ю основательно изложил суждения о защищении укрепленных линий.[3] Сии средства, сии суждения дошли до нас на страницах Истории; и по начертаниям помянутых двух мужей можно, по моему мнению, соблюсти правила покойных императоров». Император не послушал. И так отправлены были Хя Юй из Гао-лю, Тьхянь Янь из Юнь-Чжуе, хуннуский пристав Цан Минь с южным Шаньюем из Яймынь, каждый с 10 000 конницы, они выступили за границу[4] тремя дорогами и отошли около 2 000 ли. Таньшихай приказал старейшинам всех трех аймаков выступить с своими войсками и упорно драться. Хя Юй и прочие были совершенно разбиты. Они потеряли бунчуки и обоз, и каждый из них с несколькими тыся-
175 чами конных бежал ‖ обратно к границе. Более двух третей лишились убитыми. Все три предводителя привезены в столицу в клетках и посажены в тюрьму, откуда освободились с потерею чинов. Зимою сяньбийцы произвели набег на Ляо-си. В первое лето правления Гуан-хо,
178 178, зимою, они еще произвели набег на Цзю-цюань. Пограничные жители приведены были в крайнее положение. Скопища кочевых день ото дня умножались. Скотоводство и звероловство недостаточны были для их содержания. В правление Гуан-хо [5] Таньшихай умер на сороковом

---

[1] Т. е. Монголию от Китая.

[2] По *историческим запискам*: Ли Мэ́у был хороший полководец на северных пределах царства Чжа́о. Постоянно находясь в Яй-мынь (в обл. Дай) для предосторожности против хуннов, он нужным нашел определить чиновников для сбора пошлин; и сбор сей не брал в казначейство, а употреблял на содержание армии, вестовых маяков: и на границе не было беглых.

[3] *По истории Старшей династии Хань*: Ван Ман выставил 30 000 войск, которые должны были десятью дорогами выступить на хуннов. Полководец *Янь Ю* удерживал его от сего предприятия. *Янь-шы-гу* пишет: что касается до военных действий, Янь Ю правильно судил о распоряжениях династий Цинь и Хань.

[4] В сентябре. *Ганму*. 177.

[5] В *Ганму*: в четвертое лето правления Гуан-хо. Сей год соответствует 181 году.

году жизни.[1] Из пяти сыновей его Холянь заступил его место. Холянь в силе и способностях не мог сравниться с отцом. Он также несколько раз производил набеги и грабительства; был жаден и развратен, в решении дел пристрастен; почему половина народа отложилась от него. Впоследствии он напал на Бэй-ди, где житель уезда Ляньхянь, искусный стрелец из самострела, застрелил Холяня. Сын его Цяньмань остался малолетен: почему Куйту, племянник от старшего брата, поставлен начальником. Цяньмань, по вступлении в совершенный возраст, завел с Куйту спор о престоле, и народ разделился на части. По смерти Куйту младший брат его Будугынь поставлен. После Таньшихая старейшины наследственно получали сие место.

[*Из Тунцзянь-Ганму*]

Прибавление о Сяньбийских Домах Муюн и Тоба. Около половины III века, когда Дом Сяньби начал распадаться исподоволь; из его развалин начали возникать две сильные отрасли его, Муюн и Тоба. Муюн усилился на востоке южной Монголии; и покорил Домы || Юйвынь и Дуань; Тоба уничтожил Муюнов. *176* Оба сии Дома царствовали в северном Китае, но первоначально действовали в южной Монголии; и потому о первых их действиях, еще до их вторжения в Срединное царство, китайские историки ничего отдельно не писали. *Ганму* пополняет сей недостаток изложением путей, которыми они шли из Монголии к императорскому престолу в северном Китае.

I. Дом Муюн. Владетельный сяньбийский князь Мохоба первый из-за укрепленной линии вступил в Ляоси и поселился по северную сторону города Гичен [Пекин] под названием Дома *Муюн*.[2] Внук его Шегуй перешел на северную сторону области Ляо-дун в 281 году, постоянно **281** был вассалом Срединного государства, и за оказанные ему услуги на войне получил наименование Великого Шаньюя. После сего он отложился, и произвел нападение на Чан-ли. По смерти Муюн Шегуя младший его брат Муюн Шань похитил престол: но в 285 году Муюн Шань убит своими **285** подчиненными, а на его место возведен Шегуев сын Муюн Хой.[3] Шегуй был в ссоре с Домом Юйвынь: почему Муюн

[1] Он 26 лет опустошал Китай. *Ганму*. 181.

[2] *Мохоба* переселился со всем народом.

[3] Монголы со времени подданства южных хуннов Китаю принимали китайские имена: почему имена их оставлены без изменения, напр. Муюн Хой, Муюну Хой.

Хой просил китайский Двор о дозволении усмирить его оружием. Двор не согласился. Муюн Хой рассердился, неприятельски вступил в Ляоси, произвел большое убийство и грабительство; и с сего времени ежегодно нападал
289 на пределы Китая: но в начале 289 года покорился, и получил титул сяньбийского главнокомандующего. Сяньбийский Дуань Шаньюй выдал за Муюна Хой дочь
177 ‖свою, от которой родились Хуан, Жень и Чжáо.[1] Как Ляо-дун слишком удален, то Муюн Хой переселился к
294 горам Цин-шань в уезде Тху-хэ, а в 294 году отселе пере-
302 селился в город Да-ги-чен. В 302 году сяньбийский Юйвынь обложил Муюна Хой в городке Ги-чен, но был разбит. В 307 году Муюн Хой объявил себя сяньбийским Великим Шаньюем. В 311 году покорил сяньбийские поколения Сухи и Мувань. Сухи Лянь и Мувань Цзинь, кочевавшие при укрепленной линии в Ляо-дун, покорили многие китайские уезды и часто поражали областные войска. Фын Ши, пристав восточных инородцев, не мог усмирить их. Великое множество жителей,[2] лишившихся состояния, перешло к Муюну Хой. Меньшой сын его Муюн Хань говорил ему: «Искони государи, славные по своим делам, воздавали должное Сыну Неба, чтобы, соответствуя ожиданиям народа, возвысить и свое достояние. Теперь Сухи Лянь и Мувань Цзинь не перестают производить грабительства. Надлежит обнародовать их преступления и усмирить их оружием. Для правительства восстановим Ляо-дун, а для себя покорим оба поколения; покажем усердие и справедливость царствующему Дому [в Китае династии Цзинь], а своему царству приобретем выгоды. Это составит основание нашей силы». Муюн Хой действительно напал на помянутых князей, и обоих предал смерти, а
313 их поколения присоединил к своим владениям. В 313 году Муюн Хой напал на Дуаньских и взял у них город Тху-хэ. В сие время престол империи сильно был потрясен южными хуннами, и северный Китай весь занят был ино-
178 земными войсками, которые ‖ вели кровопролитную войну и с Китаем и между собою. Большая часть народа, уклоняясь от смятений, уходила к Ван Сюнь;[3] но как у него не было порядка в управлении, то опять уходили от него. Дуань с братьями преимущественно уважал в приходящих военные способности и храбрость, а гражданских чиновников никакого внимания не удостоивал. Один Муюн

---

[1] Пред именами должно подразумевать прозвание *Муюн*.
[2] Китайцев.
[3] Губернатор в Ю-чжéу.

Хой соблюдал строгий порядок в управлении государственными делами, любил и уважал людей: почему многие обратились к нему, и он, окружив себя отличными чиновниками из образованных китайцев, предпринял великое дело при их содействии восстановить спокойствие в империи. В 318 году Муюн Хой получил от китайского Двора 318
титулы полководца [1] и Великого Шаньюя. Он определил Ю Суй правителем дел при себе, а Лю Цян секретарем,[2] и поручил первому сочинить придворные обряды. Цуйби, правитель области Пхин-чжéу, не мог равнодушно смотреть на то, что большая часть служащих и народа обратилась к Муюну Хой: почему в 319 году втайне склонил Гаогюйли, Дуань и Юйвынь произвести нападение на него. Три 319
владетеля соединенными силами пошли на Муюна Хой и осадили Ги-чен [Пекин]. Муюн Хой затворился в городе, и крепко держался. Он послал к Юйвыню вино и быков для угощения войск. Прочие два владетеля возымели подозрение, что Юйвынь в заговоре с Муюном Хой, и каждый с своим войском пошел в обратный путь. Войско Юйвынево простиралось до нескольких десятков тысяч, и он[3] несмотря на то, что два владетеля обратно ушли,
|| надеялся один кончить дело. Муюн Хой позвал сына свое- *179*
го Муюна Хань из Тху-хэ. Сидугуань, главнокомандующий Юйвыневых войск, отрядил несколько тысяч конницы для нападения на Муюна Хань: но Муюн Хань, ожидавший их с засадными войсками, мужественно ударил, и всех взял в плен. Пользуясь победою, пошел вперед и отправил лозутчиков известить Муюна Хой, чтобы выступил дать решительное сражение. Только что передовые завязали бой, то Муюн Хань с 1 000 конницы со стороны устремился в лагерь и пустил огонь. Неприятель был совершенно разбит. Сидугуань один спасся. Муюн Хой взял войско его в плен, и получил государственную печать с тремя шнурами. Цуй Би, получив известие о поражении, пришел в страх, и бежал в Гаогюйли. Муюн Хой поручил сыну своему Муюну Жень управление страною Ляо-дун; судебные места и торговые заведения оставил в прежнем положении. Он отправил Пхэй И с донесением к Двору в Гянькхан, причем представил и найденную государственную печать. В 321 году Муюн Хой получил от Двора титулы 321

---

[1] Лун-сян Гян-гюнь.

[2] Оба китайцы.

[3] Начальник, на кит. *Да-жинь*, большой человек, по обычаю кочевых избирался из храбрых, сильных, способных разбирать спорные дела. *Ганму*.

северного полководца, губернатора области Пьхин-чжэ́у и князя в Ляо-дун.[1] Ему сверх сего дозволено именем государя определять чиновников. После сего Муюн Хой поставил чиновников, сына Муюна Хуан объявил преемником по себе, и открыл училище, в котором Муюн Хуан образовался вместе с прочими учениками. В свободное время сам Муюн Хой приходил слушать преподаваемое. Муюн Хуан был мужествен, тверд, с большим соображе-
180 нием; любил заниматься ‖ книгами. Муюн Хой перевел Муюна Хань главнокомандующим в Ляо-дун,[2] Муюна
333 Жень главнокомандующим в Пьхин-кхо. В июне 333 года Муюн Хой скончался, Муюн Хуан, по вступлении на престол, начал весьма строго поступать. Придворные беспокоились. Секретарь его Хуан Фу-чжень убедительно отклонял его: но бесполезно. Муюн Хань, старший побочный брат Муюна Хуан, и младший единоутробный его брат Муюн Жень, обладавшие храбростью и умом, оказали услуги на войне, и были любимы Муюном Хой. Муюн Хуан не любил их. И так Муюн Хань с сыном своим бежал к Дуаньским. Дуань Ля́о наслышался о военных его способностях, и весьма полюбил его. Муюн Жень занял Пьхин-кхо. Муюн Хуан отправил против него войско, которое было совершенно разбито. После сего Муюн Жень овладел страною Ляо-дун. Дуань-Ля́о и сяньбийские
334 поколения приняли сторону его. В начале 334 года Дуань-Ля́о послал младшего своего брата Дуаня Лань вместе с Муюном Хань для нападения на Лю-чен. Муюн Хуан отправил Муюна-хань[3] с прочими для подкрепления; но Муюн-хань был совершенно разбит, и Дуань Лань хотел преследовать до последней возможности: Муюн Хань [брат Муюн Хуана], опасаясь, чтобы не уничтожили его отечество, остановил его, велел своей дружине вступить в обратный путь, Дуань Лань по необходимости пошел в след за ним. Осенью Муюн Хуан получил от китайского Двора титулы полководца, правителя области Пьхин-чжэ́у и князя в Ляо-дун.[4] В исходе года Муюн Хуан покорил
181 **336** Ляо- ‖ дун; а в начале 336 года пошел из Чан-ли на восток по льду — всего около 300 ли. При Ли-линь-кхэ́у, оставя обоз, налегке пошли прямо на Пьхин-кхо. Не дошли только семи ли до города, как конный объезд

[1] Ань-бэй, Гян-гюнь, Пьхин-чжэ́у Цы-шы, Ляо-дун-гун. Губернатор сей области Цуй Би бежал за границу.

[2] В Ляо-дун-чен. См. Ляо-дун-чен.

[3] Это сын, а высший [вышеупомянутый] Муюн Хань был брат Муюна Хуан. См. выше.

[4] Чжень-гюн Да-гян-гюнь, Пьхин-чжэ́у Цы-шы, Ляо-дун-гун.

известил Муюна Жень. Он в торопях вышел дать сражение, и взят в плен. Муюн Хуан прежде казнил приближенных его мятежников, а потом дозволил умереть Муюну Жень. В исходе 337 года, Муюн Хуан объявил себя царем с ти- 337
тулом *Янь-Ван*; а в начале 338 года заключил военный 338
союз с Ши Ху, царем царства Чжáо, воевать Дом Дуань. Он одержал победу, забрал до 5 000 семейств, и возвратился, оставя союзника; но последний [Ши Ху] один счастливо окончил войну и немедленно обратил оружие на Муюна Хуан за то, что он в минувшую войну не соединился с ним, а наблюдал только личные свои выгоды. Он взял у Муюна Хуан 36 городов и подошел к резиденции его Гичен [Пекин]. Муюн Хуан хотел бежать. Предводитель его Му-юй Гынь, удерживая его, сказал: «Чжáо силен, мы слабы; и если ты, государь, поднимешь ногу, то силы его восприимут полное действие, и не возможно будет противостать ему. Но если ныне решимся твердо защищать город, то силы в нас во сто раз увеличатся; а когда не в силах будем помочь делу, то и тогда не поздно уйти. К чему же по первому слуху бросить все, и идти на верную погибель?» Муюн Хуан остановился, но еще страшился при виде угрожавших опасностей. Лю Пхэй, правитель области Хюань-тху говорил ему: «спокойствие и опасность зависят от одного человека. Государь! ты должен мужаться, чтобы укрепить предводителей; не должен показываться слабым. Когда дело дойдет до крайности, то до‖зволь мне *182*
выступить в поле и сразиться. Хотя не буду иметь значительной поверхности, но этого достаточно для успокоения войск». Он вышел с несколькими стами отважнейших ратников и ринулся на неприятеля; куда ни устремлялся, все опрокидывал, и возвратился с пленными. После сего войско ободрилось, и Муюн Хуан успокоился. Муюн Гынь с прочими сражался беспрерывно около десяти суток. Неприятель не мог одержать победы и пошел в обратный путь. Муюн Хуан послал своего сына Муюна Кхо с 2 000 конницы преследовать их. Войско царства Чжáо было совершенно разбито. Оно потеряло до 30 000 убитыми и в плен взятыми. Прочие войска рассеялись; один только объездный начальник Ши Минь сохранил свой корпус в целости. Ши Минь был китаец, и собственно прозывался Жань. Ши Ху воспитывал его вместо сына. Ши Минь был храбр, мужествен, искусен в бою, изобретателен в планах. Ши Ху любил его более прочих внуков. Между тем Дуань-лáо из гор Ми-юнь-шань отправил нарочного просить Ши Ху принять его к себе; но в след за сим раскаялся, и отправил нарочного о том же просить

Муюна Хуан. Ши-Ху отправил предводителя Ма Цю, а Муюн Хуан сам пошел для принятия Дуань Ля́о. Последний тайно условился с Муюном Хуан напасть на Ма Цю. Муюн Хуан поставил отборную конницу в засаде в горах Миюнь-шань. Ма Цю был совершенно разбит. Муюн Хуан отлично содержал Дуань-Ля́о: но сей умыслил взбунтоваться, и Муюн Хуан казнил его. Юйвынь-Идэугуй, похитивший престол после Дуань-Ля́о, с неприятностью смотрел на великие способности Муюна Хань [брат Муюн Хуана]: почему Муюн Хань притворился полоумным и
183 пошел ‖ собирать милостыню. При Дворе все начали пренебрегать им, и отказали в жалованьи; почему Муюн Хань мог свободно везде ходить, и молча замечал положение гор и рек. Как Муюн Хань оставил свое отечество по подозрению, то хотя и находился в чужом государстве, но Муюн Хуан постоянно продолжал тайные сношения
340 с ним. В начале 340 года, он послал в Юйвынь купца Ван Че для торговли, и препоручил ему взять Муюна Хань. И так Муюн Хань украл у Идэугуйя славных лошадей, и с двумя своими сыновьями бежал в отечество. Муюн Хуан крайне был рад, и отлично принял его. В конце года Шы-Ху выступил в поход с полумиллионом войска, 10 000 судов вышли из Желтой реки в море. Повезли 11 миллион. мешков хлеба в Лэ-ань-чен; до 10 000 семейств переведено из Хэ-нань в Ляо-си, Бэй-пьхин и Юй-ян, и от Ю-чжéу на восток до Байлан открыто обширное казенное хлебопашество. Приказано отобрать у народа лошадей; а кто скроет, того пересечь по пояснице. Таким образом собрано около 40 000 лошадей. Таковы были военные приготовления царства Чжáо против царства Янь. Муюн Хуан видел, что Ши Ху усилил охранение города Лэ-ань-чен, а не взял предосторожности по южную и северную сторону города Ги-чен.[1] Выступив скрытными дорогами, он прямо подошел к городу Ги-чен, разбил пристань Ву-суй-цзинь,[2] вступил в Гао-ян, и куда ни приходил, сожигал все военные запасы; и таким образом принуди-
341 дил Чжàо предпринять обратный поход. В начале 341
184 года Муюн Хуан сбил город по се ‖ верную сторону города Лю-чен, по западную сторону горы Лун-шань; построил в нем храм предкам, дворец, и приказал дать сему городу название *Лун-чен*. Китайский Двор, по убедительному настоянию Лю Цян,[3] признал Муюна Хуан госу-

[1] Пекин.

[2] Неизвестное место. Ныне главная пристань в Тхун-чжеу.

[3] Лю Цян был делопроизводитель, т. е. статс-секретарь Муюна Хуан.

дарем царства Янь, с титулом *Янь-Ван*. В конце 342 года 342
Муюн Хуан перенес свой Двор в Лун-чен. В сие время Муюн Хань представил ему следующий план: «Юйвынь часто беспокоит наше государство. Ныне там Идэугуй похитил престол; но чины не расположены к нему; притом же он глуп, и неспособен предводительствовать войском; в его владениях нет предосторожностей, и войска не разделены на полки и сотни. Я долго жил в сем государстве; хорошо знаю положение мест. Если учинить нападение, то каждый раз будет увенчан победою. Но Гаогюйли очень близок к нам, и не преминет, пользуясь отсутствием войск, напасть в расплох. Здесь видимая опасность пред ними. Надобно прежде устранить это, а по возвращении взять Юйвынь очень легко. По покорении сих двух государств выгоды обратятся к восточному морю; государство наше разбогатеет, войско сделается сильным, и нам нечего будет опасаться. После сего можно будет обратить внимание и на Чжун-юань[1]» [Срединная равнина, т. е. Пекинская равнина или Китай]. Муюн Хуан одобрил план его. Две дороги вели в Гаогюйли: северная и южная. Первая дорога ровна и широка, вторая гориста и тесна. В совете полагали идти северною дорогою. Муюн Хань сказал им: неприятели, без сомнения, более обратят внимания на север‖ную нежели на южную дорогу. Государю надобно 185
с отборным войском взять южную дорогу и явиться там неожиданно. Тогда взять Вань-ду нетрудно; а по северной дороге послать отдельный корпус войска. Тогда они растеряются и не в состоянии будут действовать. Муюн Хуан последовал его мнению, и с 40 000 лучшего войска пошел южною дорогою; Муюну Хань и Муюну Ба[2] поручил начальство в передовом корпусе. Правитель дел Ван Юй отправлен с 15 000 войска по северной дороге. Гаогюйлиский государь Чжáо действительно отправил младшего своего брата Чжáо-ву с отборным войском противостать на северной дороге, а сам с слабым войском занял южную дорогу. Муюн Хань прежде пришел, и вступил в сражение с Чжáо. Муюн Хуан в след за ним подоспел с главными силами. Гаолюйлисцы были совершенно разбиты, и Муюн Хуан, пользуясь одержанною победою, вступил в Вань-ду. Чжáо один ускакал на верховой лошади; мать его и жена взяты в плен. Ван Юй вступил в сражение на северной дороге, и со всем корпусом погиб. Отправлен нарочный пригласить Чжáо, но он не явился. Хань Шéу сказал:

---

[1] Т. е. решиться к завоеванию Северного Китая.
[2] Муюн-Ба, сын Муюна Хуан.

«в Гаогюйли не нужно оставлять гарнизонов. Государь бежал, народ рассеялся, и скрылся в горных долинах. По уходе наших войск, хотя и соберутся, но об этом не нужно беспокоиться. Надобно взять труп его отца и мать, и отправиться в обратный путь; а когда Чжáо добровольно покорится, то возвратить ему, и успокоить его милостями и верностью». Муюн Хуан последовал его мнению. Раскопав
186 могилу, взяли труп отца, отвели в || плен до 50 000 душ обоего пола, разорили Вань-ду, и пошли в обратный путь.
343 В 343 году государь Чжáо представил дань Дому Янь. Муюн Хуан возвратил ему труп отца; мать удержал
344 заложницею, а чрез несколько лет и ее отпустил. В 344 году Муюн Хуан пошел с оружием на Юйвынь Идэгуя. Муюн Хань начальствовал в передовом корпусе. Против них выступил Шеегань [Шейегань], который необыкновенною своею силою наводил страх на целое войско: но он первый был убит Муюном Хань, и войско его без сражения рассеялось. Войско Муюна Хуан, пользуясь победою, преследовало бегущих, и овладело резиденциею. Идэугуй на побеге умер по северную сторону Песчаной степи. После сего Юйвыньские рассеялись. Муюн-Хуан перевел их поколение в Чан-ли, где оно заняло до 1 000 ли пространства. Муюн Хань в сражении с Юйвыньскими был ранен стрелою, и долго был болен. На него донесли в умысле произвести переворот, и Муюн Хуан, по давней ненависти к нему, приказал ему умереть. Муюн Хань
348 принял яд. В октябре 348 года Муюн Хуан скончался. Наследник Муюн Цзюнь возведен на престол. Как покойный государь удалил все препятствия к завоеванию Китая, то Муюн Цзюнь решился приступить к исполне-
349 нию планов его. В 349 году он указал выбрать 200 000 лучших ратников, и приучать их к соблюдению строгого по-
350 рядка; в 350 году открыл войну взятием города Ги,[1]
351 куда немедленно перенес свой двор; в 351 взяли несколько
187 **352** других городов; в 352, Жань Минь,[2] последний госу||дарь из хуннуского Дома Чжáо, взят в плен и предан казни. Прежние полководцы царства Чжáо, занимавшие разные области и округи, отправили посланников с предложением своей покорности. Чины поднесли титул императорского величества, и Муюн Цзюнь согласился принять. Тогда он установил штат чинов, и в одиннадцатой луне вступил на императорский престол; ложно объявил, что он получил государственную печать, и переменил назва-

[1] Город Ги, иначе Ги-чен есть нынешний Пекин.
[2] Он же Ши Минь.

ние правления. В сие время прибыл в Янь посланник Дома Цзинь.[1] Муюн Цзюнь в разговоре с ним сказал: по возвращении донесите вашему Сыну Неба, что Срединное государство, по неимению человека,[2] избрало меня быть императором.

Извлечено из Ганму.

II. Дом Тоба. Поколение сяньбийских косоплетов[3] из рода в род обитало в северных пустынях, и на юге не имело сообщения с Срединным государством. Уже при Хане[4] *Мáо*[5] начало усиливаться, и заключало в себе 36 владений, 99 больших родов.

Сяньбийское поколение Тоба далее всех других по‖колений отброшено было к северу. Из переселений *188*
его открывается, что тобаские [племена] занимали Хинганский хребет в России по Онону. Там в продолжение трех веков они размножились до 39 аймаков, заключавших в себе 99 больших родов, и, наконец, предприняли возвратиться в древнее свое отечество, к своим однородцам — сяньбийцам. Хань [Хан] Туинь первый перешел на юг к Большому озеру.

Я прежде полагал, что сие переселение состояло в переходе с Хинганского хребта к озеру Хулунь-нору, которое иначе на монгольском языке называется Далай-нор, что значит: великое или большое озеро. При недостатке посторонних сведений эта догадка казалась правдоподобною; но вышло противное. В кит. Географии И-тхун-чжы в 407 тетради сказано, что на землях, занимаемых ныне аймаками Абга и Абханар, при династии Цзинь кочевали тобаские. С сей точки открылось, что тобасцы пошли с Хинганского хребта не к Хулунь-нору, а к Дал-нору, по

---

[1] Дом Цзинь царствовал в южном Китае; пребывание имел в Гян-нин-фу [Нанкин].

[2] В сие время северный Китай не имел законного государя, а занят был наиболее иностранцами.

[3] Косоплеты, на кит. *Со-тхзу*, составляли особливое сяньбийское поколение, по прозванию *Тоба*. У них в обыкновении было заплетать волосы в косу. Отсюда китайцами дано им и название косоплетов. *Ганму*, 261-й год.

[4] Слово *Хан* в первый раз встречается в кит. Истории. Гао-цзун, государь из Дома Тхан, говорит: нынешнее слово *Хан* соответствует древнему слову *Шаньюй*. *Ганму*. 261.

[5] *Мáо*, имя Хана, впоследствии напменованного *Чен-Хуáн-ди*. *Ганму*. 261.

дороге, которая из Нерчинска идет на юг прямо на сие озеро. Еще по прошествии шести колен хан Гйефын переселился на древние земли хуннов, лежащие между Калганом и Ордосом. Преемник его Ливэй поселился в Чен-ло. Это место, по превосходным его пастбищам, искони служило местопребыванием сильных монгольских ханов, а ныне на нем лежит город Хуху-хота, по-китайски Гуй-хуа-чен. Надобно полагать, что нынешние земли Абга и Абханара оставались под владением тобаских и по переходе их на другие земли хуннов, на которые они перешли еще до династии Цзинь, вступившей на престол империи в 265 году; и потому сказано: что на нынешних землях Абги и Абханара при династии Цзинь кочевали тобаские. Сии слова относятся не к поколениям Тоба, а к аймакам Абга и Абханар.

189 || По прошествии четырех колен хан *Туйинь*[1] перешел на юг к Большому озеру [Далай-нор]. Еще по прошествии шести колен хан *Линь* с семью братьями и двумя родственниками, Ичжанем и Гюйгунем все поколение разделил на десять родов. Линь, состаревшись, передал престол сыну своему *Гйефыню*,[2] который перешел на юг на древние земли хуннов. По смерти Гйефыня Ливэй[3] вступил на престол, и еще переселился в Чен-ло,[4] что в округе Дин-сян. Народ его нечувствительно умножился, и прочие поколе-
261 ния повиновались ему. В 261 году Тоба Ливэй первый послал сына своего Шамоханя с данью к Дому Цао-Вэй [основанному Цао-Цао]: почему Шамохань оставлен
268 был заложником. В 268 году Дом Цзинь отпустил заложника косоплетов [тобасцев] в свое отечество. В шестой
275 луне 275 года косоплет Тоба Ливэй вторично послал своего сына Шамоханя с данью к Дому Цзинь.[5] Пред отъездом Шамоханя министр Вэй Гуань представил, чтобы задержать его, и тайно подкупить начальников поколе-
277 ний, чтобы поссорить их между собою. В 277 году Вэй Гуань отпустил Тобу Шамоханя в свое отечество. Начальники поколений оклеветали его и убили. Ливэй умер с

---

[1] *Туйинь* [сменивший дом Цао-Вей], имя хана, впоследствии наименованного *Сянь-Хуáн-ди*. *Ганму*. 261.

[2] *Гйефынь* есть имя хана, впоследствии наименованного *Шеньюань Хуан-ди*. *Ганму*. 261.

[3] *Ливэй* есть имя хана, впоследствии наименованного *Шеньюань-ди*. *Ганму*. 261.

[4] *Чен-ло*, см. *Ганму*. 261 год.

[5] В 265 году Дом Вэй, иначе Цао-Вэй, передал престол империи Дому Цзинь.

печали на 104 году жизни. Сын Силу вступил на престол, и царство их упало. В то время две области были смежны с сяньбийцами: Ю-чжéу и Бин-чжéу.[1] На востоке Уху || ань, *190*
на западе Ливэй много производили беспокойствий на их пределах. Вэй Гуань нашел средство поссорить их. Ухуань покорился, а Ливэй умер. В 295 году косоплеты **295**
разделили свое государство на три аймака. Один из них кочевал от Шан-гу на севере, от вершины Шанду-гола[2] на запад. Сам Лугуань управлял им; другой кочевал от Сэнь-хэ-пхо,[3] что в округе Дай-гюнь на север, и поручен был Тобе Ито,[4] племяннику от старшего брата; третий аймак помещен в старом городе Чен-ло в округе Динсян и состоял под управлением Тобы Илу, младшего Итоева брата. В 297 году косоплет Ито перешел на северную сторону Песчаной степи для завоеваний и покорил на западе более тридцати владений. **297**

В 307 году Тоба Лугуань скончался. Младший брат **307**
Тоба Илу временно принял управление всеми тремя аймаками. Он вступил в дружеские сношения с Муюном Хой. По смерти хуннуского Лю Мын, Лю Ху принял начальство над его войском. Он жил в округе Син-хин под названием Тефо и с сяньбийцами белого поколения находился под владением хуннуского Дома Хань. Лю Кхунь,[5] предпринимая оружием усмирить его, отправил к Тобе Илу посланника, чтоб униженною просьбою и великими дарами убедить его прислать войско. Илу послал 20 000 конницы под предводительством Юйлюйя. Лю Ху с белым поколением был разбит. Лю Кхунь побратался с Илу, и представил Двору, чтобы дать ему титул Великого Шаньюя и || княжеское достоинство с титулом *Дай-гун* и с округом Дай-гюнь.[6] В сие время округ Дай принадлежал к области Ю-чжéу. Ван Сюнь[7] не согласился на это, и отправил войско против Илу; но Илу разбил войско его: *191*

---

[1] Ныне губернии Чжи-ли и Сань-си [Шаньси].

[2] На кит. Нуань-шуй.

[3] Сэнь-хэ-пхо. См. в *Ганму* 295 г.

[4] Ито был старший сын Шамоханев.

[5] Область Бин-чжеу еще находилась под владением кит. Дома Цзинь; и потому Лю Кхунь от Двора назначен был правителем сей области.

[6] Т. е. поставлен удельным владетелем кит. округа Дай, который дан ему в уплату за военные издержки.

[7] Ван Сюнь в сие время был правителем, т. е. губернатором области Ю-чжéу. Как правители пограничных областей вообще заведывали и войсками в пределах своей области, то Ван Сюнь при настоящих смутных обстоятельствах царствующего Дома — наверное полагал достигнуть престола в сев. Китае.

почему Ван Сюнь поссорился с Лю Кхунь. Но как местопребывание владетеля в Дай слишком было удалено от его собственных владений, и подданные не могли иметь сообщения между собою, то Илу с 10 000 юрт из Юньчжун вступил в Яй-мынь, и просил Лю Кхунь дать ему страну от Хин на север. Лю Кхунь не мог отказать, потому, что предвидел нужду в его помощи для сохранения вверенной ему области; почему жителей пяти уездов Лэуфань, Ма-и, Инь-гуань, Фань-чжы и Го-хянь переселил от Хин на юг, а земли отдал Тобе Илу. После сего Илу наипаче усилился. Лю Кхунь просил дозволения идти с Тобою Илу для усмирения Лю Цун и Шилэ,[1] но получил
312 отказ, и отпустил войско Тобы Илу обратно. В 312 году Илу предпринял осадить Цзинь-ян; почему отправил сына своего Лусю с несколькими десятками тысяч войска вперед, а сам с 200 000 следовал за ним. Лю Кхунь с остальными своими войсками служил вожаком. Лусю вступил в сражение с Лю Ио на восточной стороне реки Фынь, и одержал поверхность. Лю Ио, упав с лошади, получил семь ран; в ночи перешел чрез гору Мын-шань и вступил
192 в обратный путь; но Илу || догнал его, и возобновил сражение в долине Лань-гу. Войско Дома Хань было совершенно разбито. Несколько сот ли пространства покрыто было трупами. После сего Илу произвел большую облаву в горах Шеу-ян-шань. От кож и мяса горы казались кровавыми. Лю Кхунь от ворот лагеря пеший шел к Илу и, учинив благодарное поклонение, убедительно просил продолжать поход далее. Илу сказал ему: я издали пришел. Ратники утомились, лошади похудели. Надобно ожидать вторичного похода. Лю Цун еще не может быть уничтожен. И так Илу оставил охранное войско в Цзинь-ян. Лю Кхунь
313 перешел в Ян-кюй для сбора разбежавшихся. В 313 году Дай-гун Илу обвел стеною Чен-ло, и назвал северною резиденциею, исправил древний город Пьхин-чен, и сделал южною резиденциею; сверх сего построил новый Пьхин-чен на южной стороне реки Лэй-шуй, и поместил в нем Западного Чжуки-князя с управлением южным поколением.
315 В 315 году китайский Двор повысил Илу в достоинстве с титулом *Дай Ван*, и еще дал ему округ Чан-Шань. После сего Илу установил штат чинов[2] при своем Дворе. Он любил меньшего своего сына Бияня, и хотел его сделать преемником; почему старшего сына Лусю послал жить в

---

[1] См. отд. III.

[2] Соответствующий королевскому, не императорскому Двору, что и внутренним и заграничным вассалам дозволяется.

Синь-пьхин, а мать его выслал от себя. Когда Лусю явился к его Двору, то Илу приказал ему учинить поклонение пред Биянем. Лусю не послушал его, и ушел. Илу крайне рассердился, и пошел на Лусю войском; но Лусю разбил войско, и убил отца. Итоев сын Пугынь напал || на Лусю, *193*
и, уничтожив его, сам вступил на престол. При Дворе произошло великое смятение. Но Пугынь вскоре скончался, и Юйлюй возведен на престол. Он на западе завоевал древние усуньские земли, на востоке покорил все, лежащее от Уги на запад.[1] Имея отборную конницу, Юйлюй в
318 году сделался сильным воином в северной стране. **318**
Но в 321 году открылись беспокойствия в его Доме. Вэ́й- **321**
шы, жена Тобы-Ито, досадовала, что Юйлюй усилился, и опасалась, что он не будет действовать в пользу ее сына; почему убила его и на престол возвела сына Хэну. Юйлюев сын Шеигянь[2] был еще в пеленах. Мать Ван-шы спрятала его в шальфары и сказала: «если Небо хранит тебя, то не заплачешь». Дитя долго не плакало и спаслось.
В 324 году Хэну, по достижении совершеннолетия, вступил в управление государственными делами: но как большая часть поколений не повиновалась ему, то он сбил городок у горы Дун-мугынь-шань, и переселился в него:
но в следующем году, 325, скончался. Младший брат его **325**
Тоба-Гэна вступил на престол: но в 329 году он бежал в **329**
поколение Юйвынь. На престол возведен Тоба-Ихуай, сын Юйлюйев. В 335 году Тоба-Гэна опять вступил на **335**
престол; Ихуай ушел к Дому Чжа́о, который в 337 году **337**
опять возвел его на престол в Дай; Гэна бежал в царство Янь. Шеигянь, младший брат Тобы-Ихуай, был заложником при Дворе Чжа́о. Ихуай, чувствуя опасность болезни,
препоручил начальникам по||колений возвести его на *194*
престол. Когда Ихуай скончался, то начальники поколений полагая, что отдаленность затрудняет возвращение Шеигяня, думали поставить второго брата Тобу Гу: но Гу отклонил это, и сам явился в Йе, чтобы принять Шеигяня, а себя предложил в заложники вместо него. Ши Ху, владетель в Чжа̀о, удивленный такою справедливостью, обоих отпустил. Шеигянь, по вступлении на престол по северную сторону города Фань-чжы, отделил половину царства, и отдал Тобйе Гу. Со времени кончины Тобы-Илу,

---

[1] Из сего места наиболее подкрепляется догадка, что поколения Жужань и Гаогюй покорены ханом Тобою Ито в минувшую войну, в 297 году.

[2] Шеигянь был второй сын Тобы-Юйлюйя. *Ганму.*

в Дай много было внутренних беспокойств.[1] Поколения разделились и рассеялись. Шеигянь при его храбрости и уме в состоянии был сохранить наследие предков. Он первый установил штат чиновников и распределил им управление делами, важные государственные должности вверил природным китайцам, издал уголовные законы о бунтовщиках, убийцах и грабителях. Его постановления были ясны, судопроизводство беспристрастно и кратко; не было притязательных допросов прикосновенных к делу, и народ успокоился. После сего с востока от Сумо на запад до Полона,[2] с юга от Инь-шань на север до Песчаной степи, все покорилось ему. Он имел несколько сот тысяч народа.

339 В 339 году Шеигянь собрал начальников поколений на совет о построении столицы при вершине реки Лэй-шуй. Мать его Ва́н-шы сказала: «мы со времен наших праотцев ведем кочевую жизнь. Ныне Двор в трудных обстоятельствах. Если поселимся в городе, и неприятели произведут

195 нападение, то нам не где и укрыться будет». || И так остановились. Шеигянь просил Дом Янь о браке. Муюн Хуан, владетель царства Янь, выдал за него меньшую свою

340 сестру. В 340 году Шеигянь утвердил свое местопребы-

361 вание в Юнь-чжун. В 361 году Лю Вэйчень отложился от

365 Дома Цинь, и поддался Дому Дай. В 365 году он опять взбун-

367 товался, но был отражен. В 367 году Шеигянь пошел с оружием на Лю Вэйченя. Желтая река еще не покрылась крепким льдом. Шеигянь приказал на плывущее сало бросать фашины из тростника. Лед вскоре сперся, но еще не окрепнул. Сверху набросали тростнику, и лед, смерзшись с травою, сделался мостом. Войска перешли чрез реку. Лю-Вэйчень не ожидал столь скорого их прихода, и бежал на запад. Шеигянь взял более половины аймака его и возвратился. Лю-Вэйчень бежал к Дому Цинь, откуда

371 он с гарнизоном препровожден в Шо-фан. В 371 году скончался наследник Тоба Шы. Чан-сунь Гань, полководец царства Дай, умыслил убить государя Шеигяня. Тоба Шы предупредил удар; был ранен в бок и теперь скончался. Он был женат на дочери Шиганя, начальника восточного аймака. Жена по смерти его осталась беременною и родила сына, которому Шеигянь дал имя Шегуй. Это был Тоба-

376 Гуй, основатель династии Юань Вэй. В 376 году Лю Вэйчень, теснимый Шеигянем, просил помощи у Дома

---

[1] Т. е. ссор между родными.

[2] Полона есть название тюркистанского владения, лежавшего от Кашгара на северо-запад. Резиденция в городе Гуйшань. *Ганму.*

Цинь, который и отправил войско, а Лю Вэйченя употребил вожаком. Лю Кужень начальник южного аймака, выступил дать сражение, и был совершенно разбит. Шеигянь по болезни не мог лично предводительствовать, и бежал на север за хребет Инь-шань; и когда получил известие, что войска Дома Цинь начали отступать, то опять возвратился в Юнь-чжун. Шеигянев наслед||ный принц *196*
Тоба Шы давно скончался. Сын его Тоба-Гуй еще был малолетен. Сыновья, рожденные от Муюнской [сестра Муюн Хуана] уже все были в возрасте. Наследие престола еще не было утверждено. Тоба Шыгюнь, старший побочный сын, убил младших своих братьев и с ними Шеигяня. Войска Дома Цинь наскоре пошли в Юнь-чжун. Народ разбежался, и при Дворе открылось большое смятение. Хэ-шы, мать Тобы-Гуй, удалилась с ним к Хэне. Шеигянев делоправитель Янь Фын склонил государя Дома Цинь, до совершеннолетия Тобы-Гуй разделить владения Шеигяня на две части, от Желтой реки, т. е. от Ордоса на восток поручить в управление Лю Кужиню, от Желтой реки на запад Лю Вэйченю. Хэ-шы с Тобою-Гуй осталась при Лю Кужине, который служил ему с искреннею преданностью, предвидя в нем большие надежды. В 386 году Гело, даль- **386**
ний дед Тобы-Гуй, с начальниками поколений просил Хэну, объявить его государем с титулом *Дай-Ван*. И так сделали большое собрание при реке Нючуань, возвели его на престол и утвердили состав государственных делоправителей. В марте того же года Тоба-Гуй перенес свое местопребывание в Чен-ло, что в Дин-сян; пекся о земледелии; дал отдых народу. Вельможи радовались. В мае вместо прежнего названия *Дай* принял для своей династии название *Вэй*, с титулом для себя *Вэй Ван*.
В 388 году Тоба-Гуй принял тайное намерение покуситься **388**
на владение Янь, в котором Дом Муюн царствовал; почему отправил князя Тобу-И посланником в Чжуншань.[1] Прежде жужаньское поколение всегда находилось под владением Дома Дай. || Когда Цинь уничтожил Дай, *197*
то оно поддалось Лю Вэйченю. Когда Тоба-Гуй вступил на престол, то гаогюйские поколения[2] опять покорились ему; одни жужаньцы не хотели покориться. В 391 году **391**
Тоба-Гуй пошел на них с оружием, и они со всем поколением бежали на север. Тоба-Гуй гнался за ними около 600 ли. Полководцы говорили ему: мятежники далеко,

---

[1] Столица царства Янь.
[2] Гаогюйские поколения суть потомки *Чи-ди*.

а съестные запасы вышли. Лучше заблаговременно возвратиться. Убьем заводных лошадей, сказал им Тоба-Гуй, и пищи достаточно будет на три дни. И так пошли преследовать удвоенным ходом; достигли их в Великой песчаной степи, совершенно разбили, и перевели их поколение в Юнь-чжун. Между тем Лю Вэйчень отправил сына своего Чжимиди с 90 000 войска ударить на южное поколение Дома Вэй. Тоба Гуй с 5 или 6 000 совершенно разбил их и, преследуя бегущих, прямо подошел к их городу Юеба. Лю-Вэйчень с сыном бежал. Отправлена легкая конница преследовать их. Чжимиди пойман, а Лю Вэйчень убит своими подчиненными. Тоба Гуй казнил до 5 000 родовичей их. Все поколения в Ордосе покорились ему; в добычу получил до 300 000 голов лошадей и до 4 миллионов штук рогатого скота. После сего изобилие разлилось во всем государстве. Бобо, меньшой сын Лю Вэйченев, бежал в Сеганево поколение; Сегань[1] проводил его к Муиганю; Муигань выдал за него дочь свою. Тоба Гуй до сего времени считался вассалом Дома Янь;
395 а ныне отложился, и в июне 395 года подошел к областям,
198 прилегающим к укрепленной линии. Муюн Чуй отпра||вил против него наследника Муюна Ба́о с 80 000 войска. Муюн Ба́о пошел чрез Ву-юань. Тоба Гуй, по совету своих полководцев, притворился отступающим. Взяв поколение со скотом и имуществом, переправился через Желтую реку на запад и уклонился на 1 000 ли. Войска Дома Янь, по прибытии в Ву-юань, взяли в плен до 30 000 семейств, собрали хлеба с полей до миллиона мешков, и расположившись у Желтой реки, приготовляли суда для переправы. В октябре Тоба-Гуй подошел с своим войском к Желтой реке. Муюн-Ба́о установлял войско для переправы: но ветром отнесло его суда к южному берегу. Когда Муюн-Ба́о выступил из Чжун-шань в поход, то Муюн Чуй уже болен был; а когда пришел в Ву-юань, то Тоба-Гуй занял дорогу в Чжун-шань, и приказал задерживать гонцов. Муюн Ба́о несколько месяцев не получал известия о здоровьи Муюна Чуй, и печалился; войска были в волнении. Тоба-Гуй отрядил с Тобою-Цзунь 70 000 войска, чтобы преградить войскам Дома Янь дорогу на юг. В ноябре войска Дома Янь сожгли суда и ушли. В это время Желтая река еще не покрылась льдом. Муюн Ба́о наверное полагал, что войска Дома Вэй не могут переправиться; и посему не ставил отводных караулов. В декабре, при внезапном

[1] Сегань есть название особливого сяньбийского поколения. *Ганму.*

ветре, река покрылась льдом, и Тоба-Гуй, переправившись через нее, немедленно послал 20 000 отборной конницы для преследования. Когда войска Дома Янь пришли к услону [покатости] Сэнь-хэ-пхо, то сильный ветр поднялся в тыл войскам, и воздух сгустился как стена. Муюн Бáо, для предосторожности на непредвиденный случай, отправил Муюна Линь с 30 000 конницы расположиться в тылу главного войска. Муюн Линь, считая сию предосторож-
|| ность излишнею, распустил конницу на облаву, и не взял *199*
никаких мер на непредвиденный случай. Войска Дома Вэй шли и рано и поздно; и когда подошли с запада к Сэнь-хэ-пхо, то увидели войска Дома Янь на южной стороне восточных гор по услону к реке. Тоба, сделав нужные распоряжения, приказал ратникам с кляпцами во рту и с стянутыми мордами у лошадей скрытно идти вперед. На восходе солнечном они поднялись на гору, а внизу под ними расстилался лагерь неприятелей. Войска Дома Янь ужаснулись, и пришли в замешательство. Тоба-Гуй произвел нападение, и побил до 10 000 человек. Тоба Цзунь, по возвращении ударил с лица, и взял в плен до 50 000 человек. Муюн Бáо с прочими бежал. Ван Гянь, начальник среднего поколения, в предположении обессилить царство Янь, всех пленных предал смерти. В апреле 396 года Муюн- *396*
чуй, оставя князя Муюн-дэ охранять Чжун-шань, тайно выступил в поход, перешел чрез горы Цин-лин, прошел через Тьхянь-мынь, просек дорогу через каменные вершины, и сверх чаяния Тобы-Гуй очутился прямо против Юнь-чжун. Князь Тоба Кянь охранил Пьхин-чен. Муюн Чуй напал на него. Тоба Кянь выступил в поле, и с потерею сражения лишился жизни. Муюн Чуй взял все поколение в плен. Тоба-Гуй пришел в страх и хотел уклониться. Поколения пришли в разномыслие, и Тоба Гуй не знал, что предпринять. Муюн Чуй при переходе через Сэнь-хэ-пхо увидел гору наваленных в кучу скелетов[1] и расположился принесть жертву. Ратники зарыдали, и воплями потрясли горные долины. У || Муюна Чуй с досады и сты- *200*
да пошла кровь изо рта. С сего случая он занемог, и когда болезнь усилилась, то он построил городок Янь-чан, и возвратился. Скончался в Шан-гу. Муюн Бáо вступил на престол. Чины Дома Вэй советовали Тобе Гуй принять высокий титул,[2] и Тоба-Гуй в первый раз выставил знамена Сына Неба. Военный советник Ван Сюнь представил о завоевании северного Китая. Тоба-Гуй одобрил, и

[1] Убитых в прошлом году 50 000 пленных.
[2] Титул императора.

решился предпринять великий поход на царство Янь. В сентябре с 400 000 пехоты и конницы выступил на юг в Ма-и, перешел через Гэу-чжу; особливый отряд послан занять Ю-чжéу. В октябре Тоба-Гуй подошел к городу Цзинь-ян. Князь Муюн Нун выступил дать сражение, и, быв совершенно разбит, обратно бежал. Сы-ма Му-юй Сун запер ворота, и не впустил его в город: почему Муюн Нун побежал на восток. Тоба-Гуй, преследуя его, взял в плен семейство его. Войско Дома Янь все погибло. Только Муюн Гун с тремя конниками прибежал в Чжунчань. После сего Тоба-Гуй покорил всю область Биншжéу.[1] Вслед за сим он отправил полководца Юй-ли-дань, скрытно пробравшись из Цзинь-ян, открыть старую дорогу полководца Хань-синь, из Цзин-хин идти на Чжун-шань, напасть на Чан-шань и взять сей город приступом. Все это сделано. Областные и уездные города все покорились. Только Чжун-шань, Йе и Синь-ду — три города остались у Дома Янь. Тоба-Гуй приказал князю Тобе И осаждать Йе, полководцу Ван Гянь осаждать Синь-ду, а сам пошел под Чжун-шань. Но вслед за сим сказал полководцам: Чжун-шань есть крепкий город. Если поспешить осадою, то много надобно потерять людей. Если долго осаждать, то много хлеба нужно. Лучше прежде осадить Синь-ду. Тоба И осадил Йе. Муюн Дэ и Муюн Цин в ночи сделали вылазку, и разбили его. Войско Дома Вэй отступило к городу Синь-чен. Тоба-Гуй взял город Синь-ду. В марте Муюн-Бáо получив известие, что Тоба Гуй осаждает Синь-ду, употребил сокровища Двора и дворцовых девиц, чтобы набрать из воров войско для похода, и расположился лагерем на северном берегу реки Хутхо. Пришло войско Дома Вэй, и расположилось на южном берегу реки. Муюн-Бáо в ночи скрытно перешел через реку, напал на лагерь Дома Вэй и по ветру пустил огонь. Войско Дома Вэй пришло в большое замешательство. Тоба-Гуй оставил лагерь. Но войска Дома Янь вдруг и без всякой причины начали резаться и стреляться между собою. Тоба-Гуй, приметив это, ударил сбор войск, зажег множество светочей вне лагеря, и стремительно ударил на неприятеля. Войско Дома Янь было совершенно разбито и возвратилось. Оно еще претерпело несколько поражений. Муюн-Бáо оставил лагерь, и с 20 000 конницы возвратился. В это время случился сильный ветер с снегом; множество ратников от стужи померли. Большая часть придворных чиновников и военных покорилась Дому Вэй. В Чжун-шань

[1] Сань-си.

был большой голод, и Тоба Гуй осадил его. Он вступил в сражение с Муюном-Линь под И-тхай, и одержал совершенную победу. Муюн-Линь бежал в Йе. Тоба Гуй, с покорением Чжун-шань получил государственную печать и казнохранилище со всеми сокровищами, и все роздал военным в награду. После сего Тоба Гуй перенес столицу в Пьхин- || чен, построил дворец, основал храм предкам 202
своего Дома, поставил жертвенник духам Ше и Цзи.[1] В храме предкам ежегодно пять раз приносили жертву: в два равноденствия, в два поворота [зимний и летний] и в двенадцатой луне. В след за сим Тоба Гуй предписал правительству провести рубежи столичного округа, означить меру путей, уравнить весы, определить меры длины; отправил чиновникам обозреть княжества и области, открыть злоупотребления гражданских и военных начальников, лично освидетельствовать отрешаемых и повышаемых. Он приказал написать Уложение о чиновниках, определить правила музыки, изложить придворные и другие обряды, сочинить уголовные законы, поверить астрономические измерения времени, чтобы все сии части служили образцами на вечные времена. В 12 луне Тоба Гуй вступил на императорский престол. Указал в столице и вне связывать волосы на голове и носить шляпу.[2] Отдаленному предку Мáо и прочим, всего двадцати семи человекам, дал посмертные почетные наименования с титулом *Хуàн-ди*, т. е. императора. По древним обычаям Дома Вэй, т. е. сяньбийским, в первой летней луне приносили жертву Небу и в восточном храме, т. е. предкам; в последней летней луне выходили с войсками прогонять иней на хребет Инь-шань; в первый осенний месяц приносили жертву Небу в западном предградии. Все сии обряды ныне возобновил на прежних установлениях. Определил жертвенные приношения в предградиях и храме предкам; установил обряды и музыку. Еще по совету || министра Цуй 203
Хун объявил себя потомком государя Хуáн-ди, в силе земли. [Земля — одна из пяти Стихий].

Китайцы полагают, что в свойствах человека находится пять добродетелей или способностей к усовершению нравственной его природы. Это суть: человеколюбие, обряд, справедливость, знание и верность. Сим пяти добродетелям соответствуют, по своим свойствам, пять стихий: человеколюбию дерево,

---

[1] Храм предкам и жертвенник духам Ше и Цзи суть коренные принадлежности кит. Двора.

[2] Т. е. одеваться по тогдашнему монгольскому обычаю.

обряду огонь, справедливости металл, знанию вода, верности земля. И так в *силе земли* значит, что получил престол империи *верностью*, т. е. точным исполнением данных обещаний.

Переселил 2 000 семейств правителей и знаменитых домов из шести областей и двадцати двух округов в резиденцию в Дай. На восток, т. е. от столицы до округа Дай, на запад до Шань-ву, на юг до самого Инь-гуань, на север до Сэнь-хэ-пхо; все сие пространство земли было под столичным округом. Пространство в четыре стороны за столичным округом поручено в управление начальникам восьми поколений.

Заимствовано из Ганму.

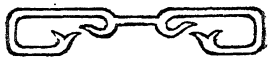
КОНЕЦ I ОТДЕЛЕНИЮ В I ЧАСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ и ЮЖНАЯ СИБИРЬ]

(ОТДЕЛЕНИЯ IV-VIII)

ОГЛАВЛЕНИЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ ВТОРОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Отделение IV

Жуань Жуань [Бэйши, гл. 98; Вэйшу, гл. 103] 184
I. Дэудай-хан Шелунь 187
II. Гэжогай-хан Хулюй 188
III. Хан Булучжень 188
IV. Гешенгай-хан Датань 189
V. Чилянь-хан Уди 191
VI. Чуло-хан Тухэчжень 193
VII. Шеуло-Бучжень-хан Юйчен 194
VIII. Фугудунь-хан Дэулунь 195
IX. Хэуци Фуфа Кучже-хан 196
X. Тахань-хан Футу 196
XI. Дэуло-Фуба-Дэудай-хан Чеуну 196
XII. Чиляньту-Бинфа-хан Анахуань 198
[I] Прибавление о поколении Юй-Вынь 208
[II] и Прибавление о поколении] Дуань 210

Отделение V

Хойху [**Гаогюй**] [Вэйшу, гл. 103] 213

Отделение VI

Тугю [Таншу, гл. 215а и 215б; Чжоушу, гл. 50; Суйшу, гл. 84] 220
I. Или-хан Тумынь 227
II. Исиги-хан Коло 228
III. Муюй-хан Кигинь 228
IV. Тобо-хан 233
V. Шаболио-хан Нйету 235
VI. Шеху-хан Чулохэу 239
VII. Дулань-хан Юнюйлюй 239
VIII. Бугя-хан Дату 242
IX. Шиби-хан Дуги 245
X. Чуло-хан 246
XI. Хйели-хан Дуби 247
XII. Тули-хан ‖ 259
XIII. Иминишу Сылиби хан Сымо 260

XIV. Чеби-хан 263
XV. Гудулу 266
XVI. Мочжо 268
XVII. Бигя-хан Могилянь 273
XVIII. Ижань-хан 277
XIX. Бигя Гудулу-хан 277
XX. Хан Усу-Миши 278
XXI. Баймэй-хан Хулунфу 278

Западный Дом Тугю [Суйшу, гл. 84, Таншу, гл. 215а и 215б] 278
I. Хан Далобянь 279
II. Нили-хан 279
III. Нигю Чуло-хан Дамань 279
IV. Шегуй- хан 283
V. Тун Шеху-хан 283
VI. Сыби-хан Мохэду 284
VII. Сы Шеху хан 285
VIII. Дулу хан Нишу 285
IX. Шаболо Хилиши хан 286
X. Иби Дулу-хан Юйгу Ше 286
XI. Икюйлишы Иби-хан 286
XII. Иби Шаболо Шеху хан 287
XIII. Иби-Шегуй хан 288
XIV. Шаболо-хан Ашина Хэлу 289
XV. Ашина Мише 293
XVI. Ашина Бучжень 293
XVII. Дучжы-хан 294
XVIII. Хан Юанькин 294
XIX. Хан Були Ше Хусэло 294
XX. Хан Ашина Суйцзы 295
XXI. Хан Ашина Хянь 295
XXII. Хан Ашина Хуай-Дао 295
XXIII. Хан Ашина Синь 296
XXIV. Туциши-Учжилэ 296
XXV. Хан Согэ 297
XXVI. Чжунь Шунь хан Сулу 297
XXVII. Тухосянь-Гучжо-хан 299
XXVIII. Хан Мохэ Дагань 300

Отделение VII

Повествования о Доме Хойху [Уйгуры] [Таншу, гл. 217а] . . 301
I. Хан Пэйло 308
II. Гэлэ-хан Мояньчжо 309
III. Мэуюй-хан Идигянь 316
IV. Хэгу Дулу Бигя-хан 324
V. Пангуань Дэлэ-хан 328
VI. Фын-чен хан 330
VII. Хуай-Синь хан Гудулу III 330
VIII. Гюйлу Биги-хан 331
IX. Бао-ы хан 331
X. Чун-дэ хан 332
XI. Чжао-ли хан 333
XII. Чжан-Синь хан 334
XIII. Хан Угйе Дэлэ 334
XIV. Хан Энянь Дэлэ 337

Дополнительные прибавления о Гаогюйских поколениях
[Таншу, гл. 217а] 339
I. Сйеяньто 339
II. Байегу 343
III. Пугу 344
IV. Тунло 344
V. Хунь 345
VI. Киби 346
VII. Доланьгэ 346
VIII. Адйе 346
IX. Гэлолу 347
X. Басими 347
XI. Дубо 348
XII. Гулигань 348
XIII. Байси 349
XIV. Хусйе. 349

I. Хакяньсы. Хагас [Кыргызы] [Таншу, гл. 217б] 350
II. Шато. [Таншу, гл. 218] 357

Отделение VIII

Кидань [Таншу, гл. 219] 362
Прибавление о поколении Хи, иначе Кумохи [Синь-Таншу, гл. 219] 370

Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазийскими странами 375

Отделение IV

ЖУАНЬ ЖУАНЬ

[*Бэйши, гл. 98*; *Вэйшу, гл. 103*]

205 || Сие отделение извлечено из северной истории; содержит продолжение времени с 391 до 556 года. XII ханов.

Жуань-жуань прозывался Югюлюй. Еще в конце царствования Шень-юа́нь-ди[1] [из дома Сяньби-Тоба, предшествовавшего династии Юань-Вэй] объездные взяли одного невольника, у которого волосы были наравне с бровями, и который не помнил ни имени, ни прозвания своего. Владелец его имел проименование Мугулюй, а Мугулюй значит: плешивый.[2] Мугулюй и Югюлюй созвучны в выговоре; почему потомки его приняли первое прозванием для себя. *Мугулюй*, как скоро пришел в возраст, освобожден от неволи и определен в конницу. В царствование государя Мо-ди,[3] за упущение срока[4] приговорен был к отсечению головы; почему он бежал в ущелье Гуанлюци, и, собрав там до ста беглецов, пристал к ай-
206 маку Шуньтулинь. По смерти || Мугулюя, сын его *Гюйлухой*,[5] человек храбрый и сильный, первый собрал аймак, и дал ему название *Жеужань* или Жужань. Как жужаньцы были глупы, и с виду походили на ползающих

---

[1] Хан Гйефынь. [Гйефынь имел наименование Шэньюань-Хуан-ди, а Шэнь-юань ди было наименованием Тоба Ливэй].

[2] *Мугулюй*, должно быть, монгольское слово, но испорченное китайским голосовым переложением.

[3] Сей государь царствовал в 345—361 годах.

[4] В приходе к назначенному месту.

[5] Иначе *Челухой*; ибо буква [знак] *Гюй* в простонародном разговоре произносится *че*.

насекомых, то Тхайву[-ди][1] дал название *Жуань-жуань*.[2] Гюйлухой, как скоро сделался главою аймака, то ежегодно в дань представлял лошадей, соболей и куниц.[3] Зимою он переходил кочевать на южную сторону песчаной степи, а летом возвращался на северную. По смерти Гюйлухоя поставлен сын его Тунугуй, по смерти Тунугуя поставлен сын его *Бади*; по смерти Бади поставлен сын его *Дисуюань*; по смерти Дисуюаня аймак его разделился на две части. Дисуюанев старший сын *Пихуба*, наследовавший отцу, жил в восточной, вторый сын *Выньгэди* отдельно жил в западной стороне. По кончине государя *Чжао-чень* Выньгэди поддался Лю Вэйченю[4] и отделился от Дома Вэй. Вэй в правление Дын-го, 391, **391**
решился их наказать оружием. Жужаньцы ушли, но были догнаны в Великой песчаной степи у горы Нань-чжуаншань[5] и совершенно разбиты. Целая половина аймака отведена в плен. Пихуба и Уцзи, предводитель аймака, собрали оставшиеся юрты и ушли. В погоню за ним посланы были полководцы Чан-сунь || Сун и Чан-сунь *207*
Фэй. Чан-сунь Сун по переходе через Великую песчаную[6] степь дошел до Пьхин-ван-чуань;[7] совершенно разбил Уцзи, отрубил ему голову и вывесил на показ. Чан-сунь Фэй дошел до гор Шое, где Пихуба покорился ему с своим народом. Чан-сунь Фэй взял в плен Выньгэдиева сына Хэдоханя с старшим его братом Гаогуйчжо, Шелуня Хулюя и прочих родственников, всего несколько сот человек, и распределил их по разным аймакам.[8] Выньгэди удалился на запад в намерении поддаться Лю Вэйченю; но Дао-ву преследовал его до гор Бана́, и Выньгэди принужден был опять покориться. Дао-ву[-ди] обласкал его попрежнему.

Первоначально жужаньцы из рода в род служили Дому Дай [Дом Вэй ранее назывался Дай]. Но когда Дом Цинь уничтожил Дом Дай, то жужаньцы

---

[1] Тхай-ву [ди] вступил на престол в 424 году. Но жужаньцы в первый раз встречаются в Ганму еще в 391 г.

[2] В китайском словаре нет описания сему насекомому. В переводе слово *Жуань-жуань*, для легкости в выговоре, сокращено в Жужань.

[3] Дому Вэй и Юань-вэй.

[4] Лю Вэйчень владел Ордосом. Тоба Гуй, поразив жужаньцев в конце 391 года, вслед за сим разбил Лю Вэйченя и покорил Ордос. Лю Вэйчень на побеге убит своими людьми. *Ганму*. 391.

[5] Неизвестное место. *Ганму*. 391.

[6] На север.

[7] Пьхин-ван-чуань есть название места, или реки, неизвестно. *Ганму*.

[8] Они расселены были в области Юнь-чжун. *Ганму*. 391.

поддались Лю Вэйченю. Когда в Доме Вэй Тоба-гуй вступил на престол, то гаогюйские аймаки покорились ему; одни жужаньцы не хотели покориться. Тоба-гуй пошел на них с оружием, и жужаньцы со всем аймаком бежали. Тоба-гуй преследовал бегущих 600 ли. Предводители говорили ему: неприятели далеко, а съестные запасы к концу приходят; лучше заблаговременно возвратиться. Тоба-гуй сказал им: убьем заводных лошадей, и нам достанет пищи на три дня. И так еще пошли преследовать удвоенным ходом; в Великой песчаной степи у гор Нань-чжуань-шань совершенно разбили их и перевели все поколение в Юнь-чжун. *Ганму*. 391 г.

394 В девятое лето, 394, Хэдохань с Шелуном, оставя своего отца, со всем аймаком ушел на запад. Чан-сунь
208 || Фэй с легкою конницею догнал его в Шань-гюнь у гор Бана́, убил Хэдохана, и истребил весь его аймак. Шелунь с прочими бежал к Пихубе. Пихуба поместил его на южной границе, в 500 ли от своей орды, и препоручил четырем своим сыновьям смотреть за ним. Но Шелунь с своими приверженцами захватил четырех сыновей Пихубы, и взбунтовался. Он напал на прочих его сыновей, овладел аймаком их, и бежал к аймакам Гао-гюй и Хулюеву [младший брат Шелуня]. Шелунь был зол, лукав и находчив. Чрез месяц освободил Пихубу и отпустил к нему сыновей его. Он хотел всех их собрать и истребить; почему втайне собрал войско, неожиданно напал на Пихубу и убил его. Сыновья Пихубы Киба и Ухе, всего пятнадцать человек, поддались Дао-ву. Шелунь, по убиении Пихубы, боялся нападения императорских войск: почему, ограбив аймаки от Ву-юань на запад, перешел через Великую песчаную степь на север. Дао-ву поручил Кибе и Ухе начальство над войсками, и дал им княжеские достоинства.[1] Шелунь заключил мир и родство с государем Яо Хин.[2] Дао-ву отправил полководца[3] Хо Тху для нападения на аймаки Цяньфо и Согуяня. Шелунь послал конницу для подкрепления Согуяня, но Хо Тху разбил ее. Шелунь удалился за Песчаную степь на север, напал на гаогюйцев, и далеко прошел в их земли. Сим образом, покорив все гаогюйские аймаки, сделался сильным и

[1] С китайским титулом Пьхин-цзи-*хэ́у*.

[2] *Яо Хин* был второй государь из тангутской династии Цинь, царствовавшей в западной половине северного Китая. Он вступил на престол в 386 году. См. Историю Тибета и Хухэнора. Ч. I, стр. 119 и след.

[3] Цай-гуань Гян-гюнь.

страшным, и поселился при реке Жоло. Тогда || он по- 209
становил военные законы. Тысяча человек составляли полк; в полку был один предводитель. Сто человек составляли знамя; в знамени один начальник. Прежде нападавший получал в награду пленников и добычу; по трусости отступившего побивали каменьями в голову, или в то же время убивали палками. Письма не имели. Предводители и начальники овечьим пометом грубо отмечали число ратников; после выучились вырезывать деревянные жеребейки [бирки]. От жужаней на северо-запад находилось владение, принадлежавшее потомкам хуннов, довольно богатое и сильное. Жибаеги, начальник сего поколения, пошел на Шелуня с оружием, вступил в упорное сражение с ним при Реке Йегынь[1] и совершенно разбил его: но после Шелунь все покорил своей власти и принял наименование *могущественного*.[2] Жужаньцы перекочевывали со скотом смотря по достатку в траве и воде. Владения их на запад простирались до Харашара, на востоке до Чаосяни, на север от песчаной степи до Байкала, на юг до великой песчаной степи. Постоянное место их орды лежало против Дунь-хуан и Чжан-йе на севере.[3] Малые владения много терпели от их набегов и грабительств и принуждены были поддаться. После Шелунь принял титул[4] Дэудай-хана.[5]

I. Дэудай-хан Шелунь. *Дэудай* на языке династии Вэй[6] значит: на скаку стреляющий из лука; || *Хан* на 210
языке династии Вэй значит: император. По обыкновениям жужаньцев, государь и вельможи при жизни получали почетные наименования по делам, подобно как в Срединном государстве по смерти, а по смерти у них не давали наименований. В пятое лето правления Тьхянь-хин, 403, 403
Шелунь получил известие, что Дао-ву объявил войну государю Яо Хин; почему напал на укрепленную линию, и уже, когда от Сэнь-хэ-пхо на юг дошли до горы Сэушань и озера Шань-ву-бэй-цзэ, отправлен князь Цзунь с 10 000 конницы[7] в погоню за ними, но он не мог догнать.

---

[1] Созвучно с словом Онгинь, названием реки, вытекающей из южного подгория Хангая.

[2] На китайском *Кян-шен*.

[3] У Хангайских гор, в обыкновенном местопребывании сильных ханов.

[4] Шелунь есть имя хана. Он принял титул хана в 402 году. *Ганму*. 402.

[5] На китайском *Кхэ-хань*.

[6] Т. е. на монгольском; ибо основатель династии Вэй был Сяньбиец Тоба Гуй.

[7] *Чан-шань-ван* Тоба Цзунь.

В правление Тьхянь-цы, Шелуневы родственники Юедай и Дана умыслили убить Шелуня и постановить Дану. Заговор открыт, и Дана с прочими бежал.[1] Дане дан военный чин и княжеское достоинство, а Юедаю военный чин.[2]

407 В третие лето, 407, летом, Шелунь произвел набеги
409 на границу, в первое лето правления Юн-хин, 409, еще
410 напал на укрепленную линию. Во второе лето, 410, Минди выставил войско. Шелунь обратился в бегство, и умер на дороге. Сын его Дуба остался малолетен, и еще не мог управлять народом: почему поставлен Шелунев младший брат Хулюй под наименованием Гэжогай-хана, что на языке династии Вэй значит: *Хан с прекрасными свойствами*.

II. Гэжогай-хан Хулюй. Хулюй на севере покорил владения Хэвэй и Йегу, на востоке разбил аймак Пиличень.

411 В третие лето, 411, поддались[3] Хулюевы родственники
211 Юехэу и Додигань, всего около ста чело||век. Хулюй пришел в страх и начал остерегаться. Он не смел производить набегов на юг, и северные пределы были спо-
414 койны. В первое лето правления Шень-жуй, 414, он заключил союз мира и родства с Фынбою,[4] а Фынба хотел жениться на дочери Хулюевой. Пред самым браком Булучжень, Хулюев племянник от старшего брата, говорил ему, что дочь его еще мала, и отправляется далеко; с тоски может занемочь, надобно бы с нею отправить дочерей вельмож Шулия и Удияня. Хулюй не соглашался на это. Булучжень по выходе от Хулюя сказал Шулию с прочими, что Хулюй думает отдать их дочерей в приданое за своею дочерью в отдаленное, чужое государство. В след за сим Шули вместе с прочими вступил в заговор. В ночи позади Хулюевой юрты поставили сильных ратников, которые, выждав, как Хулюй вышел, схватили его, и вместе с дочерью препроводили в Хо-лун, а Булучженя поставили ханом. Булучжень, по вступлении на престол, вверил государственное управление Шулию.

III. Хан Булучжень. Когда гаогюйский Чилохэу взбунтовался,[5] то предводитель его содействовал Шелуню к покорению аймаков. Шелунь из признательности к его

[1] В Китай к Дому Юань-вэй.

[2] Первому, чин *Гуань-гюнь Гян-гюн*, достоинство Си-пьхин-хэу; второму чин *Юе-ки Сяо-юй*.

[3] Т. е. поддались Дому Юань-вэй.

[4] *Фынба* был полководец северного царства Янь. В 409 году, по прекращению царского рода Муюнов, Фынба объявил себя государем северного царства Янь; столицу утвердил в городе Лунчен, что ныне Горбань Собарга Хота, в восточном Тулите.

[5] Т. е. отложился от Дома Юань-вэй.

услуге сделал его старейшиною. Булучжень и Шелунев сын Шеба зашли в дом к Чилохэ́у, и Булучжень вступил в любовную связь с его младшею женою. Младшая жена открыла Булучженю, что Чилохэ́у предприемлет постановить Датаня государем и в знак || верности послал ему *212*
золотую узду. Булучжень по возвращении отправил 8 000 конницы, которая окружила Чилохэ́у и сожгла все его сокровища. Чилохэ́у сам себя зарезал. После сего Булучжень напал на Датаня; но Датань с своим войском захватил Булучженя и Шебу, и обоих удавил, а потом объявил себя ханом, 414. Датань был сын Пухуня, **414**
младшего дяди Шелунева. Он прежде имел отдельный аймак, и, охраняя западную границу, умел привлечь народ к себе: почему вельможи возвели его на престол под наименованием Мухань Гешенгай-хана, что на языке династии Вэй значит: *победоносный хан*. Хулюй с сыном, по прибытии в Хо-лун, получил от Фынбы княжеское достоинство.[1]

IV. Гешенгай-хан Датань. Датань с своими войсками пошел на юг для нападения на укрепленную линию. Мин-юань[2] лично выступил против него. Датань пришел в страх, и пошел обратно. Послан князь[3] Сигинь с прочими догонять его. Случился мороз с снегами, и почти треть войска погибла или лишилась пальцев у рук. По кончине государя Мин-юань на престол вступил Тхай[-ву-ди]. Датань, получив известие о сем, крайне радовался. В первое лето правления Шы-гуан, 424, осенью, он произвел набег на **424**
Юнь-чжун.[4] Тхай-ву лично выступил против него, и чрез двое с половиною суток пришел в Юнь-чжун. Датань окружил его конницею почти в 50 рядов. Сплотившиеся головы лошадей составили стену. Предводители и ратники пришли в крайний страх. || Тхай-ву имел обыкновен- *213*
ный спокойный вид, и войско успокоилось. Прежде Датанев младший брат Дана имел спор с Шелунем о престоле, и, когда был разбит, бежал.[5] Датань поставил сына Данаева Юйчжигиня владетелем аймака; но предводители и начальники застрелили его. Датань увидел опасность и возвратился. Во второе лето, 425, Тхай-ву предпринял **425**
великий поход, и в одно время на востоке и западе выступил пятью дорогами. Князь Чан-сунь Хань с прочими

---

[1] Шань-гу-хэ́у.
[2] Второй государь из Дома Юань-вэй, Мин-[Юянь-]ди.
[3] Шань-ян-хэ́у.
[4] С 60 000 конницы, и взял дворец в Шен-лэ. *Ганму*.
[5] Т. е. к Двору Юань-вэй.

пошел через Черные пески, князь Чан-сунь Дáо-шен[1] пошел между Черными и Белыми песками. Император[2] следовал среднею дорогою. Князь Эцин расположился на западе от Ли Юань; князь Кигинь[3] и предводитель Ань Юань западною дорогою от гор Эрхань. Когда войска подошли к южной окрайне Песчаной степи, то Тхай-ву, оставя обоз с легкою конницею и съестными запасами
430 на 15 дней, пошел через степь. Датаневы аймаки пришли в ужас, и ушли на север. Во второе лето, 430, в четвертый месяц Тхай-ву обучал войска в окрестностях южного предместия, приготовляясь к нападению на Датаня. В сие время возвратился гонец, посыланый в Гян-нань. Он объявил, что Дом Сун [Лю-Сун в южном Китае] обнародовал о своем намерении напасть на Хэнань. Тхай-ву видел, что ежели прежде не уничтожить жужаньцев, то надобно будет принять неприятеля с лица и с тыла. И так он решился предпринять поход на Датаня; почему император выступил восточною дорогою к горам Хэйшань. Князь [4] Чан-сунь Хань взял западную дорогу к
214 городам Даво||шань, чтоб соединиться у орды мятежников. В пятой луне прибыли к южной окрайне песчаной степи, оставили здесь обоз, и пошли налегке. Когда пришли к реке Су-шуй, Датанево войско побежало назад. Младший его брат Пило, прежде управлявший восточными аймаками, хотел идти к Датаню; но в дороге встретился с корпусом князя Чан-сунь Хань. Князь ударил на него с конницею, и убил несколько сот старейшин. Датань, получив известие о сем, пришел в страх; сожегши юрты, он пошел с своими приверженцами на запад, и неизвестно куда скрылся. После сего родовичи рассеялись во все четыре стороны по горным долинам. Скот бродил по степи, и ни кто не смотрел за ним. Тхай-ву пошел по реке Су-шей на запад; миновал окоп, построенный династии Хань полководцем Дэу Хянь; в шестой луне он остановился при реке Тху-юань-шуй, в 3 700 ли от Пьхин-чен,[5] разделил войско для поисков над неприятелем. На восток доходили до Байкала, на запад до Чжан-йе-шуй, на север за хребет Янь-жань-шань; от востока к западу на 5 000, от юга к северу на 3 000 ли. Гаогюйцы убивали Датаневых людей. До 300 000 человек покорились. Множество взято было в плен; в добычу получено более миллиона голов

[1] Первый Пьхин-ян-Ван, второй Жу-инь Гун.
[2] Тхай-ву.
[3] Первый Дун-пьхин-гун, второй И-чен Ван.
[4] См. выше.
[5] На запад.

лошадей и прочего скота. В восьмой луне Тхай-ву получил известие, что восточные гаогюйские поколения в великом множестве и людей и скота кочуют на Инипо, не с большим в 1 000 ли от его лагеря; почему отправил на них старшего министра Ань Юань, и вскоре несколько десятков тысяч Инипоских гаогюйцев покорились. Аймак Датанев пришел в бессилие, от чего Датань занемог и || умер. Сын *215*
его Уди возведен на ханство[1] под наименованием Чиляньхана; Чилянь на языке династии Вэй значит *Божественный*.

V. Чилянь-хан Уди. В четвертое лето, 432,[2] Чилянь- **432**
хан отправил к Двору посланника с дарами. Пред сим конный объезд взял на южной Удиевой границе до 20 человек из пограничных караульных. Тхай-ву пожаловал им одеяние и отпустил к Уди; и по сей причине Уди представлял Двору дань, а Тхай-ву щедро угощал его посланников, и обратно отпускал. В третие лето правления Янь-хо, 435, во второй луне выдал за Уди царевну **435**
под наименованием: Си-хай Гун-чжу[3] и отправил посланника взять Удиеву младшую сестру в побочные супруги себе,[4] которую потом повысил на степень старшей Чжао-и. Уди старшего своего брата Тулугая и с ним несколько сот человек из приближенных послал к Двору, и с ними представил 2 000 лошадей. Император был чрезвычайно доволен, и одарил их весьма щедро. Во второе лето правления Да-янь, 437,[5] Уди нарушил мир и напал **437**
на укрепленную линию. В четвертое лето, 439, император **439**
предпринял путешествие в Ву-юань и объявил Удию войну.[6] Князь[7] Пьхи и князь Хэдоло[8] || приняли началь- *216*
ство каждый над пятнадцатью предводителями,[9] и выступили восточною дорогою; князь Гянь и князь Мушею[10] приняли начальство над пятнадцатью же предводителями, и выступили западною дорогою; император пошел

---

[1] В *Ганму* сии происшествия описаны под 429 годом.

[2] В *Ганму* в 431 году.

[3] *Си-хай*, хухэнорский, *Гун-чжу* царевна. Все слова китайские.

[4] На кит. *Фу-жинь*. В *Ганму* сие происшествие описано под 434 годом.

[5] По *Ганму* в конце 436 года.

[6] По *Ганму* [под] 438, Вэй ходил воевать Жужань, но возвратился, не видав неприятеля. В это время по северную сторону песчаной степи была великая засуха, от которой много и людей и лошадей погибло. *Ганму*, 438. Но сие событие, по всей вероятности, относится к следующему году.

[7] *Лэ-пьхин-ван*.

[8] *Хэ-дун-гун*.

[9] Т. е. дивизиями.

[10] Первый *Юн-чан-ван*, последний *И-ду-ван*.

среднею дорогою. По прибытии к горам Суньги средний корпус еще разделен на две колонны. Князь Чун [1] от шести озер пошел к горам Шойе, император от гор Суньги пошел на север на западную сторону Небесных гор, взошел на холм, вырезал на камне обстоятельства похода, и, не видав жужаньцев, предпринял обратный путь. Тогда по северную сторону песчаной степи была великая засуха. Не было ни травы, ни воды, от чего много строевых ло-
440 шадей погибло. В пятое лето, 440, император предпринял поход на запад против Цзюйкюй-мугяня. Князь Му́-шей и помощник Цзин Му оставлены для охранения столицы; князь [2] Гигин и князь [3] Чун с 20 000 войск поставлены на южной окрайне песчаной степи для предосторожности от жужаньцев. Уди [Жужаньский князь] в самой вещи напал на укрепленную линию; и как Мушéу не брал предосторожностей, то неприятели прошли до горы Цигйе. Столица [4] пришла в трепет, и жители побежали в средний город. Министр [5] Чан-сунь Дао-шен противостал при горе Тху-тхуй-шань.[6] Уди, предприняв набег, оставил старшего своего брата Цилегуя по северную сторону хребта Инь-шань. Когда взяли Цилегуя в плен, то он со вздохом сказал: Цзюйкюй [7] погубил нас. Еще в плен взяты
217 Тадулуху, || старший дядя его с отцовой стороны, и более 10 000 человек побито. Уди, по получении известия о сем, бежал. Чан-сунь Дао-шен преследовал его до южной окраины песчаной степи, и возвратился. В четвертое лето
444 правления Чжень-гюнь, 444, император предпринял путешествие к южной окраине песчаной степи, а войско разделил на четыре дороги. Князь [8] Фань и князь Чун, каждый имея под собою по пятнадцати предводителей, выступили восточною дорогою; князь [9] Ду, имея под собою пятнадцать же предводителей, выступил западною дорогою; император выступил среднею дорогою. Князь[10] Чень,

---

[1] Чень-лю-ван.
[2] Чан-лэ-ван.
[3] Гянь-нин-ван.
[4] Пьхин-чен. *Ганму.*
[5] Сы-кхун.
[6] Неизвестное место. *Ганму.* 439.
[7] Цзюйкюй Мугянь, владетель северного королевства Лян. Столица в Гу-цзян. Тоба-Гуй решился покорить сие королевство: но зная, что Чилянь-хан, по тесной связи с Мугянем, не преминет подать ему помощь, оставил на северной границе достаточно и хорошо вооруженное войско. *Ганму.* 439.
[8] Лэ-ань-ван.
[9] Лэ-пьхин-ван.
[10] Чжун-шань-ван.

имея под собою пятнадцать предводителей, составлял арриергард среднего корпуса. Император встретился с мятежниками в долине Лухунь. Уди обратился в бегство: император преследовал до реки Эгынь,[1] при которой и разбил его; потом дошел до реки Шы-шуй и возвратился. В пятое лето, 445, опять предпринял путешествие 445
до южной окраины песчаной степи в намерении нечаянно напасть на Уди, но Уди далеко уклонился, и остановился. По смерти Уди сын его Тухэчжень возведен на престол под наименованием Чуло-хана.[2] Чуло на языке династии Вэй значит: точно, правда.

VI. Чуло-хан Тухэчжень. В десятое лето, 450, в пер- 450
вый месяц император предпринял поход на север. Князь[3] На выступил по восточной, князь[4] || Гйер по западной 218
дороге; император с Цзин Му выступил по средней дороге к горам Шойе. В то время войска прошли несколько тысяч ли. Тухэчжень недавно вступил на престол, и посему от страха далеко уклонился. В девятый месяц император предпринял поход на север. Князь На выступил по восточной дороге, князь Гйер по средней дороге; назначено всем войскам соединиться при озере Дифо.[5] Тухэчжень пришел в большой страх, бросил обоз, перешел за хребет Цюн-лун-лин [6] и далеко устранился [букв.: ушел в сторону]. Князь На взял обоз его, пошел с своим корпусом обратно, и присоединился к императору при Гуан-цзэ.[7] Князь Гйер забрал великое множество [8] его людей, скота и имущества. После сего Тухэчжень обессилел, и ушел в дальнюю сторону. Тревоги в пограничных местах прекратились.[9] В четвертое лето правления Тхайань, 458, импе- 458
ратор предпринял поход на север. Собрано было 100 000 конницы, 150 000 телег; знамена простирались на 1 000 ли. Перешли через Великую песчаную степь. Тухэчжень далеко уклонился. Его Мофо-учжугяйтуй с несколькими тысячами кибиток своих людей покорился. И так вырезали на камне подвиги сего похода, и пошли в обратный путь. Тхай-ву по окончании войны думал отдохнуть.

---

[1] Кажется, *Онгинь*.
[2] В *Ганму* сие событие принадлежит к 444 году.
[3] Гао-чан-ван.
[4] Лио-ян-ван.
[5] Название неизвестного места.
[6] Неизвестное место. *Ганму*. 449.
[7] Китайское название озера. Место неизвестно. *Ганму*. 449.
[8] На кит. миллион.
[9] В *Ганму* сие происшествие описано под 449 годом, потому что в сей летописи нередко события окончательно описываются при начале их.

Жужаньцы также от страха уклонились на север и не смели возвращаться на юг. В пятое лето правления Хо-пьхин,
219 464 464, Тухэчжень умер; сын его Юйчен возведен на || престол под наименованием Шеуло-бучжень-хана, что на языке династии Вэй значит *милостивый хан*.

VII. Шеуло-Бучжень-хан Юйчен. Бучжень-хан назвал свое правление Юн-кхан [1] и с своим поколением напал на укрепленную линию, но стоявшим на севере наблюда-
470 тельным корпусом совершенно разбит. В четвертое лето правления Хуан-хин, 470, Юйчен произвел нападение на укрепленную линию. Император предпринял поход на север для усмирения. Начальники корпусов соединились с ним на берегах реки Нюй-шуй. Сянь-вынь[-ди][2] в клятвенном воззвании к войску и полководцам говорил: «В войне потребно искусство, а не многочисленность. Вы для меня только мужественно сражайтесь, а распоряжения военных действий предоставьте мне». И так отрядил 5 000 отборных войск завязывать сражение, а для развлечения [отвлечения] неприятеля поставил в разных местах замаскированные отряды. Неприятельское войско обратилось в бегство. Более 30 ли преследовали его и порубили до 50 000 человек. Около 10 000 человек покорились. Оружия и строевых лошадей взято великое множество. В продолжение девятнадцати дней прошли в передний и обратный путь около 6 000 ли; реке Нюй-шуй дали название Вучуань; после чего сочинили похвальную песнь на северную войну, и вырезали на камне военные подвиги. В пятое лето
475 правления Янь-хин, 475, Юйчен просил о брачном родстве. Как он несколько раз производил нападения на пограничную укрепленную линию, то правительство просило
220 государя прекратить связи с || ним чрез посольства и отправить войско для усмирения. Император сказал им на это: «Жужаньцы, подобно бессмысленным животным, падки на корысть и не знают справедливости. Я желаю поступать с людьми, руководствуясь верностью и истиною. Не должно совершенно прерывать связей. Юйчен раскаивается в прошедшей несправедливости, и прислал посланника просить о мире и заключении брака. Должно ли оставлять его в недоумении?»[3] В первое лето правления
477 Тхай-хо, 477, в четвертой луне прислал с Мохэкюйфынь-Бибою в дар превосходных лошадей и соболью меха.

---

[1] *Юн-кхан* кит. слова; зн. вечноспокойный. По кит. истории это сделано монголами в подражание кит. Двору в первый раз.
[2] Пятый император из Дома Юань-Вэй.
[3] Есть пропуск.

Биба с униженностью представил, что Небесный Двор обладает бесчисленными сокровищами и редкостями; почему и просил показать ему оные. И так предписано начальствам по порядку показать ему драгоценные вещи в царской сокровищнице, богатое шитье золотом и другими каменьями, прекрасных лошадей в царских конюшнях, редких птиц, невиданных зверей и разные вещи, входящие в употребление. Биба, по обозрении всего, обратился к своим и сказал: «богато Великое государство; я во всю жизнь не видывал сего». Во второе лето, 478, во второй 478
месяц, еще Бибу с прочими отправил к Двору с данью, причем опять просил о браке. Хя́о-вынь[-ди] наклонен был согласиться на предложение. Юйчен хотя ежегодно представлял дань, но не твердо сохранял договор, почему дело о браке приостановлено. В девятое лето, 485, Юйчен 485
умер; сын его Дэулунь возведен на престол под наименованием Фугудунь-хана, что на языке династии Вэй зн[ачит] *постоянный*.

||**VIII. Фугудунь-хан Дэулунь.** Фугудунь-хан дал своему правлению название Тхай-пьхин.[1] Дэулунь был человек жестокий, склонный к убийствам. Именитый вельможа его Шилохэ́у несколько раз, из преданности, увещевал его; еще советовал ему заключить мир с Домом Вэй, и не производить нападений на Срединное государство. Дэулунь рассердился, оклеветал Шилохэ́у в умысле на бунт, казнил его, и истребил род его в трех коленах. *221*
В шестнадцатое лето, 492, в восьмый месяц, Хя́о-вынь 492
отправил князя [2] И и старшего министра Лужуй с двенадцатью предводителями и 70 000 конницы для усмирения Дэулуня. В Дэулуневых владениях гаогюйский Афучжило с 100 000 своего народа ушел на запад, и объявил себя государем.[3] Дэулунь и дядя его Нагай [4] погнались за ним двумя дорогами. Дэулунь пошел по северную сторону гор Суньги на запад; Нагай пошел от золотых гор. Афучжило разбил Дэулуня, а Нагай в каждом сражении одерживал верх. Вельможи уверовали, что само Небо помогает ему; почему хотели объявить его своим государем. Нагай не соглашался; а вельможи приневоливали его. Нагай сказал им: я и подданным быть не могу, кольми паче государем. Вельможи убили Дэулуня с

[1] Кит. слова: глубокая [великая] тишина, т. е. благоденствие.
[2] Ян-пьхин-ван.
[3] Т. е. независимым владетелем. Это есть переход ойхоров [Хойху] с берегов Селенги к вершинам Иртыша.
[4] Близко к слову *Ногай*.

матерью, и показали трупы их Нагаю. И так Нагай вступил на престол под наименованием Хэуци Фуфа Кучже-хана, что на языке династии Вэй значит: *вожделенный хан.*

222 **IX. Хэуци Фуфа Кучже-хан.** Кучже-хан на||звал свое правление Тхай-ань.[1] По смерти Нагая вступил на престол сын его Футу под наименованием Тахань-хана, что на языке династии Вэй значит: *преемник.*

X. Тахань-хан Футу. Тахань-хан назвал свое правление
506 Шы-пьхин.[2] В третие лето правления Чжен-шы, 506, он отправил Гэси-Улубу [Гэси-Вулуба] посланником к Двору с дарами, причем просил о восстановлении мира. Сюань-ву[-ди][3] не отвечал на его посольство, а предписал министерству сказать Улубе, что «дальний предок жужаней Шелунь был отложившийся подданный Дома Вэй. В то время оказано ему снисхождение, и по трудным обстоятельствам допущено сношение чрез посольства. Ныне жужаньский Дом упал; и не в продолжительном времени потеряет свои земли. Добродетели Великого Вэй теперь выше Домов Чжéу и Хань. Покорив Чжун-юань [Срединная равнина или Китай (северный)], он предполагает водворить тишину по всей земле, и единственно потому пока не простирает видов на север, что страна Гян-нань [4] еще не покорена. Предложение о восстановлении мира не совместно между нами. Ежели он желает соблюдать долг пограничного вассала, то должен доказывать искренность подданства несомнен-
507 ными знаками». В первое лето правления Юн-пьхин, 507, Футу еще прислал с Улубою письмо,[5] и при сем представил соболий мех. Сюань-ву не принял, а послал Футу, на основании прежнего условия, на запад воевать гаогюй-
223 цев. Футу был убит гаогюйским государем Миво||ту; сын его Чеуну возведен на престол под наименованием Дэуло-Фуба-Дэудай-хана, что на языке Дома Вэй значит: издавший постановления, т. е. *законодатель хан.*

XI. Дэуло-Фуба-Дэудай-хан Чеуну. Фуба-хан назвал свое правление Гянь-чан. В четвертое лето правления Юн-
510 пьхин, 510, в девятый месяц, Чеуну послал Двору с Шамынем [6] [Самань — буддийский священник] Хунсюанем идола, жемчугом обложенного. Во второе лето правления

---

[1] *Тхай-ань*, кит. слова: весьма спокойный.

[2] *Шы-пьхин* кит. слова: успокоившийся.

[3] Седьмой государь из Дома Юань Вэй.

[4] В сем месте под страною Гян-нань разумеется южный Китай.

[5] Грамота должна быть на китайском языке.

[6] Ла́му [Буддийский священник: в то время лам и ламаизма еще не было].

Янь-чан, 512, зимою, Сюань-ву отправил военачальника Ма И-шу посланником к Чеуну, но еще до выезда его преставился, и дело это оставлено. Чеуну был росл, крепок, искусен в войне. В четвертое лето, 514, Чеуну отправил с посланником Хугинь-Юйбигянем дань Двору. В первое лето правления Хи-пьхин, 516, на западе воевал гаогюйцев, и совершенно разбил их. Он взял в плен государя Мивоту, и убил его; а отложившихся всех покорил своей власти, и царство его сделалось сильным. Во второе лето, 517, еще отправил посланников Хугинь-Юйбигяня, Гэси-Улубу и Гунгули к Двору с данью. В первое лето правления Шень-гуй, 518, во вторый месяц, Мйн-ди, как по вступлении его в тронную Сянь-ян-дянь подвели к тронной Гулия и пр., всего 20 человек, указал сановнику Сюй Гэ прочитать им указ, в котором объявлен жужаньцам выговор за неточное исполнение обязанностей вассала.[1] Когда, по смерти Дэулуня, Нагай поставлен был государем, то Футу взял себе Дэулуневу жену Хэулюйлин,[2] и родил от нея Чэуну, Анахуаня и пр., всего шесть сыновей. Чэуну, по вступлении на престол, вдруг потерял малолетнего сына || по прозванию Цзухой и, несмотря на все розыскания, *224*
не мог найти его. Вызвалась одна Чабганца,[3] Фушенмуева жена, по имени Дэухунь Дивань, двадцати лет от роду. Она лечила и волхвовала, т. е. шаманила силою духов, и Чэуну всегда имел веру к ней: почему она часто ходила к нему и сказывала, что сын его теперь живет на небе, и она может призвать его. Чэуну с матерью обрадовались. По прошествии года, в 15-й день восьмой луны, поставили среди большого озера юрту; держали пред сим семидневный пост; во всю ночь молились духу Неба. Вдруг Цзухой очутился посреди юрты, и сказал, что он постоянно жил на небе. Чэуну с матерью в радости обняли его, сделали большой пир для вельмож; Диване дал титул святой жены [4] и принял ее к себе в ханьши; мужу ее Фушенму дал княжеское достоинство, и подарил ему 3 000 голов быков, лошадей и овец. Дивань, заняв почетное место, стала пригожее. Чеуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность. Таким образом прошло несколько

512 514 516 517 518

---

[1] Чеуну просил о заключении мира на основании равенства держав.

[2] Хэулюйлин есть прозвание.

[3] Полумонахиня и шаманка, на кит. *Ни*, монахиня. [Монгольское — Шабяганца, вероятно, этот термин введен самим Иакинфом].

[4] На кит. Шен-нюй, т. е. Хутуктиссы [Иакинф монгольский термин в женском роде ввел от себя].

лет. Когда Цзухой подрос, то мать спросила его о прошедшем. Цзухой сказал, что он всегда жил в доме Дивани, а на небе никогда не бывал; и сказать, что жил на небе, Дивань научила его. Мать все это пересказала Чэуну. Чэуну сказал ей: Дивань предвидит отдаленное; нельзя не верить ей; не слушай наветов. Но Дивань, из опасности, оговорила Цзухой пред Чэуну, и Чэуну тайно убил его.
520 В первое лето правления Чжень-гуань, 520, Гюйле,
225 по при||казанию Чэунуевой матери, удавил Дивань. Чэуну, рассердившись, хотел казнить Гюйле с прочими. В это время Афучжило напал на Чэуну, и разбил его. Когда Чэуну возвратился, то мать Хэулюйлин с вельможами предала его смерти, а государем поставила младшего Чэунуева брата Анахуаня.

XII. Чиляньту-Бинфа-хан Анахуань. По прошествии десяти дней от вступления Анахуаня на ханство один из дальних старших его родственников, по имени Силифа Шифа, напал на него с несколькими десятками тысяч войска. Анахуань был разбит, и с младшим братом своим Игюйфою налегке ускакал на юг к Двору Вэй. Вскоре за сим Шифа убил мать его Хэулюйлин и двух младших братьев; но Анахуань еще не знал об этом. В девятой луне пред приездом Анахуаня Мин-ди указал евнуху Лу Сидáо и телохранителю Мын Вэй встретить хана за городом; князю [1] Цзи на половине дороги, а евнухам Цуй Гуан и Юань Цуань угостить его в предместии, и потом привести к дворцу. В десятой луне Мин-ди вошел в тронную Сяньян-дянь. Чиновники от пятого класса и выше, родственники императорского Дома, посланники от пограничных вассалов выстроились пред тронной. Князья императорского Дома, и прочие, также Анахуань введены в зал заседания министров, и поставлены лицем к северу. Церемониймейстеры ввели князей в тронную, где Анахуань поставлен был ниже пограничных вассалов;[2] потом приведены чиновники, указом назначенные к представлению.
226 Младший || брат и два по отце младшие дяди Анахуаневы поставлены были ниже чиновников. Император послал с чиновником Цáо Дáо указ с вопросом о здоровьи.[3] Анахуань, встав на ноги, сказал:[4] государь по высокой милости повелел ввести в собрание в тронной моего млад-

[1] Цин-чжáо-ван.

[2] В *Ганму*: ниже высших князей императорского Дома, на кит. Цинь-ван-чжы-хя.

[3] Каждая речь императора называется указом; напр. если он желал чашку чаю, то передают слово его: указ! *Чашку чаю*

[4] Сие место по правилам кит. дипломации.

шего брата и дядей. Еще я имею старшего двоюродного брата, который по должности выше младших дядей; прошу повелеть и его ввести в тронную. Государь приказал ввести его в тронную и посадить пониже младшего Анахуанева брата, а выше обоих дядей. Пред окончанием стола Анахуань удержал вставших позади его. Указано чиновнику Чан Цзин спросить, что желает он сказать? Анахуань просил представить его пред лице императора. Указано подвести. Анахуань сделал двукратное поклонение, и потом с коленопреклонением сказал: «происхождение предков вассала принимает начало от Великого Дома Вэй». Указом сказано: я уже все знаю. Анахуань, встав на ноги, продолжал говорить: «предки вассала занимались скотоводством, и перекочевывали, смотря по траве; после переселились на северную сторону песчаной степи». Указом сказано: сановник не все сказал, может все представить. Анахуань, продолжая речь, говорил: «предки вассала прежде из рода в род жили на севере; и хотя отделялись горами и речными переправами: но по временам свидетельствовать преданность и уважение не могли единственно потому, что гаогюйцы взбунтовались. Вассал, по причине беспокойства в государстве, не имел досуга отправить послан||ника для засвидетельствования искренней пре- 227
данности. Только что на прошедших годах усмирили Гаогюй, и старший брат вассала сделался государем, то он отправил Гунгули посланником к Великому Дому Вэй с истинным желанием благоговейно исполнить долг пограничного вассала; и в то время, когда Цáо Даб-чжы назначен был посланником на север, вассал с государем старшим моим братом отправил пять вельмож, чтоб с поклонением принять государево повеление: но наше искреннее желание еще не достигло до государя, как гаогюйцы опять напали на нас. В орде были злонамеренные вельможи, которые произвели возмущение, убили старшего вассалова брата, а вассала объявили государем: но по прошествии десяти дней вассал, полагаясь на беспредельное милосердие государя, второпях налегке бежал из орды, и теперь прибег к подножию трона». Указом сказано: во всем, что представлено сановником, не видно довольной [достаточной] причины; не можно ли повторить? Анахуань принял указ с двукратным поклонением, и, встав, продолжал: «вассал, по трудным домашним обстоятельствам налегке приехал пасть пред вратами дворца; престарелая моя мать там осталась. Нас разделяет пространство десяти тысяч ли. Сановники собственного моего Двора уже все рассеялись. Высокие милости государя

превосходят небо и землю. Прошу войск для возвращения в собственное государство, чтоб истребить мятежников и собрать рассеявшихся. Да сжалится государь, и благоволит снабдить войском. Если престарелая мать находится в живых, и мы увидимся, то до смерти не забудем оказанного благодеяния. Вассал обязан с своими подданными
228 служить пред троном, и никогда || не прекратит представлять дань четырех годовых времен. Святый взгляд государя на затруднительное положение дает смелость пространнее изъясниться, но словесно не можно выразить всего, что надобно было бы сказать. Вассал потщится отдельно изложить это на письме, и представить на благоусмотрение государя. Удостой благосклонного внимания». Придворный чиновник Чан Цзин представил его объяснение государю. В непродолжительном времени государь облек Анахуаня в княжеское достоинство, [1] и признал жужаньским государем; пожаловал ему одеяние, царский венец, права на почести, должные вассалу. Как в орде не было постоянного государя, и Анахуань не переставал думать о возвращении, то Мин-ди в 12 луне указал составить совет. Члены совета были разных мнений: одни соглашались на возвращение, другие были противного мнения. В сие время военачальник Юань Ча сделан министром. Анахуань поднес ему 100 лан золота, и получил дозволение возвратиться на север. Во второе лето, 521, в первый месяц, Анахуань и пр., всего 54 человека,
521 просили прощального отпуска. Мин-ди вошел в западный зал, где представили ему Анахуаня, дядей его и братьев, всего пять человек. По всходе на крыльцо, они удостоены сидения. Государь послал придворного чиновника Му Би спросить о здоровьи. Анахуань и прочие с поклонением поблагодарили. Указано пожаловать Анахуаню одни блестящие латы на всадника и лошадь, шесть стальных лат на всадников и лошадей, два копья, обвитых шелком и серебряною проволокою, десять копьев под красным ла-
229 ком с || белыми шерстяными кистями, десять копьев под черным лаком с значками; два обитых шелком лука с стрелами, шесть луков под киноваренным лаком с стрелами, десять луков под черным лаком с стрелами, шесть щитов под красным лаком с саблями, шесть щитов под черным лаком с саблями, двадцать рогов и литавр под красным лаком; два штофных одеяла, 30 желтых тюфяков с тонкими покрывалами, шелками вышитый кафтан с шляпою, стеганый темнокрасный полукафтан, двадцать

[1] С титулом Шо-фан-гюнь-гун.

темнокрасных кафтанов с шляпами, тысяча кусков шелковых тканей, шелковые стеганые штаны с узкими отверстиями, темнокрасные стеганые штаны с широкими отверстиями,[1] восемнадцать больших юрт, шесть ставок желтой китайки, сто мешков свежего высушенного вареного риса, восемь мешков поджаренной пшеничной муки, пять мешков поджаренной муки из ядер лещинных орехов,[2] четыре котла медных и два чугунных — каждый в два ху,[3] четыре водоноса, каждый в пять гарнцев, двух невольниц, пятьсот степных лошадей, двести верблюдов, сто быков, пять тысяч баранов, десять блюд под киноварью, 20 000 мешков проса, что все предписано выдать в пограничной крепости.[4] Указано евнуху Цуй Гуан и телохранителю Юань Цуань угостить за городом и отпустить. После бегства Анахуанева Силифа Поломынь, старший его дядя по отце, пришел с несколькими десятками тысяч войска для усмирения мятежников. Шифа был разбит и бежал к Дидэуганю, который убил его, а Поломыня поставил госуда||рем под наименованием Миюй-кэшэгэу- *230*
хана, что на языке Дома Вэй значит: *спокойный хан.* В то время северный полководец [5] Ян Гюнь, начальствовавший в крепости Хуайшо-чжень, донес Двору следующее: «по дошедшим слухам там постановили государя. Это Анахуанев родственник, человек злой и зверонравный, который уже признан и утвердил высшие власти; и как он убил старшего брата, то едва ли согласится принять младшего. Если налегке пойти, то ни с чем возвратимся, а только унизим достоинство нашей державы. Без значительного усиления войск нет возможности препроводить его на север в орду». Во второй луне Мин-ди указал кого-либо из бывших посланников в жужаньской орде отправить для собрания сведений. Отправлен Цзюйжинь [6] переговорить с Поломынем о принятии Анахуаня в качестве вассала. Поломынь принял высокомерный вид, и, нимало не показывая уклончивости, укорил посланника в недостатке должного уважения. Цзюйжинь, держа бунчук, нимало не унизился. Поломынь назначил шесть высших сановников, Мохэкюй-фынь-Сыгиня, Кюшентэу и проч., следовать за посланником с двумя

---

[1] Шальвары [Шаровары].
[2] Мука мелется из ореховых ядер и пшеничных зерен поджаренных и употребляется в походах.
[3] Т. е. каждый вмещает два ху.
[4] За Ордосом к северу.
[5] Ань-бэй Гян-гюнь.
[6] Цзюйжинь есть имя; прозвание ему Тйеюнь.

тысячами войска для принятия Анахуаня. В пятой луне Цзюйжинь возвратился в крепость, и описал положение этого дела. Анахуань видел, что опасно отправиться, и просил у Двора дозволение возвратиться в столицу. Случилось, что и Поломынь, прогнанный гаогюйцами, с десятью аймаками пришел в Лян-чжéу с предложением
231 своего подданства. После || сего несколько десятков тысяч жуаньцев с общего согласия приняли Анахуаня Ки.[1] В седьмой луне Анахуань Ки представил, что «после подданства его жуаньцы первоначально избрали двух человек: Шехуня и Хэши; в 26-й день настоящего месяца они прибыли в крепость,[2] и сказывали, что государство пришло в большое волнение. Каждый род отдельно живет, и попеременно грабят друг друга. В настоящее время северные жители, подобно стоящему ивису, ждут подкрепления. Теперь, в надежде на прежнее благорасположение, вассал просит дать 10 000 отборного войска, которое бы препроводило его на северную сторону Великой песчаной степи для восстановления спокойствия в волнующемся народе; по получении ожидаемого вспоможения еще можно поправить дела». Указано передать на мнение государственного Совета. В восьмой луне указано придворному сановнику Ван Цзунь-йе наскоре ехать, чтоб объявить указ, успокоить Анахуаня и утешить его в присылке наград от Двора. В девятом месяце и последний жуаньский государь Синифа прибежал в крепость Хуай-шо-чжень. Это был старший брат Анахуанев, наименованный Гуйван. Он просил войска, и отпустить Анахуаня. В десятой луне двенадцать из первых государственных сановников представили императору следующее: «известно, что Дом Хэнь постановил Шаньюев северного и южного; Дом Цзинь назывался восточным и западным;[3] и все это
232 || было сделано для того, чтобы устранить трудные обстоятельства и оградить свое государство. Ныне мы рассмотрели настоящие дела. Как от крепости Хуай-шо-чжень на север земли хорошие, но нет гор; ключ Тужоси от Дуньхуан на севере и Си-хай-гюнь суть два укрепленные места династий Хань и Цзинь; там земли обширные,

---

[1] *Ки* есть имя Анахуанево.

[2] Хуай-шо-чжень.

[3] Династия Цзинь прекратилась в 316 году, когда Мынь-ди с потерею столицы Чань-ань лишился престола империи. В следующем году дальний его родственник вступил на престол в Гянин-фу под названием восточной династии Цзинь, а прежняя династия Цзинь названа западною. Пресечение Дома Цзинь в северном и продолжение его в южном Китае названо переименованием.

ровные, повсюду тучные, то полагаем Анахуаня поместить на западе при Тужоси, Поломыня в Си-хай-гюнь. Пусть каждый из них, владея своим аймаком, собирает отделившихся, соединяет рассеявшихся. Что касается до достоинств и вещественного вспоможения, это относится к милости; а места подчиненных чиновников оставить на основании прежних их обычаев.[1] Как местопребывание Анахуаня лежит вне пограничной черты, то, для утверждения порядка, надобно отправить несколько войска, напр. по двести человек от крепостей Во-йе, Хуай-шо и Ву-чуань. Теперь следует производить гарнизону содержание, и съестные запасы препровождать под прикрытием; впрочем, когда там построены будут здания, то работникам дозволить возвратиться. Пришедшим с Поломынем ныне помогают области и крепости. Дозволить им письменно просить о выдаче съестных запасов, а для получения являться в Хуай-шо. Анахуаню выдавать съестные припасы вместе с гарнизоном; а проживающим в столице ехать или остаться — отдать на волю. Анахуань кое-как обзаводится, а прежде никаких заготовлений не имел: почему полагаем выдать ему из Шо́-чжэ́у 2 000 ху сушеной кунжутной муки, и доставить с казенною почтою. 233
Поломынь будет жить при Сихай,[2] внутри пограничной черты, и ему ни содержание, ни охранение в той же мере не нужны. Анахуань должен вновь назначить пределы своему местопребыванию: почему по почте должно отправить туда чиновника с бунчуком, чтоб успокоить новых поселенцев, и произвести нужные распоряжения». Мин-ди одобрил их представление. В двенадцатой луне указал одному сановнику отправиться в Дунь-хуан для поселения Поломыня. Но Поломынь с своим аймаком вскоре замыслил отложиться и уйти к Иде. Три жены у Иды были родные сестры Поломыневы. Впрочем, Поломынь остановлен и взят областными войсками.[3] В третие лето, 522, в 522
двенадцатый месяц, Анахуань просил у императора проса для посева. Указано отпустить ему 10 000 мешков. В четвертое лето, 523, в Анахуаневом аймаке случился большой 523
голод; народ его вошел в пределы Китая, и произвел грабительства. Император указал сановнику[4] Юань-Фэ́у отправиться с бунчуком для успокоения. Как скоро Юань-Фэ́у

---

[1] Китайское правительство никогда не вмешивалось во внутреннее управление своих вассалов.

[2] Озеро Хухэнор.

[3] И препровожден в Ло-ян. *Ганму.*

[4] Шан-шу Цзо-чен, цзянь Хан-тхай Шан-шу.

явился к Анахуаню,[1] то последний задержал его, и взял с собою; отнял 2 000 мешков хлеба, пограбил на несколько сот тысяч казенного и частного имущества, почтовых лошадей, волов || и овец и пошел на север, а пред
234 Юань Фэу извинился, и обратно отпустил его. Указано военачальнику[2] Ли Чун выступить со 100 000 конницы для усмирения. Ли Чун прошел более 3 000 ли за границею, и доходил до Байкала, но не мог догнать и возвратился. Сынифа прибыл в Ло-ян, и был представлен императору
524 Мин-ди в Западном зале. В пятое лето, 524, Поломынь умер в подворье Ло-нань-гуань. Указано дать ему посмертные титулы.[3] В сем году Полухань Балин, житель крепости Во-йе, поднял бунт; прочие крепости одна за другою приняли сторону его. В первое лето правления Хяо-чан,
525 525, весною, Анахуань вызвался с своими войсками усмирить его. Указано послать грамоту. Цзюйжинь произвел награду разными вещами. Анахуань с поклонением принял указное повеление; собрал 100 000 войска, пошел от Вучуань на запад к Во-йе, немедля вступил в сражение и одержал победу. В четвертый месяц Мин-ди еще отправил придворного чиновника Пхын-Цзюнь раздать награды Анахуаню с прочими. Анахуанев аймак в мирное время исподволь умножился и людьми и лошадьми; почему Анахуань принял титул *Чилянь-ту Бинфа-хана*, что на языке династии Вэй значит: *остановляющий хан*.
532 В первое лето правления Тхай-чан, 532, в шестой луне, Анахуань отправил Угэулань-Шушенфу с прочими к Двору с данью, и при сем просил выдать царевну за стар-
533 шего его сына. Во второе лето правления Юн-хи, 533, Ву́-ди указом обещал выдать за него старшую дочь
235 князя Хой в качестве Лан-йе царевны:[4] но еще || до со-
534 вершения брака, 534, он уехал в Гуань, и завязалась вражда между восточным и западным Домом Вэй.[5]

[1] Юань Фэу держал значек с белым тигром. Свидание с Анахуанем имел между крепостями Хуай-шо-чжень и Хуай Хуан-чжень. Анахуань, задержав Юань Фе́у, обратился с войском на юг, ограбил проходимые им места и, по прибытии к городу Пьхин-чен, отпустил посланника, а сам пошел на север.

[2] Пьхиао-ки-да-гян-гюнь Шан-шу-лин, фельдмаршал и президент верховного совета, т. е. визирь.

[3] Чи-цзе, Чжень-си Гян-гюнь, Цинь-чже́у, Цы-шы, Гуан-мэ́у-гун.

[4] Фань-ян-ван.

[5] Хя́о Ву-ди, утесняемый своим визирем Га́о Хуань, в седьмой луне 534 года из Ло-ян бежал в Чан-ань под защиту полководца Юй-вынь Тхай. Га́о Хуань поставил нового государя из того же Дома, и таким образом Дом Юань-вэй разделился на два: восточный и западный. *Ганму*. 534.

Анахуань требовал брака; почему Вы́нь-ди западного Дома Вэй, 535, дочь сановника Юань И, служившую во дворце, выдал в качестве Хуа-чжен царевны за Анахуанева брата Таханя, а дочь Анахуаневу взял в супруги себе, и польстил ему золотом и шелковыми тканями. После сего Анахуань удержался.[1] Восточный Вэй отправил к нему Юань Чжен: но Анахуань не отвечал на грамоту. После сего с войском переправился через Желтую реку под предлогом для низведения императрицы. Вы́нь-ди принужден был удалить прежнюю императрицу, и она предала себя смерти.[2] В первое лето правления Юань-сян, 538, в пя||тый месяц, Анахуань ограбил Бы́нь-чжэ́у, Фань-ян; и на юг доходил до И-шуй; в девятой луне ограбил Сы-чжэ́у, Ю-жун и доходил до Сань-туй, еще убил Юань-чжен, и единственно помышлял о грабежах; почему Восточный Вэй заточил Анахуанева посланника Выньдубу с прочими. Как Анахуань был лют и коварен, то Шень-ву[3] хотел приласкать его, и обратно отпустил посланника его Маньюгюя, чтобы он сообщил известие о Выньдубе. Когда Анахуань убил Юань Чжен, то также говорил, что Выньдубы с прочими уже нет в живых; но когда увиделся с Маньюгюем, то ему несколько совестно было. Во второе лето правления Хин-хо, 540, весною опять отправил Маньюгюя с данью к Восточному Вэй; но еще не имел искреннего расположения. Анахуанева дочь югюлюйская, выданная за Вы́нь-ди, умерла от болезни. По сей причине Шень-ву отправил сановника Чжан Вэй-цуань посланником к Анахуаню, и препоручил в разговорах

535 538 *236* 540

---

[1] Т. е. остался на стороне западного Дома Вэй, и не производил набегов на его владения. Восточный Вэй в сем же году выдал за Анахуаня княжну из своего Дома в качестве Лань-лин царевны. Лань-лин есть название уезда. *Ганму.*

[2] Юй-вынь Тхай, стараясь приласкать Анахуаня, дочь придворного чиновника Юань И, с названием Хуа-чжен царевны, выдал за Анахуанева младшего брата; а императору предложил императрицу Ифо послать в монастырь, на ее же место в императрицы принять дочь Анахуаневу. Хотя Вынь-хэ́у Ифо, поступив в монахини, жила в загородном дворце, но императрица Да́о-хэ́у еще ревновала, и Анахуань со всеми своими силами произвел нашествие. Вынь-ди принужден был предоставить императрице Вынь-хэ́у самой себя предать смерти. Хан дошел только до Хячжеу, и возвратился. Вскоре и Да́о-хэ́у скончалась от болезни. *Ифо* есть прозвание императрицы, *Вынь-хэ́у* есть ея посмертное имя китайское; *Да́о-хэ́у* есть посмертное китайское имя императрицы югюлюйской [т. е. жужаньской]. Анахуань в *Ганму* назван *Тубин-ханом. Ганму.*

[3] *Шень-ву* есть княжеский почетный титул полководца Га́о-хуань; *Чжэ́у-вынь* есть княжеский же почетный титул полководца Юй-вынь-тхай.

между прочим сказать, что «Вынь-ди и Чжéу-вынь [Юй-вынь Тхай] погубили государя Хя́о-вý [-ди], убили дочь Анахуаневу и, ложно назвав дальную свойственницу царевною, выдали в замужество под именем родственницы. Сверх сего, когда Анахуань переправился через Желтую реку, чтобы воевать на западе, то Чжеу-вынь выжег травы, чтоб на голодных лошадях не можно было простираться далее на юг». Таковы были ухищренные и даже невероятные внушения, повторяемые с переменами! Еще рассуждая, что восточный Вэй царствует по прямой нис-
237 ходящей линии, || говорил, что сей Дом недавно погиб было, и престол перешел бы к западному Дому Вэй: но, к счастию, сохранил свое царство, показав великую справедливость. Как скоро Чжан Вэ́й-цуань подробно передал мысли Шень-ву [полководец Гао-хуань], то Анахуань призвал своих вельмож на совет, в котором положено признать законным Восточный Дом Вэй. Он отправил Сылимохэ-моянь-юдали и пр. для представления дани Двору, и при сем случае просил выдать царевну за сына его Яньлоченя. Цзин-ди[1] указал придворных чиновников отправить посланниками к Анахуаню. В восьмый месяц Анахуань отправил посланника с данью к Двору, и при сем случае опять просил Шень-ву [Гао-хуань] о браке. Министерство представило для привлечения иностранцев из четырех стран, удовлетворить его прошению. Указано младшую сестру князя [2] Чжо выдать за него в качестве Лэ-ань царевны с переименованием Ланьлин-гюнь-чжан царевны. В двенадцатый месяц Анахуань отправил того же посланника к восточному Дому Вэй
541 просить о браке. В третие лето, 541, в четвертый месяц, Анахуань отправил посланников с 1 000 голов лошадей для сговорных даров, и при сем просил отпустить царевну. Указано препроводить царевну из Цзинь-ян на север с великим множеством приданых вещей. Шень-ву сам пересматривал, чтобы всего было довольно. Анахуань отправил высших сановников встретить царевну по южную сторону новой стены. В шестой луне Шень-ву, полагая, что Анахуань с трудом может верить, и сверх сего занят важными государственными делами, лично провожал
238 царевну за Лэуфань на север, и весьма благо||склонно обошелся с посланниками его. Анахуань был крайне доволен. После сего сряду четыре года представлял дань восточному Дому Вэй. Анахуань просил, чтобы внуку

[1] Цзин-ди, последний государь из восточного Дома Вэй.
[2] Чан-шань-ван.

его взяли за князя [1] Чжень-цзин, девятого сына Шень-ву, под названием Линь-хо царевны. Император указал заключить сей брак, и Анахуань отправил своих сановников препроводить внуку в Цзинь-ян. В четвертое лето правления Ву́-дин, 546, Анахуань, слыша, что Шень-ву **546** из Дома Ци день-ото-дня становился известнее своими делами, хотел выдать за него любимейшую свою дочь с названием царевны. Цзин-ди услышал это и указал Шень-ву принять ее. Анахуань отправил своих сановников проводить дочь в Цзинь-ян. С сего времени на границе восточного Вэй не было беспокойств, и посольства с данью даже до конца правления Ву-дин, до 549, одно за другим следовали. **549** Анахуань, по возвращении в свои владения, вначале оказывал Двору высокое уважение. С кончиною Мйн-ди, с 529 года, в Чжун-юань [т. е. в Китае] возникли бедственные неустройства, и уже не могли заниматься иностранными делами. Анахуань единовластвовал на севере и чрез меру усилился. Он начал высокомерно поступать и нарочито уменьшать должное уважение. Отправляя посланников с данью к Двору, он не подписывался вассалом. Со времени правления Тьхянь-пьхин, с 534 года, начал действовать выше своей власти. Китаец Шунь-юй Тхань, управлявший письменными делами при хане, наиболее руководствовал его к непокорности.[2] В обрядах при приеме государственных грамот удерживал равенство; и когда Дом Ци [3] принял престол || от восточного Дома Вэй, то обыкновенные сно- *239* шения чрез посольства не прерывались. В третие лето правления Тьхян-бáо, 552, Анахуань был разбит тукюесца- **552** ми, и сам предал себя смерти. Наследник его Яньлочень, Анахуанев двоюродный брат Дынчжу Сыли и сын его Куди, собрав свой народ, бежали во владения Дома Ци. Оставшийся народ поставил государем второго Дынчжуева сына Тйефу. В четвертое лето, 553, Вынь-сюань, государь **553** из Дома Ци, препроводил Дынчжу и сына его Куди на север. Вскоре после сего Тйефа убит киданьцами. Вельможи поставили Дынчжу своим государем, но сей был

---

[1] Чан-гуан-гун.

[2] Т. е. не унижаться в сношениях с китайскими Дворами.

[3] В самом начале 550 года в восточном Доме Вэй Гáо Ян, сын покойного визиря Гао Юань, объявил себя полновластным правителем всех дел в государстве, а чрез полгода Цзин-ди передал ему престол. В начале 557 года в западном Доме Вэй Юйвынь Го, сын визиря Юй-вынь Тхай, принял престол от своего малолетнего государя. Сим образом первый основал северную династию Ци, а последний северную династию Чжéу. Столица первой была в городе Йе; столица второй в Си-ань-фу.

убит старейшиною Афути с прочими. Вельможи опять постановили государем Куди. В сем году тукюесцы опять произвели нападение на жужань, и Куди со всем своим народом бежал во владения Дома Ци. Вынь-сюань пошел на север против тукюесцев и принял жужаньцев; низвел их государя Куди, а государем поставил Яньлоченя, сына Анахуанева; поместил его при Ма-и-чуань, снабдил съестными припасами и шелковыми тканями и лично преследовал тукюесцев до Шо-фан. После сего жужаньцы не
554 прекращали представления дани. Но в пятое лето, 554, в третьей луне, Яньлочень отложился. Вынь-сюань
240 лично выступил против него, и || совершенно разбил его. Яньлочень с сыном бежал на север: но в четвертой луне он произвел набег на Сы-чжéу. Император выступил против него из Цзинь-ян и дошел до Хуан-гуа-дуй в Хын-чжéу; и когда неприятели рассеялись, то и войско возвратилось. В сие время жужаньцы несколько раз были разбиты ту-
455 кюесцами; почему во второе лето Гун-ди, 555, из западного Дома Вэй в числе тысячи семейств бежали в Гуань-чжун. Тукюесцы, при силе своих войск и дружбе с западным Домом Вэй, опасались, чтобы остатки жужаньцев, при помощи великой державы, опять не соединились, просили — в удовольствие им — казнить до единого жужаньца. Вынь-ди из Дома Чжéу [надо: западный Дом Вэй] согласился; почему связали жужаньцев более 3 000 человек и передали тукюескому посланнику, который за воротами Цин-мынь [1] отрубил им головы.[2] Несовершеннолетние мужчины и следовавшие за князьями, т. е. служители, пощажены.

[I] **Прибавление о поколении Юй-вынь.** Юй-вынь [3] Мохуай из хуннов вышел из-за укрепленной линии в Ляо-дун. Его предки принадлежали к дальним родственникам южного Шаньюя. Они из рода в род были старейшинами в восточном аймаке.[4] Язык их нарочито разнился от сяньбийского. Мужчины стригли волосы и оставляли только на макушке вместо головного убора. Если выраста-

---

[1] Восточные ворота столицы Чан-ань, а ныне Си-ань-фу.

[2] Здесь совершенно пресекся Дом Жужань, иначе Жуань-жуань.

[3] *Юй-вынь* есть монгольское слово *Юйвынь*, но пишется раздельно, потому что китайцы в свое время усвоили сие прозвание себе [т. е. употребляли это двойное имя (знак) в качестве фамилии]. Владения Дома Юй-вынь были не обширны; он занимал только северо-восточные пределы нынешнего карциньского аймака.

[4] Южных хуннов.

ли на несколько дюймов, то снова || остригали. Женщины одевались в платье длиною до пят, а короткого не имели. Осенью собирали головы черных птиц, ву, чтоб составлять яд для охотничьих стрел. Мохуай бесчеловечно поступал с своими людьми; почему они убили его, а старейшиною поставили младшего его брата *Пубо*; по смерти Пубо поставлен сын его *Кюбулэ*, который был женат на дочери императора Пьхин-вы́нь-ди. По смерти Кюбулэ сын его Мохой поставлен старейшиною. Подлинное его имя было Фаньдаоухой. Мохой послал младшего своего брата Гюйюня на Муюна-хой, но Муюн-хой разбил его. Еще из другого поколения послан был Соянь напасть на Муюна-хой в городке Цзи-чен, но Муюн-хой разбил и Сояня, в 302 году. В сие время Мохоев аймак считался сильным, 302
и Мохой сам себя объявил Шаньюем. Заграничные поколения боялись его. По смерти Мохоя, сын его *Сунниянь* [1] поставлен. Он с своим войском пошел на Муюна-хой в Цзи-чен. Муюн-хань, сын Муюна-хой, прежде с своим отрядом стоял за городом. Сунниянь сказал своим офицерам: Хань известен своею отважностью и храбростью: он будет опасен для нас; надобно прежде взять его, а город не стоит заботы. И так он отделил несколько тысяч конницы для внезапного нападения на Ханя. Между тем Хань, услышав это, научил человека, чтоб он, ложно назвавшись посланным от Дуань-Мобо, явился к Сунниянюи сказал ему: «Хань несколько раз озабочивал меня, и я давно помышляю уничтожить его. Я получил известие, что ты идешь оружием усмирить его; я очень радуюсь. Надобно двумя дорогами рано вы||ступить на Ханя, 242
поставить засаду и ожидать». Сунниянь поверил сему, и без предосторожности прямо пошел. Когда дошел до засады, то Хань взял его в плен,[2] и наскоре известил Муюна-хой. И так Хань, пользуясь победою, пошел вперед и к заре прибыл на место. Муюн-хой со всею стремительностью соответствовал ему. Сунниянь немедленно вступил в сражение с ними, и только что завязалось дело в авангарде, как Хань уже вошел в его лагерь и зажег его. Войско совершенно рассеялось. Сунниянь один обратно ускакал, а войско его все взято в плен.[3] Сунниянь и сын его от Песчаной степи на север считались воинами. Прежде он нашел императорскую печать с тремя шнурами, и, сказывая, что это Небом ему указано, всегда превозносился;

[1] В *Ганму* Сунниянь назван *Сидугуань*. 319.
[2] Не лично, а отряд его.
[3] Сия война в *Ганму* описана под 319 г.

а ныне, как был разбит, с униженными выражениями и множеством вещей отправил посланника к Чжао-ди с данью. Император похвалил его, и выдал за него дочь свою. По смерти Суннияня поставлен сын его *Кидэгуй*, который опять с оружием пошел на Муюна-хой, но Муюн-хой
319 остановил его. В третие лето императора Хой-ди, 319, Кидэгуй остановился в окопе при реке Жао-шуй, укрепился валом и не вступал в сражение, а отправил старшего своего брата Сибадуя напасть на Муюна-жень, сына Муюна-хой, в сосновом бору. Жень принял сражение, и убил Сибадуя. Муюн-хой еще напал на Кидэгуя, и одержал победу. Кидэгуй один в ночи ускакал, а войско его все взято в плен. Муюн-хой, пользуясь победою, быстро пошел впе-
243 ред, вступил в || его резиденцию, получил множество запасов и имущества, взял несколько десятков тысяч семейств, и пошел в обратный путь. Прежде сего вышла из моря большая черепаха, и высохла в Пьхин-кхо.[1] Ныне, как Кидэгуй был разбит, из другого поколения *Идэгуй* убил Кидэгуя и объявил себя владетелем. Он вел войну с Муюном Хуан и отправил против него своего министра Мохуня: но Мохунь, предавшись пьянству и звериной ловле, был разбит Муюном Хуан, и потерял до 10 000 человек
333 убитыми. В восьмое лето правления Хянь-го, 333, Муюн Хуан пошел войною на Идэгуя; Идэгуй сам выступил против него, но был разбит, и лишился храброго предводителя Шеиганя. Идэгуй далеко ушел за Песчаную степь на север, и потом бежал в Гаоли. Муюн Хуан более 5 000 юрт из его поколения перевел в Чан-ли. С сего времени владение Дома Юй-вынь уничтожено.

[**II Прибавление о поколении**] **Дуань.** Тухэский Дуань *Цзюлугюань*[2] вышел из Ляо-си. Предок его *Жилугюань* за возмущение продан в невольники в Юй-ян в дом Кужугуаня. Кужугуань просил старейшин собраться в Ю-чжэу. Собравшиеся все имели при себе плевальницы;[3] только у Кужугуаня не было ее; почему он плюнул в рот Жилугюаню. Жилугюань проглотил плевок, и, обратясь к западу, сделал поклонение, и сказал: благодарю, что разум и счастие господина моего проникли в мое чрево. После сего в Юй-ян случился большой голод. Кужугуань поручил Жилугюаню вести людей в Ляо-си для снискания
244 пропитания и там собирать бег||лых и изменников. Сим

---

[1] Непопятная вставка.

[2] В *Ганму Дуань* прозвание, *Цзюлугюань* имя; по происхождению был *сяньбиец*. См. 311 год.

[3] В Китае столовые плевальницы и ныне в общем употреблении.

образом Жилугюань сделался сильным.[1] По смерти Жилугюаня поставлен младший его брат Кичжень; по смерти Кичженя поставлен сын его Умучень. Это был отец Цзюлугюанев. Заняв страну Ляо-си и признав себя вассалом Дома Цзинь, он имел под собою до 30 000 семейств, от 40 до 50 000 конницы. В царствование Мо-ди,[2] Ван Сюнь, начальник области Ю-чжэ́у, очень расположен был к Дуаньским за многие услуги их, и представил Двору, чтобы дать Умученю княжеское достоинство *Ляо-си-гун*, с присовокуплением печати великого Шаньюя. В 302 году, Умучень, по предложению Ван Сюнь, ходил с 10 000 конницы на Ши-лэ в Чан-шань, и совершенно разбил его под Фынлун-шань. По смерти Умученя поставлен Цзюлугюань. Цзюлугюань с младшим братом своим Пиди и двоюродным братом Мобо[3] с 50 000 конницы окружили Ши-лэ в Сян-го; в 312 году Ши-лэ, обозревая окрестности с городской стены, увидел, что предводители и ратники в неприятельском стане, сложив оружие с себя, спали без всякой предосторожности; почему Ши-лэ, пользуясь их беспечностью, выбрал храбрых и сильных ратников, вышел из города сквозь пробитое в стене отверстие, || и, устремившись на Мобо, взял его в плен. Он посадил Мобо на диван, пил, ел с ним и до крайности веселился; потом условился считаться с ним как отцу с сыном, заключил клятву и отпустил его. Как скоро Мобо освободился, то Цзюлугюань пошел с войском обратно и более не думал об отмщении. Ван Сюнь возвратился в Ляо-си. Мобо очень был признателен за то, что Ши-лэ не погубил его. По смерти Цзюлугюаня[4] сын его остался малолетен. Пиди с Лю-Кюневым [надо: Лю Кхуневым. См. выше, стр. 190—192 первоиздания] преемником Лю-Кюнем отправился на похороны; но Пиди скрытно поворотил, чтобы, убив дядю своего Юйлиня и Мобо, овладеть княжеством их. Мобо узнал об этом, и отправил войско против Пиди. Лю-Кюнь попался

302 312 245

[1] *Дом Дуань* возник в самое смутное время в Китае, и потому весьма скоро усилился. Он имел под собою южную половину карциньского аймака и древнюю область Шан-гу, заключавшую в себе нынешние в губернии Чжи́-ли области Шунь-тьхян-фу и Сюань-хуа-фу.

[2] Мо-ди [Муди из династии восточной Цзинь] царствовал в продолжение 345—361 годов.

[3] Четверо было знаменитых из Дома Дуань в одно время: *Дуань Цзюлугюань*, *Дуань Пиди*, *Дуань Выньян* и *Дуань Мобо*, по *Ганму—Дуан Мобэй*. Дом Цзинь при их помощи силился восстановить спокойствие в северном Китае, потрясенное южными хуннами. *Ганму*. 318 и сл.

[4] Цзюлугюань умер в начале 318 года. *Ганму*.

в плен ему, а Пиди ушел и возвратился в Ги;[1] но, опасаясь, чтобы Лю-Кюнь не поймал его самого, позвал его к себе на пир, и отравил. Пиди, как скоро убил Лю-Кюня, начал войну с Юйлинем и Мобо. Аймак разделился, и Пиди, желая соединить народ, перешел в Шан-гу, где занял крепкое место Гюнь-ду, чтоб противостать Мобо. Пьхин-вы́ньди, получив известие об этом, скрытно собрал отборную конницу, чтоб напасть на Пиди. Пиди от страха бежал на юг, в Лэ-лин. После сего Ши Ги-лун, посланный полководцем Ши-лэ, разбил Дуань-Выньяна в Лэ-лин и взял его в плен: почему Пиди с своими людьми и укреплениями покорился Ши-лэ; а *Мобо* объявил себя губернатором в области Ю-чжэ́у, и расположился в Ляо-си.[2] По смерти
246 ‖ Мобо вельможи поставили государем *Хуля́о*, младшего брата Жилугюанева. В царствование Лйе-ди даны Хуля́о и брату его Юйланю разные китайские титулы.[3] В первое лето правления Гянь-го [Цзяньго 338—376 государства Дай],
338 338, Ши Ги-лун пошел на Хуля́о в Ляо-си. Хуля́о бежал к горам Пьхин-ган-шань, потом поддался Муюну-хуан. Муюн-хуан убил его. *Юйлань* бежал к Ши Ги-лун, и привел с собою 5 000 сяньбийцев, с которыми поставлен в Хэ-чжы. По смерти Юйланя сын его *Кхань* заступил его место; во время смятений, произведенных князем Жань Минь[4] [вариант Жи Минь], Кхань с своим народом переселился на юг, и после сего овладел страною Ци. Муюн-цзюнь послал младшего своего брата Сюань-гунь на Кханя в Гуан-гу. Сюань-гун взял его в плен и препроводил в Ги, где Муюн-цзюнь вытравил ему глаза и убил, и сверх того, смерти предал более 3 000 спутников его.

Статьи Юйвынь и Дуань заимствованы из Ганму.

---

[1] Близ Пекина.

[2] По смерти Цзюлугюаня, за малолетством сына его, дядя Шефу-чень поставлен. Мобо убил его в неожиданном нападении и сам объявил себя Шаньюем. *Ганму*. 318.

[3] Первому: Пьяхиа́о-ки Гян-гюнь, правителя в Ю-чжэ́у, великого Шаньюя и Бэй-пьхин-гун; второму: Фу-гюнь Гян-гюнь, правителя в Ги-чжэ́у, Бо-хай-гун.

[4] Последний император из южных хуннов [из дома Ши 149—150].

ДЕЛЕНИЕ V

ХОЙХУ
[Гаогюй]

[*Вэйшу, гл. 103*]

Хойху есть народное название поколения, известного прежде под названием Дили, а потом Гаогюй. Слово *Хойху* на монгольском языке выговаривается по произношению южных монголов *Хойхор*, а по произношению северных *Ойхор*. Тюркистанцы правильно пишут это слово; но как буква их *вав* произносится, как *о* и *у*, то слово *Ойхор*, по свойству их языка, изменилось в *Уйгур*. 247

Название Дома Ойхоров [Хойху] поздно вошло в историю. Оно показалось уже по переходе их через Великую песчаную степь на север: но нет сомнения в том, что сей Дом задолго до появления его имени в истории существовал в составе союзных с ним поколений, и действовал, как член союза, под общим народным названием тйелевцев, или гаогюйцев. Китайская история говорит, что Дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнения и в том, что основатель Дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннуского хана, выданной за владетельного князя, принадлежавшего к союзу дилиских поколений, а это обстоятельство должно отнести к началу II века пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию. В период, названный в китайской истории *Чжань-го* [480—221 гг. до н. э.], северные пределы нынешних китайских губерний Ша́нь-си и Га́нь-су еще не принадлежали Китаю, а заняты были разными кочевыми народами. В то время монгольское поколение *Чи-ди* занимало в губ. Га́нь-су и Ша́нь-си земли и области Цин-ян-фу и округа

Суй-дэ-чжéу. Чи-ди на китайском языке значит: *красные северные кочевые*. В продолжение великих перемен, последовавших в Китае в последней половине III века пред Р. Х., Красные кочевые вытеснены были в степь, где они уже под народным названием *Дили* заняли пространство от Ордоса к западу, и говорили хуннуским, т. е. общим монгольским языком с небольшим изменением в наречиях. В 338-м году по
248 Р. Х. они || поддались Дому Тоба: но в самом конце IV века ушли на северную сторону песчаной степи, и там вместо прежнего названия Дили приняли название *Гао-гюй*. Сии слова по простонародному выговору произносятся *Гао-че* и суть китайские; в переводе *высокая телега*. По истории династии Тхан дилисцы обыкновенно употребляли арбы, или одноколки на высоких колесах, от чего при династии Юань-вэй называемы были Гао-гюй. Очень вероятно, что Гао-гюй есть народное название, данное дилисцам от северных китайцев; потому что сие название встречается только в истории северных Дворов: но в сей же истории иногда вместо Гао-гюй употребляется народное же название *Чилэ*, историками южного Китая ошибочно превращенное в *Тьхйе-лэ*, у нас Тйелэ. Хойху [ойхоры или уйгуры] уже по переходе на северную сторону Великой песчаной степи разделились на пятнадцать владетельных Домов, от одного корня происшедших. Они заняли длинную полосу земли от Аргуни на запад до Тарбагатайского хребта.

Гаогюйцы суть потомки древнего поколения *Чи-ди*.[1] Вначале они прозывались *Дили*; уже на севере прозваны гаогюйскими динлинами. Язык их сходен с хуннуским, но есть небольшая разница. Некоторые говорят, что предки гаогюйского Дома происходят от внука по дочери из Дома Хунну. Рассказывают, что у хуннуского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем,
249 и, по||местив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их. По прошествии трех лет мать пожелала взять их. Шаньюй сказал: не возможно: еще не пришло время. Чрез год после сего один старый волк стал денно и ночно

[1] См. в *Ганму* 191 год. *Чи-ди* суть кит. слова; значит Красные монголы [северные кочевые]. В период весны и осени они занимали земли в губер. Сань-си в области Лу-ань-фу.

стеречь терем, производя вой: почему вырыл себе нору под теремом, и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование. Она только что хотела сойти к нему, как старшая ее сестра в чрезвычайном испуге сказала: это животное: не посрамляй родителей. Меньшая сестра не послушала ее, сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение, или воют подобно волкам.[1] У них не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину. По природе грубы и свирепы. Родственники живут в согласии. Когда в набеге встретятся опасности, то единодушно помогают друг другу. В сражениях не строятся в ряды; отделившеюся головою [2] производят натиск; вдруг выступают, вдруг отступают; постоянно сражаться не могут. При браках за высокую честь считают быков и лошадей употреблять для сговорных даров. Давши слово, тотчас утверждают брак. Жениховы родственники отаборивают [оцепляют] лошадей телегами, и предоставляют каждому родственнику невесты выбирать любую лошадь и, искусно оседлав, выехать на ней из || табора. Хозяева лошадей стоят вне табора; и, *250* бьючи в ладоши, пугают лошадей. Усидевший на лошади оставляет ее у себя; а упавший с лошади выбирает другую. Когда все получат, обряд оканчивается. Хлеба не имеют, вина не делают. В день свадьбы жених и невеста подают кобылий кумыс и горячее мясо, на части разрезанное. Хозяин угощает гостей. Порядка в местах не наблюдают; садятся толпами пред юртою на траве, пьют и едят целый день; остаются еще и на ночь.[3] На другой день, как невесте ехать к своему отцу, родственники жениховы еще пригоняют в ее дом табун лошадей и [4] выбирают лучших из них. Родителям и братьям ее хотя и жаль, но ни слова не говорят. Очень не любят жениться на вдовах, и сожалеют о них. На домашнем скоте вообще кладут метки [тавро, тамга]; и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его. В домашнем быту не опрятны. Любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик, и

---

[1] Монголы и ныне поют песни протяжно и жалобным голосом, точно как воют.

[2] Т. е. острым клином.

[3] Монголы и ныне таким же образом пируют.

[4] Родственники.

стреляют в небо; потом оставляют это место, и расходятся. В следующем году, осенью, как лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара; зарывают барана, и зажигают светоч с ножом; шаманка читает молитвы, подобно как в Срединном государстве при удалении несчастия. Толпы мужчин на верховых лошадях делают множество кругов около этого места; потом мужчина берет пук ивовых или осокоревых ветвей, ставит комлем вверх и обливает кумысом. Женщина, обернув бараньи кости в кожу, ставит на голову себе, а волосы вкруг завивает в
251 локоны и спускает, что || представляет вид диадимы. Мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп на середине, с натянутым луком в руках, опоясанный мечом, с копьем под мышкою, как будто живой; но могилу не засыпают. Если кто умрет от громового удара или от повальной болезни, то молятся о счастии. Если все кончится благополучно, то для принесения благодарности духам заколают множество разного скота, и сожигают кости его; потом объезжают это место на лошадях; иногда скачут до несколько сот кругов. На это собрание сходятся и мужчины и женщины без разбора возраста. Те, у которых дома все благополучно, поют песни, пляшут, играют на музыкальных орудиях; а семейства, у которых смерть похитила кого-либо, от горести плачут, проливая слезы. Они переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Одеваются кожами, питаются мясом. Рогатый и прочий домашний скот одинаков с жужаньским; *только телеги у них на высоких колесах со множеством спиц*. Предки гаогюйцев составляли двенадцать родов,[1] как-то: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далянь, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупэй. В прежнее время поколение Фуфуло покорено было жужаньцами. При Дэулуне жужаньцы пришли в несогласие, и царствовавшее поколение рассеялось. Фуфулоский Афучжило с двоюродным своим братом Цюнки управлял войском, а гаогюйский народ простирался выше 100 000 юрт. В одиннадцатое лето правления Тхай-хо, 487 [477—499], Дэулунь [2] [т. е. Фугу-
487 дунь-хань Дэулунь] пред||принял напасть на пределы
252 Китая. Афучжило убедительно отсоветывал, но Дэулунь не послушал. Афучжило, рассердившись, ушел с своим

[1] На кит. *прозваний*. В Китае каждое прозвание составляет весьма длинное поколение с многочисленными отраслями по одной мужеской линии.

[2] В *Ганму* он назван Фудугуань. 487.

народом на запад и отложился от него.[1] По прибытии от переднего поколения на северо-запад объявил себя независимым государем. Вельможи дали ему наименование Хэулэу-фулэ, что на языке Дома Вэй значит: *Великий сын Неба*.[2] Цюнки получил наименование Хэупэй, что на языке Дома Вэй значит: *наследный государь*. Сии два человека жили в большом согласии, они разделили аймак, и каждый управлял своею половиною. Афучжило жил на северной, а Цюнки на южной стороне. Дэулунь пришел с войском для усмирения; Афучжило разбил его; почему Дэулунь с своим войском обратно ушел на восток. В четвертоенадесять лето, 490, Афучжило отправил Шанхуюечже в столицу для представления двух стрел в дань и препоручил ему донести: «Жужань есть злонамеренный вассал Сына Неба; я отсоветывал, но он не послушал меня; и потому я, отложившись, пришел сюда, и сам объявил себя владетелем. Я должен в удовольствие Сыну Неба оружием уничтожить Жужань». Сяо-вынь-ди [династии Юань Вэй] не поверил ему, и отправил посланника Юйди высмотреть положение дел. Афучжило и Цюнки отправили с Юйди своего посланника Богая, и с ним представили Двору дань из местных произведений. Указано еще отправить с Юйди к гаогюйцам придворного сановника [3] Кэцзухунь Чаншено и снабдить каждого одним вышитым верхним одеянием на подкладке и сотнею кусков разных шелковых тканей. Впоследствии иданьцы [эфталиты] убили Цюнки, и в плен взяли сыновей и внуков его, как то: Мивоту и проч. Народ его рассеялся: иные поддались Дому Вэй, другие отдались жужаньцам. Указано отправить полководца [4] Мын Вэй принять покорившихся и поселить их при крепости Гао-пьхин-чжень. После Афучжило был государем Балиян. По прошествии года Идань объявил войну гаогюйцам, чтобы они приняли Мивоту. Балиян был убит, и Мивоту сделался государем. Мивоту, как скоро вступил на престол, отправил посланника к Двору с данью; потом еще отправил в дар плитку золота, плитку серебра, два посоха золотых, семь лошадей и десять верблюдов. Указано посланнику Муюну-юань отвезти к Мивоту 60 кусков разных шелковых тканей. Сюань-ву в указе сказал: «Заняв страну за отдаленными песками, ты

490

253

[1] Это есть переселение ойхоров [Хойху] с вершин Селенги на запад к Иртышу. См. ист[орик] Абюль-кази-хана. Ч. II, гл. 7, стр. 122 и сл.

[2] Великий император.

[3] Юань-вай Сань-ки Ши-лан.

[4] Сюань-вэй Гян-юнь Юй-линь-гянь.

вполне обнаружил преданность: видя твое усердие к престолу, сим объявляю царское мое благоволение. Жужаньцы, иданьцы и тогонцы имели сообщение между собою только по дороге через Гао-чан, единственную точку их соединения. Ныне Гао-чан покорился, и отправлен посланник для принятия. Проход жужаньцам пресечен, и неприязненные сношения не могут быть производимы. Рассеянные небольшие толпы иногда делают нападения, и задерживают царских гонцов. Это преступление вне прощения». Вскоре после сего Мивоту дал сражение с жужаньским государем Футу [1] по северную сторону озера Пхулэй-хай и, быв разбит, бежал более 300 ли на запад. Футу
254 расположился в Иву на северных || горах. Пред сим Кюй Гя, владетель в Гао-чан, докладом просил северный Двор переселить его в пределы Китая. Сюань-ву отправил Мын Вэй принять его и привести в Иву. Жужаньцы, увидя войска полководца Мын Вэй, пришли в страх и отступили. Мивоту, получив известие, что они от испуга бегут, догнал их и совершенно разбил, убил Футу, по северную сторону озера Пху-лэй-хай, отрезал волосы у него и отправил к Мын Вэй; еще отправил Двору с посланником пять превосходных лошадей, золото, серебро, соболей и разные местные произведения. Указано с ответом отправить князя[2] Юй-лян и в соответствие пожаловать ему: полный набор музыкальных орудий, 80 музыкантов, десять кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей. Мивоту отправил к Двору посланника [3] с данью из местных произведений. В начале царствования Мин-ди, 516, Мивоту дал сражение с жужаньским государем Чэуну,[4] и попался в плен. Чэуну привязал его обеими ногами к спине клячи и убил тряскою; покрыл головной его череп лаком, и употреблял вместо сосуда для питья. Народ Мивотуева аймака ушел к Иданю. По прошествии нескольких лет, Идань получил известие, что Ифу, младший брат Мивотуев, возвратился в свою орду. Как скоро Ифу возвратился в свою орду, то отправил к Двору посланника с поздравительным листом. Указано отправить посланника Гугяя с прочими признать *Ифу* гаогюйским государем.[5]

---

[1] В *Ганму*: *Тахань-хан*. 508.

[2] Дун-чен-чжы.

[3] *Мохэкюй Фыньвуинь Чихэчжень*. Это набор китайских звуков, составляющих монгольские слова; но точное разделение слов неизвестно.

[4] В *Ганму*: *Фуба-хан*.

[5] С титулами: Чжень-си Гян-гюнь, Си-хай-гюнь, Кхай-гогун, Гао-гюй-ван.

Ифу снова || совершенно разбил жужаньцев,[1] и жу- *255*
жаньский государь Поломынь бежал в Лян-чжеу.[2]
В правление Чжен-гуань, 522, Ифу отправил к Двору по- 522
сланника с данью, и при сем случае просил дать ему коля-
сочку, покрытую киноваренным лаком, шлею с двойным
покрывалом и тюфяком, один зонт и один веер, темных
паросолей [зонтик от солнца] с искривленным древком,
пять вееров под красным лаком, литавру и трубу или
рог.[3] Указано дать. Ифу дал сражение с жужаньцами, и
возвратился разбитым; почему младший его брат *Юегюй*
убил его и сам вступил на престол. В правление Тьхянь-
пьхин, 534—537, сам Юегюй был разбит жужаньцами, 534—537
а *Биди*, сын Ифуев, убил Юегюя, и сам вступил на престол.
В правление Хин-хо, 540 [539—542], Биди был разбит 540
жужаньцами. Кюйбинь, сын Юйгюев, бежал от жужань-
цев к восточному Дому Вэй. Ци Шень-ву,[4] желая привлечь
отдаленных иностранцев, представил государю, чтоб
облечь Кюйбиня в достоинство гаогюйского государя и
дать ему титулы.[5] Но Кюйбинь вскоре умер от болезни.

---

[1] В *Ганму* в 521 году.
[2] Ныне губерния Гань-су.
[3] Все сии вещи употреблялись при церемониальных выходах и выездах.
[4] Князь Гао-хуань.
[5] Ань-бэй Гян-гюнь, Сы-чжеу Цы-шы́.

Отделение VI

ТУГЮ

[Таншу, гл. 215а и 215б]

[Чжоушу, гл. 50; Суйшу, гл. 84]

256 || Дом Тугю, по-монгольски называется, как ниже увидим, Дулга [Тукюе]. Ориенталисты западной Европы пренебрегли уверением китайской истории, а обратили внимание на созвучность *тугю* с *тюрки*, и приняли в основание, что *монголы, известные под народным названием дулга, были тюрки; а как предки дулгаского Дома происходили из Дома хуннов, то и хунны были народ тюркского же племени.* Сие-то смешение монголов с тюрками повело ученых западной Европы к превратным понятиям о народах монгольского племени, обитавших в Средней Азии в древние времена.

Предки тукюеского Дома обитали от западного моря [1] на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина. Впоследствии сей род был разбит одним соседним владетелем и совершенно истреблен. Остался один десятилетний мальчик. Ратники, видя его малолетство, пожалели убить его:
257 почему, отрубив у него руки и || ноги, бросили его в травянистое озеро. Волчица стала кормить его мясом. Владетель, услышав, что мальчик еще жив, вторично послал людей убить его. Посланные, увидя мальчика подле волчицы, хотели и ее убить. В это время, по китайским сказаниям, волчица эта появилась в стране на восток от западного моря, в горах, лежащих от Гао-чан на северо-

[1] Под западным морем не должно разуметь ни одного из больших озер на западных пределах Монголии, потому что рассказ о предках есть баснословное народное предание.

запад.[1] В горах находится пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травой на несколько сот ли окружностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы. Здесь укрылась волчица и родила десять сыновей, которые, пришед в возраст, переженились и все имели детей. Впоследствии каждый из них составил особливый род.[2] В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьею головою — в воспоминание своего происхождения. Род его мало по малу размножился до нескольких сот семейств. По прошествии нескольких колен, некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры, и признал себя вассалом жужаньского хана. В правление Да-йе [3] [Дайе, Суйской династии 605—617 н. э.] тукюеские роды уже усилились. Еще в конце династии Юань-вэй [388—554], тукюеский Или-хан совершенно поразил тйелэсцев и покорил более 50 000 юрт; после сего он просил брака у жужаньского государя [520—551]. Анахуань [4] крайне разгневался и отправил посланца с ругательным ответом. Или-хан отрубил посланцу голову, пошел с войском на жужаньцев и разбил их. По || кончине Или-хана млад- 258
ший его брат Аи-хан поставлен. Он еще разбил жужаньцев; но вскоре занемог и скончался. Минуя сына его Нйего, на престол возвели младшего его брата Цзушу под наименованием Мугань-хана. Другие сказывают, что тукюеский Дом составился из смешения разных родов, кочевавших в Пьхин-лян; он прозывался *Ашина*. Когда Тхай-ву [440—451], император из Дома Вэй, уничтожил Цзюйкюя,[5] то Ашина с 500 семейств бежал к жужаньцам, и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев. Естественное положение Алтайских гор походит на шлем; почему и принял слово *шлем* — на монг. тукюе — наименованием своему Дому. Еще говорят, что предки тукюеского Дома происходят из владетельного Дома Со, обитавшего от хуннов на север. Старейшина аймака назывался Апанбу. Их было 70 братьев. Первый назывался Ичжини-нишыду, и родился от волчицы. Апанбу с прочими братьями был от природы глуп,

[1] Здесь разумеется центр Алтайских гор, т. е. узел их. На северо-западной стороне Алтая течет Чуя.

[2] Т. е. особливое колено. В подлиннике: *прозвание*.

[3] С 605 года.

[4] Имя жужаньского хана.

[5] В 439 году [433—439]. Это был Цзюйкюй Мугянь, последний государь северного царства Лян.

почему весь Дом его был уничтожен. Нишыду имел сверхъестественные свойства: мог наводить ветры и дожди.[1] Он взял за себя двух жен, из коих одна, как сказывают, была дочь духа лета, другая—дочь духа зимы. Первая родила четырех сыновей, из коих первый превратился в Ивиса; другой царствовал между реками Афу и Гянь, под наименованием Цигу; третий царствовал при реке Чуси; а последний жил при горах Басычу-сиши. Это был старший сын. На горах обитал род Апанбуев. Там по большей части
259 были холодные росы. Старший сын || произвел теплоту, и чрез то всех прочих спас: почему с общего согласия поставили старшего государем над собою под наименованием Тукюе. Это был Надулу-ше [2] [ше-шад]. Надулу имел десять жен. Все его сыновья прозывались по дому матерей. Ашина был сын младшей жены. По смерти Надулу сыновья десяти матерей хотели избрать одного, чтобы поставить на место отца. Они пришли к большому дереву и положили между собою такое условие: кто выше прочих вспрыгнет на дерево, тот и будет поставлен старейшиною. Ашина хотя был малолетен, но вспрыгнул очень высоко: почему братья и признали его своим государем, под наименованием Ахянь-ше. Хотя в сказаниях есть разность, но во всех род тукюесцев произведен от волка. При потомке Тумынь, аймак сей несколько размножился, и пришел к границе [3] покупать хлопчатку и шелковые ткани и таким образом вступил в сообщение с Срединным государством.

Сведения о разных племенах, искони обитавших в Средней Азии, вероятно, доходили до Европы с самых тех времен, как начались торговые сношения между народами: но затмевались и терялись в устных преданиях. Уже в поздние времена азиятские историки сообщили нам сказания о происхождении тюрков и монголов; но сии сказания почерпнуты из темных народных преданий, почему и записки азиятских историков имеют историческое основание, перемешанное с вымыслами, которые более или менее потемняют достоверность их.

Иафетова сына Тюрка полагают праотцем племен, населяющих Среднюю Азию от Каспийского моря до
260 ||Корейского залива: но сие сказание, повидимому, принято для того, чтоб протянуть родословную

---

[1] Т. е. дождевые тучи.
[2] Ше или Ша в первый раз появляется в истории.
[3] Китайской.

Домов, царствовавших до Ноя. В седьмом колене *от Тюрка родились два близнеца: Татар и Монгол, которым отец их Илли-хан разделил Тюркистан: первому дал восточную половину, а второму западную.* И это, кажется, есть вымысл, чтобы дать имена и начало двум Домам, владычествовавшим в восточной и западной Монголии. В третьем колене от Монгола родился *Огуз-хан, сын Кара-хана*, сына Монголова, первый из великих древних завоевателей в Средней Азии.

Персидский историк Хондемир [История Монголов переведена с персидского А. Григорьевым] пишет, что *Кара-хан*, кочевавший на *Кара-куме*, узнал, что сын его поклоняется Богу по новой вере, пошел на него войною с намерением убить его; но правоверная жена Огуз-ханова немедленно известила его о том. Кара-хан погиб на сражении; а Огуз-хан, приняв престол по нем, в течение 73-х лет покорил весь Тюркистан, и дал монгольским племенам большую часть названий, под которыми они известны были впоследствии. Абюль-Кази-хан в своей истории [История о татарах] о тюркских племенах также представляет Огуз-хана образцом правоверия и геройства, но с большею подробностью. Он пишет, что Кара-хан, отец Огуз-ханов, предпринял убить сына своего за введение новой веры; и *в то время, когда Огуз-хан был на охоте*, пошел на него с многочисленным войском: но, не смотря на то, проиграл сражение, и *на побеге умер от раны стрелою.* Огуз-хан, объявив себя ханом, впервых пошел войною на *Татар-хана, кочевавшего близ границ Китая, и победил его; потом покорил Китайскую империю*, город Чжуржут и *Тангутское царство*; после сего завоевал все *владения, лежащие от Монголии на юг до Индии, на западе до Китайского моря.*[1] || Хондемир продолжает, что Илл-хан, потомок Огуз-хана в шестом колене, претерпел от Тура, Мауря-эннягярского хана [Мавераннахр], соединившегося с татарским Сюунчж-ханом, такое поражение, что из всего монгольского народа осталось в живых только четыре человека: Каян, сын Илль-ханов с женою, и двоюродный его брат Тегуз с женою же. Они, скрывшись на поле сражения между убитыми, по наступлении ночи пустились бежать, и к рассвету приехали в такое место, где *множество утесистых гор образовали собою* 261

[1] Это большею частию сходно с повествованием китайской истории.

непроходимый круг. Путешественники взошли на вершину горы, с которой усмотрели внизу плодоносную долину, и, спустившись с нея, остались здесь навсегда. Сие место по-тюркски называется *Эргэне-кун*, т. е. крутой скат. С продолжением времени от помянутых четырех человек произошли многочисленные племена. Потомки Каяновы назывались киатами, а Тегусовы—дерлингами. Впоследствии киаты и дерлинги столь размножились, что не могли помещаться в Эргэне-куне, и, оставив сие место, устремились на земли монгольские, где, вступив в битву с владетелем тех земель, одержали победу над ним. После сего владычество над Монголиею утверждено было за Эльдузом, происходившим от Каяна. Абюль-кази-хан несколько иначе описывает сие падение и вторичное восстание Огуз-ханова Дома. По его сказанию, Илл-хан и Сиунч-хан в одно время царствовали. Илл-хан происходил от потомства Могулл-ханова, Сиунч-хан от рода Татар-ханова. Сии владельцы непрестанно имели войну между собой: но Илл-хан всегда побеждал. Наконец Сиунч-хан, соединившись с Кэргызским ханом, совершенно поразил Илл-хана на сражении и ниспровергнул империю Могулл-ханова Дома. Хотя Илл-хан много имел сыновей, но все они пали на помянутом сражении, кроме Каяна, племянника его Нагоса и двух жен их. Сии принцы
262 взяты были || в плен: но по прошествии десяти дней нашли случай бежать и возвратились в свою землю. Рассудив, что им не безопасно там оставаться, забрали оставшийся скот и ушли в горы. Переходя с горы на гору, они пришли наконец к одной высокой горе, через которую перебрались по узкой звериной тропинке, и за горою нашли долину, изобилующую нежными плодами. Сие место понравилось им, и тем более, что оно *со всех сторон окружено было неприступными горами*, и делало их безопасными от преследования. Они назвали это место *Иргана-кон*. Иргана на монгольском языке значит *долину*; кон — *затверделую высоту*. Когда размножились поколения Каяна и Нагоса, то первый назвал своих потомков Каят; а второй одну часть своих потомков назвал Нагослер, а другую Дурлаган. *Сии племена жили здесь более 400 лет*; и когда обиталище сделалось для них тесно, то они предприняли возвратиться в землю своих предков, о привольи которой знали по преданиям. Но прежняя тропинка совершенно загладилась, и они не могли найти удобного места для выхода из гор. Один кузнец приметил,

что гора в одном месте была не очень толста и состояла из железных кусков. Он присоветовал наносить к той горе множество лесу и углей, и зажечь. Гора, действительно, несколько растопилась, и чрез то открылся проход, через который верблюд с вьюком свободно мог пройти. Сим образом монголы выбрались из Ирганкона. В сие время управлял ими Бертечень-хан. Владельцы от потомства Татар-ханова, узнав о выходе монголов, тотчас вооружились, но Бертечень-хан совершенно разбил их. Сие точно случилось в 450 лето, как имя Могулльское погибло чрез поражение Илл-хана.

Оба вышеприведенные сказания имеют историческое основание, на котором при свете китайской истории легко в самых вымыслах приметить истину. Огуз-хан есть *Модэ* или *Модо-хан*, происшедший ‖ из Дома Хуннов. Отец его Томань, по азиятским исто- 263
рикам *Кара-хан*, за 220 лет до Р. Х. вытесненный из Ордоса китайцами, удалился в Халху и поселился под Хангаем на тех местах, на которых впоследствии все сильные ханы ставили свою орду, и которые со времен Чингис-хана сделались известными под монгольским названием *Хара-хоринь*, а историки азиятские назвали его *Кара-кум*.[1] Модэ был законный и единственный преемник его престола; но Томань впоследствии получил другого сына от любимой ханьши. Желая доставить последнему престол, отдал Модэ Юечжыскому хану в заложники, и вслед за тем произвел нападение на Юечжы. Модэ, видя себя в крайней опасности, украл у хана лучших лошадей и бежал к отцу. Томань дал ему за такое удальство удел с 10 000 конницы. Модэ приучил своих подданных к безусловному себе повиновению. Хан восточных монголов, по азиятским историкам, потомок Татар-ханов, незамеченный в китайской истории по имени, но сильный в то время государь, пренебрегал южным [т. е. жившим на юге или южной группой] Модэ и делал ему разные оскорбления. Модэ быстрым и неожиданным нападением поразил восточного хана и овладел землями его. Вслед за сим он, устремившись на запад, поразил юечжыского хана и покорил хухэнорских тангутов. После сего Модэ обратился на Китай и обратно завоевал земли, отнятые китайцами у его отца. Став

[1] Хара-хоринь значит: черных 20, Кара-кум значит: черные пески.

повелителем Монголии во всей тогдашней обширности ее, в 202 году до Р. Х. он вступил чрез Великую стену в пределы Китая, и без сражения принудил императора к платежу дани под названием подарков, что в 198 году вторично было утверждено письменным договором.

264 В 176 году Модэ сам пи||сал к китайскому Двору, что он покорил В. Тюркистан, Чжуньгарию и Мауре-эннягяр [Мавераннахр], т. е. все оседлые владения от Пичана до Персии. В 174 году он умер. Повествования азиятских историков о подвигах Огуз-хана даже в порядке времени сходствуют с китайскою историею. Остается недоумение в определении, кто был Татар-хан: Хан ли восточных монголов, или Хан юечжыский? Оба кочевали в смежности с Китаем; первый владел землями, лежащими за границею губернии Чжй-ли; второй кочевал на землях, составляющих ныне северо-западный угол Китайской империи. Но сие недоумение поясняется разделом Монголии на восточную и западную половины, из коих первая отдана Татару, а вторая Монголу, от которых народы получили названия.

Китай в порывах мщения более ста лет вел с хуннами почти беспрерывную войну, в продолжение которой постепенно потеряли они южную Монголию и Халху. В 92 году по Р. Х. хунны совершенно поражены были китайцами в Тарбагатае, и сяньбийцы [1] в том же году овладели землями и народом их в северной Монголии. После такого поражения осталось одно поколение из Дома Хуннов под родовым прозванием Ашина; оно удалилось к подошве Алтая, где под народным названием Дулга [Тукюе] находилось под зависимостью сяньбийцев, а потом жужаней, и вместо подати обязано было добывать железо для хана. Сие поколение с продолжением времени снова усилилось, и в 552 году дулгаский [тукюеский] владетель Тумынь, ниспровергнув владычество жужаньского Дома, объявил себя Или-ханом. Здесь должно заметить, что Дом Хуннов погиб в 92, а вновь восстал в поколении дулгаском в 552 годах, т. е. через 460 лет после своего падения, что Абюль-кази-хан определил довольно верно.

265 || Алтай, при подошве коего поколение Ашина кочевало, составляет высочайшую точку хребта, известного под названием Алтайского. Он состоит из кругообраз-

[1] Потомки Татар-хана.

ного сцепления утесистых гольцов с глубокою и пространною долиною внутри их, и представляет собою вид шлема, обращенного углублением кверху. Шлем по-монгольски называется дулга, от чего Ашина и название своему поколению принял. Сия-то часть Алтая азиятскими историками названа *Эргэне-кун*. Естественное положение Алтая и обязанность дулгаского поколения добывать железо для хана подали им повод к баснословным сказаниям о выходе из гор.

В вымыслах азиятских историков кроется одно важное обстоятельство, ни одним европейским историком не замеченное. Персидский историк Хондемир, почитая Тюрка главою двух Домов — Татар и Монгол, господствовавших в Монголии, называет Монголию Тюркистаном. См. Историю Монголов, переведенную с персидского Г. Григорьевым, стран. 2. Тюркский историк Абюль-кази-хан хотя производит монголов от Тюрка, но нынешние тюркские племена, т. е. говорящие татарским языком, почитает не одного племени с монголами. См. Историю о Татарах. Ч. II, гл. 2, стран. 52. Он называет Монголию Могульскою державою, а под Тюркистаном разумеет оседлые владения в Средней Азии, как то: Коканд и пр. См. Ч. III, гл. 1 стран. 421 и след. Странно, что в монгольском языке нет слова *тюрки*; а персидский историк, производя монгольских владетелей от Тюрка, и называя их владения Тюркистаном, самих монголов не называет тюрками и разделяет сей народ на татар и монголов, по именам двух близнецов, родившихся от Или-хана. По сему разделению азиятские историки восточных монголов называли *татарами*, северных *монголами*. См. Историю о Татарах. Ч. II, гл. 2, стран. 62. Здесь || можно заметить, что поколения двух близнецов, Татар и Монгол, стали несколько известными становиться только с XI века по Р. Х. Надобно еще заметить, что хунны претерпели в 92 году конечное поражение от монголов восточной половины, данной Или-ханом в удел сыну его Татару. Дом Сяньби, владевший в то время восточною Монголиею, был хотя единоплеменный, но не одного происхождения с Домом Хунну. *266*

Дом Тукюе почти при начале своем разделился на два: восточный и западный.

Восточный Дом Тукюе в продолжение 535—745 годов имел двадцать одного хана.

I. Или-хан Тумынь [Ильхан, т. е. правитель народа]. В царствование западного Дома Вэй в одиннадцатое лето

535 правления Да-тхун, 535, Вынь-ди отправил Ань-Нопань-
то, кочевого иноземца из Цзю-цюань, посланником к Ту-
мыню. В орде все начали поздравлять друг друга, говоря:
ныне прибыл к нам посланник от великой державы:
скоро и наше государство возвысится. В двенадцатое лето,
536 536, и Тумынь отправил посланника для представления
местных произведений. В сие время тйелэсцы шли войною
на Жужань. Тумынь с своим войском напал на них на-
перерез [1] и, разбив их, покорил весь аймак, простиравшийся до 50 000 кибиток. Полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя. Анахуань крайне разгневался, и послал нарочного с таким ругательным ответом: «Ты мой плавильщик:[2] как же осме-
267 лился сделать такое предло||жение?» Тумынь также рассердился и убил посланного; после сего прервал связь с ханом, и просил брака у западного Дома Вэй. Вынь-ди
551 согласился, и в седьмое-надесять лето, 551, в шестой луне, выдал за него Чан-лэ царевну. В сем году Вынь-ди [3] преставился. Тумынь отправил посланника для утешения, и послал 200 голов лошадей для вспоможения в похоро-
552 нах. В первое лето государя Фэй-ди, 552, в первый месяц, Тумынь послал войско на Жужань и совершенно разбил жужаньцев по северную сторону Хуаймана. Анахуань предал себя смерти; а сын его Яньлочен бежал во владения Дома Ци. Оставшийся народ поставил государем Дынщуцзы, Анахуанева младшего дядю по отце. После сего Тумынь принял наименование *Или-Хана*;[4] а *Хан* значит то же, что в древности Шаньюй; супругу свою назвал *Хáтунь*,[5] что значит то же, что *Яньчжы*; и по прежнему продолжал сношения с Домом Ци чрез посольства. По смерти Тумыня поставлен сын Коло,[6] принявший наименование *Исиги-хана*.

II. Исиги-хан Коло.

III. Муюй-хан Кигинь. Исиги-хан разбил Дынщуцзы по северную сторону Во-йе при горе Лайшань, и вскоре умер. Минуя сына его Нйету, поставили младшего брата Кигиня. Это был Муюй-хан. Кигинь еще назывался Яньду. Он

---

[1] Уйгуры шли с запада на восток, а дулгасцы [тукюе] напали на них с севера от Алтая, наперерез.

[2] Предки Дулги [Тукюе] из рода в род жили на южной стороне Алтая и добывали железо для жужаньского хана: и посему хан сказал: ты мой плавильный невольник. *Ганму*.

[3] Из западного Дома Вэй.

[4] По *Ганму*, Тубин-хан. Или-хан зн. хан с реки Или.

[5] На кит. *Кхэ-хэ-дунь*. Братья и сыновья ханские назывались *Дэлэ*, а прочие военные начальники *Ше*. *Ганму*. 552.

[6] Тумынь-хан умер в марте 553 года. *Ганму*.

имел необыкновенный вид: лицо его было около фута длиною, и притом чрезвычайно красное; глаза как стеклянные. Он был тверд, жесток, храбр и много ума имел; || занимался более войною. 268 Он пошел с войском на Дыншуцзы [жужаньского хана] и разбил его. Дыншуцзы с остатком своего Двора бежал к западному Дому Вэй. Кигинь еще на западе разбил Иду, на востоке прогнал Кидань; на севере покорил Цигу, и привел в трепет все владения, лежащие за границею.[1] С востока от Корейского залива на запад до западного моря до 10 000 ли, с юга от Песчаной степи на север до Северного моря,[2] от пяти до шести тысяч ли,— все сие пространство земель находилось под его державою. Он сделался соперником Срединному царству. Впоследствии, соединившись с Западным Домом Вэй против Ци, доходил до Бин-чжéу. Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда; не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну. При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковою тканью, потом, ослабив ткань, немедленно, спрашивают: сколько лет он может быть ханом? Между высшими чинами первое место занимают *Шеху*, второе *Дэлэ*, третие *Сылифа*, четвертое *Тумаофа*, с низшими чинами всего 20 человек; все || они имеют 269 наследственные должности. Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьею головою. Телохранителей называют *Фули* [буре], что на монгольском языке также значит: волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы. Письмен [3] не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с

[1] Т. е. от Великой стены на север.

[2] Т. е. далеко за Байкал к Ледовитому морю.

[3] На китайском *Вынь-цзы*, что собственно означает *китайские письмена*. [Однако, ниже описываются их собственные письмена.]

восчаною печатью. Обыкновенно пред полнолунием производят набеги и грабительства. По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи. Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вкруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножем надрезывают себе лице и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник
270 ездил, и вещи, || которые он употреблял, вместе с покойником сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу.[1] Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лице. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах. В этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище; если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают. По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках. Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли [надо полагать: пастбища]. Хан всегда живет у гор Дугинь. Вход в его ставку с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения. Ежегодно он с своими вельможами приносит жертву в пещере [ср. выше легенду, стр. 257 первоиздания] предков;[2]

[1] Здесь описываются похороны хана, и по нем знатных и богатых людей.

[2] На Алтае.

а в средней декаде пятой луны собирает прочих, и при реке приносит жертву духу неба. В 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни || дерев, 271
ни растений; называется она Бодын-инли, что в переводе на китайском языке значит: дух покровитель страны. Буквы письма их походят на буквы народа Ху;[1] уравнения [2] времен вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы. Мужчины любят играть в хюпу, женщины в волан. Пьют кобылий кумыс и упиваются до пьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу.[3] Поклоняются духам, веруют в волхвов.[4] За славу считают умереть на войне, за стыд — кончить жизнь от болезни. Обыкновения их вообще сходны с хуннускими. Кыгинь, как скоро аймак его пришел в силу, отправил посланника просить об истреблении Дыншуцзы с прочими. Вынь-ди, государь из западного Дома Вэй, согласился. Дыншуцзы и прочие, всего до тысячи человек, выданы тукюескому посланнику, который всех предал смерти за воротами Цин-мынь.[5] В третие лето государя Гун-ди [западный Дом Вэй, последний правитель], 556, Кигинь напал на тогонцев и разбил их.[6] Во второе 556
лето, 558, царствования Мин-ди [7] [Сяо Минди — третий 558
представитель династии Северной Чжоу, первый официальный император, 557—560] Кигинь отправил послан||ника с 272
дарами. В первое лето правления Бао-дин, 561, он [Кигинь] 561
еще отправил три посольства с данью из местных произведений. В сие время происходил спор с Домом Ци.[8] Военные колесницы ежегодно были в движении; почему Дом Чжéу хотел укрепить союз,[9] чтоб со вне [извне]

[1] Выше, на стр. 269 [первоиздание], сказано, что тукюесцы не употребляли *китайских письмен*, а в сем месте историк пишет, что письмо дулгаское [тукюеское] походит на тюркское. Это место намекает на происхождение ойхорского [хойху], т. е. древнего монгольского письма. Тюрки названы кит. словом *Ху*, которое косвенно относится и к авганистанцам и аравитянам.

[2] Т. е. правильного разделения четырех годовых времен.

[3] Ныне и в Монголии и в Тибете таким же образом поют песни. В Тибете при сем держат друг друга за руки, и притопывают ногою.

[4] Здесь кит. буква *ву* означает и волхвов и шаманов, а тунгусское слово *самань* соединяет в себе значение шамана, жреца, ученого и лекаря.

[5] По *Ганму*: Юй-вынь Тхай [Основатель династии северной Чжоу, отец Сяо Минди, первого императора северной Чжоу] выдал до 3 000 человек, которые почти все преданы смерти. См. выше 555 год.

[6] В сей войне Кигинь был наемным союзником Китая.

[7] Второго государя из северного Дома Чжéу.

[8] Т. е. Дом Чжéу был в неприязненных сношениях с Домом Ци.

[9] Т. е. с дулгасцами [тукюе].

иметь вспоможение. Еще в царствование государя Гу́н-ди Кигинь помолвил дочь свою за Чжéувы́нь, но государь до заключения договора преставился. Вскоре Кигинь и другую дочь помолвил выдать за государя Ву́-ди [1] [из династии Северной Чжоу, сменившей западную Вэй в Чанань]; но еще до выдачи ее Дом Ци также отправил посланника просить о браке. Кигинь, в надежде получить богатые подарки, хотел отказать первому. Ву́-ди отправил Ян Цянь, губернатора области Лян-чжéу, и князя [2] Цин [3] для заключения договора. Цин убедил хана держаться верности и справедливости. И так Кигинь прекратил связь с Домом Ци, и утвердил брак с Домом Чжéу, причем изъявил желание идти со всеми силами на восток. [Дом Ци правил в восточном Китае, где до него правил дом восточной династии Вэй (Лоян).] Указано князю [4] Ян Чжун с 10 000 войска соединиться с тукюесцами против Ци. Чжун переправился через горы Хин-ли, где Кигинь присоединился к нему с 100 000 конницы. В следующем году [5] осадили государя из Дома Ци в Цзинь-ян, но безуспешно; почему Кигинь, прекратив войну, произвел большое грабительство, и пошел в обратный путь. Ян Чжун по возвращении донес государю Ву-ди [преемник Сяо Минди с 561] следующее: «Тукюеские ратники пренебрегают
273 и наградами и наказаниями, || мало уважают начальников, и по большей части не соблюдают порядка. Управиться с ними не трудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят о их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, отправившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятели по наружности показываются мужественными, в самой же вещи [в самом же деле] легко управиться с ними. Ныне, по моему мнению, и прежним и последним посланникам надлежит всем отрубить головы». Ву́-ди не принял его мнения. В сем году Кигинь еще отправил посланника с дарами, и вторично просил [6] воевать восток. Указано князю Ян Чжун выступить с войском к Во-йе, а князю [7] Ху в соответствие ему идти на Ло-ян [столицу дома Ци].

---

[1] На престол вступил в 561 году.
[1] Ву-бо-ван.
[3] Юй-вынь-Цинь.
[4] Суй-гун, основатель династии Суй.
[5] Здесь слова: в следующем году, падают на 563 год.
[6] Т. е. предлагал.
[7] Цзинь-гун.

Случилось, что князь Ху дал невыгодное сражение, и Кигинь пошел в обратный путь. В пятое лето, 565, указано 565
князю [1] Шунь, министру финансов Юй-вынь Гуй, князю [2] Дэу-и и князю [3] Ян Цянь отправиться для принятия невесты. Во второе лето [4] правления Тьхянь-хэ, 567, Кигинь 567
еще отправил посланника с дарами. По прибытии князя [5] Шунь с прочими в орду, Кигинь вторично отказался от связей с Домом Ци. Случилась необыкновенная гроза, и хан дал слово отпустить князя Шунь с императрицею.[6]
В четвертое лето, 569, Кигинь еще отправил посланника с дарами. || По смерти Кигиня, минуя сына его Далобяня, поставили младшего его брата под наименованием Тобо-хана, 572. 569 274 572

IV. Тобо-хан. Тобо-хан поставил Нйету Эрфу-ханом и вверил ему управление Восточною стороною; младшего своего брата Жутань-хана поставил Були-ханом, с пребыванием в Западной стороне.[7] Со времен Кигиня Дом его сделался богатым и сильным. Он имел намерение разгромить Срединное государство; но Двор [8] поспешил заключить с ним союз мира и родства, и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей. Тукюесцы, проживавшие в столице, содержимы были с отличными почестями. Они носили шелковое одеяние, ели мясо. Число их иногда простиралось до тысячи человек. Дом Ци страшился их набегов и грабительств, и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо в счастии очень превозносился, и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика [т. е. Дома: Северный Чжоу и Северный Ци] были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности. В царстве Ци был Ша́мынь Хой-линь. Он был уведен тукюесцами в плен; почему имел случай сказать Тобо: Дом Ци богат и силен потому, что соблюдает закон Будды; при сем изъяснил хану естественный порядок нравственного возмездия [буддийская карма].

Тобо поверил ему, и сооружил Галань;[9] отправил посланника испросить у Дома Ци Цзин-мин-нйе-пхань-

---

[1] Чень-гун.
[2] Шеньву-гун.
[3] Нань-ян-гун.
[4] Надобно поставить в *третие лето*.
[5] Чень-гун.
[6] Т. е. с дочерью своею, назначенною в супруги императору. По *Ганму* сие случилось в апреле 568 года.
[7] Т. е. Монголия опять разделена на три части: восточную, среднюю и западную.
[8] Дом Чжéу [Северный].
[9] Галань — храм Будде.

хуа-цян и другие священные книги. Десять человек совокупно совершали богослужение. Тобо также сам держал посты, обходя вкруг храма читал молитвы [1] и сожалел,
275 что он не в Китае родился. Во ‖ второе лето правления
573 Гян-дэ, 573, Тобо отправил посланника представить лошадей. Когда же Дом [Северный] Ци был уничтожен [домом Северный Чжоу], то губернатор в Дин-чжэ́у князь [2] Га́о Ша́о-и из Ма-и бежал к Тобо. Хан признал Га́о Ша́о-и государем в Ци, и приглашал к себе принявших сторону князя, под предлогом для отмщения. В первое лето прав-
578 ления Сюань-чжен, 578, в четвертый месяц, Тобо вторгнулся в Ю́-чжэ́у. Министр [3] Лю Хун выступил против него, но с потерею сражения лишился жизни. Ву-ди [император дома Северного Чжоу] принял начальство над шестью корпусами, и сам хотел идти на север; но он преставился и войско возвращено. В сию зиму Тобо вторично произвел набег на границу, обложил Цзю-цюань, произвел большое грабительство и ушел. В первое лето правления Да-сян,
579 579, Тобо опять просил о мире и родстве. Император назначил выдать за него дочь князя [4] Чжа́о с наименованием Цянь-гинь царевны; и при сем послал нарочного взять князя Га́о Ша́о-и и представить его к Двору. Тобо не согласился, и произвел набег на Би́н-чжэ́у. В третие
580 лето, 580, в первый раз он отправил посланника с дарами, и купно для принятия царевны; но князя Га́о Ша́о-и еще удержал, а не отправил. Император еще приказал Хэ Жо-и отправиться для переговоров по сему делу, и Га́о Ша́о-и был препровожден [5] [в Чан-ань, столицу Сев.
276 Чжоу]. Тобо занемог и скончался.[6] Пред смер‖тию, обратясь к сыну своему Яньло, сказал: известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважил сего родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобяня [уступить место дяде]. Когда он скончался, то в орде хотели поставить Далобяня; но как мать его была низкого происхождения, то собрание чинов воспротивилось сему. Яньло [брат Нйету] был высокого происхождения, и ту-

---

[1] Это нынешний обряд тибетских и монгольских лам.

[2] Фань ян-ван.

[3] На кит. Чжеу-го.

[4] Чжа́о-ван.

[5] Т. е. выдан. Хэ Жо-и подкупил Тобо-хана выдать Га́о Ша́о-и, претендента на престол династии Ци. Тобо взял Ша́о-и с собою охотиться на южных пределах Монголии и здесь посланник [Хэ Жой] схватил Ша́о-и, и препроводил в Чан-ань.

[6] В конце 581 года. *Ганму.*

кюесцы уважали его. Нйету после всех прибыл и сказал: ежели поставите Яньло, то я с своими братьями буду служить при нем; ежели поставите Далобяня, то я буду, охраняя границу, с острою саблею и длинным копьем ожидать его к себе. Нйету был в совершенном возрасте и храбр. Вельможи не смели противоречить ему. И так Яньло поставлен преемником. Далобянь, не получив престола, питал неудовольствие к Яньло и часто подсылал людей поносить его. Яньло не мог укротить его; почему уступил престол Нйету. В орде, советуясь между собою, сказали, что из четырех сыновей ханских Нйету есть способнейший; почему и возвели его на престол под наименованием *Илигюйлу Ше Мохэ Шиболо-хана*; еще наименовали его *Шаболио*.

V. Шаболио-хан Нйету. Шаболио-хан жил у гор Дугинь.[1] Яньло покорился и жил при реке Дуло, считаясь третьим ханом. Шаболио призадумался, сделал Далобяня Або-ханом и послал обратно для управления своим аймаком.[2] Шаболио был храбр и || приобрел приверженность *277*
народа. Северные иноземцы [3] все покорились ему. Вы́нь-ди, первый государь из династии Суй, по принятии престола в 581 году [официально в 589 г., когда была свергнута законная династия Чэнь в южном Китае, но фактически с 581 г., когда был уничтожен Северный Чжоу] очень пренебрегал им, чем северные иноземцы крайне огорчились. В это время Га́о Ба́о-нин, губернатор в Йн-чжéу, произвел возмущение. Шаболио соединился с его войском и взял крепость Линь-юй-чжень. Государь для предосторожности предписал исправить пограничные укрепления и возвысить Долгую [Великую или Длинную] стену. Шаболиова жена Цянь-гинь—царевна из Дома Чжéу—сокрушалась, что жертвоприношение предкам ее Дома пресеклось; почему хан со всеми силами произвел нашествие. Число войск его простиралось до 400 000. Государь приказал министру [4] Пхын-И расположиться при Ифобо в Ла́нь-чжéу, главнокомандующему Чи Ли-чун расположиться в Ю́-чжéу. Да Хи, Чжан Жу и Цзю Чжéу-пхань были разбиты неприятелями, почему тукюесцы, по окончании

[1] Горы Дугинь лежат в Татаньском владении. Дулгаский [тукюеский] Шаболио-хан постоянно здесь жил. *Ганму*. 581. Земли древнего Татаньского владения ныне называются Халха.

[2] Дяньгю, дядя Шаболио-ханов, жил в западной стороне под названием Дату-хана. Таким образом, ханство разделилось на четыре части под управлением четырех ханов.

[3] Т. е. [кочевые] народы.

[4] Чжу-го.

сражений, вторглись в границу двумя дорогами: чрез Му-хя и Ши-Мынь. В областях: Ву-Вэй, Тьхянь-шуй, Ань-дин, Гинь-чен, Шан-гюнь, Хун-хуа и Янь-ань не осталось ни одной головы из домашнего скота. Сын Неба, трепеща от гнева, издал манифест,[1] которым объявил тукюесцам войну, и указал обнародовать его по империи. После сего князь [2] Ян-Дань, министр [3] Дэу Лу-сюй и Дэу Жун-дин, старший министр Гао-гин, младший министр Юй Кин-цзэ, назначенные главнокомандующими, выступили с своими корпусами за границу. Им противостал
278 Шаболио || с двумя ханами: Або и Таньханем; но ханы были разбиты и обратились в бегство. В сие время у неприятелей был голод; вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости; свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло. Вскоре Шаболио не полюбил Або за его храбрость и отважность: почему, прежде возвратившись, нечаянно напал на Абоханов аймак, совершенно разбил его и убил мать Абоханову. Або по возвращении не нашел пристанища для себя, и бежал на запад к Дату-хану. Дату, по имени Дяньгю, был Шаболио-хану двоюродный дядя по отце. Он был ханом западной стороны, и в порыве сильного гнева отправил Або на восток с войском. К Або присоединилось около 100 000 конницы из бывшего его аймака; почему Дату начал войну с Шаболио. Сверх сего и Таньхань-хан жил в согласии с Або. Когда Шаболио отнял у Таньханя аймак, и снял с него ханское достоинство, то последний бежал к Дату. Дилэча, двоюродный Шаболиев брат с отцовской стороны, имел особливый аймак, и был в ссоре с Шаболио; почему отложился от него и присоединился к Або. Война между ними беспрерывно продолжалась, и каждый из них отправил нарочных просить Двор о мире и вспомоществовании. Государь всем отказал. В сие время [4] Цянь-гинь царевна в представлении просила государя поступить с ханом, как с сыном.[5] Вынь-ди отправил страноначальни-
279 ка [6] Сюй || Пьхин-хо посланником к Шаболио. Князь [7] Гуан, стоявший в сие время в Бин-чжéу с войском, просил

---

[1] По *Ганму* в мае 583 года.
[2] Хэ цзянь-ван.
[3] Чжу-го.
[4] По *Ганму* в 584 году.
[5] Цянь-гинь царевна [жена Шаболио, она происходила из дома Северного Чжоу] просила императора признать ее своею дочерью и дать ей прозвание Ян. Император дал ей титул *Да-и* царевны.
[6] Кхай-фу́. Это генерал-губернатор.
[7] Цзин-ван.

воспользоваться несогласием Ханов. Государь не принял его мнения. Шаболио отправил к Двору посланника с грамотою, в которой писал: «в лето Чень [1] в десятый день девятого месяца рожденный Небом великий Тукюе, мудрейший и святейший в поднебесной Сын Неба Или Гюйлу-ше Мохэ Шыболо-хан посылает грамоту императору великого Дома Суй. Мне известно сообщенное [Кайфу] прибывшим сюда страноначальником Сюй Пьхин-хс. Император, отец моей жены, следовательно отец и мне; я муж его дочери, следовательно и сын его. Сии две стороны, хотя различны, но по внутреннему чувству и справедливости составляют одно. Ныне если вдвойне сложить родственную давность, то последование сыновей и внуков и до десяти тысяч колен не пресечется. Да будет верховное Небо свидетелем, что никогда не пойду вопреки. Все овцы и лошади моего царства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мои. Здесь нет взаимной разности». Вынь-ди в ответной грамоте писал: «Сын Неба великого Дома Суй посылает грамоту Велико-Тукюескому Или Гюйлу Ше Мохэ Шаболио хану. Из полученной грамоты усматриваю твое вполне доброе расположение ко мне. Став отцом Шаболиовой супруги, ныне считаю и Шаболио своим сыном; и потому сверх обыкновенных посольств, по давнему родству, ныне особенно посылаю высшего сановника Юй Кин-цзэ увидеть там дочь, и еще увидеть Шаболио». Шаболио вы||строил войска, выставил дорогие 280
вещи и сидя принял Кин-цзэ. Извинившись, что по болезни не может встать, он присовокупил, что он, став старшим дядею по отце, ни пред кем не делает поклонения. Кин-цзэ сделал ему учтивый выговор. Цянь-гинь царевна частно [под рукой] сказала Кин-цзэ, что хан по его свойствам есть волк; слишком любит спорить и ссориться. Чань-сунь Шен старался убедить его, и Ниету согласился. Он, склонившись, принял грамоту за государственною печатью на голову.[2] Но вдруг пришел в большое замешательство, и подчиненные его сошедшись в толпу зарыдали. Кин-цзэ еще предложил ему назваться вассалом. Шаболио спросил у своих сановников, что такое значит слово: вассал? В ответ ему сказали: вассал в царстве Суй [3] значит то же, что у нас слово *раб*. Шаболио сказал: что я имею счастие

[1] По китайскому месяцеслову год под названием *Гя-чень* соответствует 584 году.

[2] В *Ганму*: Шаболио улыбнулся, и встал на ноги; сделав поклонение, с коленопреклонением принял грамоту и положил на голову.

[3] Китай с 581 по 618.

сделаться рабом Сына Неба из Дома Суй, сим тебе, министр, я обязан. И так он подарил Лу Кин-цзэ 1 000 лошадей и еще выдал за него двоюродную свою сестру.[1] В сие время Шаболио был стеснен ханом Дату и еще с востока опасался Киданей; почему отправил посланника с просьбою помочь ему в крайности, прислать предводителей, а аймаку его дозволить перейти через песчаную степь на юг и расположиться при Бай-дао-чуань. Государь указал согласиться, а князю Гуан вести к хану вспомогательное войско; снабдил его (хана) одеждою и пищею, подарил ему колес-
281 ницы и музыку. || После сего Шаболио на западе разбил Або и взял его в плен; между тем аймак Абов, пользуясь отсутствием хана, взял в плен семейство его. Китайская армия разбила Або, и всю военную добычу отдала Шаболио-хану. Шаболио был чрезвычайно рад; почему в договоре положил Великую песчаную степь границею. Вынь-ди в изданном указе сказал: «хотя Шаболио пред сим и заключил мир, но мы считались двумя независимыми владетелями. Теперь считаемся государем и вассалом; и конечно составляем одно тело. Я уже предписал правительству с благоговением объявить в предместии[2] и храме предкам и обнародовать по империи во всеведение. Отселе впредь в указах и ответах по делам, в отличие, не называть его [3] по имени; супругу его Хатунь Цянь-гинь царевну из Дома Чжéу жалую прозванием Ян, повелеваю внести ее в царскую родословную книгу, и переименовать Да-и царевною; а Куханьчженя произвесть в Чжу-го, пожаловать княжеским достоинством».[4] Куханьчженя угощали в тронной, представили императрице и наградили весьма щедро. Шаболио был крайне доволен. После сего представление дани к новому году не прерыва-
587 лось. В седьмое лето, 587, в первый месяц Шаболио отправил сына своего для представления дани из местных произведений; и при сем просил дозволения позабавиться звериною охотою в областях Хын и Дай. Указано дозволить; почему посланы люди для доставления хану вин и съестных припасов. Шаболио со всем аймаком с двукратным покло-
282 нением принял милости го||сударевы. Он в один день из своих рук убил 18 оленей, отрезал у них задки и головы, и

---

[1] По *Ганму*: Дулгаский [тукюеский] Або-хан нечувствительно усилился, покорил тюркские владения и сделался известным под названием Западного Дулга [Тукюе].

[2] Т. е. в жертвеннике Небу.

[3] Шаболио-хана.

[4] Ань-го-гун.

представил Двору.[1] На возвратном пути он прибыл к крепости Цзы-хэ-чжень. Здесь сгорела ставка его. Шаболио почувствовал неприятное впечатление, и с небольшим чрез месяц скончался. Государь отменил съезд ко Двору на три дни;[2] отправил чиновников для жертвоприношения и утешения, и послал 5 000 кусков шелковых тканей для вспоможения при похоронах. По смерти Шаболио хана младший брат его Чулохэ́у возведен на престол под наименованием Шеху-хана.[3] Государь пожаловал ему литавры, музыку и знамена.

VI. Шеху-хан Чулохэу. Чулохэ́у имел длинный подбородок, сутулую спину, брови редкие, глаза светлые; был храбр и одарен соображением. Получив от Дома Суй знамена и литавры, он пошел воевать на запад против Або. Неприятели полагали, что Чулохэ́у получил из Китая вспомогательное войско, почему многие из них перешли в подданство к нему, и Або взят в плен. Чулохэ́у тотчас донес Двору и просил у него разрешения: убить ли Або или даровать ему жизнь? Государь отдал это на рассмотрение чинов. Старший министр Гао Фань подал следующее мнение: «когда родные истребляют друг друга, подобно ядовитым насекомым; то надобно щадить их, чтоб показать великодушие». Государь сказал: хорошо. Гао Фань, подняв бокал, подошел к государю и сказал: || «Со времен *283*
Сюань-юань Хуньюни много причиняли беспокойств нашим границам. Ныне они до самого Северного моря все сделались нашими вассалами. Столь счастливых времен искони не было. И так, еще поклонившись, осмеливаюсь пить за твое здоровье, государь». После сего Чулохэ́у еще пошел на запад войною, и скончался от раны стрелою.[4] Народ поставил государем Юнюйлюя, сына Шаболиоханова, под наименованием Гйегя Шидона Дулань-хана.

VII. Дулань-хан Юнюйлюй. Юнюйлюй отправил посланника к Двору и получил в подарок 2 000 кусков разных шелковых тканей. Он ежегодно отправлял к Двору посланника с данью. В следующем году, 588, старей- 588
шины тукюеского аймака [5] с общего согласия отправили посланника к Двору, и с ним послали в дань 10 000 голов

---

[1] Крестцы оленьи и ныне составляют дорогое и лакомое блюдо на богатом столе китайском. Оленьи языки также уважаются.

[2] По причине траура по хане.

[3] В *Ганьму* Мохэ-хан.

[4] Смерть Мохэ-хана по *Ганьму* последовала в 588 году. См. 588 год.

[5] Т. е. из ханского удела.

лошадей, 20 000 штук овец, и по 500 голов верблюдов и быков, а в след за сим послали просьбу об открытии рынков по границе для меновой торговли с Срединным царством. Указано дозволить. Государь после покорения Дома Чень [в южном Китае в 589 г.] подарил Да-и царевне драгоценный дверный щит, принадлежавший Дому Чень.[1] Царевне это слишком было неприятно;[2] почему сочинила стихи на щит, в которых, излагая падение Дома Чень с
284 применением к себе, говорит: ||

Возвышение и упадок следуют утром и вечером[3]
Закон мира[4] как плавающий порост.
Блеск и славу поистине трудно сохранить,
Пруды и террасы[5] сами собою изглаживаются.
Ныне почести и богатства осеняют нас;
По окончании дела рассевается прелесть их.
Не вечно веселит чаша с вином;
Не продолжителен звук струны музыкальной.
Я была дочь царского семейства;
Скитаясь без приюта, зашла в кочевую орду.
В одно утро увидела свершение и разрушение.
Все, что имела, вдруг исчезло.
Так вообще все искони идет.
Не я одна служу примером превратности.
Песня царевны Чжао-гюнь[6]
Трогает сердце выданной в отдаленность.[7]

Государю неприятно было, когда услышал об этой песне, и он нарочито уменьшил количество подарков. Царевна еще вступила в связь с Западным тукюеским Нили-ханом. Государь, опасаясь, чтоб она не произвела переворота, решился погубить ее. Случилось, что царевна вступила в любовную связь с одним тукюесцем из ее свиты; и как это открылось, то государь указом снял с нее достоинство царевны; но опасаясь, что Дулань будет сим

[1] Сие происшествие до кончины Да-и царевны по *Ганму* отнесено к 593 году. См. [под] 593 [г.].

[2] Царевна выдана была из Дома Чень, который продолжался с 557 до 589, всего 32 года. [Царевна Да-и, ране носившая титул Цянь-гинь, была супругой Шаболио-хана, будучи выдана за него домом Северным Чжоу, см. выше, стр. 277. О том, что она происходила из дома Чень, не указывалось. Напротив, когда дом Суй уничтожил дом Северный Чжоу, она очень сокрушалась по поводу того, что жертвоприношение предкам ее дома Чжоу пресеклось. См. стр. 277 первоиздания].

[3] Т. е. одно за другим.

[4] Собственно *века*, т. е. земной жизни.

[5] В теплых странах необходимые принадлежности больших садов.

[6] [См. выше, стр. 93 и 97—супруга ханов Хуханье и Фучжулэй Шаньюя; сама царевна Да-и носила ранее имя Цянь-гинь].

[7] Буквальный перевод песни.

недоволен, отправил к нему князя [1] Нюданя с четырьмя прекрасными певицами, чтобы польстить Дуланю. В сие время Шаболиов сын Жаньгань, проименованный Тули-хан, кочевал в северной стороне: он отправил к Двору посланника просить о браке. Государь, чрез сановника Пхэй Гюй || сказал, что хан тогда получит согласие на *285*
брак, когда убьет Да-и царевну. Тули принял предложение и снова обнес царевну. Это возбудило гнев в Дулане, и он убил царевну в юрте. После сего Дулань поссорился с Тули-ханом, и они имели несколько сражений между собою. Государь помирил их, и каждый с своим войском возвратился. В седьмое-надесять лето [правления Кай хуан], 597, [Суйского императора Вэнь-ди] Тули-хан **597**
прислал посланника для принятия невесты. Государь предписал конторе Ткай-чан предварительно наставить их в шести обрядах,[2] потом выдал княжну из своего рода с наименованием И-ань царевны. Государь, стараясь поселить раздор между северными кочевыми, нарочито усугубил почести, и отправил Нюданя, Сувэй Хулюя и Сяо-сянь — одного в след за другими посланниками к Тули-хану. Тукюесцы в разные времена отправили к Двору всего 370 посольств. Тули собственно жил на северной стороне; а когда женился на царевне, то переселился на юг [3] в старую крепость Дугинь, и награды еще щедрее посыпались на него. Юнъюйлюй в гневе сказал: я верховный хан, но значу менее, нежели Жань-гань. И так он [т. е. Тули-хан] прекратил представление дани, и часто тревожил границы набегами. В восьмое-надесять лето, 598, указано князю [4] **598**
Сю выступить по дороге из Лйн-чжéу для нападения на хана. В следующем году, 599, с тою же целью назначены **599**
и другие корпуса из Ордоса. Юнъюйлюй с Дянькю, собрав войско, напал на Жаньганя и убил всех его [т. е. Тули-хана] братьев и детей их; потом, || переправившись через *286*
Желтую реку, вступил в Юй-чжéу. Жаньгань с пятью конными и Чан-сунь Шен, посланником Дома Суй, в ночи возвратился к Двору. Государь приказал Жаньганю [Тули-хану] разобрать дело с Юнъюйлюевым посланником Иньту Дэлэ. Жаньгань говорил откровенно, и государь очень хорошо содержал его. Юнъюйлюев младший брат Дусулу бросил свою жену с семейством, ушел с

[1] Ки-чжан-гун.

[2] Шесть свадебных обрядов, употребляемых в то время при совершении царских браков от сговора до бракосочетания.

[3] Т. е. на места по южную сторону песчаной степи, а по северную сторону Ордоса.

[4] Шу-ван.

Тули-ханом к Двору. Государь похвалил его, приказал Жаньганю играть с ним в хюпу[1] и исподоволь дарил его дорогими вещами, чтобы привязать к себе. В шестой луне полководцы Гао Фань и Ян Со ударили на Дянькю и совершенно разбили его. Жаньганю дан титул Иличжень-дэ́у Кижинь-хана,[2] что на китайском языке значит: твердый в мыслях и знании. Кижинь в письменном представлении благодарил государя за милости. Государь для его пребывания построил в Шо-чжэ́у городок Да-ли-чен. В сие время И-ань царевна уже скончалась. Государь выдал за Кижиня [Жаньгань Тули-хан] княжну из своего рода с наименованием И-чен царевны. Весьма многие из его аймака возвратились к нему. Юнюйлюй еще учинил нападение, и государь опять приказал Кижиню войти в границы Китая. Юнюйлюй [Дулань-хан] не переставал производить грабительства; почему Кижинь переселен в Хэнань [т. е. на юг от Желтой реки], между областей Хя-чжэ́у и Шенчжэ́у, и выслан народ выкопать водяной ров на несколько сот ли; все пространство от востока к западу, между восточным и западным руслом Желтой реки, отдано Кижиню под пастбища. После сего для нападения на Дуланя отправ-
287 ‖лены разные[3] корпуса войск; Дулань убит своими подчиненными. Дату без выбора вступил на престол под наименованием Бугя-хана.

VIII. Бугя-хан Дату. В сие время открылись большие замешательства в орде: почему князь Шы Ваньсуй отправлен из Шо́-чжэ́у для нападения на Дату. Князь встретился с Дату у гор Дугинь; но неприятель без сражения уклонился. Вскоре он [Дату] отрядил сына своего Хэулифу ударить на Кижиня [Тули-хана] с восточной стороны Великой песчаной степи. Государь еще отправил Кижиню войско для содействия в охранении важных проходов. Хэулифа отступил и обратно ушел в Великую песчаную степь. Кижинь в благодарственном донесении государю писал: «Святый муж великого Дома Суй покровительствует хана, и народ, осыпанный милостями, с искренним сердцем покорился. На юг ли переходит за Долгую стену, или остановляется в Бай-да́о, Жаньгань везде уподобляется иссохшему дереву, снова пустившему отпрыски, иссохшим костям, снова отрастившим кожу и тело. Тысячу веков,[4] десять тысяч веков, он вечно будет пасти овец

---

[1] Игра в деньги, существовавшая у кочевых пастухов. *Ганму.*
[2] В *Ганму* вместо Кижинь везде употреблено слово *Киминь.*
[3] Юе-го-гун.
[4] Век, на кит. *Ши*, содержит 30 лет.

и лошадей великого Дома Суй». В первое лето правления Жень-шéу, 601, Хань Хун, главноначальствующий в Дай-чжéу, был разбит неприятелями в Хын-ань. Указано Ян Со принять главное начальство над действующею армиею по дороге из Юнь-чжéу и вместе с Кижинем идти на север против Хулюя и других поколений, которые прежде были в подданстве у Кижиня, а ныне отложились. Ян Со расположился лагерем по северную сторону Желтой реки.[1] В сие вре‖мя тукюеский Сыли Сыгинь [2] с прочими, переправившись через Желтую реку на юг, захватил у Кижиня людей обоего пола и разный скот, и ушел. Ян Со с главнокомандующим Лян Мо пошел в след за Сыгинем, разбил его совершенно, обратно взял захваченных людей и скот и возвратил Кижиню.[3] Полководец Чжан Дин-хэ и главнокомандующий Лю Шен, отряженные князем Ян Со, по другой дороге, напали на Сыгиня наперерез, побили и взяли в плен множество людей, и возвратились. Но только что они переправились через Желтую реку, как неприятели вторично ограбили Кижинев аймак: но Ян Со с полководцем Фань Гуй вторично разбил их по юго-восточную сторону долины Куге. В сем году Нили-хан и Шеху были разбиты тйелэсцами. Вскоре у Буги также открылись большие замешательства. Пять поколений Сиги перешли в Китай; сам Бугя бежал к тогонам, и Кижинь, овладев его народом, отправил к Двору посланника с данью. В третие лето правления Да-йе, 607, Ян-ди предпринял путешествие в Юй-линь. Кижинь и И-чен царевна явились к нему в походный дворец, и в разные времена представили ему 3 000 лошадей. Император был весьма доволен и пожаловал им 13 000 кусков шелковых тканей. Кижинь с И-чен царевною подал поздравительный доклад следующего содержания:[4] «в прошедшее время святый муж покойный император Моянь-хан при жизни своей милосердовал о вассале; пожаловал ему‖Ань-и [И-ань] царевну, и до конца жизни святый муж покойный император милостиво содержал вассала. Когда родные братья вассала, по зависти и злости, хотели убить его, вассал в то время не имел места, куда бы мог укрыться; вверху видел одно небо, внизу видел одну землю; к счастию, вспомнил слова святого мужа покойного императора, и

601 288 607 289

[1] За Ордосом.

[2] Сыли имя, *Сыгинь* титул высших чиновников у дулгасцев [тукюесцев]. *Ганму*. 602.

[3] Сие происшествие по *Ганму* отнесено к апрелю 602 года. Ниже война с тйелэсцами отнесена к осени 605 года. См. 605 год.

[4] Доклад писан слогом кит. дипломации.

пришел сюда искать спасения. Святый муж покойный император, увидя вассала, проникнут был жалостью, и оживотворил вассала. Возвышая вассала, он посадил его на ханский престол. Тукюесцы, исключая умерших, во множестве возвратились, и собравшись, составили народ. Высочайший из владык[1] повелел возвратиться, и, подобно святому мужу покойному императору, сидя в поднебесной над четырьмя странами, еще питает вассала, и тукюеский народ живет посреди изобилия во всем. В спокойное сие время прошу у высочайшего из владык дозволение носить одеяние великого царства, и законы иметь общие с китайцами».[2] Император передал сие представление государственным чинам, и они просили согласиться. Император находил это невозможным, и в указе по сему делу сказал: «*Великий муж, просвещая народ, не требует изменения в обычаях. Нужно ли, для просвещения, срезывать полу, и перевязываться шнурами с длинными кистями*?[3] Впрочем, в грамоте за большою государственною печатью, в ответ сказать Кижиню, что по северную сторону Великой песчаной степи спокойствие еще не восстановлено, а
290 война снова разгорается. Нужно || только блюстись от рассеяния мыслей, иметь почтение к родителям и повиновение к властям. К чему переменять одеяние?»[4] Император имел средний экипаж [свиту] с 1 000 человек служителей и большою ставкою. Он угощал Кижиня с 3 500 старейшин из его аймака; пожаловал ему 2 000 кусков шелковых тканей; подчиненные его награждены по достоинствам, и потом еще в указе объявил им благоволение, пожаловал Кижиню дорожную колесницу, верховых лошадей, литавры, музыку, знамена, предписал при поклонении не называть его по имени, и таким образом, поставил его выше всех князей. Император, во время путешествия своего в Юнь-чжун по реке И-гинь-хэ, посетил на северо-востоке местопребывание Кижинево. Кижинь выпил бокал за здоровье государя, и с глубоким почтением преклонился на колена. Император чрезвычайно был доволен; подарил Кижиню и царевне по золотому кувшину, одеяние, одеяла с тюфяками и шелковые ткани; дэлэ и прочие награждены по достоинствам. Прежде сего корейский государь частно прислал послан-

[1] Царствующий государь, преемник покойного императора.
[2] Хан просил ввести в Монголии китайское гражданское образование.
[3] Так древние китайцы подпоясывались.
[4] Государь для просвещения народа требовал не изменения обычаев и одеяния, а улучшения в нравственности.

ника в Кижиневу орду. Кижинь не смел скрывать сообщения с заграничными владениями; в тот же день взял корейского посланника и представил Двору. Предписано Нюганю обнародовать указ следующего содержания: «Кижиню, за его преданность ко мне, я доставил престол; и потому я лично посетил его местопребывание. В следующем году я должен отправиться в Чжо-гюнь, по возвращении объяви корейскому государю, что давно надлежало бы явиться к моему Двору, без всякого сомнения и страха».— И так Кижинь, сопро‖вождая государя, вступил в пределы Китая и прибыл в Дин-сян. Указано ему возвратиться в орду. В следующем году, 608, он явился к Двору в восточной столице [Лоян], где почести и подарки еще увеличены были. В сем году он скончался от болезни, и государь отложил придворное собрание на три дни. Сын его Дуги возведен на престол под наименованием Шиби-хана.[1]

291

608

IX. Шиби-хан Дуги. Шиби-хан докладом просил дозволения взять за себя прежнюю царевну. Указано ей сообразоваться с обычаями страны. В одиннадцатое лето, 615, он явился к Двору в восточной столице. В сем году государь удалился от жаров в Фынь-ян-гун; а в восьмой луне Шиби с своими войсками произвел нашествие и окружил императора в Яймынь: но как скоро пришли вспомогательные войска, то Шиби обратно ушел; после сего он прекратил представление дани. В конце династии Суй открылись замешательства,[2] в продолжение которых великое множество жителей Срединного государства перешло к Шиби-хану, и он сделался могущественнейшим государем; принял императрицу Сяо-хэ́у, и поместил ее в Дин-сян. Сйе Гюй, Дэу Гянь-дэ, Ван Ши-чун, Лю Вучжéу, Лян Ши-ду, Ли Гуй, Гáо Кхай-дáо хотя приняли высокие титулы, но все назывались вассалами хана и состояли под его повелениями. Он имел до миллиона войска. Никогда и в древние времена северные кочевые не были столь сильны. Гао-цзу,[3] 618, восставший в Тхай-юань, отправил к нему сановника ‖ Лю Вынь-цзин с дарами для заключения мира. Шиби отправил Дэлэ Каншаоли представить 2 000 лошадей, 500 человек войска его присоединились к войскам императора при восстановлении спокойствия в столице, и хан считал это услугою. Посланники его в каждый приезд вели себя высокомерно. В первое лето

6

618

292

[1] Смерть Киминь-хана по Ганму последовала в конце 609 года.
[2] В Китае.
[3] Основатель династии Тхан.

618 правления Ву-дэ, 618, приехал к Двору Гудулу Дэлэ. Император угощал его в тронной Тхай-цзи-дянь; посланник при полной музыке посажен на престоле подле импе-
619 ратора. Во второе лето, 619, Шиби переправился через Желтую реку, и подошед к Хя-чжéу, соединился с Лян Ши-ду. Сопутствуемый мятежником Лю Вý-чжéу, он с 500 конницы вступил в Гэ́у-чжу в намерении напасть на Тхай-юань; но вскоре занемог и умер. Император изъявил сожаление на вратах Чан-лэ-мын; указал чинам явиться к посланнику его для утешения; отправил посланника отвезти к похоронам 30 000 кусков шелковых тканей. Сын его Шибоби, [впоследствии Тули-хан] по малолетству, не мог быть возведен на престол, и в достоинстве Нибу-Ше послан жить в восточной стороне, а поставили младшего Ханова брата Сылифо-Ше, под наименованием Чуло-хана.

[*Синьтаншу, гл. 140*а]

X. Чуло-хан. Чуло-хан опять взял за себя И-чен царевну из Дома Суй. Он отправил посланника с извещением, а между тем тайно вступил в связь с Ван-ши-чун. Ли Со-юй, главноначальствующий Лу-чжеу, убил его посланника в сражении, и в добычу получил до 10 000 штук быков и овец. Чуло-хан принял Ся́о-хэ́у, императрицу из Дома Суй, и Ян Чжен-дао, сына князя [1] Дун —
293 в местопребы‖вании мятежника Дэу Гянь-дэ; почему поставил Чжен-да́о государем с титулом Ван.[2] После такого восстановления Дома Суй, бежавшие к нему приверженцы сего Дома издали календарь, постановили чиновников.[3] Хан поместил их в Дин-сян с 10 000 войска. Цинь-ван [4] пошел на Лю Вý-чжéу. Були-Ше, младший брат Чуло-ханов, с 2 000 конницы присоединился к последнему в Бин-чжеу. В продолжение трех дней он забрал в городе всех женщин и девиц, и ушел. Главноначальствующий Ли Чжун-вынь не мог остановить его, потому что Цзюйлянь
620 Дэлэ пришел на помощь. В следующем году, 620, полагали взять Бин-чжеу. Стали ворожить на Ян Чжен-да́о. Вышла неудача. Приближенные советовали Чуло-хану остановиться. Хан сказал им: «мои предки потеряли царство; но при помощи Дома Суй удержались. Ныне забыть это предосудительно. Ворожба предсказывает

[1] Ци Ван. [Ван — титул вассального правителя].
[2] Не императором.
[3] Т. е. составили придворный штат.
[4] Впоследствии Тхай-цзун, второй государь из Дома Тхан. Цинь-ван зн. удела Цинь князь.

неудачу: неужели духи не знают этого? Я решился». Случилось, что три дни сряду шел снег; в орде в полночь слышен был большой крик, а людей вовсе не видно было. После сего хан занемог. Царевна дала ему принять снадобье. Вдруг открылась желтуха, от которой хан умер. Сын его Юеше-Ше по причине слабого сложения был обойден, и младший брат ханов Дуби наследовал престол под наименованием Хйели-хана.

XI. Хйели-хан Дуби. Хйели-хан прежде был Мохэду-Ше. Он поставил орду от Ву-юань прямо на севере.[1] Сйе Гюй, по взятии города Пьхин-лян, за‖ключил союз с ним. *294*
Император, озабоченный сим происшествием, отправил сановника[2] Юй-вынь Хань подкупить Хйели-хана, чтобы он прекратил связь с Сйе Гюй. Чжан-Чан-сунь, правитель области Ву-юань от Дома Суй, поддался неприятелям с пятью городами. Юй-вынь Хань присовокупил, чтоб по возвращении Ву-юань излить милости, и сверх сего выставить войско. Гюй и Чан-сунь с своими войсками присоединились к князю Цинь-ван. Наследник Гянь-чен[3] положил бросить Фын-чжéу и уступить земли в Юй-линь. После сего Чуло-ханов сын Юеше Ше с 10 000 юрт своего аймака вступил в Ордос, и округ Лин-чжéу поставил границею. Хйели-хан, взяв за себя И-чен царевну, Шибиева сына Шибоби сделал Тули-ханом, и поместил его на востоке. И-чен царевна была дочь князя Ян Хай. Младший ее брат также надеялся на тукюесцев, говорил Хйели-хану, что справедливость требует поддержать потомка Дома Суй: почему Хйели ежегодно производил набеги на Китай. Впрочем, полагаясь на стяжание, собранное отцом и старшим его братом, имея многочисленную и отличную конницу, он надмевался [возносился гордостью]. Стоя на степени выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Срединное государство, дерзко изъяснялся и на письме и на словах; производил большие требования. Император [Гаоцзу, первый правитель Танской династии] в то время занят был восстановлением порядка в империи; почему должен был унижаться пред ханом и делать большие пожертвования: но несмотря на большие дары и награды, хан еще был не доволен, и предъявил неограниченные требования.
В четвертое лето, 621, Хйели с ‖ 10 000 конницы соединился **621** *295*
с Юань-Гюнь-чжан, и произвел набег на Яй-мынь; но князь[4] Да-энь отразил его. Хйели задержал нашего

[1] Под Хангаем.
[2] Гуан-лу-цин.
[3] Ли Гянь-чен, старший брат князя Цинь-ван.
[4] Дин-сян-ван.

посланника князя[1] Хуань с прочими.[2] Император заточил столько же его посланников. После сего хан произвел набег на Да́й-чжеу, разбил главнокомандующего походных войск князя[3] Хяо-цзи, ограбил Хэ-дун, прорвался через укрепленную линию в Янь-чжéу. Полководцы, сражавшиеся с ним, не могли ни единого человека взять в плен.

Династия Тхан учредила в столице восемь дивизий. Из них первая дивизия называлась *Цзо-ю-вэй*, т. е. восточная и западная, вторая *Кяо-вэй*, третия *Ву-вэй*, четвертая *Вэй-вэй*, пятая *Лин-гюнь*, шестая *Гинь-ву*, седьмая *Гянь-мынь*, восьмая *Цянь-ню*. Каждая дивизия делилась на восточную и западную, и посему всего считалось 16 дивизий. В каждой дивизии был *Шан-гян-гюнь*, *Да-гян-гюнь* и *Гянь-гюнь*. Это три титула высших военных начальников; а пред титулами полагалось название дивизии. Пять первые дивизии содержали дежурство внутри дворца; дивизия Гинь-ву содержала караулы около дворца и в столице; дивизия Гянь-мынь содержала караулы при городских воротах, дивизия Цянь-ню содержала караулы в присутственных местах. Сих-то 16-ти дивизий военными чинами Дом Тхан жаловал иностранных владетелей и заграничных своих вассалов.

622 В следующем году, 622, возвратились Шунь-де и другие просили о заключении мира. Чжи Юй-цзя́о обманом предложил об утверждении дружбы между двумя государствами. Император еще не был расположен отпус-
296 тить, но ханский посланник Дэлэ Жохань и другие || отпущены за большую цену золота. Да-энь представил государю, что у тукюесцев голод, можно обратно взять Ма-и. Указано ему вместе с военачальником[4] Ду-гу Шен произвести нападение. Шен после объявил Да-энь, что он не смеет идти вперед, и расположился в Синь-чен. Хйели с несколькими десятками тысяч конницы, соединившись с Лю Хэй-да, окружил их. Да-энь погиб с потерею нескольких тысяч убитыми. Хан пошел далее и ударил на Хи́нь-чжеу, но Ли Гао-цянь разбил его. Лю Хэй-да с 10 000 тукюесцев беспокоил места по восточную сторону гор,[5] еще опустошил Ди́н-чжéу. Хйели не достиг желаемой цели: почему со 150 000 конницы вступил в Яй-мынь, обложил Би́н-чжéу, далеко простер грабительства в Фы́нь-

[1] Хань-яп-гун.
[2] Тхай-чан-цин.
[3] Юн-ань-ван.
[4] Дянь-чжун Шао-гянь.
[5] Хребта Тхай-хан.

чжéу и Лу-чжéу, в плен взял до 5 000 мужчин и женщин, отделил несколько тысяч конницы для произведения грабежей в Юáнь-чжéу и Лúн-чжéу; после сего наследник Гянь-чен выступил с войском по дороге из Бинь-чжéу, князь Цинь-ван выступил с войском по дороге из Пхýчжéу. Ли Цзы-хэ пошел с войском в Юáнь-чжéу, чтоб ударить в тыл хану; Хуань Дэ-цáо выступил из Хя-чжéу, чтоб пресечь хану возвратный путь. Главноначальствующий в Бин-чжéу, князь[1] Шень-фу дал сражение на восточной стороне реки Фынь-шуй, порубил до 500 неприятелей, в добычу получил до 2 000 лошадей. Сяо И, правитель окр. Фы́нь-чжéу, представил Двору 5 000 пленных. Неприятель взял крепость Да-чжень-гунь и дозволил войскам производить грабеж. Юй-вынь Синь, главно‖на- *297*
чальствующий в Хуй-чжéу и Ян Ши-дáо из Лин-чжéу противостали им и получили в добычу несколько тысяч голов верблюдов и лошадей. Хйели, получив известие о приближении князя Цинь-ван, пошел за границу. Императорская армия также возвратилась. В следующем году, 623, Хэй-да, Гюнь-чжан и другие малыми отрядами **623**
произвели набеги на Дин-чжéу, Кхуáнь-чжéу, Юáнь-чжéу и Шó-чжéу и с начальниками гарнизонов дрались с переменным счастием. Император, для предосторожности от неприятелей, предписал наследнику Гянь-чен опять расположиться по северной границе, князю Цинь-ван в Бин-чжéу, и по прошествии довольного времени отменено это. Не в продолжительном времени неприятели еще разбили одно военнопоселение; потом далее напали на Вэ́й-чжéу и Бинь-чжéу; взяли Мá-и, и вскоре предложили о мире, с уступкою сего города. В седьмое лето, 624, они напали на два **624**
областные города: Юáнь-чжéу и Шó-чжéу; вступили в Дàй-чжéу; но здесь не имели успеха; почему опять соединились с [Юань] Гюнь-чжан, осадили Лýн-чжéу и Иньшань-чен, и с разных сторон напали на область Бинчжéу. Цинь-ван с князем[2] Юань-ги, для предосторожности от хуннов [тукюе (у Иакинфа—дулга) — они считались потомками хуннов], расположился по дороге в Бинчжéу. Гюнь-чжан и неприятели ходили по областям Юáнь-чжéу, Шó-чжéу, Хинь-чжéу и Бинь-чжéу, производили опустошения, и полководцы несколько раз выгоняли их. В восьмой луне Хйели и Тули двинулись со всеми войсками, растянули лагерь от Юáнь-чжéу на юг, и всех привели в трепет. Им противостали Цинь-ван и князь

[1] Сян-и-ван.
[2] Ци-ван.

298 Юань-ги. Прежде сего в Гуань-чжун было || наводнение от проливных дождей, и доставление жизненных припасов прекратилось. Войско расположилось в Бин-чжéу. Ханы неожиданно с 10 000 конницы подъехали; выстроились при Ву-лун-бань, и несколько сот конников выступили для завязки сражения. Весь корпус изменился в лице [т.е. китайские войска пришли в трепет]. Цинь-ван с сотнею конников поскакал на неприятеля и закричал: «Двор не был неблагодарным пред тукюесцами; для чего же так далеко зашли во внутренность [т. е. внутрь страны]. Я, Цинь-ван: почему сам пришел решить дело с ханами. Если решились сражаться, то я только с сотнею конников. Попустому производить столько убийств бесполезно». Хйели усмехнулся и ни слова не сказал. Потом князь поскакал к Тули и сказал ему: «ты некогда заключил со мною клятву помогать друг другу в крайней опасности, а теперь нет и запаху от благовонных курений.[1] Желаешь ли одним разом решить дело?» Тули также не отвечал. Князь хотел переправляться за реку. Хйели видел, что войск у князя мало; притом слышал разговор его с Тули; почему начал внутренно подозревать Тули, и тотчас послал нарочного сказать князю: «пусть князь не жалуется на меня. Я не буду сражаться, а желаю переговорить с князем о деле». После сего хан отступил. Цинь-ван послал шпионов для рассеяния слухов. Тули действительно склонился на сторону князя и не хотел вступить в сражение, а Хйели не приневоливал его, напротив, отправил его с Цзяби-Дэлэ Сымо предложить о мире. Император согласился, и Тули сам предложил князю побрататься
299 с ним. || Император, приняв Сымо, повел его с собою на трон. Сымо с поклоном отказывался. Император сказал ему: я принимаю тебя в лице Хйели. Сымо исполнил повеление. Хйели только что заключил мир, как пошли сильные дожди; луки с стрелами ослабели. Хан с досадою пошел в обратный путь. Император, собрав государственные чины, предложил им вопрос: что нужно сделать для безопасности границы?[2] Юй Юнь, главный смотритель над общественными работами, предложил завести в Вуюань и Лин-ву гребной флот, чтоб запереть переправы через Желтую реку.[3] Сановник[4] Вынь Янь-бо сказал на это, что лучше возобновить долгий ров, выкопанный при

[1] В Китае клятвы заключаются с священным обрядом, при котором поклонение духам совершается с курением благовоний.
[2] Одной северной и наиболее в Ордосе.
[3] На юг, в Ордос.
[4] Чжун-шу Шы-лан.

династии Вэй,[1] для остановления хуннов. Император приказал Сан Сянь-хо провести по границе большую дорогу, вызвать из Гян-нань [где ныне провинции: Цзянсу, Цзянси и Аньхуй] судостроителей, и выслать большое число ратников для постройки военных судов. Хйели прислал к Двору посланника изъявить свое желание прикочевать к Бэ́й-лэ́у-гуань, и просить об открытии менового торга. Император не мог отказать. Он только что отменил в империи двенадцать ополчений, и обратил внимание на гражданское устройство; а как беспокойствия со стороны северных неприятелей снова начали усиливаться: то ополчения опять составлены для обучения ратников конной службе. В восьмое лето, 625, Хйели осадил Лин-чжеу, **625**
Шо́-чжеу и Да́й-чжеу. Военачальник[2] Хо Му вступил в сражение с ним под Синь-чен и был совершенно разбит. После сего Чжан Цзинь расположился при горе Ши-лин, Ли Гао-цянь—в Да-ву, Цинь-ван—в Пху-чжеу. Вначале император || почитал Тукюе равным государством; *300*
а теперь раздосадованный сказал: «в прошлое время, пока в империи еще не был утвержден порядок, я, для спокойствия нашей границы, был щедр к северным неприятелям. Ныне, как они нарушили договор, то я решился уничтожить их. Более не поблажнять им». Он приказал посылать вместо грамот указы в виде приказов. Цзинь еще не дошел до стоянки, как неприятели уже перешли через Ши-мин, обложили Бинь-чжеу, осадили Лин-чжеу, и наиболее устремились грабить Лу-чжеу и Цинь-чжеу. Ли-Цзин выступил с войском по дороге в Лу-чжеу. Главнокомандующий походных войск Жень Хуань расположился под хребтом Тхай-хан. Цзин дал сражение в Да-гу, и был совершенно разбит; сановник[3] Вынь Янь-бо попался в руки неприятелей. Чжан-дэ, главноначальствующий в Юнь-чжé, убит на сражении. После сего неприятели осадили Гуан-ву, но были разбиты князем[4] Дао-цзун. Юйгу-ше ограбил Суй-чжéу, и предложил о мире; потом разбил несколько уездов в Бинчжéу, вступил в укрепления военнопоселян в Ланьчжéу, Шань-чжéу и Пхын-чжеу. Хотя иногда одерживали верх над неприятелями, но не могли удержать их. Неожиданно они произвели набег на Юа́нь-чжеу. Военачальник[5] Ян Тхунь выступил против них, и в то же время

[1] Ца́о-вэй [220—265 гг. н. э].
[2] Ду-ду.
[3] Чжун-шу Шы-лан.
[4] Жинь-чен Ван.
[5] Че-вэй Гян-гюнь.

626 послал отряд расположиться в Да-гу. В девятое лето, 626, осадили Юа́нь-чжеу и Лин-чже́у; еще обложили Ля́н-чже́у; простираясь далее, напали на Цзин-чже́у и Юа́нь-чже́у. Ли Цзин вступил в сражение в Лин-чжеу, и неприятели ушли, но произвели набег на Си-Хой-чжеу, обложили
301 Ву-чен, || ходили взад и вперед в Лу́н-чже́у и Вэй-чже́у. Военачальник[1] Чай Чжао разбил их в Ци́нь-чже́у; убил одного дэлэ, трех великих предводителей и до тысячи рядовых. Кочевые вообще при удаче идут далее во внутренность, при неудаче не стыдятся просить мира. В седьмой луне Хйели с 100 000 конницы сам напал на Ву-гун. В столице приняли строгие меры. Хан осадил Гао-лин. Предводитель Гин Дэ-юй дал сражение в Цзин-ян, в плен взял Сыгиня Умучо, и убил до тысячи человек рядовых. Хйели отправил к Двору государственного сановника Чжиши Сыли, чтоб лично увидеться с нами.[2] При сем случае Сыли с самохвальством сказал: теперь два хана пришли с миллионом войска. Тхай-цзун[3] сказал на это: «Я лично заключил мирный договор с ханом; а вы нарушили его; сверх сего в начале справедливой[4] войны отец и сын [Хйели-хан был братом Чуло-хану и Шиби-хану, все они были сыновьями Кижинь-хана, Тули-хан был сыном Шиби-хана] согласились на мои предложения и награждены были несчетным множеством дорогих вещей и шелковых тканей; для чего же нагло пришли с войском в окрестности нашей столицы, и еще сами хвалитесь своим могуществом? Мне теперь остается прежде уничтожить вас». Сыли обробел и просил помилования. Сяо Юй и Фын Дэ-и советовали императору лучше отпустить его с учтивостью. Император не послушал их; велел связать Сыли в государственном кабинете; а сам с сановниками Гао Ши-лянь, Фан Сюань-лин, полководцем Чжеу Фань и шестью
302 конниками, || выехав из столицы через ворота Сюань-вумынь, приблизился к реке Вэй, и через реку упрекал в нарушении договора. Старейшины, увидя императора, ужаснулись, и сошед с лошадей, сделали поклонение. В скором времени и армия подошла. Сияние знамен и блеск стремян, чистота и выправка баталионов сильно изумили

---

[1] Пьхин-дао Гян-гюнь.

[2] Т. е. императором.

[3] В сем году [627 г. н. э. после отречения от престола его отца—Гаоцзу] Цинь-ван вступил на престол; по смерти в храме предков наименован Тхай-цзун.

[4] *Справедливою* названа внутренняя война, которую Ли Юань [будущий Гаоцзу], основатель династии Тхан, вел с мятежниками в защиту Дома Суй.

неприятелей. Император, взяв лошадь Хйелиеву за повода,[1] велел войскам отступить и выстроиться в боевой порядок. Сяо Юй, видя, что император пренебрегает неприятелем, взял лошадь его под устцы и начал отговаривать. Император сказал ему: «Я зрело обдумал все, и тебе нельзя знать это. Тукюесцы вымели нашу землю своими набегами. Как внутренние наши обстоятельства, по новости, затруднительны, то они думают, что я затворюсь в городе, а они между тем произведут большие грабительства в окрестностях столицы. Я выехал один, чтоб показать, что я ничего не боюсь; еще вывел хорошее войско, дабы они знали, что я решился дать сражение, и сверх их чаяния могу остановить первые их помыслы. Проникнув столь далеко во внутренность наших земель, они будут страшиться, что не могут возвратиться: и потому в случае сражения я могу одержать верх, в случае мира договор будет тверд. Сей поход должен решить судьбу нашего владычества над неприятелями». В этот день Хйели в самом деле предложил о мире, на который император согласился. На другой день закололи белую лошадь, и с Хйели заключили клятву на мосту Бянь-цяо. Тукюесцы пошли в обратный путь. Сяо Юй сказал императору, когда Хйели пришел, то многие военные начальники про‖сили дать *303*
сражение с ним: но тебе, государь, не угодно было, и неприятели пошли в обратный путь. Это превосходный план. Император сказал ему: «тукюесцы многочисленны, но у них нет порядка.[2] И государь и чины только смотрят на выгоды. Когда хан стоял по западную сторону реки,[3] то старейшины явились ко мне. Я упоил их до-пьяна и всех перевязал. Сделать это очень легко было. Я еще приказал полководцам Чан-сунь Ву-цзи и Ли Цзин скрытно провести войско в Ю-чжеу; и когда большая армия пойдет по пятам неприятелей, то засада должна была преградить им передний путь. Тогда взять их было бы столь же легко, как оборотить ладонь. Я недавно вступил на престол, и для государства спокойствие и тишина еще необходимы. Начав войну с неприятелем, мы много потеряли бы убитыми и ранеными. Неприятель был бы разбит, но не побежден, и еслиб страх обратил их к порядку,[4] и поселил ненависть к нам, тогда могли ли бы мы противустать ему? Ныне, положив оружие и свернув латы, если

---

[1] Уже по переходе через реку.
[2] Т. е. военной дисциплины.
[3] Вэй.
[4] В подлиннике: к добродетелям.

польстим неприятелю дорогими вещами и шелковыми тканями, то они не преминут возгордиться; а высокомерие поведет их к погибели: и посему говорится: желая взять непременно отдашь».[1] Сяо Юй, двукратно поклонившись, сказал: не мне глупому постигать это. И так император приказал военачальникам Дэ́у Лу-кхуань[2] и Чжа́о Чо препроводить тукюесцев. Хйели представил в дар 3 000 голов лошадей и 10 000 штук баранов; но император не при-
304 нял, а указал, чтобы воз‖вратили всех наших пленных.
627 В первое лето правления Чжен-гуань, 627, отложились от хана поколения Сйеяньто, Хойху и Байегу. Тули, посланный для усмирения их, проиграл сражение и с легкою конницею бежал. Хйели, рассердившись, посадил его под стражу. С этого случая Тули начал питать злобу к нему. В сем году выпали глубокие снега. От стужи много погибло лошадей и овец; люди терпели голод. Тукюесцы, страшась, чтобы императорское войско не воспользовалось худым их положением, вступили с своим войском в Шо́чжэ́у — под предлогом для звериной ловли. Государственные чины просили выставить на вид нарушение договора, и по сему поводу объявить войну. Император сказал на это: «И простому человеку нельзя не верить, кольми паче государю. Мы заключили клятву с ними. Можно ли, пользуясь их бедствием, искать погибели их? Пусть они не по правде поступят с нами; тогда можем объявить войну».
628 В следующем году, 628, Тули и сам ополчился; но атакованный Хйели ханом, просил помощи. Император сказал: «Я с Хйели заключил клятву, а с Тули вступил в братский союз: как же не подать помощь последнему?» И так император указал полководцу Чжэ́у Фань, окопавшись в Тхай-юань, сделать приуготовления к войне. Хйели также умножал войска и украдкою поглядывал за границу. В следующем году поколение Сйеяньто объявило своего хана и прислало посланника. Указано президенту Военной палаты Ли Цзин ударить на неприятеля в Ма-и. Хйели ушел. Девять Сыгиней с своим народом поддались. Байегу, Пугу и Тунло, Сихи и Кюйчжан[3] приехали к Двору.
305 После сего ‖ указано всем пограничным корпусам выступить в поход. Назначено шесть главнокомандующих со 100 000 войска под верховным начальством полководца Ли Цзин. Князь[4] Дао-цзун имел сражение в Лин-чжэ́у,

---

[1] За чужим погонишься, свое потеряешь.
[2] Дянь-чжун-гян.
[3] Т. е. начальники сих поколений.
[4] Жень-чен-ван.

и захватил до 10 000 людей и скота. Тули, Юэше Ше и Иннай Дэлэ бежали в Китай; известие о победе чрез сутки дошло. Император, разговаривая с вельможами, сказал: «При первоначальном утверждении престола высочайший родитель мой для спасения подданных унизился пред тукюесцами и *назвался вассалом их*. Я всегда с стесненным сердцем и страждущею головою помышлял смыть это поношение в Поднебесной. Ныне само Небо ведет моих полководцев. Куда ни устремляются, всюду побеждают. И так надеюсь кончить дело с полным успехом». В четвертое лето, 630, в первый месяц, Ли Цзин расположился у гор Ву-ян-лин, и в ночи неожиданно напал на Хйели. Хйели в тревоге отступил к Я-цзи-кхэ́у. Главный старейшина Кансуми с прочими покорился, и выдал императрицу из Дома Суй Ся́о-хэ́у и с нею Ян Чжен-да́о.[1] Хйели в крайности пошел к горам Тьхйе-шань. Он еще имел несколько десятков тысяч войска. Приехал к Двору посланник его Чжиши Сыли под предлогом извиниться в прошедшем и просить принять его в подданство. Император указал сановнику[2] Тхан Гянь и военачальнику Ань Сю-жень отправиться с бунчуками для успокоения. Ли Цзин предвидел, что пока Тхан Гянь пробудет в стану неприятелей, они останутся спокойны: || почему неожиданно напал на них, и все войско взял в плен. Хйели на превосходном аргамаке один поскакал к Шаболо: но предводителем[3] Чжан Бао-хан пойман. Шаболо Ше́ Суниши покорился с своим войском. Сим образом царство их пало: земли округов Дин-сян и Хын-ань возвращены, и пределы расширены до Великой песчаной степи. По прибытии Хйели в столицу, донесено о пленных в великом храме. Император вошел в Шунь-тьхянь-лэ́у.[4] Расставлено войско, и дозволено всему народу смотреть. Когда чиновники привели хана, император сказал ему: «Ты виновен в пяти поступках: 1) твой отец потерял царство, и при помощи Дома Суй опять получил его; а ты не истратил ни одной стрелы, чтобы помочь сему Дому, и чрез то довел, что в великом храме его и в храме Ше и Цзи нет ни жертв ни предложений;[5] 2) быв в соседстве со мною, ты нарушал

630

306

---

[1] Претендент престола из Дома Суй, племянник императрицы.

[2] Хун-лу-цин.

[3] Хин-гюнь Фу-цзун-гуань.

[4] [Лэу] название отдельного дворцового здания на воротах или в саду.

[5] Т. е. Дом Суй потерял престол, ибо храм предкам и храм духам Ше и Цзи суть две главные принадлежности царствующей династии.

верность, и обеспокоивал границы; 3) надеясь на свою силу, ты не прекращал войны, и тем возбудил ропот в аймаках; 4) грабил китайских подданных, уничтожал хлеб на полях; 5) согласившись на мир и родство, длил время, и потом сам скрылся. И так я имею довольно причин предать тебя смерти: но я не забыл еще клятвы, заключенной при реке Вэй, и потому не преследую твоих вин». И так возвратили хану Хйели всех его домашних, поместили его в Тхай-пху, и доставляли ему съестные припасы. Сыгйе Сыгинь покорился с 40 000 народа. Младший
307 ханов брат Юйгу‖ше бежал в Гао-чан; но вскоре также покорился. Начальник города Иву, бывший вассалом тукюеским, пожертвовал семью городами; почему земли его превращены в округ Си-и-чжéу. Пред сим у тукюесцев свирепствовала зараза, и по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей. Император приказал начальствам принесть жертву из вина и сушеного мяса, и похоронить их. Еще во время смятений при династии Суй множество китайцев ушло к неприятелям, почему, по повелению императора, выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80 000 душ обоего пола. Все они по возвращении оставлены в народном сословии [минь-ху, т. е. не подвергались наказанию за уход из Китая]. Хйели не жил в комнатах, а всегда ставил для себя орду.[1] Он долго был задумчив и печален; пел с своими домашними заунывные песни и проливал слезы. Он похудел. Император сжалился над ним. Как в Ху-чжéу в горах много было сохатых и оленей, то можно было находить удовольствие в звериной охоте. Почему император определил Хйели правителем сей области: но Хйели отказался; а вместо сего помещен был в гвардии, и получил военный чин,[2] дом и лучшие пашенные земли. В восьмое
634 лето, 634, Хйели умер. По смерти пожалован княжеским достоинством[3] и именем *Хуан*.[4] Указано вельможам похоронить его. Труп Хйелиев, по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба. По падении Хйелиевом из подданных его иные пошли к
308 Сйеяньто, другие ушли в Западный край, и ‖ при всем том число поддавшихся Китаю еще простиралось до ста тысяч. Указано положить в совете мнение, как поступить с ними. Вообще полагали, чтоб тукюесцев, как они долго обеспо-

[1] Т. е. ханский шатер или палатку.

[2] Ю-вэй Да-нянь-гюнь.

[3] Гуй-и-ван, что значит: князь, обратившийся к справедливости.

[4] Непостоянный, неосновательный.

коивали Срединное государство, и покорились пораженные гневом Неба, а не по любви к справедливости, всех включить в число пленников,[1] и поселить внутри Китая на порожних местах, чтоб они занимались земледелием и ткачеством; сим образом превратив миллионы кочевых в мирных поселян, умножить чрез то народонаселение Срединного государства, а страны на север от песчаной степи оставить пустыми. Сановник[2] Вынь-Янь-бо предложил поступить, как поступил Дом Хань в правление Гянь-ву, 25—55 по Р. Х., т. е. поместить покорившихся тукюесцев по укрепленной линии в Вуюань, оставить аймаки в целости, чтоб они прикрывали границу; не изменять их обычаев; и, обласкавши их, заселить ими пустопорожние земли; сверх сего показывать, что ни мало не подозревают их. Поселить же их внутри Китая, вопреки коренным их свойствам, не есть мера содержать и питать их. Сановник[3] Вэй Чжен[4] говорил: «тукюесцы суть вечные враги Срединного государства. Ныне они покорились нам. Если не желаете истребить их, то должно обратно отправить их на северную сторону Желтой реки.[5] Они имеют зверскую, дикую душу, не одного происхождения с нами. При слабости преклоняются к земле, при си‖ле производят бунты — таковы суть свойства их. Сверх сего Домы Цинь и Хань с отличными войсками и храбрыми полководцами взяли у них Хэ-нань,[6] и разделили на области и уезды, чтобы не допустить их приближаться к Срединному государству. К чему государь желает поместить их в Хэ-нань? Сверх сего число покорившихся простирается до 100 000 душ. Если сие число со временем умножится вдвое и будут жить поблизости к столичному округу, то составят внутреннюю болезнь». Янь-бо сказал на это: «Совсем напротив. Сын Неба в отношении к иностранцам четырех стран как—небо и земля, которые питают все живущее, покрывают и содержат все в целости и спокойствии. Ныне тукюесцы поражены и уничтожены. Остальные роды пришли к нам искать спасения. В сем положении не оказать сожаления к ним и отвергнуть их несообразно с справедливостью Неба и земли, благодетельствующих всем; значит навлекать общую

309

[1] Пленные из зависимых владений делались невольниками, что и до ныне в Китае осталось неизменным законом.
[2] Чжун-шу Лин.
[3] Ми-шу-гянь.
[4] Сочинитель истории.
[5] За Ордосом на север.
[6] Ордос.

ненависть иностранцев четырех стран. По моему мнению, поместить их в Хэ-нань значит воскресить их от смерти, избавить от погибели. Они из рода в род будут помнить благодеяния». Чжен сказал на это: «В царствование династии Вэй[1] [220—265] кочевые были расселены по ближним округам. Когда Дом Цзинь [265—420] покорил Дом Ву[2] [222—280], Го Цинь советовал государю Ву-ди изгнать их. Совет его не был принят, и смятения при Лю и Ши в основании потрясли Срединное государство. Государь непременно желает поселить тукюесцев в Хэ-нань;
310 это значит воспиты‖вать тигров для собственной погибели». Янь-бо сказал на это: «Закон такого мужа всюду проникает:[3] почему сказано: можно образовать неимеющих единства в происхождении. Оставшиеся после сражения в крайности обратились к нам. Мы примем их под свой кров и поселим внутри Китая; приучим их к вежливости, научим ткачеству и земледелию; изберем между ними благородных старшин в службу при Дворе. Чего же опасаться здесь? Сверх сего, когда Гуан-ву[ди] поставил южного Шаньюя, то не было ни крамольников, ни беглых». После сего сановники Янь Ши-гу,[4] Ду Чу-кхэ[5] и Ли Бо-ю[6] советовали императору лучше поселить их по северную сторону Желтой реки,[7] для управления аймаками посадить старшин, сообразно с количеством земли, и сделать их независимыми друг от друга. При ограниченном пространстве владений и разделении власти, по их мнению, они никогда не в состоянии спорить с Срединным государством. Длинные повода суть мера к прочному обузданию. Император склонился на мнение Вынь Янь-бо и обратил внимание на земли в Шо-фан. От Ю-чжéу до Лин-чжéу учредил четыре округа: Шунь-чжéу, Ю-чжéу, Хуа-чжéу и Чан-чжéу, и составил из них губернаторства.[8] Из прежних Хйелиевых земель на востоке учредил губернаторство Дин-сян, на западе губернаторство Юнь-чжун — два губернаторства под одним правлением. Старейшины поставлены пятисотенными начальни-
311 ками и при ‖ них мелкие чиновники для отправления к Двору. Несколько тысяч семейств поселено в Чан-ань.

[1] Цáо-Вэй.
[2] Цзинь и Ву, две династии, в период троецарствия бывшие.
[3] Т. е. есть вседействующий. Говорится в общих физических и нравственных законах в природе.
[4] Чжун-шу, Шы-лан. Ч.
[5] Цзи-шы-чжун. Ч.
[6] Ли-бу Шы-лан. Ч.
[7] За Ордосом на север.
[8] На кит. *Ду-ду-фу*.

Тули-хан поставлен правителем в Шунь-чжéу, и получил приказание отправиться в свой аймак для управления.

XII. Тули-хан. Тули-хан вначале был Нибу Ше. Он женился на Хуай-нань царевне из Дома Суй. Хйели, по вступлении на престол, поручил своим младшим братьям: Яньто Ше управление поколением Яньто, Були Ше управление поколением Си [Байси], Тун-Дэлэ управление поколением Ху, Ху-Дэле поколением Хусйе, Тули-хана поставил правителем поколений Кидань и Мохэ. Тули-хан поставил орду [шатер, ставку] в юге прямо против Ю-чжéу. Народы восточной стороны все были под его властью. Тули собирал беззаконные подати, и подчиненные вышли из повиновения ему; по сей причине Сйеяньто, Хи и Си поддались Китаю. Хйели-хан отправил войско против них: но сие войско было совершенно разбито. Хйели взял Тули под стражу, наказал палкою, и по прошествии довольного времени простил его. Тули некогда лично заключил союз с государем Тхай-цзун.[1] [Тогда он еще не был государем, а только князем (Цинь-ван).] Когда Хйели пришел в бессилие, то несколько раз требовал войск от Тули, но Тули не слушал его, от чего произошла война между ними. Тули просил дозволения явиться к Двору. По сему случаю император сказал своим приближенным: «Ныне у тукюесцев происходят гибельные смятения. Власть хана не признают. Тули есть ближайший родственник, но и он не ручается за личную безопасность, и прибегнул к нам. Как скоро северные кочевые придут в сла‖бость, то наши 312
пограничные пределы спокойны. Впрочем и при их погибели мы не можем почитать себя вне опасности. Есть непредвидимые случаи, могущие навлечь несчастия». Тули по прибытии принят был с приличными [подобающими] почестями. Он удостоен царского стола, получил военный чин,[2] княжеское достоинство[3] с 700 семейств для содержания. Когда же он поставлен был губернатором, Тхай-цзун в указе сказал ему: «Когда дед твой Кижинь был поражен, Дом Суй восстановил его и не мстил. Твой отец Шиби напротив сделался врагом Дома Суй. Ты ныне в крайности прибег ко мне и я, смотря на прошедшие примеры, не поставляю тебя ханом. Я желаю доставить спокойствие Срединному государству, и спасти твой род от погибели; и по сей причине даю тебе губернаторство. Не нападайте друг на друга». Тули с преклонною головою выслушал государево наставление. После он в проезд

[1] См. 624 год.
[2] Ю-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Бэй-пьхин-гюнь-ван.

чрез Бин-чжéу к Двору умер на дороге, 29 лет от роду. Император изъявил сожаление, и приказал украсить кладбище по их обычаю. Ему наследовал сын его Хэлоху. Император предпринял путешествие в Гю-чен-гун. Тулиев младший брат Гэшешуай, служивший в гвардии, тайно условился с своими родовичами произвести бунт, отнять Хэлоху и возвратиться на север, почему и решился напасть на путевый лагерь государя. В сию ночь поднялся сильный ветр. Гэшешуай, опасаясь, чтоб заговор не открылся, с криком начал стрелять в средний лагерь[1] и убил несколько человек. Телохранители устремились про-
313 тив || него. Хэлоху бежал, убил конюших и украл лошадей, чтоб переправиться через реку Вэй, но объездным караулом схвачен и убит. Гэшешуай бежал за горы.[2] После чего чины снова представили государю, что не должно селить тукюесцев внутри Китая. Император также скорбел; почему Ашину Сымо поставил Иминишу Сылиби-ханом и удостоил прозвания Ли; назначил ему иметь орду по северную сторону Желтой реки,[3] и всех тукюесцев возвратил на прежние земли.

XIII.* Иминишу Сылиби-хан Сымо. Сымо был дальний родственник Хйелиев. Отец его назывался Дулу Ше. Еще когда Кижинь бежал к Дому Суй, то поколения, оставшиеся по северную сторону Великой песчаной степи, поставили Сымо ханом; а по возвращении Кижиня в свои владения Сымо сложил с себя ханское достоинство. От природы был остр; искусно гадал. Шиби и Чуло — оба любили его. Но как он лицем походил на тюркистанца Ху, то подозревали, что он не из рода Ашины: по сей причине был только Гяби Дэлэ, а не имел достоинства Ше. В правление Ву-дэ, 618—626, он несколько раз приезжал к Двору в качестве посланника. Гао-цзу хвалил его за искренность, и дал ему княжеское достоинство.[4] Когда прочие поколения поддались Китаю, то Сымо один остался при Хйели, и вместе с ним пойман. Тхай-цзун, считая его верным, дал ему важный военный чин[5] и губернаторство в Хуа-чжéу с управлением бывшего Хйелиева аймака.
314 Он помещен был в Хэ-нань[6] и по||вышен в княжеском до-

---

[1] В сем лагере располагается ставка государева.
[2] Сие происшествие по *Ганму* случилось летом 693 года.
[3] За Ордосом.
* [В настоящем издании разделы XIII—XXI соответствуют разделам XII—XX первого издания.]
[4] Хо-шунь-гюнь Ван.
[5] Ю-ву-хóу Да-гян-гюнь
[6] В Ордосе.

стоинстве.[1] Поселенный внутри, он опасался Сйеяньто, и не смел выйти за укрепленную линию. Император отправил к Яньто сановника[2] Го Сы-бэнь с бунчуком и грамотою, в которой писал: «Срединное государство, руководствуясь приличием и справедливостью, еще не уничтожало чужих царств. Хйели был неистов и бесчеловечен. Он взят силою оружия, но не с тем, чтобы воспользоваться его землями и людьми: почему покоренное поколение его помещено в стране Хэ-нань, изобилующей пастьми и превосходными источниками, чтоб оно там занималось скотоводством, и день ото дня размножало его. Ныне опять Сымо поставлен ханом, и возвращен на прежние свои земли. Яньто прежде получил престол и старее тукюе. Землями от Великой песчаной степи к северу[3] Яньто должен управлять, от степи на юг — тукюе. Каждый должен охранять свои пределы и не нападать друг на друга. Кто нарушит договор, того я сам накажу оружием». И так Сымо собрался в дорогу. Император сделал угощение, при котором, подозвав Сымо к себе, сказал: «Посадив одно растение, одно деревцо, мы радуемся, когда они хорошо растут; кольми паче я, пропитывая людей твоего аймака, распложая твоих лошадей и овец. Жаль, что могилы твоего отца и матери находятся по северную сторону Желтой реки.[4] Теперь ты возвращаешься в древнюю орду: почему для утешения я угощаю тебя столом». Сымо прослезился, выпил бокал за здоровье государя и сказал: «Государь! ты позво‖ляешь оставшимся от поражения похоронить 315
кости на древней родине. Желаю, чтоб мои потомки из рода в род служили Дому Тхан — из благодарности за великие благодеяния». После сего князь Сяо-гун[5] и сановник[6] Лю Шань отправились в поколение Сымо, сбили при Желтой реке высокую насыпь, на которой вручили хану жалованную грамоту и пожалованные государем литавры и знамена.[7] Еще государь указал пожаловать военачальника[8] Ашину Чжун восточным Чжуки-князем, военачальника[9] Ашину Нишу западным Чжуки-князем, и обоим быть помощниками при Сымо. Сйеяньто, узнав о

---

[1] Хуай-хуа Гюнь Ван.
[2] Сы-нун-цин.
[3] Т. е. Чжунь-гариею и Халхою.
[4] За Ордосом.
[5] Чжао-гюнь Ван.
[6] Хун-лу-кин.
[7] Сие происшествие в *Ганму* описано под 639 же годом.
[8] Цзо-тхунь-вэй Гян-гюнь.
[9] Цзо-ву-вэй Гянь-гюнь.

переселении тукюесцев на север, опасался, чтобы народ не стал перебегать туда, поставил войско для удержания от перехода через Великую песчаную степь. Когда приехал посланник, то Сйеяньто, поблагодарив последнего, сказал: «Сын Неба указал нам не нападать друг на друга. Я с поклонением принимаю указ его. Но тукюесцы народ пьяный, беспокойный и непостоянный. Они пока не погибли, резали жителей Срединного государства как коноплю. Императору, по уничтожении царства их, надлежало бы взять аймаки их в неволю, чтоб вознаградить потерю подданных Дома Тхан: но их содержали как сыновей, а Гэшешуай наконец произвел бунт. Очень ясно, что невозможно верить им. Впоследствии если они произведут возмущение, пусть император дозволит мне истре-
641 бить их».[1] В пятнадцатое лето, 641, Сымо со 100 000 на-
316 рода, 40 000 строевого вой‖ска[2] и 90 000 голов лошадей переправился через Желтую реку, и выставил флаг в старом городе Дин-сян-чен.[3] В сей стране на юге большая река,[4] на севере Белая дорога; паствы обширны, почва наилучшая; почему тукюесцы со спором делились. Сымо отправил к Двору посланника принесть благодарность и представить, что «он, по милости государевой утвердив прочное жилище, обещается за свой род быть псом для государства, и с лаем стеречь северные врата[5] Сына Неба. Но если последует притеснение со стороны Сйеяньто, то желал бы вступить внутрь Долгой стены для охранения». Император указал согласиться. Сымо прожил три года и не мог привлечь народ к себе. Многие из его подданных ушли на север. Ему совестно было; почему возвратился к Двору,[6] и просил оставить его в корпусе телохранителей.[7] Следуя за государем на войну в Ляо[8] [Южная Маньчжурия], он был ранен стрелою. Император высасывал кровь из раны; так он жалел его. Сымо по возвращении скончался в столице. По смерти пожалован титулами президента Военной Палаты, главноначальствующим в Хя-чжéу. Погребен на царском кладбище Чжаолин. Могила сделана на горе Бай-дао-шань. Каменный памятник с описанием заслуг его поставлен в Хуа-чжéу.

[1] Т. е. Дом Тукюеский, а не подданных его.
[2] Строевое войско в числе 100 000 народа.
[3] Близ города Хуху-хота, по восточную сторону Ордоса.
[4] Желтая река.
[5] Северные дворцовые врата, т. е. оружием защищать династию от неприятелей с северной стороны.
[6] По *Ганму* в 644 году.
[7] В чине Ю-ву-вэй Ган-гюнь.
[8] В Корею в 645 г. *Ганму*.

Западный Чжуки-князь Ашина Нишу был сын Сунишиев. Когда он поддался Китаю, то император выдал за него княжну из своего Дома, пожаловал ему ‖ имя Чжун.[1] *317*
По выезде при Сымо за укрепленную линию, всегда вспоминал Срединное государство и, увидя посланника, не мог удерживаться от слез. Он просил принять его в службу при Дворе, и был принят. Когда же Сымо отказался от царства, то оставшиеся мало по малу перешли через Желтую реку на юг и рассеянно поселились в областях Шен-чжéу и Хя-чжéу. Когда император отправлялся на войну в Ляо, то некоторые представляли ему, что тукюесцы селятся в Хэ-нань, недалеко от столицы, и просили не отправляться на восток. Император сказал им: «Царствующий не должен ни кого подозревать». Как скоро народ, по отбытию Сымо, подался на юг, то Чеби-хан силою занял прежние земли его.[2]

XIV. Чеби-хан. Чеби также был из рода Ашины, из Тулиева аймака, по имени Хубо. Он был наследственно малым ханом. Когда пал Хйели, то поколения хотели поставить Хубо государем над собою: но в это время Сйеяньто объявил себя ханом, и они поддались ему. Чеби был чрезвычайно решителен и благоразумен: и потому народ охотно повиновался ему. Сйеяньто боялся его, и шел к нему, чтобы убить его. Чеби с своим народом уклонился. Несколько тысяч конницы по пятам преследовали его, но не могли одержать поверхности [верха]. Чеби ушел на северную сторону Золотых гор.[3] Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов; только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные, и Чеби занял их. Он, имея 30 000 ‖ строевого войска, объявил себя Ичжу Чеби ханом; кочевал *318*
в 10 000 ли от Чан-ань. Он покорил на западе Гэлолу, на севере Гйегу; часто выезжал для похищения людей и скота у Яньто. Когда Яньто пришел в бессилие, то Чебиево положение еще лучше сделалось. В двадцать первое лето, 647, отправил сына своего Шаболо Дэлэ к Двору для пред- **647**
ставления местных произведений, причем просил дозволение лично явиться к Двору. Император послал военачальников Ань Тьхяо-чже и Хань Хуа[4] принять его. По прибытии их в орду Чеби пришел в затруднение, потому что он не имел желания ехать к Двору. Хань Хуа тайно

---

[1] Верный, усердный.
[2] Вдоль Великой стены между Калганом и Ордосом.
[3] Т. е. Алтая, главного узла Алтайских гор.
[4] Первый Юань-хой Гян-гюнь, вторый Ю-тхунь-вэй Лан-гян.

условился с Гэлолу схватить его. Чеби усмотрел это. Хуа умер в драке с сыном Чебиевым Чжиби Делэ; Тьхяо-чже убит. Император прогневался, и отправил военного сановника[1] Гао Кхань, чтоб он с войсками ойхоров [уйгуров] пугусцев напал на Чеби. Главные его старейшины Кэллунишукюй Сылифа и Чумугунь Мохэду Сыгинь один за другим покорились. Кхань ударил на аймак Асишань; но сей не захотел вступить в сражение. Чеби, в сопровождении нескольких сот конников, бежал. За ним гнались до Золотых гор, где поймали его и представили в столицу. И так Гао-цзун приказал развязать пленных и представить в храм Ше и Цзи, в Великий храм и на царское кладби-
319 ще[2] Чжао-лин. Чеби пожа‖лован высшим военным чином[3] и получил дом для житья. Народ его помещен у гор Юйдугюнь, а в управление поручен главноначальствующему у гор Гяньлан.[4] Сим образом все тукюесцы сделались пограничными вассалами Китая. В сие время учреждены: Шаньюево наместническое правление,[5] которому подчинены три губернаторства:[6] Лан-Шань, Юнь-чжун и Сан-гань, и 24 округа, как-то: Сунун и пр.[7] наместническое правление Байкальское,[8] которому подчинены семь губернаторств, как-то: Гинь-вэй, Синь-ли и пр., и восемь округов, как-то: Сянь-э,[9] Хэго и проч. Старейшины поставлены начальниками в губернаторствах. В первое
664 лето правления Линь-дэ, 664, наместническое правление Байкальское переименовано Яньжаньским.[10] Оно заведывало ойхорами [хойху]. Байкальское наместническое правление было переведено в старый городок Юнь-чжун-чен под названием наместнического правления в Юнь-чжун. Все кочевые округи, лежавшие от песчаной степи к северу, подчинены Байкальскому правлению, лежавшие к югу подчинены правлению в Юнь-чжун. Юнь-чжун служил местопребыванием И-чен царевны. По уничтожении Хйелихана, Ли-цзин перевел в Юнь-чжун несколько сот

---

[1] Ю-ки вэй Лан-гян. Гáо Кхань отправлен в 649 году. Император никакого повода к сей войне не имел; и потому главнокомандующий в *Ганму* не назван прозванием с именем. Это есть историческое замечание.

[2] Это китайский триумф.

[3] Цзо-ву-вэй Гян-гюнь. Ч.

[4] Сие происшествие в *Ганму* описано под 650 годом.

[5] На китайском Шань-юй Ду-хо Фу.

[6] На китайском Ду-ду Фу.

[7] На китайском Хань-хай Ду-хо-фу.

[8] Селенгинское.

[9] Т. е. Хангайским.

[10] Сянь-э или Яньчжанское.

разоренных тукюеских юрт. Ашина-дэ поставлен был главою над ними. Как скоро сии переселенцы размножились, то просили, чтоб кого-нибудь из князей императорского Дома поставить ханом, который заочно управлял бы ими. Император сказал: ныне хан есть то же, что в древ‖ности *320*
шаньюй: почему правление в Юнь-чжун переименовал Шаньюевым Великим наместническим правлением, и князя[1] Хэй поставил Шаньюем-наместником. Император, при отправлении для жертвоприношения на горы, взял с собою начальников гэлолу, чыли и пр., всего более тридцати человек. Когда они приехали к горе Тхай-шань, император пережаловал их достоинствами и, как сказывают, приказал имена их вырезать на камне, поставленном в память жертвоприношения на горе. Тридцать лет в северных странах не слыхали военного шума. В первое лето правления Тьхя́о-лу, 679, в шаньюевом губернаторстве взбунтовался главный старейшина Ашидэ с двумя поколениями:[2] Выньфу и Фыньчжи. Они поставили Ашину Нишуфу ханом. Старейшины 24 округов все взбунтовались и приняли его сторону. Для усмирения их назначены трое главнокомандующих: Сяо Сы-йе[3] Юань Да-чжи[4] и Ли-Цзин-гя.[5] Сии полководцы, полагаясь на свои победы,[6] не брали предосторожностей. Выпали снега и ратники терпели холод. Неприятели неожиданно напали, и нанесли большое поражение. До десяти тысяч потеряно убитыми и в плен взятыми. Да-чжи, собрав остальные войска, и шел и сражался, и таким образом спасся. После сего назначен Пхэй Хин-кянь[7] главнокомандующим против мятежников. В следующем году, 680, Хин-кянь дал
сражение у горы Хэй-шань, и совершенно раз‖бил их. *321*
Свои подчиненные убили Нишуфу, и с его головою покорились. Поймали Выньфу, и Фыньчжи и возвратились; остальные расположились у гор Лан-шань, и ограбили Юнь-чжéу. В том же 680 году поколение Выньфу еще в Хя-чжéу приняло Хйелиева потомка Фуняня, переправилось за Желтую реку и объявило его ханом, прочие поколения приняли сторону их; почему в следующем году, 681, они произвели набеги на два округа Юáнь-чжéу и

679

680

681

[1] Инь Ван. Это был сын царствовавшего императора.

[2] Ашидэ есть дулгаское [тукюеское] троесложное прозвание. См. *Ганму*. 679 год.

[3] Хунлу-кин-Шаньюй-Да-ду-хо-фу Чжан-шы.

[4] Цзо-мин Гюнь-вэй Гян-гюнь.

[5] Ю-цянь-ни Вэй Гян-гюнь.

[6] Они сначала сряду одержали несколько побед. *Ганму*. 679 год.

[7] Ли-бу Шан-шу. Ч.

Кин-чжéу. Цхэй Хин-кянь снова назначен главноначальствующим. Лазутчики ложно разгласили, что Фунянь и Выньфу укрепились у черных песков[1] и терпят большой голод. Один Хуай-шунь поверил этому, и с легким войском удвоенным ходом пришел к черными пескам, но неприятелей там не было; нашел только остатки поколения Сйеяньто и покорил их. На возвратном пути к Долгой стене встретил Выньфу и вступил в сражение. Урон убитыми с обеих сторон был равен. Из Хин-кхэ́у выслали лазутчиков. Фунянь и Выньфу поссорились. Посланное войско разбило Фуняня. Фунянь при отступлении встретился с Хуай-шунь, который целый день дрался и, наконец, был разбит. Бросив войско, он бежал в Юнь-чжун. Неприятели напали на ратников и побили великое множество. Все убитые лежали лицем на полдень.[2] Хуай-шунь, заколов скотину, заключил с Фунянем клятву, и тем спасся. Фунянь подался далее к северу; оставя обоз с семейством, укрепился у гор Гинь-я-шань, и думал с легкою конницею неожиданно напасть на Хуай-шунь. Но случилось, что
322 обоз его[3] || взят одним отрядом полководца Хин-кянь. Фунянь на обратном пути не мог найти пристанища; почему пошел на север к мелким пескам. Хин-кянь послал отряд преследовать его. Фунянь, предполагая, что императорское войско не может идти столь далеко, не брал военных предосторожностей. Когда же войско приблизилось к нему, то он в испуге не в состоянии был вступить в сражение: почему короткою дорогою отправил к Хин-кянь нарочного, взял Выньфу и покорился. Хин-кянь взял их и препроводил в столицу, где на восточной площади отсекли им головы. В первое лето правления Юн-шунь,
682 682, еще Гудулу взбунтовался.

XV. Гудулу. Гудулу был дальний родственник Хйелиев, глава поколения Ханьли-Юаньин в губернаторстве в Юнь-чжун. Он наследственно получил достоинство Тутуня. После падения Фунянева все рассеялись; осели у гор Цзун-цай-шань и построили городок Хэй-ша-чен. Число их простиралось до 5 000 человек. Гудулу ограбил девять родов[4] и мало по малу очень разбогател лошадьми: почему объявил себя ханом. Из младших своих братьев, дал Мочжо достоинство Ша, а Дусифу достоинство Шеху. В сие время в Шаньюевом правлении поверяли в айма-

[1] Хэй-ша.

[2] Т. е. убиты на побеге.

[3] Обоз кочевых состоит из семейств с домашним имуществом и скотом, оставляемым вдали от театра войны.

[4] Собственно ойхорского [хойху] поколения.

ках число покорившихся кибиток. Ашидэ Юань-чжень был взят под стражу правителем дел Ван Бэнь-ли. Случилось, что Гудулу произвел набег. Юань-чжень просил дозволение внушить поколениям откупиться от вины. Это было дозволено. Как скоро поколения покорились, то Гудулу составил с ними заговор, в следствие которого все, и || Або, и Дагани, поверстаны в число рядовых. *323*
И так они произвели набег на северные пределы Шаньюева правления; потом напали на Бин-чжéу, в Лань-чжéу убили губернатора Ван Дэ-мэ́у, и, разделившись, ограбили Дúн-чжéу.[1] Губернатор в Бэй-пьхин князь[2] Юань-гуй отразил их. Но они еще напали на Гуй-чжеу́, обложили Шаньюево наместническое правление и убили военного начальника Чжан Хúн-шы; напали на Юй-чжéу и убили губернатора Ли Сы-кянь, захватили Цуй Чжибянь, главноначальствующего в Фы́н-чжéу. Указано военачальнику[3] Чен Ву-тьхин принять должность великого примирителя по Шаньюевой дороге,[4] и взять меры предосторожности по границе. В правление Цы-шен и Чжуйгун, 684—689, производили набеги на Шó-чжéу и Дáйчжéу, грабили чиновников и ратников. Военачальник[5] Шунь-юй Кяньпьхин, назначенный главнокомандующим по дороге из Ян-цюй, предпринял напасть на мятежников у гор Цзун-цай-шань. По прибытии в Синь-чжéу он встретился с мятежниками, и дал кровопролитное сражение, но не имел успеха и потерял до 5 000 убитыми. Президент Палаты чинов[6] Хань Шигя назначен главноначальствующим по яньжаньской дороге. В следующем году[7] вступили в Чан-пьхин. Военачальник[8] Хэй-чы Чан-чжи отразил их. Опять вошли в Шó-чжéу. Чан-чжи вступил в сражение с ними при Хуан-хуа-дуй. Неприятели разбиты, и преследуемые, бежали около 40 ли. Они || отступили в Великую песчаную степь. Военачальник[9] Цуань Бао-би, предполагая, что преследуемого неприятеля легко разбить, захотел выслужиться: почему набрал лазутчиков, которые по выступлении за укрепленную линию рассеялись на 2 000 ли пространства. *324*

[1] Сие и следующие происшествия в *Ганму* описаны под 683 годом.
[2] Хо Ван.
[3] Ю-ву-вэй Гян-гюнь.
[4] Шань-юй-дао-да Ань-фу-шы.
[5] Гинь-вэй Чжун-лан-гян.
[6] Тьхянь-гуань Шан-Шу.
[7] Сие происшествие в *Ганму* описано под 687 годом.
[8] Ю-ин Ян-вэй Да-гян-гюнь.
[9] Ю-лань-мынь Вэй Чжун-лан-гян.

Неприятели не имели предосторожностей. Главнокомандующий поспешил, чтоб неожиданно напасть: но пред самым его прибытием тайна открылась, и неприятель имел время построить войско в боевой порядок. Китайцы отчаянно дрались, и были совершенно разбиты. Бао-би обратно бежал, а корпус весь погиб. Императрица Ву́-хэ́у прогневалась и наказала Бао-би, а Гудулу переименовала Буцзулу. В след за сим Ашидэ Юаньчжень напал на Туциши и пал на сражении. В первый
693 год правления Чан-шеу́, 693, Гудулу умер. Сын его по малолетству не получил престола.

XVI. Мочжо. Мочжо сам объявил себя ханом и чрез несколько лет после похищения престола произвел нападение на Лин-чжеу́. Он побил и в плен увел множество военных и народа. Ву́-хэ́у назначила восемнадцать предводителей, которые выступили за границу с пехотою и конницею из китайцев и заграничных кочевых и все возвратились, не видав неприятеля. В скором времени указано Хяо-ге принять главное начальство над войсками по дороге в Шо́-фан, и взять предосторожность по границе. Киданьский Ли Цзиньчжун с прочими поднял бунт. Мочжо просил дозволения—для выслуги—идти на мятежников.[1] Указом дозволено, и сверх сего дан ему военный
325 чин[2] и княжеское достоинство,[3] а военный сановник[4] Чжи Вэй отправлен с грамотою на достоинство Цянь-шань хана. И так Мочжо с войском пошел на Кидань. Случилось, что Ли Цзиньчжун умер. Мочжо неожиданно напал на Сунмоский аймак, захватил все семейство и обоз Ли-Вань-жуна. Старейшины рассеялись. Императрица очень была довольна его услугою и опять отправила Чжи Вэй к Мочжо с бунчуком и грамотою на высший новый титул.[5] Но сие повеление еще не дошло до Мочжо, как он напал на Лин́-чжеу́ и Шен́-чжеу́, и произвел убийства и грабительства; наконец начальники пограничных гарнизонов разбили его. Он опять отправил посланника с извинением,[6] и при сем случае просил, чтобы императрица усыновила его, что он имеет дочерей, которые желают выйти за князей; сверх сего требовал отдать ему покорившиеся семейства шести округов. Прежде

[1] В *Ганму*, под 695 годом сказано, что Мочжо просил императора, т. е. императрицу Ву́-хэ́у, принять его в подданство.
[2] Цзо-вэй Дагян-гюнь. Ч.
[3] Гуй-го Гун.
[4] Цзо-ба́о-тха́о-вэй Гян-гюнь. Ч.
[5] Дэ-цзинь Гйетйедиши Да Шаньюй.
[6] Сие и следующие происшествия в *Ганму* помещены под 697 годом.

тукюесцы, покорившиеся Китаю, размещены были в Фын-чжéу, Шéн-чжéу, Лúн-чжеу, Хя-чжéу, Шó-чжéу и Дáй-чжéу, и посему назывались покорившимися шести округов в Ордосе.[1] Мочжо еще просил 100 000 ху проса на посев, 3 000 земледельческих снарядов [орудий], несколько десятков тысяч гинов железа. Императрица отказала. Министр Ли Цяо также советовал отказать. Мочжо, по неудовольствию, отвечал презрительно, и задержал посланника Тьхянь Гуй-дао;[2] почему сановник Яо-шéу и другие просили удовлетворить просьбе. И так послано хану просо, земледельческие орудия, несколько тысяч кибиток покорившихся || тукюесцев. С сего случая тукюесцы усилились. *326*
Указано князю[3] Ву-Янь-сю взять дочь его, сановнику Янь Чжи-вэй в качестве президента[4] и сановнику[5] Ян Луань-чжуан с бунчуками сопровождать его. Мочжо сказал: «Я дочь свою выдаю за сына Сына Неба из Дома Тхан, а приехал из Дома императрицы. Сверх сего я служу Дому Тхан; а ныне слышу, что из потомков сего Дома только два человека осталось, которых я должен возвести на престол». И так он взял князя Янь-сю с прочими под стражу, дал Чжи-вэй титул хана, пошел со 100 000 конницы на юг, и напал на корпуса Цзин-нань, Пьхин-ди и Цин-и. Из корпуса Цзин-нань-гюнь 5 000 войска покорились Мочжо, и он обложил Гуйтхань. Императрица назначила сановника[6] Ву Чжун-гуй главноначальствующим небесных [императорских] войск по средней дороге, Шачи Чжун-и[7] главноначальствующим небесных войск по западной дороге, Чжан Жинь-тхань[8] главнокомандующим небесных войск по восточной дороге. Всех войск назначено 300 000. Янь-Гин-юн[9] и Ли До-цзо назначены главноначальствующими запасных небесных войск по западной дороге.[10] Сия армия также простиралась до 150 тысяч. Мочжо разбил Юй-чжéу и Фэй-ху, потом разорил Дúн-чжéу, убил губернатора Сунь Янь-гáо, жег жилища, и большие селения опустели. Императрица прогневалась, и указом обещала тому, кто убьет Мочжо, княжеское

[1] На кит. Хэ-тхáо, что зн. изгиб или излучина Желтой реки.
[2] Сы-бынь-кин.
[3] Сие происшествие в *Ганму* описано под 698 годом. Титул князя Хуай-ян Ван.
[4] Чунь-гуань Шан-шу. Ч.
[5] Сы-бинь-кин.
[6] Сы-шу-кин.
[7] Ю-ву-вэй Гян-гюнь.
[8] Ю-чжéу Ду-ду.
[9] Ю-юй-линь Да-гян-гюнь.
[10] Небесных зн[ачит] императорских.

достоинство 1-й степени с наименованием *Чжан-чжо*,
327 ‖т. е. убивший Мочжо. Неприятели окружили Чжáо-чжéу и правитель дел Тхан Бо-жо принял их. Они убили губернатора Гао-жуй, и напали на Ся́н-чжéу. Императрица назначила Шачи Чжун-и главноначальствующим переднего, Ли До-цзо главноначальствующим заднего, князя Фуфушуня главноначальствующим наблюдательного корпуса. В сие время Чжун-цзун возвращен из Фан-лин, объявлен наследником престола, и назначен верховным вождем действующих войск,

Чжун Цзун при самом вступлении на престол в 684 году хотел своего тестя приблизить к себе по управлению государственными делами, что неприятно было вдовствующей императрице Ву-шы. Призвав чины и войско во дворец, она объявила всем, что Чжун Цзун хотел передать империю своему тестю; и посему низводится с престола в княжеское достоинство. После сего он сослан в Фан-чжéу в губернии Ху-бэй, и уже в 698 году получил дозволение возвратиться в столицу, а на престол вступил в 705 году, за несколько месяцев до кончины императрицы Ву-шы.

сановник[1] Ди Жинь-ге помощником его, сановник[2] Сун Сюань-шуан правителем дел. Но еще до выступления войск Мочжо узнал о предпринимаемом походе; почему от 80 000 до 90 000 обоего пола, взятых в плен в Чжáо-чжéу и Дин-чжеу предал смерти и по дороге Ву-хойдáо вышел за границу, но в проходимых им местах до чиста забрал людей, скот, имущество и детей обоего пола. Полководцы только издали смотрели на это, а в сражение вступить не смели. Один Жинь-ге преследовал Мочжо,
328 но не мог ‖ догнать. Мочжо, упоенный славою побед, низко думал о Срединном государстве, и даже гордился пред ним. Войско его было столь же многочисленно как и в Хйелиево время. Земли его содержали и вдоль и поперек до 10 000 ли пространства. Все иностранные владетели повиновались его повелениям. Он еще поставил Дусифу старшим, Гудулуева сына Могюя младшим Ча, и обоим дал по 20 000 войска. Сына Фугюя поставил малым ханом, достоинством выше обоих Ча;[3] Фугюй по достоинству был выше Ча, и управлял 40 000 войск Чумугая и пр., всего до десяти родов, и имел титул Кюсихана. Они ежегодно должны были входить в границы для

---

[1] На-янь.
[2] Вынь-чан Ю-чен.
[3] В *Ганму* сие происшествие помещено под 699 годом.

составления гарнизона, чтоб войска не были праздны. И так Вэй Юань-чжун, правитель области Бин-чжéу назначен главнокомандующим корпуса небесных войск. Лэу Шы-дэ помощником его. Им предписано расположиться для наблюдения; потом Юань-чжун переведен главнокомандующим походных войск по дороге в Линву для предосторожности против северных неприятелей. Мочжо увел из Лун-ю до 10 000 пастбищных лошадей, и вскоре опять начал грабить границу. Указано великому наместнику северных стран[1] Сян-ван быть верховным вождем небесных [императорских] войск. Но войско еще не тронулось в поход, как Мочжо уже ушел. В следующем году, 702,[2] он пограбил в Яньчжéу и Хя-чжéу до 702
100 000 лошадей и овец, аттаковал гору Ши-лин, а в след за сим обложил Бйн-чжéу. Сйе Цзи-юн, правитель области Юн-чжéу, назначен главноуправляющим войсками в девяти округах по вос‖точную сторону гор,[3] как-то: Цáн- *329*
чжéу, Ин-чжéу, Ю́-чжéу, И-чжеу́, Хын-чжéу, Дин-чжéу, Гуй-чжéу, Дáнь-чжéу, Пьхин-чжéу. Главноначальствующему в Ин-чжéу Чжан Жинь-дань поручено управление войсками в прочих округах и по укрепленной линии Цзин-и-чжан-сай — в боковом направлении к армии Сйе Цзи-юн. Сян Ван назначен верховным вождем. Ему подчинены были прочие полководцы. Ван медлил и не выступал в поход, между тем неприятели в Дáй-чжéу и Синьчжéу производили убийства и грабительства. В третие лето правления Чан-ань, 703, Мочжо прислал посланника Мохэ-Даганя просить о принятии дочери его за 703
сына наследника престола. Императрица приказала князьям Чжýн-цзýнь[4] и Чжун-мин[5] явиться к Двору в церемониальном одеянии. Мочжо опять прислал большого старейшину Или Таньханя, и с ним 1 000 лошадей в благодарность за брак. Императрица с честию приняла посланника его. Чжун-цзун только что вступил на престол, Мочжо напал на Мин-ша в 706 году: почему Шачи Чжун-и, 706
главнокомандующий войск в Лин-ву, вступил в сражение с ним, но не имел успеха, и потерял несколько десятков тысяч убитыми. После сего неприятели вступили в Юáньчжéу, и много увели пастбищных лошадей.[6] Император указал отказать в браке и того, кто убьет Мочжо, обещал

[1] Ань-бэй Да-ду-хо.
[2] В *Ганму* сие происшествие помещено под 702 годом.
[3] Хребта Тхайхан.
[4] Пьхин-энь-гюнь-ван.
[5] И-хин-гюнь-ван.
[6] Сие происшествие в *Ганму* описано под 706 годом.

сделать князем 1-й степени и начальником гвардейских корпусов. Мочжо убил нашего путешественника[1] Цзан
330 Сы-Янь. Указано военачальни‖ку[2] Чжан Жинь-дань принять главное начальство над войсками по дороге в Шофан, и расположиться по границе. В следующем году,
708 708, он построил за Желтою рекою три города под названием Шеу-сян-чен, чтобы запереть проходы для набегов. По прошествии довольного времени место его занял Тхан Хю-цзин.[3] При вступлении государя Жуй-цзун на
710 престол, 710, Мочжо еще просил о мире и родстве. Указано дочь князя[4] Чен-ци выдать за него под названием Гинь-шань царевны. В это время военачальник Сунь Цюань с прочими на сражении с Хи под Лын-хин взят в плен, и представлен Мочжо. Мочжо всех предал смерти. Опять на место Хю-цзин назначен президент Военной Палаты Го Юань-чжень. Юань-цзун по вступлении на пре-
714 стол, 714, прервал мир и родство. И так Мочжо отправил сына своего Янвочжы Дэлэ в службу при Дворе, и настоятельно просил о браке. За него выдали дочь князя,[5] под названием княжны Ниньхьхянь-чжу, а хану послана милостивая грамота. В следующем году Мочжо отправил сына своего Ине хана, и с ним Тунво Дэлэ и Хоба Гйелифу Шишиби с отборною конницею напасть на Бэй-тьхин. Наместник Го Кянь-хуань отразил их, и под стенами города убил Тунво. Неприятели рассеялись. Хоба не смел возвратиться, и с семейством своим бежал в Китай, где принят в службу при Дворе, получил военный чин[6] и княжеское достоинство,[7] а супруге его дан титул Гинь-шань
331 царевны.[8] Они осыпаны были подарками. Когда ‖ Янвочжы умер, то император указал принцам Дома от третьей степени и выше сделать утешение его семейству.[9] В это время тукюеский хан вторично в представлении просил о браке. Император не отвечал. В правление Цзин-юнь,
710 710, Мочжо на западе уничтожил владение Могэ, а после сего привел Домы Кидань и Хи под свою власть, и бесче-

---

[1] *Хинь-жинь* [соврем. чтение: Син-жэнь]: путешественник. Так китайцы называют членов посольства.

[2] Цзо-тхунь-вэй Да-гян-гюнь. Ч.

[3] В сие время Тхан Хю-цзин имел более 80 лет от роду, но еще был очень бодр. *Ганму.*

[4] Сун-ван.

[5] Шу Ван.

[6] Цзо-ву-вэй Да-гян-гюнь.

[7] Ян-шань-гюнь Ван.

[8] Что значит: алтайская царевна.

[9] Т. е. навестить в трауре и сделать приличную честь умершему.

ловечно поступал с их подчиненными; а когда состарился, стал глупее и неистовее. Аймаки возроптали и начали отлагаться. Из десяти родов восточные пять Дулу и западные пять Нушиби просили Двор принять их в подданство. Три поколения Гэлолу, Хувушу и Ниши, главноначальствующий[1] в Дамо[2] Дэуцзиньчжус, главноначальствующий при Инь-шань Мулофуги, главноначальствующий при Сюань-чи Ташили Хуби с своими подчиненными поддались Китаю. Указано поселить их при Алтайских горах. Мочжо несколько раз нападал на Гэлолу и другие поколения. Предписано наместнической канцелярии подать им помощь через диверсию. Силы неприятеля стали мало по малу уменьшаться. Мочжо при усмирении девяти родов дал сражение по северную сторону Великой песчаной степи. Девять родов рассеялись. Мочжо еще ходил для усмирения девяти родов. Байегу дал сражение при реке Дулэ,[3] и был совершенно разбит. Мочжо, налегке возвращаясь, не брал предосторожностей по дороге. В одном большом лесу толпа разбитых байегусцев внезапно напала на Мочжо. Ему отрубили голову, и доставили китайскому посланнику Хэ Лин-цуань, который || препро- *332*
водил ее в столицу. Гюй Дэлэ, сын Гудулуев, напал на малого хана, убил его и с ним истребил весь род его. Поставили Мочжоева сына Могиляня под наименованием Бигя-хана.

XVII. Бигя-хан Могилянь. Бигя-хан Могилянь собственно был малый Ша, имел доброе сердце, был дружелюбен. Сознавая, что он не по личным заслугам возведен, уступал престол Кюе Дэлэ, но Дэлэ не смел принять: почему Могилянь наследственно вступил на престол. Сие случилось в четвертое лето правления Кхай-юань, 716. **716**
Он произвел Дэлэ восточным Чжуки-князем и вверил ему управление войсками. По смерти Мочжо, Кюе Дэлэ всех служивших при сем хане государственных людей предал смерти; только одного Туньюйгу пощадил; потому что дочь его Пофу была женою[4] Могиляня. Туньюйгу был отрешен, и послан в свое поколение. Впоследствии Туциши Сулу сам себя объявил ханом. Многие роды в тукюеском поколении начали колебаться; почему Могилянь призвал Туньюйгу в советники к себе. Туньюйгу имел 70 лет от роду; народ уважал и боялся его. Могилянь,

---

[1] Т. е. владетель поколения. Главноначальствующий, Ду-ду, есть титул, данный князьям от китайского Двора.
[2] Великая песчаная степь.
[3] Толо.
[4] В подлиннике ханьшею.

как скоро получил покорившихся кочевых, хотел идти на юг, чтобы произвести нападение на укрепленную линию. Туньюйгу сказал ему: «Не должно. Сын Неба воинствен, народ в согласии, годы урожайны; еще нет удобности. Сверх сего наши войска вновь собраны; нельзя еще тронуть их». Могилянь еще хотел обвести свою орду[1] стеною и построить храмы Будде и Лáо-цзы. Туньюйгу сказал ему: «тукюеский народ по численности не может
333 сравниться и с сотою долею на‖родонаселения в Китае, и что он может противостать сему государству, этому причиною то, что тукюесцы, следуя за травою и водою, занимаются звероловством, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах. Когда сильны, идут вперед для приобретения; когда слабы, то уклоняются и скрываются. Войска Дома Тхан многочисленны, но не где употреблять их. Они живут в городах. Как скоро разбиты на сражении, то плен неизбежен. Сверх сего учение Будды и Лáо-цзы делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными». Могилянь последовал его совету, и отправил посланника просить о мире. Император, не видя здесь искренности, не согласился, и не в продолжительном времени объявил войну. И так предписано заграничным князьям[2] выступить со всеми китайскими и заграничными войсками, число коих простиралось до 300 000. Верховное начальство над ними вверено сановнику[3] Ван Цзунь, главнокомандующему по дороге в Шо-фан. Назначено
720 в восьмое лето, 720, осенью, всем собраться при реке Гило. Владетелям басимискому, киданьскому и хискому идти разными дорогами прямо на орду, и взять самого Могиляня. Могилянь пришел в большой страх. Туньюйгу сказал ему: «Басими в Бэй-тьхин, от прочих двух поколений удален[4] и едва ли они могут соединиться. Ван Цзунь в ссоре с Чжан Гя-чжен; они не будут согласны в мнениях, да едва ли и придти могут. Положим, что они оба придут. Мы только за три дня до их прихода
334 ‖должны перейти далее на север, и они по издержании хлебных запасов сами пойдут назад. Басими легкомыслен и падок на корысть. Надлежит прежде напасть на него и легко взять». Басими действительно подошел с своим войском к тукюеской орде; но узнав, что Цзунь с прочими

[1] Т. е. дворец.
[2] Ю-кя́о-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Юй-шы Да-фу, министр.
[4] Басими кочевал в Илиском округе на западных, а Кидань и Хи на восточных пределах Монголии.

еще не пришел, пошел обратно. Тукюесцы хотели напасть на Басими. Туньюйгу сказал: «Войско, пришедшее из отдаленности, будет на-смерть драться. Напору их невозможно сопротивляться; а лучше идти за ними по пятам, и взять». И так в 300 ли от Бэй-тьхин разделили войско; боковыми дорогами нечаянно подошли к помянутому городу и взяли его. Когда же начали сильно теснить басимисцев, они поспешили в Бэй-тьхин, и не нашли пристанища: почему все были взяты в плен. Тукюесцы обратно пошли чрез Чи-тьхин и ограбили область Лян-чжеу. Главноначальствующий Ян Гин-шу приказал князю[1] Юань-Чен выстроить войско для отражения[2] неприятеля. Туньюйгу сказал: если Гин-шу будет держаться в городе, то должно заключить мир; а если войско выступит из города, то мы должны дать решительное сражение, и без сомнения, будем иметь успех. Юань-чен отдал войску приказ обнаженными руками вполне натягивать луки к неприятелю. Случился большой мороз, от которого кожа на теле трескалась. Ратники не могли натягивать луков, почему совершенно были разбиты. Юань-чен бежал. Гин-шу лишен чинов, но оставлен управлять делами в Лян-чжеу. После сего тукюесцы сделались страшными, и покорили || весь народ, бывший под державою *335*
Мочжо. В следующем году, 721, тукюеский хан настоя- 721
тельно просил о мире, и обещался почитать Сына Неба как сын отца. Император согласился. Хан сряду несколько лет отправлял посланника для представления местных произведений и просил о браке. В сие время Сын Неба решился предпринять путешествие к горе Тхай-шань.[3] Чжан Юе, президент государственного кабинета, думал — для предосторожности от тукюесцев — усилить пограничные гарнизоны. Сановник[4] Пхэй Гуан-тьхин при этом случае сказал: «при жертвоприношении горе доносят[5] о благополучном окончании войны; а если вновь отправлять войско, то нельзя это назвать благополучным окончанием войны. Тукюесцы хотя просили о мире, отвечал ему Юе, но на их верность трудно полагаться; сверх сего, хан их добр и любит людей; из служащих при нем Кюе Дэлэ есть искусный полководец, Туньюйгу мужествен и чем

---

[1] Лу-гун.

[2] На кит. *Тхао-бу*, для усмирения и изловления, т. е. считали Могиляня мятежником.

[3] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 725 годом.

[4] Бин-бу Лан-чжун. Ч.

[5] Т. е. приносят благодарение по водворении спокойствия и благоденствия во всей империи.

старее, тем опытнее. Три помянутые неприятеля теперь в согласии. Если узнают, что весь наш Двор предпринимает путешествие на восток, и захотят попрежнему воспользоваться промежутком, что мы противопоставим им?» И так Гуан-тьхин представил государю, чтобы чрез посланника пригласить одного тукюеского вельможу в корпус телохранителей. Отправлен сановник[1] Юань Чжень сообщить хану о желании императора. Могилянь велел подать вина, и сидя в палатке с ханьшею, Кюе Дэлэ
336 и Туньюйгу, говорил к Чжень: ‖ «Туфань от собак происходит, и Дом Тхан вступает в брачное родство с ним. Хи и Кидань суть мои невольники и подданные, и также женятся на ваших царевнах. Один тукюеский Дом столько раз просил о браке, и не получил согласия с вашей стороны; какая причина этому?» Хан! говорил Чжень, ты сын Сына Неба; может ли сын быть в брачном родстве с отцом? Неправда, сказал Могилянь; два эти вассала пожалованы прозванием и со всем тем женились на царевнах.[2] Почему же нам невозможно? Сверх сего, выдаваемые царевны не дочери императора, и мы не смеем делать выбора. Но просить много раз и не получить желаемого есть посмеяние нам от прочих владений. Чжень дал слово ходатайствовать у императора. Могилянь отправил вельможу Ашидэ-Гйелифу к Двору с дарами, и он следовал за императором к жертвоприношению горе. По окончании сего император великолепно угостил Могилянева посланника, щедро наградил и отпустил;[3] но на мир и родство не согласился. С сего времени хан ежегодно отправлял к Двору вельможу. Туфаньцы письменно[4] просили его заключить союз с ними, чтоб произвести грабительство на границах.[5] Могилянь не принял сего предложения, а грамоту их представил императору. Сын Неба похвалил его, и посланника его Мэйлучжо угостил столом в
337 ‖тронной Цзы-чень-дянь. Указано в Шо-фан в западном Шеу-сян-чен открыть меновой торг и ежегодно дарить по нескольку сот тысяч кусков шелковых тканей. В девят-
731 надцатое лето, 731, Кюе Дэлэ умер. Отправлены воена-

---

[1] Хун-лу-кин. Ч.

[2] Домы Хи и Кидань получили от кит. Двора прозвание царствовавшего Дома *Ли*; а брак на однофамильных, хотя бы никакого родства не было, в Китае совершенно запрещен.

[3] Т. е. дулгаского [тукюеского] посланника Гйелифу.

[4] Из сего случая открывается, что нынешнее тибетское письмо в то время было уже введено в сношениях с иностранными государствами.

[5] Китая. Сие происшествие в *Ганму* описано под 727 годом.

чальник[1] Чжан Кюй-и и сановник[2] Люй Сян с манифестом за государственною печатью утешить и принести жертву. Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работой, чего в тукюеском государстве еще не бывало. Могилянь с сокрушением смотрел на этот памятник. Он не оставлял просить о браке, и, наконец, император согласился; почему хан отправил Гегйесуби принесть благодарность и просить о назначении срока для брака. Но, сверх чаяния, Мэйлучжо отравил хана, который в предсмертных страданиях казнил Мэйлучжо и истребил весь род его, после чего скончался.[3] Император изъявил сожаление и указал послать председателя княжеского правления князя Цуань для утешения и жертвоприношения: по сей причине построили в честь покойного храм. Указано ученому Ли Жун сочинить надпись на памятник. Вельможи единодушно поставили ханом сына его под наименованием Ижань-хана.

XVIII. Ижань-хан. Ижань-хан на восьмом году царствования скончался, 739. Он всего отправил к || Двору 739 *338*
три посольства. Младший его брат наследственно возведен под наименованием Бигя Гудулу-хана.

XIX. Бигя Гудулу-хан. Отправлен военачальник[4] Ли Чжи с грамотою, которою хан наименован Дынли-ханом.[5] В следующем году, 740, хан отправил к Двору 740
посланника Инаня с поздравлением на новый год. Посланник, поднося местные произведения, сказал: «Поклоняюсь небесному хану, подобно как поклоняюсь Небу. Сегодня подносительный месяц нового года.[6] Подношу тебе, государь 10 000 лет». Хан был малолетен. Мать его Пофу дозволила чиновнику Иньсы Даганю вмешиваться в государственные дела. Поколения пришли в несогласие. Дынлиевы дядья порознь управляли войсками под названием восточного и западного Ша.[7] Самые лучшие и сильные ратники им принадлежали. Хан, обманутый матерью,

---

[1] Гинь-ву Гян-гюнь. Ч.
[2] Ду-гуань Лан-чжун. Ч.
[3] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 734 годом. Могилянь назван Бигя-ханом, старший сын, вступивший на престол, Ижань-хан, опущен; а Бигя Гудулу-хан назван Дынли-ханом.
[4] Ю-гинь-ву-вэй Гян-гюнь. Ч.
[5] На монгольском Тéнгри-хан, что зн. небесный хан.
[6] Т. е. поздравительный.
[7] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 741 годом.

казнил западного Ша, и сам принял начальство над войском. Восточный Ша, колеблемый страхом, напал на хана и убил его. Восточный Ша был Панькюе Дэлэ. После сего он поставил ханом сына Бигя-ханова: но вскоре Гуду[1] Шеху убил его и поставил ханом младшего его брата Сюаня; потом и сего убил, и сам себя объявил ханом. В пер-
742 вое лето правления Тьхянь-бáо, 742, хойху, гэлолу и басими соединенными силами напали на Шеху и убили его; басимиского старшину почтили наименованием Гйедйе Исихана; а хойху и гэлолу сами себя объявили восточным
339 и западным Шеху, и отправили посланни‖ка с донесением. Вельможи объявили Панькюедэлэева сына Усумиши-ханом,[2] а сына его Гэлачи западным Ша.

XX. Хан Усу-миши. Император отправил посланника склонить хана в подданство китайское. Усу не послушал, но подчиненные его были не согласны с ним. Басими и пр., всего три поколения, соединенными силами напали на Усу-миши. Усу-миши бежал. Западный его Шеху Абусы и Гэлачи с 5 000 кибиток покорились. Гэлачи получил княжеское достоинство. Через год[3] басими и пр. убили Усу-миши и голову препроводили в столицу, где она представлена в Великий храм. На престол возведен младший брат его Бай-мэй Дэлэ Хулунфу под наименованием Баймэй-хана.

XXI. Баймэй-хан Хулунфу. При сем хане в тукюеском Дому открылись великие смятения. Вельможи избрали ханом басимиского главу. Указано главноуправляющему в Шо-фан Ван Чжун-цы идти с войском воспользоваться тамошними смятениями. Дошед до гор Сахэнэй, он ударил на одиннадцать поколений Або-даганя и разбил их;[4] только не покорил западные владения. Как хойху и гэлолу убили басимиского хана, то хойхуский Гули Пэйло принял наименование *Гудулу Бигя Кюе хана*. В следую-
745 щем году, 745, он убил Баймэй-хана, и препроводил голову его к Бигя-хану,[5] взял за себя Гудулуеву ханьшу Пофу, и с своим народом поддался Китаю. Сын Неба уго-
340 стил ‖ своих вельмож в Хуа-э-лзу,[6] сочинил похвальные стихи на сие событие, пожаловал ханьшу достоинством Бинь-го Фу-жинь, и положил ежегодно посылать ей по

---

[1] Панькюе и Гуду суть имена. *Ганму*.
[2] В *Ганму*: Усу-хан. См. 742.
[3] Хуай-энь Ван.
[4] По *Ганму* в 744 году.
[5] Одиннадцать поколений занимали восточную сторону. *Ганму*. (По *Ганму* в столицу.)
[6] Название отдельного дворцового здания.

200 000 зерен белил. Царствование тукюеского Дома началось при династии Юань-вэй в правление Да тхун, а теперь кончилось. Впоследствии представляли дань только девять родов прежних поколений. Хойху [уйгуры] овладели всеми тукюескими землями. В самом начале[1] родовичи тукюеского Дома на западе разделились, и основали царство под названием западного Тукюе.

Извлечено из Истории династии Тхан.

ЗАПАДНЫЙ ДОМ ТУГЮ.

I. Хан Далобянь. II. Нили-хан. III. Нигю Чуло-хан Дамань. В западном тукюеском Доме Далобянь, сын Мугань-ханов, поссорился с Шаболио, и потому они разделились на два Дома. Далобянь мало по малу усилился; на восток распространился до Дулгинь, на запад за Золотые горы. Тйелэсцы, Куча, Иву и жители западного края, все покорились ему. Когда Чулохэу взял Далобяня в плен, то на его место возведен сын Янсо-дэлэев под наименованием Нили-хана. По кончине его, сын его Дамань возведен под наименованием Нигю Чуло-хана. Мать его Ся́н-шы родом была из Срединного государства. Нили скончался вскоре по рождении Даманя; почему мать его опять вышла за младшего деверя Поши-дэлэ. В конце правления Кхайхуан, 600, Поши вместе с Ся́н-шы приехал к Двору, и по 600
причине открывшихся смятений у Дату, они остались в столице, и более жили в Хун-лу-сы.[2] Чуло-хан не имел по‖стоянного местопребывания, а более жил в прежней Усуньской *341*
земле. Он еще поставил двух малых ханов, и дал им в управление части от своего ханства. Один из них жил в Шиго на севере и управлял всеми тюркскими княжествами;[3] другой жил от Кучи на севере. Страна сия называется Инсо. Из чиновников *Сыфаян* и *Хунда* управляли государственными делами; прочие были те же, что и в восточных владениях.[4] В каждую пятую и в каждую восьмую луну собирались для жертвоприношения духам. Ежегодно посылал важного сановника приносить жертву предкам в той пещере, где они из рода в род обитали.[5] В начале правления Да-йе, 605, Чуло-хан начал беззаконно 605

[1] Т. е. когда Дом Дулга [Тукюе] начал усиливаться.
[2] *Хун-лу-сы* есть присутственное место, заведывающее распоряжениями при больших выходах при Дворе.
[3] Т. е. Кипчаком и Тюркистаном.
[4] Дулгаских [тукюеских] же.
[5] В средоточии Алтайского узла.

управлять. Он вел войну с тйелэсцами, которые, наконец, совершенно разбили его. В сие время придворный сановник[1] Пхэй Гюй, по прибытии из Дунь-хуан в Западный край, получил сведение о беспокойствиях во владениях Чуло-хана, и сверх того, узнал, что Чуло-хан тоскует по матери [Сян-шы, которая после смерти Чуло-хана вышла замуж за деверя Поши-дэлэ и уехала с тем в Китай, откуда она была родом], и обо всем донес Двору. Ян-ди отправил к Чуло-хану придворного сановника,[2] Цуй Гюнь-су с утешительною грамотою. Чуло-хан, сидя на возвышенном месте, при приеме грамоты не хотел привстать. Гюнь-су сказал Чуло-хану: «Дом Тукюе собственно составлял одно государство, но ныне разделился на два, враждебные друг другу. Сряду десять лет продолжается война между вами, и вы не могли покорить друг друга: отсюда ясно, что Кижинь[3] равносилен с государством Чуло-
342 хана. Ныне Кижинь имеет миллион вой‖ска в своих владениях; став вассалом Сына Неба он питает нелицемерную преданность к нему. Для чего же это? Он досадует, что одного тебя не может усмирить: почему униженно служит Сыну Неба, чтоб получить вспомогательное войско от Китая, а по соединении двух великих царств он намерен уничтожить хана. Все чины просили государя утвердить сей план. Сын Неба не противится ему, и не в продолжительном времени войска выступят в поход. Хан! твоя мать Сян-шы есть природная китаянка. Она возвратилась в столицу, и жительство имеет в гостинице. Услышав об указе Сына Неба, она устрашилась твоей погибели, хан. Рано и поздно проливая слезы у дворцовых ворот, просила Сына Неба отправить посланника, пригласить тебя, хан, поддаться Китаю и просить милостей и почестей одинаковых с Кижинем. Сын Неба склонился на прошение, и посему отправил сюда посланника. Хан! если назовешься вассалом и примешь указ с поклонением, то царство твое вечно будет спокойно, и мать насладится долголетием; в противном случае, надобно полагать, что Сян-шы обманула Сына Неба, и непременно будет казнена, а голова ее пришлется в твою орду. Войска Великого Дома Суй, усиленные северными заграничными войсками, обнимут тебя с двух сторон, и погибель твоя недалека. К чему же, хан, жалеешь двух церемониальных поклонов, и сердобольную мать подвергаешь смерти,

[1] Хуан-мынь Ши-лан.
[2] Сы-чао Йе-чже.
[3] Кижинь.

одного слова — назваться *вассалом* — и губишь царство хуннов?» Чуло-хан, выслушав это, почувствовал страх, и встал; он прослезился, сделал два поклонения, и с коленопреклонением принял грамоту. Гюнь-су еще говорил Чу‖ло-хану: «Когда Кижинь покорился Китаю, то по- *343*
койный император похвалил его, и наградил чрезвычайно щедро; и поэтому войско его учинилось сильным, царство богатым. Хан! если ты после поддашься, и пожелаешь оспоривать благоволение, то надобно сильно быть привязану к Сыну Неба, и со всею искренностью изложить свои чувствования. И как по отдаленности дороги ты не можешь лично явиться к Двору, то надобно оказать одну услугу, чтоб доказать усердие вассала». Какую, спросил Чуло-хан? Гюн-су сказал: «Кижинев меньшой сын Мохэдо Ше женился на дочери тогонского владетеля; ныне Сын Неба выдал И-чен царевну за Кижиня. Страшась величия Сына Неба, последний прервал связь с тогонами; тогоны по сей причине также злобятся на Китай и не представляют дани. Хан! если ты попросишь дозволение наказать их, то Сын Неба без сомнения согласится. Если Китай ударит на них со внутренней, а хан со внешней стороны, то поражение не подлежит сомнению. После сего можешь лично явиться к Двору; потому что на дороге не будет препятствий; а посему можешь увидеться с престарелою матерью. Приятно ли это тебе?» Чуло-хан крайне обрадовался, и тотчас отправил к Двору посланника с данью. Император вознамерился отправиться на запад на звериную охоту. В шестое лето, 610, отправлен *610*
чиновник Вэй Цзе пригласить Чуло-хана свидеться с императором во владении Да-дэуба: но жители сего владения не согласились на это. Чуло-хан извинился пред посланником, и под другим предлогом отказался от свидания. Император крайне разгневался, и не знал, что делать. Случилось, что старейшина Шегуй прислал посланника просить о ‖ браке. Пхэй Гюй в представлении по сему *344*
случаю писал: «Чуло-хан не является к Двору, полагаясь на свое могущество. Осмеливаюсь представить мнение — ослабить его хитростью. Надобно разделить его государство, и тогда легко будет усмирить его. Шегуй есть сын Дулуев, внук Дату-хана. Он наследственный хан; управлял близ западной стороны. Ныне, как слышно, он потерял должность, и находится под зависимостью Чуло-хана: почему и прислал посланника для заключения вспомогательного союза. Желательно, чтоб посланник его был принят с отличною почестью, а Шегуй пожалован главным ханом. Тогда сила тукюесцев разделится на две

части». Ты верно судишь, сказал ему император; почему приказал сановнику Пхэй Гюй утром и вечером посещать подворье, и исподоволь намекать и наводить посланника на это. Император позвал посланника в тронную Женьфын-дянь, и намекая ему о непокорности Чуло-хана, сказал: «Шегуй имеет добрую душу, и я думаю поставить его верховным ханом. Теперь надобно выставить войско для истребления Чуло-хана, а потом приступим к делу о браке». Император потребовал бамбуковую стрелу с белым пером, чтобы подарить Шегую; и при сем случае сказал: надобно, чтоб это дело шло так же скоро, как летает стрела. Посланник на обратном пути проезжал чрез земли Чуло-хана, который взял стрелу и хотел удержать посланника, но посланник обманом освободился. Шегуй был чрезвычайно рад; напал с войском на Чуло-хана, и совершенно разбил его. Чуло-хан бросил жену с детьми, и с несколькими тысячами конницы из приближенных
345 бежал на восток; но на дороге был ограблен и, ‖ уклонившись от Гао-чан на восток, расположился у гор Шеломань. Кюй Бо-я, владетель в Гао-чан, донес государю. Император приказал сановнику Пхэй Гюй, взяв Сян-шы с необходимою для нее прислугою, наскоре отправиться в Юймынь-гуань в город Цзинь-чан. Гюй отправил от имени Сян-шы нарочного предложить Чуло-хану о содержании от Двора, и сделать ему касательно сего убедительнейшие внушения. После сего хан приехал к Двору; впрочем
611 всегда показывал веселый вид. В седьмое лето, 611, зимою, Чуло-хан представлен императору в Линь-шо-гун, где угощен обеденным столом. Чуло-хан, поклонившись, благодарил и сказал: «Я управлял всеми владениями на западе, и не мог ранее приехать к Двору для поклонения. Ныне явился поздно, и вина моя в этом крайне велика; почему я чувствую трепет в сердце, и не могу выразить всего, что чувствую». Император сказал на это: «в прошлое время тукюесцы тревожили и грабили друг друга, и посему не могли спокойно жить. Ныне, как спокойствие восстановлено во всех четырех странах, то тукюесцы составили одно семейство. Я желаю хранить и питать всех сообразно их природе. Напр. на небе одно солнце светит, и все спокойно. Если бы два или три солнца было, то могли ли бы все твари наслаждаться спокойствием? Подобно и ты, хан, управляя множеством дел, не мог ранее увидеться со мною. Ныне, видя хана при себе, сердечно радуюсь. Хан! будь откровенен, и не беспокой себя мысля-
612 ми». В следующем году, 612, в новый год Чуло-хан, поздравляя государя, сказал: «От неба вниз, от земли

вверх, на всем пространстве, освещаемом солнцем и лу-
ною, один только || святый муж хан. Сегодня великий *346*
день. Да будут святый муж хан, дни твои[1] вечно как сегод-
нишний день». Государь назначил Чуло-хана следовать
на войну в Корею под наименованием Гйесана-хана, и на-
градил его весьма щедро. В десятое лето, 614, в первый **614**
месяц, выдал за него Синь-и царевну, подарил ему тысячу
штофных кафтанов и 10 000 кусков шелковых тканей.
Император хотел отпустить его в прежние владения; но
война в Ляо-дун помешала этому, и хан в каждый поход
сопровождал его. Во время смятений в Цзян-ду, 618, он,
следуя за Хуа Цзи,[2] приехал в Хэ-бэй; пред падением Хуа
Цзи он бежал обратно в столицу, и погиб от северных по-
граничных тукюесцев.

IV. Шегуй-хан. Большая часть владений от Юй-мынь
на запад находилась под державою Шегуя. Он противо-
стал восточному тукюескому Дому. По смерти Шегуя
младший его брат Тун Шеху наследовал престол под наи-
менованием Тун Шеху-хана.

V. Тун Шеху-хан. Тун Шеху-хан[3] был храбр, имел
способность соображать. Каждое его сражение венча-
лось победою; почему присоединил к себе Тйелэ, покорил
Персию и Гибинь. Он имел несколько сот тысяч войска.
Перенес орду от Ши-го на север в урочище Цянь-цюань.[4]
После сего простер власть на весь западный край. Владе-
телям дал титул Сылифа, и отправил Тутуней[5] иметь над-
зор за ними и собирать подати. В следующем году, 619, **619**
Шеху от||правил посланника к Двору; и как Гэсана пи- *347*
тал непримиримую злобу к Шеху, то сей просил убить
Гэсану. Император не согласился. Чины говорили: храня
одного человека, можно потерять царство; а после будем
сожалеть. Цинь-ван [будущий Тай-цзун] сказал: неправ-
да. Кто прибегнул к нам, того убить есть худое предзна-
менование. Император и его не послушал. Он сделал уго-
щение внутри женской половины, и когда упились, то,
дошед до государственного кабинета, допустили посла-
ника убить Гэсану, и скрыли это. Шегуй также сряду
несколько лет представлял Двору в дань тяочжиские боль-
шие яйца, львиные кожи. Император щедро отдаривал, и
заключил союз соединенными силами воевать восточных
тукюесцев. Тун Шеху просил назначить срок. Хйели-хан

---

[1] В подлинном 1000 лет 10 000 лет.
[2] Юй-вынь Хуа Цзи.
[3] *Тун* есть имя, *Шеху* есть общий титул вельмож. *Ганму*. 616 год.
[4] Тысяча источников. Кит. слова.
[5] Тутунь есть титул вельмож по должности. *Ганму*. 619 год.

пришел в большой страх, и заключил мирные условия, чтобы не иметь войны между собою. Тун Шеху-хан просил
625 о браке, 625. Император, советуясь с чинами, говорил: «Западные тукюесцы удалены от нас; полагаться на скорую помощь от них не возможно: нужно ли вступать в брачное родство с ними»? Фын Дэ-и в ответ ему сказал: «судя по настоящим обстоятельствам, удобнее вступить в связь с отдаленными и напасть на ближайших. Я прошу согласиться на брак, чтобы устрашить северных Ди; и как скоро мы утвердимся, то решимся предпринять меры». И так император согласился на брак, и указал князю[1] Да́о-ли отправиться к западному тукюескому Двору. Тун Шеху-хан обрадовался, и в обратный путь с Да́о-ли отправил Чженьчжутун Сыгиня, а для заключения договора послал императору венец, осыпанный дорогими кам-
348 нями, золотой пояс и 5000 лошадей. || В это время восточный тукюеский Дом ежегодно нападал на границу, и дорога на запад подвержена была затруднению; притом Хйели предуведомил, что царевна из Дома Тхан должна проезжать через его земли, и он не преминет задержать ее. Тун Шеху-хан скорбел, что не может заключить брака. Тогда он, полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились; а родственник его Мохэду убил его. Император хотел послать дорогие каменья и шелковые ткани принести в жертву ему: но в тукюеских владениях на западе произошли возмущения и воспрепятствовали тому. Мохэду вступил на престол под наименованием Кюйли Сыби-хана.

VI. Сыби-хан Мохэду. Сыби-хан отправил посланника с дарами. В самом начале он отделил от государства малое ханство, а себя объявил верховным ханом, чем вельможи недовольны были. Поколение Нушиби поставило Нишу Мохэ Ше ханом. Нишу отказался от престола. Случилось, что Тун Шеху, ханов сын Шили Дэлэ, уклоняясь от смятений, произведенных Мохэду-ханом, бежал в Кангюй. Нишу принял его и возвел на престол под наименованием Иби Бололюй Шеху-хана. Завязалась война[2] по спору о разделении царства, и оба отправили к Двору посланников с дарами. Тхай-цзун, сожалея о безвинной смерти Гэсаны, дал ему по смерти титул Шан-чжу-го, и похоронил со всеми должными почестями. В четвертое
630 лето правления Чжен-гуань, 630, Сыби-хан просил о браке. Император отказал, а в указе к ним писал: «Дом

[1] Гао-пьхин-ван.
[2] С Сыби-ханом.

тукюеский теперь в смутных обстоятельствах, || и, кто будет царствовать, еще не решено. К чему заботиться о браке? Пусть каждый управляет своим аймаком, и не нападают друг на друга». После сего владения западного края[1] отложились, и тукюеский Дом пришел в великое бессилие. Народ весь поддался Сы Шеху-хану; даже из собственного поколения Сыбиева мало по малу уходили, и соединенными силами напали на Сыби-хана. Сыби бежал к Алтайским горам, где Нишу убил его, и объявил Сы Шеху верховным ханом. 349

VII. Сы Шеху-хан. Сы Шеху-хан по вступлении на престол пошел усмирить тйелэского Сйеяньто, напротив был разбит от него. Он был недоверчив, упрям, сжат[2] в управлении подчиненными. Малый хан Или оказал государству большие заслуги. Сы Шеху по наветам казнил его со всем родом. Народ весь пришел в изумление. Сверх сего, ненавидя Нишу, втайне замышлял убить его. Нишу бежал в Харашар. Не в продолжительном времени Муби Дагань с рыцарями из поколения Нушиби замышлял взять Сы Шеху и низвести с престола. Шеху с легкою конницею бежал в Кангюй, и умер с печали. Вельможи приняли Нишу из Харашара, и возвели на престол под наименованием Дулу-хана.

VIII. Дулу-хан Нишу. Отец Дулу-ханов Мохэ Ше был подданный Шеху-хана. В правление Ву-дэ приезжал к Двору. Тхай-цзун заключил с ним клятву, при которой условились быть братьями. По смерти его Нишу заступил место его. Другие пишут, что Гяна Ше как скоро вступил на престол, отправил посланника || донесть Двору, что не смеет носить титул хана. Император отправил сановника[3] Лю Шань-инь с бунчуком и грамотою, которою дал ему титул Туньалэу Балиби Дулу-хана. Он пожаловал ему литавру, знамя и великое множество шелковых тканей. Нишу отправил посланника принесть благодарность. На другой день Верховный император[4] [Гао-цзу], угощая посланника в тронной Лян-и-дянь, сказал к Чан-сунь Ву-цзи: ныне и иноземцы[5] повинуются. Было ли это в древности? Ву-цзи подняв бокал пожелал ему тысячу тем лет. Верховный император был доволен и вино передал императору [Тай-цзуну]. Император, 350

[1] Авганистан, Персия, Кипчак.
[2] Немилостив, не великодушен.
[3] Хун-лу Шáо-кин.
[4] На кит. *Тхай Шан*. Сей титул придается императору, который, по преклонности лет, уступил престол сыну своему.
[5] На кит. *Мань-и*, что значит южные и восточные кочевые.

поклонившись, поблагодарил, и выпил тост за здравие Верховного императора.— По смерти Дулу-хана, младший его брат Тунво Ше поставлен под наименованием Шаболо Хилиши-хана.[1]

IX. Шаболо Хилиши-хан. На третий год Шаболо-хан отправил посланника к Двору с местными произведениями и при сем случае просил о браке. Император обласкал его, и не более. Хан разделил свои владения на десять поколений или аймаков. В каждом поколении поставил по одному начальнику для управления. Каждому начальнику дал по одной стреле, от чего они именовались десять *Ше*, и *также десять стрел*. Они разделились на восточную и западную сторону.[2] В пяти восточных поколениях Дулу поставлены пять великих Чжо.
351 Они жили от Суй-йе на восток;[3] в || пяти западных поколениях Нушиби поставлено пять великих Сыгиней; они жили от Суй-йе на запад.[4] Подчиненные каждую стрелу называли *аймаком*, под общим названием — *аймаков десяти прозваний*.[5] Впрочем Дулу-хан не был любим народом. Из его поколения Тун Тутунь напал на него с войском. Хилиши, собрав своих людей, сразился с Тун Тутунем, но не имел успеха: почему Хилиши с младшим своим братом Були Ше бежал в Харашар. Асиги Кюе Сыгинь и Тун Тутунь созвали вельмож и советовались поставить Юйгу Ше верховным, а Хилиши малым ханом. Случилось, что Тун Тутунь был убит, а Юйгу Ше разбит своим Сыгинем. И так Хилиши опять получил прежние земли. Впоследствии западные поколения сами принуждены были поставить Юйгу Ше под названием Иби Дулу-хана.[6]

X. Иби Дулу-хан Юйгу Ше. XI. Икюйлишы Иби-хан. Иби Дулу-хан долго воевал с Хилишием, и с обеих сторон пало великое множество людей. Наконец при реке Или[7] заключили договор, по которому земли от сей реки на запад должны быть во владении Дулу, а на восток — во владении Хилишия. С сего времени западный тукюеский Дом также разделился на два царства. Дулу-хан поставил орду по западную сторону гор Цзихэ и назвал север-

---

[1] Дулу-хан умер в 634 году. *Ганму*. 634.

[2] На монг. языке *Чжунь-гар* и *Барунь-гар*. Чжунь-гар иначе Чжунь-гария и доныне носит сие название.

[3] Занимали нынешние округи Илиский и Хурь-хара-усуский.

[4] Около Тэмурту-нора и далее на запад. На сих местах ныне восточные буруты кочуют.

[5] Т. е. владетельных линий или домов.

[6] Иби Дулу-хан вступил на престол в 638 году. *Ганму*. 638.

[7] Или [См. Географический указатель, под словом Или-гол.]

ною ордою. Он привел под свою власть владения Сяоми и Гйегу [Хягасы] и простирал виды на поколение Хилишиево. Тутунь Сылйефа произвел нападение на Хилишия. Хилишие, не имея ни||откуда вспоможения, бежал в Ба- *352*
ханьна и умер.[1] Вельможи поставили сына его под наименованием *Икюйлиши Иби-хана*. Но сей хан чрез год умер. Нушибиский главный старейшина поставил Гяны, сына Бихэду-Шеху, под наименованием *Иби Шаболо Шеху-хана*.

XII. Иби Шаболо Шеху-хан. Тхай-цзун отправил к нему военного сановника[2] Чжан Да-шы с бунчуком и грамотою, и с ним послал литавру и знамя. Хан поставил орду по северную сторону реки Суй-хэ под названием южной орды;[3] к востоку близ реки Или. Куча, Шаньшань, Цзюймо, Тухоло, Харашар, Ши, Шы, Хэ, Му и Кан находились под его державою.[4] В сие время Дулу мало по малу умножил свои войска и с Шаболо Шеху имел несколько сражений. Случилось, что посланники обоих ханов приехали к Двору. Император приказал им примириться, и прекратить войну. Дулу не хотел послушать, и послал Тутуня из Ши с войском. Тутунь убил Шеху-хана на сражении, и овладел его царством.[5] Нушиби не покорялся и отложился. Дулу еще напал на Тухоло, и овладел им; после сего он произвел набег на И-чжéу.[6] Го Хяо-кхэ, Западный наместник, с 2000 легкой конницы ударил на него из Угуцзюй и разбил его. || Дулу с вой- *353*
ском из Чуюе и Чуми обложил Небесные горы, но без успеха. Хяо-кхэ погнался за ним на север, взял город чуюеского Сыгиня, подошел к горе Гйесо, побил до 1000 человек, покорил поколение Чуми, и возвратился. Дулухан был дерзок и высокомерен. Он удержал посланника Юань Хя́о-и и не отпускал, нагло говоря: я слышал, что Сын Неба в царстве Тхан имеет воинские дарования. Я теперь пойду воевать Кангюй: посмотрите, могу ли сравниться с Сыном Неба и прочими? Он соединенными силами ударил на Кангюй и Даоми; и как скоро разбил их, то всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным.

---

[1] Икюйлишы Иби-хан в *Ганму* назван Хилиши; умер в 639 году. Сын его возведен на престол под наименованием Иби Шаболо Шеху хана. *Ганму*. 639 г.

[2] Цзо-линь-гюнь Ган-гюнь.

[3] На кит: *Нань-тхин*. между Тэмурту-Нором и рекою Или; а Дулу-хан назвал свою орду северною, *бэй-тьхин*.

[4] Т. е. восточный Тюркистан от Харашара до Хами, Илиский округ и восточная часть Кипчака или казачьих земель. В 641 году. *Ганму*. 640.

[5] Сие происшествие в *Ганму* под 641 годом.

[6] Хами.

Полководец его Нишу Чжо рассердился, и отнял свою часть. Дулу всенародно отрубил ему голову, и выставил на показ. Нишу-Чжоев полководец Хулуву вооруженною рукою напал на Дулу-хана. Много убито людей с обеих сторон, и государство пришло в великое смятение. Он хотел обратиться для защищения Тухоло: но вельможи советовали ему возвратиться в свое владение. Хан не послушал: и с войском, переправившись через реку Йе, дошел до владения Ши. Приближенные его почти все разбежались. И так он остался защищать город Ханьши, и налегке выехал приглашать отпавших. Асигиский Кюе Сыгинь напал на него. Пораженный Дулу взял город Байшуйху, и тут остался жить. Нушиби не хотел, чтобы Дулу был ханом, и отправил посланника к Двору просить о возведении другого хана. Император отправил переводчика Выньвуиня с грамотою за большою государственною печатью, чтоб он с вельможами избрал способного из потомков тукюеских ханов, и передал ему грамоту. И так воз‖вели Икюйлиши Иби-ханова сына под наименованием Иби-Шегуй-хана.[1]

XIII. Иби-Шегуй-хан. Иби-Шегуй-хан, по вступлении на престол, возвратил всех китайских посланцев в Чан-ань, а Нушибия отправил с войском осаждать город Байшуйху. Дулу выступил из города с войском, и при шуме от литавр и труб приблизился дать сражение. Нушиби не мог устоять, и потерял множество людей убитыми и в плен взятыми. Дулу после сей победы приглашал к себе прежние поколения. Пусть убьют на войне, сказали ему все, тысячу человек, а останется один, но и тогда не пойдем к нему. Дулу видел нерасположение народа к нему, и пошел в Тухоло. Иби Шегуй отправил к Двору посланника с данью из местных произведений, и при сем случае просил о браке. Император потребовал, чтоб хан для сговорных даров уступил ему пять княжеств: Кучу, Хотан, Кашгар, Чжуцзюйбо и Цун-лин. И так брак не состоялся.[2] После сего Ашина Хэлу поднял бунт и овладел всем ханским аймаком.

Хэлу был внук Шидяньми-хана в пятом колене, сын Ибули Ше Шегуя Дэлэ Циоюе. Когда Ашина Бучжень возвратился в свое государство, то Дулу-хан дал Хэлу достоинство Шеху на место Бучженево. Он жил при реке Долосы в 1500 ли от Си-чжéу прямо на север, и овладел

---

[1] *Иби-Шегуй-хан* вступил на престол в 642 году. См. в *Ганму* 642 год.

[2] В *Ганму* сие происшествие помещено под 646 годом.

народом пяти поколений: Чуюе, Чуми, Гусу, Гэлолу и Нушиби.[1] Когда Дулу бежал в Тухоло, то Иби Шегуй преследовал его с войском. Хэ‖лу не имел постоянного 355
местопребывания. Его поколение было рассеяно. Находилось три рода: Шушеди, Чуму-гунь и Поби, которые ходатайствовали у хана за Хэлу как безвинного. Хан рассердился и хотел казнить Шушеди с прочими. И так они с несколькими тысячами своих кибиток и с Хэлу поддались Китаю.[2] Император отлично обласкал их. При открывшейся войне с Кучею Ашина Хэлу просил дозволить ему как вожаку вперед идти. Указано дать ему чин главнокомандующего походных войск по дороге в Гуньци, угостить его в тронной Гя-шеу-дянь, щедро наградить, снабдить новым одеянием, повысить главноначальствующим в Яочи; перевесть его поколение Тьхин-чжéу в город Мохэ, и тайно пригласить рассеявшихся для усиления войска. В это время император преставился. Когда замышляли взять Си́-чжéу и Тьхин-чжéу, губернатор Ло Хун-и донес о том Двору. Гао-цзун наскоро отправил переводчика Цяо Бао-мин успокоить их: почему приказал Хэлу отправить сына своего Хиюня к Двору в службу. Хиюнь соскучился в столице, и с чином военачальника конной гвардии обратно отпущен. Хэлу, по совету Хиюня, пошел на запад и овладел бывшими землями Дулу-хана.[3] После сего поставил орду при тысяче ключах, и принял наименование Шаболо-хана.

XIV. Шаболо-хан Ашина Хэлу. Ашина Хэлу имел под своею властью десять аймаков Дулу и Нушиби. В Дулу были пять Чжо: Чумугуньлюйчжо, Хулуву Кюе Чжо, Нешетидунь Чжо, Туциши Хэлоши Чжо, ‖ Шуниши Чубань Чжо. В Нушиби было пять Сыгиней: Асиги Кюе Сыгинь, Гэшу Кюе Сыгинь, Басайгань Дуньшибо Сыгинь, Асигйе Нишу Сыгинь, Гэшу Чубань Сыгинь. Хулуву Чжо был зять Хэлу по дочери. Асигйе Сюе Сыгинь был весьма силен. Строевое войско его простиралось до нескольких сот тысяч. Хиюнь получил достоинство Мохэду Шеху; после сего он напал на Тьхин-чжéу, разбил несколько уездов, убил и в плен взял несколько тысяч человек, и ушел. Указано полководцам Лан Гянь-фан[4] и Киби-Хэ-ли[5] принять главное начальство над походными войсками по дороге в Гун-юе; а военачальникам 356

[1] Почти всю Чжуньгарию, исключая Алтая.
[2] В *Ганму* сие происшествие помещено под 648 годом.
[3] Сие происшествие в *Ганму* под 651 годом.
[4] Цзо-ву-вэй Да-гян-гюнь. Ч.
[5] Ю Кя́о-вэй Да-гян-гюнь. Ч.

Гао Дэ-и[1] и Сахувуженю[2] быть их помощниками; выставить 30 000 внутренних войск и к ним присоединить 50 000 ойхорской [хойху] конницы. Ло Хун-и представил государю следующий план: «успокоивать Срединное государство должно верностью; управлять северными кочевыми — силою. В порядке бывает изменение обстоятельств. Хэлу держится в одном городе. Когда бывают морозы и много снегу, то он говорит, что войско Дома Тхан не может придти. Надобно в один сей поход уничтожить его. Если отложить до весны, то обстоятельства могут измениться. Если оставить владетелей на их произвол, и не соединить их союзом, то не преминут уклониться. Сверх сего война собственно открывается для истребления Хэлу, а Чуми, Чуюе и Чумугунь также желают избавиться. Если приостановиться, то они не преминут опять соединиться с Хэлу: ныне хотя зима жестокая, ветры сильные и рат-
357 ники много страдают от них, но дол‖го невозможно держаться и тратить пограничные хлебные запасы, а неприятели между тем успеют утвердить своих союзников. Это срок взять смерть на кредит. Прошу оказать снисхождение к Чуюе, Чуми и пр. и наказать одного Хэлу. Устраняя опасность, прежде обращают внимание на корень, а не на ветви с листьями. Желательно, чтоб исключительно занялись войсками Юечу, Юеми и Циби; дать им содержание на месяц и немедленно отправить. Большая армия будет стоять при реке Пхинло, и служить для них вспоможением. Таковую должно употребить меру гнать кочевых и нападать на волков. Сверх сего кочевые считают войска Дома Тхан крыльями. Ныне если кочевые войска выступят вперед, а войска Дома Тхан в след за ними, то Хэлу будет совершенно стеснен». Император принял его представление, и указал Хун-и содействовать полководцу Гянь-фан в распоряжениях. Чуюе, Чжусйе и Хучжу присоединились с своими войсками к неприятелю, и заняли гору Лао-шань. Гянь-фан напал на них, привел их в смятение, преследовал около 500 ли и убил Хучжу. Он представил 9 000 голов, взял в плен 60 предводителей их, что не согласно с расчислением Хун-и.
653 В четвертое лето правления Юн-вэй, 653, уничтожено Яочиское правление главноначальствующего, а в Чуюе учрежден округ Гинь-мáнь-чжéу. Еще назначен военачальник[3] Чен-Чжи-цзйе главнокомандующим походных

[1] Ю Кя́о-вэй Гян-гюнь. Ч.
[2] Ю-ву-вэй Гян-гюнь. Ч.
[3] Цзо-тхунь-вэй Да-гян-гюнь. Ч.

войск по дороге в Луковых горах. В сем году Дулу-хан умер. Сын его Чженьчжу Шеху просил дозволения идти против Хэлу — для выслуги: но Хэлу так стеснил его, что он || не мог выступить.[1] В следующем году, 654 [чжэн], *358* **654**
Чжи-цзйе ударил на Гэлолу и Чуюе; побил до 1 000 человек, и получил в добычу до 10 000 голов лошадей. Помощник главнокомандующего Чжéу Чжи-ду приступом взял Чумугунев город и до 30 000 ушей отрезал у убитых. Начальствующий в передовом отряде Су Дин-фан напал в Инпона Шуниши, составлявший отделение хана Хэлу; порубил множество людей, и в добычу получил большое количество лошадей. Неприятели, побросав латы и оружие, скрылись в степях. Но случилось, что Ван Выньду, помощник главнокомандующего, не захотел сражаться. Он покорил город Хыньду, забрал богатство в нем, и вырубил жителей. Чжен-Чжи-цзйе не мог укротить его.
В первое лето правления Сянь-цин, 656, Су Дин-фан **656**
повышен главнокомандующим походных войск по дороге в Йли; под ним назначены Яньжаньский наместник Жень Я-сан, помощник его Сяо Цы-йе и ойхорский Пожунь. Князья Ашина Мише[2] и Ашина Бучжень[3] назначены начальниками войск по дороге через сыпучие пески. Все они порознь должны были следовать к Алтаю. Сыгинь Нуньдулу вышел на встречу и покорился с 10 000 кибиток. Су Дин-фан с отборною конницею пришел к реке Йли с западной стороны, ударил на Чумугуня и разбил его. Хэлу выступил с 100 000 конницы из десяти родов.[4] Су Дин-фан противостал ему с десятью тысячами. Неприятели, видя малочисленность войск, окружили армию Дома Тхан конницею. Су Дин-фан || велел пехоте, заняв *359*
равнину, копья держать на внешнюю сторону, а сам с конницею выстроился на севере. Хэлу прежде ударил на колонну на равнине и троекратною атакою не мог поколебать ее. Тогда Су Дин-фан пустил конницу. Неприятели пришли в большое смятение. Их преследовали несколько десятков ли, убили и в плен взяли до 30 000 человек; одних главных старшин и даганей убито 200 человек. На другой день погнались за пятью Нушиби, и они покорились. Пять Дулу, услышав о поражении Хэлу, побежали южною дорогою и покорились Бучженю. Су

---

[1] По *Ганму* Чженьчжу Шеху разбил Шаболо-хана, но вскоре сам был побежден Шаболо-ханом, 653.
[2] Ю-тхунь-вэй Да-гян-гюнь. Ч.
[3] Цзо-тхунь-вэй Да-гян-гунь. Ч.
[4] Пяти Дулу и пяти Нушиби. *Ганму*. 657.

Динфан приказал Сы-йе и Пожуню поспешить к реке Сйелосы и преследовать неприятеля. Жень Я-син с покорившимися войсками шел в след за ними. Случилось, что пошел большой снег, войска просили подождать, пока проведрится. Су Ди-фан сказал им: теперь небо туманно и резкой ветр. Неприятель думает, что мы не в силах продолжать похода, и мы можем внезапно напасть на него. Если помедлить, то он удалится. С сокращением времени удвоить заслуги есть лучший план. Таким образом, продолжая поход день и ночь, забирали в проходимых местах и людей и скот. По прибытии к реке Шуан-хэ сошлись с Мише и Бучженем. Войска были сыты и в хорошем расположении духа. В 200 ли от орды Хэлу-хана пошли в боевом порядке. Когда подходили к горам Гинь-я-шань, войско ханово занималось звериною ловлей. Су Дин-фан пустил свое войско и разбил орду; присем в плен взял несколько десятков тысяч человек, в добычу получил литавру, ханское знамя и оружие. Хэлу бросился за реку Или. Сы-йе остановился при тысяче ключах. Мише подошел к Или.
360 Поколения Чуюе и Чуми || остановились при Шуан-хэ. Хэлу с Буши Даганем, укрепившись палисадом, первый начал сражение. Мише напал на него и привел в замешательство. Су Дин-фан преследовал Хэлу до реки Суй-йе, и овладел его войском. Хэлу и Шиюнь бежали к Шунэу Ше, и пришли в Ши к городу Суду. Лошади не могли идти, войско томилось голодом. Предложили дорогую цену за впуск в город и покупку лошадей. Владелец города Инйе Дагань принял их; и как скоро они вступили в город, то задержал их, и препроводил в Ши-го. В это время Юаньшуань, сын Мишеев, пришел туда с войском Сы-йе. Он отпустил войска разных поколений, открыл прямую почтовую дорогу, собрал обнаженные трупы, спрашивал жителей о нуждах, и все пограбленное Хэлу-ханом возвратил народу. Хэлу по прибытии в столицу был прощен, и от казни избавлен, но лишен достоинства. Земли его разделены на округи и уезды, и заняты разными поколениями. В поколении Мугунь [Чумугунь] учреждено фуяньское губернаторство; в поколении Туциши-Согэ Мохэвом выньлуское губернаторство; [в поколении] Туциши-Алишиевом Гйешаньское губернаторство; в поколении Хулушикюе яньбоское губернаторство; в поколении Нйешетитунь губернаторство при Шуан-хэ; в поколении Шуниши-Чубань губернаторство юнсоское. Для управления ими учреждены два наместнических правления: Гуньлинское и Хаочиское. Во всех подчиненных им владениях учреждены округи; на запад до Персии все подчинено западному наместническому

правлению. Ашина Мише поставлен Хинсиван-ханом, с военным чином[1] и хаочиским наместни‖ком с управле- *361*
нием пятью поколениями Дулу. Ашина Бучжень поставлен Гивангюе-ханом с военным чином[2] и хаочиским наместником с управлением пятью поколениями Нушиби. Каждому пожаловано по сту тысяч кусков шелковых тканей. Сановник[3] Лу Чен-кин отправлен с ним с грамотами.[4] Когда Хэлу умер, указано похоронить его подле могилы Гйели-хана [Хйели-хана], и вырезать его деяния на камне.

XV. Ашина Мише. XVI. Ашина Бучжень. Ашина Мише также был внук Шидяньми-хана в пятом колене. Он был наследственный Мохэду Шеху. В правление Чженгуань, отправлен был посланник с бунчуком, чтобы поставить Мише Килиби Дулу ханом. Ему пожалованы литавра и знамя. Старший родственник его Бучжень замышлял убить Мише, чтоб самому быть ханом. Мише не мог царствовать, и с поколениями своими Чуюе и Чуми ушел к Двору, где получил военный чин.[5] После сего Бучжень объявил себя Дулу Шеху: но был изгнан народом, и также с своими родственниками приехал к Двору, где и получил военный чин.[6] Мише, находясь при императоре в корейскую войну, оказал услуги, за которые был пожалован княжеским достоинством,[7] и повышен военным чином.[8] По покорении Хэлу-хана Бучжень и Мише произведены ханами с властью поставлять у себя чиновников до губернатора. В сем году Мише напал на Чженьчжу Шеху при Шуан-хэ, отрубил ему голову и убил Кюе и Чжо, двух человек. ‖ Мише и Бучжень не имели спо- *362*
собности к управлению, и большая часть подчиненных была не довольна ими, почему Сыгйе-думань с Кашгаром, Чжугюйбо и Гэпаньто отложились и разбили Хотан. Указано военачальнику[9] Су Дин-фан выступить против него. Думань с войском занял Матхэу-чуань. В пятое лето, 660, Дин-фан устремился на город и принудил к **660**
сдаче. Во второе лето правления Лун-шо, 662, Мише **662**
и Бучжень с своими войсками следовали за главнокомандующим Су Хай-чжен для усмирения Кучи. Бучжень, злобясь на Мише, хотел его поколение присоединить

[1] Биао-ки Да-гян-гюнь.
[2] Биао-ки Да-гян-гюнь.
[3] Гуан-лу-кин. Ч.
[4] В *Ганму* сие происшествие описано под 657 годом.
[5] Ю-гянь-мынь-вэй Да-гян-гюнь.
[6] Цзо-гхунь-вэй Да-гян-гюнь.
[7] Пьхин-нань-хянь Бо.
[8] Ю ву-вэй Да-гян-гюнь.
[9] Цзо-гяо-вэй Да-гян-гюнь.

к своему: почему оклеветал его в умысле на бунт. Су Хай-чжен не мог рассмотреть сего, и собрал военный совет. Прежде приговорили Мише к казни. Потом именем государева указа сняли с него жалованное ханское достоинство и власть управления, и приговорили как ему, так и всем подчиненным до пастуха отрубить головы. Из его поколения Шуниши Басайгань отложился, и ушел. Су Хай-чжен догнал его и покорил. Бучжень умер в правление
671 Цянь-фын. Во второе лето правления Сянь-хын, 671, старейшина из западных тукюеских поколений Аши на Дучжы произведен военным начальником[1] и фуяньским главноуправляющим, чтоб успокоить тамошний народ. В правление И-фын,[2] Дучжы объявил себя ханом десяти аймаков.

XVII. Дучжы-хан. Дучжы-хан заключил союз с Тибетом и произвел набег на Ань-си. Указано сановнику[3]
363 Пхэй Хин-гянь идти с войском про‖тив него. Хин-гянь просил не посылать войск, а взять его [Дучжи-хана] хитростью. И так указано Хинь-гянь с грамотою проводить сына персидского государя,[4] и вместе с тем успокоить Даши. Как дорога предлежала в два государства, то Дучжы действительно не подозревал, и явился к нему с ближайшими своими родственниками; сим образом он был взят. Хин-гянь пригласил владетелей прочих поколений и задержал их; покорил отдельного[5] предводителя Личжефу и возвратился. Это случилось в первое лето правления Тьхяо-лу,
679 679. С сего времени десять аймаков наипаче ослабели.

XVIII. Хан Юанькин. XIX. Хан Були Ше Хусэло. Впоследствии родовичи двух поколений день ото дня расходились: почему избраны Мишеев сын Юанькин и Були Ше Хусэло Бучженев сын, и даны им военные чины.[6] Они наследовали владения своих отцов с ханским достоинством.[7] Юанькин еще был повышен двумя военными чинами,[8] и наконец вместо Хусэло наименован Цзе-чжун
693 Шы чжу-ханом. В правление Чан-шéу, 693, он оклеветан был чиновником Дай Цзунь-чень в том, что явился к наследнику, и перерублен по пояснице; сын его Сяньюй со-

---

[1] Цзо-гяо-вэй Да-гян-гюнь.

[2] Правление И-фын продолжалось три года: 676, 677, 678.

[3] Ли-бу Шы-лан. Ч.

[4] Наследный персидский принц был заложником при китайском Дворе. По смерти персидского короля, Пхэй Хин-гянь послан возвести принца на престол. См. 679 год.

[5] Дучжыева. *Ганму.*

[6] Первому: Цзо-юй-лин-вэй Гян-гюнь, второму: Ю-юй-лин-вэй Гян-гюнь.

[7] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 685 г.

[8] Чжень-го Да-гянь-гюнь и Цзо-ву-вэй Да-гян-гюнь.

слан в Чжень-чжéу. В следующем году, 694, западные 694
тукюеские поколения поставили ханом Ашину Суйцзы.

XX. Хан Ашина Суйцзы. Ашина Суйцзы, сое‖динив- *364*
шись с тибетцами, произвели набег. Ван Хяо-гай, главнокомандующий по дороге в Ву-вэй, дал им сражение при Лынь-цюань в Да-лин-гу и разбил их. Хань Сы-чжун, начальник крепости Суййе-чжень, еще разбил Нишу Сыгиня и Туциши Чжихань-аулу; после сего он взял у тибетцев город Нишумус. Во второе лето правления Шен-ли, 699, 699
Хусэло сделан главнокомандующим западной армии для успокоения западных владений. В сие время весьма усилился Учжилэ. Хусэло не смел возвратиться на запад, и с 60-ю или 70-ю тысяч душ своего поколения переселился в китайские владения. Он умер в Чан-ань. Сын его Ашина Хуай-дáо получил военный чин при Дворе.[1] Ашина Хянь получил военный чин,[2] наследственный титул Хинчиван-хана, и титул великого попечителя десяти аймаков, великого наместника в Бэй-тьхин. В четвертое лето правления Чань-ань, 704, Ашина Хуай-дáо поставлен ханом 704
десяти аймаков и хаочиским наместником.

XXI. Хан Ашина Хянь. XXII. Хан Ашина Хуай-Дао. Ашина Хянь вскоре поставлен главноуправляющим от Великой песчаной степи на запад. Дудань в аймаках десяти родов отложился. Хянь убил его на сражении; голову препроводил к Двору, и от Суййе на запад 30 000 кибиток привел в китайское подданство, за что похвален грамотою за государственною печатью. Три рода: Гэлолу, Хуву и Шуниши, также поддавшиеся Китаю, были ограблены ханом Мочжо. Хянь назначен главнокомандующим, и занял боковое положение в отношении к Тхан-Гяо-хой, наместнику в ‖ Бэй-тьхин. Туциши скрытно *365*
наблюдал положение пограничных обстоятельств; почему Хянь просил усилить войско и дозволение лично явиться к Двору. Сюань-цзун [преемник Чжун-цзуна с 712 г., после его отречения] не дозволил, а отправил военачальника Ван Хой с бунчуком и грамотою, которою Туциши объявлен главноначальствующим, а Чеби Шичжо Сулу дано княжеское достоинство.[3] Но Туциши уже обложил бохуаньский город Даши и предпринимал овладеть четырьмя крепостями. В это время Тхан Гя-хой определен помощником Великого наместника в Ань-си. Он выставил войска трех родов, как-то: гэлолу и пр., и вместе с

---

[1] Ю-ву-вэй Гян-гюнь.
[2] Ю-гяо-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Шун-го Гун.

Хянем напал на туцишн. Император хотел было поручить Ван Хой с министрами начертать план для действий. Министр Цзин Чень-тьхин сказал: «Туцишн[1] отложился; Гэлолу напал на него. Это кочевые режутся друг с другом. Не наше дело. Сильный получит раны, а слабый погибнет; для нас же и то и другое выгодно. Ван-хой пусть отправится туда для успокоения; а в военные дела их не должно вмешиваться». И так предприятие оставлено. Согэ был силен, и Хянь не мог усмирить его; почему возвратился в Чан-ань, где и умер. В Туцишн, после поражения Тухошаня, Синь, сын Ашины Хуай-да́о, поставлен ханом десяти родов с правами трех министров и хаочиским наместником; супруге его Ли грамотою дан титул Чжоха-хотаской царевны. Послан отряд войска для препровождения ея.

XXIII. Хан Ашина Синь. Ашина Синь, по прибытии в город Цзюйлань от Суййе на западе, убит туцишиским Мохэ-
366 даганем. Чжоха-хотаская царевна, с || сыном своим Чжунхя́о, бежала обратно в Китай, где сын ее получил военный чин при Дворе.[2] *Здесь пресекся Западный тукюеский Дом.*[3]

XXIV. Туцишн-Учжилэ. Туцишиский Учжилэ составлял особливое поколение в Западном тукюеском Дому. После поражения и уничтожения Хэлу, ханы обоих поколений предварительно поступили в службу китайского Двора. Кочевые не имели настоящего государя. Учжилэ зависел от Хусэло и был Мохэ Даганем. Хусэло бесчеловечно управлял, и народ был недоволен им. Учжилэ, напротив, умел успокоивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверенность их, и кочевые повиновались ему. Число кибиток его нечувствительно [постепенно] умножилось, и он поставил двадцать главноначальствующих; каждый главноначальствующий имел 7 000 войска. Учжилэ жил от Суййе на северо-запад; исподоволь он завоевал Суййе, перенес сюда орду и назвал Суййе-чуань городом Гуньюе Большой орды, а при реке Или была Малая орда. Владения его на востóке были смежны с северными тукюесцами, на заладе с тюркистанцами, на восток простирались прямо до Си-тьхин-чжеу. Он овладел всеми землями, принадлежавшими Хусэло. Во второе лето правления
699 Шен-ли, 699, он отправил сына Чжену к Двору. Императрица Ву́-хэ́у очень благосклонно приняла его. В правление Шен-лун, 705, 706, он пожалован княжеским достоинством.[4] В сем году Учжилэ умер. Сын его Согэ

[1] Название владетеля Дома и владения его.
[2] Цзо-лин-гюнь-вэй Юань-вай-гян-гюнь.
[3] По нисходящей линии.
[4] Хуай-дэ Гюнь Ван.

пожалован военным чином[1] и наследственно облечен в княжеское достоинство. ||

XXV. Хан Согэ.[2] В сие время Согэ имел 300 000 войска. Указано послать хана десяти родов Ашину Хуайда́о с бунчуком и грамотою и четырех дворцовых девиц. В правление Цзин-лун, 708, Согэ отправил к Двору посланника принесть благодарность. Чжун-цзун принял посланника в передней тронной, пред которою выстроилось 10 000 конницы и два ряда почетной стражи. Вскоре после сего Согэ поссорился с своим предводителем Кюечжо Чжун-цзйе, и оба начали жестокую войну между собою. Согэ пожаловался на Чжун-цзйе Двору, и просил разобрать дело в столице. Чжун-цзйе тысячью лан серебра подкупил министра Цзун Чу-кхэ с прочими, чтоб его не требовали к Двору, и просил дозволения призвать тибетцев против Согэ. Тогда Чу-кхэ полновластно управлял государственными делами. Он отправил сановника[3] Пьхин Гя-ба́о с бунчуком исследовать дело. Гя-ба́о имел переписку с Чжун-цзйе. Согэ чрез объездных перехватил переписку их, и убив Гя-ба́о, послал брата своего Чжену с войском для нападения на границу. Ню Шы-гян, наместник в Ань-си, дал ему сражение под городом Хо-шаочен. Шы-гян с потерею сражения лишился жизни. Согэ требовал головы министра Чу-кхэ. Великий наместник Го Юань-чжень представил Двору, что Согэ силен; надобно прямо простить его. Император согласился, чем водворено спокойствие на западе. Вскоре после сего Согэ разделился с Чжену. Чжену, злобясь, что мало народа ему дано, отложился и предался к Мочжо. Он просил Мочжо употре||бить его вожаком при нападении на старшего брата. Мочжо удержал Чжену, а сам с 20 000 войска ударил на Согэ, и взял его в плен. Мочжо по возвращении сказал Чжену: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенною преданностью служить мне?» И так обоих предал смерти. Чеби Шичжо Сулу из отдельного тугишиского рода, собрав остатки народа, объявил себя ханом. *367* *368*

XXVI. Чжунь Шунь-хан Сулу. Сулу хорошо обращался с своими подчиненными. Роды мало по малу соединились, и народ его умножился до 200 000 душ; посему опять сделался сильным в Западном крае. В пятое лето правления Кхай-юань, 717, он в первый раз приехал к Двору, и **717**

[1] Цзо-кяо-вэй Да-гян-гюнь.

[2] В *Ганму* сие происшествие помещено под 708 годом, где сказано, что Согэ сам объявил себя ханом.

[3] Юй-шы Чжун-кхэ.

получил военный чин[1] и титул туцишского главноуправляющего. Поднесенные им дары не приняты. Военный сановник[2] Ван Хой послан с бунчуком поздравить Сулу с чином военачальника[3] и с княжеским достоинством.[4] Ему пожалованы парчевой кафтан, перломутровый пояс, шагриновый колчан, всего семь вещей; сверх сего он сделан главным комиссаром по дороге в Гинь-фан.[5] Впрочем он был коварен и лукав; не искренне служил Дому Тхан. Сын Неба хотел привязать его, и дал ему титул Чжун-шунь хана.[6] По прошествии одного или двух лет прислал посланника с дарами. Император выдал за него дочь Ашины Хуай-да́о под названием Чжоха-Хотаской царевны. *369* В сем году Туциши откармливал лошадей в Ань-си. Посланный принес от царевны приказание к наместнику Ду Сянь. Сянь, рассердившись, сказал, дочь Ашины смеет ли давать приказания? Он наказал посланного и не дал ответа. Сулу, рассердившись, тайно вступил в союз с тибетцами. Он собрал войско, ограбил четыре крепости и обложил город Ань-си-чен. Сянь тогда отправлялся в столицу к должности министра; место его заступил Чжа И-чжен. Он долго стоял на городской стене; а когда выходил из города, то претерпевал поражение. Сулу награбил и людей и скота, и опорожнил хлебные магазины.[7] Вскоре он узнал, что Сянь произведен в министры; почему обратно ушел, и отправил важного чиновника Йечжы Абусы к Двору. Сюа́нь-цзун пригласил его к столу. Случилось, что посланник восточных тукюесцев вступил с ним в спор о первенстве, и сказал: Туцишн есть мелкий владетель, и притом вассал тукюеский, его посланник не может занять высшего места. Угощение сделано для меня, отвечал Сулуев посланник, я не могу сесть ниже. Почему поставили две палатки: одну на восточной, другую на западной стороне. Сулуев посланник сел в западной палатке,[8] и таким образом кончили обед. В начале Сулу хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным: почему роды были довольны, и служили ему всеми

---

[1] Ю-ву-вэй Да-гян-гюнь.

[2] Ву-вэй Чжун-лан-гян.

[3] Шунь-го Гун.

[4] Гин-ляо-да-шы.

[5] Гинь-фан зн. Золотая страна. Сие происшествие в *Ганму* помещено под 715 годом.

[6] Чжун-шунь суть китайские слова: *верный* и *послушный*. Сие происшествие в *Ганму* замечено в 719 году.

[7] Нападение Сулуево в *Ганму* означено под 737 годом.

[8] Т. е. ему дано младшее место.

силами. Он имел связь с Домами тукюеским и тибетским, и оба выдали за || него своих дочерей; почему он дочерей 370
трех царствующих Домов сделал ханьшами, а сыновей произвел в Шеху. Расходы ежедневно увеличивались, а положительных запасов не было. В поздние годы он почувствовал скудость; почему награбленные добычи начал мало по малу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него. Он получил простуду, от которой одна рука отнялась, и он не мог заниматься делами; почему главный старейшина Мохэ Дагань и Думочжы усилились, а родовичи говорили: Согэвы потомки составляют желтый аймак; Сулуево поколение составляет черный аймак, и начали питать большую недоверчивость и вражду друг к другу. Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его.[1] Думочжы еще изменил и Даганю, и поставил ханом Сулуева сына Тухосяня Гучжо.

XXVII. Тухосянь-Гучжо-хан. Туцишиский Тухосянь-хан жил в городе Суййе, а Живэй-хан черного рода охранял город Хынлос, и оба напали на Даганя. Император послал Гай Гя-юнь, главноуправляющего в стране от Великой песчаной степи на запад, помирить их. Владения западного края Туциши Баханьна, Мохэ Дагань и Гай Гя-юнь с Мохэду Тутунем, государем владения Ши, и Сыгиньтием, государем владения Шы, соединенными силами напали на Сулуева сына и разбили его в Суййе. Тухосянь бросил знамя и бежал, но был пойман вместе с младшим своим братом Шеху Тунь Або. Кашгарский градоначальник Фумын Линча с лучшими войсками и баханьнаским [ферганским] владетелем, внезапно напал на Хынлос, || убил хана черных родов, и с младшим своим 371
братом Босы вступил в город Игянь, взял Чжоха-хотаскую царевну, еще Сулуеву ханьшу, Живэйеву ханьшу и возвратился. Несколько десятков тысяч выходцев из Западных владений, с баханьнаским государем и другими владетелями покорились Китаю. Чумугунь, Фуянь и Кюслюйчжо в поданном государю благодарственном представлении писали: мы родились в степях; при возникших смятениях в государстве государи умерли. Жители резали друг друга. К счастию, Сын Неба послал Гя-юнь с войском, чтобы истребить тиранов, устранить опасности. Желаем повергнуться пред лицом государя и аймаки подчинить начальнику в Ань-си, чтобы вечно быть вассалами. Император согласился на их прошение.

[1] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 738 годом.

В следующем году Кюелюйчжо получил военный чин,[1] владетель в Ши грамотою пожалован достоинством Шунь-иван, владетель в Шы повышен титулом: Дэ-цзин — в ознаменование заслуг их. Гя-юнь пленного Тухосяня Гучжо представил в Великий Храм.[2] Император простил его, дал ему военный чин[3] и княжеское достоинство.[4] Туньабо получил военный чин.[5] Хинь, сын Ашины Хуай-дао, поставлен ханом десяти родов, и главою туцишиева аймака.[6] Мохэ Дагань, рассердившись, сказал: покорение Сулу есть моя заслуга; почему же теперь Хинь поставлен ханом? Он склонил поколения отложиться. Указано Гя-Хой пригласить и уговорить его. Почему он с своим се-
372 мейством, знаменоносцами и || старшинами покорился и получил управление своим народом (поколением Туцишн).[7]

XXVIII. Хан Мохэ Дагань. Впоследствии чрез несколько лет Хинь опять поставлен ханом, и послано войско препроводить его. Хинь приехал в город Даньлань, где Мохэду убил его, и сам себя объявил ханом. Фумын Линча, главноуправляющий в Ань-си, казнил его, и главного знаменоносца Думочжы Гюегйегинь поставил Шеху
742 трех родов. В первое лето правления Тьхянь-бао, 742, поколение Туцишн поставило ханом Илиди Миши Гудулу Бигя из Черных родов, и несколькс раз присылало по-
753 сланника с данью. В двенадцатое лето, 753, Черные роды поставили Дынли Иломиши ханом. Указано дать ему
756 грамоту. В правление Чжи-дэ, 756, Туцишн пришел в бессилие. Желтые и Черные роды поставили у себя ханов и начали междоусобную войну. Срединное государство тогда много было озабочено внутри, и не имело времени входить во внешние дела. В правление Кянь-юань, 758, Адопэйло Юнын, хан Черных родов, прислал посланника
766 к Двору. В правление Да-ли, 766, усилился Гэлолу и перенес местопребывание к реке Суййе. Два другие рода по бессилию сделались вассалами Дома Гэлолу Хусэло. Прочие поколения поддались ойхорам [хойху]. Когда же ойхоры пали, то некто Дэманлэ, живший в Харашаре, объявил себя в достоинстве Шеху. Прочие поколения осели при хребте Гинью — в числе 200 000 душ.

Извлечено из Истории династии Тхан.

---

[1] Ю-гя́о-вэй Да-гян-гюнь.
[2] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 739 годом.
[3] Цзо-гинь-ву-вэй Юань-вай Да-гян-гюнь.
[4] Сю-и Ван.
[5] Ю-ву-вэй Юань-вай Да-гян-гунь.
[6] Сие происшествие в *Ганму* помещено под 740 годом.
[7] В 740 году китайский Двор признал его ханов.

Отделение VII

ПОВЕСТВОВАНИЯ О ДОМЕ ХОЙХУ

[Уйгуры]

[Таншу, гл. 217]

|| Предки Дома ойхор [хойху] были хунны.[1] Они обыкно- *373*
венно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-вэй [с 386 г.] еще называли их *Гао-гюй* или *Чилэ*, ошибочно превращенное в *Тйелэ*. Поколения их суть: *Юаньгэ*, *Сйеяньто*, *Кибиюй*, *Дубо*, *Гулигань*, *Доланьгэ*, *Пугу*, *Байегу*, *Тунло*, *Хунь*, *Сыгйе*, *Хусйе*, *Хигйе*, *Адйе*, *Байси*, всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону Великой песчаной степи.[2] Юань-гэ, т. е. хойху, еще называлось *Уху*, *Угэ*; при династии Суй называлось *Вэйгэ*.[3] Ойхорцы [хойху] храбры и сильны. Первоначально они не имели старейшин; смотря по достатку в траве и воде, перекочевывали с места на место. Искусны были в конной стрельбе из лука; склонны к воровству и грабежам. Они считались подданными тукюеского Дома. Тукюесцы их силами ге||ройствовали в пустынях *374*
севера. В правление Да-йе,[4] Чуло-хан напал на талйеские поколения и обложил их тяжелою податью; но опасаясь негодования с их стороны, собрал несколько сот старейшин их и всех предал смерти. Хойху, соединившись с Пугу, Тунло и Байегу, отложился, объявил себя Сыгинем и назвался Хойгэ.[5] Хойхуский Дом прозывался Иологэ.[6]

---

[1] Т. е. владетельный Дом Ойхоров [Хойху] происходил из Дома Хунну.

[2] Т. е. в Чжуньгарии и Халхе. В следующем повествовании описано географическое положение стойбищ каждого поколения.

[3] В китайском языке звук вэй, при голосовом переложении собственных иностранных имен, употребляется вместо слогов *ой* и *уй*. Угэ и Уху суть изменения слова *Вэйгэ*.

[4] По *Ганму* в 606 году.

[5] *Хойгэ* собственно есть ойхор [хойху].

[6] Иологэ есть родовое прозвание Дома ойхор [хойху].

Он обитал от Сйеяньто на север при реке Солин,[1] в 7 000 ли от столицы. Он имел до 100 000 народа, в сем числе половины, т. е. до 50 000 войска. Почва земли дресвяная и солонковатая. Из скота более всего распложали большеногих баранов. Народ еще Шы-гянь-Сыгиня объявил своим государем. Старший его сын Пуса был храбр и умен; очень любил звериную охоту; в сражениях всегда шел впереди, и куда ни устремлялся, все сокрушал: почему подчиненные боялись и повиновались ему. Шы-гянь удалил его. По смерти Шыгяня родовичи уважавшие Пусу поставили его государем. Мать его Улохунь, женщина строгая и умная, хорошо управляла делами поколения. Хойху Яошы[2] исподволь усилился, и соединившись с Сйеяньто, напал на северные пределы тукюесцев. Хйели-хан — для усмирения их — послал Юйгу Ше со 100 000 конницы,
628 628. Пуса с 5 000 конницы разбил его при горе Ма-цзуншань, преследовал до Небесных гор, и великое множество людей в плен взял. Слава о нем потрясла северные страны.
375 Яошы поддался Сйеяньто, и они взаимно подкрепля‖ли друг друга. Приняв наименование Хо-Гйелифа, поставил свою ставку при реке Дуло. В третие лето правления
629 Чжен-гуань, 629, в первый раз явились к Двору с представлением местных произведений. [Восточный] Дом тукюе уже упал, а хойху и сйеяньто пришли в чрезвычайную силу. По смерти Пусы хойхуский глава Хулу Сылифа Тумиду с прочими поколениями напал на Сйеяньто, поразил его и овладел его землями; после сего на юге перешел через Хэ-лань-шань до Желтой реки[3] и отправил посланника с предложением своего подданства. Тхайцзун предпринял путешествие в Лин-чжéу, и расположившись в Гинь-ян, принял заслуги его. После сего явились одиннадцать тйелэских поколений,[4] и представили, что «Сйеяньто не повиновался Великой державе, и чрез то сам навлек погибель на себя. Подчиненные ему старейшины от страха рассеялись подобно птицам — неизвестно куда. Ныне каждый имеет отделенную ему часть земли; все желают поддаться Сыну Неба, и просят установить у них чины Дома Тхан». Указано приготовить большое угощение и представить старейшин. Несколько тысяч из них получили при сем случае чины Дома Тхан.[5] В следующем

[1] Селенга.
[2] *Яошы*, вероятно, есть имя Пусы.
[3] Против северо-западного угла Ордоса.
[4] Т. е. начальники поколений с своими родственниками явились к китайскому Двору.
[5] Т. е. китайские.

году, 630, они опять явились к Двору. И так аймак Хойху 630
превращен был в Байкальское, аймак Доланьгэ в Яньжаньское, аймак Пугу в Гиньвэское, аймак Байегу в Юлиньское, аймак Тунло в Гуйлиньское, аймак Сыгйе в Лушаньское губернаторства;[1] аймак Хунь превращен в округ Гао-лань-чжéу, || Хусйе в Хао-кюе-чжéу, Адйе в Гить- 376
хянь-чжéу, Кибиюй в Юй-хи-чжéу, Хигйе в Ги-лу-чжéу, Сыгйе в Гуй-линь-чжéу, Байси в Дянь-янь-чжéу; от них на северо-западе поколение Гйегу в Гянгунь-фу, на севере Гулигань в Сюань-кюе-чжéу, на северо-восток Гюйлобо в Чжо-лун-чжéу. Во всех сих аймаках их же старейшины поставлены начальниками с военными китайскими титулами;[2] а для средоточного управления ими на бывшем месте, называемом Шаньюй-тхай, учреждено Яньжаньское наместническое правление,[3] которому подчинены вышеисчисленные шесть губернаторств и семь округов. Ли Со поставлен яньжаньским наместником. Главноуправляющим и правителям даны двойчатые[4] золотые печати в виде рыб с буквами чистого золота.

Здесь изложено первое политическое разделение, составленное китайским правительством для пятнадцати гаогюйских поколений, между которым и ойхор [хойху], или уйгур, по своему могуществу, занимал первое место. Дегинь, заимствуя у Абюль-кази сведения об уйгурах, в I. XXXI своей истории о хуннах и пр. пишет: сия земля, т. е. Чешы переднее и заднее, считалась некогда славнейшим владением в сей части Татарии, и называлась еще Гаочан. Это есть вла‖де- 377
ние уйгуров. Оно еще до Р. Х. имело своих государей, и разделялось на два царства, кои оба носили название Чешы. Первое называлось южным, второе северным. Сочинитель родословной истории о Татарах [Абульгази] знал о сем древнем разделении,

---

[1] Это значит, что учреждено шесть губернаторств, или областей, названных на китайском [языке] *Ду-ду-фу*, что значит правление главноуправляющего, и семь округов, названных на кит. *Чжéу*. Яснее сказать, шесть первостепенных и семь второстепенных владений [управлений].

[2] Т. е. старейшины под кит. названиями Ду-ду, Цы-шы, Чжан-шы, Сы-ма поставлены начальниками своих поколений и родов.

[3] На кит. Янь-жань Ду-хо-фу.

[4] Двойчатые печати, на кит. языке *Фу*, издревле и доныне даются высшим чиновникам для употребления в переписке о важных и тайных делах. Ныне такие печати называются *Хэ-фу*, что можно перевесть *складною печатью*, потому что такая печать состоит из двух половинок, буквами одна в другую вкладываемых.

сообщенном китайцами. В стране Монголии, говорит он, находятся две чрезвычайно огромные горы, коих длина простирается от востока к западу. Имя одной Тукрату-бузлук, а имя другой Ускуклын-текрям. Между этими двумя горами, на западе монгольского владения, находится еще одна гора, которую называют Кут-таг. Между этими горами на одной стороне текут десять рек, а на другой девять; все они суть большие воды. Древние уйгуры жили между этими реками: поселившихся между десятью реками называли десятью уйгурами, Ун уйгур; поселившихся между девятью реками — девятью уйгурами, тогкус-уйгур. Дегинь, соглашая свое мнение о Чешы с описанием уйгурских жилищ у Абюль-кази, прибавляет: первые суть уйгуры северные, а вторые южные. Это у Дегине есть одно из забавных мест. Абюль-кази пишет одно; Дегинь говорит совсем противное тому, и уверяет, что он говорит об уйгурах то же самое, что Абюль-кази пишет о них; а ученые западной Европы еще забавнее соглашают и китайских летописцев с ними, совершенно не понимая того, что говорят. Два княжества Чешы лежали на восточной оконечности Небесных гор; переднее на южной, заднее на северной их стороне, из сего описания видно, что местоположение Дегиневых уйгуров вовсе не сходствует с местоположением, которое Абюль-кази назначает им в своей истории. Последний пишет, что уйгуры жили между тремя рядами гор около девятнадцати рек, из которых десять находилось по одну, а девять по другую сторону гор. Напротив, княжества Чешы лежали при самой подошве Небесных гор
378 на противоположных сторонах, где нет ни || одной большой реки, даже ни одной значительной речки; а находится множество горных ключей и снежных потоков, которые, протекши от 50 до 100 верст, наконец теряются в песках. Дегинь совершенно не обратил внимания на сию разность в местоположении.

В сие время Сын Неба благосклонно принял отдаленных иностранцев; пожаловал их штофными кафтанами темномалинового и желтого цвета, дорогими саблями и редкими вещами. Император сидел в потайной тронной. Расставлена музыка. Перед тронною был разбит высокий буфет, а на верху буфета поставлен сосуд под киноваренным лаком. Из боковой комнаты, смежной с буфетом с восточной стороны, скрытно был проведен жолоб, которым вино текло в сосуд, а из сосуда переливалось в огромную вазу на цепях. Несколько тысяч хойху напились, и еще

половины не могли выпить. Указано пить и гражданским и военным чиновникам от 5-го класса и выше.

После сего указано от Великой песчаной степи на юг по южную сторону Бакланьего ключа построить 68 гостиниц, в которых бы содержали кумыс и мясо — в ожидании посольства, имеющего доставлять ежегодный ясак соболями. И так император дал Тумиду кит. титулы. Но Тумиду, не смотря на это, продолжал в своих владениях называться ханом. Названия прочих достоинств и чинов остались одинаковые с ду́лгаскими [тукюескими]. Находилось шесть внешних министров и три внутренних. Были титулы Ду-ду, Гян-гюнь, Сыма и пр. Император другим указом Шыгянь-Сыгинев аймак превратил в округ Цилянь-чжéу и подчинил главноуправляющему в Лин-чжéу, аймак Байси превратил в округ Гюй-янь-чжéу. Угэ, Тумидуев племянник от старшего его брата, всту‖пил в связь с Тумидуевой женою, после сего он с *379* Гюйлу Мохэ Даганем Гюйлобо умыслил произвести бунт и передаться к Чеби хану. Сии два человека оба были Чеби-хановы зятья по дочерям его; почему Угэ в ночи с конницею захватил Тумиду, и убил его. Юань-Ли-чень, помощник яньжаньского наместника, отправил нарочного обманом пригласить Угэ, обещаясь произвести его главноуправляющим. Угэ, ни мало не подозревая обмана, приехал поблагодарить: почему отрубили ему голову и выставили на показ. Император, опасаясь, чтоб прочие поколения не поколебались в мыслях, отправил президента Военной Палаты Цуй Дуньли с бунчуком — успокоить их; пожаловал Тумиду военным чином[1] и послал богатое вспоможение на похороны; сыну его Пожуню дал военный чин[2] и утвердил его наследником отцова аймака. Гюйлобо. по приезде его к Двору, задержан был в столице. Когда Ашина Хэлу ограбил Бэй-тьхин, то Пожунь с 50 000 конницы помог Киби Хэли и прочим разбить Хэлу и обратно взять Бэй-тьхин. Потом, соединившись с Жень Я-сян, главноначальствующим по дороге в И́ли, еще разбил Хэлу у гор Гинь-я-шань;[3] повышенный чином,[4] еще оказал услуги, находясь при государе в войну с Кореею. По смерти Пожуня сын его *Били* наследовал. В правление Лун-шо,[5] хойху подчинен

[1] По смерти дан ему чин: Цзо-вэй Да-гянь-гюнь.
[2] Цзо Кяо-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Китайские слова: горы с золотыми зубцами или вершинами, лежали в Или.
[4] Ю-вэй Да-гян-гюнь.
[5] По *Ганму* в 662 году.

Яньжаньскому правлению главноначальствующего, а сие правление переименовано Байкальским наместническим
380 правлением, и Великая пес‖чаная степь поставлена пограничною межою. Вообще почти все северные иностранцы были подчинены.[1] По смерти Били сын его *Дугяйчжы* наследовал. В царствование императрицы Ву́-хэ́у усилился тукюеский Мочжо и завоевал бывшие тйелэские земли; по сей причине Хойху с тремя поколениями: Киби, Сыгйе и Хунь перешел чрез Великую песчаную степь[2] и занял земли против Лян-чжéу и Гáнь-чжéу. Дом Тхан часто брал у них сильных конников для пополнения дивизии при Чи-шуй. По смерти Дугяйчжы сын его *Фудифу* поставлен. В следующем году, 663, Фудифу, помогая Дому Тхан, ходил против Мочжо, и убил его;[3] почему из другого поколения Игянь Гйелифа вместе с Тунло и Байси пришли к границе. Указано разместить сии поколения от корпуса Да-ву-гюнь на север. По смерти Фудифу поставлен сын его *Ченцзун*. Ван Гюнь-чо, главноуправляющий в Лян-чжéу, оклеветал его: почему Ченцзун сослан в Нáн-чжеу, где и умер. В сие время хойху взволновались. Родович их, байкальский правитель военных дел Хошу, пользуясь народным ропотом, напал на Ван Гюнь-чо и убил его.

По *Ганму* прежде четыре поколения: Хойху, Киби, Сыгйе и Хунь, уклоняясь от притеснений хана Мочжо, перешли через Великую песчаную степь на юг, и осели против нынешних областей Гань-чжéу-фу и Лян-чжéу-фу. Ван Гюнь-чо, быв в низших чинах, проезжал через сии поколения, и не был уважаем ими; когда же сделался главноначальствующим в Хэ-си, то начал их обуздывать законами. Четыре поколения вознегодо-
381 вали на это, и тайно отправили к ‖ Двору посланника с жалобою. Ван Гюнь-чо представил, что четыре поколения умышляют отложиться. Государь отправил чиновника для исследования. Поколения не могли оправдаться; почему старшина их хойхуский Ченцзун с прочими сослан на юг. Ченцзунов сын Хошу собрал народ, чтоб отмстить. Случилось, что Ван Гюнь-чо пошел на тибетцев в Су́-чжéу. Хошу убил его посредством засады. См. 727 год.

Снова пресеклась дорога, которою из владений в Аньси представляли дань Двору. По прошествии довольного

[1] Т. е. байкальскому правлению.

[2] Т. е. в нынешнем За-ордосе.

[3] Мочжо убит в 716 году. Кажется, что выше должен быть пропуск.

времени Хошу бежал к тукюесцам, где и умер. Поставлен сын его *Гули Пэйло*. Случилось, что в тукюеском Дому открылись смятения. В первое лето правления Тьхяньбáо, 742, Пэйло и Гэлолу сами себя объявили, первый 742
восточным, а второй западным Шеху, и помогали Басими поразить Усу-хана. В третий год хойху неожиданно на- 744
пав на Басими, отсек голову Гйедйе-Иши-хану, отправил посланника к Двору с донесением и объявил себя *Гудулубигя-гюе-ханом*. Сын Неба пожаловал его достоинством И-ван.[1]

В следствие нового распоряжения о расположении пограничных войск, сделанного в 742 году в Китае, учреждено десять Цзйе-ду, пограничных военных начальств, которые суть:

1. *Ань-си цзйе-ду*, военное начальство в Ань-си, учрежденное для охранения спокойствия в Западном крае. Пребывание начальства в Куче.

2. *Бэй-тьхин цзйе-ду*, учрежденное против туциши и хагасов. Пребывание начальства Бэй-тьхин Ду-хофу, в Йли.

3. *Хэ-си цзйе-ду*, учрежденное для прекращения со- 382
общения между Тибетом и тукюесцами. Пребывание начальства в *Лян-чжéу-фу*.

4. *Шо-фан цзйе-ду*, учрежденное против тукюесцев. Пребывание начальства в *Лин-чжéу*.

5. *Хэ-дун-цзйе-ду*, учрежденное для подкрепления Цзйе-ду в Шо-фан. Пребывание начальства в *Тхайюань-фу*.

6. *Фань-ян-цзйе-ду*, учрежденное для обуздания Хиниданей [Хи и Кидане оба эти народа в китайских сообщениях упоминаются рядом]. Пребывание начальства в *Ю-чжèу*.

7. *Пьхин-лу цзйе-ду*, учрежденное для удержания шивэй и мохэ, т. е. тунгусов. Пребывание начальства в *Ин-чжéу*.

8. *Лун-ю-цзйе-ду*, учрежденное против Тибета. Пребывание начальства в *Шань-чжéу*.

9. *Гин-нань цзйе-ду*, учрежденное на западе против Тибета, на юге для успокоения маней и лáо. Пребывание начальства в *И-чжèу*.

10. *Отдельный корпус пяти Фу в Лин-нань* для сохранения тишины между лáо. Пребывание начальства

---

[1] *Справедливый государь*, то есть, из благоговения к императору признавший себя вассалом Китая. Ибо справедливость состоит в воздавании каждому должного.

в *Гуан-чжéу-фу*. Сверх десяти Цзйе-ду еще были учреждены *наблюдательные отряды*: 1) в Чан-лэ; пребывание начальства в *Фу-чжс у-фу*; 2) в Дун-лай; пребывание начальства в *Лай-чжéу-фу*; 3) в Дунмеу; пребывание начальства в *Дын-чжéу-фу*.

Пограничными военными начальствами названы корпусы пограничных войск. Начальники их назывались *Цзйе-ду-шы*, что зн. *главноуправляющий*. Всего пограничных охранных войск, *чжень-бин*, считалось 490 000, лошадей 80 000. До правления Кхай-юань, до 713 года, годовое содержание пограничных войск одеждою и пищею стоило не более 2 миллионов со времени правления Тьхянь-бáо, с 742 года, с умножением войск ежегодно требовалось 10 200 000 кусков шелковых тканей и 690 000 ху хлеба. Столь огромные издержки неминуемо должны были истощить народ. См. в *Ганму* 742 год.

383 **I. Хан Пэйло.** Пэйло жил на юге на бывшей || тукюеской земле; а теперь поставил орду между горами Удэгянь и рекою Гунь[1] на юг до западной стены 1 700 ли (а Западною стеною при династии Хань называлась укрепленная линия Гао Кюе-сай); с севера на юг до Великой песчаной степи на 300 ли, все сии земли принадлежали девяти родам.[2] Девять родов суть следующие: *Иологэ*, *Худугэ*, *Кюйлоу*, *Мокэсигйе*, *Аучжай*, *Гэса*, *Хувыньсо*, *Иовугэ*, *Хасйеву*. Иологэ есть прозвание хойхуского Дома. В числе их не полагаются Пугу, Хунь, Байегу, Тунло, Сыгйе, Кибн. Сии шесть Домов были равные с Хойху. Впоследствии, когда Хойху покорил Басими и Гэлолу, считалось с сими одиннадцать родов, из которых составлено одиннадцать губернаторств под названием одиннадцати аймаков.[3] С сего времени помянутые два посторонние поколения [Басими и Гэлолу] в сражениях всегда шли впереди. Государь указал при возложении на Пэйло титула *Гудулу*

---

[1] Орхон.

[2] На китайском *Гю-син*; а син значит прозвание [фамилия]. Это суть девять родственных линий, на которые Дом ойхор [хойху] разделился. Абюль-Кази-хан пишет, что уйгуры, т. е. ойхоры [хойху], разделились на девять родов, которые обитали при девяти реках. Известно, что по переходе тйелэсцев чрез песчаную степь на север, поколение Ойхор [Хойху] первоначально заняло земли по Селенге. Селенга имеет шесть вершин: *Харатал*, *Буксуй*, *Эдер*, *Цилуту-гол*, *Уркатай-гол* и *Ацзирга-гол* и три притока: *Хасуй*, *Экэ* и *Орхон*; а горы поперечные, т. е. имеющие направление с юга к северу.

[3] На китайском *Ши-и-син*, что значит одиннадцать прозваний или фамилий; *аймак* на китайском [языке] Бу-ло и Бу.

Бигя Кюе Хуай-жень хана пред переднею тронною[1] поставить кортеж или церемониальный строй. Президент Государственного Кабинета вручил посланнику грамоту. Послан‖ник, по выходе из ворот, сел на колесницу и сошел *384*
с нее у ворот Хуан-чень-мынь; потом сел на верховую лошадь, и следовал за вожатым с флагом и бунчуком. Сей обряд постоянно соблюдали при возведении в ханское достоинство. В следующем году Пэйло еще напал на ту- **745**
кюеского Баймэй-хана, и убив его, отправил Дуньчоло Даганя посвятить заслуги императору, за что почтен высшим военным чином.[2] Пэйло еще более распространил свои владения — на восток до Шивэй, на запад до Алтайских гор, на юг до Великой песчаной степи; т. е. приобрел все земли, занимаемые прежде хуннами. По смерти Пэйло[3] сын его Мояньчжо поставлен под наименованием Гэлэ-хана.

II. Гэлэ-хан Мояньчжо. Гэлэ-хан был отважен, притом искусный полководец. Ежегодно отправлял посланника к Двору. По вступлении государя Су-цзун на пре- **756**
стол, 756, приехал[4] посланник от хана просить о принятии помощи против мятежника Ань Лушань.[5]

Ань Лушань происходил от хуннов, поддавшихся Китаю в давние времена; служил в войсках на северо-восточной границе. В 736 году он ходил с своею дивизиею против киданьцев, и за потерю сражения приговорен был к смерти: но отважным оборотом пред самою казнью обратил на себя внимание императора, и был прощен. Ань Лушань был искусный лицемер, тонкий льстец. Приближенные к Двору подкуплены были им, и превоз- ‖носили его пред императором: почему возвышение его *385*
быстро шло. В 741 году Ань Лу-шань получил начальство над корпусом в Ин-чжéу. В 742 году, когда пограничные войска преобразованы были в десять корпусов под названием Цзйе-ду, Ань Лушань получил корпус в Пьхинлу; в 774 [надо: 744] году получил начальство еще над корпу-

---

[1] Переднею тронною называется главная тронная, в которой император в торжественные дни принимает поздравления от чинов. Ныне Тхай-хо-дянь есть передняя тронная.

[2] Цзо Кяо-вэй Юань-вай Да-гян-гюнь. Голова Баймэй-хана препровождена в столицу.

[3] Пэйло, *по Ганму*, умер в Феврале 745 года.

[4] От Гэлэ-хана.

[5] Хан предложил Китаю вспомогательное войско. Ойхорцы [хойху] и тибетцы в сентябре сделали предложения Китаю; т. е. сами китайцы намекнули им сделать предложение; а ойхорцы [хойху] и тибетцы рады были случаю — ограбить и друзей и неприятелей.

сом в Фань-ян, а в 751 году еще над корпусом в Хэ-дун. По получении трех корпусов в свое ведение, в 754 году еще испросил себе главное начальство над казенными табунами. Министр Ян Го-чжун сильно подозревал его в злоумышлении против престола. Ань Лу-шань, вызванный в столицу, столь искусно притворился верным престолу, что император своим ручательством защищал его пред государственными чинами. Пред отправлением из столицы Ань Лу-шань испросил чрезвычайные награды 2 500 высшим своим офицерам, что ему необходимо было при предполагаемом восстании. В 755 году он представил, чтоб на 32 высшие места вместо китайцев определить инородцев, т. е. монголов. Ян Го-чжун представил, что не остается никакого сомнения в злоумышлении: но император, не смотря на это, указал сменить военных начальников из китайцев. В седьмой луне Ань Лу-шань просил дозволение представить Двору 3 000 лошадей, которых будут препровождать 6 000 ратников под начальством 22 офицеров из инородцев. Император увидел свою ошибку, и собственноручным указом остановил отправление лошадей. Из сего Ань Лу-шань увидел, что министерство убедилось в подозрениях на него: почему поспешил открыть восстание и в конце года двинулся к столицам с 150 000 пограничных и заграничных войск. В начале 757 года Ань Лу-шань объявил себя императором. Главные советники его были Янь Чжуан, Гáо Шан и Ашина Чен-цин.

Извлечено из Ганму. ||

386 Император указал князю[1] Чен-цай заключить договор с ханом,[2] а князю Пугу Хуай-энь приказал сопровождать Чен-цай в орду. И так приглашено хойхуское войско. Хан, обрадовавшись сему, выдал за Чен-цай свою меньшую свояченицу и отправил старейшину просить о мире и родстве. Император, желая утвердить доброе расположение хана, возвел ойхорку [хойхуску] в достоинство Бигя царевны. После сего хан сам привел войско. Соединившись с Го цзы-и, главноуправляющим в Шо-фан, он разбил тунлосцев при Желтой реке, и сошелся с Цзы-и в Ху-

[1] Дун-хуан Гюнь Ван.

[2] В октябре император отправил Чен-цай в орду; сверх сего, просил вспоможения у разных государств в западной Азии. Хотанский князь привел 5 000; прислан был корпус из Белучжистана. Иностранные войска с запада дорогу взяли чрез Восточный Тюркистан.

янь-гу.[1] Хан, гордясь своею силою, выставил войско, подвел Цзы-и поклониться волчьему знамени, и потом свиделся с ним. Император имел пребывание в Пхын-юань. Посланник Гэлочжы стыдился, что он поставлен в рядах ниже всех.[2] Император, желая прекратить неудовольствие, стеснявшее посланника, приказал ввести его в тронную и обласкал. Вскоре явился главнокомандующий Долань с прочими, и наследник Шеху с 4 000 конницы прибыл ожидать повелений.[3] Почему император возвел Бигя-царевну в достоинство супруги князя, сделал князя Чен-цай президентом княжеского правления и ханом; сверх сего, возвел его в достоинство Шеху с четырьмя бунчуками и приказал ему вместе с Шеху предводительствовать войсками. Император указал князю[4] Чу при свидании с Шеху ‖ условиться считаться братьями. Шеху *387*
крайне был рад, и приказал старейшине Даганю с прочими прежде отправиться в Фу-фын для свидания с [Го] Цзы-и. [Го] Цзы-и три дни угощал их. Шеху прощаясь с ним сказал: Двор в большом затруднении. Я пришел помогать усмирить мятежников. Смею ли пиршествовать? Но по убедительному повелению[5] остался. Положено давать ему быков ежегодно по 40 рогов, баранов по 800 ножек,[6] рису по 40 мешков. Войско построили к сражению при реке Фын-шуй.[7] Мятежники поставили конницу в засаде по восточную сторону императорской армии, чтобы сверх чаяния напасть на нас. Пугу Хуай-энь с хойхускою конницею открыл засаду, и до единого конника изрубил; после сего зашел в тыл мятежникам, и с Ли Сы-йе,[8] бывшим главноуправляющим в Бэй-тьхин, ударили с лица и с тыла. Мятежники были совершенно разбиты.[9] Чан-ань обратно взят. Хуай-энь [Пугу] с ойхорами [хойху], южными манями и дашисцами окружил столицу и окопался по южную ее сторону на восточной стороне реки Чань-шуй; потом остановился по западную сторону города Шáньчжéу,

[1] Название долины. Это происходило в декабре.
[2] Это происходило в первый день нового года.
[3] Шеху привел 4000 отборной конницы.
[4] Гуан-пьхин Ван. Сей князь был наследник престола. Ему вверено было главное начальство над войсками, простиравшимися со включением разных иностранных войск до 150 000.
[5] Т. е. по просьбе.
[6] Т. е. 20 быков и 200 баранов. Это древний китайский счет скота.
[7] По северную сторону монастыря Сян-цзы-сы. Это происходило в сентябре.
[8] Ли Сы-йе был начальником корпуса в восточном Тюркистане. Он привел в Китай вспомогательные войска из западной Азии.
[9] Они потеряли 60 000 человек убитыми. *Ганму*. 757 год.

и, дал сражение у гостиницы Синь-дянь. Вначале, как хойхусцы пришли в Кюй-во, Шеху отправил предводителя Бишитубо Пэйло идти подле южных гор на вос-
388 ‖ток и истреблять засады по горным долинам, что он выполнил, и остановился по северную сторону гор. [Го] Цзы-и вступил в сражение с мятежниками, но вскоре войска его замялись, и начали отступать. Хойхусцы, приметив это, тотчас перешли через западные горы, развернули знамена и стремительно ударили в тыл мятежникам. Мятежники оглянулись, и пришли в большое замешательство. Их преследовали несколько десятков ли. Лошади спирались; люди друг друга мяли. Убитых было великое множество: оружие грудами лежало. Янь Чжуан [один из советников Ань Лу-шаня], взяв Ань Цин-сюй [позднейший мятежник сын Ань Лу-шаня], бросил восточную столицу,[1] и переправился на северный берег Желтой реки.

Ань Лу-шань, с того времени как открыл войну, начал слепнуть так, что теперь не мог рассматривать предметов. В этой болезни он сделался вспыльчивее и жесточе. Если приближенные сделали что-нибудь несколько не по его мысли, то он наказывал телесно, а иногда и казнил. Янь Чжуан хотя управлял делами при нем, также не был изъят от наказания палками; а главный евнух Ли Чжу-эрр более прочих бывал бит. Приближенные ежеминутно опасались. Когда же родился от него сын, Ань Лу-шань хотел его сделать преемником вместо старшего сына Ань Цин-сюй. Чжу-эрр и Чжуан в ночи с оружием встали у палатки. Чжу-эрр вошел в палатку с саблею и ударил [Ань] Лушань в брюхо. Лу-шань хотел схватить саблю, лежавшую подле него, но сабли не было. Это домашние злодеи, сказал Лу-шань, и умер. Чжуан обвестил чины, что Лу-шань опасно болен, и объявил Цин-сюй наследником престола. Сей лжепреемник дал Лу-шань титул верховного императора, а потом уже обнародовал
389 о кончине его. Цин-сюй от природы был ‖ слабоумен; даже в словах его мало связи было. Чжуан не допускал его видеться с людьми. Цин-сюй проводил дни в пьянстве и забавах, сделал [Янь] Чжуан министром, и препоручил ему решение всех дел без изъятия. [Ань] Лушань убит в первой луне 757 года. *Ганму*. 757 год.

Хойху три дня производили большое грабительство в восточной столице. Негодяи[2] служили им вожаками.

---

[1] Ло-ян.

[2] Из китайцев.

Государственное казнохранилище совершенно опустело. Князь Чу хотел остановить грабительство, но не мог. Старики поднесли хойхусцам 10 000 кусков шелковых тканей, и они перестали грабить. Шеху возвратился из восточной столицы.[1] Император указал чинам встретить его и угостить. Сидя в передней тронной, он пригласил Шеху взойти на крыльцо. Старейшины посажены были ниже и угощены. Каждый из них одарен был шелковыми тканями и посудою. Шеху, поклонясь императору, сказал: оставляя войско в Ша-юань, я отправляюсь откармливать лошадей, чтобы взять Фань-ян и истребить остатки мятежников. Император сказал на это: Вы только своими усилиями могли, истощив для меня справедливость и храбрость, совершить великое дело. Почему указал дать ему титул президента Строительной палаты и княжеское достоинство,[2] и ежегодно выдавать по 20 000 кусков шелковых тканей, для получения коих должны приезжать в корпус Шо-фан. В первое лето правления Кянь-юань, 758, хойхуский посланник Доянь Эбо при входе во дворец вступил с Гэчжы, главою чернокафтанных дашисцев,[3] в спор о старшинстве. Их ввели в одно время, но разными во‖ротами. Хойхуский посланник еще просил *390* о браке, и дано слово. Император выдал за хана малолетнюю свою дочь Нин-го царевну; а Мояньчжо дал титул *Ин-ву-вэй-юань*[4] *Бигя-хана*. Указал назначить князя[5] Юй посланником с грамотою, и сановника Сунь помощником; младшего министра Пхэй Мянь препроводить их до границы. Император напутствовал царевну, и для сего предпринял путешествие в Сянь-ян. Он несколько раз утешал ее. Царевна в слезах говорила: в нашем доме теперь много беспокойств; готова умереть без сожаления. Когда князь Юй прибыл в орду, хан в тюркском колпаке и красном кафтане сидел в юрте. Пред ним блестящая свита. Князя Юй подвели и поставили пред юртою. Его спросили:[6] князь и небесный хан[7] как между собою? Мы двоюродные братья, отвечал Юй. В это время евнух Лей Лин-цзунь стоял выше князя Юй. Еще спросили: кто такой ставший выше князя? Евнух, отвечал Юй. Евнух есть раб, сказал хан,

---

[1] В западную столицу Чан-ань.
[2] Чжунь Ван.
[3] Из Белучжистана.
[4] Первые четыре слова суть китайские.
[5] Хань-чжун-гюн Ван.
[6] Вопросы, по обычаю восточных Дворов, делались чрез церемониймейстеров.
[7] Император.

может ли стоять выше благородного? Лин-цзунь тотчас перешел на низшее место. После сего ввели Юй в юрту. Юй не кланялся. Хан сказал ему, что учтивость требует делать поклонение пред государем. «Сын неба, отвечал Юй, из уважения к услугам хана, чрез любимую свою дочь заключает дружбу. Прежде Срединный Двор, входя в брачное родство с северными иностранцами, выдавал за них княжен из своего рода. Нин-го царевна есть дочь императора, добродетельная, прекрасная, выданная за-
391 ‖10 000 ли. Хан, как зять Сына Неба, обязан с вежливостью встретить: как же можно сидя принять указ?» Хан застыдился и, встав с места, с поклонением принял указ и грамоту; а на другой день почтил царевну титулом ханьши. Все подарочные вещи, представленные князем Юй, хан роздал служащим при нем старейшинам. По возвращении князя, он представил императору 500 лошадей, соболий мех и белую тонкую шерстяную ткань, отправил княжича Гучжо Дэлэ и министра Дидэ с 3 000 конницы для вспомоществования к усмирению мятежников: почему император приказал Пугу Хуай-энь принять отряд сей в свое распоряжение. Хан еще отправил важного старейшину и полководца с тремя девицами и отблагодарить за брак, и еще донести о покорении владения Гянгунь.[1]
759 В следующем году, 759, Гучжо, соединившись с девятью главноуправляющими, дал сражение с мятежниками под Сян-чжэ́у.[2] Императорская армия была разбита. Дидэ с прочими бежал в столицу.

Го Цзы-и с восемью прочими главноуправляющими обложил Йе-чен и запрудил реку Чжан-шуй, чтобы затопить сей город. Ань Цин-сюй крепко держался в городе, ожидая полководца Шы Сы-мин.[3] В городе вышли съестные запасы. Лошадей кормили промываемым конским пометом. Императорская армия не имела единства в управлении, и донесений о ее движениях не было. Город долго не сдавался; войска потеряли первый жар. Сы-мин пришел с своими войсками. Он
392 ежедневно посылал отборную кон‖ницу производить опустошение под городом. Когда императорское войско выступало, то они в россыпь возвращались в свой лагерь. Если днем имели осторожность, то они

---

[1] Из сего места видно, что владение Хагас покорено ойхорами [хойху] в 758 году.

[2] Сражение происходило в апреле, когда в северном Китае бывают сильные ветры.

[3] Шы Сы-мин был старый и опытный полководец.

в ночи приходили; если ночью имели осторожность, то днем приходили. Сы-мин много рассылал ратников примечать одеяние и подслушивать лозунги императорских войск. Они побивали людей, идущих в лагерь; а тяжести на судах и телегах предавали огню; в разъездах распознавали своих. Императорские войска не могли приметить сего, и у них вскоре открылся недостаток в жизненных припасах. После сего Сы-мин со всеми своими войсками подошел к городу, и назначил день для решительного сражения. Императорская армия состояла из 600 000 пехоты и конницы, и выстроилась на северной стороне реки Ян-хэ. Ли Гуан-би, Ван Сы-ли, Хэй Шу-и и Лу Гын первые вступили в сражение, и потеряли до половины убитыми и ранеными. После них выступил Го Цзы-и, но еще не успел выстроиться, как поднялся сильный ветер, который нес песок, исторгал деревья. Небо так потемнело, что в нескольких футах невозможно было различать предметов. Обе армии пришли в страх. Императорские войска побежали на юг, мятежники на север. Цзы-и разломал мост чрез Ян-хэ, чтоб защитить восточную столицу. Из 10 000 лошадей осталось только 3 000. До 100 000 лат и оружия все брошено было. Жители восточной столицы от страха рассеялись. Войска разных дорог на обратном пути грабили и опустошали проходимые места. Только [Ли] Гуан-би и [Ван] Сы-ли возвратились с целыми корпусами. [Ши] Сы-мин узнал, что императорская армия обратилась в бегство; почему подошел к Йе-чен, и расположился по южную сторону сего города. Ань Цин-сюй явился в лагерь, и Сы-мин казнил его, а с ним казнил и всех советников его; взял войска его и вступил в город. Он оставил сына своего Шы || Чáо-и охранять город, а сам *393*
с войском возвратился в Фань-ян, и в четвертой луне, в мае, объявил себя императором. *Ганму*, 759.

Император щедро наградил его [Дидэ], успокоил и отпустил обратно. Вскоре хан умер. Вельможи хотели и царевну проводить за ним. Царевна сказала им: в Срединном государстве, если зять по дочери умрет, то жена три года утром и вечером обязана быть при гробе. Тем и обряд оканчивается. Дом ойхоров [хойху], заключив брачный союз за 10 000 ли, сделал это из преданности к Срединному Двору; следовательно я не должна сопутствовать хану. И так остановились; впрочем, она должна была, по их обыкновению, надрезать лицо себе и плакать. Но как от

царевны не было сыновей, то она возвратилась в Китай.[1] Прежний Шеху, наследник престола, по одному преступлению подвергся смертной казни; почему поставлен следующий сын Идигянь, под наименованием Мэуюй-хана.

III. Мэуюй-хан Идигянь. Мэуюй-хан женат был на дочери князя Пугу Хуай-энь. Покойный хан просил брака для меньшего сына. Император выдал за него помянутую княжну, и теперь она сделалась ханьшею. В следую-
760 щем году, 760, хан отправил вельможу Гюйлу Мохэ Даганя с прочими к Двору, и препоручил ему наведаться о здоровьи царевны. Посланник представился ей в тронной Янь-ин-дянь. Как Шы Чáо-и еще не был истреблен, то Дай-цзун, по вступлении на престол, 760, опять отправил евнуха Лю Цин-тхань заключить дружество и просить о присылке войск. Еще до прибытия посланника
394 к Хойху || Чáо-и известил их, что Дом Тхан потерпел сугубую потерю, государство не имеет государя, и притом в смятении; и просил хана идти в Китай забрать государственные сокровища, а он не имеет нужды в них. Хан располагался вести войска на юг.

Шы Сы-мин был недоверчив и кровожаждущ, и подчиненные всегда находились в опасности. Шы Чáо-и, старший сын его, не был любим им. Шы Сы-мин любил младшего сына Шы Чáо-цин, и оставил его охранять Фань-ян. Он постоянно хотел убить Шы Чáо-и, и объявить Шы Чáо-цин преемником по себе; когда же разбил Ли Гуан-би, то, пользуясь победою, предпринял вступить в Гуань. Он послал Шы Чáо-и на Шáньчжéу, а сам следовал за ним с большою армиею. Шы Чáо-и несколько раз был разбит. Шы Сы-мин сердился, бранил его и хотел казнить. Шы Чáо-и как скоро вступил на престол, то послал людей в Фань-ян предать смерти Шы Чао-цин и непокорившихся ему, всего несколько десятков человек. Сие происшествие случилось в третьей луне, т. е. в апреле 761 года. *Ганму.* 761 год.

762 В первое лето правления Бáо-ин, 762, в восьмой месяц, Лю Цин-тхань явился в ставку хана с указом. Хан спросил его: говорят, что Дом Тхан погиб; откуда же посланник? «Покойный император, отвечал ему Цин-тхань, хотя оставил поднебесную, но князь[2] Чу уже вступил на престол Сына Неба. Он благостью, святостью и воинственностью подобен покойному императору: и потому, соеди-

[1] Она возвратилась в столицу в августе.
[2] Гуан-пьхин Ван.

нившись с Шеху, мог взять обе столицы; а победивший мятежника Ань Цин-сюй уже довольно знаком с тобою. Сверх сего он ежегодно дает хойхускому Дому шел-‖ ковые ткани. Как можно забыть его?» В сие время хойху 395
уже прошли три города. Видя, что округи и уезды поросли дикими кустарниками и травами, а вестовые притины без караулов, начали показывать вид пренебрежения к Дому Тхан. И так они послали нарочных на север взять из ханского правления войско и казенное имущество, и несколько раз обидными словами оскорбляли Цин-тхань. Цин-тхань тайно донес Двору, что хойху идут к границе со 100 000 войска. Двор пришел в ужас, и отправил сановника[1] Ио Цзы-мао встретить и угостить их, и сверх сего, высмотреть войско. Цзы-мáо встретился с ними в Тхай-юань, и втайне проведал, что войско их простирается до 4 000 и при них до 10 000 слабых, что ведут они 40 000 лошадей, и сам хан с ханьшей находится в войске. Император приказал Пугу Хуай-энь увидеться с хойхусцами. В следствие сего свидания хойху отправили посланника с докладом, которым испрашивали дозволение содействовать Сыну Неба в усмирении мятежников. Хойху хотели вступить в Пху-гуань, пройти через Ша-юань и потом поворотить на восток. Цзы-мáо сказал им: с того времени, как начались грабежи и смятения, округи и уезды опустошены; не откуда получать огромных пособий на содержание; притом мятежники стоят в восточной столице; а если пойти чрез Цзин-хин, чтобы взять Хин-ло-вэй, то можно овладеть сокровищами мятежников. И так с литавренным боем идти на юг — есть самый лучший план. Его не послушали. Впрочем, говорил [Ио] Цзы-мáо, если поспешить по дороге через Тхай-хан, и на юге ‖ занять 396
Хэ-ян, то можно стиснуть горло мятежникам. Опять не послушали. Так довольствуясь просом из хлебных магазинов в Тхай-юань, сказал Цзы-мáо, расположиться в Шáньчжéу и соединиться с войсками из Цзэ-лу, Хэ-нань и Хуай-чжен. Хойху согласились на это. Указано князю Юн-ван[3] принять верховное начальство над войсками в империи, повысить [Ио] Цзы-мáо[4] и с военачальником[5] Вэй Кюй быть помощниками его — первому старшим,

---

[1] Дянь-чжун-гян.
[2] Отборной конницы.
[3] Наследник престола.
[4] В чин Юй-шы Чжун-чен.
[5] Ю-юй-линь-вэй Гян-гюнь.

второму младшим; сановнику[1] Вэй Шао-хуа прокурором,[2] Ли Цзинь правителем дел при верховном вожде. Они на востоке сошлись с хойхусцами. Предписано верховному вождю идти впереди войск, и в Шáнь-чжéу соединиться со всеми корпусными начальниками. В сие время хан стоял в окопах по северную сторону города Шáнь-чжéу. Князь поехал к нему для свидания. Хан сделал ему выговор, что он не делает мимики пред ним. Цзы́-мáо сказал, что князь есть родной внук императора. Оба императора оставили свет, и по обрядам не следует делать мимики. Хан, говорили хойху, есть младший брат Сыну Неба, а князю дядя: возможно ли допустить, чтобы он не сделал мимики? Верховный вождь, возразил Цзы́-мáо, есть наследник Дома Тхан, имеющий царствовать в Срединном государстве; должен ли он делать мимику пред ханом? Хан, видя невозможность склонить их, приказал отвести [Ио] Цзы́-мáо, а сановникам Вэй Шао-хуа и Бэй Кюй дать по сту палок, от чего оба в тот же вечер умерли. Князь возвра-
397 тился в свой лагерь. Императорская армия, || видя князя поруганным, располагалась соединенными силами истребить хойхусцев. Но князь остановил их, потому что внутренние смятения еще не были прекращены. После сего Пугу Хуай-энь с хойхуским восточным Ша поскакали вперед. Восточный Ша схватил лазутчиков, посланных от Шы Чáо-и и представил императору. Он ударил на мятежников в одно время с прочими предводителями. Сражение было весьма кровопролитно.[3] Наконец взяли восточную столицу. Хан отправил Бахэну поздравить Сына Неба и представить ему знамена Чáо-и. Юн-ван возвратился в Лин-бáо; хан расположился на южном берегу Желтой реки, и простоял здесь три месяца. Жители окрестных мест много страдали от грабежа и неистовства хойхусцев. Пугу Чан с хойхускими войсками продолжал сражаться с Чáо-и, и кровь лилась на 2000 ли пространства. Наконец, вывесили голову Чáо-и, и в Хэ-бэй водворено спокойствие.

Шы Чáо-и, после нескольких поражений от императорских войск, наконец заперся в Мо-чжéу, где четыре дивизионных начальника обложили его. Полководец его Тьхянь Чен-цы присоветовал ему идти в Ю-чжéу для сбора войск. Шы Чáо-и послушал его. Между тем Ченцы покорился с городом Мо-чжéу. В это время Ли

---

[1] Чжун-шу Ше-жинь.

[2] Тхань-гуань Юй-шы.

[3] Мятежники потеряли 60 000 убитыми и 20 000 пленными. *Ганму*. 762. Сражение происходило осенью.

Хуай-сянь главноуправляющий в Фань-ян,[1] также покорился законному правительству. Шы Чáо-и пришел к городу сему, и не был принят: почему с несколькими стами кочевых конников хотел уйти к хи-киданям: но, преследуемый погонею, он повесился в лесу. || Хуай-сянь взял его голову и представил Двору. 398
Так кончилась внутренняя война в Китае, продолжавшаяся семь лет. О жестокости сей войны можно судить по убыли в народонаселении. По переписи, произведенной

	Число семейств	Число душ
В 703 году, в Китае считалось . .	6 150 000	37 140 000
По второй переписи в 726 году . .	7 069 565	41 419 712
» третьей переписи в 742 году . .	8 412 800	48 014 360
» четвертой переписи в 754 году .	9 619 254	52 880 488
» переписи в 764 году	3 000 000	16 900 000

И так в продолжение десяти лет убыль в народе простиралась до 6 611 000 семейств. Извлечено из *Ганму*.

Пугу Хуай-энь по дороге в Ся́н-чжéу возвратился на стоянку к проходу Го-кхэ́у в западных горах.[2] Хан пошел на Цзэ-лу, и на дороге в Тхай-юань встретился с Хуай-энь. Когда хойху в первый раз пришли к восточной столице, то пустили войско производить грабеж. Жители уклонились в буддайские монастыри, Шен-шань-сы и Байма-сы. Хойхусцы рассердились, сожгли монастыри и убили до 10 000 человек. Теперь они еще более своевольствовали; поносили чиновников, и даже с оружием ночью вломились в Гуан-лу-сы.[3] Го Ин-и, главноуправляющий в Ша́ньчжéу, и оставленный временно управлять восточною столицею Юй Чао-энь и корпус из Шо-фан предались своевольствам. Видя, что хойху производят неистовства, они также ограбили Жу́-чжéу и Чжéн-чжéу. В селениях ни одной целой хижины не осталось; жители вместо одеяния прикрывались листами писчей бумаги. Бесчело-
вечнее мятежников поступали. Император, памятуя кон- 399
чину сановников Шáо-хуа и Кюй, обоих по смерти повысил чинами[4] и у каждого по одному сыну произвел в шестой класс.[5] После сего грамотою дал хану титул: *Гйеду*

[1] Фань-ян был главным сборным местом для мятежников.
[2] В Яй-мынь.
[3] В восточной столице: потому что сие присутственное место только в столице находится.
[4] Первому дан чин Цзо-сянь-ки Чан-шы, второму Ян-чжéу Да-ду-ду.
[5] Сей закон и ныне существует .

Дынли Гучжо Миши в соединении с титулом *Ин-и гянь гун Бигя-хан*; ханьше дал титул *Сомо Гуан-цинь Хуа-ли*[1] *Биги ханьша*; военного сановника[2] Ван И отправил в орду с грамотою. От хана до Цзайсяна[3] всем действительно пожаловано 20 000 семейств; еще даны княжеские достоинства восточному Ша с титулом Хюн-шо Ван, западному Ша с титулом Нин-шо Ван, хулускому главноуправляющему с титулом Гинь-хэ Ван, баланьскому предводителю с титулом Цзин-мо Ван, десяти главноуправляющим поколений,[4]— всем с титулом Го-гун.[5] В первое лето правления Юн-тхай, 765, [Пугу] Хуай-энь поднял бунт.[6] Он склонил хойху и тибетцев произвести нашествие на Китай, но вскоре умер, а два неприятеля[7] начали спорить о первенстве.

Сие происшествие, всех изумившее своею нечаянностью, было последствие причины, долго таившейся под завесою тайны. Когда Пугу Хуай-энь получил от императора поручение увидеться с хойхуским ханом в Тхай-юань, то корпусный начальник сей страны, опасаясь, чтобы Хуай-энь не умыслил овладеть его местом, отказал ему в приеме в город, и не сделал обычайного [обычного] угощения войскам, приведен-
400 ‖ным из-за границы. Хуай-энь принес императору жалобу, на которую не было ответа; а один из высших евнухов послан был в Тхай-юань разведать о сем деле. Евнух, подкупленный корпусным начальником, по возвращении донес императору, что мятежный замысел князя Хуай-энь очень явен. Хуай-энь, узнав о такой клевете, просил императора казнить и евнуха и корпусного начальника за ложный донос: но император хотел примирить их и по окончании войны потребовал Хуай-энь к Двору. Хуай-энь был хойхуский владетельный князь из поколения Пугу. По вступлении в подданство Китая, он служил ему со всею преданностью; в силе и храбрости мало имел равных себе полководцев, и в минувшую междоусобную войну всегда начальствовал и сражался в передовом корпусе, который состоял из отборных войск. Сорок шесть человек из его дома пали на сражениях в сию войну. Он казнил

---

[1] Гуан-цинь Хуа-ли, суть кит. слова.
[2] Цзо-сань-ки Чан-шы.
[3] Здесь Цзай-сян зн[ачит] министр.
[4] Т. е. владетелям десяти родов.
[5] Китайские названия княжеских достоинств.
[6] Хуай-энь поднял бунт в мае прошедшего года, а в 765 году призвал тибетцев и ойхоров [хойху].
[7] Т. е. ойхоры [хойху] и тибетцы.

сына своего пред лицом армии за то, что он сдался неприятелю пленным; выдал двух своих дочерей в отдаленный край вместо царевен, и убедил хойхуского хана — зятя своего — к двукратному возвращению столиц. Сим образом он действительно оказал Китаю великие услуги. Но когда император потребовал его в столицу, Хуай-энь ясно видел, что голова его неминуемо будет жертвою евнушеских интриг; почему и решился искать спасения в оружии.

Извлечено из Ганму.

Хойхуский главный старейшина тайно явился в Гинян, и, увидевшись с Го Цзы-и, предложил ему свои услуги. Цзы-и с своею свитою подъехал к хойхускому лагерю. Мы желаем видеть тебя, говорили ему хойхусцы. Цзы-и вступил в ворота лагеря. Не угодно ли снять латы, сказали ему хойхусцы? Цзы-и переменил одеяние. Старейшины, взглянув друг на дру‖га, сказали: это точно он. *401*
В сие время Ли Гуан-цзинь и Лу Сы-чун по сторонам держали лошадь. Это, говорил Цзы-и к старейшинам: это главноуправляющий по северную сторону реки Зей; это такой-то, заведывающий хлебными запасами корпуса в Шо-фан. Старейшины сошли с лошадей и учинили поклонение. Цзы-и также сошел с лошади. Несколько сот неприятелей окружили его, чтоб посмотреть на него. Свита его также подъехала. Цзы-и велел окружавшим его отступить; приказал подать вина и положить 3 000 кусков шелковых тканей для обвертывания головы,[1] подозвал ханова младшего брата Хэ Хулу с прочими, и взяв его за руку, громко говорил: «Государь, помня заслуги хойху, щедро вам отблагодарил. Для чего же вы оказались неблагодарными, и пришли сюда? Я теперь хочу сражаться с вами. Что же вы не покоряетесь? Я один вступил в ваш лагерь. Положим, что вы убьете меня; но мои предводители и ратники могут ударить на вас». Старейшины остолбенели и смиренно говорили: Хуай-энь обманул нас. Он сказал, что Сын Неба из Дома Тхан бежал в юг, а ты лишен должностей. Теперь если небесный хан жив, и ты невредим, то мы желаем лучше возвратиться и ударить на тибетцев, чтобы отблагодарить за великие благодеяния. Но как сыновья покойного Хуай-энь суть младшие братья ханьши, то желаем, чтоб они были избавлены от

[1] Сей клятвенный обряд неизвестен.

смертной казни. После сего Цзы-и принял вино, а Хэ Хулу просил его учинить клятву и выпить. Цзы-и сказал: «Сыну Неба из Дома Тхан 10 000 лет; хойхускому хану
402 также 10 000 лет. Да будут два го‖сударя во взаимном согласии. Кто из них нарушит договор сей, тот да погибнет в сражении; да будет истреблено семейство его». В сие время хойхускиї Цзайсан Моду Мохэ Дагань Тунь и прочие, слыша клятвенные слова, растерялись в мыслях; и когда вино дошло до них, то сказали: клянемся твоею же клятвою. Бай Юань-гуан, военачальник из передового корпуса в Шо-фан, соединился с хойхусцами при Лин-тхай. Случилось, что снег начал порошить и сделалось очень темно. Тибетцы затворили лагерь, и отложили предосторожности. В это самое время учинили нападение на них и порубили до 50 000 человек; в плен взяли до 10 000 человек; в добычу получили множество лошадей, верблюдов, быков и баранов; освободили до 5 000 семейств пленных китайцев.[1] Пугу Минчень покорился. Хэлулуский главноуправляющий и до двух сот других хойхусских старейшин приехали к Двору. Чрезвычайное множество вещей выдано им в награду. Цзы-и представил Минченя. Минчень, племянник князя Пугу Хуай-энь от старшего его брата, был храбрый полководец. В третие
768 лето правления Да-ли, 768, Гуан-цинь ханьша скончалась. Император отправил придворного сановника [2] Сяо Хинь с бунчуком для утешения и жертвоприношения.
769 В следующем году, 769, Ли Хань, советник Военной Палаты, послан с бунчуком и грамотою, которою малолетней дочери князя Пугу Хуай-энь Чун-вэй царевны, поступившей в супруги к хану, дано достоинство ханьши.[3]
403 Ей пода‖рено 20 000 кусков шелковых тканей. В сие время государственные подати недостаточны были для расходов. Высшие чиновники на верблюдах доставляли путевое. Министры напутствовали у моста Чжун-вэй-цяо.[4] Хойхусцы, остававшиеся в столице, хватали девиц на рынках, с конницею нападали на Хань-гуан-мынь. Хуан-чен [5] всегда был затворен. Указано евнуху Лю Цин-

---

[1] Сие происшествие в *Ганму* описано под 765 годом.

[2] Ю-сань-ки Чан-шы.

[3] По смерти Пугу Хуай-энь император, памятуя заслуги его, взял дочь его во дворец и воспитывал как свою дочь. Хойхускиї хан просил ее в ханьши себе; почему в июне сего года государь пожаловал ее титулом царевны, и отправил Ли Хань препроводить ее к хану.

[4] Т. е. угощали на проводах.

[5] Дворцовый город.

тхань остановить это. Хойху еще производили неистовства на рынках; отняли лошадей у Ша́о Юе, уездного правителя в Чан-ань; правительство не смело говорить им. Со времени правления Кянь-юань, 758, они сделались очень наглы. Каждую представленную лошадь ставили в сорок кусков шелковых тканей. В один год требовали в уплату несколько десятков тысяч. Посланцы один за другим приезжали, и жили в Хун-лу-сы. Приводили лошадей слабых, негодных к употреблению. Император щедро награждал, желая дать им почувствовать: но хойху не понимали, и привели наконец 10 000 лошадей. Императору больно было отягощать свой народ, и заплатил только за 6 000 лошадей. [1] В тринадцатое лето, 778, хойхусцы 778
неожиданно подступили к Чжень-ву, напали на Дун-хин и вторглись в Тхай-юань. Бао Фан, главноуправляющий в Хэ́-дун, вступил в сражение с ними под Ян-кюй, и был совершенно разбит. Он потерял до 10 000 убитыми и ранеными. Чжан Гуан-шен, главноначальствующий в Дайчжэ́у, еще дал сражение в долине Ян-ху-гу и разбил их. [Племена] хойху ушли. Дэ-цзун, по ‖ вступлении на престол, 404
778, отправил евнуха с известием о кончине [2] и для заключения дружбы. В то время Ху девяти родов [3] побуждали хана произвести набег, и хан хотел со всеми войсками идти к границе: почему холодно принял посланника. Цза́й-сан Дуньмохэ Дагань говорил ему: «Тхан есть великая держава и мирная в отношении к нам. Пред сим мы вторглись в Тхай-юань, и увели несколько десятков тысяч овец, которые почти все подохли на дороге. Ныне со всеми силами пойдем на отдаленную войну. Но если не победим, то как возвратимся?» Хан не послушал его. Дуньмохэ, рассердившись, напал на хана и убил его; а вместе с ним истребил его советников, и до 2 000 человек Ху, принадлежавших к девяти родам, и сам вступил на престол под наименованием *Хэ-гу-Дулу Бигя-хана*.

В *Ганму* сие происшествие описано под 780 годом в следующих словах: Прежде у [племен] хойху нравы и обычаи были просты; по сей причине все были единодушны, и в могуществе не имели соперников. Но с того времени, как [племена] хойху начали получать большие дары, то Дынли-хан повел себя выше. Он построил для себя дворец: жены завели у себя белила, притиранья и разные шитые уборы. Срединное государство совершенно

[1] 240 000 кусков.

[2] Покойного государя.

[3] По *Ганму тйелэских девяти прозваний*, т. е. девяти владетельных линий, ойхорского [хойхуского] Дома.

истощилось для роскоши кочевых; но и нравы кочевых не менее повредились. По кончине государя Дайцзун начальники девяти родов из Дома Хойху начали внушать хану, что Срединное государство уже довольно разбогатело; и если ныне, пользуясь его трауром,
405 произвести нападение, то || можно получить большие добычи. Дынли-хан послушал их. Министр Дуньмохэ, подкупленный прибывшим из Китая посланником, отсоветывал; но хан не послушал. Пользуясь общим нерасположением к набегу на юг, Дуньмохэ поднял оружие, убил хана и сам вступил на престол. Он отправил к Двору посланника просить о утверждении. Указано столичному младшему градоначальнику Юань Хю отправиться с грамотою возвести Дуньмохэ на престол под наименованием *Ву-и Чен-гун-хана*.[1]

IV. Хэгу Дулу Бигя-хан. Хан Дуньмохэ отправил Чагянь-Даганя с китайским посланником к Двору. В
780 первое лето правления Гянь-чжун, 780, указано столичному градоначальнику[2] Юань Хю отправиться с бунчуком и грамотою, которою Дуньмохэ признан *Ву-и-чен-гун*[3] *ханом*. Прежде хойху, приезжавшие в Срединное государство, всегда почти в числе 1 000 человек, оставались в столице из Ху девяти родов,[4] и здесь наживали большое состояние. Случилось, что старейшина Тудун Имиша, и при нем большие и малые Мэйлу, возвращаясь в отечество с дорожными мешками,[5] остановились на три месяца в Чжень-ву. Содержание им производилось хорошее и достаточное и стоило больших издержек. Военный начальник Чжан Гуан-шен тайно проведал, что в мешки посажены были девочки: почему послал станционного смотрителя
406 || проколоть мешок длинным шилом; после чего действительно уверился. Вскоре получено известие, что Дуньмохэ вступил на престол, и многих из девяти родов казнил. Ху от страха не смели возвратиться,

---

[1] Сей титул весь на китайском языке, а следующий на монгольском.

[2] В Китае только правитель столицы имеет название градоначальника, *Инь*, что искони и доныне удержано.

[3] Ву-и-чен-гун суть китайские слова.

[4] Т. е. из одного ойхорского [хойхуского] поколения.

[5] Ойхоры [хойху], проживавшие в столице, производили разные своевольства и неистовства; почему Дэ-цзун, по вступлении на престол, приказал ойхорскому [хойхускому] посланнику Тулуну всех торгующих ойхоров [хойху] взять с собою в орду. *Ган-му*. 780 год.

и многие бежали. Тудун весьма строго смотрел. Ху[1] представили военному начальнику Гуан-шен предлог, под которым просили казнить всех хойху девяти родов. Гуан-шен дал им слово, а между тем представил государю следующее: «Хойху[2] не столь сильны, как думаем; их поддерживают только девять родов. Ныне возникли смятения в Орде, и войска режутся между собою. Кочевые, видя выгоды, идут вперед, видя богатство, соединяются; без корысти, без богатства — как скоро придут в смятение, то не страшны. Если не воспользоваться настоящим случаем и еще отпустить людей с имуществом, то значит дать мятежникам способы, разбойникам хлеб». И так Гуан-шен научил одного чиновника оказать грубость Тудуну.[3] Тудун в самом деле рассердился и наказал плетью. По сему поводу Гуан-шен выстроил войско, и хойхуских Ху предал смерти.[4] Он забрал несколько тысяч верблюдов и лошадей, и 100 000 кусков шелковых тканей, и сверх того объявил, что хойхуский военный начальник умышлял взять Чжень-ву: почему и был казнен. Девочек обратно препроводили в Чан-ань. Император вызвал Гуан-шень,[5] а на || его место определил Пхын Лин-фан; *407*
сверх сего отправил с хойхуским посланником Люйчжы Даганем евнуха объяснить обстоятельства дела: после сего хотел прекратить связь с кочевыми, и предписал Юань Хю ожидать повелений в Тхай-юань.[6] И так Хю отправился в следующем году, 781, и при сем случае возвратил **781**
прах Тудуна и еще трех человек. Тудун был родной хану дядя по отце. По прибытии Хю, хан приказал вельможам выехать с колясками для встретения. Первый министр Гйецяньгас, сидя на возвышенном месте, сделал выговор Хю за убийство Тудуна. Хю сказал, что Тудун сам начал ссору с Чжан Гуан-шен и был убит в драке, а не по

---

[1] Из орды.

[2] Т. е. царствующий Дом.

[3] Это им учинено было в проезд мимо квартиры посланника. *Ганму*. 780 год.

[4] Гуан-шен оставил одного хойхусца, которого отпустил в орду донести хану, что хойху умышляли напасть на Чжень-ву и потому преданы смерти. *Ганму*. 780 год.

[5] По жалобе хойхусцев, Гуан-шен вызван для определения к другой должности с понижением. *Ганму*. 780.

[6] По переписи в 780 году в Китае считалось 3 085 076 семейств, войска 768 000 человек; государственных доходов 30 898 000 связок и 2 157 000 ху хлеба. Связка медной монеты равняется одному лану чистого серебра, мера ху содержит в себе около шести пуд. тяжелого зерна. Прибыль в людях против 764 года состояла в 85 000 семейств. Внутренние смятения и война с Тибетом продолжались с небольшими перемежками.

приказанию Сына Неба. Еще [1] говорил: посланники по своей вине заслуживали смерть: но Дом Тхан не мог казнить их, а должен был нам предоставить это. По прошествии довольного времени отпустили Хю. Он с прочими был близ смерти: прожил в орде 50 дней и не видал хана. Хан велел сказать ему: вельможи все желают твоей смерти; я один противного мнения. Тудун с прочими уже умер. Ныне если тебя предать смерти, то значит кровию омыть кровь, а это не принесет пользы мне. Не лучше ли будет, если я водою омою кровь. Мне донесли, что подъемные лошади стоили правительству 1 800 000. [2] Скорее
408 заплатите мне. Он отправил ‖ к Двору с Хю военного чиновника Кангисяня с прочими. Император внутренно перенес это, и наградил посланника золотом и шелковыми
783 тканями. Чрез два года, 783, хан отправил посланника представить местные произведения и просить о мире и родстве. Император, вспомнив прежние неудовольствия, чувствовал досаду, и в разговоре с министром Ли Ми сказал: думать о мире и родстве и заложниках из родственников я не могу. Ужели, государь, продолжал Ли Ми, ты трогаешься происшествием в Шáнь-чжéу? Точно так, сказал император, я тогда имел много затруднений в империи, и потому не в состоянии был отмстить; притом не думал о мире. Посрамивший Шáо Хуа с прочими был Мэуюй хан, сказал Ли Ми. Предполагая, что ты, государь, по вступлении на престол, не преминешь отплатить ему за обиду, он замышлял прежде напасть на границы; но войска еще не тронулись с места, как теперешний хан убил его. Сей хан, только что вступил на престол, тотчас послал посланника с донесением, и, в ожидании повеления от Сына Неба, *не остригал распущенных волос*. [3] Когда Чжан Гуан-шен убил Тудуна с прочими, то хотя долго задержали посланника, но наконец отпустили его безвредным. И так он не виноват. Ты правду говоришь, г. министр: но я не должен остаться виноватым пред Шáо-хуа с прочими; — это как? — Государь, продолжал Ли Ми, по моему мнению не ты виноват пред Шáо-хуа, а Шáо-хуа виноват пред тобою. С севера кочевые старейшины
409 лично пришли по‖мочь нам в трудных обстоятельствах; ты, государь, был тогда в числе князей, в возрасте еще не зрелом; а не обдуманно переправившись через Желтую

---

[1] Гйецяньгас.

[2] Связок медной монеты.

[3] Т. е. не объявлял себя ханом. Впрочем, сей обычай не известен по истории.

реку, вступить в их лагерь значило войти в логовище леопарда или тигра; и это был план Шáо-хуа с прочими. *Надлежало предварительно условиться в обряде свидания.* Я и теперь удивляюсь, к чему было идти на очевидную опасность? Лучше согласиться на брак и положить в договоре условия правления Кхай-юань, 713; 1) ежели хан, подобно тукюескому хану назовется вассалом; 2) ежели в посольстве будет посылать не более 200 человек; 3) ежели будут приводить лошадей для торга не более 1 000; 4) ежели не будут уводить китайцев за границу,— то не будет препятствия к согласию. Хорошо, сказал император и обещал выдать царевну. Хойхусцы согласились на предложенные условия. Указано выдать за хана Сянь-ань царевну.

Еще указано хойхуского посланника Хэкюе Даганя представить царевне в тронной Линь-дэ-дянь, евнуху написать портрет с нее и отправить хану. В следующем году, 788, хан отправил министра Гядйеского главноначальствующего с прочими, всего 1 000 человек, и еще послал меньшую сестру свою Гудулу Бигя царевну с супругами главных старейшин в числе 50 лиц для принятия царевны и вручения сговорных даров. Гядйе, по прибытии в Чжень-ву, был ограблен шивэйцами. Многие были убиты в драке. Указано оставшихся 700 человек привести в столицу и поместить в Хун-лу. Император принял посланника на вратах Янь-си-мынь. В сие время хан представил грамоту в весьма почтительных выражениях. Он писал: Мы прежде считались братьями; а ныне зять по дочери пред‖ставляет полсына. Ежели тебя, государь, *410* озабочивают западные жуны, [1] то сын просит дозволения выступить с войском против них. Еще просил народное название *Хойхэ* переменить на *Хойху*, [2] представляя, что хойху в нападении подобны кречету. Император пожелал угостить хойхускую царевну обедом, и спросил у Ли Ми о церемониале. Ли Ми сказал: Су-цзун был старший родственник князю Дунь-хуан-ван. Хойхуский Дом выдал за последнего свою дочь.[3] При представлении императору в Пхын-юань, она одна учинила поклонение, став пред залом. Император величал ее супругою, на китайском *Фу*, а не невесткою *Сáо*. Во времена трудных 788

---

[1] Разумеются тибетцы.

[2] Т. е. переменить букву [знак] *хэ*, означающую собственное имя человека и прозвание Хэ, на букву [знак] *ху*, означающую кречета.

[3] Дунь-хуань Ван есть князь Чен-цай, за которого хан выдал меньшую свою свояченицу. См. выше 756 год.

обстоятельств употребляли сей обряд, и совсем тем подчиняли себе, кольми паче в настоящее время. И так ввели хойхускую царевну во врата Инь-тхай-мынь. Три человека старшей царевны ожидали внутри. Привели переводчика, На поклонение отвечали обыкновенным поклоном [1] и вперед. [2] Император вошел в потайную тронную. Старшая царевна прежде вошла. Хойхуская царевна по входе сделала поклонение. Внутренний церемониймейстер [3] довел ее до комнаты старшей царевны. Опять спросили переводчика, и потом все вышли. Когда наступило время обеда, Сянь-фэй [4] сошла с крыльца и ожидала. Хойху-
411 ская царевна || сделала поклонение; Сянь-фэй отвечала обыкновенным поклоном. По окончании поклонения взошли на верх западною лестницею, и сели. Если жалована была,[5] то сходила вниз и делала поклонение. Если жалованное было не от имени императора, то отступив несколько от своего седалища делала поклонение; Сянь-фэй и царевна отвечали ей обыкновенным поклоном. Всего до отъезда два было таковых угощения. Император в княжеском правлении смотрел всех чиновников, назначенных в свиту царевны; князя [6] Чжень назначил для совершения брачного обряда; младшего министра Гуань Бо назначил сопровождать царевну и вручить хану грамоту на титул *Идулу Чан-шéу Тъхянь* [*цинь*] *Бигя Хана.* а царевне: *Чжи-хой Дуань-чжен Чан-шéу Сяо-шунь хань-*
789 *ша.*[7] В пятое лето правления Чжен-юань, 789, хан умер: поставлен сын его Долосы. Вельможи дали ему титул *Пангуань Дэлэ.*

V. Пангуань Дэлэ-хан. Го Фын, председатель в Хунлу, отправлен к хану с бунчуком и грамотою на титул: *Дынли Лоиму Миши Гюйлу Бигя Чжун-чжень* [8] *хана.* В Бэй-тьхин и Ань-си с последних годов правления

---

[1] Поклонение и поклон различаются тем, что первое делается по известному обряду, а поклон изъявляется небольшим наклонением головы.

[2] Т. е. хозяйки шли несколько впереди пред ойхорскою [хойхуской] царевною.

[3] Евнух.

[4] Титул побочной царицы, которая со старшею царевною угощала ойхорскую [хойхускую] царевну.

[5] Т. е. если ойхорская [хойхуская] царевна получала что-нибудь с государева стола, то сходила с крыльца, и на помосте делала поклонение по церемониалу.

[6] Цы-си Ван.

[7] В титуле хана *Чан-шéу Тъхяньцинь*, а в титуле царевны все слова суть китайские.

[8] *Чжун-чжен* суть китайские слова.

Тьхянь-бáо, 755, когда потеряли Гуань-лун, [1] дорога для 755
проезда к Двору была пресечена. Ли Юань-чжун, главноуправляющий в Бэй-тьхин и Го Хинь, исправлявший должность главноуправ‖ляющего в четырех крепостях, 412
несколько раз отправляли донесения к Двору, но ни одно не дошло. Во второе лето правления Чжен-юань, 786, Юань-чжун и прочие отправили донесения чрез владения [племен] хойху, и сии донесения все дошли в Чан-ань. Император повысил Юань-чжун Великим наместником в Бэй-тьхин, Хинь Великим наместником в Ань-си. С сего времени дорога хотя свободна была: но требования кочевых не имели пределов. Находилось особливое поколение Шато, состоявшее из 6 000 кибиток. Оно было в соседстве с Бэй-тьхин, и также жаловалось на тягостные поборы грабителей. Что касается до поколений Гэлу, Байянь и Тукюе, покоренных [племенами] хойху, они еще более томились, и тайно были преданы тибетцам: по сей причине тибетцы, при содействии шатосцев, напали на Бэй-тьхин. Гйегяньгяс имел сражение с ними, но без успеха, и Бэй-тьхин был взят; почему наместник Ян Си-гу с своим войском бежал в Чи-чжéу. Хойху с несколькими десятками тысяч сильных солдат пригласили Си-гу возвратиться, чтоб взять Бэй-тьхин; но были совершенно разбиты тибетцами и потеряли две трети войска убитыми. Гйегяньгяс бежал обратно к Си-гу, и, собрав остальные войска, хотел вступить в Си-чжéу. Гйегяньгяс, обманывая Си-гу, сказал: мы идем в обратный путь, да и ты, м. г. должен возвратиться в Китай. Си-гу, возвратившись в ставку, сам себя предал смерти. Гэлу завоевал Шеньтучуань. [Племена] хойху пришли в большой страх и уклонились несколько на юг. В сем году меньшая ханьша Шецаревна отравила хана ядом. Ханьша была внука Пугу Хуайэнь. Сын его был хойхуским Шеху. Посему-то дочь его получила титул *Ше-царевны*. Млад‖ший ханов брат 413
сам вступил на престол. Гйегяньгяс тогда продолжал войну с Тибетом. Высшие сановники с придворными вельможами убили престолохищника, и малолетнего ханова сына Ачжо объявили преемником. Когда возвратился Гйегяньгяс, то хан с прочими вышел угостить его. Они, припав к земле, изложили ему обстоятельства вступления на ханство, и сказали, что жизнь и смерть их от него зависит.

---

[1] В сие время северо-западный угол Китая был под владением Тибета. Гуань-лун есть название двух стран. Страна *Гуань* составляла губернию Шáнь-си [Шэньси], а страна *Лун* — губ. Гáнь-су.

Они вынесли вещи, присланные от императора с Го-фын [1] и предложили Гйегяньгясу. Хан, учинив поклонение, в слезах говорил: ныне к счастию я сделан преемником и от отца имею пропитание. Гйегяньгас тронулся его юностью и смирением, обнял его и заплакал; после сего стал служить ему как вассал, а вещи все роздал войску, не оставя ни одной у себя, и таким образом орда успокоилась. Отправили Дабэй Делэ, мэйлуского предводителя к Двору с донесением в ожидании повеления.[2] Указано отправить Сэу Шань, младшего председателя в Хун-лу, к Ячжо с грамотою на титул Фын-чен-хана.[3]

VI. Фын-чен-хан. В скором времени Люйчжы Дагань приехал с донесением о кончине младшей Нин-го царевны. Сия царевна была дочь князя Юн-ван. Когда была выдана Нин-го царевна, то княжна была отдана в приданое за нею. По возвращении Нин-го царевны в Китай, княжна осталась в орде, и сделалась ханьшею с титулом *младшей Нин-го царевны*, и была сряду за двумя ханами *Ин-ву* и *Ин-и*. Уже при Тьхянь-цинь она вышла из орды и жила
414 отдельно. С || Ин-и ханом она родила двух сыновей, которых Тьхянь-цинь хан обоих убил. В сем году хойху напали на тибетского Гэлу в Бэй-тьхин, одержали победу и пленных представили Двору.[4] В следующем году отправили Иологэ-Гына к Двору. Гын был урожденный китаец, по прозванию Люй, воспитывался у хана вместо сына, почему и принял его прозвание [Иологэ]. Император употребил его к делам, осыпал чрезвычайными наградами, и произвел вторым министром. В одиннадцатое
795 лето, 795, хан умер, не оставив сыновей по себе. Придворные вельможи поставили ханом министра Гудулу, и отправили посланника с донесением. Указано послать сановника [5] Чжан Цзянь с бунчуком и грамотою на титул *Ай Тынли Лоюйлу Мумиши Хэхулу Бигя Хуай-синь-хан*.[6]

VII. Хуай-синь-хан Гудулу. Гудулу прозывался Гядйе. Он еще в детстве осиротел, и воспитан одним из главных старейшин; был рассудителен и одарен военными

---

[1] Т. е. плата за союз в войне против Тибета.

[2] Т. е. утверждения.

[3] По *Ганму* китайский посланник отправлен с грамотою в орду в марте месяце 791 года.

[4] По *Ганму* ойхоры [хойху] разбили тибетцев под Линчжéу и в октябре отправили посланника представить пленных Двору. См. 791 год.

[5] Ми-шу-гянь.

[6] *Хуай-синь* суть кит. слова.

способностями; при Тьхянь-цинь-хане несколько раз управлял войсками; старейшины уважали его и боялись. Под прозванием Иологэ оказав разные услуги, он не осмелился сам выказать своих родственников, а собрал ханских сыновей и внуков и определил при Дворе. В первое лето правления Юн-чжен, 805, хан умер. Указано отправить Сунь Го-линь, младшего председателя в Хун-лу, для утешения и вручения вновь избираемому хану грамоты с титулом *Тынли Цехэ Тюйлу Бигя-хан*.[1] 805

|| **VIII. Гюйлу Бигя-хан.** В первое лето правления Юань-хо, 806, дважды приезжали к Двору с приношениями. Тогда в первый раз Мони привезли свой закон — ежедневно питаться овощем, пить воду и купно кумыс.[2] Хан давал им казенное содержание: Мони проникли в столицу. Чрез них купцы западных рынков, при провозе и вывозе товаров, много подлогов производили в дорожной клади. В третие лето, 808, приехали с донесением о кончине Сянь-ань царевны. Царевна была сряду за четырьмя ханами; в хойхуской орде прожила двадцать один год. Не в продолжительном времени и хан умер. Сянь-цзун назначил князя Ли Хяо-чен, младшего президента в княжеском правлении, с грамотою на титул *Ай Дынли Лои Мишихэ Бигя Бао-и*[3]*-хан*. 415 808

IX. Бао-и-хан. В продолжение трех лет было два посольства к Двору. Дважды отправляли Инань-чжу просить о браке. Ответа не было. Хан отправил 3 000 конницы к Гусиному ключу; почему из Чжень-ву послали отряд войска к горам Хэй-шань, где для предосторожности от неприятелей построили городок || Тьхянь-дэ-чен. Когда хойху просили о браке, то министерство предполагало издержки на брак в пять миллионов. Император тогда 416

---

[1] Это был сын покойного хана. *Ганму*. 805.

[2] В *Ганму* под 806 годом сказано: ойхоры [хойху] приехали к Двору с данью, с ними в первый раз прибыли Мони, для помещения коих построен монастырь. В изъяснении сказано: *Мони* есть название людей, соблюдающих буддайский закон. Это были ойхорские [хойхуские] подданные. Они ежегодно приезжали, и производили разные злоупотребления: почему в двенадцатое лето, в 817 году, высланы в свое государство. Историки не всегда пишут о приезде кочевых с данью. Для чего же сей случай внесен в Историю? Мони в первый раз приехали, и для пребывания их построен монастырь. С сего времени Сянь-цзун особенно прилепился к лжеучению: почему сей случай нарочно внесен в Историю. *Мони были монгольские ламы, в 806 году в первый раз проникшие в китайскую столицу*. [Как пояснено в общем указателе, Мони были не монгольские ламы, а манихейцы].

[3] *Бао-и* суть китайские слова.

внутри занят был усмирением главноуправляющих:[1] почему отправил князя Ли Чен, младшего президента в княжеском правлении, и Инь Ю, делопроводителя в Тхайчан, объявить хойху о невозможности согласиться на брак. По вступлении государя Му-цзун на престол, в
821 821 году, еще прислали Хэ Даганя с прочими настоятельно просить о браке. Император согласился, но вскоре хан умер.[2] Посланник получил грамоту, которою будущему хану дан титул *Дынли Юйлуму Миши Гюй-чжу Бигя Чун-дэ-хан*.[3]

X. Чун-дэ-хан. Хан, по вступлении на престол, отправил Инань, чжугюйлуского главноуправляющего, с прочими для принятия Шеху-царевны. В посольстве было до 2 000 женщин, 20 000 лошадей и 1 400 верблюдов. Никогда иностранцы не отправляли столь многочисленного посольства в Срединное государство. Указано допустить в Чан-ань только 500 человек, прочих оставить в Тхай-юань. Указано выдать Тхай-хо царевну.[4] Сия царевна была дочь покойного императора Сянь-цзун. Император построил правление [5] для нее. Военачальник [6] Ху
417 Чжен и санов‖ник[7] Ли Сянь назначены с бунчуками препровождать царевну. Князь Ли Юе назначен церемониймейстером при браке. Царевне грамотою дан титул *Жень, Сяо, Дуань, Ли, Мин, Чжи, Шан-шéу Хатунь*.[8] Объявлено в храме предкам. Сын Неба взошел на врата Тхунхуа-мынь напутствовать царевну. Чиновники всех присутственных мест прощались, выстроившись по сторонам дороги. По выезде царевны за границу, за 100 ли до хойхуской орды, хан пожелал предварительно частно увидеться с царевною чрез дорогу. Ху Чжен отказал ему. Кочевые сказали ему, что Сянь-ань царевна сделала это. Сын Неба, сказал Ху Чжен, указал мне препроводить царевну и передать хану; а не видевшись с ханом, не могу допустить царевны до свидания. И так свидание отменено.

---

[1] Военных правителей пограничных областей, известных под названием Цзйе-ду-шы.

[2] По *Ганму* Бао-и хан умер в начале 821 года. См. 821 год.

[3] *Чунь-дэ* суть китайские слова.

[4] Тибетцы, получив известие о сем, хотели произвести нападение на Цин-сай-пху. Ойхоры [хойху] представили, что они вышлют 10 000 конницы в Бэй-тьхин и 10 000 в Ань-си для отражения тибетцев и принятия царевны. *Ганму*. 821 год.

[5] Т. е. дворец; но слово дворец в Китае употребляется только в отношении к местопребыванию императора.

[6] Цзо-гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь.

[7] Гуан-лу-цин.

[8] Исключая *Хатунь*, все прочие слова суть китайские.

После сего хан взошел в терем и сел, обратясь к востоку. В низу расставлены были войлочные юрты для посольства. Царевна пожелала одеться в хойхуское платье, вышла с своею мамкою, поклонилась к западу [1] и возвратилась. На последнем привале она оделась в платье ханьши: надела красный сквозной кафтан, сверху короткое платье, золотой головной убор, с переди и с зади острый; [2] опять вышла и поклонилась; потом села в носилки, девять министров, на плечах, девять раз обнесли ее вправо вкруг орды; [3] потом она вышла из носилок, пошла в терем и села рядом с ханом, обратясь к востоку. Чины по порядку представлялись ей. Ханьша также построила себе орду, и в юрте поставила двух министров. Перед отъездом посланника Ху || Чжен ханьша сделала *418* большой пир, горько плакала о родных и любимых. Хан щедро одарил посланников. В сие время Пхэй Ду-фан воевал Ю-чжень. [4] Хойху отправили предводителя Ли И-цьзе с 3 000 конницы вспомоществовать Сыну Неба в усмирении страны Хэ-бэй. [5] Совет, помня прежние беспокойствия, не принял ханского предложения. Войско пришло уже в Фы́н-чжéу, [6] но посланник щедро был награжден и отпущен. В тот же год, в который Гин-цзун вступил на престол, 824, хан [7] умер; поставлен младший его брат **824** Гйеса Дэлэ. Император отправил посланника [8] с грамотою, которою хану дан титул *Ай Дынли Лоиму Мишихэ Бигя Чжао-ли-хан*, [9] и пожаловал ему двенадцать телег с подарками.

XI. Чжао-ли хан. В первое лето государя Выньцзун, 827, еще пожаловано 500 000 кусков шелковых **827** тканей в уплату за лошадей. В шестое лето правления Тхай-хо, 832, хан убит от своих подчиненных. Поставлен двоюродный его племянник Ху Дэлэ. Он отправил **832** посланника с донесением. В следующем году, 833, импе- **833** ратор отправил военачальника [10] Тхан Хун-шы и князя [11] Юн с бунчуком и грамотою, которою хану дан титул

---

[1] Т. е. к местопребыванию хана.
[2] И ныне употребляемый в Тюркистане.
[3] Т. е. по солнцу.
[4] Крепость в Ю-чжеу.
[5] В сие время в стране Хэ-бэй начальники военных областей вели войну с императором.
[6] В Ордосе.
[7] Чун-дэ-хан.
[8] В начале 825 года. *Ганму*. 825 год.
[9] *Чжао-ли* суть китайские слова.
[10] Цзо-кя́о-вэй Гян-гунь.
[11] Сыцзэ Ван.

Ай Дынли Лоиму Мишихэ Гюйлу Бигя Чжан-синь хана.

XII. Чжан-синь[1] **хан.** В четвертое лето правления
839 Кхай-чен, 839, министр Гюйлофу восстал против хана,
419 и напал на него с шатоскими войсками. Хан || сам себя предал смерти. Вельможи поставили ханом малолетнего Кэси Дэлэ.[2] В тот год был голод, а в след за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей.[3] Еще грамота не была доставлена,
840 как Ву-цзун вступил на престол, 840. Он отправил князя Юн с известием, и от него узнал о смятениях в орде. В это самое время старейшина Гюйлу Мохэ, соединившись с хагасами, со 100 000 конницы напал на хойхуский город,[4] убил хана, казнил Гюйлофу и сожег его стойбища. Хойху поколения рассеялись.[5] Министр Сичжи Пандэлэ, всего с пятнадцатью аймаками, бежал к Гэлолу; остальные ушли в Тибет и Ань-си. После сего тринадцать родов ханского аймака объявили Угйе-дэлэ ханом,[6] и на юге осели при горах Цо-цзышань.

XIII. Хан Угйе Дэлэ. Хягасы по поражении [племен] хойху взяли Тхай-хо царевну; и как они, по происхождению от Ли-лин, считали себя в родстве с Домом Тхан, то и послали даганей препроводить царевну к Двору. Угйе рассердился, догнал даганей и всех убил; взял царевну и перешел через Великую песчаную степь на юг. Пограничные жители крайне испугались. Хойху осадили крепость Тьхянь-дэ. Император отправил на границу чиновника[7] Ли Ши для соображения || обстоятельств на месте. После
420 сего министр Чисинь, князья Умус дэлэ и Насйечжо[8] с своими поколениями изъявили желание поддаться, а царевна с своей стороны отправила посланника с донесением, что Угйе уже вступил на престол; почему и просила признать его ханом. Сверх сего, вельможа Гйеганьгяс

---

[1] *Чжан-синь* суть китайские слова.

[2] *Кэси* есть имя. *Дэлэ* значит младший родственник. *Ганму*.

[3] В *Ганму* присовокуплено: и ойхоры [хойху] ослабели.

[4] Ойхорский [хойхуский] хан построил для себя город на тех же местах, на которых находилась монгольская столица Хара-хоринь. Дворец еще прежде был построен, а теперь он обведен городскою стеною.

[5] По *Ганму* в 840 году.

[6] По *Ганму* в марте 841 года.

[7] Бин-бу Лан-чжун.

[8] *Чисинь* есть имя министра, *Умус* есть имя младшего брата ханского. *Насйечжо* есть также имя ойхорского [хойхуского] министра. *Ганму*. 840.

докладом просил крепость Чжень-ву для пребывания царевны с ханом. И так император указал военному сановнику [1] Ван Хой с бунчуком отправиться для успокоения их народа, выдать им 20 000 мешков хлеба, не заимствуя в Чжень-ву; а евнуха Хай Юй послал для объяснения. Еще указал отправить нарочного с грамотою тайно рассмотреть ход обстоятельств. В следующем году, 841, 841
хойху с царевною перешли на южную сторону Песчаной степи [2] и вступили в Юнь-чжéу, и Шо-фан, опустошили Хын-шуй, побили и захватили множество людей; ходили между Тьхянь-дэ и Чжень-ву, и по произволу грабили пастбища. И так указано войскам разных дорог собраться для усмирения их. Умус видя, что при лукавстве и неблагонамеренности Чисиня трудно достигнуть желаемой развязки, тайно условился с Тьхянь Мэ́у, начальником гарнизона в Тьхянь-дэ, заманить Чисиня и казнить пред ставкою. Нагйечжо, собрав до 7 000 кибиток Чисинева народа, ушел на восток в Чжень-ву и Да-тхун, и через Черные пески в Ши-вэй простирал виды на юг. Чжан Чжун-ву, главноуправляющий в Ю́-чжéу, разбил его и овладел всем его народом. Нагйечжо бе‖жал к Угйе, был задержан и 421
убит. Впрочем Угйе еще имел сильное войско под названием стотысячного; орду поставил от Да-тхун на север при горе Люймынь-шань, а Дэлэ Пангюйчже, Адуньнин и пр., всего четыре поколения, и предводитель Цаомони с 30 000 народа покорились Чжан Чжун-ву. Умус также отправил посланника с предложением подданства.[3] Император хотел содействовать хану возвратиться в свои владения: но хан уже произвел нападение на Юнь-чжéу. Лю Мянь вступил в сражение с ним, и был совершенно разбит. Умус с тремя поколениями и 2 000 конницы Дэлэ, главного старейшины, явился в Чжень-ву и покорился. Указано дать Умусу военный чин и княжеское достоинство [4] Хуай-хуа-гюнь-ван, а Тьхянь-дэ переименовать в Гуй-и-гюнь. Умус просил оставить его со всем родом в Тхайюань, чтобы, служа Сыну Неба, защищать границы. Император приказал Лю Мянь разместить род его по разным местам в Юнь-чжéу и Шо-чжéу. Хан отправил посланника просить у императора вспомогательного войска для возвращения в прежнюю орду, и уступить на время город

[1] Ю-гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь.
[2] В *Ганму* сие происшествие помещено под 841 годом.
[3] По *Ганму* в мае 842 года.
[4] Чин: Ю-гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь. Достоинство: Хуай-хуа Гюнь Ван.

Тьхянь-дэ. Император отказал. Хан с досады ограбил Да-тхун-чуань, и, продолжая сражаться, напал на Юнь-чжэ́у. Правитель укрепился окопами и не смел выступить. Указано двинуть войска из разных корпусов и расставить их от Тхай-юань на север. Как скоро Умус с прочими явился к Двору, то все пожалованы были прозванием Ли; [1] Умус наименован Сы-чжун, Али-чжы назван Сы-чжен, Сивучжо назван Сы-и, Улосы назван Сы-ли,
422 ‖ Ай-йеву назван Хун-шунь; последний определен помощником начальника корпуса Гуй-и-гюнь. После сего указано Лю Мянь быть хойхуским попечителем в южной стороне, Чжан Чжун-ву попечителем в восточной стороне, Сы-чжун управляющим западными да́нсянами и главнокомандующим против мятежников, на юго-западе полководцу Лю Мянь расположиться лагерем в Яй-мынь. Еще указано Хэ Цин-ча́о, правителю в Инь-чжэ́у, и Киби-туну, правителю в Юй-чжеу, с заграничными войсками выступить в Чжень-ву и соединиться с Мянь и Чжун-ву, приближаясь несколько к [кочевьям] хойху. Сы-чжун несколько раз далеко заходил в хойхуские кочевья, чтоб склонять своих подчиненных к покорности. Мянь отделил часть шатоских войск для усиления [Ли] Сы-чжун. Корпус Хэ-чжун-гюнь пятью стами конницы усилил Хун-шунь. Мянь пошел вперед и расположился в Юнь-чжэ́у. Сы-чжун остановился для охранения большого палисада. Хэй Бин, с корпусом Хэ-чжун-гюнь, вступил в сражение
842 с хойху и разбил их. В следующем году, 842, Ху́н-шунь разбил их. Мянь и Ши Хун, помощник главноуправляющего в Тьхянь-дэ, с сильною конницею и кочевыми из поколений шатоского и кибиского [2] выступили в ночи в Юнь-чжэ́у, пошли в Ма-и на пограничное укрепление Ань-чжун-сай; встретившись с неприятелями, вступили в сражение и разбили их.[3] Угйе тогда подходил к Чжень-ву. Хун поспешил вступить в сию крепость; в ночи пробил отверстие в стене, чрез которое вышел, и вступил в
423 жаркое сражение. Угйе в страхе отступил. Хун ‖ преследовал его до гор Ша-ху-Шань. Угйе, израненный, обратился в бегство. Хун встретился с царевною и возвратился с нею. Он покорил Дэлэ и прочих, всего несколько десятков тысяч, взял весь обоз и жалованные императором грамоты. Хан, собрав остальных людей, ушел к Чер-

[1] Прозвание царствующего Дома Тхан. Сие по *Ганму* происходило в июне 842 года.
[2] По *Ганму* из трех поколений: Шато, Чжусйе и Чисинь.
[3] По *Ганму* в начале 843 года.

ной телеге.[1] Указано полководцам Хун-шунь и Хэ Цинчáо преследовать до невозможности. Хýн-шунь польстил Черной телеге богатыми подарками, и убил Угйе.[2] Вначале бежавшие с ханом уже не могли сóединиться; одни за другими являлись в Ю́-чжéу и покорялись; а из бродивших несколько тысяч погибло от холода, голода и болезней; в Черной телеге захватили остальных. После того, как убили Угйе, подчиненные его поставили ханом младшего его брата Эняня Дэлэ.[3]

XIV. Хан Энянь Дэлэ. Император указал Дэ-юй описать подвиги сей войны, и чтоб передать потомству, вырезать на каменном памятнике и поставить его в Ю́-чжéу. Как хойхуский царствующий Дом погиб, то [Ли] Сы-чжун и прочие пожелали явиться к Двору, и потом возвратились в Гуй-и-гюнь. Сы-чжун получил военный чин[4] и дом в части Юн-лу-фан, а войско его размещено по разным пограничным корпусам. Кочевые, не желая по содержанию принадлежать к разным корпусам, заняли реку Ху-тхо-хэ и отложились. Лю Мянь убил 3 000 человек из них. Указано всем [отдельным] хойху, отличившимся на войне и оставленным в обеих столицах, дать шляпы с поясами.[5] Правительство собрало книги Мониев (манихейцев) и идолов, || и все предано огню на дороге; а имущество взято в *424*
казну. Энянь-хан с 5 000 душ из распавшихся поколений получал пропитание от Шошелана, главного хиского старейшины. В первое лето правления Да-чжун, 847, Чжун-ву **847**
разбил хисцов. Хойху почти уничтожились. Оставалось именитых князей и высших чиновников до 500 человек, полагавших единственную надежду на Шивэй. Чжун-ву предложил Шивэй выдать хана. Энянь пришел в страх. Он взял свою жену Гэлу и сына Дэлэ Дуса, и в ночи с девятью конными бежал на запад. Родовичи горько рыдали. Семь родов шивэйских разделили хойху между собою. Хягас, рассердившись на это, с министром своим Або и 70 000 войска напал на Шивэй и, забрав остальных хойху, возвратился на северную сторону Песчаной степи. Оставшиеся хойху, укрываясь в горах и лесах, пропитывались грабежом, и мало по малу возвратились к Пан Дэлэ. В сие время Пан Дэлэ уже объявил себя ханом; жил в Гань-чжéу и владел городами, лежавшими далее

---

[1] На кит. Хэй-че-цзы название поколения.

[2] По *Ганму* Угйе убит в августе 846 года.

[3] По *Ганму* в 846 году.

[4] Цзо-гянь-мынь-вэ́й, Шан-гян-гюнь.

[5] Т. е. принять китайские чины и носить одеяние китайских чиновников.

на запад за Песчаною степью. Сюáнь-цзун, стараясь успокоить отдаленные народы, отправил нарочного в Лйнчжéу высмотреть положение хойхусцев. Старейшина, управлявший хойхусцами, отправил при китайском посланнике в столицу и своего посланника. Император грамотою дал ему титул *Улу Дынли Лоиму Миши Хэгюйлу Бигя Хуай-гянь хан*.[1] В течение следующих десяти лет он дважды представил местные произведения. В царствование государя II-цзун, 860—873, главный старейшина Пугу-цзунь из Бэй-тьхин [2] напал на тибетцев, убил Лунь
425 Шанжо и взял у них Си-чжéу и Лунь-‖тхай.[3] Он отправил Даганя Михуайюй к Двору и с ним представил пленных; почему и просил утверждения в ханском достоинстве. Император согласился.[4] Впоследствии произошли смятения в императорском Дому. Приезды к Двору и представление дани сделались редки. Историки перестали вести записки. Император Чжао-цзун предпринял путешествие в Фын-цян. Хáнь Сунь, главноуправляющий в Лин-чжéу, представил ему, что хойхусцы просят дозволение придти к нему с войсками для вспоможения в настоящих трудных обстоятельствах. Сановник [5] Хань Ву говорил против сего, что кочевые суть давнишние враги Срединного государства. Еще со времени правления Хойчан, с 841 года, посматривают на границу: но крылья у них не совсем оперились; почему и не могут ничего сделать. Ныне, пользуясь расстроенным положением нашим, надеются успеть. Не должно впускать. И так не было ответа. Впрочем, царство Хойху не могло придти в большую силу. По временам приезжали в пограничные области променивать нефрит и лошадей.

Вместе с падением кочевой империи Хойху начинается новое Хойхуское царство, возникшее на ее развалинах. В сие время Китай начал колебаться от безначалия, и мало имел времени заниматься внешними сношениями с смежными народами: почему и сведения китайцев о восстановлении Дома Хойху кратки
426 и прерывисты. Когда хягасы разорили хойху‖скую столицу, то министр Сичжи Пан-дэлэ, всего с 15 по-

---

[1] *Хуай-гянь* суть кит. слова.

[2] Харахочжо.

[3] В восточном Тюркистане Харашар, Бюгур и пр.

[4] В *Ганму* под 874 годом: *Ойхор* [*Хойху*] несколько раз просил жалованной грамоты; почему отправлен был в орду посланник. В это время *Ойхор* [*Хойху*], разбитый тогонским Ули, бежал неизвестно куда. Посланник возвратился.

[5] Шу-линь Хио-шы.

колениями бежал к Гэлолу на северо-западные пределы Чжуньгарии — в Тарбагатай. См. выше 840 год. По смерти Угйе-хана на престол вступил младший его брат Энянь-дэлэ. См. выше 846 год. В следующем году Энянь-дэлэ бежал на запад, и без вести пропал; между тем Пан-дэлэ уже объявил себя ханом, жил в Ганьчжéу, и владел городами, лежавшими далее на запад за Песчаною степью, как-то: Лян-чжéу и Дунь-хуáн. Он просил у императора утверждения в ханском достоинстве. Император грамотою дал ему титул *Ха*. В царствование государя И-цзун, 860—873, главный старшина Пугу Цзунь из Бэй-тьхин напал на тибетцев в восточном Тюркистане, и взял у них города Харашар и Бюгур. Он просил китайский Двор утвердить его в ханском достоинстве. Император согласился. В *Ган-му*, под 874 годом.

Дополнительные прибавления о Гаогюйских поколениях.

I. Сйеяньто.[1] Поколение Сйеяньто составилось из двух родов, Сйе и Яньто, которые нераздельно кочевали, а впоследствии род Сйе покорил Яньто. Прозывался Илихи. Между тйелэскими поколениями это было самое сильное. Обычаи большею частию сходны с тукюескими. Когда западный тукюеский Чуло-хан убил тйелэских старейшин, то подчиненные их со всех сторон собрались. Они отложились и кибиского Гэлына объявили Ивучжень Мохэ ханом; он занял горы Тань-хань; сйеяньтоского Ишибо сделали Йехи ханом; он утвердился при горах Яньмо. Когда усилился тукюеский Шегуй-хан, то оба поколения сложили титул ханов, и объявили себя вассалами его. Хойгэ, Байегу, Адйе, Тунло, Пугу, Байси, кочевавшие от хребта *Юйдугюнь*[2] на || восток, поддались Шиби-хану. *427*
Поколение Ишибо, кочевавшее от Алтайских гор на запад, служило Шеху-хану. Во второе лето правления Чженгуань, 628, Шеху умер. В орде его произошли смятения. **628**
Ишибоев внук, по имени Инань, с 70 000 кибиток своего поколения поддался Хйели-хану. Впоследствии, когда тукюесцы упали, Инань напал на Хйели-хана и привел его в бессилие; после сего большая часть родов отложилась. Оставшиеся при Хйели объявили его своим государем.

---

[1] [Извлечение о нижеследующих племенах взято Бичуриным из Таншу, гл. 217б. Раздел о хакасах Таншу, гл. 217б].

[2] Северная цепь Хангая, из которой вершины Селенги выходят.

Инань не смел противиться сему. В следующем году, 629, Тхай-цзун, восставший против Хйели, отправил военного сановника [1] Цяо Шы-ван короткою дорогою отвезть Инаню грамоту, литавру и знамя, и объявил Инаня Чженьчжу Пицьсйе ханом. Инань, как скоро получил утверждение в достоинстве, отправил посланника поблагодарить и поднесть местные произведения. После сего он поставил орду у гор Юйдугюнь в 6 000 ли от столицы прямо на северо-запад. Владения его простирались на восток до Мохэ, на запад до Шеху-тукюе, на юг до Великой песчаной степи, на север до реки Гюйлунь. При столь обширном пространстве земель и покорности народа, Хойху и другие поколения подчинились ему. С уничтожением Хйели-хана границы опустели. Инань с своим поколением подался несколько к востоку, и осел у гор Дуюйгянь, на северном берегу реки Дуло [2] от столицы не с большим в 3 000 ли. На востоке Шивэй, на западе Алтайские горы, на юге
428 тукюе, [3] на севере Байкал: [4] || это древние земли хуннов. Он имел 200 000 строевого войска, управление которым раздельно поручил двум своим сыновьям: Даду Ше и Тулиши, под названием аймаков южного и северного. Император, опасаясь, чтобы Инань слишком не усилился, указом произвел обоих его сыновей малыми ханами.[5] В пятнадцатое лето, 641, император произвел Ли Сымо ханом, и выселил за Желтую реку [6] на южную сторону Песчаной степи. Инань с неприятностью смотрел на это, но не смел обнаружить. В сие время Двор предпринял путешествие в Ло-ян, чтобы отсюда отправиться для жертвоприношения на горе Тхай-шань. Большая часть пограничных войск следовала за Двором, а пограничные притины оставались пусты. Инань, предполагая, что в это время не трудно будет взять [Ли] Сы-мо, приказал Даду Ше собрать 200 000 войска, перейти через северную степь на юг и окопаться при речке у Белой дороги, чтобы напасть на Сы-мо. Каждому солдату велено иметь четыре лошади. Но Сы-мо ушел в Шо́-чжэ́у и донес Двору; почему указано было Чжан Лянь стянуть пограничные войска к угрожаемому месту. Даду Ше расположился под Дол-

[1] Ю-цзи-Гян-гюнь.

[2] В Урге или близ сего урочища, ибо здесь находятся обширные паствы.

[3] Это дулгасцы [тукюесцы], поддавшиеся Китаю и занимавшие земли от Калгана к западу, от Ордоса к северу до Песчаной степи

[4] [Озеро] Байкал.

[5] По *Ган-му* в 638 году.

[6] Т. е. за Ордос к северу.

гою стеною, а Сы-мо уже перешел на юг. К счастью, полководец Ли Цзи подоспел со всем войском, стоявшим в Чигэ, и перешел чрез Цин-шань. Но как дорога кругом была длинна, то он выбрал отважнейших солдат и, с лучшею конницею [1] переправясь через реку Ла-хэ, пошел на Белую дорогу и шел по пятам за сйеяньтосцами. Даду Ше, видя, что не возможно избег‖нуть сражения, пере- *429*
шел через речку Ночжень, и поставил войско в боевой порядок. Прежде сего сйеяньтосцы в войне с Шаболо и Ашиною Шежы одерживали победы пехотою; почему и теперь, спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались.[2] При открытии сражения тукюеское войско было потеснено. Сйеяньтосцы в восторге преследовали. Цзи подкрепил тукюесцев. Сйеяньтосцы начали стрелять в лошадей, и оне погибали. Цзи выстроил пехоту в сотенные колонны и ударил в промежутки.[3] Неприятели пришли в замешательство. Тукюеский предводитель Се Вань-че с отборною конницею прежде устремился на держащих лошадей; почему сйеяньтосцы не могли уйти. Они потеряли несколько тысяч убитыми и до 15 000 лошадей отбитыми. Даду Ше бежал. Вань-че погнался за ним, но не мог догнать. Остальные войска бежали чрез песчаную степь на север. В это время выпал большой снег. Восемь человек из десяти померло от морозных трещин на теле. Сйеяньто отправил посланника с извинением; а потом отправил своего дядю Шаболо представить 3 000 лошадей, и при сем случае просить о браке. Император отказал в браке. В следующем году, 642, при посольстве еще *642*
более представил лошадей, быков, баранов и верблюдов, и настоятельно просил о браке. Император согласился выдать Синь-хин царевну. Он позвал Тулиши, сделал большой пир для чиновников. Тулиши поклонился и выпил тост за здоровье государя в бесчисленные веки. Указано Инаню лично принять невесту, а министерству *430*
‖принять представленные дары. Сйеяньто не имел государственного казначейства. Требуемое с подчиненных не вполне собрано; сверх сего, при переходе через песчаную степь, по недостатку в воде и траве, изгибло много и лошадей, и овец, представление дани прошло за срок. Император сверх сего велел остановить гонку скота. Убыль издохшими простиралась до половины. В совете чинов

---

[1] На кит. Тху-ки, врубающаяся конница.
[2] Китайцы и ныне выстраивают пехоту в пять линий.
[3] В интервалы [военный термин].

говорили, что кочевые нередко считают Срединное государство личною собственностью; ныне ежели при недостатке даров согласиться на брак, опасно, чтобы они не возымели неуважения к Срединному государству. И так указано отказать в браке, и отпустить ханского посланника.[1] Сйеяньто отправил Тулиши сделать набег на Динсян. Указано Лй Цзи преследовать его за границу: но вскоре Сйеяньто — в укор воле императора — отправил посланника испросить дозволение привести вспомогательное войско на войну против Кореи. Император, подозвав, посланника, сказал ему: по возвращении скажи хану, что я с сыном отправляюсь на восточную войну. Если он в состоянии произвести набег, то пусть поспешит приходом. Инань оробел и не смел продолжать замыслов. Извинившись чрез посланника, он настоятельно просил дозволение привести вспомогательное войско. Император похвалил его. Корейский Моличжы предписал мохэскому старшине подкупить — во что бы ни стало — Инаня к заключению союза с ним. Но Инань упал духом, и перестал действовать, а вскоре потом умер от болезни.[2] Император принес жертву в дороге. Прежде Сйеяньто
431 просил побочного сына его Имана сделать || Тулиши-ханом с управлением Восточною стороною, а законного сына Бачжо сделать Сы Шеху-ханом с управлением Западною стороною. Поход на Белую дорогу действительно был замысел Имана, и многие из вельмож роптали на это. Когда собрались на похороны, то Бачжо тотчас возвратился в поколение. Он разделил войско, и, нечаянно напав на Имана, убил его; после сего он сам вступил на престол под наименованием *Гйели Гюйли Шисйе Ша дони хана*. В сие время императорская армия уже вступила в Ляо [Южная Манчжурия]: почему хан произвел набег на границу.[3] Император указал стянуть пограничные войска. Неприятели узнали, что предприняты меры предосторожности, и отложили поход. Бачжо [4] не был милостив к подчиненным. Он казнил многих вельмож, служивших при его отце, а должности их поручил своим любимцам. Вельможи начали беспокоиться. Або Ше встретился с китайским посланником на восточной мохэской границе: имел невыгодную стычку с ним, и возвратился в страхе. Вельможи видели, что китайское войско пришло. Народ силь-

[1] По *Ганму* в 743 году.
[2] Хан Инань умер в октябре 645 года. *Ганму* 645.
[3] По *Ганму* в конце сего года. См. 645.
[4] В *Ганму*: Сйеяньтоский Дони хан.

но встревожился, и поколения разошлись. Дони хан с десятью конниками бежал к Ашине Шигяню; но вскоре хойху убили его и истребили весь его род. От 50 000 до 60 000 народа бежали к Западной стене, и поставили Чженьчжу Пицьсйе хана. Родственник его Думочжы дал ему титул Идэ Уши хана. Сей хан отправил посланника к Двору донести, что он желает расположиться у хребта Юйдугюнь. Император указал Цуй Дунь-ли, президенту Военной па‖латы, и Ли Цзи успокоить его, дабы утвердить 432
царство его. Тйелэские поколения повиновались Сйеяньто, и Думочжи, при упадке сего Дома, еще служил ему как подданный. Император, опасаясь неминуемых беспокойств впоследствии, в указе к Цзи писал: если покорится, то успокоить его; если воспротивится, то напасть на него. Когда прибыл Цзи, то Думочжы пришел в большой страх; он втайне замышлял дать сражение, а по наружности льстил, что желает покориться. Цзи видел это, и произвел нападение. Он порубил до 5 000, в плен взял до 30 000 стариков и детей, и таким образом уничтожил его царство. Думочжы слышал о прибытии посланника от Сына Неба, а Сйо Сы-йе находился у хойху; почему лично явился к Сы-йе и поддался. Он приехал к Двору, и получил военный чин, [1] земли и дом. Император, по уничтожении Дома Сйеяньто, хотел покорить Киби и другие поколения: почему опять отправил Дао-цзун и Ашину Шежы для преследования их. Император сам предпринял путешествие в Лйн-чжéу, и полководцы приняли начальство над войсками. После сего одиннадцать тйелэских поколений поддались Сыну Неба, и просили ввести у них китайское политическое разделение земель.[2] Дао-цзун, по переходе через Великую песчаную степь, ударил на остатки сйеяньтосцев под предводительством Або Даганя, порубил до 1 000 человек и преследовал их около 200 ли. Сйе Ваньче дошел до северной дороги и предложил хойхуским старейшинам покориться. Посланные старейшинами для сей цели в числе нескольких тысяч человек, одни за ‖ другими, 433
дошли до местопребывания императора и представили, что они из рода в род будут служить небесному высочайшему хану, и спокойно умрут. Император разделил земли на области и уезды, и в северных пустынях водворилось спокойствие.

II. Байегу. *Байегу*, иначе *Баигу*, рассеянно кочевало по северную сторону Великой песчаной степи, занимая около

---

[1] Цзо-ву-вэй Гян-гюнь.

[2] По *Ганму* сие происходило в 646 году.

тысячи ли пространства; от Пугу прямо на восток, в смежности с Мохэ.[1] Байегусцы имели до 60 000 кибиток, войска 10 000 человек. «Сия страна богата травами, производит хороших лошадей, превосходное железо. Есть речка, называемая Кангань. Если бросить в нее сосновое дерево, то через три года оно каменеет, принимает цвет тонкой осенней блеклости, но удерживает струи растущего дерева. Оно называется канганьским камнем. Страстно любили звериную ловлю; землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями. Обычаи по большой части сходствовали с тйелэскими; в разговоре была небольшая разница. В третие лето правления Чжен-
629 гуань, 629, приехали к Двору вместе с Тунло, Пугу и
647 Хиси [Хусйе]. В двадцать первое лето, 647, главный Сылифа Кюйлиши со всем поколением покорился Китаю. Учреждено Юлинское губернаторство; Кюйлиши получил военный чин [2] и поставлен главноуправляющим.
434 В правление Хянь-‖кин, 656—660, Байегу, Сыгйе, Пугу и Тунло взбунтовались. Против них ходил полководец [3] Чжен Жень-тхай. Он убил главного их предводителя.
742 В правление Тьхянь-бáо, 742, сами приехали к Двору.

III. Пугу. *Пугу* кочевало от Доланьгэ на восток; состояло из 30 000 кибиток; имело 10 000 войска. Это самая северная страна. Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались тукюесцам, потом сйеяньтосцам. Когда сйеяньтосцы погибли, то пугуский старейшина Софу Сылифа Кэлань Баинь поддался Китаю. Владение его переименовано округом Гиньвэй-чжéу; Кэлань Баинь получил военный чин, [4] и поставлен главно-
713 управляющим. В первое лето правления Кхай-юань, 713, старейшина, убивший Пугу, явился в Шо-фан и покорился. Правительство казнило его. Сын убитого, по имени Хуай-энь [Пугу], в правление Чжидэ за услуги произведен главноуправляющим в Шó-фан. Его жизнеописание находится в особливом повествовании.

IV. Тунло. *Тунло* кочевало от Сйеяньто на север, от Доланьгэ на восток, слишком в 7 000 ли от столицы.

---

[1] Поколение Байегу занимало обширную полосу земли от Пугу на восток; на востоке смежно было с Мохэ. Мохэские поколения занимали нынешнюю губернию Гиринь и частию Хэ-лун-гян [Хэй-лун-цзян]. Сия смежность ясно показывает, что под поколением Байегу находились часть нынешних северо-восточных земель Цицин-хана и юго-восточная часть Нерчинского округа. В цифрах 10 000 войска, кажется, есть ошибка.

[2] Ю-ву вэй Да-гян-гюнь.

[3] Цзо-ву-вэй Да-гян-гюнь.

[4] Ю-ву-вэй Да-гян-гюнь.

Строевого войска имело 30 000. Во второе лето правления Чжен-гуань, 728, отправило посланника к Двору, а по прошествии довольного времени просило принять в китайское подданство, и переименовано Гуйлиньским округом. Старейшина Сылифа-Шигяньчжо получил военный чин, [1] и поставлен главноуправляющим. Ань Лушань, по открытии бунта, отнял войска у сего поколения, и действовал ими под наименованием ило‖хэских. Илохэ на языке хойху значит: крепкий мальчик.[2] 728 435

V. Хунь. *Хунь* кочевало южнее всех поколений. [3] Когда тукюеский Хйели-хан пал, Сылифа Атаньчжы прикочевал к границе. Когда Дом Сйеяньто был уничтожен, то главный Сылифа Хуньван со всем поколением пошел на юг. Владения его переименованы Гаоланьским округом; впоследствии они разделены на два округа: Восточный и Западный. Как Атаньчжы был почетнее Хуньвана, то Тхай-цзун отправил переводчика переговорить с Хуньваном, и Хуньван с удовольствием уступил старшинство. Император похвалил уступчивость его, дал Атань-чжы военный чин, [4] поставил его правителем в округе Гаолань, а Хуньвану дал военный чин[5] и достоинство помощника Сылифы. По смерти Хойгуя сын его Дашéу наследовал; по смерти Дашéу сын его Шичжи наследовал. Шичжи был отважен и храбр беспримерно. Он при полководце Гэшу-хань брал Ши-пху-чен, [6] за что получил военный чин [7] и княжеское достоинство.[8] Когда Ли Гуанюи защищал Хэ-ян, Шичжи служил под ‖ его начальством, получил княжеское достоинство[9] и заведывал должностью главноуправляющего в Шо-фан. Пугу Хуайэнь при побеге распустил слух, что возвращается в 436

---

[1] Цзо-лин-гюнь Да-гян-гюнь.

[2] Из смежности земель на юге с Сйеяньто на западе с Доланьгэ видно, что Тунло занимало средоточие тусйету-хановых владений от Орхона до Толы.

[3] Вероятно, что поколение Хунь кочевало в урочище Хулунь Бэлцзир и по Онгин-голу.

[4] Ю-лин-гюнь-вэй Да-гян-гюнь.

[5] Юнь-хой Гян-гюнь.

[6] Гэшу Хань в 749 году с 60 000 войска осадил тибетскую крепостцу Ши-пху-чен. Сия крепостца построена на горе с отвесною крутизною с трех сторон; с четвертой — узкая дорога. Тибетский гарнизон состоял из нескольких сот человек, но в изобилии снабжен был съестными припасами, деревом и камнями. Приступ продолжался несколько суток, и крепость взята с потерею нескольких десятков убитыми.

[7] Ю-ву-вэй Да-гян-гюнь.

[8] Жу-нянь-гюнь Ван.

[9] Нин-шо-гюнь Ван.

крепость.[1] Шичжи сказал: кажется, что войско рассеялось, и он хочет удержаться. Но племянник [2] Чжан Шáо сказал, что он, сожалея о несчастии, возвращается в крепость; как же не принять его? Шичжи поверил ему, и принял Хуай-энь в крепость. Хуай-энь только что вступил в крепость, то велел Чжан Шáо убить Шичжи; потом взял его корпус, и, ругая Чжан Шáо, сказал: если ты изменил дяде, то можешь ли верно служить мне? Велел переломить ему голени и посадил его в темницу. Шичжиев сын Сянь оказал услуги Китаю, и имеет свое жизнеописание.

VI. Киби. *Киби*, иначе *Кибиюй*, кочевало от Харашара на северо-запад по реке Инсо-чуань, [3] от Доланьгэ на юг. Глава его Гэлын сам объявил себя Ивучжень Мохе-ханом. Он и младший брат его Мохэду Дэлэ оба были храбры. По смерти Мохэду сын его Алишанню с своим поколением поддался Китаю. Это случилось в шестое
632 лето правления Чжен-гуань, 632. Указано поселить его в степи против Гáнь-чжéу, и Лян-чжéу, и эту страну назвать округом Юй-ки-чжéу. В четвертое лето правления
653 Юн-вэй, 653, сей аймак переименован областью Хэлань-фу, и подчинен яньжаньскому протектору. Али оказал услуги на войне, и был верный вассал. В правление Тхайхо, 827, сей аймак причислен к Чжень-ву.

VII. Доланьгэ. *Доланьгэ*, иначе *Долань*, кочевало от
437 ‖Сйеяньто на восток по реке Тунло. Имело 10 000 строевого войска. После уничтожения Дэма Сйеяньто, доланьский глава Сыгинь Доланьгэм вместе с [племенами] хойху явился к Двору. Владения его переименованы Яньжаньскою областью. Глава получил военный чин [4] и поставлен главноуправляющим областью. По смерти его Доланьгэ Сайфу сделан главным Сылифою и правителем области.

VIII. Адйе. *Адйе Ахи*, иначе и *Гядйе* [Изядйе], вначале вместе с Байегу и прочими явился к Двору. Владение его переименовано округом Гитянь. В правление Кхайюань Гядйе Сытай от тукюеского Мочжо перешел в китайское подданство. После сего [Гядэ] Гуаньцзинь и [Гядэ] Гуаньянь за военные важные услуги получили важные чины, пожалованы прозванием Ли и внесены в списки. Оба имеют свое жизнеописание.

---

[1] В Шо-фан.

[2] От сестры.

[3] От Харашара на северо-запад протекает река Хурь-харусу; в древности по-кит. Инсо-хэ. Но слова *от Доланьгэ на юг* наводят сомнение.

Ю-вэй Да-гян-гюнь.

IX. Гэлолу. *Гэлолу* произошло из тукюеского Дома, кочевало от Бэй-тьхин на северо-запад, от Алтайских гор на запад, по обеим сторонам реки Пугу-чжень.[1] Много поперечных хребтов.[2] В смежности с поколением Чеби. Поколение Гэлолу состояло из трех родов: Мэуло, иначе Мэули, Чжисы, иначе Пофу и Ташили. В первое лето правления Юн-вэй, когда Гао Кхань воевал с Чеби-ханом, все три рода поддались Китаю. Во второе лето правления Хянь-кин, аймаки переименованы — Мэуло областью Инь-шань, Чжисы, областью Дами, Ташили областью Сюань-чи, и начальники аймаков поставлены правителями областей. Впоследствии отделена часть от аймака Чжисы, и названа || округом Гиньфу. Сии три рода с востока и запада находились между тукюесцами, и смотря по их упадку или возвышению то поддавались им, то отлагались. Впоследствии подались несколько на юг, и сами приняли название *Шеху трех родов*. Войска их были сильны и склонны к войне. Тукюесцы, кочевавшие от Тьхинчжéу на запад, боялись их. В начале правления Кхайюань дважды приезжал к Двору. В правление Тьхяньбáо они с Хойху и Басими соединенными силами напали на Усумиши-хана и убили его; потом с хойху, напали на Басими и принудили хана его бежать в Бэй-тьхин, и наконец, в столицу. Гэлолу и Девять родов опять поставили хойхуского Шеху, известного под наименованием Хуай-жень хана. После сего Гэлолу [сцы], обитавшие у гор Удэгянь, поддались хойху, обитавшие у Алтайских гор и Бэй-тьхин поставили себе Шеху, и ежегодно приезжали к Двору. По прошествии довольного времени Шеху Тунь Пицьсйе связал тукюеского отложившегося старейшину Абусы и представил Двору, за что получил высшее княжеское достоинство.[3] В продолжение правления Тьхяньбáо, 742—755, пять раз приезжали к Двору. После правления Чжи-дэ, 756, Гэлолу нечувствительно усилился и вступил в состязание с хойху. Он овладел бывшими землями хана Десяти родов,[4] и взял города Хынлос и Суйечен; но быв отделен [племенами] хойху, не мог приезжать к Двору. 650 657 438

X. Басими. *Басими* в первый раз явился к Двору в двадцать третье лето правления Чжен-гуань, 649. 649

[1] Очевидно, что Гэлолу кочевало в Тарбагатае и по берегам Иртыша, где горные хребты между протоками верхнего Иртыша вообще простираются от юга к северу.

[2] Т. е. имеющих направление от юга к северу.

[3] Алтай-гюнь Ван.

[4] Т. е. нынешним Илиским округом и землями северных Кэргызцев.

742 В первое лето правления Тьхянь-бáо, 742, бáсимисцы с
439 хойху убили тукюеского хана и басими‖ского главного старейшину Ашинами поставили Хэли Пицьсйе ханом, и отправили посланника к Двору с благодарностью. Сюаньцзун пожаловал их пурпуровыми травчатыми кафтанами, золотыми венчиками, поясами и шагриновыми сайдаками [колчанами]. Не прошло трех лет, как разбитый гэлолусцами и Хойху бежал в Бэй-тьхин, а потом приехал в столицу и получил военный чин [1], а земли его и народ поступили к Хойху.

XI. Дубо. Земли поколения *Дубо* к северу прилежали к Малому морю, [2] на западе смежны с Хагасом, на юге с Хойху. Разделялось на три аймака, из коих каждый управлялся своим начальником. Они не знали годовых времен [не имели календаря]: жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни землепашества не имели. У них много сараны: собирали ее коренья и приготовляли из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленье платье; а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные коренья. Покойников полагали в гробы и ставили в горах, или привязывали на деревьях. Провожая покойника, производили плач так же, как и тукюесцы. Не было ни наказаний, ни пеней. Укравший что-нибудь вдвое платил за кражу. В двадцать первое лето правле-
647 ния Чжен-гуань, 647, вместе с гулиганьцами приехали к Двору. Имели сообщение и чрез посольства.

XII. Гулигань. *Гулигань* кочевало по северную сторону Байкала. Оно имело 5 000 строевого войска. Из
440 ‖растений много сараны. Страна производила превосходных лошадей, которые с головы походили на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по нескольку сот ли. Земли гулиганевы на север простирались до моря [3] и от столицы чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» [Бэйхай] на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет. [4]

---

[1] Цзо-ву-вэй Гян-гюнь.

[2] По смежности на юге с ойхорами [хойху], на западе с Хагасом ясно видно, что Дубо кочевало по берегам озера Хусугула, иначе Косогола.

[3] Здесь разумеется Ледовитое море.

[4] Поколение Гулигань кочевало от Дубо на восток по берегам Байкала. По горам от вершин Енисея на восток до Чикоя растет много саранки, иначе пунцовой сараны, коренья которой и ныне буряты осенью собирают и запасают на зиму в большом количестве.

Сия страна близка к месту солнечного восхождения. Как скоро гулиганьцы приехали к Двору, то указано отправить военного сановника [1] Кхан-Су-ми с благодарным ответом. Владения его переименованы в округ Сюанькюе. Главный его старейшина Сыгинь в след за посланником представил лошадей. Император выбрал десять отличнейших под названием тысячелийных, которым даны были громкие названия. Император с честию принял посланника его. В правление Лун-шо, 662, округ Сюанькюе переименован Юйву и подчинен байкальскому Наместническому правлению.

XIII. Байси. *Байси* кочевало на древних Сяньбийских землях, за 5 000 ли от столицы прямо на северо-восток, в смежности с Тунло и Пугу.[2] Байсисцы, уклонялись от Сйеяньто, осели по реке Юечжы при горах Лынхин. На юге [примыкали] к Кидань. Сие пространство в окружности содержит 2 000 ли; со вне опоясано горами. Строевого войска было 10 000 человек. Про‖питывались *441*
звероловством. Одежду обшивали красною кожею. Женщины носили медные браслеты; полы унизывали бубенчиками. Сие поколение разделялось на три аймака: Гюйянь, Ужому и Хуан-шуй. Их государи постоянно были вассалами тукюевского Хйели-хана и назывались Сыгинями. В правление Чжен-гуань дважды приезжали к Двору. Впоследствии часть их владений переименована в округ Даньянь, а один аймак переименован в округ Гюйян, и сами Сыгини поставлены в них правителями. В пятое лето правления Хянь-кин, 660, старейшина Ли Хань-чжу поставлен главноуправляющим в Гюй-янь. По смерти Ханьчжу младший его брат Кюйду наследовал. После него ничего не известно. *660*

XIV. Хусйе. *Хусйе* кочевало от Долангэ на север.[3] Войска строевого имело 10 000 человек. *Кигйе* кочевало от Тунло на север, *Сыгйе* в бывшей Сйеяньтоской орде. В двух поколениях в сложности было 20 000 войска. Когда явились к Двору, то разделили земли их на округи и уезды. В царствование государя Тхай-цзун из северных кочевых, добровольно вступивших в сообщение, было поколение *Улухонь*, иначе *Улохэу* и *Улоху*, кочевавшее за 6 000 ли от столицы прямо на северо-восток. На восток

---

[1] Юнь-хой Гян-гюнь.

[2] Сяньбийцы первоначально занимали земли нынешних аймаков: Корцинь, Аохань, Наймань и Халха.

[3] Хусйе кочевало по берегам рек Хилка и Чикоя, от Доланьгэ к северу.

Мохэ, на запад тукюе, на юге Кидань, [1] на севере Увань. Обычаи их вообще были мохэские. Находились поколения *Увань*, иначе *Гувань* и Гюй; иначе *Гяй*; обитали от Байегу на северо-восток. Там растут деревья, но нет травы. Земля произращает много моху. Нет ни овец, ни лошадей. Содержали оленей, как домашний скот; кормили
442 ‖их мохом и впрягали в телеги;[2] одеяние носили из оленьих шкур. Домы строили из дерева, низкие, и жили вместе. Еще находилось *Юйчжэ*; страна очень отлична. В обычаях сходствовало с Байегу. Овец и лошадей мало имели. Много соболей. Еще находилось *Бюньма*, иначе *Била* и *Пелочжи*, от тукюе прямо на севере, от столицы в 14 000 ли; перекочевывали смотря по достатку в воде и траве; но предпочитали жить по горам. Имели 30 000 строевого войска. Там всегда идут снега. Хвоя с деревьев не опадает. Пахали землю лошадьми. Лошади более были саврасые, от чего и название государству дано. Жили на севере близ моря. Хотя содержали лошадей, но верхом не ездили на них, а пользовались молоком для пищи. Часто дрались с хягасами. Обликом много походили на хягасов, но говорили другим языком. Брили голову, носили берестяные шляпы. Связывали деревья наподобие колодезных срубов, и покрывали берестою. Это были их жилища. Каждая община имела своего начальника, независимого от других.[3] *Дахань* обитало от Гюй на север. Богато было овцами и лошадьми. Там и люди и вещи были матерые, от чего и название народа. Дахань и Гюй смежны с хягасами на берегах озера Гянь-хай.[4] Все сии народы искони не были в Китае. В правления Чженгуань и Юн-вэй, 627—655, приехали к Двору, представили ему соболей и лошадей. Иные однажды, другие дважды приезжали.

I. Хакяньсы. Хагас. [Кыргызы] *Хагас* есть древнее
43 госу‖дарство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство *Гюйвэ* и *Гйегу*. Жители перемешались с дин-

[1] Улохунь занимало земли по правому берегу Аргуни.
[2] В одноколки.
[3] Повидимому, это были предки нынешних якутов.
[4] Кит. слова: меч-море. Дахань и Гюй суть два поколения, обитавшие по Лене и Енисею от хагасов и Байкала далее на север.

линами.[1] Владение Хагас некогда составляло западные пределы хуннов. Хунны покорившегося им китайского полководца Ли Лин возвели в достоинство западного Чжуки-князя, [2] а другого китайского же полководца Вэй Люй поставили государем у динлинов. Впоследствии Чжичжы Шаньюй, покорив Гяньгунъ, утвердил здесь свое пребывание, в 7 000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5 000 от Чешы на север; почему владетели сей страны впоследствии ошибочно Хягас называли Гйегу и Гйегйесы. Народонаселение простиралось до нескольких сот тысяч; [3] строевого войска 80 000. Прямо на юго-восток до хойхуской орды считалось 3 000 ли;[4] на юг простирались до гор Таньмань. [5] Почва летом болотиста; зимою большие снега. Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами.[6] Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. *444*
Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею. Оба пола живут нераздельно; и посему много распутства. Первый месяц в году называют *Маоши ай*. Ай значит месяц. Три месяца составляют четверть года. Годы считаются двенадцатью знаками; напр. год в знаке Инь называют годом тигра. Атмосфера наиболее холодная; даже большие реки до половины промерзают. Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне.[7] Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного. Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец.[8] Богатые земле-

[1] Динлины были монгольского происхождения. Они занимали южные земли Иркутской губернии от Байкала до Енисея. На южных пределах Енисейской губернии, где находилась столица хягасов, и ныне коренные жители суть тюркомонголы.

[2] Он поставлен был государем у хагасов. Уничтоживший ойхорскую [хойхускую] империю был потомок его.

[3] Надобно разуметь семейств.

[4] У Хангайских гор близ Орхона.

[5] Слово *Таньмань* созвучно с словом *Танну* — нынешним названием хребта, который тянется от Алтая на Восток до Косогола, и в древности должен составлять южную границу хягасов.

[6] Между татарами в Сибири и Тюркистане и ныне довольно белокурых. Хягасы занимали Томскую губернию и южные пределы губернии Енисейской.

[7] В апреле и октябре.

[8] В русском языке нет общего названия сим двум родам домашнего скота.

пашцы водят их по нескольку тысяч голов. Из зверей находятся тарпаны, козули, сохатые и чернохвостые козы. Чернохвостые козы походят на кабаргу, но имеют большой черный хвост. Из рыб есть одна, длиною около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом.[1] Из птиц: гуси и утки дикие, сороки, ястреба. Из дерев: сосна, береза, илем, ива, ели; последние столь высоки, что пущенная из лука стрела не долетает до вершины. Но более всего растет береза.[2] Есть золото, железо,[3] олово. [Далее пропуск в переводе: в китайском тексте сказано: «В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие, крайне острое; постоянно вывозят к тукюе».]
445 На вой‖не употребляют луки с стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плеча накладывают круглые щитики, которые могли б защищать от острия стрел и сабель. Государь называется Ажо; почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя.[4] Прочие прозываются названиями поколений. Меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом.[5] Прочие носят белые валяные шляпы. Вообще любят носить на поясу точило, иначе мусат.[6] Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-си, Бэй-тьхин и Дахя. Ажо имеет пребывание у Черных гор.[7] Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется *Мидичжы*.[8] Начальники живут в малых палатках. Войско набирается из всех поколений. Ясачные вносят подати соболями и белкою. Чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то: министры, главноначальствующие, управители, делопрaвители, предводители и дагани. Министров считается семь, главноначаль-

[1] Осетры, которыми Томь и Обь и ныне изобилуют.

[2] И ныне южные пределы губерний Томской и Енисейской преизобилуют березою.

[3] Жители Сибири вообще инородцев называют *чудью*; и потому и мины, разрабатываемые некогда около Алтая местными жителями, ныне называются *чудскими копями*.

[4] Пред воротами дворца.

[5] И ныне во всем Тюркистане употребляются подобные колпаки. См. в описании Чжуньгарии и восточн. Тюркистана, стр. 207.

[6] Железное орудие для точения ножей и ныне употребляемое инородцами в Казанской губернии. Мусат носят на поясу.

[7] На кит. Цин-шань.

[8] Кажется, что *Мидич-жы*, должно быть, не дворец, а мящит или мечеть, храм мусульманский.

ствующих три, управителей десять. Все сии заведывают войсками. Делоправителей считается пятнад‖цать: пред- 446
водители и дагани не имеют чинов [штатного числа]. Питаются мясом и кобыльим молоком. Один Ажо употребляет хлебенное [вино]. Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестные. Из зрелищ употребительны: верблюд и лев обученые, волтижирование на лошадях и балансирование по веревке. Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань [кам]. При браках калым платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сту и по тысяче голов. При похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости чрез год погребают. После сего в известные времена производят плач.[1] Зимою живут в избах, покрытых древесною корою. Письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими.[2] Законы их очень строги. Произведший замешательство пред сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство, приго‖варивают к отсечению головы. Ежели вор 447
имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее. От местопребывания Ажо до хойхуской орды считается 40 дней пути верблюжьего хода.[3] Посланники [4] шли из Тьхянь-дэ 200 ли до городка Си Шеу-сян чен; далее на север 300 ли до Гагарьего ключа; [5] от ключа на северо-запад до хойхуской орды 1 500 ли. Находятся две дороги: восточная и западная. Дорога от ключа на север называется восточною. В 600 ли от

---

[1] Т. е. совершают поминки.

[2] Хягас по первоначальному своему составу должно быть государство Монголо-тюркское и состоит из двух народов: тюрков и монголов. Тюрки, иначе татары, суть коренные жители, а монголы суть их повелители, известные прежде под названием хуннов, а в сию эпоху назывались они хойхусцами. В переговорах с китайским посольством при Дворе хягасов, вероятно, употребляли хойхуский язык, как господствующего народа, известный китайцам; и потому посланник написал, что хягасы говорят хойхуским языком; в самой же вещи [в самом же деле] хягасы говорили татарским языком, что доказывают слова: *Ай* месяц, *Бэй* титул министра. Что касается до хойхуского письма, оно, повидимому, в IX столетии уже распространилось в Монголии, и, судя по названию, введено самими монголами, в неизвестное время; потому что тукюесцы, господствовавшие в Монголии прежде хойхусцев, также имели свое письмо.

[3] Верблюжий ход определяется 50-ю верстами в день; а по гористым местам гораздо менее.

[4] Китайское посольство шло в Хягас из Ордоса на северо-запад.

[5] Китайские слова: Пьхи-тьхи-цюань.

хойхуской орды на север протекает Селенга;[1] от Селенги на северо-восток снежные горы. Сия страна изобилует водою и пастбищами. По восточную сторону Черных гор[2] есть река Гянь-хэ.[3] Через нее переправляются на батах.[4] Все реки текут на восток. Минуя Хягас, они соединяются и текут на север.[5] Далее по восточную сторону моря.[6] [Здесь не точный перевод, следует читать: Все реки текут на северо-восток, минуя Хягас, соединяются на севере и входят в море (озеро Косогол)], пришли к Мума [поколение лыжных тукюе], где кочуют три тукюеские аймака: Дубо, Милигэ, Эчжы. Князья их называются Гйегинь. Живут в избах, берестою покрытых. У них много хороших лошадей. В обыкновении кататься по льду на деревянных
448 лошадях. К ногам подвязывают || лыжи, а под мышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на сто вперед чрезвычайно быстро. По ночам занимаются воровством и грабежом, а днем скрываются. Хягасы ловят их и употребляют в работу. Хягас было сильное государство; по пространству равнялось тукюеским владениям. Тукюеский Дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани[7], на юг до Тибета[8], на юго-запад до Гэлолу. Прежде Хягасское государство зависело от Дома Сйеяньто, который имел там своего Гйелифу для верховного надзора. Хягасский владетель имел трех министров, которые были Гйеси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей. Они управляли всеми государственными делами. Хягасы никогда не имели сообщения с Срединным государством. В двадцать второе лето правления
648 Чжен-гуань, 648, получив известие, что тйелэские поко-

---

[1] На кит. Сянь-э. От ханской орды под Хангаем на север до Селенги действительно не более 600 ли, т. е. около 300 верст. Вершины Тамира и южные притоки Селенги текут на северо-восток.

[2] На кит. Цинь-шань.

[3] Кит. слова: меч-река. [Здесь китайские иероглифы употреблены фонетически для передачи местного названия: Кем]. Ныне сей реке соответствует Чжидэ-гол, стрела-река, впадающая в Селенгу с левой стороны — прямо от Кяхты на западе. Меч и стрела означают быстроту течения [река Кем является одним из верховьев западного Енисея, так что предложенное И. Бичуриным отожествление является ошибочным].

[4] Монгольское слово: перевозное судно, сплоченное из двух выдолбленных бревен.

[5] Истоки Селенги, по соединении в одно русло, принимают направления на север.

[6] Озеро Хусугул иначе Косогол.

[7] Т. е. почти до Байкала.

[8] В сие время тибетцы владели восточным Тюркистаном: почему здесь не должно разуметь подлинную границу Тибета.

ления поддались Дому Тхан, из Хягаса отправили посланника с местными произведениями. Старейшина Сылифа Шибокюй Ачжань лично приехал к Двору. Тхайцзун, угощая его столом, сказал своим вельможам: «в прошлое время на мосту Вэй-цяо отрубили головы трем тукюесцам, хвалившимся множеством заслуг. Ныне Сылифа за столом, кажется, вышел из себя». Опьяневший Сылифа изъявил желание держать Ху-бань. [1] Император переименовал его владения областью Гянь-гунь. Сылифа получил военный чин, [2] и поставлен главноначальствующим в своей области, которая подчинена была яньжаньскому наместнику. В царствование || императора Гао- *449*
цзун, 650—683, дважды приезжали к Двору. В правление Цзин-лун, 706—711, представлены были местные произведения. Чжун-цзун подозвал посланника к себе и сказал ему: ваш царствующий Дом происходит из одного со мною рода [танская династия происходила от степного юркского рода], и я отличаю его от прочих вассалов. В царствование государя Сюань-цзун, 713—755, были четыре посольства с местными произведениями. В правление Кяньюань, в 758 году, хойху [уйгуры] завоевали сие государство; после сего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство. Впоследствии северные кочевые ошибочно Хягас назвали Хакяньсы, что на хойхуском языке значит: краснолицый, и это слово еще ошибочно выговаривали *Гягяс*. Сие государство было всегда в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу; но туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу. Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года. Хягасский владетель получил от хойхуского хана титул Пицьсйе Тунгйе Гинь. Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши, — вдовствующею ханьшею, жену, дочь Гэлу-шеху — ханьшею. Хойхуский хан послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну. Ажо, надмеваясь победами, говорил: «твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно

[1] Т. е. быть вассалом.
[2] Цзо-тхунь-вэй Да-гян гюнь.

450 приходи; если || не можешь, то скорее уходи». Хойхуский хан не мог продолжать войны. Наконец его же полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо в хойхускую орду. Хан был убит на сражении, и его Дэлэ рассеялись. Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны. Хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тхай-хо царевну; после сего он перенес свое пребывание на южную сторону гор Ла́о-шань. Ла́о-шань еще называются Ду-мань; оне лежат в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского стойбища.[1] Как царевна происходила из Дома Тхан, то Ажо отправил посланника препроводить ее к китайскому Двору; но хойхуский Угйе-хан в дороге перехватил ее и убил посланника. Как хягасский посланник был убит, то Ажо, не имея случая вступить в связь с китайским Двором, еще отправил Чжуву Хэ-со с донесением о случившемся с царевною. Чжуву есть прозвание, *Хэ* значит отважный, *со* левый, т. е. искусный стрелок с левой руки. Посланник уже на третий год прибыл в китайскую столицу. Ву-
841 цзун, вступивший на престол в 841 году, крайне обрадовался и посланника, приехавшего с данью из столь отдаленной страны, поставил выше посланника из королевства Бо-хай [в Манчжурии (712—926)]; приказал сановнику Чжао Фан с бунчуком отправиться в хягасское государство обласкать Двор; указал министрам и членам из Хун-лу-сы, увидевшись с посланником, составить чрез переводчиков описание гор, рек и народных обычаев той
451 страны. Министр Дэ || Юй представил государю, что в правление Чжен-гуань были посланники из разных отдаленных государств: почему сановник Янь Ши-гу просил, чтоб, по примеру историков династии Чжéу, составить летопись иностранных государей, представлявших дань. А как хягасы открыли свободное сообщение с Срединным государством, то надобно написать портрет их государя, для показа будущим векам. Указано Хун-лу[-сы] найти живописца, еще указано, чтоб Ажо, как происходящего из одного рода с царствующим в Китае Домом, внести в царскую родословную. В это время Угйе-хан с остатками своего народа нашел убежище у Черной телеги.[2] Ажо, пользуясь осеннею полнотою лошадей, хотел захватить хана,

---

[1] Прежнее главное ойхорское [хойхуское] стойбище должно быть неподалеку от Селенги; ибо кочевья их лежали по вершинам Селенги и далее по самой Селенге. Думань близко к Танну.

[2] На кит. Хэй-чэ, название монгольского поколения.

почему и просил войск у китайского Двора. Император отправил сановника Лю Мын для обозрения границы. Четыре корпуса в северо-западном углу Китая изнурены были долговременною борьбою с Тибетом, а восьмнадцать округов[1] истощены проходом кочевых войск. [От слов||император отправил || досюда буквальный перевод китайского текста гласит: император велел дать (войско). Во время этого дела Ли Хао был сделан инспектором границ. Двор вследствие того, что четыре крепости (корпуса) Хэлун и 18 областей были наводнены восточными и северными иноземцами, считал, что...] к счастью, хойху пришли в упадок, а Тибет раздираем был внутреннею войною; почему Ву́-цзун решился воспользоваться худыми их обстоятельствами и отправил в Хягас посланника с грамотою, которою хягасскому владетелю дан титул *Цзун-ин Хюн-ву Чен-мин*[2] *Хан*. Ву-цзун скончался, 846. Сюань-цзун по вступлении на престол, хотел исполнить предначертания своего предшественника: но некоторые из вельмож представили ему, что Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с Домом Тхан; почему дело сие предоставлено было рассмотрению министров || обще с прочими чинами от 4-го класса и выше. Общее мнение чинов было, что хойху давались грамоты во время их могущества; к счастию, они теперь упали, а для устранения будущих беспокойствий не для чего усиливать хягасов. И так сие дело было оставлено. В первое лето правления Да-чжун, 847, (хягасский владетель) скончался. Китайский Двор отправил посланника с грамотою, которою новому хану дан титул: *Ин-ву Чен-мин*[3] *хан*. В продолжение правления Сянь-тхун, 860—873 годов, три раза приезжали к Двору. Но Хягас не мог совершенно покорить хойху. Впоследствии были ли посольства и были ли даваны и жалованные грамоты, историки не вели записок.

846 452 847

Извлечено из Истории династии Тхан.

II. Шато. *Шато* есть особливое поколение западных тукюесцев, из рода Чуюе. Когда тукюесцы, разделившись на два Дома, восточный и западный, разделили между собою бывшие Усуньские земли, то жили перемешавшись с Чуюе и Чуми. В седьмое лето правления Чженгуань, 633, Тхай-цзун, послав литавру и знамя, поставил

633

[1] Пограничных.
[2] Кит. слова.
[3] Кит. слова.

Либи Чулу хана. Родственник Бучжень, досадуя на то, умыслил присоединить к себе младшего брата Мише, и объявил себя ханом. Мише от страха взял Чуюе с прочими, и уехал к Двору. Бучжень, ослабленный сим образом, также поддался Китаю. Оставшиеся Дулу поручили правление Хэлу, сыну Шехэй Дэлэ Циоюе. Западные тукюесцы нечувствительно усилились и начали междоусобную войну. Главный их старейшина Ипи Дулу хан поставил свою орду по западную сторону гор Цзу-хэ
453 под названием северной орды [1] и под‖чинил ей Чуюе с прочими. Чуюе кочевал по южную сторону гор *Инсо*, от Баркюля на запад. Здесь есть большая песчаная степь, называемая Шато, от чего шатоские тукюесцы и название получили.[2] Дулу произвел набег на И-чжéу, и с войсками двух поколений окружил Небесную гору. Го Хяокхэ, наместник в Ань-си, отразил его, и приступом взял городок чуюеского Сыгиня. После сего Ипи хан был разбит и бежал в Тухоло. Хэлу покорился. Указано дать ему титул яочиского главноуправляющего и перевесть его поколение в городок Мохэ в Тьхи́н-чжéу. Чуюеский Чжуе-кюе Сыгинь Акюй также просил принять его в под-
650 данство. В первое лето правления Юн-вэй, 650, Хэлу взбунтовался; и Чжуе Гучжу также убил его. Он был приглашен к заключению союза, и с войском своим занял горы Лао-шань. После сего Шепи Сыгинь Шато Насу не захотел следовать за ним. Гао-цзун отдал ему людей,
651 которыми Хэлу управлял. В следующем году, 651, Лян Гянь-фан, главноуправляющий по Гун-юеской дороге, и Киби Хэли пошли с войсками, убили Гучжу, и в плен
652 взяли до 9 000 человек. В следующий год, 652, выступили из Яочиской области, пришли в Чуюе, учредили два округа: Гиньмань и Шато, под управлением главноначальствующих. После погибели Хэлу попечитель [3] Ашина Мише расположился при реке Или, и Чуюе вступил в подданство. И так учреждено Куньлинское наместническое правление, которому подчинено поколение Дулу, и Мише поставлен наместником. В первый год правления Лун-
454 661 шо, 661, чуюеский старей‖шина Шато Гиньшань ходил при полководце[4] Сйе Жень-гуй для усмирения тйелэсцев, и сделан начальником Молиского корпуса. Во второе лето
702 правления Чан-ань, 702, повышен главноначальствую-

[1] На кит. Бэй-тьхин.

[2] Это есть обширная песчаная степь, простирающаяся от востока к западу между Небесными и Алтайскими горами.

[3] Ань-фу Да-шы.

[4] Ву-вэй Гян-гюнь.

щим в Гиньманьском округе, и возведен в княжеское достоинство.[1] По смерти Гиньшаня сын Фуго наследовал. В начале правления Сянь-тьхянь, уклоняясь от тибетцев, перевел поколение в Бэй-тьхин, и с своими подчиненными приехал к Двору. Во второе лето правления Кхай-юань, 714, опять определен главноначальствующим 714
в Гиньманьском округе, а мать его Шуниши возведена в княжеское достоинство.[2] Фуго также постепенно повышен в княжеском достоинстве.[3] По смерти его сын Гудучжы наследовал. В первое лето правления Тьхян-бáо, 742, когда [племена] хойху поддались Китаю, Гудучжы еще 742
получил должность помощника хойхуского наместника. Следуя за государем Су-цзун при усмирении мятежника Ан Лу-шань, он получил военный чин.[4] По смерти его сын Цзинь Чжун наследовал. Он по порядку дошел до важного военного чина [5] и получил княжеское достоинство.[6] В продолжение правлений Чжи-дэ и Бао-ин, 756—762, много было беспокойствий в Срединном государстве. Бэй-тьхин и Си-чжéу не имели сообщения с правительством. Донесения государю шли чрез хойхуские владения, и кочевые, для извлечения отсюда большой корысти, делали разные притеснения. Хотя шатосцы имели опору в Бэй-тьхин, но также страдали от тяжких на||логов.[7] *455*
В правление Чжен-юань 7 000 кибиток из шатоского по- 794
коления поддались тибетцам и с ними были при взятии Бэй-тьхин. Тибетцы перевели шатоское поколение в Гáньчжéу, и поставили Цзиньчжуна главнокомандующим. Когда тибетцы производили набеги на границы, то шатосцы всегда шли в передовом отряде. По прошествии довольного времени хойху взяли Лян-чжéу. Тибетцы подозревали, что Цзиньчжун держит две стороны, и положили перевести шатосцев за Желтую реку. Печаль и страх распространились по всему поколению. Цзиньчжун советовался с Чжии. Чжии сказал: мы из рода в род были вассалами Дома Тхан; к несчастию подпали другой власти. А если пойдем, сказал Чжии, на Сяо-гуань, и сами поддадимся, не лучше ли будет, чем ждать конечного истребления? Хорошо, сказал Цзиньчжун. В третие лето правления Юань-хо, 808, весь народ, простиравшийся до 30 000 808

---

[1] Чжан-йе-гюнь Гун.
[2] Шань-го Фу-жинь.
[3] Он получил достоинство Юн-шéу-гюнь Ван.
[4] Дэгинь Кяо-вэй Шан-гян-гюнь.
[5] Гинь-ву-вэй Да-гян-гунь.
[6] Гю-цюань-хянь Гун.
[7] Собираемых тибетцами.

кибиток, потянулся подле гор Удэгянь на восток. Преследуемые тибетцами, они и шли и сражались. Подле реки Тхао-шуй пошли на Шимынь беспрерывно сражаясь. Все почти поколение было истреблено. Цзиньчжун умер; Чжии был изранен. Осталось не более 2 000 конников, около 700 голов разного скота и до 1 000 верблюдов. Наконец подошли к укрепленной линии в Лйн-чжéу. Главноуправляющий Фань Хи-чáо донес Двору. Указано поместить сие поколение в Янь-чжéу, открыть область Инь-шань-фу, а Чжии поставить начальником [1] над ними. Шатосцы славились стойкостью в боях, и Хи-чáо хотел пользоваться ими при обороне от кочевых: почему для
456 поддержания их || купил для них коров и овец, и распространил пастбища. Старые и малые из Фын-цян, Синюань и Тхай-юань все возвратились к сему поколению. Цзиньчжунов младший брат Гэлэ Або с остатками поколения в 700 душ пришел в Чжень-ву, и покорился. Он получил военный чин [2] и должность главноначальствующего в Инь-шань-фу. Чжии поехал в Чан-ань к Двору; получил кафтан золотой парчи, до 10 000 лошадей и важный военный чин.[3] Но как Лин-ву, был близок к Тибету, то в совете опасались, чтоб они опять не переменили мыслей; и как берега Желтой реки составляли границу, а Хи-чáо стоял в Тхай-юань, и потому указано составить из шатосцев корпус при нем. И так Хи-чáо выбрал из них 1 200 сильных конников под названием Шатоского корпуса, и поставил пристава над ними, а остальных разместил в Дин-сян-чуань. Чжии вверено охранение Хуанхуадуй при Шень-ву-чуань, и переименовали корпус его *шатосцами по северную сторону хребта Инь-шань*. В сие время Сын Неба воевал Чжень-чжéу. Чжии с 700 конников составлял передовой отряд. Несколько десятков тысяч войск мятежника Ван Чен-цзун, поставленных в засаде в Му-дао-гэу, [4] встретились с Чжии. Стрелы как дождь посыпались. Чжии с своим отрядом ударил на мятежников с бока и вступил в отчаянный бой. Ли Гуанянь с прочими поддержал его. До 10 000 мятежников порублено. Гарнизон крепости освобожден, и поступил к правителю области Юй-чжéу. Ван Э принял главное начальство в Тхай-юань. Он представил, что родовичи Чжии
457 при их || пылкости, рассеянно живучи при Бэй-чуань,

[1] С титулом Бин-ма-шы.
[2] Цзо-ву-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Дэ-цзинь Гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь.
[4] Название ущелья.

легко могут возыметь странные мысли, и советовал расселить их по округам, чтоб чрез разделение сил ослабить их. В следствие сего учреждено десять округов для размещения шатосцев. В восьмое лето, 813, хойху [уйгуры], 813
перешед чрез песчаную степь на юг, взяли у Западной стены Ивовую долину. Указано Чжии расположиться в Тьхянь-дэ. В следующем году, 814, повели войско против 814
Ву Юань-цзи. Еще указано подчинить Чжии полководцу Ли Гуан-янь. Поцайский житель Шы Цюй приступом взял укрепление Лын-юнь-цэ. Юань-цзи усмирен. Чжии получил военный чин, [1] и опять оставлен при корпусе полководца Гуан-янь. В первое лето правления Чанкин, 821, в войну против Чжéнь-чжéу все шатосцы по- 821
ставлены были для диверсии корпусу И-дин-гюнь. Они разбили мятежников в Шéнь-чжéу. Чжии, по прибытии к Двору, оставлен в корпусе дежурных, и получил высший военный чин.[2] В правление Да-хо Лю Гун-чо, получив в управление Хэ-дун, представил государю, что шесть округов девяти родов боятся шатосцев от Хин на севере: почему и просил поручить Чжии управление округами Юнь-чжéу и Шó-чжéу, в одиннадцати уничтоженных округах по границе набрать из поколений 3 000 человек для защищения северной границы, назвать их северным походным лагерем; а Чжии поставить главноначальствующим в Инь-шань-фу, попечителем походного лагеря, и подчинить его главноуправляющему в Хэ-дун. По смерти Чжии сын его Чисинь наследовал.[3]

Заимствовано из Истории династии Тхан. ‖

---

[1] Сянь-сяо Син-бу Шан-шу.

[2] Гинь-ву-вэй Гян-гюнь.

[3] В исходе IX века Ли-Кхэ-юн, князь из сего поколения, за оказанные Китаю услуги в войне против мятежников получил королевское достоинство с областью Тхай-юань-фу, а сын его Ли Цýнь-сюй объявил себя императором в северном Китае. Ли Цýнь-сюй вступил на престол в 907 году.

Отделение VIII

КИДАНЬ

458 Дом Кидань есть отрасль Дома Дун-ху. Предки его, пораженные хуннами, осели у Сяньбийских гор. В правление Цин-лун, 233—237, Бинын, глава поколения, был убит области Ю-чжеу правителем Ван Хюн. После сего народ ослабел, и ушел на южную сторону Шарамýрэни, от Хуан-лун на север. При династии Юань-вэй он принял название *Кидань*. Владение сие лежит за 5 000 ли от столицы прямо на северо-восток; на восток простиралось до Гáо-ли, на запад до Хи, на юг до Ин-чжéу, на север до Мохэ́ и Шивэй. Природою укреплено хребтом Лын-хинь-шань. Занимаясь звериною ловлею, не имели постоянного местопребывания. Киданьский государь Дахэ [1] имел 40 000 строевого войска, разделенного на восемь аймаков. Он был вассалом тукюеского Дома с титулом Сы-
459 гиня. || Пред нарядом войск на войну все аймаки собирались. На звериную ловлю каждый аймак ходил по своей воле. С хисцами не было лада, и после каждого проигранного сражения уклонялись для прикрытия Сяньбийских гор. Обыкновения вообще несколько сходны с тукюескими. Покойников не погребали, а на телеге, запряженной лошадью, отвозили в горы, и полагали их на вершину дерева. Если сын или внук умирал, то отец и мать утром и вечером плакали. Если отец или мать умирали, то не плакали. Для траура также не было срока. В правление Ву-дэ, главный старейшина Суньáоцáо и мохэский старейшина Тудиги прислали своих людей к Двору, а между тем произвели набеги на границы. По прошествии двух лет сии старейшины отправили посланников к Двору с превосходными лошадьми и пушистыми соболями. Во

[1] Дахэ есть прозвание.

второе лето правления Чжен-гуань, 628, Мохой поддался 628
Китаю. Тукюеский Хйели хан не хотел, чтоб иностранцы имели связь с Китаем; почему и просил китайский Двор взять Лян Шы-ду вместо Кидани. Тхай-цзун сказал: Кидань и Тукюе не одного происхождения.[1] Киданьцы уже покорились мне. Можно ли требовать их? Лян Шы-ду есть подданный Дома Тхан, разбойнически взял у меня округи и поколения. Дом Тукюе должен содействовать мне в поимке его; а променять его на покорившихся не можно. В следующем году, 629, Мохой опять приехал 629
к Двору и был пожалован литаврою и знаменем, почему он сблизился с китайцами. Император в войну с Кореею всех старейшин и хиского главу присоединил к своему войску. На возвратном пути в проезд чрез Ин-чжéу || при- 460
гласил к себе всех старейшин. Кугэ и старики по заслугам награждены шелковыми тканями, а Кугэ еще получил военный чин.[2] Главный старейшина Жугэчжу Кюйгюй поддался с своим народом. Его аймак переименован в округ Хуáнь-чжéу, в котором сам Кюйгюй поставлен правителем и подчинен главноначальствующему в Ин-чжéу. В непродолжительном времени Кугэ с своим поколением поддался Китаю; почему учреждена Сунмоская [Сунмо— р. Сунгари] область. Кугэ поставлен сунмоским правителем, с полномочным управлением военными делами десяти округов, получил княжеское достоинство[3] и прозвание Ли. Поколения переименованы: Даги округом Цяоло-чжéу, Гэбянь округом Жао-ло-чжéу, Духо округом Уфын-чжéу, Фыньвынь округом Юйлин-чжéу, Тубянь округом Жилянь-чжéу, Жуйхи округом Тухэ-чжéу, Чжуйгинь округом Ваньдань-чжéу; из поколения Фу сделано два округа: Пили-чжéу и Чишань-чжéу. Все округи подчинены Сунмоскому правлению, а Жугэчжу поставлен правителем. По смерти Кугэ они соединились с хисцами и взбунтовались. Ашидэ, главнокомандующий походного корпуса, и Чу Бинь схватили сунмоского наместника Абугу и представили в восточную столицу. У Кугэ остались два внука. Из них Кумоли получил военный чин[4], поставлен даньханьским правителем, и возведен в княжеское достоинство;[5] Цзиньчжун получил

[1] Т. е. от разных Домов происходят.
[2] Цзо-ву-вэй Гян-гюнь.
[3] Ву-цзи-нань.
[4] Цзо-вэй Гян-гюнь.
[5] Гуй-шунь-гюнь Ван.

военный чин, [1] и место главноуправляющего сунмоского. У Аоцáо оставшийся внук Ваньюн сделан правителем округа Гуй-чен-чжéу. После сего Чжао Вынь-хóй, главно-
461 начальствующий в Ин-чжéу, по высоко||мерию начал пренебрегать своими подчиненными, на что Цзиньчжун и прочие негодовали. Ваньюн был представлен Двору заложником. Он вызнал внутреннее положение Срединного государства, и не колеблясь, собрав войско, убил Чжáо Выньхой и взволновал Ин-чжéу. Цзиньчжун принял титул Ву-шан хана; Ваньюна сделал предводителем войск; куда они не устремлялись, все покорялось им. Не прошло двух кругов,[2] как войско их возросло до несколько десятков тысяч, ложно выдаваемое за сто тысяч. Они напали на Юн-чжéу, взяли в плен предводителева помощника Хэй Кинь-цзи. Ву-хэ́у рассердилась, и указала полководцам Цао Жень-шы, Чжаны Сюань-юй, Ли До-цзо, Ма Жень-цзйе, всего двадцати восьми предводителям идти на киданей. Князь [3] Ву Сан-сы назначен главнокомандующим, сановник Ма Жень-цзйе помощником его. Ваньюна переименовали *Вань-чжань*, а Цзиньчжуна *цзинь-мйе*.[4] Полководцы вступили в сражение при Западной защите [5] в долине Хуан-чжан-гу. Императорская армия была совершенно разбита. Сюань-юй и Жень-цзйе взяты в плен. Осадили Пьхин-чжéу, но без успеха, и были разбиты. Императрица назначила князя [6] Ву Ю-и главнокомандующим против киданей. Набрали храбрых людей из невольников с платою цены владетелям, и всех отправили против кочевых. Ваньюн с кляпцами во рту в ночи нечаянно напал на Тхань-чжéу. Чжан Гю-цзйе, по-
462 мощник главнокомандующего, || выбрал несколько сот отважнейших ратников и вступил в рукопашный бой. Ваньюн был разбит и бежал в горы. Но вскоре Цзиньчжун умер. Тукюеский Мочжо разбил его поколение. Ваньюн, собрав рассеянных, вновь усилился, и двух предводителей, Ловучжена и Хэасяо, послал в Цзи-чжéу, где они убили правителя Лу Бао-цзи и в плен увели несколько тысяч человек. Ву-хэ́у, получив известие о смерти Цзиньчжуна, вновь указала полководцам Ван Хя́о-гйе и Су Хунюнь выступить против киданей со 170 000 войск. Они

[1] Ву-вэй Да-гян-гюнь.
[2] 24 дней.
[3] Лян-ван.
[4] Первое значит 10 000 раз, или 10 000-м отрубить голову, а второе: *совершенно* или *всех истребить*.
[5] См. Юй-гуань в географическом указателе.
[6] Гян-ань-ван.

дали сражение при Восточной защите, но были разбиты. Ван Хя́о-гйе убит. Ваньюн, по одержании победы, вырубил Ю-чжэ́у. Ву Ю-и отправил корпус против него, но не имел успеха. И так снова назначены три полководца: князь [1] Ву И-цзун Лэу Шы-дэ, шатоский Чжун-и и 200 000 войска. Ваньюн действовал с чрезвычайным напором; он пошел на юг, опустошил несколько уездов в Йн-чжэ́у и необузданно своевольствовал. После сего главнокомандующий Ян Хюань-ги с корпусом из хисцев ударил в тыл. Киданьцы были совершенно разбиты. Хиаося́о покорился. Предводители Ли гяйгу и Ловучжен собрали [для сдачи] груды оружия. Ваньюн, оставя войско, бежал. Рассеянные партии снова соединились, но, быв окружены хисцами со всех сторон, пришли в большое смятение. Ваньюн побежал на восток. Ван Гю-цзйе поджидал его с засадою в трех местах. Ваньюн в изнеможении налегке ускакал с своими невольниками на восточную сторону реки Лу-хэ. В крайнем бессилии он лег в лесу, и невольник отсек ему голову, а Чжан Гю-цзйе || препро- *463*
водил ее в восточную столицу. Остальные войска рассеялись, и Ву Ю-и с торжеством возвратился. Императрица обрадовалась, и обнародовала прощение по империи; правление переименовала Шень-гун, 697, кидани не могли **697**
восстать, и поддались тукюесцам. В первое лето правления Гю-ши, 699, указано полководцам Ли гяйгу [2] и Ло- **699**
вучжену [3] идти против киданей. Кидани были разбиты. Помянутые два человека были искусные предводители из кочевых; они часто производили набеги на границы и несколько раз стесняли императорские войска; а теперь оказали услуги. Во второе лето правления Кхай-юань, 714, как Мочжо пришел в бессилие, Цзиньчжун, следуя **714**
за дядей, главноначальствующим Шихэ, с своим аймаком и Гйелифо Игянь-чжо покорился Китаю. Сюань-цзун пожаловал ему железную грамоту с красными буквами. По прошествии двух лет, 716, он пришел с хиским старей- **716**
шиною Ли Дапу. Указано восстановить Сунмоское правление. Шихо поставлен главноначальствующим, облечен в княжеское достоинство,[4] и получил военный чин.[5] Впрочем, в его правление учрежден корпус Цзин-си-гюнь, и Шихо сделан начальником корпуса. Ему в управление

---

[1] Хэ-нэй-гюнь-ван.
[2] Цзо-юй-лин-вэй Да-гян-гюнь.
[3] Ю-ву-вэй-вэй Гян-гюнь.
[4] Сунмо-гюнь-ван.
[5] Цзо-гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь.

поручены восемь поколений, в которых старшины их поставлены правителями. Указано предводителю Сйе Тхай быть приставом над поколениями, и заведывать корпусом. Император выдал за Шихо дочь Ян Юань-цы, внука князя Дун-пьхин-ван от дочери, под названием Юн-ло
717 царевны. В следующем году, 717, Шихо умер. По смерти
464 пожалован ему титул: Дэ-||цзинь. Император отправил посланника для утешения и жертвоприношения, и младшему его брату Согу наследственно дал достоинство с долж-
718 ностью. В следующем году, 718, Согу с царевною приезжал к Двору, и отлично угощен. Кэтугань, помощник начальника корпуса Цзин-си-гюнь, был человек отважный, храбрый, приобревший любовь народа. Согу хотел избавиться от него, но еще не решился. Кэтугань, напротив, напал на Согу, и Согу принужден был бежать в Ин-чжéу. Главноначальствующий Хэй Кинь-дай с 500 окружных войск, соединившись с войсками хиского старейшины Ли Дапу, напал на Кэтуганя, но без успеха. Согу и Дапу оба убиты были. Кинь-дай ушел с корпусом в Юй-гуань. Кэтугань поставил государем Согуева двоюродного брата Юйюя и отправил посланника к Двору с извинением. Указано дать Юйюю княжеское достоинство [1] и простить Кэтуганя. Юйюй явился к Двору и получил начальство. Император приказал выдать за него Муюн, девицу царской крови, под названием Янь-гюнь царевны. Кэтугань также приехал к Двору, и получил военный чин. [2] По смерти Юйюя младший брат его Туюй наследовал. Быв не в ладу с Кэтуганем, он не мог ужиться с подчиненными; почему вместе с царевною бежал; был облечен в княжеское достоинство,[3] и оставлен в службе при Дворе. Кэтугань Цзиньчжунова младшего брата Шаогу поставил главою народа. Указано ему наследовать и княжеское достоинство. Сын Неба отправлялся для жертвоприношения горе. Шаогу с прочими старейшина-
465 719 нами следовал за императором. В следующем || году, 719, он получил военный чин при Дворе, с переименованием княжеского достоинства.[4] За него выдали Чжень, девицу из императорского рода, под названием Дун-хуа царевны. Указано дать чины [5] слишком ста старейшинам в его поколении. Шаогу отправил сына в службу к Двору, куда

---

[1] Сунмо-гюнь Ван.
[2] Цзо-юй-линь-вэй Гян-гюнь.
[3] Ляоян-гюнь Ван.
[4] Цзо-юй-линь-вэй Да-гян-гюнь, Гуан-хуа Гюнь-ван.
[5] Китайские.

и Кэтугань опять приехал. Министр Ли Юань-хун принял его не очень ласково, и Кэтугань уехал недовольным. Чжан Юе сказал: Кэтугань имеет зверское сердце, и смотрит только туда, где видит выгоды. Сверх того он теперь имеет силу в государстве, и подчиненные повинуются ему. Если не оказать ему чести, он более не приедет. По прошествии трех лет Кэтугань убил Шаогу, [1] поставил Кюйле государем, и с согласия с хиским народом поддался тукюесцам. Царевна бежала в корпус Пьхин-лугюнь. Указано Чжи Фаньян, правителю округа Ю-чжэ́у, и Чжао-Хань-чжан, главноуправляющему в Фань-ян, выступить на киданей; двум придворным сановникам Пхэй Кхуань и Сйе Кхань произвести большой набор ратников, князю [2] Цзунь принять верховное начальство в Хэ-бэй над действующей армией; сановнику [3] Ли Чаоинь и столичному градоначальнику Пхэй Чжеу-сянь быть его помощниками. Им поручено вести против киданей войска восьми корпусов под главноначальствующими [4] Чен Босян, Чжан Вын-янь, Сун Чжы-тьхи, Ли Дун-мын, Чжа́о Вань-гун, Го Ин-гай. В след за сим князь Цзунь назначен верховным вождем над войсками в || Хэ-дун. Но *466*
князь не поехал; и посему президент обрядовой палаты и князь [5] Вэй назначен с бунчуком помощником верховного вождя действующей армии в Хэ-бэй.[6] Он выступил за границу с главноуправляющим Чжао Хань-чжан, и совершенно разбил кочевых. Кэтугань бежал, а хиский народ покорился. Князь о пленниках обоих поколений объявил [о победе] в храме предкам. В следующем году,
733, Кэтугань напал на границы. Предводители Сйе Чу- **733**
ван, Го Ин-гай, Ву Кхэ-цзинь, Ву Чжи-и и Ло Шеу-чжун с 10 000 конницы и войском хиским дали сражение у гор Душань. Кэтугань подоспел с тукюеским войском. Хисцы от страха начали колебаться и отступили в крепкое местоположение. Чжи-и и Шеу-чжун были разбиты; Ин-гай и Кхэ-цзинь убиты. Китайских войск побито 10 000 человек. Император вверил начальство над войсками Чжан Шеу-гуй, главноуправляющему в Ю́-чжэ́у.[7] Шеугуй был искусный полководец. Кэтугань боялся его, и

---

[1] По *Ганму* в 730 году. См. 730 год.
[2] Чжун-ван.
[3] Юй-шы Да-фу.
[4] Цзун-гуань. Это начальники корпусов, коих под начальством князя Цзунь было восемнадцать.
[5] Синь-ань-гюнь Ван.
[6] По *Ганму* в начале 732 года.
[7] По *Ганму* в 734 году.

по наружности просил о принятии в подданство, а между тем подавался на северо-запад, в надежде на тукюесцев. Служащий при его канцелярии чиновник Ли Госи внутренно был недоволен им. Шеу-гуй послал гостя Ван Хой тайно склонить его.[1] Он окружил Кэтуганя с войском, а в ночи Госи отсек головы Кэтуганю, Кюйлэ и нескольким десят-
734 кам сообщников их, и возвратился, 734. Шеу-гуй вверил Госи управление поколением, а головы Кэтуганя и прочих препроводил в восточную столицу. Госи получил
467 княжеское достоинство [2] и поставлен главнона‖чальствующим в Сунмо. Остальные сообщники Кэтуганевы убили Госи и изрубили все семейство его. Только один сын Цыцянь бежал в Ань-лун, и получил военный чин. [3]
737 В двадцать пятое лето, 737, Шеу-гуй дважды разбил киданей. Указано, чтоб отселе впредь оказавшие услуги на войне доносили в храме предкам. В четвертое лето
745 правления Тьхянь-бао, 745, киданьский главный старейшина Ли Хуай-сю покорился. Он поставлен сунмоским главноначальствующим, облечен в княжеское достоинство, [4] и девица сиротка из императорского рода выдана за него под названием Цзин-ло царевны. Но в сем же году при смерти царевны он взбунтовался. Ань Лу-шань, главноуправляющий в Фань-ян, усмирил его.[5] Вместо него старейшина Гяйли облечен в княжеское достоинство,[6] и заступил место главноначальствующего в Сунмо. Тогда Ань Лу-шань представил о продолжении войны с киданями, чтоб попасть на мысль императора. Выставили 100 000 войск из Ю-чжéу, Юнь-чжун, Пьхин-лу и Хэдун, и употребили вожаков из хисцев. Произошло большое сражение на южном берегу Шара-мурэни. Ань Лушань потерял сражение и несколько тысяч человек уби-
468 тыми.[7] С сего времени Ань Лу-шань и кидани ‖ часто нападали друг на друга. Кидани в продолжение правле-

---

[1] Т. е. склонить к измене.

[2] Бэй-пьхин-гюнь Ван.

[3] Цзо-гяо-вэй Гян-гюнь.

[4] Чун-шунь Ван.

[5] По *Ганму* полководец Ань-Лу-шань ежегодно без причины грабил киданей; почему киданьцы убили выданных за них царевен и взбунтовались. Ань-лу-шань разбил их.

[6] Гун-жень Ван.

[7] По *Ганму* в 751 году. Ань Лу-шань с 60 000 войска из трех дорог выступил на киданей. Две тысячи хиской конницы служили вожаками. Когда прошли от Пьхин-лу до 1000 ли, то пошли дожди. Тетивы на луках ослабели. Хисцы опять отложились и присоединились к киданям. Киданьцы произвели нападение, и китайское войско почти все побито было. См. 751 год.

ний Кхай-юань и Тьхянь-бáо, 713—755, приезжали к Двору с дарами до двадцати раз. Главноуправляющий в Фаньян определен приставом над хисцами и киданями, и ему со времени правления Чжи-дэ, 756, дозволено полновластно распоряжаться в своем округе: почему он разместил гарнизоны и караулы, и старался более не заводить дел на границе. Хисцы и кидани также редко производили набеги. Ежегодно несколько десятков выбранных старейшин отправлялись в Чан-ань, где представлялись Двору, и получили милости соответственно достоинствам, а из подчиненных их по нескольку сот человек жили в Ю́-чжéу на иждивении правительства. В продолжение правлений Чжидэ и Бао-ин, 756—762, дважды приезжали с дарами; в правление Да-ли, 766—779, тринадцать раз, в правление Чжен-юань, 785—804, три раза, в правление Юань-хо, 806—820, семь раз, в продолжение правлений Тхай-хо и Кхай-чен, 827—840, четыре раза. Но Сын Неба не доволен был, что они поддались хойхусцам; почему не давал старейшинам их ни достоинств, ни чинов. Во второе лето правления Хой-чан, 842, хойху разбили ки- 842
даней. С сего только времени киданьский старейшина Кюйсюй поддался Китаю, и получил военный чин:[1] почему Чжан Чжун-ву, главноуправляющий в Ю́-чжéу, переменил прежнюю печать, данную хойху, и, вручая ему новую печать Дома Тхан, сказал: печать на княжение в Кидани. В средине правления Сянь-тхун, 866, ки́дань- 866
ский князь Сиэрчжы дважды отправлял посланника к Двору. Его аймак нечувстви || тельно усилился. По смер- *469*
ти Сиэрчжы родственник его Киньдэ наследовал. В правление Гуан-ки, 885—887, возникли внутренние беспокойствия в поднебесной. На северной границе много было забот. Ограбили [2] хисцев, шивэйцев. Мелкие поколения покорены: почему произвели набеги на Ю́-чжéу и Цзичжéу. Лю Жень-гун со всеми войсками перешел через горы Ди-син-шань для усмирения, и не допускал их пасти скот на траве под границею в Ля́о, от чего много погибло лошадей. И так кидани предложили положить клятву, представлять хороших лошадей, и просили пастбищ. Лю Жень-гун согласился; но опять нарушили договор и произвели набег. Лю Шеу-гуан стоял с гарнизоном в Пьхин-чжеу. Кидани вступили с 10 000 конницы. Лю Шеу-гуан притворно заключил мир с ними: потом

[1] Ю-ву-вэй Гян-гюнь.

[2] Киданьцы в сие время покорили разные смежные с ними и тунгузские и монгольские поколения.

упоил их в палатке, в поле поставленной. В это время поднялась засада, и схватила главного предводителя их. Все кочевые зарыдали, и предложили выкупу за них 5 000 лошадей. Шеу-гуан не согласился. Киньдэ удвоил выкуп. И так кидани заключили клятву, и десять лет не смели приближаться к границе. Киньдэ в поздние годы управлял слабо. По праву начальников осьми поколений, главу народа сменяли чрез каждые три года. В сие время Йелюй Амба-гянь выставил литавру и знамя, и не хотел смениться. Он объявил себя государем, и Дом Дахэ пресекся.[1]

470 ‖ ***Прибавление о поколении Хи, иначе Кумохи***

[Синь-Таншу, гл. 219, стр. 7а — 10а]

Хи[2] [Си] также есть отрасль Дома Дун-ху, пораженного хуннами. Хисцы осели у хребта Увань. При династии Хань Цáо-цáо [генерал и министр при ханьском императоре Сянь-ди, основатель династии Вэй (с 220 г. н. э.), первым императором которой был его сын — Цао-Вэй (Вэньди)] убил предводителя их Татуня. Это был их потомок. В царствование династии Юань-вэй хисцы сами себе приняли название *Кучженьхи*. Они кочевали на прежних сяньбийских землях в 4000 ли от столицы прямо на северо-восток. Владения хисцев на северо-востоке были смежны с киданями, на западе с тукюесцами; на юге протекает река Бай-лан-хэ;[3] на севере смежны с Си [или Байси (пишется другим иероглифом, произносимым также Си)].[4] Обыкновения одинаковые с тукюескими. Хисцы перекочевывали с места на место, смотря по достатку в траве и воде; жили в войлочных юртах, отабориваясь телегами. Стойбище

---

[1] Йелюй Амба-гянь покорил Монголию, и в 916 году объявил себя императором. Дом его царствовал под китайским названием династии Ляо с 916 до 1126, всего 210 лет. Он владел северною половиною Китайской губернии Чжи-ли, столицу имел в Пекине. История сего Дома отдельно издана под китайским названием Ляо-шы.

[2] По истории династии Тхан, Хи, Кидань и Шивэй, по происхождению своих владетелей, принадлежали к монгольскому племени; но вероятно, что подданные их, по близкому соседству с тунгузами с востока и севера, издавна перемешались с сим народом и заняли много обычаев из его быта: почему та же история династии Тхан включила помянутые три поколения в число тунгузских племен, только не говорит, чтоб они и по происхождению принадлежали к тунгузскому племени.

[3] Лóха-мурень.

[4] Название поколения.

владетеля их всегда было окружено 500 вооруженных людей. Прочие поколения рассеянно кочевали по горным долинам. Податей не платили. Содержались звериною ловлею. Сеяли более неклейкое просо; хранили его в ямах при подошве гор. Отрубок дерева служил ступою; глиняная плошка с ножками для варения. Ели кашу с холодною водою. Охотники были до драк и сражений. Войско разделено было на пять полков; каждым полком управлял один Сыгинь. Хиские владения на запад простирались до озера Да-ло-и;[1] до хойхуской орды [2] считалось 3 000 ли; лежали по большой части по реке Тхухо-чженьшуй.[3] Хиские лошади легко ходят на горы; овцы черные. В межень лета переходили к горам Лын-хин-шань. Сии горы лежат от Гуй-чжéу прямо на северо-запад. При династии Суй откинули *Кучжень* и назывались только Хи. В средине правления Ву-дэ, 622, Гáо Кхáй-дао при помощи войск их дважды произвел набег на Ю́-чжéу. Правитель Ван Сянь разбил их. При Тхай-цзун в третие лето правления Чжен-гуань, 629, в первый раз [4] приехали к Двору. В продолжение 17 лет всего четыре раза представляли дань Двору. Когда император воевал Корею, главный старейшина Суйчжы, следуя за ним на войну, оказал услуги; а чрез несколько лет старейшина Кэдучже поддался Китаю. Император открыл область [5] Жао-ло-фу, определил Кэдучже военным начальником шести округов, главноначальствующим в Жао-ло-фу, облек в княжеское достоинство,[6] и пожаловал прозванием Ли; аймаки переименовал: Ахой округом Жошуй-чжéу, Чухо округом Цили-чжéу, Юешы округом Ло-хуань-чжéу, Дуги округом Да-лу-чжéу, Юаньсыси округом Кхэйе-чжéу. В каждом округе старейшина поставлен начальником, а Жугэчжу правителем области. Все подчинены правлению в Жао-ло-фу. Еще в Ин-чжéу учреждено протекторское правление, для надзора за восточными инородцами [7] и купно для управления землями в Сун-мо и Жао-ло. Поставлен был пристав для восточных инородцев. В правление Сянь-кин, 655—661, Кэдучже умер, и хисцы отложились. В пятое лето, 660, Ашидэ Чубинь,

471 622 629 472 660

[1] Дал-нор. *Да-ло* есть голосовое выражение слова *Дал*, и кит. название озера.

[2] От главного хиского стойбища до хойхуской орды на западе.

[3] Лоха-мурень.

[4] Т. е. при династии Тхан.

[5] Т. е. владения старейшины превратил в область Жао-ло-фу.

[6] Лэу-фань-хянь Гун.

[7] Тунгузского племени.

главноначальствующий в Дин-сян, предводитель[1] Яньто Тичжень, и Ли Хань-чжу, главноначальствующий в Гюйянь-чжéу, назначены главнокомандующими действующих войск по дороге Лын-хин-дао. В следующем году, 661, министру Цуй Юй-кин указано с бунчуком принять верховное начальство над войсками трех главноначальствующих. Хисцы пришли в страх, и покорились в [китайском тексте: их князю (вану)]. Пиди-вань-суй отрубили голову. В правление Тхун-тьхянь, 696, когда кидани взбунтовались, хисцы также отложились и заключили с тукюесцами взаимно вспомогательный союз под названием: *Лянь-фан*.[2] В первое лето правления Янь-хо полководцы Сунь цюань,[3] Ли Гяй-ло [4] и Чжеу И-тьхи [5] выступили со 120 000 войск, разделенных на три корпуса. Поколения расположились при Лын-хинь. Ли Гяй-ло с передовым корпусом вступил в сражение с хиским старейшиною Ли Дапу, но не имел успеха. Сунь Цуань пришел в страх и, стянув свои войска, обманом сказал Дапу: я по указу императора пришел успокоить вас, а Ли Гяй-ло вопреки воле его начал сражение. Я его казню в пример другим. Если вы в самой вещи [в самом деле], сказал Дапу, пришли для успокоения нас, то имеете ли что пожаловать нам? Сунь Цуань взял принадлежащие корпусу
473 шелковые ткани, кафтаны и поясы, и отдал ему.[6] ‖Дапу поблагодарил и попросил Сунь Цуань возвратиться с войском. Сим образом корпус спасся, и без всякого порядка бросился в обратный путь. Дапу пошел вслед за ним. После сего Сунь Цуань был совершенно разбит и потерял несколько десятков тысяч убитыми. Сунь Цуань и Чжéу И-тьхи взяты в плен и препровождены к Мочжо [тукюескому хану], который их предал смерти. Двор тогда озабочен был множеством дел, и не имел времени усмирить.[7] Сюань-цзун во второе лето правления Кхай-юань, 714, убедил Юйсу Хойломяня покориться, дал ему княжеское достоинство, [8] военный чин [9] и должность главноначальствующего в Жао-ло. Указал за Дапу выдать Синь, девицу из своего рода под названием Гу-ань

[1] Цзо-ву-хэу Гян-гюнь.
[2] Лянь-фан, [правильно: Лян-фань] китайские слова; в переводе: два пограничных инородца.
[3] Цзо-юй-линь-вэй Да-гян-гюнь, Ю-чжеу Ду-ду.
[4] Цзо-гяо-вэй Гян-гюнь.
[5] Цзо-вэй-вэй Гян-гюнь.
[6] Военные издержки производились вещами.
[7] По *Ганму* сие происходило в 712 году.
[8] Жао-ло-гюнь Ван.
[9] Цзо-гинь-ву-вэй Да-гян-гюнь.

царевны. В следующем году Дапу приехал к Двору и совершил брак, после чего опять сделан главноначальствующим в Ин́-чжéу. Военачальник [1] Ли Цзи с бунчуком отправлен для препровождения. Впоследствии Дапу убит в сражении с киданьским Кэтуганем. Младший его брат Лусу вступил в управление аймаком и наследовал княжеское достоинство Ван. Указано ему еще быть комиссаром пограничных дел. Служащий при нем чиновник Саймогйе замышлял отложиться. Царевна повелела лишить его жизни. Император похвалил ее услугу и наградил множеством вещей. Но царевна обвинена в доносе на мать; почему выдали за него Вэй, дочь Шен-ань царевны, под названием Дун-гуан царевны. По прошествии трех лет Лусу пожалован княжеским до‖стоинством [2] *474*
и военным чином при Дворе [3] и сверх сего почти двумстам из старейшин его даны военные чины. По прошествии довольного времени киданьский Кэтугань поднял бунт, и принудил хиский народ вместе с ним поддаться тукюесцам. Лусу не мог удержать, и бежал в Юй-гуань, а царевна бежала в Пьхин-лу. Чжао Хань-чжан, правитель в Ю́-чжéу, разбил Кэтуганя, и народ мало по малу добровольно возвратился. В следующем году князь [4] Вэй покорил старейшин Ли Ши и Согáо с 5 000 кибиток, и владение их переименовано округом Гуй-и-чжéу; почему Ли Шы пожалован военным чином, [5] главноуправляющим в своем округе и награжден 100 000 кусков шелковых тканей. Аймак его размещен в смежности с Ю́-чжéу. По смерти Ли Шы сын его Яньчун наследовал, и с киданями опять отложился; но был стеснен полководцем Чжан Шеу-гуй. Яньчун покорился. Он опять получил должность главноуправляющего в Жао-ло и княжеское достоинство,[6] и сверх сего выдали за него Ян, девицу из царского рода, под названием И-фан царевны. Яньчун, убив ее, опять отложился. Указано для утверждения спокойствия в поколении поставить старейшину Согу князем с титулом Чжао-синь-ван, и главноначальствующим в Жао-ло. Ань Лу-шань, в бытность главноуправляющим и Фань-ян, ложно выказывая заслуги, несколько раз отчаянно дрался с ним, и богато одетых пленников

---

[1] Ю-лин-гюнь Гян-гюнь.
[2] Чен-гюнь Ван.
[3] Ю-юй-линь-вэй Гян-гюнь.
[4] Синь-ань Ван.
[5] Цзо-юй-линь-гюнь Да-гян-гюнь.
[6] Хуай-синь Ван.

представлял Двору. Владетель Ли Жиюе казнен, а здо-
475 ровые и сильные из пленников со‖сланы в Юнь-нань
в гарнизон. В царствование императора всего восемь раз
приезжали к Двору с поднесением даров; в продолжение
правлений Чжи-дэ и Да-ли, 756—780, двенадцать раз;
788 в четвертое лето правления Чжен-юань, 788, они с шивэй-
цами напали на Чжень-ву. По прошествии семи лет
в Ю-чжеу истребили их до 60 000 человек. В царствова-
ние Дэ-цзин дважды приезжали к Двору, с поднесением
806 даров. В первое лето правления Юань-хо, 806, Гюньмэй
Лошень [в китайском тексте: правитель (цзюнь) Мэйло
лично] приехал к Двору, получил высший гражданский
чин и княжеское достоинство;[1] старейшины Соди и Му-
жугу также получили военные чины,[2] и оба пожалованы
прозванием Ли. Со всем тем они вступили в тайный союз с
хойху и шивэйцами, и вместе с ними напали на Чжень-
ву [в китайском тексте стоит Сигэн и Чжень ву].
Вообще в царствование Сянь-цзун, 806—821, четыре
раза приезжали к Двору с поднесением даров. В четвер-
830 тое лето правления Да-хо, 830, еще ограбили границу,
но Лу Лун и Ли Цзын-и разбили их; в плен взяли более
200 старшин и предводителя их Жугйе связанным пред-
ставили Двору. Вынь-цзун пожаловал ему шляпу и пояс,
и военный чин.[3] По прошествии пяти лет главный ста-
рейшина Нишелан приехал к Двору. В первое лето прав-
847 ления Да-чжун, 847, горные хисцы северных поколений
взбунтовались. Лулун Чжанчжунву поймал главного их
предводителя и сожег более 200 000 юрт; отрезал 300
ушей у предводителей, в добычу получил 70 000 баранов
и быков, 500 телег с имуществом в вещах, и все это пред-
476 ставлено в столицу. ‖ В девятое лето правления Сянь-
868 тхун, 868, король их Тудунсу прислал к Двору важного
старейшину Сагэ. После сего кидани усилились, и хи-
сцы не в силах были сопротивляться; почему и покори-
лись им. Кидани жестоко управляли ими. Хисцы возне-
годовали, и старейшина их Кюйчжу с одним [в китайском
тексте: отдельным] поколением поддался Китаю. Он ут-
вердился у Гуй-чжéу у северных гор, и таким образом
хисцы разделились на восточных и западных.

---

[1] Гуй-чен-гюнь Ван.

[2] Соди Цзо-вэ-вэй Гян-гюнь, Шань Су-чжéу Ю-чжéу Бин-ма-шы, *Мужугу* Пьхин-чжеу Ю-цзи Бин-ма-шы.

[3] Ю-гяо-вэй Гян-гюнь.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА МОНГОЛИЮ В СВЯЗИ С ПРОЧИМИ СРЕДНЕАЗИЙСКИМИ СТРАНАМИ

|| История древних среднеазийских народов хотя не говорит определительно, сколь давно существуют они, и откуда ведут свое происхождение: но некоторое сходство у монголов в обыкновениях и грамматических формах языка с тунгусами и тюрками довольно обнаруживает, что помянутые три народа произошли от одного корня, но разделение корня их на три ветви, т. е. на три племени, без сомнения, случилось во времена отдаленные от нас; потому что почти за двадцать пять столетий до Рождества Христова монголы и тунгусы в китайской истории представляются как два самобытные народа. Одни тюрки, по причине отдаленности, несколько позже познакомились с жителями Срединного государства. *477*

Географы разделяют Азию на две половины: восточную и западную; а восточную половину сама природа разделила на две части, Азию южную и среднюю. Цепь первозданных гор, под разными названиями идущая от Корейского залива на запад до Памира, составляет как бы естественный рубеж между южною и среднею Азиею. От сего рубежа по склону к юго-западу обитают разные народы индийского происхождения, и обликом, и языком, и обыкновениями отличные от среднеазийцев; по склону к северу живут одни среднеазийские племена. Из них тунгусы издревле заняли восточное поморье от Корейского залива на север до Большого Хинганского хребта; потом от Яблонного хребта пошли || далее к северу по *478* Витиму, Олекме, Лене, Илиму и двум Тунгускам; на западе ограничились степями по рекам Гӣринь-у́ле, Нонмурени и Аргуни; от Лены не простирались далее Енисея. Монголы раскинули свои юрты от Ля́о и Аргуни на запад до озер Тэмурту-нора и Хонхоту-нора, на северо-

запад по Ангаре до Енисея; и сим образом они заняли монгольскую степь и песчаный бассейн между Небесными горами и Алтаем; на западе они не переходили за Памир. Тюрки расселились в плодоносных долинах между Южными [Наньшань или Куэнь лунь] и Небесными горами от Хáлхи до Кашгара и Тюркистана; далее от Памира к западу они заняли обширный песчаный бассейн между Аму и Сир-дариею; потом, поворотив от плоских аральских и каспийских берегов на север по Уралу, обогнули большое пространство земель прямо на восток и прошли по северную сторону Алтая к Енисею. Вот очерк земель, в древности занимаемых тремя среднеазийскими народами! Монгольское племя быстро усилилось около времен Рождества Христова, и долго обеспокоивало Срединный цвет. [Чжунхуа в буквальном переводе или Китай]. Наконец в половине девятого столетия хягасы ниспровергли могущество царствовавшего в то время Дома Ойхоров [Хойху], мстительный Китай истребил остатки их, укрывшиеся под защиту Великой стены; оставшиеся поколения удалились от Хангая к западу в Или и Тарбагатай. Тогда место ойхоров [хойху] заступил Дом Кидань, последняя отрасль Дома Дун-ху. С возвышением киданей показались с Амура *Черноречные Мохэ* под народным названием Татань. Пользуясь тогдашним совершенным изнеможением монголов, они спокойно перешли через границу их на запад и, спускаясь по юго-западному склону гор к Чахару, наконец осели на опустевших северных отлогостях хребта Инь-шань. От сих-то Черноречных Мохэ монголы получили нынешнее народное название *монгол*, а европейские историки заменили им названия древние, которые монголы получали || от господствовавших у них Домов. И так основатели Монгольской Империи были не коренные монголы, а тунгусы, которые пришли в южную Монголию с Амура, что ниже яснее увидим из выписок, извлеченных из китайской летописи Ганму. В Истории династии Юань нет подробностей, извлеченных из Ганму; потому что все сии подробности относились к династии Тхан, Гинь и Сун, и без нарушения синхронистического порядка не могли войти в Историю династии Юань.

479

Выписка из Ганму

«Четвертое лето правления Кянь-дэ. *Татань представил дань Дому Сун.* Дом Татань составлял одно из поколений северо-восточных мохэ; при династии Тхан

после правления Юаньхэ [807—821 г. н. э.] он перешел к Инь-шань; а в сем году представил дань».

Четвертое лето правления Юань-дэ соответствует 966 году по Рождестве Христове. *Татань* есть тунгусское слово; зн. шалаш, *Мохэ* есть название владетельного Дома. В сие время мохэсцы обитали по обоим берегам Амура от Аргуни до Восточного океана. Нынешние земли со́лонов и дахуров (даурцев) принадлежали мохэсцам. Дом Тхан вступил на китайский престол в 618 году. Правление Юань-хэ продолжалось 806—821.[1] Дом Сун получил престол в 960 году. Мохэсцы названы *северо-восточными* в отношении к китайской столице того времени. *Инь-шань* есть китайское название обширного хребта гор, см. в географическом указателе: Инь-шань.

Еще во времена древней династии Чжéу в нынешней Маньчжурии царствовал Дом Сушень. С небольшим за два века до Рождества Христова место его заступил Дом Илэ́у, который в четвертом столетии по Рождестве Христове переименовался Уги, и разделил‖ся на семь боль- *480*
ших айманей. В шестом столетии из семи угиских айманей усилился аймань Черноречный, Хэй-шуй-бу, а в начале седьмого столетия он отделился от Уги, принял народное название Черноречного Мохэ, и не в продолжительном времени разделился на шестнадцать новых айманей. В начале осьмого столетия бохайский владетель покорил Мохэ своей власти; а в начале девятого столетия один из шестнадцати мохэских айманей, называемый Татань, ушел в южную Монголию, и осел по северному склону хребта Инь-шань. Сей-то Дом Татань в 966 году, т. е. чрез полтора века по приходе его в южную Монголию, представил дань императору Тхай-цзу, основателю династии Сун.

«Второе лето правления Цзин[-дэ]. *Девять татаньских поколений представили дань Дому Кидань*».

Второе лето правления Цзин-дэ соответствует 1005 году по Рождестве Христове. Дом Кидань с 915 года владел всею Монголиею под китайским названием ля́о: следовательно татаньские поколения находились под его зависимостью. Из сего места открывается, что аймань Татань, первоначально состоявший из одних родов, по прошествии двух сот лет от его переселения в южную Монголию размножился до такой степени, что в состоянии

---

[1] Следовательно, переход тунгусов с Амура в Монголию относится к 806—820 годам.

был последовательно разделиться на девять айманей; но еще не был столь силен, чтобы не признавать над собою верховной власти киданей. Впрочем, должно еще заметить, что татаньцы во все это время еще жили по северному склону хребта Инь-шань; потому что Халха в первой половине девятого столетия находилась под ойхорами' [хойху], исключая восточной части, занимаемой шивэйцами; по падении же ойхоров [хойху] остались в Халхе поколения Юйгюлюй и Шивэй, оба под зависимостью киданей.

Пятое лето правления Шао-хин. «*Дом Гинь объявил*
481 *войну монголам.* Монголы обитали от Нючже‖ней к северу. При династии Тхан они составляли поколение Мынву; назывались еще Мынвусы. Это были люди сильные, мужественные, искусные в бою; могли видеть в темноте ночи; броню делали из кожи непроницаемой для стрел. Государь Дома Гинь предписал темнику Хушаху идти с войском на них».

Пятое лето правления Шао-гин соответствует 1135 году по Р. Х. Дом Гинь основал империю в 1115 году по ниспровержении Дома Кидань; а по прошествии 20 лет вынужден был объявить войну монголам. Из слов: монголы обитали от Нючженей к северу и пр. открывается, 1) что татаньцы в начале двенадцатого века уже перешли от хребта Инь-шань в Халху и, вероятно, произвели это в промежуток, когда Домы Гинь и Кидань на северных пределах Китая вели упорную войну за господство над Монголиею; 2) что в числе родов, составлявших татаньский аймань, издавна находился *Дом Монгол*; и что сей Дом, по своему могуществу, впоследствии избран был главою всех татаньских поколений; потому что в сем месте народное название Татань заменено названием Дома Монгол, и Дом Гинь имел дело с ним, как представителем всего татаньского народа. Хи-цзун, третий государь из Дома Гинь, по вступлении на престол в 1135 году немедленно отправил войско против монголов, и вероятно с тою целию, чтобы, с одной стороны, вытеснить их из Халхи, а с другой, приудержав напор диверсии с севера, придать более силы военным действиям в юге. В сие время Дом Гинь уже покорил Китай до Желтой реки, и две армии его действовали по южную сторону сей реки, одна в Хэ-нань, другая в Шань-си.

«Девятое лето правления Шао-хин. *Монголы неожиданно напали на войско Дома Гинь у гор Хай-лин и совершенно разбили.* Хушаху, полководец Дома Гинь, воюя с монголами, издержал съестные припасы, и пошел в

обратный путь. Монголы, пре‖следуя его, неожиданно 482
напали, и совершенно разбили войско его у гор Хай-лин».

Девятое лето правления Шао-хин соответствует 1139 году по Р. Х. Хушаху четыре года стоял против монголов. В прошлом, 1138 году, открылись мирные переговоры между Домом Гинь и южным Китаем, а в настоящем году война была возобновлена с большею силою. Вероятно, что монголы воевали с Домом Гинь как наемные союзники Китая.

«Семнадцатое лето правления Шао-хин. *Дом Гинь и монголы заключили мир*. В прошлое время как казнили Даланя, то сын его с подданными отца отложился и вступил в союз с монголами. Сие обстоятельство наипаче усилило монголов. Нючженский полководец Учжу, посланный для усмирения их, в продолжение нескольких лет не мог покорить их; почему заключил с ними мир, по которому уступлены монголам 27 укрепленных селений по северную сторону реки Си-пьхин-хэ, и положили ежегодно доставлять им (монголам) значительное количество рогатого скота, риса и быков. Сверх сего, монгольскому старейшине Холобо Цзинйе предложен был титул мынфуского царя, Мынфу-Ван; но он не принял сего титула, а дал своему царству наименование Да-мын-гу го, царство Великого Монгола. Ныне заключили мир, и ежегодно отправляли значительное количество вещей. После сего монгольский старейшина сам принял себе титул: Цзу-юань-хуан-ди — праотец император; правление переименовал Тьхянь-хин».

Семнадцатое лето правления Шао-хин соответствует 1147 году по Р. Х. Далань имел главное начальство над восточною нючженскою армиею в Хэ-нань. При открывшихся в 1138 году мирных переговорах он с князьями Фулуху и Элугуань полагал возвратить Дому Сун страну Хэ-нань. Учжу, имевший главное начальство в западной нючженской армии в Ша́нь-си, ‖ подозревал Даланя и 483
Фулуху в тайных сношениях с Домом Сун, и донес государю. Мирные переговоры прерваны, и Учжу в 1139 году получил главное начальство над армиею в Хэ-нань, с предписанием продолжать войну. Фулуху и Далань составили заговор произвести бунт, но злоумышление их открыто. Фулуху и Элугуань преданы казни; а Далань, как владетельный князь, освобожден от суда, но переведен к другой должности. Огорченный неуважением заслуг, оказанных им при основании царства Гинь, он опять замышлял произвести бунт, но замысел опять открыт был, и

Далань убит в побеге на юг. Учжу счастливо кончил войну в южном Китае, и в 1141 году заключен мир, по которому Дом Сун признал себя нючженским вассалом. В следующем, 1142, году Учжу принял главное начальство над войсками, стоявшими против монголов, и, потеряв пять лет в безуспешной войне, кончил ее невыгодным миром. Впрочем, тягостные условия сего мира не должно принимать в прямом смысле. Глава монголов, титулуясь в своих землях ханом, или императором, в письменных сношениях с Домом Гинь подписывался вассалом его; а Гинь за такую уступчивость ежегодно производил ему значительную плату скотом, рисом и бобами. Это искони есть обыкновенное дело в Китае.

И так происхождение монгольского народа и Дома Монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи совершенно различные между собою. Начало монгольского народа уходит за двадцать пять веков до Рождества Христова; Дом Монгол, напротив, возник в начале IX, усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII столетия по Рождестве Христове.

Хотя в Истории не означено место, из которого Черно-
184 речные тунгусы тронулись в Монголию: но это видно || из соображения местностей и обстоятельств. Черноречные тунгусы занимали правую сторону Амура в верховьях сей реки; на юге они граничили с Фуюй; на западе были в соседстве с ойхорами [хойху]. Они еще назывались Мынву-Шивэй, и считались народом сильным и храбрым. Отсюда видно, что они принадлежали к числу тех тунгусских поколений, потомки которых ныне обитают по обоим берегам Науна, под родовыми названиями со́лонов и да́хуров, или даурцов. Переход через Монголию, по соседству, не труден был для них. Они могли спуститься на юг по Науну в Тор-усу, а отселе чрез хребет Соиорцзи-о́лу пройти юго-западною стороною гор прямо на Иньшань. В то время юго-западная Монголия, после конечного рассеяния ойхорской [хойхуской] орды, оставалась совершенно пустою, а едва ли не сам китайский Двор пригласил мирных тунгусов занять сии земли, чтоб совершенно избавиться от прежних, слишком неугомонных соседей: и посему Черноречные тунгусы могли спокойно овладеть лучшими землями в юго-западной Монголии.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

От института III

А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» V

Н. В. Кюнер. Работа Н. Я. Бичурина (Иакинфа) над переводами китайских источников для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» LVI

От редакции LXXXVII

Н. Я. БИЧУРИН
(Иакинф)

СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ, ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

Часть первая. Центральная Азия и Южная Сибирь . . 3

Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазийскими странами 375

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Оформление художника *Н. С. Седельникова*

*

РИСО АН СССР № 3813. Т—03999. Издат. № 2408.
Тип. заказ № 36. Под. к печ. 4/V 1950 г. Формат
бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 15. Печ. л. 30+2 вкл.
Уч.-издат. 30,1. Тираж 5000

Цена в переплете 28 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10